Тр. Древн. Моск.
Археолог. Об-ва
Том 2й

ДРЕВНОСТИ

ТРУДЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

съ 2 таблицами и 77 рисунками въ текстѣ.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1914.

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель Графиня Уварова.

Оглавленіе XXIV т. Древностей.

Двѣ старѣйшихъ русскихъ грамоты, изъ дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ.

Члены XV-го археологическаго съѣзда въ Новгородѣ, при посѣщеніи историческихъ окрестностей города, обратили особенное вниманіе на двѣ древнѣйшихъ русскихъ грамоты (изъ дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ), хранящіяся въ Юрьевомъ и Хутынскомъ монастыряхъ. Это — жалованная грамота великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю, 1130-го года и вкладная грамота преподобнаго Варлаама Хутынскому монастырю, около 1192-го года.

Текстъ обѣихъ грамотъ хорошо извѣстенъ. Онъ былъ помѣщенъ въ цѣломъ рядѣ изданій, но, къ сожалѣнію, весьма часто съ большими погрѣшностями. Укажу, напримѣръ, на послѣднее, шестое, изданіе Христоматіи по исторіи русскаго права М. Ф. Владимірскаго-Буданова (1908 г.). Въ Мстиславовой грамотѣ (стр. 113) напечатано: **оу него то отнимаеть** вмѣсто **оу него то ѡтимаютъ, донелѣ же са миръ сь стоить** вмѣсто **донюлѣ же са миръ състоить, къ монастыри** вмѣсто **манастыри, дължны** вмѣсто **дължьни, мълити** вмѣсто **молити, а азъ далъ** вмѣсто **а газъ далъ, а се азъ** вмѣсто **а се га, даже кто запрьтить** вмѣсто даже кто **запъртить**. Въ Хутынской грамотѣ (стр. 115): **рьль противоу** вмѣсто **рьль протнву, на Волховьци** вмѣсто **на Волхевьцн, се дроугое** вмѣсто **се дрꙋгое, на Сковудици** вмѣсто **на Слоудицн, аже кто** вмѣсто **аще кто, наковенъ** вмѣсто **накаженъ, и боудоущіи** вмѣсто **и къ боудоущіни**. Въ Христоматіи по русской исторіи для изученія древне-русской жизни, письменности и литературы Н. Я. Аристова, 1870 г. (Одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр.), въ Мстиславовой грамотѣ (стр. 990) напечатано: **Володимерь** вмѣсто **Володимирь, Бунцѣ** вмѣсто **Бунцѣ, миръ сътоить** вмѣсто **миръ състоить, и къ сьмьрти** вмѣсто **и къ съмьрти, полътретьадесате** вмѣсто **полътретигадесате**. Въ Хутынской грамотѣ (стр. 997): **Варлааме** вмѣсто **Варламе, гоголинаа** вмѣсто **гоголнная, Коимина** вмѣсто **Волмина, колосъ** вмѣсто **Вълосъ, на Сковудици** вмѣсто **на Слоудицн, ловища** вмѣсто **ловища, пожнь** вмѣсто **пожень, сь вѣкъ боудоущин** вмѣсто **сь вѣкъ и къ боудоущин**.

Были изданы и снимки съ обѣихъ грамотъ, а именно въ 1866-мъ году покойнымъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ (Древніе памятники русскаго письма и языка. Снимки, С.-Пб. 1865, переизданы въ 1898-мъ году).

Но это старое изданіе заключаетъ снимки, сдѣланные отъ руки, путемъ скопировки съ оригинала, почему вполнѣ понятна нѣкоторая неточность въ передачѣ

очертаній буквъ и самаго характера сохранности грамотъ. Такъ, надъ пятой строкой Юрьевской грамоты приведена въ снимкѣ приписка **и кено коское**, приписка, которую нынѣ нельзя совершенно различить на грамотѣ и которую самъ Измаилъ Ивановичъ различалъ, какъ онъ говоритъ, лишь подъ увеличительнымъ стекломъ, въ ясный день. На восьмой строкѣ въ словѣ **ѿтимаютъ** изображенъ **ь**, смахивающій на **ъ**. Такъ, слово **Слоудици** на шестой строкѣ Хутынской грамоты снимокъ передаетъ какъ **Скоудици**, принимая расплывчато написанную букву **л** за букву **к**.

Приведенныя обстоятельства побудили меня издать обѣ грамоты фототипическимъ способомъ въ величину подлинниковъ, какъ то настоятельно рекомендовалъ на съѣздѣ акад. Алексѣй Ивановичъ Соболевскій.

Воспользовавшись указаніями профессора Романа Федоровича Брандта и профессора Александра Никитича Филиппова, я, помимо описанія современнаго состоянія издаваемыхъ памятниковъ, привожу и толкованіе нѣкоторыхъ нуждающихся въ поясненіи мѣстъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что описаніе и истолкованіе Мстиславовой грамоты было сдѣлано еще въ началѣ XIX-го вѣка, въ «Вѣстникѣ Европы» за 1818-ый годъ (№ 15 и 16) и впослѣдствіи въ обстоятельномъ изслѣдованіи Измаила Ивановича Срезневскаго — *Грамота Великаго Князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскаго Юрьеву монастырю* (С.-Пб. 1860). Но подобнаго описанія и истолкованія Хутынской грамоты не имѣется; а между тѣмъ обѣ эти грамоты представляются весьма интересными во многихъ отношеніяхъ, если принять во вниманіе, что Мстиславова и Хутынская грамоты — два старѣйшихъ документа древнерусской жизни, дошедшіе до насъ въ подлинникахъ. Написанныя живымъ русскимъ языкомъ того времени, онѣ являются достовѣрнымъ памятникомъ русскаго языка XII-го вѣка, а какъ документы, говорящіе объ извѣстныхъ юридическихъ положеніяхъ, онѣ представляютъ цѣнность и для историка права.

Описаніе Мстиславовой грамоты.

Мстисловова грамота хранится въ ризницѣ Юрьева монастыря (на Волховѣ, близъ Новгорода), въ рамкѣ подъ стекломъ. Она написана золотомъ, разведеннымъ на клею, на листѣ пергамена 8,6 дюйма длины и 6-ти дюймовъ ширины, уставнымъ почеркомъ. Для написанія пергаменъ былъ разграфленъ остріемъ по линіямъ строкъ и продольно по краямъ для обозначенія начала и конца строки. Письмо за предѣлы этихъ продольныхъ линій не выходитъ, за исключеніемъ конца 15-й и начала 16-й строки (слово *далъ*, очевидно, было пропущено писцомъ и затѣмъ приписано къ строкамъ за продольными линіями справа и слѣва). Четыре послѣднія буквы на 3-й строкѣ и буквы съ 12-й по 19-ю на предпослѣдней строкѣ и семь послѣднихъ буквъ на послѣдней строкѣ такъ стерты, что прочитать ихъ нѣтъ возможности. Прочелъ, какъ говоритъ авторъ примѣчаній на грамоты, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» № 15 и 16, 1818-го года, эти буквы А. И. Ермоловъ (**боуи, юмоукъ ѣъ, геѡргии**). Онъ же разобралъ приписку, сдѣланную между 4-й и

5-й строками, надъ словами даже которын. Эта приписка: и кенокоїское, по словамъ И. И. Срезневскаго (Грамота великаго князя Мстислава и сына его Всеволода; С.-Пб. 1860, 6), на первый взглядъ кажется продолговатымъ пятнышкомъ и даетъ себя знать только изъ-подъ увеличительнаго стекла при ясномъ свѣтѣ. Приписка сдѣлана другимъ черниломъ. Стерто также имя игумена въ концѣ 8-й и началѣ 9-й строки и лишь по уцѣлѣвшимъ остаткамъ буквъ можно догодаться, что это имя исаию. И. И. Срезневскій склоненъ былъ видѣть здѣсь, какъ и въ словѣ кунцѣ, печальный слѣдъ работы изслѣдователей грамоты. Что касается предпослѣдней и послѣдней строки, то письмо пострадало отъ того, что низъ грамоты, гдѣ была прикрѣплена печать, былъ смятъ и запачканъ.

Между этими строками имѣется дыра отъ шнура печати, который не сохранился. Сама печать сохранилась. Она состоитъ изъ двухъ серебряныхъ, позолоченныхъ листковъ, между которыми, когда они были скрѣплены между собою, держался шнуръ. На одной сторонѣ печати изображенъ возсѣдающій Спаситель, на другой, вѣроятно, — архангелъ Михаилъ, поражающій змія. Судя по слѣдамъ сгибовъ, грамота хранилась раньше сложенной вдоль и поперекъ.

Изданія грамоты.

Примѣчанія на граммату Великаго Князя Мстислава Володиміровича и сына его Всеволода Мстиславича, удѣльнаго Князя Новгородскаго, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю. «Вѣстникъ Европы» 1818 г., № 15 и 16.

Та жа статья въ Трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ М. 1826, ч. III, кн. I, 3—64.

Историческая христоматія церковно-славянскаго и русскаго языка, А. Галаховъ, М. 1848, 39.

Грамота Великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. И. И. Срезневскаго. С.-Пб. 1860 (Изъ I выпуска IX тома Извѣстій II-го отдѣленія Академіи Наукъ).

Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ архимандрита Макарія, въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, М. 1861, кн. 2, от. III, 8, 9.

Дополненія къ общему повременному обозрѣнію древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка. И. И. Срезневскаго, въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Т. X. С.-Пб. 1861—1863, ст. 498 (со снимкомъ).

Древніе памятники письма и языка (X—XIV вѣковъ), С.-Пб. 1863. Приложеніе снимки съ памятниковъ. С.-Пб. 1866, 28, изданіе второе, С.-Пб. 1898, 17.

Христоматія по русской исторіи, Н. Аристова, Варшава, 1870, 990.

Христоматія по исторіи русскаго права, М. Владимірскаго-Буданова, С.-Пб., Кіевъ, 1908, 112—113.

Текстъ Мстиславовой грамоты.

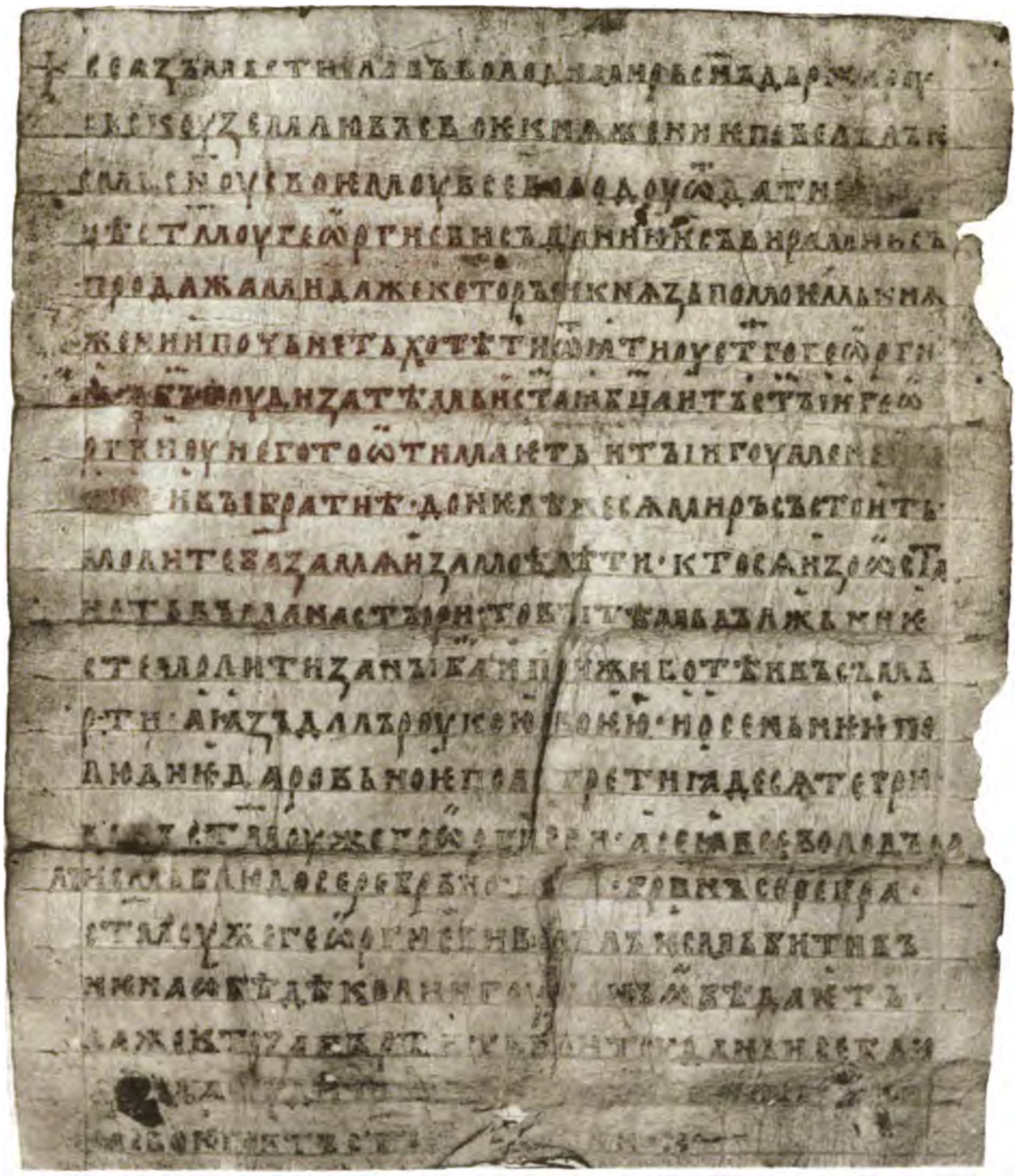
✠ сеазъмьстиславъволодимирьсн҃ъдьржароу
сьскоуземлювъсвоѥкнаженниѥповелѣлъѥ
смьсн҃оусвоѥмоувсеволодоуѿдати*боуи*
цѣст҃моугеѡргиевисъданиюисъвирамиисъ
✠ ивеновоⷮское 2)
продажамидажекоторыикнязьпомоѥмькна
жениипочьнетьхотѣтиѿꙗтиоуст҃гогеѡрги
ꙗ·аб҃ъбоудизатѣмьист҃аꙗбц҃аитъст҃ыигеѡ
ргииоунеготоѿтимаѥть·итыигоумене*иса*
иѥивыбратиѣ·донелѣжесѧмиръсъстоить·
молитеб҃азамѧизамоѣдѣти·ктосѧизоѡста
нетьвъманастыри·товытѣмьдължьниѥ
стемолитизаныб҃аиприживотѣивъсъмь
рти·азъдалъроукоюсвоѥю·иосеньниѥпо
людиѥдаровьноѥполътретиꙗдесѧтегри
вьнъст҃.оужегеѡргиеви·асеꙗвсеволодъда
лъѥсмьблюдосеребрьно·въ·л҃·гривнъсеребра·
ст҃моужегеѡргиевивелѣлъѥсмьбитивъ
ниѥнаѡбѣдѣколиигоуменъѡбѣдаѥть·
дажектозапъртитьилитоуданьнсеблю
до·дасоудитыѥ*моубъвъдн҃ьпришьстви*
ꙗсвоѥгоитъст҃ыи*георгии*

Примѣчанія: 1) Написанныя курсивомъ буквы стерты. 2) Такъ прочелъ это мѣсто грамоты А. И. Ермолаевъ.

Транскрипція текста.

Се азъ Мьстиславъ Володимирь с(ы)нъ, дьржа Русьску землю въ свое княжение, повелѣлъ есмь с(ы)ну своему Всеволоду отдати Буицѣ с(вя)т(о)му Георгиеви, съ данию, и съ вирами, и съ продажами, и вено Вотское. Даже который князь по моемь княжении почьнеть хотѣти от(ъ)яти у с(вя)т(о)го Георгия, а Б(ог)ъ буди за тѣмь и с(вя)тая Б(огороди)ца, и тъ с(вя)тый Георгии у него то отимаеть. И ты, игумене Исаие, и вы, братиѣ, донелѣже ся миръ състоить, молите Б(ог)а за мя и за моѣ дѣти, кто ся изоостанеть въ манастыри; то вы тѣмь дължьни есте молити за ны Б(ог)а и при животѣ, и въ съмь-

Жалованная грамота великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю 1130 года.

рти. А язъ далъ рукою своею и осеньнее по-
людие даровьное полъ третия десяте гри-
вьнъ с(вя)т(о)му же Георгиеви. А се я Всеволодъ да-
лъ есмь блюдо серебрьно въ 30 гр(и)в(е)нъ серебра
с(вя)т(о)му же Георгиеви; велѣлъ есмь бити въ
не на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаеть.
Даже кто зпъртить или ту дань, и се блю-
до, да судить ему Б(ог)ъ въ д(е)нь пришьстви-
я своего и тъ с(вя)тыи Георгии.

Примѣчаніе: Буквы въ скобкахъ означаютъ буквы, выведенныя изъ-подъ титла.

Толкованіе.

Въ началѣ грамоты поставленъ крестъ, — обычное начертаніе при завѣщаніяхъ и вкладныхъ грамотахъ. Оно какъ бы знаменовало призывъ имени Бога во свидѣтельство.

«Грамотою въ древности называется всякій письменный (отъ греческаго слова *γράμματα* — письмена) актъ воли князя или вѣча, дававшихъ отдѣльнымъ лицамъ или мѣстностямъ какія-либо права публичнаго или частнаго характера. Позднѣе слово *грамота* стала усвояться не только актомъ *законодательнаго*, но и *судебнаго* характера, а равно и гражданскимъ актомъ, совершавшимся *частными* лицами между собою (каковы, напримѣръ, грамоты купчія, мѣновыя, раздѣльныя и т. д.)». Учебникъ исторіи русскаго права А. Н. Филиппова, ч. I, изд. 4. Юрьевъ, 1912, 244.

Се азъ Мьстиславъ Володимирь сынъ — обычное въ грамотахъ вступленіе, въ которомъ указывается кто даетъ грамоту, при чемъ совершитель акта вводится говорящимъ въ первомъ лицѣ: *се азъ такой-то.* Мстиславъ Владиміровичъ, сынъ Владиміра Мономаха и Гиды, дочери англійскаго короля Георга, пришелъ на столъ новгородскій въ 1095-мъ году; въ 1117-мъ году получилъ Бѣлгородъ, оставивъ въ Новгородѣ сына Всеволода; въ 1125-мъ году сѣлъ въ Кіевѣ; скончался въ 1132-мъ году.

Мѣстоименіе личное назыв. пад. 1-го лица здѣсь поставлено въ староцерковной формѣ **азъ**; но ниже употреблена та же форма съ іотаціей — **ꙗзъ** (13-я строка) и новославянская форма **ꙗ**.

Володимирь — притяжательное отъ Володимиръ.

Сн҃ъ — сынъ по обычаю написано съ пропускомъ **ы** подъ надстрочнымъ знакомъ — *титла* (греч. *τίτλος*) въ видѣ растянутой дуги надъ буквою **н**.

Дьржа папричастокъ настоящаго времени. По церк. сл. было бы **дьржѧ**; въ русскомъ языкѣ послѣ *ж, ч, ш, щ,* носовое **ѧ** замѣнено гласною **а**.

Роусьскоу — грамота Мстислава для обозначенія звука **у** употребляетъ исключительно двубуквенное начертаніе **оу**. Это слово по церк. сл. было бы написано **роусьскѫ**.

Землю, по церк. сл. было бы **землѭ,** черезъ **ѭ** на концѣ; въ русскомъ письмѣ **ѭ** замѣнили буквой **ю**.

Своѥ написано черезъ іотованное ѥ; дальше на четвертой строкѣ, мы встрѣчаемъ слово Геѡргієви, написанное черезъ простое є. Однако **Геѡргиєви** слово пришлое и надо думать, что Лавровскій напрасно заключалъ, что произношеніе не различало ѥ и є или различало весьма неопредѣленно. «Тѣмъ не менѣе въ правописаніи, говоритъ онъ, эти начертанія различались несомнѣнно». Существовало какъ бы правило ѥ ставить постоянно въ началѣ слова, а въ серединѣ и концѣ послѣ гласныхъ. Это правило выдерживается въ грамотѣ: ѥ въ грамотѣ поставлено правильно 20 разъ. (Лавровскій, Обученіе чтенію и письму. Ист. Хрестом., Пособіе при изученіи русской словесности. Выпускъ X. Составилъ В. Покровскій. М. 1894, стран. 109).

Въ словѣ **княжениѥ** и ниже въ словѣ **кназь** (5-я строка) послѣ **к** нѣтъ **ъ**, доказательство, что глухіе гласники **ъ** и **ь** исчезли въ произношеніи. Въ этомъ случаѣ придерживаюсь мнѣнія проф. Брандта, что если даже не боялись такой группы какъ **кн**, то слѣдуетъ думать, что въ остальныхъ положеніяхъ эти звуки несомнѣнно онѣмѣли. На письмѣ же въ старину на Руси могли употреблять **ъ** и **ь** на своихъ мѣстахъ, хотя бы ихъ уже не существовало въ живой рѣчи. (Лекціи по исторіи русскаго языка, читанныя профессоромъ Р. Ф. Брандтомъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. Его же печатныя *лекціи* по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I. М. 1892, 48—49).

Княжениѥ написано черезъ *юсъ малый*. Эта буква сохранялась для обозначенія, какъ и *іотованный азъ*, звука *я*, при чемъ **ѧ** писался только въ серединѣ и концѣ словъ послѣ согласныхъ, а **ꙗ** въ началѣ словъ, въ серединѣ и концѣ послѣ гласныхъ.

Дьржа роусьскоу землю въ своѥ княжениѥ, т.-е. когда Мстиславъ Владиміровичъ занималъ кіевскій великокняжескій столъ, а сѣлъ онъ въ Кіевѣ, какъ указано выше, въ 1125-мъ году. Стало быть грамота не могла быть написана ранѣе 1125-го года.

Повелѣлъ ѥсмь—перфектъ, прошедшее сложное изъ элеваго причастія спрягаемаго глагола и настоящаго помогальнаго глагола **быти.**

Буицѣ (вин. падежъ множеницы). Послѣдующіе документы называютъ Буицы селомъ обители, земли которой стали собственностью великаго князя послѣ похода Іоанна III въ 1478-мъ году. Озеро Буицы лежитъ на границѣ Тверской, Новгородской и Псковской губерній.

Геѡргиеви. Древніе памятники, кромѣ формъ одиннаго давальника на **у**, имѣютъ отъ основъ на **о**, особенно отъ именъ лицъ, также формы на **ови, еви.**

Геѡргиеви написано черезъ *омегу*. Омега, по примѣру болгарскаго правописанія, писалась въ началѣ словъ и иногда въ именахъ собственныхъ. Надъ буквою **ѡ** поставленъ надстрочный значокъ въ видѣ двухъ наклонныхъ вправо черточекъ. Въ этомъ случаѣ орѳографія греческая.

Каменная церковь св. Георгія была заложена при игуменѣ Киріакѣ въ 1119-мъ году. «Заложи Кюрьякъ игуменъ и князь Всеволодъ церковь камену, монастырь св. Георгія, Новѣгородѣ». 1-я Новгородская лѣтопись подъ 6627-мъ г. Освящена церковь въ 1130-мъ году.

Повелѣлъ юсмь сноу своюму Всеволоду отдати Буицѣ стмоу Геѡргиеви. Земля отдавалась монастырю новгородскимъ княземъ Всеволодомъ по повелѣнію его отца, великаго князя кіевскаго. «По каковому праву кіевскій князь распоряжается въ землѣ новгородской? По праву ли великаго князя всей Руси, или по праву отеческой власти надъ новгородскимъ княземъ?» ставитъ вопросъ профессоръ Владимірскій-Будановъ и отвѣчаетъ: «Конечно, ни то, ни другое. Князь новгородскій, обыкновенно старшій сынъ кіевскаго, былъ не болѣе, какъ намѣстникомъ этого послѣдняго» (Христоматія по исторіи русскаго права. С.-Пб. Кіевъ, 1908, 112).

Съ данию, и съ вирами, и съ продажами. Дань — подать; въ эпоху нашей грамоты — дань налагалась на цѣлыя общины, которыя уже сами собирали и доставляли ее (И. Д. Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства). **Вира** — пеня за убійство, уголовный штрафъ, шедшій въ пользу князя. Обыкновенно думаютъ, что самое слово **вира** — терминъ германскій, который былъ занесенъ къ намъ князьями-варягами. Германское *werigelt, weregelt, were* — означаетъ цѣну убитаго. **Продажа** — штрафъ въ пользу князя за нарушеніе вещнаго права и за личныя оскорбленія. «Жалуется ли чрезъ это уголовный судъ частному владѣльцу или только доходы съ него, говоритъ Владимірскій-Будановъ, нельзя сказать утвердительно. Въ Новгородѣ даже въ судѣ надъ холопами господину принадлежало только право участія. О правѣ суда надъ крестьянами нѣтъ извѣстій» (Христ., 112). Разбирая статью Игорева договора съ греками, въ которой сказано: **столько же и продан будеть**, А. А. Суховъ говоритъ: «Слово **продан** относится, какъ видно, къ имуществу правонарушителя, а та сумма, которая выручалась отъ продажи этого имущества и шла потерпѣвшему отъ преступленія, вѣроятно, и носила названіе *продажи*... Впослѣдствіи уже, вѣроятно, словомъ продажа стали обозначаться вообще денежныя пени, платимыя за личныя и вещныя правонарушенія обиженной стороны, а по призваніи князей — имъ, что мы ясно видимъ изъ Русской Правды... Какъ, спрашивается, обиженная сторона могла получать извѣстнаго рода удовлетвореніе, когда у отвѣтчика, принадлежащаго къ обществу, находившемуся въ пастушескомъ быту, не было скота, а было какое-либо другое имущество? Въ этомъ случаѣ, если обиженная сторона не удовлетворялась наличнымъ имуществомъ правонарушителя, ей для осуществленія права необходимо было перевести стоимость наличнаго имущества послѣдняго на употребительную мѣру цѣнности, а такъ какъ перевести можно было только посредствомъ мѣны или **продажи**, то вырученная сумма цѣнности, которую получалъ въ такомъ случаѣ потерпѣвшій отъ преступленія, чрезъ мѣну или продажу имущества правонарушителя и называлась **продажей»** (А. А. Суховъ, Обычнонародныя и княжескія наказанія по древнерусскому уголовному праву. Юридическій Вѣстникъ, 1873, октябрь-ноябрь, 56).

И вено вотское, какъ прочелъ это мѣсто грамоты А. И. Ермолаевъ, т.-е. владѣніе въ землѣ Вотской (Вотская пятина). «Слово **вено**, замѣчаетъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, читается довольно легко, но слово **вотское** можно читать и

иначе: буква є похожа въ немъ и на остатокъ буквы ҷ или ц; черту же, стоящую надъ буквой о, никакъ нельзя принять несомнѣнно и исключительно за т, а такъ же легко и за остатокъ слога ло, и такимъ образомъ вмѣсто котскоє можно читать колочкоє или колоцкоє» (Грамота великаго князя Мстислава и сына его Всеволода новгородскаго Юрьеву монастырю. С.-Пб. 1860, 15). Волоцкія владѣнія Юрьева монастыря могли быть въ Обонежской пятинѣ, у Волоха.

Принимая вѣно за приданое, И. И. Срезневскій допускаетъ, что жалуемое монастырю имѣніе могло быть приданымъ одной изъ двухъ женъ Мстислава. «Все это, замѣчаетъ Владимірскій-Будановъ, едва ли такъ: вѣномъ технически называлось не приданое, а плата за невѣсту; притомъ въ грамотѣ положеніе надписанныхъ словъ заставляетъ видѣть названіе не какого-либо другого недвижимаго имѣнія, кромѣ Буицъ, а другого дохода, кромѣ виръ и продажъ; быть можетъ, слѣдуетъ читать «вѣновское» и видѣть въ этомъ выводную куницу Московскихъ памятниковъ» (Христ., 112, 113).

Дажє, т.-е., если.

Княжений — конечное *и* подъ настрочнымъ знакомъ въ видѣ запятой.

Дажє .... почьнєть хотѣти отꙗти — будущее сложное, т.-е. если бы сталъ желать отнять. Сравнительно рѣдкій видъ помогальнаго глагола въ описательномъ будущемъ. **Почьнєть** — въ грамотахъ до конца XIV-го вѣка вовсе нѣтъ **тъ** въ исходѣ. (Лекціи по исторіи русскаго языка А. И. Соболевскаго, изд. 3-е, М. 1903, 157).

Ѿꙗти — вмѣсто ц.-сл. написанія **Ѿѧти.** Писецъ грамоты держался твердо русскаго правописанія. По этимологіи слѣдовало бы **ѧ.**

Бг҃ коуди за тѣмь, т.-е. да будетъ Богъ противу того. Буди 3-е л. велительнаго наклоненія древнерусскаго спряженія глагола **бытн. За тѣмь** — твор. пад. на **ь,** правильное древнерусское окончаніе.

Тъ ст҃ый Гєѡргий, т.-е. этотъ св. Георгій. Можетъ-быть здѣсь сбивается на членъ. «Вѣроятно, не многимъ извѣстно, думаетъ А. И. Соболевскій (въ Лекціяхъ по исторіи русскаго языка), что въ русскомъ языкѣ былъ и даже есть членъ. Это — указательное мѣстоименіе **тъ,** которое въ качествѣ члена употребляется также въ новоболгарскомъ языкѣ. Членъ **тъ** прежде ставился иногда передъ тѣмъ словомъ, къ которому онъ относился, иногда послѣ этого слова» (224) Надъ **и** въ словахъ **ст҃ый, Гєѡргий** поставлена черточка.

Ѿтнимаєть. Лавровскій обращаетъ вниманіе, что въ грамотѣ Мстислава ѡ находится постоянно въ началѣ слова. Здѣсь уже появляется правило писать **о** въ серединѣ и концѣ слова, а **ѡ** (**омєгу**) — въ началѣ слова. (Иногда въ именахъ собственныхъ).

И ты игоумєнє Исайє и вы братиѣ. Надъ начальными и поставленъ надстрочный знакъ. Послѣ слова **братиѣ** поставлена точка, которая писалась обычно не на строкѣ, а выше ея.

Игумєнє Исайє, братиѣ (ѣ = е). А. И. Соболевскій видитъ здѣсь употребленіе ѣ вмѣсто е и, значитъ, видитъ форму зовнаго падежа, но можетъ-быть **ѣ** на болгарскій ладъ употреблено въ смыслѣ **ѧ** и это по формѣ назывный падежъ у этой множиницы, издавна появляющійся вмѣсто зовнаго.

Ты игумене Исаіе и вы братіе···· молите. А. И. Соболевскій говоритъ, что мѣстоименія 1-го и 2-го л. нерѣдко употреблялись тогда, когда при нихъ находилось приложеніе (237). Исая занималъ мѣсто игумена послѣ Киріака, съ 1128-го года. Значитъ, грамота не могла быть написана раньше этого года.

За моѣ дѣти (вин. множ.) — вмѣсто **ѣ** можно ожидать древній носовой **ѧ**. **ѣ** по-древнерусски вм. **ѧ**.

донелѣ же = пока.

донелѣ же са миръ състойть, — т.-е. пока миръ держится. Въ древнерусскомъ языкѣ постановка мѣстоименной формы **са** (вин. п.) передъ глаголомъ была столь же обычна, какъ и послѣ глагола.

Замѣтимъ, что въ договорѣ Игоря съ Греками 945-го года русскіе послы говорятъ, что они посланы «**створити любовь на вся лѣта..., дондеже слнце сиаеть и весь миръ стоить**».

За мя. При предлогѣ употреблена древняя форма винильнаго падежа, обыкновенно употребляемая какъ слабая.

За моѣ дѣти, моѣ — русское окончаніе вмѣсто ц.-сл. **ıа** (дѣти по древнему женскаго рода).

Манастырь-*Μοναστήριον*. Здѣсь не аканье, такъ какъ **а** вм. **о** является и въ рукописяхъ болгарскихъ и сербскихъ.

То вы тѣмь — такъ поэтому. **То вы тѣмь должьни есте молити.** Мѣстоименіе **вы** стоитъ здѣсь какъ бы безъ всякой надобности.

За ны. Древняя правильная форма винильнаго падежа.

Я іазъ. Начальныя гласныя подъ надстрочнымъ значкомъ.

Рукою своею — надъ буквами окончаній поставлены надстрочные значки. Надстрочные значки увидимъ и дальше.

Я іазъ далъ рукою своею — т.-е. самъ отъ себя, слово рука употреблено въ значеніи символа власти (Срезневскій, 25). Ходити **подъ руку** значило быть подъ властію.

Mabillon de re diplomatica, libr. II, cap. XX, I, 3,14: «Тѣ, говорилъ онъ, которые не подписывали грамоты своею рукою и крестовъ собственноручно не приписывали, въ подтвержденіе писцовой подписи дотрогивались до грамоты рукою» Отсюда и у насъ выраженіе «руку приложить».

Опущено **есмь,** нужно было ожидать **іазъ далъ есмь.**

«Въ 1-мъ и въ 2-мъ лицѣ помогательный глаголъ держится долго, встрѣчается еще въ XVII-мъ вѣкѣ. Опущеніе помогальнаго глагола шло рука объ руку съ усиленнымъ употребленіемъ личныхъ мѣстоименій при перфектѣ.

Осеньнее полюдие даровьное. По мнѣнію И. Д. Бѣляева это остатокъ древнѣйшихъ княжескихъ объѣздовъ для сбора дани, производства суда и управленія. Въ XII-мъ вѣкѣ объѣзды сопровождались лишь поклонами людей князю (подарками); подарки, впрочемъ, въ свою очередь, обратились въ нормальный окладъ. Вотъ этотъ окладъ великій князь Мстиславъ жаловалъ Юрьеву монастырю добавочно.

Полъ третигѣ десяте гривьнъ—половина третьяго десятка гривенъ: или 25 гривенъ. Т.-е. 25 гривенъ изъ осенняго даровнаго полюдья.

Я се ѥ Всеволодъ далъ ѥсмь. Такимъ образомъ въ пожалованіи грамоты участвуютъ оба князя, отецъ и сынъ, т.-е. грамота дана отъ имени обоихъ. А оба князя были вмѣстѣ только въ 1130-мъ году, когда Всеволодъ «ходи Кыевѹ къ отьцю». Отсюда дата грамоты — 1130-й годъ, отсюда же заключаютъ о написаніи этой грамоты въ Кіевѣ.

Блюдо серебрьно · въ Л· гривнъ серебра. Считая гривну серебра (до 1135-го года) въ 50 золотниковъ (В. К. Трутовскій. Что такое ногата. М. 1911. 2, 14), получимъ вѣсъ блюда въ 15 ф. 30 з. серебра. Такимъ образомъ, по современной намъ стоимости металла, блюдо стоило бы около 350 рублей. Однако такая оцѣнка стоимости блюда неправильна, такъ какъ рыночная цѣна металла была далеко не та, что теперь. Недавно вышелъ трудъ профессора Митрофана Викторовича Довнаръ-Запольскаго — «Исторія русскаго народнаго хозяйства». Въ этомъ трудѣ авторъ останавливается, между прочимъ, на предложенномъ мною разсчетѣ стоимости гривны въ соотвѣтствіи съ цѣной хлѣба по проекту договора Новгорода съ Любекомъ 1299-го года. Чтобы получить конкретное представленіе о томъ, чѣмъ была гривна серебра въ ея рыночной стоимости, я беру соотношеніе ея съ современной намъ стоимостью такого продукта, который, составляя насущную потребность населенія, какъ тогда, такъ и теперь, потреблялся приблизительно въ томъ же размѣрѣ. Такимъ продуктомъ, по моему мнѣнію, является хлѣбъ. Источники съ несомнѣнностью устанавливаютъ, что хлѣбъ въ разсматриваемую эпоху являлся въ общемъ, какъ и теперь, основнымъ продуктомъ въ пищевомъ обиходѣ. Недородъ хлѣба, либо прекращеніе его подвоза туда, гдѣ своего хлѣба не хватало, какъ напримѣръ въ Новгородѣ, вызывали голодовку и, понятно, болѣе ужасную, чѣмъ въ наши дни. По этимъ соображеніямъ я сравниваю тогдашнюю стоимость хлѣба на куны (части гривны) съ современною намъ стоимостью его на рубли. По проекту договора Новгорода съ Любекомъ 1269-го года, лоцмана, проводившіе нѣмецкія торговыя суда, получали съ лѣтнихъ гостей по четыре хлѣба и по сосуду масла или по двѣ куны за хлѣбъ и по три мордки за масло. Отсюда слѣдуетъ заключить, что обычная цѣна хлѣба въ Новгородѣ была полъ-куны. Вопросъ въ вѣсѣ хлѣба, — какого вѣса были хлѣбы. По источникамъ хлѣбы были большіе и малые. Такъ, въ 1170-мъ году большой хлѣбъ продавался по пять кунъ, а въ 1188-мъ году малый хлѣбъ — по двѣ куны (годы неурожайные), но въ тѣ же годы цѣна на малую кадь ржи или на четверикъ, вѣсъ котораго можно считать около сорока пяти фунтовъ, была: въ 1170-мъ году — шесть съ четвертью куны, въ 1188-мъ году — пять и шесть десятыхъ куны. Если принять въ соображеніе, что выпеченный хлѣбъ, по вѣсу, стоитъ приблизительно столько же, сколько и мука, а мука немногимъ разнится въ цѣнѣ отъ зерна, то, сопоставляя цѣну хлѣба съ цѣною зерна, получимъ, что вѣсъ большого хлѣба — x будетъ относиться къ 45-ти фунтамъ зерна такъ же, какъ стоимость хлѣба — пять кунъ къ стоимости четверика зерна, т.-е. къ шести съ четвертью куны. Откуда вѣсъ большого хлѣба равенъ 36-ти фун-

тамъ. Вѣсъ хлѣба малаго, по даннымъ 1188-го года, будетъ равенъ приблизительно 16-ти фунтамъ. Останавливаясь на этихъ цифровыхъ выводахъ, получимъ, что нѣмцы, по проекту договора 1269-го года, должны были платить полъ-куны, какъ нормальную цѣну за хлѣбъ вѣсомъ въ 16 ф. или 36 ф., смотря по тому, какой хлѣбъ имѣлъ въ виду договоръ, большой или малый. Принимая современную намъ стоимость фунта хлѣба въ двѣ съ половиною копейки, слѣдуетъ заключить, что въ первомъ случаѣ тогдашняя рыночная сила полъ-куны соотвѣтствовала бы, по цѣнѣ хлѣба, теперешнимъ сорока копейкамъ, а во второмъ — девяноста копѣйкамъ. Отсюда куна, на наши деньги, соотвѣтствовала восьмидесяти копейкамъ или одному рублю восьмидесяти копейкамъ. Профессоръ Довнаръ-Запольскій, соглашаясь съ моей схемой расчета, съ своей стороны, считаетъ несомнѣннымъ послѣднее, т.-е. принимаетъ болѣе высокую цѣну куны, такъ какъ, по его мнѣнію, памятники имѣютъ всегда въ виду большой хлѣбъ, а не малый. Принимая во вниманіе, что въ эпоху проекта договора, какъ полагаетъ Владиміръ Константиновичъ Трутовскій, гривна серебра заключала въ себѣ девятьсотъ кунъ, получимъ, что серебряная гривна того времени была равнозначаща, по современнымъ рыночнымъ цѣнамъ на хлѣбъ, тысячи шестисотъ двадцати рублямъ. Таковъ разсчетъ серебряной гривны половины XIII-го вѣка. Мстиславова грамота относится къ тридцатымъ годамъ XII-го вѣка, и соотношеніе въ эпоху грамоты могло быть нѣсколько инымъ. Тѣмъ не менѣе стоимость блюда въ тридцать гривенъ серебра все же была огромная, отъ двадцати до пятидесяти тысячъ рублей на наши деньги. Такимъ образомъ даръ князя Всеволода представлялъ изъ себя значительную цѣнность, и мнѣніе Измаила Ивановича Срезневскаго объ относительной незначительности вклада Всеволода по сравненію съ вкладомъ его отца Мстислава, что указываетъ, де, на относительную незначительность правъ и средствъ Всеволода, можетъ быть принято лишь съ нѣкоторою оговоркою (Срезневскій, 15). Блюдо это не сохранилось.

Велѣлъ юсмь бити въ не на ѡбѣдѣ коли игуменъ ѡбѣдаѥть. По поводу этого мѣста грамоты изслѣдователи (митрополитъ Евгеній, архимандритъ Макарій и другіе) замѣчаютъ, что въ общежительныхъ монастыряхъ, при общей трапезѣ настоятеля съ братіею, при перемѣнѣ кушанья, настоятель стучитъ въ находящееся передъ нимъ блюдо или чашу, либо звонитъ колокольчикомъ.

Запъртити — запропастить.

Или тоу дань и се блюдо. «Вмѣсто **и**, полагаетъ И. И. Срезневскій, должно читать **или**, потому что подобное сочетаніе **или** съ **и** неестественно ни въ новомъ, ни въ древнемъ русскомъ языкѣ».

И такъ передъ нами жалованная грамота. Великій Князь Мстиславъ жалуетъ монастырю земли и доходныя статьи и монастырь становится собственникомъ этихъ земель.

«Пожалованье, говоритъ профессоръ Владимірскій-Будановъ, какъ источникъ собственности, является съ древнѣйшихъ временъ», и при этомъ ссылается на нашу грамоту, добавляя: «нѣтъ сомнѣнія, что раньше пожалованья свершались и безъ письменныхъ актовъ» (Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1886 г., В. II, 185).

Описаніе Хутынской грамоты.

Вкладная грамота преподобнаго Варлаама хранится въ ризницѣ Хутынскаго монастыря (монастырь на правомъ берегу Волхова, въ 10 верстахъ отъ Новгорода). Въ настоящее время грамота помѣщена въ рамкѣ подъ стекломъ, раньше же, судя по сгибамъ на пергаменѣ, хранилась, надо думать, въ очень небольшомъ ларцѣ, сложенной вдоль и поперекъ. Написана черниломъ на кускѣ пергамена $9^3/_4$ дюйма длины и 3-хъ дюймовъ ширины.

Слѣва отъ креста, изображеннаго въ началѣ грамоты, остались слѣды надписи. Авторъ замѣтки, помѣщенной въ Трудахъ Общества Исторіи древностей Россійскихъ 1826, К. I, 38 и 40, говоря объ этой надписи, неправильно указалъ, что она съ правой стороны креста. Онъ прочелъ ее: **Варлаамъ своею рукою.** По описанію же грамоты, помѣщенному въ Извѣстіяхъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности 1861—1863 г., т. X, 510, надпись читается такъ: **а се кръ(стъ?) м...ь... же п. его рукою.** Наконецъ на снимкѣ изданія Срезневскаго 1898-го года показаны по лѣвую сторону креста лишь отдѣльныя буквы и части ихъ въ четыре строки; въ первой — **а се кръ,** во второй — **м..ь,** въ третьей — **же ц.** и въ четвертой — **ею роукою.**

Грамота плохой сохранности. По строкамъ нѣкоторыя буквы стерты, въ большинствѣ на складкахъ: на первой строкѣ въ словѣ **землю** буква **з,** въ словѣ **огородъ** начальная буква **о** и послѣднія буквы строки — **ам;** на третьей строкѣ третья и четвертая буквы **зы** въ словѣ **островѣ** пятая буква **о** и послѣднія буквы строки **нь,** на четвертой строкѣ вторая и третья буквы **оу** и послѣднія буквы строки **ни,** въ концѣ пятой строки изъ слова **сынома** сохранилось **сын,** въ концѣ шестой вслѣдъ за слогомъ **за** послѣдующія стерты, съ трудомъ читаются въ концѣ седьмой строки **никы и по,** восьмой — **моу** и вторая половина девятой строки въ словѣ **диаволъмь** (неясно) **наоученъ и злыми члвкы нваженъ цьто хо.**

За исключеніемъ этихъ мѣстъ, грамота, написанная довольно крупнымъ уставомъ, читается удовлетворительно.

Изданія грамоты.

Исторія россійской іерархіи. М. 1815, ч. VI, 617 (архимандрита Амвросія).

Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя археографическою коммиссіею. Т. I, С.-Пб. 1846, № 5.

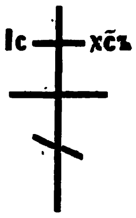
Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, архим. Макарія, въ Чтеніяхъ въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. М. 1861, кн. 2-я, отд. III, 14—15.

Дополненія къ общему повременному обозрѣнію древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка И. И. Срезневскаго, въ Извѣстіяхъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Т. X, С.-Пб. 1861—1863, 510.

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). С.-Пб. 1863, 36. Приложеніе: Снимки памятниковъ, И. Срезневскаго. С.-Пб. 1866 г.

Второе изданіе Древнихъ памятниковъ. С.-Пб. 1882, ст. 1192.
Второе изданіе снимковъ. С.-Пб. 1898.
Христоматія по русской исторіи Н. Я. Аристова, Варшава, 1870, 997.
Христоматія по исторіи русскаго права. М. Владимірскаго-Буданова, 1908, 115.

Текстъ Хутынской грамоты.

а се кр.
м. ъ
же
ею | роукою

Севъдалеварламест҃моусп҃соуземлюиогородъиловищарыбьнааигоголин*аа*
ипожни·а҃·рьльпротивоуселазаволховомъ·в҃·наволхевьциколе·г҃·корь·д҃·
лозы·е҃·волмина·ѕ҃·наостровѣисънивами·вхоужетоуземлюхоутинь
*скоую*въдалест҃моусп҃соуисъчелядиюисъскотиною.асебрат*ии*
·а҃·отрокъсъженою·в҃ вълосъ·г҃·дѣвъкафевронһасъдвѣмасын*ома*
·д҃·недачь·аконь·шестероикороваседроугоеселонаслоудицииза
бнеювъдалест҃моусп҃соуибожницавънемь·ст҃гогеоргия·инивыипо
жнииловищаежевънемьсежевседалъварламъмихалевъсн҃ъ·ст҃*моу*
сп҃соуащектодиаволъмь*наоученъ*изълыми*чл҃вкынаваженъцьто*хо
четъѿятиѿнивълиѿпожьньлиилиѿловищьабоудиемоупротивенъ
ст҃ыисп҃съ·ивъсьвѣкъивъбоудоущии

Примѣчаніе: Слово **сынома** настолько неясно, что И. И. Срезневскій читаетъ **сыновьци**. Написанныя курсивомъ буквы стерты или почти стерты.

Транскрипція текста.

Се въдале Варламе с(вя)т(о)му Сп(а)су землю и огородъ, и ловища рыбьная и гоголиная,
и пожни: 1) рьль противу села за Волховомъ, 2) на Волхевьци коле, 3) Корь, 4) Лозы, 5) Волмина, 6) на островѣ и съ нивами. Вху же ту землю Хутинь
скую въдале с(вя)т(о)му Сп(а)су, и съ челядию и съ скотиною. А се братии:
1) отрокъ съ женою, 2) Вълосъ, 3) дѣвъка Феврония съ двѣма сы*нома;*
4) Недачь; а конь шестеро и корова. Се другое село на Слудици за
бнею въдале с(вя)т(о)му Сп(а)су, и божниця въ немь с(вя)т(о)го Георгия, и нивы, и по-
жни, и ловищя и еже въ немь. Се же все далъ Варламъ Михалевъ с(ы)нъ с(вя)т(о)му Спасу. Аще кто, дияволъмь наученъ и злыми чл(о)в(ѣ)кы наваженъ, цьто хочеть от(ъ)яти от(ъ) нивъ ли, от(ъ) пожьнь ли, или от(ъ) ловищь, а буди ему противенъ
с(вя)тый Сп(а)съ и въ сь вѣкъ и въ будущии.

Примѣчаніе: Въ транскрипціи поставлены въ скобкахъ буквы, скрытыя въ подлинникѣ подъ титломъ.

Толкованіе.

Се въдале Варламе. И элевое причастіе и предметница имѣютъ окончаніе **е**. Это окончаніе — есть окончаніе зовнаго падежа, идущаго за назывный. «Легко,

кажется, допустить», говоритъ профессоръ Р. Ф. Брандтъ въ своихъ лекціяхъ по морфологіи, принимая объясненія А. И. Соболевскаго, «что въ то время когда зовный начали замѣнять назывникомъ, зовный могъ иногда въ свою очередь становиться на мѣсто назывника». Что касается элеваго причастія вѣдале, то для него было выставлено другое объясненіе: именно вѣдале равно вѣдалъ ѥ(сть).

ловища рыбьнаа и гоголинаа, *anas clanqula*, гоголь — гага. Волховъ славился гоголиными ловлями и монастырямъ часто передавали эти ловли по завѣщанію. Монастыри владѣли этими угодьями и вели промыселъ. (Аристовъ, 13.)

По правилу древнѣйшаго правописанія въ словахъ рыбьнаа и гоголинаа слѣдовало бы на концѣ, послѣ гласной, ожидать ꙗ, но писецъ Хутынской грамоты этого правила не держался. (аꙗ — древнерусское окончаніе винил. пад. мн. числа ср. рода).

Пожня — лугъ, покосъ.

Рьль — поемный лугъ. «Бысть вода суха вельми, рли вси сухи быша» (Новг. I, подъ 6911 г.). Это слово сохранилось въ новгородской рѣчи и доселѣ.

Противꙋ — двубуквенное начертаніе для звука у, заимствованное у грековъ, оникъ писался или въ видѣ оу или въ видѣ вязи ꙋ, гдѣ первая часть написанія о поставлена подъ икомъ. Въ Мстиславовой грамотѣ мы встрѣтили только первое начертаніе; здѣсь встрѣчаемъ и то и другое.

На Волховьци коле, т.-е. на рѣкѣ Волховцѣ былъ устроенъ колъ, ѧзъ или ѣзъ, приспособленіе для ловли рыбъ. Устраивалась на рѣкѣ перегородка изъ кольевъ или прутьевъ съ отверстіемъ для кошеля, куда шла рыба. Можетъ-быть вмѣсто коле слѣдуетъ читать колие или колье.

Въ древней Руси рыбная ловля являлась отдѣльною отраслью промышленности и рыбники составляли въ Новгородѣ, судя по житію Антонія, особый разрядъ промышленниковъ.

Корь — кора (И. И. Срезневскій, Матеріалы для словаря древнерусскаго языка). Можетъ-быть слѣдуетъ читать карь, и можетъ-быть это названіе мѣстности.

Лоза — лоза, ива, ивнякъ. (Ibid.). Можетъ-быть, какъ и карь, какое-нибудь названіе мѣстности.

Болмина. (Въ Новгородской губерніи есть р. Болмъ, впадающая во Мсту.)

Вхоу же — всю же, очень интересная форма, сохранившаяся отъ древности. Лит. *visas, visà*, въ переложеніи на слав. вьхъ, вьха.

Съ челядию. «Несвободные или рабы носили въ древности различныя наименованія. Такъ они обозначались словами холопъ (мужчина), роба (женщина), челядинъ (во множ. числѣ — челядь), обель, дьренъ (одьренъ)». (А. Н. Филипповъ. «Учебникъ исторіи русскаго права», ч. I, Юрьевъ, 1912, 214). Сближать этимологически съ чадомъ, какъ дѣлаетъ В. Сергѣевичъ, нельзя.

Отрокъ — слуга, рабъ, работникъ. (Срезневскій. Словарь.)

Вълосъ — можетъ-быть Вълесъ, должно-быть разновидность — Власъ. Вѣроятно имя распространенное въ старомъ Новгородѣ. Церковь во имя св. Власія, стоявшая на Волосовѣ улицѣ, существуетъ и теперь.

Вкладная грамота преподобнаго Варлаама Хутынскому монастырю
конца XII-го вѣка (послѣ 1192-го года.)

дѣма, форма твор. пад. двойств. числа. Пропущенъ ъ послѣ д (**дъвѣма**).

Сынома. Слово это И. И. Срезневскій читалъ какъ **сыновьц(и)**. Въ этомъ случаѣ дѣвка Февронія поступала во владѣніе монастыря не съ сыновьями своими, а съ племянниками.

Недачь — очевидно или мірское имя или прозвище.

На Слоудици. Есть село **Слудка** на правомъ берегу Волхова, близъ Хутынскаго монастыря.

А конь шестеро и корова. Такимъ образомъ монастырю вкладываются земли и угодья, а братіи предоставляется для обихода живой инвентарь.

Се дроугое село на Слоудици........и еже къ немь. Неволинъ останавливается на этомъ вкладѣ, какъ на доказательствѣ существованія недвижимыхъ имѣній у частныхъ лицъ. При чемъ онъ обращаетъ вниманіе на инвентарный перечень. «Обычай, заведенный издавна, порядокъ хозяйства, инвентарное описаніе, самое существо вещи опредѣляли, что должно было считаться принадлежащимъ къ главному имуществу, какъ придаточная его часть, и, слѣдовательно, при переходѣ его изъ однѣхъ рукъ въ другія, раздѣляетъ его судьбу. Почему на этотъ обычай, порядокъ, на это описаніе, существо вещи дѣлалась ссылка въ актѣ, чтобы означать принадлежность извѣстнаго имущества, какъ главнаго». (К. А. Неволинъ. Полное собраніе сочиненій. С.-Пб. 1857, т. IV, 10, 18).

Се же все далъ Варламъ Михалевъ снъ стому Спсоу. Преподобный Варлаамъ, въ мірѣ Олекса Михалевиць, давшій вкладную грамоту, былъ основателемъ Хутынскаго монастыря. «Въ то же лѣто», отмѣчаетъ І-ая Новгородская лѣтопись подъ 6700-мъ годомъ, «постави цьрковь въ низꙋ на Хꙋтинѣ Варламъ цьрнець. а мирьскымь именьмь Алекса Михалевиць въ имя святаго Спаса Преображенья. и святи ю архепископъ Гаврила на праздьникъ. и нарече манастырь».

Дата 6700, т.-е. 1192-ый годъ отъ Р. Хр. — опредѣляетъ время написанія грамоты. Надо полагать, что грамота была дана именно около 1192-го года.

Накаднти, накажꙋ — наущать.

Цьто. Грамота писалась Варламомъ въ Новгородѣ и здѣсь мы отмѣчаемъ одну изъ общихъ особенностей кривичскихъ говоровъ — мѣну звуковъ ц и ч.

И боуди емоу противенъ стый Спсъ (велит.), т.-е. да будетъ противъ него.

сь — указательное мѣстоименіе.

Заключеніе.

Обѣ грамоты, и Мстиславова, и Хутынская начинаются указаніемъ — кто даетъ грамоту и оканчиваются заклинаніемъ не нарушать воли дателя грамоты, и по содержанію не разнятся.

Обѣ написаны въ XII-мъ вѣкѣ, раннимъ русскимъ уставомъ (свободная постановка буквъ, относительная широта ихъ), но Мстиславова грамота относится къ первой половинѣ вѣка, Хутынская — къ концу его. Одна написана въ Кіевѣ, другая въ Новгородѣ. Одна исходила изъ великокняжеской канцеляріи, писана

черниломъ съ золотомъ, правильною уставною буквою, какою писались книги, и закрѣплена вислою серебряною печатью; другая писана въ монастырѣ, мѣстнымъ грамотѣемъ, не прилежнымъ, книжнымъ, а скорѣе житейскимъ почеркомъ, тѣмъ почеркомъ, какой существовалъ въ частной перепискѣ въ древнерусскомъ обиходѣ, притомъ безъ всякихъ претензій на красивую внѣшность. И въ то время, какъ кіевлянинъ, который писалъ Мстиславову грамоту, тщательно соблюдаетъ всѣ правила тогдашняго образцоваго письма: знаетъ надстрочные знаки; выдерживаетъ **ѧ** въ серединѣ и въ концѣ слова, послѣ согласныхъ, а **ꙗ** и **ѥ** въ началѣ и послѣ гласныхъ; различаетъ мѣсто для **омеги и оника,** зная болгарское правило писать **ѡ** въ началѣ слова и иногда въ именахъ собственныхъ (только въ словѣ **осеньнѥѥ** онъ поставилъ **о** вмѣсто **ѡ́**); строго выдерживаетъ двубуквенное написаніе **ꙋ (оу)**, — хутынскій келейникъ совсѣмъ не знаетъ, кромѣ *титла*, другихъ надстрочныхъ знаковъ, не знаетъ іотованныхъ *аза*, *естя* и *омегу* (онъ пишетъ **ѡ** лишь въ лигатурѣ **ѿ**, вѣроятно потому, что въ той азбукѣ-прописи, по которой онъ научился писать, такъ выписывалась эта лигатура).

Въ отношеніи языка обѣ грамоты представляютъ несомнѣнный интересъ. Онѣ соблюдаютъ древнерусскія склоненія; примѣняютъ формы зовнаго падежа, вмѣсто формъ назывнаго падежа мужского рода (**Игумене, Исаие, Вдале, Варламе**); примѣняютъ формы **двоины** (**Двѣма сынома,** если это чтеніе правильно); ставятъ **ся** передъ глаголомъ, что дѣлалось въ старину такъ же часто, какъ и послѣ глагола; употребляютъ на ряду съ формой **азъ,** русскія **язъ** и **я;** знаютъ форму префекта уже съ опущеніемъ помогательнаго глагола (**далъ** вмѣсто **далъ есмь**) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиленно употребляютъ личныя мѣстоименія; пользуются частицею **тъ,** сбившеюся на *членъ*, о которомъ мало извѣстно, но который несомнѣнно существовалъ въ русскомъ языкѣ; представляютъ нѣкоторыя интересныя формы (**Вьху** вмѣсто **вею**). Хутынецъ обнаруживаетъ затѣмъ и особенность, свойственную всѣмъ кривичскимъ говорамъ, онъ **цокаетъ,** пишетъ вмѣсто **что** — **цто.**

Разобранные драгоцѣнные документы новгородскіе монастыри сберегли на протяженіи семи вѣковъ. Но надо замѣтить, что грамоты эти являлись нѣкогда для монастырей документами чрезвычайной важности, ибо онѣ устанавливали права монастырей на земли и угодья. Теперь практическое значеніе грамотъ для монастырей утеряно и онѣ хранятся въ монастырскихъ ризницахъ на ряду съ другими памятниками прошлаго. Допуская полную добросовѣстность монаха, въ рукахъ котораго находится памятникъ, все же является вопросъ — достаточно ли освѣдомленъ и приспособленъ этотъ монахъ, чтобы, демонстрируя пергаменъ передъ посѣтителями и изслѣдователями, сберечь его для потомства на дальнѣйшія столѣтія.

Въ этомъ случаѣ казалось бы цѣлесообразнѣе перенести оба документа для дальнѣйшаго храненія въ одно изъ тѣхъ государственныхъ учрежденій, гдѣ уже хранятся другіе важнѣйшіе акты и реликвіи.

Н. Марксъ.

„Райскія двери“ Лоренцо Гиберти во Флоренціи и повтореніе ихъ въ Петербургѣ.

Лица, хотя одинъ разъ и лишь на короткое время, бывавшія во Флоренціи, знаютъ ея величественный соборъ (S. Maria del Fiore), знаютъ и стоящій по сосѣдству съ нимъ храмъ, который, не поражая глазъ обширными размѣрами, останавливаетъ вниманіе иностранца своею восьмигранной формой. Выложенный снаружи лещадью изъ цвѣтныхъ мраморовъ, этотъ храмъ не можетъ быть спокойно пройденъ мимо самъ по себѣ, по своимъ художественнымъ архитектурнымъ формамъ, и еще Дантъ въ своей Божественной Комедіи прославилъ его внѣшній видъ, назвавъ его mio bel S. Giovanni (Inf. XIX, 17). Но главная притягательная сила для человѣка, не лишеннаго художественнаго чувства, заключается въ *изваяніяхъ* этой церкви, въ ея статуяхъ и особенно въ бронзовыхъ дверяхъ, рельефныя картины которыхъ снискали себѣ видное мѣсто въ исторіи искусствъ, а однѣ изъ этихъ дверей пріобрѣли себѣ и всемірную славу. Эта церковь извѣстна подъ именемъ Battistero (лат. Baptisterium), *крещальня*, *крестильный храмъ* Флоренціи, а упоминаемыя здѣсь бронзовыя двери — знаменитое созданіе великаго флорентинскаго мастера XV вѣка *Лоренцо Гиберти*[1]).

Въ западной Европѣ, если не ошибаемся, съ VI вѣка явился благочестивый обычай украшать Божіи храмы *бронзовыми* дверями такой художественной работы, на какую только способны были ваятели даннаго времени. Древнѣйшіе памятники этого рода имѣются въ Константинополѣ, въ храмѣ Св. Софіи. Съ XI вѣка греки переносятъ искусство отлива и чекана бронзовыхъ дверей въ Италію. Здѣсь, сначала на югѣ, въ городѣ Амальфи, богатая фамилія Панталеоновъ сооружаетъ бронзовыя двери и вслѣдъ затѣмъ члены той же семьи украшаютъ бронзовыми дверями «церковь Св. Павла за стѣнами въ Римѣ» (san Paolo fuori le mura). Вслѣдъ за

[1]) Charles Perkins, Ghiberti et son école. Paris 1886; Heinrich Brockhaus, Forschungen ueber Florentiner Kunstwerke. Lepzig 1902. Ознакомленіемъ съ архивнымъ матеріаломъ Императорской Академіи Художествъ по вопросу о гипсовой копіи этой Porta del Paradiso, имѣющейся съ 1776 года въ собраніяхъ Академіи, я обязанъ секретарю Академіи Гофмейстеру В. П. Лобойкову и архиваріусу сего учрежденія А. Г. Герасимову, которымъ считаю долгомъ принести здѣсь сердечную признательность. Весьма цѣнныя для меня свѣдѣнія о бронзовой копіи сихъ дверей петербургскаго Казанскаго Собора любезно доставилъ мнѣ о. Настоятель Собора протоіерей Н. Сосняковъ. О бронзовыхъ дверяхъ Andrea Pisano см. A. Venturi, Storia dell'arte Italiana IV, стран. 421 и слѣд.; о вторыхъ дверяхъ флорентійскаго Баптистерія раб. Гиберти см. Venturi, указ. соч., VI, стран. 132 и слѣд.

симъ, по церквамъ всей Италіи, съ юга до сѣвера, распространяется обычай устройства входныхъ бронзовыхъ дверей съ художественными изображеніями, какъ это показываютъ сохранившіеся доселѣ образцы на Монте Кассино, Монте Санъ Анжелло, въ Атрани (близъ Амальфи), въ Салерно, въ Канозѣ (близъ города Бари), въ Равелло, въ Беневентѣ, въ Веронѣ, въ Венеціи и т. д. Изъ Италіи этотъ обычай устройства церковныхъ бронзовыхъ дверей переходитъ на сѣверъ, въ Германію, а изъ Германіи онъ переносится въ XII вѣкѣ и въ нашъ Новгородъ, гдѣ въ Софійскомъ Соборѣ существуютъ двое бронзовыхъ дверей, изъ которыхъ однѣ носятъ названіе «Корсунскихъ вратъ» [1]). Переходя къ новымъ временамъ русскихъ храмовъ, мы видимъ бронзовыя двери въ Петербургѣ, въ Соборахъ Казанскомъ и Исаакіевскомъ. Особыя свойства бронзовыхъ дверей Казанскаго Собора и ихъ объясненія послужили поводомъ для меня къ сообщенію въ сегодняшнемъ собраніи нѣсколькихъ свѣдѣній о бронзовыхъ дверяхъ работы Лоренцо Гиберти вышеназванной флорентійской церкви.

I.

Церковь св. Іоанна Крестителя во Флоренціи украшена бронзовыми дверями съ трехъ сторонъ, изъ нихъ болѣе древнія принадлежатъ скульптору и литейщику по имени *Андреа да Понтедера*, болѣе извѣстному подъ именемъ *Андреа Пизано*, скульптору XIV вѣка. Этотъ художникъ долженъ былъ изобразить въ 1330—1336 гг., на 20 поляхъ житіе святого Іоанна Крестителя, покровителя Флоренціи, начиная съ явленія Ангела въ храмѣ его отцу священнику Захарію и кончая погребеніемъ Предтечи Христова. Андреа Пизано, какъ сынъ своего вѣка, работалъ въ условіяхъ еще царившаго тогда *готическаго* искусства, почему онъ и расположилъ событія житія Іоанна Крестителя *въ рамахъ* или *окруженіяхъ* особой готической, т. наз. четырехлопастной, формы. Тождественное присутствіе ея во многихъ памятникахъ искусства во Франціи, въ XIII вѣкѣ указываетъ на происхожденіе сей рамы изъ этой страны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта форма обрамленія живописныхъ и скульптурныхъ изображеній, существовавшая на протяженіе 3-хъ столѣтій, должна была стѣснять художниковъ. Но уже такова была сила преданія, что подчиняться ей должны были не только Андрей Пизанскій въ XIV вѣкѣ, но и, несравненно болѣе сильные таланты, какъ Брунеллески и Лоренцо Гиберти, въ XV вѣкѣ.

Позволяю себѣ остановить ваше вниманіе сначала на нѣкоторыхъ подробностяхъ *дверей Андрея Пизанскаго*, чтобы лишній разъ подчеркнуть истину, какъ и великіе художники авторитета Лоренцо Гиберти, только медленно и постепенно развиваютъ свои силы, чтобы послѣ производить даже революціонныя реформы въ искусствѣ, и что на первыхъ порахъ своей дѣятельности и люди, отмѣченные печатью особыхъ дарованій, прилежно учатся у своихъ предшественниковъ и учителей.

---

[1]) Обзоръ Византійскихъ и Русскихъ церковныхъ бронзовыхъ дверей былъ представленъ гр. А. С. Уваровымъ (Мелкія сочиненія т. I. стран. 58—66, табл. LXIX—LXXXIII).

Всматриваясь въ изображенiе бронзовыхъ дверей Андрея Пизанскаго, мы видимъ, что вся наружная сторона ихъ раздѣлена на 28 квадратовъ, изъ коихъ 20 верхнихъ употреблены на изображенiе главнаго сюжета, а 8 нижнихъ площадей представляютъ собою изображенiя главныхъ христiанскихъ добродѣтелей съ присвоенными имъ въ искусствѣ атрибутами: Надежду, Вѣру, Милосердiе, Смиренномудрiе, Мужество, Умѣренность, Правосудiе, Мудрость (Spes, Fides, Charitas, Humilitas, Fortitudo, Temperantia, Justitia, Prudentia).

Андреа Пизано былъ не только отличнымъ техникомъ-ваятелемъ, но обладалъ и творческою силой, которая двигала искусство впередъ. На этихъ бронзовыхъ дверяхъ онъ поставилъ изображенiя несравненно болѣе высокаго художественнаго достоинства, чѣмъ это мы видимъ на другихъ бронзовыхъ дверяхъ итальянскихъ церквей *всего* предшествующаго *средневѣковья*. Здѣсь несомнѣнно вѣетъ уже инымъ духомъ, мы здѣсь уже въ преддверiи богатаго новыми художественными формами Ренессанса: фигуры скомпанованы здѣсь правильнѣе, свободнѣе и изящнѣе, укладъ ихъ одежды, хотя еще и далеко не всюду, носитъ на себѣ слѣды соотвѣтствiя натурѣ; группировка сценъ говоритъ о стремленiи художника придать ей возможно естественный видъ. На фонѣ нѣкоторыхъ изображенiй видны пойзажъ или абрисы зданiй, сдѣланные съ явнымъ старанiемъ удовлетворить требованiямъ изящнаго вкуса, хотя бы относительно пейзажа еще и въ очень скромныхъ размѣрахъ.

Впечатлѣнiе этой работы Андреа Пизано было настолько сильно, что, черезъ 70 лѣтъ послѣ, и число 28 сюжетовъ и четырехлопастная форма скульптурныхъ полей были и въ этомъ свободолюбивомъ XV вѣкѣ признаны обязательными для предрѣшенныхъ *вторыхъ* бронзовыхъ дверей занимающей насъ флорентiйской церкви.

II.

Къ самому концу XIV вѣка управленiе флорентiйской республики и корпорацiи флорентiйскихъ коммерсантовъ рѣшили украсить церковь св. Iоанна Крестителя *вторыми* бронзовыми дверями съ изображенiемъ на нихъ событiй Новаго Завѣта. Этому заказу придавалась особая важность, поэтому объявлено было предварительное *состязанiе* лучшихъ художниковъ Италiи, и темой для этого конкурса выставлено было событiе изъ ветхозавѣтной исторiи — «Жертвоприношенiе Исаака». Въ числѣ конкурентовъ между другими художниками явились Якопо делла Кверчiа, изъ Сiены, Филиппо Брунеллески и Лоренцо Гиберти изъ Флоренцiи. Подобно многимъ другимъ итальянскимъ художникамъ эпохи Возрожденiя, Лоренцо Гиберти получилъ свое художественное образованiе въ мастерской ювелира, и учителемъ его былъ его вотчимъ по имени Бартоло, или уменьшительно Бартолуччо ди Микеле. Сначала Гиберти занимался живописью и, при объявленiи вышеуказаннаго конкурса, онъ работалъ въ провинцiи Романья, въ городѣ Римини, у тамошняго потентанта Пандольфо Малятеста и послѣ въ городѣ Пезаро[1]). Искренно любившiй его вотчимъ

[1]) Vasari-Milanes, le Opere II, стран. 224, изд. 1906 года.

написалъ ему убѣдительный совѣтъ попробовать свои силы въ этомъ конкурсѣ, указывая на то, что, можетъ быть, здѣсь кроется его счастье улучшить свою

Рис. 1. Жертвоприношеніе Исаака, раб. Гиберти.

будущность. Гиберти послушался этого совѣта, возвратился во Флоренцію и принялъ участіе въ разработкѣ указанной задачи. Черезъ годъ всѣ конкурсныя работы были представлены. Комиссія изъ 34-хъ человѣкъ остановилась на работахъ

Брунеллески и Лоренцо Гиберти въ недоумѣніи, кому изъ нихъ отдать преимущество, а потому было сдѣлано предложеніе вести эту работу *обоимъ вмѣстѣ*.

Рис. 2. Жертвоприношеніе Исаака, раб. Брунеллески.

До новѣйшаго времени циркулировала легенда, что Филиппо Брунеллески самъ, признавши превосходство конкурсной работы Гиберти, добровольно отказался отъ участія въ работѣ надъ дверями и, побѣжденный здѣсь въ скульптурѣ, послѣ

весь отдался зодчеству, въ которомъ онъ и пріобрѣлъ себѣ неувядаемую славу вмѣстѣ съ другими сооруженіями, знаменитымъ куполомъ Флорентійскаго собора, — куполомъ, который считается первою архитектурною знаменитостью Италіи, за исключеніемъ купола храма св. Петра въ Римѣ, явившагося столѣтіемъ позднѣе. Но въ новое время, одинъ изъ современниковъ Брунеллески, его біографъ, однако не оставившій намъ своего имени, — этотъ анонимъ передаетъ, что Брунеллески отказался отъ совмѣстной работы надъ бронзовыми дверями Баптистерія, оскорбленный тѣмъ, что высшій отзывъ присужденъ былъ не ему одному, а пополамъ съ его конкурентомъ. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но этотъ памятный въ исторіи художественный конкурсъ разъ навсегда опредѣлилъ главное направленіе будущей дѣятельности этихъ двухъ знаменитыхъ представителей художественнаго генія Италіи XV вѣка: одного какъ зодчаго, а другого какъ ваятеля въ бронзѣ.

Въ 1403 году Гиберти получилъ заказъ на эти *вторыя* бронзовыя двери, за которыми онъ и провелъ 21 годъ работы (1403—1424) и, по окончаніи ихъ, ему, уже безъ всякаго конкурса, сдѣланъ былъ заказъ *на третьи* и послѣднія двери, которыя должны здѣсь насъ занять по-преимуществу. На исполненіе этихъ двухъ большихъ подрядовъ ушла вся послѣдующая жизнь художника, пресѣкшаяся на 77-мъ году [1]).

Скажемъ нѣсколько словъ сначала о *вторыхъ* дверяхъ и именно о точкахъ ихъ сходства съ дверями Андреа Пизано. Если на дверяхъ этого художника 20 квадратовъ было употреблено на изображеніе житія Іоанна Крестителя, то и на этихъ первыхъ дверяхъ Гиберти такъ же 20 площадокъ отдано было на изображеніе событій *Евангельской исторіи*, начиная съ Благовѣщенія и кончая праздникомъ Пятидесятницы. Если у Андреа Пизано 8 нижнихъ квадратовъ пошли подъ изображеніе главныхъ вышеназванныхъ добродѣтелей, то это же число 8 нижнихъ отдѣленій Гиберти употребилъ на изваяніе изображеній 4-хъ Евангелистовъ и 4-хъ отцовъ католической церкви: св. Григорія Великаго, св. Амвросія Медіоланскаго, св. Августина и Блаженнаго Іеронима. Далѣе вліяніе Андреа Пизано на Лоренцо Гиберти, этого смѣлаго новатора въ искусствѣ, проявившаго небывалую силу на третьихъ дверяхъ флорентійскаго Баптистерія, сказалось здѣсь, кромѣ повторенія *четырехлопастной* готической рамы, еще и обрамленіемъ каждаго изображенія, во-первыхъ, 4-мя *головами по угламъ*, съ тѣмъ лишь различіемъ, что на дверяхъ Пизано углы каждой доски украшены львиными мордами, у Гиберти же помѣщены здѣсь человѣческія маски и; во-вторыхъ, на обѣихъ дверяхъ одна площадка отъ другой отдѣлены *гирляндами*, только у Андреа Пизано здѣсь мы видимъ простое чередованіе гвоздяныхъ шляпокъ съ розетками, а у Гиберти эти мѣста занимаютъ гирлянды изъ зелени и цвѣтовъ. Новое доказательство подчиненія Лоренцо Гиберти старому *юотическопу* искусству представляютъ изогнутыя какъ бы

---

[1]) Объ исполненіи Гиберти другихъ работъ, падающихъ на эти годы, см. Комментаріи Gaet. Milanesi у Vasari, le Opere II стран. 259, и слѣд. изд. 1906 года.

въ видѣ латинской буквы S позы дѣйствующихъ лицъ (ср. сцены Благовѣщенія, Крещенія, Искушенія, Преображенія и др.).

Но Лоренцо Гиберти, приступивши къ своей работѣ 70 лѣтъ спустя послѣ окончанія первыхъ дверей, сказаннымъ и ограничилъ свою зависимость отъ Андрея Пизанскаго; въ остальномъ этотъ молодой художникъ проявилъ самостоятельность *болѣе крупнаго* таланта. Это сказалось прежде всего на заполненіи традиціонныхъ рамъ фигурами и сценами, которыя у Гиберти несравненно богаче, чѣмъ у его предшественника, не вышедшаго изъ числа, самое большее, 6—8 дѣйствующихъ лицъ на раму, тогда какъ у Гиберти эти цифры поднимались до 13, а можетъ быть, и болѣе фигуръ.

По стилю рисунка эта работа Гиберти свидѣтельствуетъ, что мы находимся уже въ иномъ вѣкѣ съ его особыми стремленіями и умѣньемъ удовлетворять высшимъ цѣлямъ и требованіямъ. Слѣдуетъ, для примѣра, только сравнить болѣе сложныя сцены на обѣихъ дверяхъ, чтобы видѣть превосходство Гиберти надъ своимъ предшественникомъ: см. *Несеніе тѣла св. Іоанна Крестителя* — на первыхъ дверяхъ и *Отрокъ Іисусъ въ храмѣ среди учителей* или *Изгнаніе торгующихъ изъ храма, Христосъ передъ Пилатомъ* — на вторыхъ. Жизнь уже въ началѣ XV вѣка пробила себѣ торную дорогу въ сферу прежнихъ условныхъ формъ готики, замѣнивъ ихъ формами болѣе правильными и естественными, отвѣчающими природѣ и дѣйствительности. Если на дверяхъ Андреа Пизано мы видимъ готическое скученіе складокъ въ одеждахъ, то въ изображеніяхъ Гиберти здѣсь трудно найти примѣры неестественности въ драпировкѣ дѣйствующихъ персонажей. Здѣсь сказываются уже иной вѣкъ, другіе вкусы, другія стремленія и болѣе совершенные пріемы искусства.

III.

Двадцать одинъ годъ работы надъ этимъ памятникомъ ваянія сдѣлали имя Лоренцо Гиберти настолько славнымъ, даже и въ этотъ вѣкъ дивнаго расцвѣта флорентійскаго искусства съ его колоссальною плеядой знаменитыхъ именъ въ архитектурѣ скульптурѣ и живописи, что корпорація богатыхъ коммерсантовъ Флоренціи, задумавшая повѣсить въ той же церкви св. Іоанна Крестителя третьи и послѣднія бронзовыя двери, если возможно, еще болѣе высокаго художественнаго достоинства, передала этотъ новый заказъ тому же ваятелю уже безъ всякаго сомнѣнія и безъ всякой конкуренціи. Это было 2 января 1425 года, за $8^1/_2$ мѣсяца до освященія вторыхъ, имъ оконченныхъ дверей.

Эта новая работа, навсегда обезсмертившая имя Гиберти, и получила, съ крылатаго выраженія Микель Анджело (Elle son tanto belle, che elle sarebbon bene *alle porte del Paradiso)* [1]) названіе *Райскихъ дверей*. Представить нынѣ небольшое сообщеніе о ней вашему благосклонному вниманію я и возымѣлъ смѣлость.

Лоренцо Гиберти (род. 1378 г.) было теперь 46 лѣтъ; онъ находился въ полномъ расцвѣтѣ силъ и, обладая исключительною способностью постоянно совершен-

[1]) Vasari, Gaet. Milanesi le Opere, II, стран. 242 (Firenze 1906).

ствоваться и итти все впередъ въ избранномъ искусствѣ *до конца жизни*, онъ въ такую пору, когда у другихъ способности клонятся постепенно къ закату, создалъ дивное произведеніе рельефной техники, которое не могло быть превзойдено никѣмъ и коему равнаго не существуетъ и доселѣ, такъ какъ этотъ художникъ достигъ здѣсь послѣдняго предѣла [1]).

Исторія этихъ дверей въ краткихъ чертахъ слѣдующая. Корпорація флорентійскихъ купцовъ (L'Arte de' Mercatanti) заключила контрактъ на изготовленіе *третьихъ* бронзовыхъ дверей съ Гиберти, какъ мы выше упомянули, 2 января 1425 года. Послѣ изображеній событій Евангельской исторіи на вторыхъ дверяхъ, Гиберти долженъ былъ избрать содержаніемъ для новыхъ дверей повѣствованія *Ветхаго Завѣта*. Выборъ отдѣльныхъ сюжетовъ при этомъ представленъ былъ ученѣйшему флорентійцу того времени гуманисту-историку Ліонардо Бруни д'Ареццо. Слѣдуя традиціоннымъ образцамъ, и этотъ ученый указалъ то же прежнее число 28 рельефныхъ площадей также и для этихъ дверей, изъ нихъ 20 для исторіи Ветхаго Завѣта и 8, въ двухъ нижнихъ рядахъ, для изображенія пророковъ [2]). Любитель внѣшняго эффекта, обращавшій на себя вниманіе согражданъ и величавою поступью при недостаточномъ ростѣ, и важными манерами, и особо придуманнымъ цвѣтнымъ костюмомъ съ колпакомъ на головѣ, остроконечный верхъ котораго кокетливо падалъ на бокъ, Ліонардо Бруни, показавши видъ ученаго, ничего не знающаго о порученіи этого заказа герою тѣхъ дней, Гиберти, имя котораго тогда было на устахъ по всей Флоренціи, преподалъ нѣсколько совершенно элементарныхъ и лишнихъ совѣтовъ на счетъ характера желательныхъ изображеній. Онъ, наприм., заявилъ, что будущій исполнитель долженъ быть основательно знакомъ съ каждымъ библейскимъ повѣствованіемъ, которое онъ будетъ изображать, и предложилъ себя ему въ совѣтники и руководители при дальнѣйшей работѣ. Во Флоренціи, да и въ другихъ городахъ Италіи, не было тогда художника болѣе компетентнаго въ сужденіи о всѣхъ деталяхъ этого спеціальнаго заказа, чѣмъ самъ Гиберти. И дальнѣйшее теченіе обстоятельствъ показываетъ, что Гиберти пошелъ въ работѣ своимъ, особымъ, путемъ, постепенно уклоняясь отъ данной ему программы сочиненія Ліонардо Бруни. Испытавши на первой работѣ, какъ стѣснительны для него вышесказанныя 38 площадей, онъ началъ создавать для себя новый планъ работы; но при этомъ онъ шелъ *медленно* и *постепенно*. Сначала

---

[1]) И если бы какой смѣльчакъ переступилъ его, то рельефныя изображенія перестали бы быть таковыми: это разрушило бы уже существенную природу самаго рельефа.

[2]) Вопросъ о близкомъ участіи Ліонардо Бруни въ дѣлѣ заказа третьихъ дверей флорентійскаго Баптистерія въ надлежащей степени выяснился со времени недавняго открытія самой программы этого подряда, во флорентійскомъ государственномъ архивѣ. Здѣсь былъ найденъ также и чертежъ предположенныхъ дверей съ раздѣленіемъ ихъ на 28 клѣтокъ, въ которыя внесены и названія сюжетовъ. Въ связи съ этимъ открытіемъ получили надлежащее объясненіе и полосы съ образуемыми ими клѣтками на обратной сторонѣ третьихъ дверей Баптистерія. Тогда какъ прежде эти полосы считались лишь особенною скрѣпою дверей, теперь клѣтки ихъ поставлены въ связь съ клѣтками чертежа Ліонардо Бруни. Число 24 для клѣтокъ бронзовыхъ дверей — это количество отдѣленій, въ предѣлахъ которыхъ расположилъ было Гиберти сначала свои ветховавѣтныя темы и гдѣ онъ работалъ значительное время. Позднѣе, какъ это мы увидимъ ниже, этотъ художникъ раздѣлилъ всю площадь дверей лишь на 10 частей, которыя и изобразилъ на другой сторонѣ.

онъ остановился на 24 квадратахъ, исключивъ 4 фигуры пророковъ нижняго ряда. Эти 24 изображенія Гиберти рисовалъ и лѣпилъ; онъ сдѣлалъ и раму, въ которую должны были вставляться его рельефныя изображенія. И вотъ начальная работа его подходила уже къ концу, какъ ему пришла въ голову новая, революціонная мысль — все сдѣланное сломать и начать дѣло сызнова, исполнивъ его совершенно по новому плану.

Чтобы имѣть для своихъ рельефныхъ композицій болѣе простора, Гиберти рѣшилъ покончить и съ этими готическими, четырехлопастными, рамами и съ этимъ, какъ бы каноническимъ, числомъ 20 площадокъ для главнаго сюжета. Вмѣсто прежнихъ двухъ рельефныхъ картинъ *въ каждомъ рядѣ дверной отворки*, Гиберти скомпановалъ лишь по одному рельефному четыреугольнику. Такимъ образомъ, на всѣхъ дверяхъ помѣстилось у него только 10 рельефныхъ изображеній. При этомъ, для выигрыша мѣста, онъ совсѣмъ исключилъ отсюда изображенія 4-хъ прежде задуманныхъ пророковъ, отнеся ихъ, въ видѣ *круглыхъ* изваяній или статуэтъ, *на бордюръ*, обрамляющій рельефныя композиціи съ боковъ. Достойно особаго замѣчанія, что на этихъ 10 квадратахъ Гиберти изобразилъ наибольшую часть сюжетовъ, указанныхъ ему Бруни, исключивъ лишь немногія темы [1]).

Сложное содержаніе каждаго отдѣленія художникъ расположилъ по новому, именно *живописному*, принципу, съ соблюденіемъ требованій перспективы. Лица и предметы, ближе стоящіе къ зрителю, исполнены имъ въ высокомъ рельефѣ и почти въ формѣ такъ наз. ronde-bosse, но рельефы у него уменьшаются, дѣлаясь все болѣе и болѣе плоскими, по мѣрѣ углубленія внутрь картинъ, самыя же *заднія* изображенія являются *едва* осязаемыми: такъ они плоски. Это такъ наз. rilievo schiacciato. Распредѣленіе нѣсколькихъ плановъ на рельефной плоскости составляетъ особую заслугу Гиберти, сумѣвшаго соединить въ каждомъ изъ этихъ 10 отдѣленій по нѣскольку сценъ въ одно художественное цѣлое, въ строго скомпанованную картину. Это лучше всего посмотрѣть *на самыхъ* изображеніяхъ.

IV.

Если изъ 20 библейскихъ сюжетовъ, указанныхъ программою Ліонардо Бруни, Гиберти сдѣлалъ въ концѣ концовъ лишь 10 картинъ, то какъ же онъ справился съ этою новою задачей? Что представляютъ его изображенія на этихъ дверяхъ? На этотъ вопросъ точный отвѣтъ заключается въ *автобіографическихъ запискахъ* самого Гиберти, гдѣ онъ подробно перечисляетъ всѣ представленные здѣсь сюжеты въ постепенности библейскихъ повѣствованій: 1) Созданіе Адама и Евы и ихъ грѣхо-

[1]) Исключенію со стороны Гиберти подверглись слѣдующія темы, данныя ему въ программѣ Ліонардо Бруни: 1) Созданіе неба и звѣздъ, 6) Начало потопа, 10) Іосифъ, толкующій сны фараона, 12) Моисей передъ купиной огненной, 13) Моисей передъ фараономъ, 14) переходъ Евреевъ черезъ Чермное море, 16) Жертвоприношеніе Аарона, 19) избраніе Давида на царство, 20) Судъ Соломона. Другія темы Гиберти были видоизмѣнены, напримѣръ: 5) убійство Авеля, указанное Бруни раширено въ цѣлое изображеніе исторіи Каина и Авеля; вмѣсто 6) начало потопа — изображенъ конецъ его; 7) Жертвоприношеніе Исаака расширилось въ картину Авраама, принимающаго трехъ Ангеловъ, 20) вмѣсто Суда Соломона изображено посѣщеніе Соломона царицей Савской. (См. Heinr. Brockhaus, Forsch. ueb. Florent. Kunstwerke стран. 5+Taf. II.)

паденіе, 2) Каинъ и Авель, 3) Опьяненіе Ноя, 4) Авраамъ и три странника (ангела), 5) Исавъ и Іаковъ, 6) Іосифъ въ Египтѣ, 7) Синайское законодательство, 8) переходъ народа израильскаго черезъ Іорданъ и разрушеніе Іерихона Іисусомъ Навиномъ, 9) Давидъ и Голіафъ и 10) Соломонъ и царица Савская.

Подъ конецъ сообщенія намъ придется особо остановиться на нѣсколькихъ названіяхъ этихъ изображеній, которыя несомнѣнно ошибочно получили совсѣмъ иныя имена въ русскомъ повтореніи этихъ дверей Гиберти.

Не имѣя возможности въ предѣлахъ одного засѣданія разсмотрѣть всѣ 10 картинъ дверей, насъ теперь занимающихъ, мы остановимся здѣсь лишь на трехъ-четырехъ картинахъ, дабы ознакомиться съ главными свойствами, столь рѣзко отличающими эти послѣднія двери отъ вторыхъ, созданныхъ тѣмъ же художникомъ.

Здѣсь мы избираемъ прежде всего первую картину. Всматриваясь въ ея изображеніе, мы видимъ, что здѣсь на одной рельефной доскѣ изображены три событія: Сотвореніе первыхъ людей, ихъ грѣхопаденіе и изгнаніе ихъ изъ рая При этомъ первую тему Бруни — твореніе неба и звѣздъ — Гиберти совсѣмъ опустилъ, а созданіе Адама и Евы, занявъ первый и самый видный планъ, можетъ быть разсматриваемо за двѣ, какъ бы раздѣльныя части цѣлаго. Тогда вся картина будетъ заключать на одной площади *четыре* сюжета, слѣдующіе въ такомъ порядкѣ: 1. Въ лѣвомъ углу перваго плана Господь воздвигаетъ изъ персти земной Адама, какъ бы просыпающагося отъ сна и еще не вошедшаго въ сознаніе своего бытія, хоръ изъ 4-хъ ангеловъ, занимая мѣсто позади Творца, созерцаетъ это дивное событіе. 2. Рядомъ съ этою первою сценой, вправо, самый центръ и самое видное мѣсто передняго плана занимаетъ изображеніе созданія Прародительницы человѣчества. Это наиболѣе продуманная, художественная, наиболѣе изящная часть во всей картинѣ, и она является главнымъ пунктомъ, приковывающимъ къ себѣ всецѣло вниманіе созерцателя. Адамъ лежитъ погруженнымъ въ глубокій сонъ, и изъ-за его праваго бока поднялся и несется къ Богу-Творцу женскій образъ красоты, доселѣ въ христіанскомъ искусствѣ небывалый: это будущая помощница Адама. И Ева еще не владѣетъ всѣми своими силами, оттого ее поддерживаютъ окружавшіе со всѣхъ сторонъ ангелы; Господь, благословляя десницей новородшуюся, отечески, любовно простеръ къ ней лѣвую длань и поддерживаетъ ее, какъ бы подымающуяся отъ глубокаго сна. Созерцателемъ всего этого является цѣлый сонмъ ангеловъ, полукругомъ или аркою расположенныхъ поверхъ этой сцены.

Созданіе прародителей составляло одну изъ обычныхъ сценъ христіанскаго искусства, но истинно художественный образъ это событіе получаетъ въ живописи и скульптурѣ только въ XV столѣтіи. Въ скульптурѣ мы встрѣчаемъ его *въ этотъ вѣкъ* между прочимъ у Якопо делля Кверчіа на обрамленіи дверей церкви св. Петронія въ Болоньи [1]), но здѣсь эта картина своими очень крупными пропор-

[1]) Чтобы видѣть степень превосходства даннаго произведенія этого великаго мастера столько же въ живописи, какъ и въ ваяніи, слѣдуетъ сравнить эту картину съ тожественнымъ сюжетомъ, исполненнымъ въ началѣ XV в. и нынѣ находящимся въ музеѣ Флорентійскаго собора (Opera del Duomo). На этомъ мраморѣ 8-угольной формы исчезла идея всемогущества творческой воли и творческаго

ціями дѣйствующихъ лицъ и композиціей *не производитъ* чарующаго впечатлѣнія, какое свойственно произведенію Гиберти, впервые въ искусствѣ вознесшаго эту тайну творенія на такую художественную высоту.

Рис. 3. Сотвореніе первыхъ людей, грѣхопаденіе, изгнаніе изъ рая.

слова; чтобы поставить новорожденную Еву на ноги, Господь долженъ былъ поднять ее собственноручно, обнявъ и неся эту тяжесть какъ бы съ усиліемъ и трудомъ. Ни образъ Зиждителя, ни фигуры Евы и спящаго Адама не представляютъ чертъ идеальнаго изящества: напротивъ, тутъ все жестко и матеріально; это не актъ Божіей воли и всемогущества, проникнутый таинственностью творенія единымъ словомъ; такое созданіе Евы представляетъ намъ что-то карнальное, плотское, словно хирургическое. Такъ непріятно, какъ бы отталкивающе дѣйствуетъ эта картина на наше чувство при сравненіи ея не только съ идеально изящнымъ созданіемъ Гиберти или такою же картиной Микель-Анжело въ Capella Sistina Ватикана, но даже и съ тожественнымъ по сюжету рельефомъ XIII в. на стѣнѣ собора въ Орвьэто работы Джованни Пизано. Здѣсь еще несовершенны и рисунокъ и моделировка въ мраморѣ, но наивность художественныхъ пріемовъ насъ трогаетъ и привлекаетъ наши симпатіи. Насъ не поражаетъ непріятное чувство даже при видѣ расщелины въ ребрахъ Адама, изъ которой выходитъ, устремляясь къ Богу-Творцу, новосозданная Ева, какъ такой же, въ сущности анти-эстетическій, способъ представленія рожденія Аѳины изъ головы Зевса, употребляемый въ архаической вазовой живописи Греціи, кажется намъ только наивнымъ, не производя въ насъ въ то же время *отталкивающаго* чувства.

Третій сюжетъ того же рельефа находится на особомъ планѣ и представляетъ собой сцену *Искушеніе прародителей*. Змій-искуситель съ человѣческою головой обвился вокругъ древа познанія добра и зла; Ева, склонившись на его убѣжденія, держитъ рѣчь къ Адаму, который пока еще изумленъ ея предложеніемъ и жестомъ руки еще отклоняетъ его. Эта сцена исполнена въ самомъ низкомъ, плоскостномъ, едва замѣтномъ рельефѣ; происходитъ она какъ бы въ отдаленной части Рая, засаженнаго разнородными деревьями, среди коихъ легко отмѣтить финиковую пальму. 4. Четвертая и послѣдняя сцена картины это — *Изгнаніе согрѣшившихъ прародителей изъ Рая*. Она раздѣлена на двѣ части: Творецъ-Судія, окруженный ангельскими силами, гнѣвно паритъ въ небесахъ, созерцая то, какъ Ангелъ, на половину выставившійся изъ Райской двери, сильнымъ движеніемъ грозно гонитъ Адама и Еву, уже надѣвшихъ препоясанія. Они еще не вполнѣ подчинились своей тяжкой участи, но, полуоборотившись назадъ, устремляютъ просительные взоры на Ангела-гонителя, и особенно Ева, какъ будто ждутъ еще прощенія и возврата въ прежнее блаженное жилище.

Вотъ сколько сценъ, лицъ и какія разныя положенія ихъ представлены на одномъ рельефномъ квадратѣ!

Въ ландшафтѣ здѣсь изображены и небесная высь съ Творцомъ и Его Ангелами, и дубрава, и неровности земли, и текущая рѣка и арка Райской двери.

Лица, изображенныя здѣсь, считаются нѣсколькими десятками; въ отношеніи числа персонажей Гиберти шагнулъ тутъ уже далеко впередъ сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ поступалъ на прежнихъ дверяхъ, гдѣ два квадрата, равняющіеся этому одному, не заключаютъ и половины изображенныхъ здѣсь лицъ. Въ населеніи сценъ дѣйствующими лицами нашъ художникъ впослѣдствіи идетъ все далѣе и далѣе; въ нѣкоторыхъ рельефахъ этихъ дверей онъ помѣщаетъ уже до 100 лицъ, на что онъ самъ, не безъ гордости, указываетъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ.

Такого разнообразія содержанія и такого необыкновеннаго числа персонажей на небольшихъ, по размѣрамъ, плоскостяхъ скульпторъ могъ достичь только благодаря живописному принципу, впервые широко введенному имъ въ природу рельефа.

Мы сравнительно долго остановились на этомъ первомъ изображеніи Porta del Paradiso потому, что эта скульптурная картина такъ изумительно, неотразимо привлекательна. Художникъ въ этомъ первомъ рельефѣ показалъ свои лучшія свойства: необыкновенную грацію рисунка и способность примѣненія живописной перспективы въ рельефномъ изображеніи, съ ея разными планами и нѣсколькими далями. Это было для своего времени цѣлымъ откровеніемъ, было высшею точкой художественной эволюціи этого рода.

V.

По мѣрѣ хода работъ, продолжавшихся въ общемъ 27 лѣтъ (1425—1452) [1], художникъ разнообразилъ картины избранныхъ имъ сюжетовъ. Одни событія

[1] Ср. Хронологическое изслѣдованіе Gaeti Milanesi въ комментаріи Vasari, le Opera II, стран. 257 и слѣдующія.

у него происходятъ *на фонѣ пейзажа:* это — садъ, лѣсъ, холмы, горы, стремнины, рѣки и явленія небесныя. Таковы, кромѣ описанной исторіи (I), изображенія библейскихъ повѣствованій о Каинѣ и Авелѣ (II), опьяненіе Ноя (III), объ Авраамѣ и трехъ странникахъ (IV), о Законодательствѣ Моисея (VII). Картины другихъ событій развертываются имъ на *фонѣ архитектурномъ*, на фонѣ отдѣльныхъ зданій и цѣлыхъ городовъ. Сюда принадлежатъ исторіи Исава и Іакова (V), Іосифа

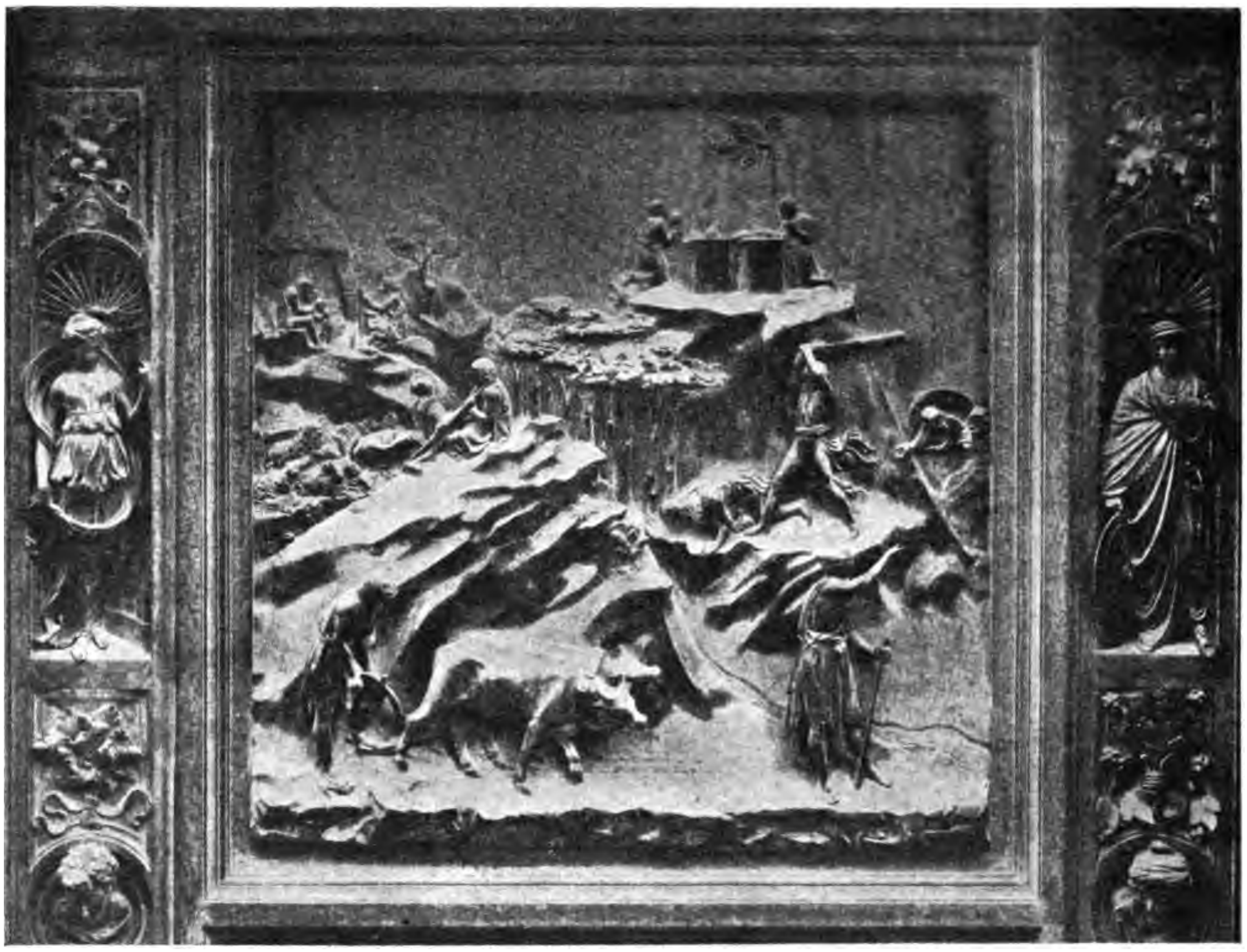

Рис. 4. Сказаніе о Каинѣ и Авелѣ.

въ Египтѣ (VI), Разрушеніе Іерихона (VIII), Давидъ и Голіафъ (IX), Соломонъ и царица Савская (X).

Обѣ эти категоріи характеризуются любою картиной. Вотъ хотя бы горный пейзажъ картины сказанія о Каинѣ и Авелѣ (II).

Здѣсь на переднемъ планѣ, подъ горою, видна фигура Каина, пашущаго на парѣ воловъ землю, а немного выше, по срединѣ горы, сидитъ Авель, пасущій стадо овецъ; влѣво надъ нимъ изображена палатка, передъ которою Адамъ киркою разрыхляетъ землю, а Ева прядетъ кудель льна или шерсти; у ногъ ея играютъ два ребенка. Вправо, на самомъ верху, стоитъ столъ, на которомъ Каинъ и Авель

приносятъ свои жертвы Богу; ниже подъ этою сценой, на срединѣ горы, убійство Авеля и на правомъ краѣ картины бесѣда Господа съ блуждающимъ братоубійцею Каиномъ. Такъ, сравнительно на небольшомъ пространствѣ, Гиберти размѣстилъ цѣлыя *шесть* сценъ, объединивъ ихъ красиво скомпанованнымъ *горнымъ пейзажемъ*, уступы котораго, вмѣстѣ съ искусственнымъ примѣненіемъ разныхъ степеней выпуклости рельефа, дали просторъ столькимъ фигурамъ и дѣйствіямъ.

Особый интересъ представляютъ рельефныя картины съ *архитектурнымъ* фономъ. Однѣ изъ нихъ имѣютъ фонъ какъ бы смѣшанный изъ ландшафта и зданій; на другихъ дѣйствіе изображено исключительно на фонѣ или въ окруженіи зданій. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: исторія Исава и Іакова и Соломона съ царицей Савской (X). Повѣствованіе объ *Исавѣ и Іаковѣ* представляетъ чисто итальянскую и даже флорентійскую сцену.

Весь фонъ картины занятъ какъ бы дворцомъ Исаака, дворцомъ формъ эпохи Итальянскаго Возрожденія, съ красивыми арками, портиками, лоджіями. Дѣйствующія лица — тоже итальянцы по одеждамъ, убору волосъ, манерамъ. Вотъ хотя бы этотъ юный Исавъ, выслушивающій приказаніе отца свего Исаака отправиться на охоту, или этотъ Іаковъ, обманнымъ образомъ получающій благословеніе отца: чѣмъ это не *красивые*, изящные по манерамъ и по своей одеждѣ, *пажи* аристократическихъ и правительственныхъ домовъ Италіи времени Возрожденія?

Я просилъ бы обратить *особое вниманіе* на этотъ *итальянскій* внѣшній видъ картинъ дверей Гиберти: это обстоятельство послѣ, до извѣстной степени, можетъ быть, объяснить намъ одно бьющее въ глаза свойство петербургской копіи этихъ самыхъ дверей.

Архитектурный фонъ здѣсь далъ возможность художнику размѣстить *цѣлый рядъ* сценъ библейскаго повѣствованія. На заднемъ планѣ, на кровлѣ портика, стоитъ женщина въ молитвенной позѣ передъ Господомъ, парящимъ въ выси небесной и милостиво къ ней обратившимъ взоры. Это — Ревекка, страдавшая безплодіемъ и молящая Творца о милости чадородія. Слѣдующую картину художникъ изобразилъ внутри дворца, въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ. Тамъ видна женщина на кровати, прикрытой занавѣсомъ: это Ревекка, родившая близнецовъ, Исава и Іакова. На семейную радость собрались знакомыя или родныя ей женщины. Этотъ моментъ художникъ выразилъ въ группѣ 4-хъ женскихъ фигуръ, бесѣдующихъ здѣсь между собой по сему поводу. Эту эффектную группу, прекрасно задрапированныхъ женскихъ образовъ, мы видимъ на первомъ планѣ, въ лѣвомъ углу картины.

Прошли годы; младенцы стали юношами совершенно разнаго характера: первенецъ Исавъ, котораго Библія изображаетъ съ волосами на рукахъ и на шеѣ, былъ характера мужественнаго, онъ любилъ охоту; а Іаковъ отличался характеромъ болѣе нѣжнымъ, какъ бы женственнымъ; онъ держался больше дома и потому привлекъ на себя исключительное расположеніе матери. Ревекка внушила ему мысль о большихъ выгодахъ первородства, поэтому, когда Исаву разъ очень захотѣлось ѣсть, то любимецъ матери Іаковъ сказалъ ему, что у него цѣла похлебка

изъ чечевицы, которую онъ готовъ уступить брату, если Исавъ отдастъ ему права старшинства. Голодный и недогадливый, братъ охотно купилъ это любимое блюдо отказомъ отъ своего права первородства. Гиберти изобразилъ эту сцену насыщенія Исава внутри дома, на одномъ изъ дальнихъ плановъ картины. Разъ Исааку, уже состарившемуся и ослѣпшему, захотѣлось жаркого изъ дичи, онъ посылаетъ Исава на охоту убить ее, и этотъ разговоръ престарѣлаго отца съ юношей-охотникомъ,

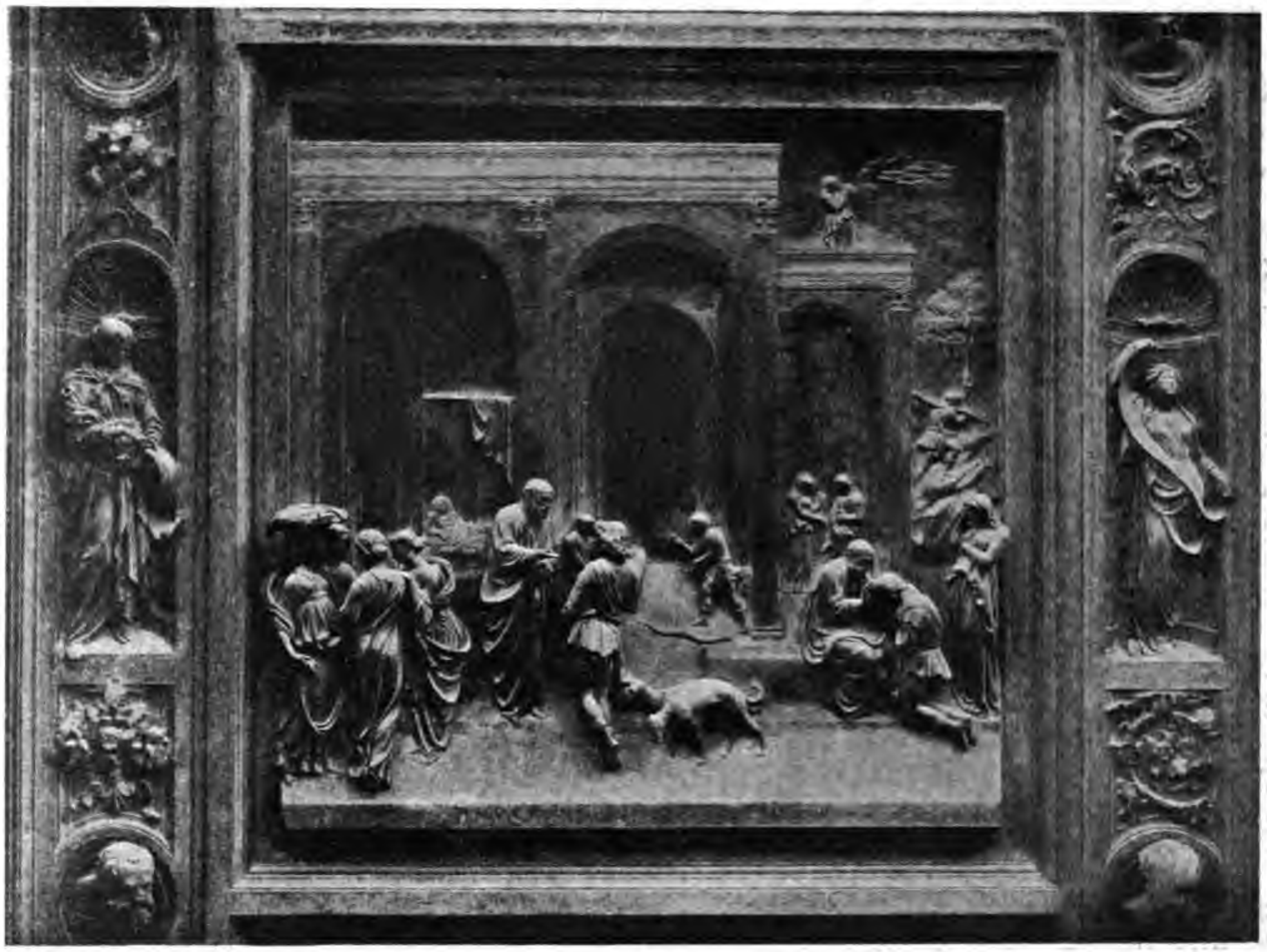

Рис. 5. Исторія Исава и Іакова.

за которымъ слѣдуютъ двѣ лягавыя собаки, изображенъ на одномъ изъ первыхъ плановъ рельефа. Исавъ тотчасъ же пустился въ дорогу, и вотъ его, съ лукомъ на плечѣ, мы видимъ поднимающимся на гору, покрытую лѣсомъ. Въ его отсутствіе Ревекка, давно ведшая разговоры съ Іаковомъ на счетъ правъ первородства, учитъ своего любимца, какъ мѣхомъ прикрыть шею и руки и въ этомъ видѣ подойти къ слѣпому отцу за желаннымъ благословеніемъ. Въ портикѣ дома происходитъ этотъ заговоръ матери съ сыномъ, и на переднемъ планѣ, въ правомъ углу картины, мы видимъ Іакова, склонившаго колѣна передъ слѣпымъ отцомъ въ моментъ благословенія, и Ревекку, тутъ же наблюдающую за исполненіемъ своего замысла.

Такъ, при помощи разныхъ плановъ картины и при разнообразіи выпуклости рельефной моделировки, художникъ изобразилъ цѣлыхъ *семь* сценъ этой исторіи. Здѣсь мы имѣемъ 15 персонажей картины.

Несравненно большее число дѣйствующихъ лицъ въ картинѣ «*Іосифъ въ Египтѣ*» (VI), также разыгрывающейся въ окруженіи зданій, исполненныхъ въ стилѣ Итальянскаго Ренессанса.

Рис. 6. Соломонъ и царица Савская.

Наукѣ, въ лицѣ профессора Гейнриха Брокгауза, директора Германскаго Историческаго Института во Флоренціи, удалось установить даже и одно *подлинное* флорентійское зданіе, изображенное въ видѣ фона на рельефной картинѣ этихъ дверей. Эта картина занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ и представляетъ *посѣщеніе Соломона царицей Савской* (X). Центральная часть фона картины занята храмомъ Соломоновымъ, въ которомъ профессоръ Брокгаузъ совершенно вѣрно усмотрѣлъ *внутренній видъ* Флорентійскаго собора S. Maria del Fiore, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, желательность которыхъ, можетъ быть, высказывалась въ интересахъ наибольшей красоты, художественною критикой или же самимъ

Гиберти, занимавшимся также и архитектурой и долгое время состоявшимъ въ числѣ членовъ архитектурнаго совѣта при этомъ соборѣ, за періодъ работъ Брунелески надъ его куполомъ [1]).

На фонѣ этого храма художникъ въ центрѣ поставилъ двѣ величественныя фигуры Соломона и царицы Савской съ многочисленною свитой и съ большою толпой зрителей, размѣстившихся по обѣимъ сторонамъ сверху до низу. Это одна изъ картинъ нашихъ дверей, на которой число изображенныхъ лицъ достигаетъ *наивысшей мѣры*, т.-е. около 100 фигуръ.

Вся нижняя половина этой картины какъ бы заткана человѣческими фигурами, мужскими и женскими, разныхъ званій, положеній, отличаемыхъ и одеждою; въ нижнемъ рядѣ мы видимъ здѣсь также и животныхъ, коней, собакъ. Введеніе такого количества персонажей и такая инсценировка здѣсь были возможны только при тѣхъ новыхъ пріемахъ живописной перспективы, которые ввелъ въ небывалой степени Гиберти въ свою рельефную работу.

Фигуры перваго плана здѣсь почти отдѣляются совсѣмъ со своего поля; еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, — и рельефъ перестанетъ быть рельефомъ, превратившись въ круглую скульптуру, а на заднемъ планѣ тонкость рельефа едва замѣтна для глаза и едва ощутима осязаніемъ.

VI.

Выше мы сказали, что по плану Ліонардо Бруни два нижніе ряда рельефовъ, образуя какъ бы цоколь, предназначались *для 8-ми фигуръ пророковъ.* Гиберти, не давъ имъ здѣсь ни одного мѣста, перенесъ эти фигуры въ обрамленіе дверей и замѣнилъ рельефныя изображенія круглыми статуэтками, поставленными въ небольшихъ нишахъ. Вмѣсто предложенныхъ ему 8 рельефныхъ фигуръ появилось здѣсь 20 статуэтокъ, мужскихъ и женскихъ: это — пророки и нѣсколько библейскихъ женъ. Было бы напраснымъ трудомъ стараніе опредѣлить точное имя каждой изъ сихъ *20 статуэтокъ;* но нѣкоторыя изъ нихъ въ археологическомъ изученіи этого памятника все же получили должныя наименованія. Таковы: пророки Іоиль, Амосъ, Даніилъ, Іеремія, Исаія и Езикіиль, изъ другихъ библейскихъ лицъ здѣсь изображены Ааронъ и Сампсонъ; изъ библейскихъ женъ — Девора, Миріамъ, Юдифь; хотятъ также видѣть здѣсь Рахиль и Есфирь [2]).

Что касается *бюстовъ*, которые находятся между этими статуэтками и заключены какъ бы въ кольцо рамы, то столь же напрасно было бы пытаться указать ихъ *портретное* значеніе, пріурочивая ихъ къ какимъ-либо *опредѣленнымъ* лицамъ. Исключеніе составляютъ здѣсь только два бюста, приходящіеся возлѣ надписи, свидѣтельствующей объ авторѣ этихъ дверей: *Laurentii Cionis de Gibertis* || *Mira arte fabricatum.* Эти головки опредѣлялись какъ портретъ самого *Гиберти* (болѣе молодое изображеніе) и (лицо старческое) его вотчима *Бартоло*, или *Бартолуччо ди Микеле.* Но въ новѣйшее время проф. Брокгаузъ разрушилъ это толкованіе

[1]) Hein. Brockhaus, Forschungen üb. Florentiner Kunstwerke, стран. 12 и слѣд.

[2]) Perkins, Ghiberti, стран. 81 и слѣд.

указаніемъ на то, что вотчимъ Гиберти Бартоло умеръ раньше, чѣмъ его пасынокъ, ставши знаменитымъ ваятелемъ, получилъ этотъ славный заказъ. Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія этого вопроса проф. Брокгаузъ пришелъ къ заключенію, что здѣсь, на этихъ дверяхъ, можетъ быть рѣчь только объ одной головѣ, объ изображеніи этого старика, имѣющаго за 70 лѣтъ. Его нѣмецкій ученый считаетъ за *самого Гиберти* въ періодъ окончанія этихъ *третьихъ* дверей, и къ такому рѣшенію онъ пришелъ, припомнивъ, что на *вторыхъ* дверяхъ, также посрединѣ двухъ частей надписи съ именемъ художника Гиберти, находится мужская голова, очень похожая на этого старика, только человѣка средняго возраста, лѣтъ за 40. А это и были годы Гиберти, когда онъ оканчивалъ вторыя двери. Желая убѣдить читателей въ вѣрности своей догадки, проф. Брокгаузъ сопоставилъ эти портретныя изображенія съ двухъ дверей *особо*, на одной таблицѣ. Хочется вѣрить, что мы имѣемъ здѣсь *одно и то же лицо*, лишь въ разные періоды жизни, и что эти изображенія — два портрета самого *Лоренцо Гиберти*.

Изъ вышеизложеннаго, казалось бы, становится яснымъ, какимъ разнообразіемъ по содержанію и какою многочисленностью изображеній отличаются двери, теперь насъ занимающія. Но этимъ не ограничивается забота Гиберти сдѣлать свое созданіе возможно импозантнымъ. Съ этою цѣлью онъ *окружилъ* собственно двери великолѣпнѣйшею *гирляндой*, пустивъ ее подниматься изъ двухъ вазъ вверхъ, по косякамъ и притолокѣ дверей. Эта гирлянда считается въ исторіи искусствъ также знаменитой, представляя собою необыкновенную грацію соединенія произведеній растительнаго и животнаго царства. Здѣсь мы имѣемъ въ большомъ изобиліи и въ прекрасныхъ сочетаніяхъ листья, букеты цвѣтовъ и плоды самыхъ разнообразныхъ сортовъ пышной итальянской флоры, а изъ животнаго царства мы встрѣчаемъ здѣсь птицъ и звѣрковъ: сову, куропатку, филина, голубя, орла и бѣлку, грызущую орѣхи.

Въ 1452 году, 16 іюня, происходила торжественная постановка дверей на ихъ нынѣшнее мѣсто, послѣ того какъ бронза была вся вызолочена и двери заблистали въ этомъ золотомъ сіяніи. Позолота, съ теченіемъ времени, отъ вліянія атмосферическихъ силъ исчезла, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пятенъ, легко узнаваемыхъ и въ настоящее время. Историки искусствъ почти единогласно радуются этому исчезновенію позолоты, которая должна была дѣйствовать невыгодно для ясности контуровъ рельефа.

VII.

Въ послѣдующіе вѣка гипсовыя копіи этихъ дверей распространились по Академіямъ Художествъ и другимъ художественнымъ школамъ, а также по большимъ музеямъ всего цивилизованнаго свѣта [1]).

[1]) Гипсовый слѣпокъ «Райскихъ дверей» Гиберти поступилъ въ Академію въ 1774 году 1 февраля отъ статскаго совѣтника Никиты Акинфіевича Демидова — въ даръ за избраніе его въ Почетные члены Академіи, послѣдовавшее въ сентябрѣ 1774 года. Документы объ избраніи Демидова и его письмо о сихъ дверяхъ, аттестуемыхъ имъ произведеніемъ «древняго и славнаго художника,

Въ послѣдней четверти XVIII вѣка гипсовый слѣпокъ этихъ дверей Гиберти былъ принесенъ въ даръ Императорской Академіи Художествъ въ Петербургѣ Никитой Акинфіевичемъ Демидовымъ, и когда заканчивалось сооруженіе Казанскаго Собора, то строительною комиссіей рѣшено было воспроизвести этотъ великій памятникъ литейнаго искусства въ бронзѣ и повѣсить эту бронзовую копію на главномъ мѣстѣ сѣвернаго портика, въ самомъ центрѣ, противъ Невскаго проспекта. Работа отливки и чеканки этой копіи была поручена, какъ говорится въ офиціальномъ описаніи сего Собора, «литейнаго и чеканнаго дѣлъ мастеру Академіи Художествъ Василью Екимову. Мѣди употреблено Екимовымъ 182 пуда 39 фун. Отливка и чеканка дверей стоила 12.500 руб. Послѣ постановки на мѣсто двери стоили до 25.000 руб».

Нельзя не отдать справедливости величію этого *замысла* строительной комиссіи Казанскаго Собора воспроизвести для знаменитаго храма столицы Россійской Имперіи, исполненнаго въ *итальянскомъ* характерѣ, произведеніе итальянскаго искусства, пользующееся всемірною славой.

Замыслъ былъ весьма счастливый и вполнѣ самостоятельный, такъ какъ неизвѣстно, существовала ли *бронзовая* копія этихъ дверей еще гдѣ-нибудь въ Европѣ. Но, къ прискорбію, теперь, черезъ 100 лѣтъ, приходится признать, что величію указаннаго намѣренія не отвѣчало самое *исполненіе*. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ несчастнымъ свойствомъ русскаго характера, которому имя «лѣнь и небрежность». Мы встрѣчаемся съ привычкой нашихъ начальствующихъ лицъ сваливать работу на своихъ подчиненныхъ въ убѣжденіи, что эти послѣдніе сдѣлаютъ ее, конечно, безукоризненно. Начальствующія лица при этомъ бываютъ такъ увѣрены въ достоинствахъ исполненія ихъ приказовъ, что даже не сознаютъ своего долга, во-время просмотрѣть и внимательно провѣрить сдѣланное для нихъ другими.

Не знаешь теперь, кого винить: главнаго ли архитектора Казанскаго Собора Воронихина или вышеназваннаго литейщика Академіи Художествъ Василія Еки-

---

называемаго Жанъ де Булонь», находятся въ архивѣ Императорской Академіи Художествъ подъ заглавіемъ:

Дѣло о Гдинѣ Почетномъ членѣ Никитѣ Акинфіевичѣ Демидовѣ. На 7 листахъ.

Письмо сіе гласитъ слѣдующее:

«Императорской Академіи Художествъ, Высокопревосходителному Господину президенту и высокопочтенному собранію:

Милостивые мои государи!

Во время путешествія моего по равнымъ Европейскимъ государствамъ между прочими любопытства достойными вещъми, усмотрелъ я, во Флоренціи Бронвовыя въ церквѣ врата, древняго и славнаго художника, навываемаго Жанъ де Булонь, а чтобъ докавать ревность къ высокопокровительствуемымъ въ Россій премудрою нашею монархинею художествамъ, не пожалелъ я ни труда ни иждивенія на пріобретеніе съ оныхъ вратъ достать точнаго подобія, для принесенія вдаръ Императорской академіи, дабы оное могло послужить къ вящшему Распространенію знанія нашихъ художниковъ, желаніе мое прямо совершится, естли Императорская академія то подобіе соблаоволитъ принять, съ тѣмъ же Удовольствіемъ съ какимъ я приношу, и съ засвидѣтельствованіемъ истиннаго моего почтенія Имѣю честь пребыть всегда вашъ Милостивые государи всегдашній и преданнѣйшій слуга

Никита Демидовъ».

Февраля 1 дня 1776 года Москва.

мова, за то, что *надлежащій порядокъ* рельефныхъ изображеній этихъ дверей пришлось устанавливать, по мѣрѣ силъ и малыхъ знаній, простымъ рабочимъ, которые или не знали послѣдовательности библейскихъ сказаній, изображенныхъ на этихъ дверяхъ, или же не угадали вообще содержанія этихъ изображеній, полагая, что это какія-то, имъ неизвѣстныя «итальянскія» картины.

Чтобы выяснить нашу мысль, мы должны принять въ соображеніе способъ изготовленія и упаковки гипсовыхъ копій этого памятника. Эти двери были отлиты въ гипсѣ не всѣ вмѣстѣ, а по отдѣльнымъ частямъ: особо каждая рельефная плита, особо отливались и части рамы. Отдѣльно все это укладывалось въ ящики: части рамы — въ одни ящики, рельефныя плиты — въ другіе. При сборѣ этихъ частей прежде всего выкладываютъ на полу раму, а такъ какъ отверстія этой рамы, предназначенныя для рельефныхъ плитъ, совершенно равны по своимъ размѣрамъ, то рабочіе чеканныхъ дѣлъ мастера Василія Екимова легко могли приладить эти 10 рельефныхъ плитъ въ 10 готовыхъ отверстій. При этомъ, очевидно, не было ими обращено вниманія на какой-либо порядокъ сихъ изображеній. Начальникъ, ими руководившій, оставшись доволенъ тѣмъ, что изъ этихъ разрозненныхъ частей возникло все цѣлое, не взялъ на себя труда поинтересоваться *содержаніемъ* этихъ, какъ говорится у архитекторовъ, «дверныхъ филенокъ», украшенныхъ картинами. Гипсы Императорской Академіи Художествъ послѣ были отлиты *въ бронзѣ*, и *бронзовыя двери* подъ названіемъ «флорентійскихъ вратъ» въ 1811 году были повѣшены въ сѣверномъ портикѣ на свое мѣсто, гдѣ онѣ находятся такимъ образомъ уже 100 лѣтъ.

Бывши въ Петербургѣ лѣтомъ 1909 года, я остановился передъ этими дверями, съ радостью встрѣтивъ здѣсь своего знаменитаго флорентійскаго знакомца. Чувство удовольствія стоять передъ отечественнымъ воспроизведеніемъ великаго памятника итальянскаго искусства было полное, пока я разсматривалъ первые четыре верхніе рельефа. Это были: Сотвореніе прародителей, Каинъ и Авель, Исторія Ноя и Исторія Авраама. Но по мѣрѣ того, какъ я опускалъ глаза внизъ, чувство этого наслажденія смѣнилось полнымъ недоумѣніемъ. Вооруженный тогда лишь слабыми очками, я готовъ былъ признать ихъ недостаточность въ данномъ случаѣ.

Желая провѣрить себя, я тотчасъ же купилъ очки болѣе сильныя, воротился на галлерею Казанскаго Собора и тутъ окончательно долженъ былъ убѣдиться, что *наша русская копія знаменитый итальянскій оригиналъ испортила* до невѣроятія. Начиная съ *пятаго* рельефа и до конца, всѣ скульптурныя доски оказались перепутанными въ такой мѣрѣ, что вслѣдъ за Авраамомъ поставленъ Соломонъ и царица Савская, съ Соломономъ и царицей Савской рядомъ умѣстилась плита съ Переходомъ евреевъ черезъ Чермное море и съ Законодательствомъ Моисея. Встрѣча Іосифа и братьевъ его въ Египтѣ появилась *раньше* исторіи Исаака, Исава и Іакова, а послѣднее мѣсто во всей картинѣ занялъ поединокъ Давида съ Голіафомъ, словомъ, историческяя путаница получилась небывалая и трудно чѣмъ и кѣмъ объяснимая, кромѣ, увы, нашей русской халатности и привычки дѣлать все «на авось» и «какъ-нибудь».

Вмѣстѣ съ рельефными плитами знаменитыхъ дверей судьбу этой расправы несвѣдущихъ рабочихъ раздѣлили также и *статуэтки*, рамы этихъ рельефовъ съ изображеніями, мужей и женъ Библіи. Эти статуэтки разставлены здѣсь также совсѣмъ не въ томъ порядкѣ, въ которомъ размѣстилъ ихъ самъ Гиберти, а такъ, какъ надумалось это сдѣлать рабочимъ литейщика Василія Екимова. Найти въ этомъ новомъ распорядкѣ 20-ти статуэтокъ какой-нибудь смыслъ нѣтъ возможности. Онѣ разсѣяны такъ, какъ пришлось.

Совершенному исключенію въ нашей копіи подверглась *знаменитая гирлянда* изъ листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ, съ изображеніемъ животныхъ и птицъ, о которой мы говорили раньше. Ее рѣшено было замѣнить гирляндой *собственнаго* изготовленія, которая была высѣчена изъ оскольскаго камня. Гирлянда эта исключительно травного характера, въ художественномъ отношеніи она, даже и въ весьма слабой степени, не приближается къ исключенному здѣсь знаменитому оригиналу; по мотивамъ и по исполненію эта русская гирлянда является созданіемъ очень бѣднымъ и художественнымъ требованіямъ не удовлетворяющимъ.

Заинтересованный всѣмъ этимъ, я съ разрѣшенія предсѣдателя нашего общества гр. П. С. Уваровой, заказалъ сдѣлать фотографію, какъ въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ ихъ частей, которыя имѣю честь представить Вашему благосклонному вниманію. Какъ видно на этихъ изображеніяхъ, отливка гипсовъ въ бронзѣ литейщикомъ Василіемъ Екимовымъ исполнена безукоризненно. Всѣ изображенія въ настоящее время стали ясны, послѣ того какъ прекратился обычай покрывать эти бронзовыя двери масляннною краской во время ремонтныхъ работъ собора. Отъ нѣсколькихъ слоевъ красокъ, такимъ образомъ наложенныхъ на бронзовые рельефы, послѣдніе съ теченіемъ времени совсѣмъ заплыли и стали какъ бы невидимы, на что въ 1871 году жаловался составитель «Указателя скульптурнаго музея Императорской Академіи Художествъ» (отд. II, стран. 25).

VIII.

Прибавимъ два слова о томъ, что свою особую судьбу получилъ въ Петербургѣ этотъ памятникъ итальянскаго искусства и въ печатномъ *офиціальномъ толкованіи его содержанія*. Очевидно, наименованіе рельефовъ этихъ дверей, сдѣланное въ автобіографическихъ запискахъ самимъ Гиберти, осталось составителю «Краткаго описанія С.-Петербургскаго Казанскаго Собора» совсѣмъ неизвѣстнымъ, потому что его опредѣленія существенно расходятся съ показаніями самого Гиберти. Это будетъ ясно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

1. «Опьяненіе Ноя» (III), по опредѣленію Гиберти, явилось «Убіеніемъ Моисеемъ Египтянина и изведеніемъ евреевъ изъ Египта» въ русскомъ объясненіи [1]).

---

[1]) «Кратк. опис.», стран. 14. Автору «Описанія», очевидно, осталось неизвѣстной и книга Г. Г. Трея, «Указатель скульптурнаго музея Имп. Академіи Художествъ» (С.-Пб. 1871), въ которой тогдашній ученый археологъ Имп. Эрмитажа совершенно вѣрно передалъ содержаніе каждаго рельефа и въ точной послѣдовательности библейскихъ повѣствованій; см. отд. II, стран. 25 и слѣд.

Всякій, конечно, спросить, что же общаго между этими повѣствованіями Библіи и какимъ образомъ составитель «Описанія» могъ смѣшать эти два событія? Общаго здѣсь нѣтъ ничего ни по времени, ни по мѣсту, ни по формамъ изображенныхъ дѣйствующихъ лицъ, — и духовное лицо, составлявшее это офиціальное описаніе, конечно, и не смѣшивало сихъ повѣствованій Библіи. Авторъ петербургскаго объясненія перенесъ изображенную здѣсь сцену въ Египетъ, повидимому, увлекшись, *пирамидальнымъ* зданіемъ, находящимся на заднемъ планѣ картины. Надо думать, что это изображеніе онъ принялъ за настоящую *пирамиду*, а такъ какъ пирамиды характеризуютъ собою и до сего времени Египетъ, то мысль нашего автора и перенеслась въ эту страну, и здѣсь небольшую кучку лицъ, стоящихъ у пирамидальнаго зданія, онъ принялъ за исходъ Евреевъ изъ Египта... А такъ какъ, по Библіи, это совершилось послѣ того, какъ Моисей убилъ Египтянина, жестоко обходившагося съ Евреемъ, то въ лежащей фигурѣ въ лѣвомъ углу, на переднемъ планѣ нашей картины составитель «Описанія Казанскаго Собора» усмотрѣлъ трупъ этого Египтянина, убитаго Моисеемъ. Но все это объясненіе русской печатной книги разрушается до основанія потому, что самъ Гиберти называетъ всю эту картину «Опьяненіемъ Ноя послѣ потопа». Тогда пирамидальное зданіе, о которомъ мы сказали раньше, это *Ковчегъ Ноя;* группы людей, звѣрей и птицъ — это семейные Ноя и животныя, по окончаніи потопа выходящіе изъ Ковчега, а лежащая фигура стараго человѣка, полураздѣтая, на первомъ планѣ картины — это не убитый Моисеемъ Египтянинъ, а охмѣлѣвшій Ной, уснувшій возлѣ бочекъ, очевидно, наполненныхъ виномъ. Три молодыя мужскія фигуры, стоящія возлѣ него это — Симъ, Хамъ и Іафетъ, изъ которыхъ первый и третій стоятъ спинами къ отцу, а Хамъ, смотря на некрасивую позу спящаго родителя, ведетъ, жестикулируя, нечестивую рѣчь.

Итакъ, эта картина не имѣетъ *ничего общаго* ни съ Египтомъ, ни Моисеемъ и Исходомъ евреевъ изъ этой страны.

2. Другой примѣръ столь же *произвольнаго* толкованія скульптурной картины Гиберти, вопреки его собственному наименованію, мы встрѣчаемъ въ рельефѣ подъ № V. Здѣсь рабочіе литейныхъ и чеканныхъ дѣлъ мастера Василія Екимова произвольно помѣстили рельефную доску съ изображеніемъ пріема царицы Савской Соломономъ, относительно которой у насъ была рѣчь уже выше. Мужская, царственная фигура, стоящая въ центрѣ картины, это — Соломонъ, пожимающій руку своей царственной гостьѣ, царицѣ Савской. Толпа мужчинъ и женщинъ, это — евреи, съ одной стороны, и свита высокой путешественницы, явившейся издалека для бесѣды съ Соломономъ, съ другой. Такъ это объясненіе неизмѣнно стояло въ теченіе 4-хъ столѣтій, пока въ русскомъ толкованіи эта картина не получила названія «*Прославленіе Мардохея*». Очевидно, главную фигуру этой картины, одѣтую въ царскія одежды, авторъ «Описанія Собора» принялъ за Мардохея, по Библіи, возвышеннаго персидскимъ царемъ Артаксерксомъ за открытіе имъ заговора на его жизнь, а женскую фигуру, стоящую возлѣ, нашъ авторъ принялъ за двоюродную сестру Мардохея, Есѳирь, сдѣлавшуюся царицей, женою Артаксеркса. Но такое

толкованіе этой картины представляется невозможнымъ уже потому, что прославленіе Мардохея, по сказанію Библіи, заключалось не въ выставленіи его напоказъ передъ храмомъ, а въ томъ, что, надѣвши на него царскія одежды, посадили его на царскаго коня и возили по Сузамъ на виду всего населенія. И такъ здѣсь мы имѣемъ не Мардохея и Есѳирь, а Соломона и царицу Савскую.

3. Новый образецъ произвольнаго толкованія произведенія Гиберти видимъ и въ той его картинѣ, которая называется *пораженіемъ Филистимлянъ* послѣ поединка Давида съ Голіафомъ. Большая мужская фигура, поверженная на землю на первомъ планѣ картины, это — Голіафъ, которому юноша Давидъ побѣдоносно отрубаетъ голову ножемъ. Фактъ библейской исторіи, хорошо всѣмъ извѣстный, посему непонятно, зачѣмъ составителю «Описанія Казанскаго Собора» понадобилось усмотрѣть здѣсь «Пораженіе гордаго Никанора, грозившаго разрушить Іерусалимъ и храмъ» [1]). Правда въ первой книги Маккавеевъ дѣйствительно разсказывается о походѣ Никанора, военачальника греческаго царя Дмитрія Селевкида, на Іерусалимъ, вызванномъ тамошними неурядицами и ожесточенною борьбой партій (Маккав., I кн., гл. 7); но это событіе въ ряду другихъ фактовъ израильской исторіи сравнительно мелкое, мало извѣстное и Гиберти въ нашемъ памятникѣ совсѣмъ не занимавшее. На этой картинѣ — поединокъ Давида и Голіафа и пораженіе Аммонитянъ.

Въ заключеніе нашего, къ сожалѣнію долго затянувшагося, сообщенія слѣдуетъ упомянуть, что авторомъ знаменитыхъ флорентійскихъ дверей въ петербургскомъ описаніи названъ какой-то, совсѣмъ небывалый въ исторіи искусствъ, *Баптистеръ*. Здѣсь, очевидно, по ошибкѣ принято итальянское слово Battistero — *крещальня, крестильная церковь* (изъ лат. Baptisterium), *за имя художника*, дѣлавшаго эти двери... Очень жаль, что эти досадныя ошибки цѣликомъ повторены и въ послѣднемъ изданіи «Описанія Казанскаго Собора» (С.-Пб. 1910 года).

Такова печальная участь, постигшая знаменитыя «Райскія двери» Лоренцо Гиберти на берегахъ Невы, въ Петербургѣ, въ соборномъ его храмѣ, 100 лѣтъ стоящемъ возлѣ самой людной полосы Невскаго проспекта. Не безъ чувства сердечной грусти мнѣ приходится сообщать объ этомъ въ настоящій юбилейный годъ этой замѣчательной церкви нашей сѣверной столицы.

И. Цвѣтаевъ.

[1]) Указ. соч., стран. 14.

Археологическія изслѣдованія въ окрестностяхъ г. Мурома, въ 1910 году.

Посвящается графинѣ П. С. Уваровой.

В. А. Городцовъ.

ЧАСТЬ I.

Общіе результаты.

Поводомъ къ археологическимъ изслѣдованіямъ въ окрестностяхъ г. Мурома, въ 1910 году, послужило совершенно случайное обстоятельство. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года предсѣдателемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графиней П. С. Уваровой, было получено извѣстіе, что въ д. Подболотьѣ, верстахъ въ 7 отъ г. Мурома, при проведеніи шоссе открытъ богатый могильникъ, который безпощадно расхищаютъ мѣстные крестьяне. Чтобы спасти для науки хотя бы какіе-нибудь остатки разрушаемаго памятника, мнѣ было поручено произвести раскопки въ д. Подболотьѣ, при чемъ всѣ расходы по веденію работъ гр. П. С. Уваровой были приняты на свой счетъ; такимъ образомъ, результаты описываемыхъ работъ обязаны своимъ появленіемъ предъ наукой прежде всего гр. П. С. Уваровой.

Предполагая, что послѣ кладоискателей уцѣлѣло немногое, я разсчитывалъ употребить на раскопки не болѣе 5 дней. На такой срокъ со мною отправились изъ г. Москвы, въ качествѣ добровольныхъ помощниковъ, мои ученики, слушатели 3-го курса Московскаго Археологическаго Института, Вѣра В. Гольмстенъ и Д. Н. фонъ-Эдингъ. Время работы, однако, сильно затянулось, и, вмѣсто предполагаемыхъ 5 дней, намъ пришлось работать ровно мѣсяцъ (отъ 21-го мая по 21-е іюня).

Благодаря просвѣщенному содѣйствію и необыкновенной заботливости графини П. С. Уваровой и ея дочерей графинь П. А. и Е. А. Уваровыхъ, работы изслѣдователей были обставлены полнымъ комфортомъ. Для жизни ихъ была снята въ Подболотьѣ прекрасная дача съ полнымъ иждивеніемъ, а когда работы были перенесены въ другіе пункты, то изслѣдователямъ предоставлены роскошные покои въ домѣ графинь Уваровыхъ. Такая исключительная забота со стороны просвѣщеннѣйшихъ лицъ и обезпечила возможность не только успѣшно выполнить главную

задачу раскопокъ Подболотьевскаго могильника, но еще и обслѣдовать нѣсколько другихъ пунктовъ, гдѣ были добыты не менѣе важные научные результаты. Такимъ образомъ, удалось 1) осмотрѣть обнаженія Карачаровскаго оврага, гдѣ графъ А. С. Уваровъ открылъ первую русскую палеолитическую стоянку и гдѣ нами отысканы признаки такой же стоянки, обнажившіеся въ томъ же оврагѣ, но въ другомъ пунктѣ; 2) произвести изслѣдованія на Волосовской дюнѣ, извѣстной своею богатѣйшею неолитическою стоянкой, гдѣ нами обслѣдованы два могильника разныхъ эпохъ и одна землянка неолитической стоянки; 3) осмотрѣть курганы, разрытые у д. Колдиной, при проведеніи тогда только что строившейся новой желѣзной дороги изъ г. Москвы въ г. Муромъ, и 4) познакомиться съ нѣсколькими коллекціями частныхъ лицъ, проживающихъ въ г. Муромѣ, гдѣ намъ удалось, между прочимъ, видѣть вещи изъ древняго могильника, открытаго въ самомъ г. Муромѣ, на землѣ кладбищенской церкви Прасковеи Пятницы, при чемъ вещи эти оказались вполнѣ тождественными съ вещами Подболотьевскаго могильника.

Въ общемъ, добытый и осмотрѣнный матеріалъ охватываетъ большое время, касаясь памятниковъ каменнаго и металлическаго періодовъ. Памятники каменнаго періода относятся къ палеолитической и неолитической эпохамъ, а памятники металлическаго періода — къ бронзовой и желѣзной эпохамъ. Мы сдѣлаемъ обзоръ ихъ въ этой хронологической послѣдовательности.

I. Каменный періодъ.

А. Палеолитическая эпоха.

Карачаровская стоянка.

Открытіе стоянки сдѣлано гр. А. С. Уваровымъ въ 1877 году [1]). Съ этихъ поръ стоянку посѣтило много выдающихся русскихъ ученыхъ, таковы: акад. И. С. Поляковъ и профессора В. Б. Антоновичъ, В. В. Докучаевъ, А. П. Павловъ, П. П. Кротовъ и др.; но въ послѣднее время её, какъ будто, стали забывать. Случайно оказавшись на мѣстѣ столь знаменитаго памятника, мы, естественно, не могли оставить его безъ осмотра.

Открытая гр. А. С. Уваровымъ стоянка находится близъ его усадьбы, теперь перешедшей во владѣніе графинь, въ лѣвомъ берегу оврага, отдѣляющаго усадьбу отъ с. Карачарова (рис. 7, А). Мѣсто уваровскихъ раскопокъ замѣтно до сихъ поръ, хотя вырытая траншея значительно заплыла и покрылась растительностью. Изучая естественныя обнаженія оврага и отыскивая въ оврагѣ какіе-либо признаки существованія здѣсь палеолитической стоянки, мы нашли обнаженіе углистаго слоя, залегавшаго въ горизонтѣ палеолитической стоянки. Послѣднее подтвердила и лично осмотрѣвшая обнаженіе гр. П. С. Уварова, участвовавшая въ раскопкахъ 1877 года.

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. Каменный періодъ, т. I, стран. 112—120.

Обнаженіе находилось шагахъ въ 500 отъ ранѣе изслѣдованной палеолитической стоянки (рис. 7, В). Темный слой, содержавшій въ себѣ крупные угли, залегалъ на глубинѣ двухъ аршинъ, въ лёссовидномъ желтомъ суглинкѣ. Подстилающая уголь глина носила характерные признаки вліянія на нее сильнаго огня, получивъ кирпично-красную окраску, проникшую въ массу глины вершка на два.

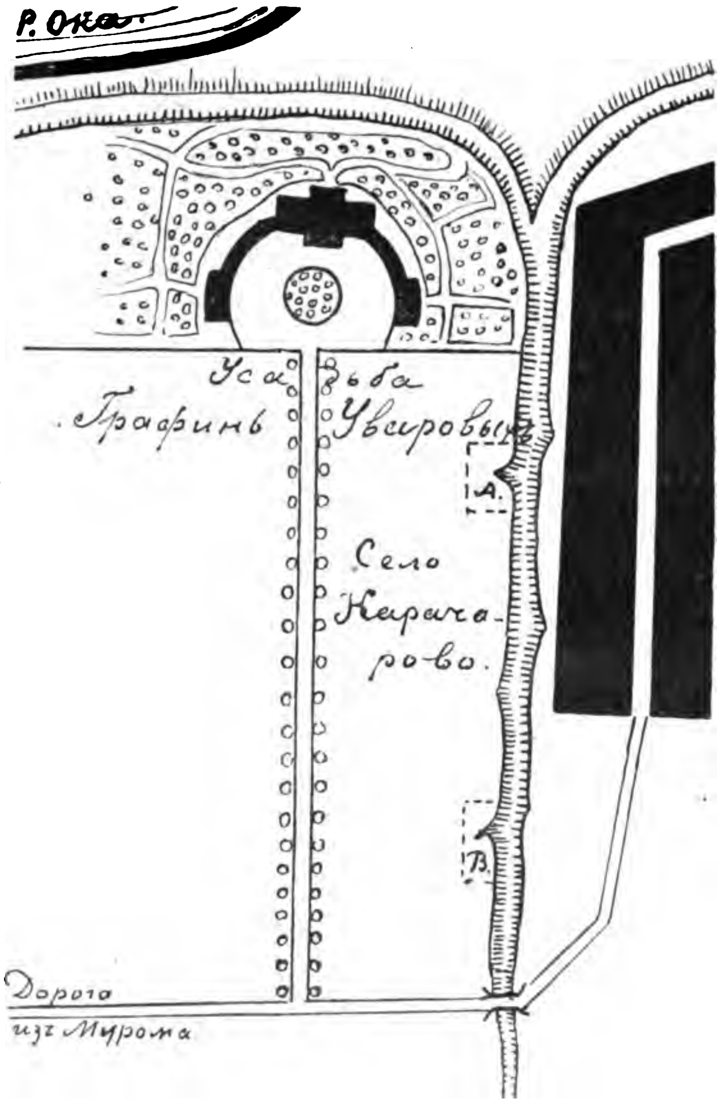

Рис. 7.

Изучая это интересное обнаженіе, можно было придти къ заключенію, что въ данномъ случаѣ имѣется дѣло съ остатками палеолитическаго кострища, большая часть котораго, однако, уже разрушена ежегодно разрастающимся вверхъ оврагомъ.

Въ свѣжемъ боковомъ обнаженіи оврага было видно, что углистый слой быстро выклинивается и далѣе, внутрь материка, идетъ чистая глина, не содержащая никакихъ остатковъ. Въ виду чего мы и не рѣшились поставить здѣсь раскопки, тѣмъ болѣе, что при самыхъ тщательныхъ поискахъ на днѣ оврага въ данномъ

пунктѣ не удалось найти ни костей ископаемыхъ животныхъ, ни кремневыхъ орудій, что какъ бы указывало на бѣдность содержанія этого кострища.

Въ заключеніе остается еще отмѣтить, что при проведеніи желѣзной дороги по Бучихинскому оврагу, отдѣляющему владѣнія г. Мурома отъ владѣній с. Карачарова, въ томъ же 1910 году, были найдены въ желтоватой лёссовидной глинѣ кости мамонта.

B. Неолитическая эпоха.

Волосовская стоянка.

Волосовская неолитическая стоянка, благодаря обилію добытыхъ на ней памятниковъ, пользуется широкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Ея первое научное изслѣдованіе такъ же, какъ и палеолитической Карачаровской стоянки, принадлежитъ гр. А. С. Уварову [1]). Но для освѣщенія ея много поработали П. П. Кудрявцевъ, Н. Г. Добрынкинъ и другіе.

Приступая къ изслѣдованію стоянки, мы прежде всего постарались выяснить мѣсто старыхъ раскопокъ, что, благодаря подвижности дюнной почвы, составило не совсѣмъ легкое дѣло. Намъ помогли волосовскіе старожилы, изъ которыхъ нѣкоторые лично участвовали или наблюдали въ качествѣ зрителей, болѣе обширныя и болѣе памятныя раскопки гр. А. С. Уварова и П. П. Кудрявцева, которыхъ они хорошо знали и память о которыхъ сохраняютъ до сихъ поръ. По указаніямъ этихъ лицъ выяснено, что раскопки обоихъ поименованныхъ изслѣдователей сосредоточивались на небольшой площадкѣ (рис. 8, C), гдѣ ими и была открыта неолитическая стоянка; на этой площадкѣ работали и нѣкоторые другіе изслѣдователи, а также сосредоточили всю свою губительную дѣятельность и современные кладоискатели. На этой площадкѣ повели раскопки и мы. Раскопки наши носили развѣдочный характеръ: ихъ прямою цѣлью служило изученіе содержимаго въ культурномъ слоѣ. Для болѣе же основательныхъ раскопокъ мы не имѣли ни причинъ, ни достаточнаго времени.

Заложенная и вырытая траншея (рис. 8, 1) дала возможность выяснить, что въ верхнихъ слояхъ, сильно потревоженныхъ кладоискателями, залегаютъ памятники двухъ совершенно различныхъ эпохъ: желѣзной и неолитической, а въ нижнихъ — исключительно только неолитической. Кромѣ того, въ этой траншеѣ, доведенной до глубины $1^1/_2$ аршина, собранъ довольно значительный матеріалъ, состоящій изъ кремневыхъ подѣлокъ, обломковъ глиняной посуды, костей животныхъ, птицъ, рыбъ и, наконецъ, разныхъ видовъ раковинъ. Со дна траншеи прослѣжены, въ боковыхъ разрѣзахъ ея, двѣ землянки, выполненныя интенсивно-черною углистою почвой. Изъ этихъ землянокъ мы могли раскопать только одну; другую же оставили нераскопанною.

---

[1]) Ibid., стран. 288—324.

Вскрытая землянка имѣла форму овальной ямы, 7 аршинъ въ діаметрѣ и $2^1/_4$ аршина глубиною, считая отъ поверхности всего культурнаго слоя. На днѣ

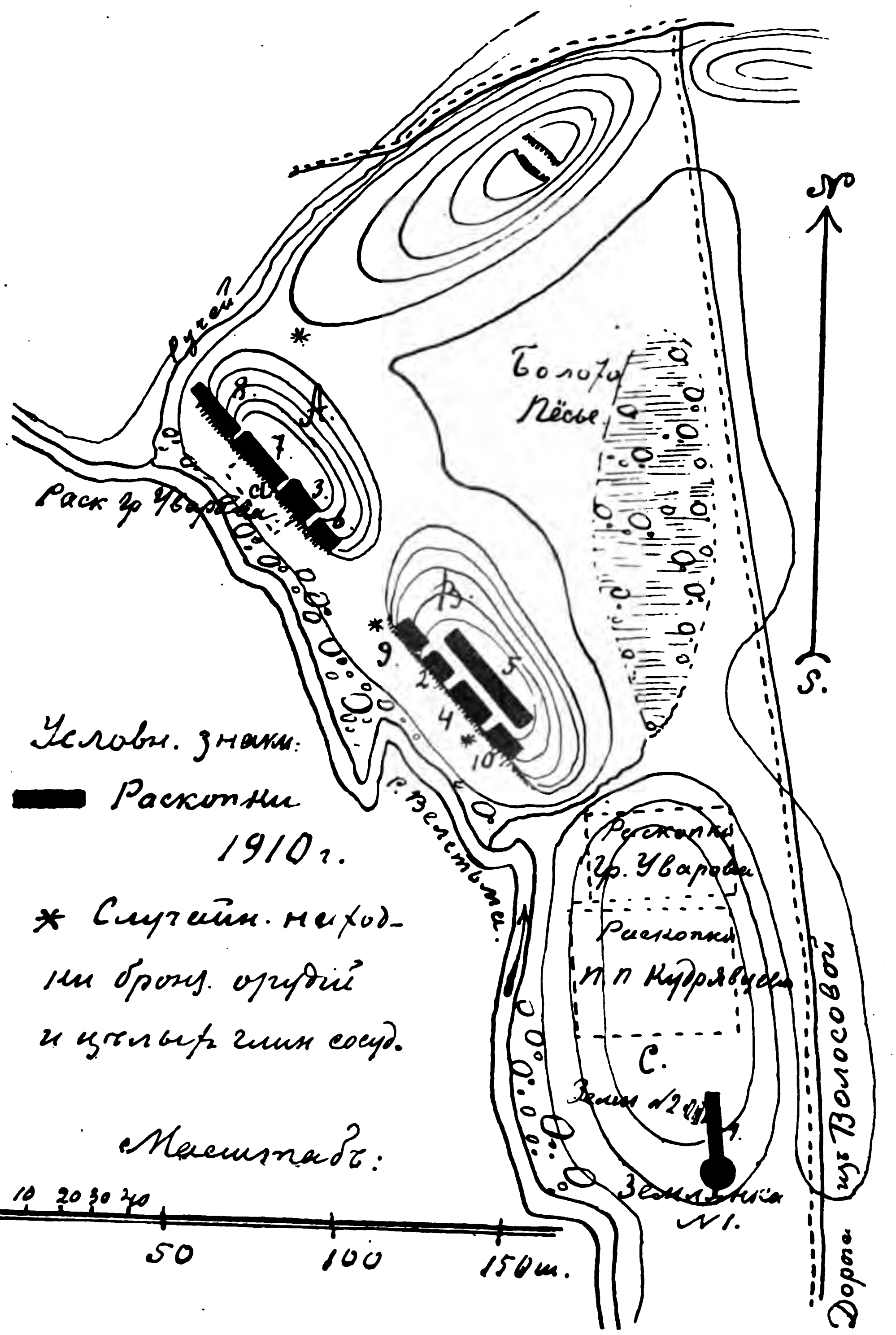

Рис. 8.

землянки, въ черномъ жирномъ слоѣ, были найдены кремневыя орудія, обломки глиняной посуды и немного костей животныхъ въ чрезвычайно ветхомъ состояніи.

Открытіе землянокъ на Волосовской неолитической стоянкѣ не представляетъ чего-либо неожиданнаго: такія землянки въ настоящее время открыты на нѣсколькихъ дюнныхъ стоянкахъ. Странно только, что онѣ не были прослѣжены предшествующими изслѣдователями. Судя же по тому, что двадцати-аршинная, заложенная нами, траншея обнаружила двѣ землянки, слѣдуетъ полагать, что число ихъ на всей площади стоянки должно быть значительно.

Къ какому времени слѣдуетъ относить землянки и памятники болѣе глубокихъ отложеній культурнаго слоя, мы, при настоящемъ нашемъ знаніи, можемъ только сказать — къ неолитической эпохѣ. Принимая же во вниманіе, что среди многочисленнѣйшихъ каменныхъ орудій, найденныхъ на этой стоянкѣ разными лицами, встрѣчаются сверленыя орудія, стоянку слѣдуетъ отнести къ концу неолитической эпохѣ, именно, къ порѣ сверленыхъ орудій.

Изъ найденныхъ нами предметовъ заслуживаютъ вниманія: 1) обломокъ птичьей головки, вытесанной изъ кремневой пластинки; 2) нѣсколько шиферныхъ привѣсокъ; 3) значительное число цѣлыхъ и поломанныхъ кремневыхъ орудій, въ видѣ наконечниковъ стрѣлъ, копій, проколокъ, скребковъ; 4) обломки полированныхъ кремневыхъ орудій; 5) обломки глиняной посуды крупныхъ размѣровъ, сплошь покрытые разнообразными узорами, и 6) кости домашней собаки, медвѣдя, бобра, лося, оленя, кабана, зайца, мелкихъ плотоядныхъ, утки, гуся, разныхъ видовъ мелкихъ рыбъ и др.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что каменныя орудія бываютъ находимы и въ другихъ пунктахъ обширной Волосовской дюны, но время ихъ, въ виду присутствія на дюнѣ разныхъ культуръ, опредѣлить довольно трудно: они могутъ принадлежать и къ неолитической эпохѣ, и къ болѣе позднимъ эпохамъ металлическаго періода, содержащимъ въ себѣ, въ видѣ пережитковъ, подобныя примитивныя орудія.

II. Металлическій періодъ.

А. Бронзовая эпоха.

Вполнѣ характерныхъ памятниковъ бронзовой эпохи до сихъ поръ на Волосовской дюнѣ не было отыскано. Къ этой эпохѣ, однако, возможно относить два случайно найденныхъ глиняныхъ сосуда и нѣсколько погребеній со скорченными костяками.

Оба сосуда небольшихъ размѣровъ, покрыты одинаковыми узорами, состоящими изъ параллельныхъ круговыхъ линій и городковъ, нанесенныхъ зубчатымъ чеканомъ; но одинъ изъ нихъ — плоскодонный, а другой — круглодонный (рис. 9). Плоскодонный сосудикъ найденъ у сѣверозападнаго склона холма В (рис. 8) и поступилъ въ частное собраніе А. Ѳ. Жадина; круглодонный — былъ найденъ лично мною въ котловинѣ выдуванія на сѣверовосточномъ склонѣ холма А. Эти сосуды, по своей формѣ, орнаменту и силѣ обжиганія могутъ относиться къ бронзовой эпохѣ и ближе

всего напоминаютъ острореберные сосуды срубныхъ погребеній со скорченными костяками Донецкаго края. Оба сосуда найдены вывѣянными вѣтромъ изъ песчанаго грунта. Найденный мною — оказался обнаженнымъ только сверху: его обрѣзъ горла былъ виденъ въ формѣ кольца. Это дало возможность произвести около сосуда правильную раскопку, при чемъ установлено, что сосудъ стоялъ на краю темнаго эллиптически вытянутаго пятна, вполнѣ похожаго на могильныя пятна погребеній; но въ этомъ пятнѣ никакихъ другихъ остатковъ погребеній не было найдено. Возможно, что бывшій здѣсь костякъ истлѣлъ безъ остатка.

Погребеній со скорченными костяками открыто три. Всѣ они найдены въ холмѣ А, гдѣ еще ранѣе подобныя погребенія были изслѣдованы гр. А. С. Уваровымъ. Всѣ вновь вскрытыя погребенія сопровождались, исключительно, каменными орудіями, а два погребенія, сверхъ сего, и глиняными сосудами. Оріентировка покойниковъ оказалась довольно неустойчивою. Одинъ покойникъ лежалъ

Рис. 9.

скорченно, на лѣвомъ боку, головою на ССВ (рис. 73); предъ лицомъ его находился глиняный горшечекъ баночной формы и крупное кремневое орудіе, напоминающее формою боевые клевцы; другой покойникъ, повидимому, находился въ сидячемъ положеніи, склоненнымъ на лѣвый бокъ съ лицомъ, обращеннымъ къ западу (рис. 70). Около костяка стоялъ глиняный горшочекъ, той же баночной формы; внутри горшочка лежалъ острый кремневый осколокъ; на лѣвой локтевой кости найдены точильный брусокъ и два наконечника кремневыхъ стрѣлъ. Кромѣ того, въ почвѣ, выполнившей могильную яму, выше костяка, отысканы два кремневыхъ скребка и обломокъ кремневаго полированнаго орудія. Отъ третьяго погребенія сохранились остатки черепа и длинныхъ костей, при нихъ никакихъ вещей не сохранилось; замѣчены только мелкіе угольки въ незначительномъ количествѣ.

Время этихъ погребеній долго пріурочивалось къ неолитической эпохѣ; однако, сосуды, сопровождающіе покойниковъ, никакъ не поддерживаютъ такой даты. По своему общему типу, они ближе всего подходятъ къ донецкой баночной керамикѣ погребеній со скорченными костяками, находимыхъ въ насыпяхъ чуждыхъ

имъ кургановъ. Донецкія погребенія этого типа принадлежатъ къ позднѣйшимъ представителямъ бронзовой эпохи Южной Россіи, еще удерживавшимъ въ своемъ быту, на ряду съ бронзовыми, и каменныя орудія. Интересно, что въ Волосовскихъ погребеніяхъ, нѣкоторыя каменныя орудія и осколки кремня играютъ роль, несомнѣнно, ритуальную; таковы орудія и осколки, полагаемые внутрь глиняныхъ сосудовъ. Возможно, что и часть другихъ орудій имѣла тотъ же ритуальный смыслъ, но въ то же время представляется несомнѣннымъ и практическое назначеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, стрѣлъ и скребковъ...

В. Желѣзная эпоха.

а. Ранняя пора.

Въ обширныхъ коллекціяхъ гр. А. С. Уварова и П. П. Кудрявцева, добытыхъ ими въ Волосовской дюнѣ и теперь хранящихся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ, легко замѣтить памятники разныхъ эпохъ, хотя они и отнесены изслѣдователями къ одной неолитической эпохѣ. Особенно бросаются въ глаза обломки глиняной посуды съ сѣтчатымъ узоромъ, свойственные только ранней порѣ желѣзной эпохи. Все это указывало, что въ Волосовской дюнѣ существуетъ не одно, а, по меньшей мѣрѣ, два культурныхъ наслоенія, что въ послѣднее время и подтвердилось.

Въ 1907 году волосовскіе крестьяне доставили гр. П. С. Уваровой два бронзовыхъ кельта, бронзовое зеркало и обломокъ неизвѣстнаго бронзоваго предмета, найденныхъ, какъ мнѣ удалось выяснить, у обрыва развѣваемаго дюннаго холма В (рис. 8). Въ этомъ же пунктѣ, нѣсколько позже, было найдено бронзовое копье, поступившее въ собраніе г. Волинскаго, начальника одной изъ муромскихъ пароходныхъ станцій, а весною 1910 года — обнажены два человѣческихъ черепа.

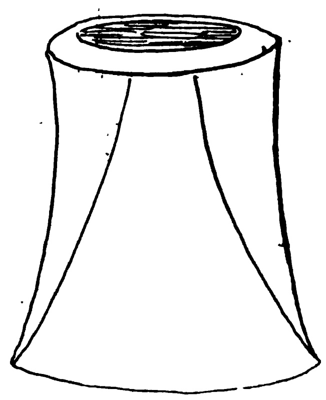

Рис. 10.

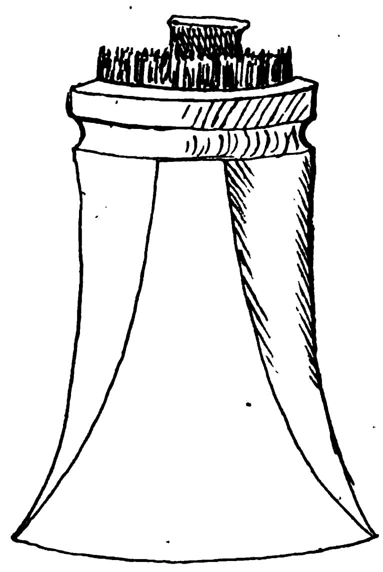

Рис. 11.

Оба бронзовыхъ кельта (рис. 10 и 11) небольшихъ размѣровъ. Въ одномъ изъ нихъ сохранилась часть деревянной рукоятки и вбитая въ нее дубовая заклепка, тщательно затесанная на клинъ. Эта заклепка представляетъ особенный интересъ, такъ

какъ указываетъ, что кельтъ служилъ не топоромъ, а долотомъ, потому что заклепка вбита сверху внутрь кельта и вершина ея характерно разбита ударами, направляемыми сверху. Такимъ образомъ, получается положительное доказательство того, что бронзовые кельты употреблялись не только въ видѣ топоровъ, но и въ видѣ долотъ.

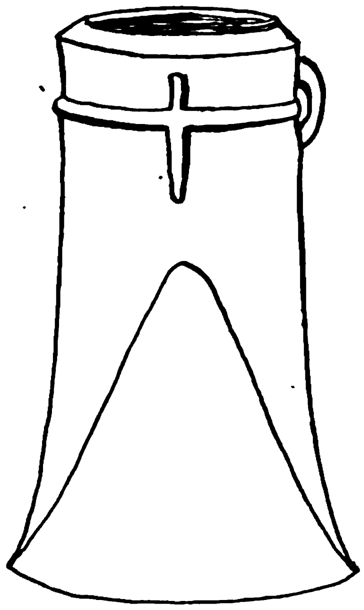

Рис. 12.

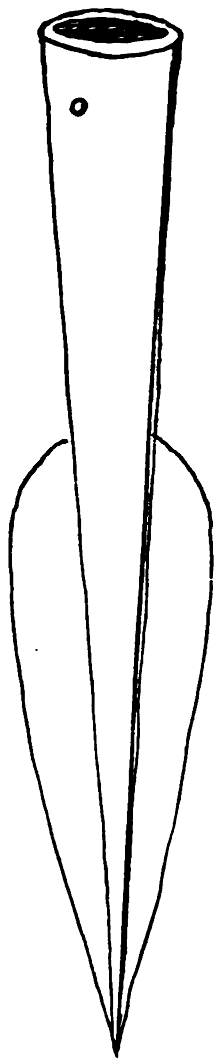

Рис. 13.

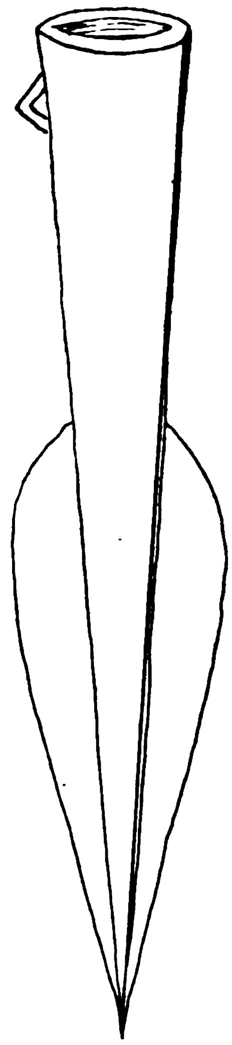

Рис. 14.

Интересно замѣтить, что небольшой бронзовый кельтъ, совершенно схожій съ волосовскими, былъ найденъ тогда же въ самомъ городѣ Муромѣ и поступилъ въ частное собраніе А. Ѳ. Жадина (рис. 12)[1].

Бронзовое волосовское копье также небольшихъ размѣровъ (рис. 13). Подобное ему копьецо было найдено и въ г. Муромѣ (рис. 14); вмѣстѣ съ вышеописаннымъ кельтомъ разница между ними заключается лишь въ томъ, что волосовское копье

[1]) А. Ѳ. Жадинъ, мѣстный собиратель древностей, оказывалъ значительное содѣйствіе во время всѣхъ нашихъ изслѣдованій въ окрестностяхъ г. Мурома.

Авторъ.

имѣетъ отверстіе для гвоздя, скрѣплявшаго наконечникъ копья съ древкомъ, а муромское — для той же цѣли имѣетъ ушко.

Зеркало представляетъ тонкую, сильно окисшую, круглую бронзовую пластинку съ ушкомъ на тыловой сторонѣ. По своимъ размѣрамъ и формѣ, оно совершенно схоже съ сибирскими зеркалами, найденными въ погребеніяхъ съ гипсовыми масками, сопровождающихся большимъ количествомъ бронзовыхъ и рѣдкими экземплярами желѣзныхъ орудій.

Кромѣ описанныхъ бронзовыхъ орудій и другихъ вещей, волосовскіе крестьяне время отъ времени находили и другіе подобные предметы, продавая ихъ разнымъ любителямъ старины, часто являющимся къ нимъ изъ г. Мурома и другихъ мѣстностей.

По согласному показанію крестьянъ, всѣ такого рода предметы обнаруживались вѣтромъ изъ развѣваемаго песчанаго холма В; поэтому естественно было желаніе произвести раскопки на этомъ холмѣ, при чемъ первая же небольшая траншея привела къ открытію погребенія, указавшаго на присутствіе въ данномъ пунктѣ древняго могильника. И, дѣйствительно, при продолженіи раскопокъ было открыто еще девять погребеній.

Покойники лежали вытянуто, на спинѣ, за исключеніемъ одного, склоненнаго на лѣвый бокъ, головами — въ разныя стороны, но чаще къ востоку. При одномъ покойникѣ никакихъ вещей не оказалось, при прочихъ же найдены каменныя, бронзовыя и при одномъ желѣзное орудія, а также нѣкоторыя бронзовыя украшенія и многочисленные обломки, очевидно, преднамѣренно разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ.

Каменныя орудія найдены при трехъ погребеніяхъ. Въ составъ ихъ входили четыре острыхъ осколка кремня и два обломка одного полированнаго долота, сдѣланнаго изъ свѣтло-желтаго кремнистаго известняка. Назначеніе всѣхъ этихъ предметовъ чисто ритуальное. Практическимъ орудіемъ можно считать лишь каменную булаву, сдѣланную въ формѣ усѣченнаго конуса (рис. 71), но этотъ предметъ свойственъ русскимъ культурамъ лишь металлическаго періода.

Бронзовыхъ орудій найдено два. Оба представляютъ видъ небольшихъ кельтовъ, съ однимъ ушкомъ каждый. При обоихъ костякахъ, сопровождавшихся кельтами (рис. 71 и 72), были найдены круглыя бронзовыя, слегка выпуклыя бляхи, съ наружными поверхностями, покрытыми пунктирнымъ орнаментомъ. Назначеніе этихъ бляхъ загадочно, но возможно, что онѣ служили центральными украшеніями щитовъ. Подъ одной бляхой (погр. 9) оказалась желѣзная узкая, но длинная пластинка.

На дѣтскомъ черепѣ одного погребенія найдены остатки вѣнка, составленнаго изъ бронзовыхъ цилиндрическихъ трубочекъ. На черепѣ же другого погребенія замѣчена зеленая окись мѣди, хотя отъ самой мѣди не сохранилось ни одной частицы. Возможно, что и на этомъ черепѣ находился металлическій вѣнокъ.

Желѣзное орудіе найдено одно, повидимому, ножъ, но настолько сильно окисшее, что форму и назначеніе его опредѣлить затруднительно.

Обломки глиняной посуды сопровождали каждое погребенiе. Обыкновенно, они залегали болѣе или менѣе кучно, выше костяка или при костякѣ. Цвѣтъ сосудовъ — желтоватый. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удавалось установить, что обломки принадлежали одному или двумъ разбитымъ сосудамъ. Поверхность большинства сосудовъ покрывается сѣтчатымъ узоромъ, воспроизводимымъ грубою тканью; но на ряду съ этимъ узоромъ встрѣчаются и такiе, которые живо напоминаютъ мотивы неолитическаго орнамента; таковы узоры изъ точечныхъ и зубчатыхъ вдавленiй и др.

Въ двухъ погребенiяхъ сохранились остатки тканей; ткани довольно тонкiя.

Возникаетъ вопросъ, къ какому времени могутъ относиться изслѣдованныя погребенiя? Основываясь на присутствiи желѣза, ихъ, конечно, слѣдуетъ относить къ желѣзной эпохѣ. Судя же по тому, что въ бытѣ еще преобладаютъ бронзовыя орудiя, время погребенiй можно опредѣлить точнѣе, прiурочивъ его къ ранней порѣ желѣзной эпохи, т.-е. ко времени до Р. Хр. Въ данномъ случаѣ заслуживаетъ особеннаго вниманiя керамика съ сѣтчатымъ узоромъ.

Въ Окской Алекановской стоянкѣ, конца бронзовой эпохи [1]) найдена керамика съ орнаментомъ, нанесеннымъ нитью, которую держали за концы и прикладывали къ сырымъ стѣнкамъ глинянаго сосуда. Получались отпечатки линiй, разнообразно пересѣкающiе другъ друга, напоминая сѣтчатый узоръ. Повидимому позже, вмѣсто нити, стали употреблять грубыя ткани, рогожи и даже спецiальныя сѣтки, обертывая которыми мягкiя стѣнки сосудовъ получали, правда, не очень изящные, но зато сплошные узоры, которые принято называть сѣтчатыми. Керамика съ такими сѣтчатыми узорами имѣла широкое распространенiе: она извѣстна на всей площади Волжско-Окскаго междурѣчья и прилегающихъ областяхъ, а въ послѣднее время ее нашли въ Псковской, Тамбовской и Саратовской губернiяхъ. Обыкновенно, сѣтчатая керамика сопровождаетъ самыя древнiя отложенiя городищъ, селищъ и холмищъ. Время ея опредѣлялось различно. Въ городищахъ и холмищахъ, наряду съ нею, найдены костяныя, желѣзныя и, въ исключительныхъ случаяхъ, каменныя орудiя. Принимая во вниманiе тотъ фактъ, что въ финскихъ могильникахъ, открытыхъ въ значительномъ количествѣ на площади распространенiя сѣтчатой керамики ни разу не были найдены сосуды этой категорiи, несмотря на то, что древнѣйшiя погребенiя восходили къ первымъ вѣкамъ христiанской эры, мы еще ранѣе открытiя Волосовскаго могильника, отнесли всѣ культуры, сопровождаемыя сѣтчатою керамикою, ко времени около Р. Хр. [2]) и теперь, намъ кажется, что описываемыя волосовскiя погребенiя вполнѣ подтверждаютъ наше опредѣленiе.

По своему общему составу культура волосовскихъ погребенiй ближе всего стоитъ къ культурѣ Ананьевскаго могильника. Въ обоихъ случаяхъ бронзовыя орудiя играютъ преобладающую роль, каменныя орудiя занимаютъ положенiе пережитковъ, а желѣзныя — только что появляются; между тѣмъ, при настоящемъ

---

[1]) В. А. Городцовъ. Руская доисторическая керамика. Труды XI-го Арх. Съѣзда, т. I.

[2]) Его же. Бытовая археологiя. Стран. 372—375.

уровнѣ знанія, можно полагать, что въ предѣлахъ средней и восточной Россіи, весь процессъ смѣны бронзовыхъ орудій желѣзными закончился до начала христіанской эры; а это должно указать мѣсто волосовскимъ погребеніямъ въ ранней порѣ желѣзной эпохи: они должны быть моложе Алекановской стоянки и старше культуры городищъ и холмищъ, сопровождаемыхъ темносѣрою сѣтчатою керамикой, явившейся на смѣну желтоватой сѣтчатой керамики.

Что касается типа погребальнаго обряда, то онъ стоитъ еще изолированно и съ современнымъ ему восточно-русскимъ типомъ погребеній сходства не имѣетъ. Не схожи также и нѣкоторыя вещи, такъ, наприм., волосовскія бронзовыя бляхи совсѣмъ еще не имѣютъ себѣ аналоговъ въ культурахъ восточной Россіи; но бронзовые кельты и копья имѣютъ нѣкоторое сходство, указывая скорѣе на происхожденіе ихъ отъ одного корня, чѣмъ на происхожденіе подъ живымъ воздѣйствіемъ другъ на друга. Въ отношеніи ближайшихъ по времени предшествующихъ и послѣдующихъ культуръ окской области, волосовская культура имѣетъ всѣ признаки мѣстной: она легко производится отъ болѣе древней культуры конца бронзовой эпохи и также легко связывается съ болѣе позднею культурою финскихъ могильниковъ. Съ первою Волосовскій могильникъ имѣетъ общими бронзовыя орудія (кельты и копья), со второю — общими обычай хоронить покойниковъ въ могильникахъ, украшать головы покойниковъ вѣнчиками изъ металлическаго набора и, наконецъ, несомнѣнное происхожденіе желѣзныхъ кельтовъ финскихъ погребеній отъ бронзовыхъ кельтовъ болѣе ранняго времени.

b) Средняя пора.

Къ памятникамъ средней поры желѣзной эпохи, т.-е. ко времени перваго тысячелѣтія по Р. Хр., относятся Подболотьевскій могильникъ, время котораго, какъ увидимъ ниже, можно пріурочить къ VII—XI вѣкамъ по Р. Хр., и курганы д. Колдиной.

Подболотьевскій могильникъ.

Раскопки Подболотьевскаго могильника составляли ядро настоящихъ изслѣдованій. Этотъ могильникъ занимаетъ площадь по Муромо-Меленковскому шоссе къ юго-западу отъ д. Подболотье (рис. 15). Его естественными границами служатъ отроги двухъ неглубокихъ овражковъ, впадающихъ въ болѣе глубокій оврагъ, извѣстный подъ названіемъ «Бабій Березнякъ». Къ юго-западу отъ могильника, по правому берегу третьяго овражка, впадающаго также въ «Бабій Березнякъ», на пашняхъ обнажено большое количество древней глиняной посуды, совершенно одинаковой съ посудой могильника. Такіе остатки свидѣтельствуютъ о существованіи въ данномъ мѣстѣ поселка, быть можетъ современнаго могильнику. На пашняхъ къ сѣверо-западу отъ могильника крестьяне нерѣдко выпахиваютъ серебряныя арабскія монеты. Нѣсколько такихъ монетъ нами осмотрѣно въ коллекціяхъ муромскихъ собирателей древностей. Монеты — саманидскія IX и X вѣковъ.

Могильникъ занималъ овальную площадь, вытянутую съ сѣвера на югъ. Его длина равнялась 230, ширина 110 шагамъ, а вся площадь занимала около 2500 квадратныхъ саженъ (рис. 16), изъ которыхъ разрыто кладоискателями около 500,

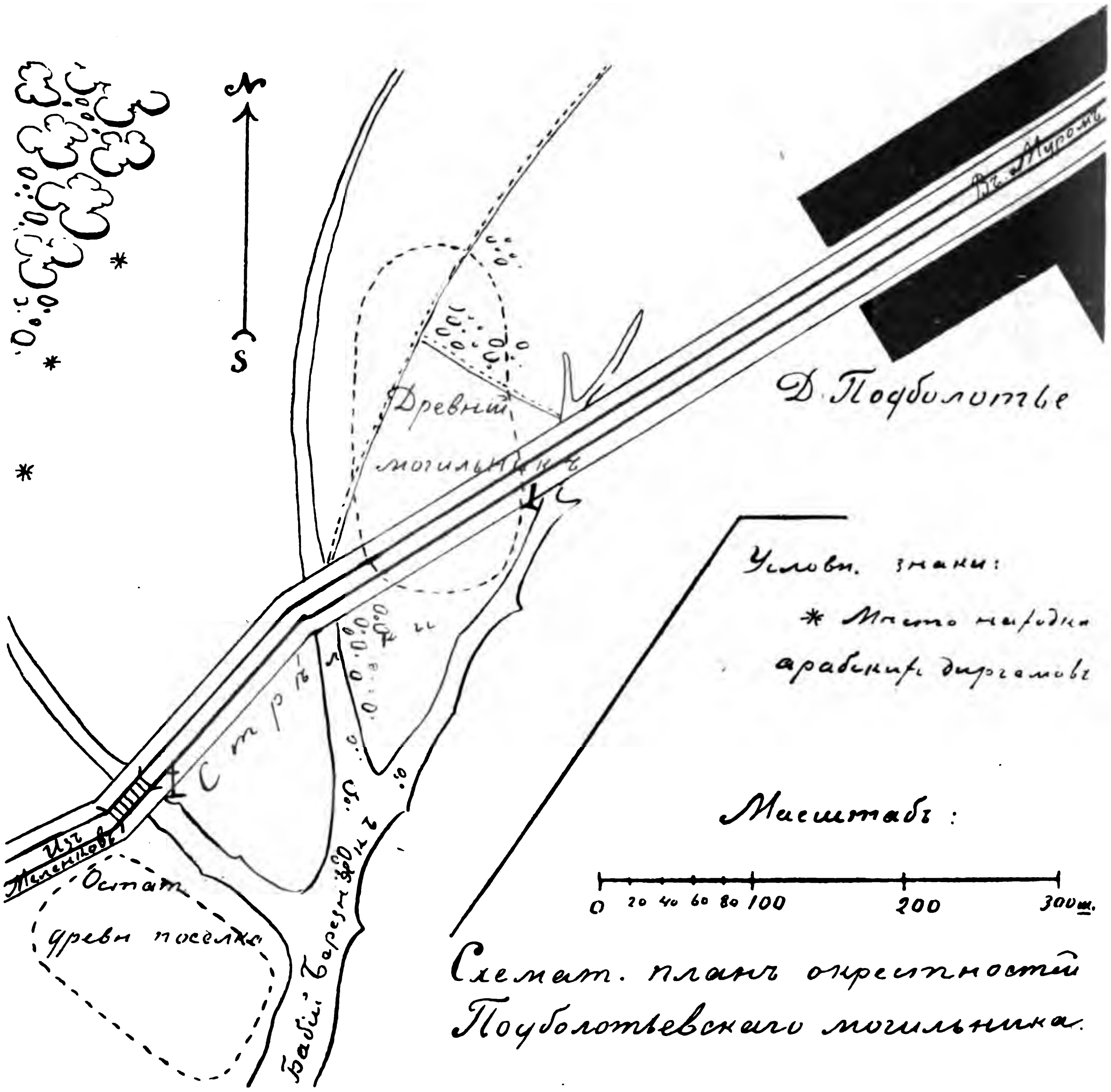
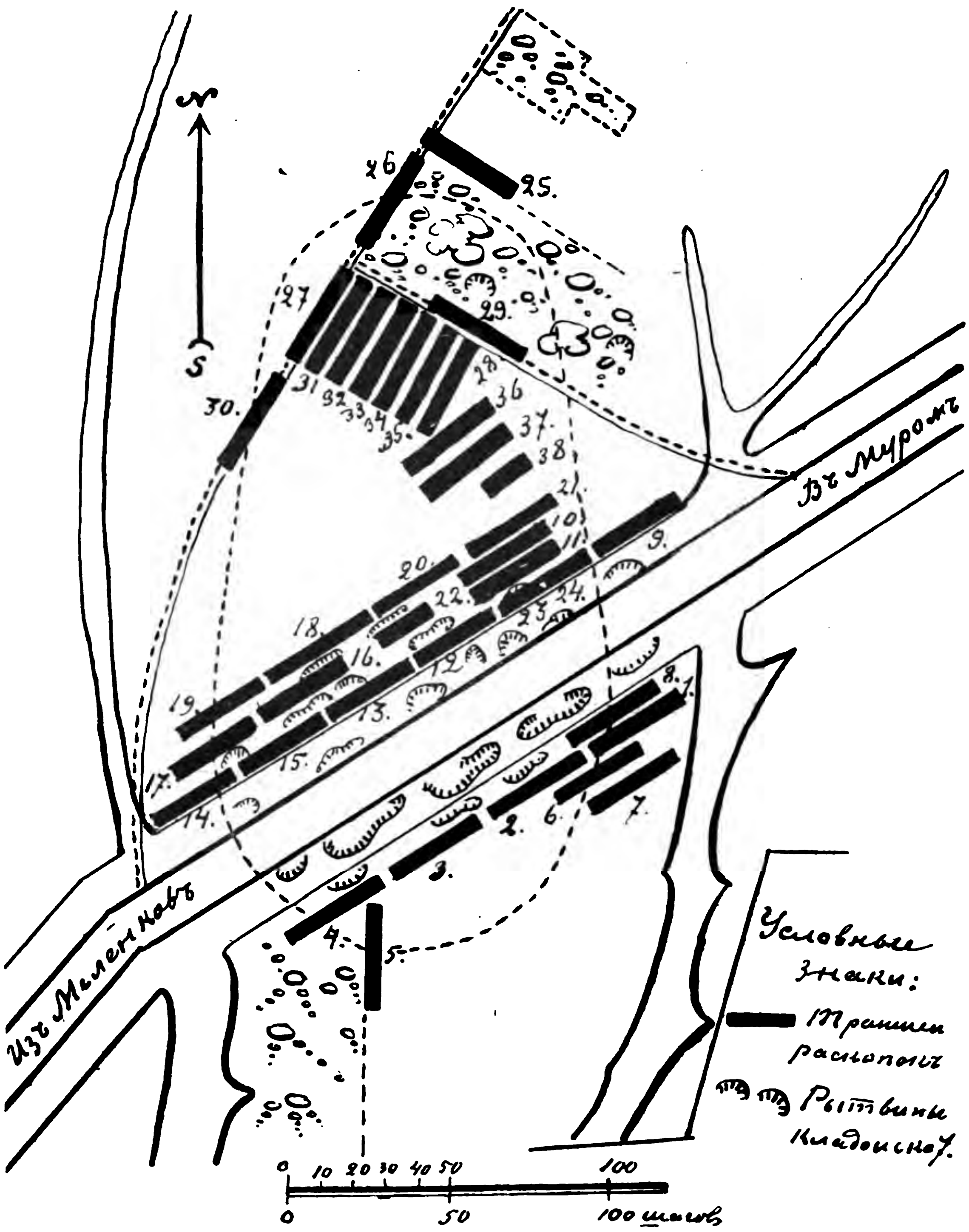

Рис. 15.

вскрыто и обслѣдовано нашими раскопками, включая промежутки между траншеями, около 800, а всего 1250 квадратныхъ саженъ. Такимъ образомъ, остается нетронутыми около 1200 квадратныхъ саженъ, изъ нихъ 220 квадратныхъ саженъ

План Подболотьевского могильника.
(Къ арх. раскопкамъ 1910 г.).

Рис. 16.

остаются неприкосновенными подъ полотномъ шоссе, остальныя же 980 квадратныхъ саженъ находятся въ открытомъ полѣ, подъ пашнями.

На вскрытой площади удалось опредѣлить 260 людскихъ, 14 конскихъ и 1 коровье погребеніе. Но число людскихъ погребеній отнюдь не соотвѣтствуетъ дѣйствительному числу совершенныхъ, на изслѣдованной площади, погребеній. Благодаря песчанности почвы, несомнѣнно, большое число костяковъ, не сопровождавшихся металлическими вещами, исчезло безъ остатка. Особенно много погибло мужскихъ и дѣтскихъ погребеній. Мужчины полагались глубже въ сыроватый, влажный песокъ, гдѣ тлѣніе происходило интенсивнѣе. Многія могильныя пятна, на глубинѣ мужскихъ погребеній, оказывались или совершенно пустыми, или содержавшими только окиси бронзы, желѣза и больше ничего. Дѣти, напротивъ, полагались не глубоко и также истлѣвали безъ остатка. Много погибло погребеній и при зарываніи болѣе позднихъ покойниковъ; при чемъ можно было видѣть, какъ въ однихъ случаяхъ кости и вещи ранѣе захороненныхъ людей складывались въ углу вновь вырытой ямы, а въ другихъ — онѣ небрежно разбрасывались и, — что особенно обращало вниманіе, — расхищались.

До какой степени была переполнена средняя часть могильника, можно судить хотя бы изъ того характернаго явленія, что стѣнки сравнительно мелкихъ траншей раскопокъ безпрерывно обваливались и для избѣжанія несчастій потребовался особый пріемъ раскопокъ, именно, оставленіе въ стѣнахъ траншей ступенекъ (бермъ), шириною вершка четыре. Такъ была перебита и размельчена земля въ срединѣ могильника. На окраинахъ — погребенія были рѣже.

Наиболѣе сохранными оказывались погребенія богатыхъ семействъ. Мѣстами приходилось нападать на группы тѣсно и въ нѣсколько ярусовъ положенныхъ костяковъ, въ числѣ которыхъ были и мужскіе, и женскіе, и дѣтскіе, одинаково богато сопровождавшіеся разнаго рода вещами.

Можно было также положительно установить, что наиболѣе богатыя погребенія относились и къ наиболѣе позднему времени, что указываетъ на постоянное увеличеніе благосостоянія населенія.

Изъ 260 погребеній, 43 погребенія представляли остатки трупосожженій, а остальныя принадлежали простымъ трупоположеніямъ. Въ послѣднихъ костяки лежали на спинѣ, вытянуто; исключеніе составляетъ одинъ случай, когда костякъ оказался, несомнѣнно, въ сидячемъ положеніи (рис. 44). Въ 66 случаяхъ, по причинѣ исчезновенія костей, положеніе покойниковъ осталось невыясненнымъ. Что касается оріентировки покойниковъ, то изъ 126 прослѣженныхъ случаевъ въ 103 случаяхъ покойники лежали головою на С., въ 4 случаяхъ — на Ю., въ 5-ти — на В. и въ 14-ти — на З. Рѣшительно преобладающею является оріентировка головою на С. Интересно замѣтить, что подобную оріентировку имѣли и погребенныя животныя. Такъ, изъ 14 конскихъ погребеній 13 оказались съ остовами, лежавшими головою на С., и только 1 — головою на Ю.; головою на Ю. лежалъ и единственный остовъ коровы.

Въ отношеніи половъ удалось опредѣлить только 126 погребеній, изъ коихъ 63 принадлежатъ мужчинамъ и 63 женщинамъ; всѣ прочія остались неопредѣленными. Опредѣленіе велось только по вещамъ.

Мужскія погребенія. Мужскія погребенія, обыкновенно, отличались значительнымъ количествомъ желѣзныхъ вещей, преимущественно оружія и орудій. Изъ 31 погребенія съ опредѣленной орієнтировкой 25 имѣли покойниковъ, обращенныхъ головою на С., 2 — на В., 4 — на З. и ни одного на Ю. Изъ 14 трупосожженій мужскихъ было 8, т.-е. болѣе половины. Повидимому, мужчинамъ же принадлежала и большая часть неопредѣленныхъ трупосожженій. Цѣлыя и части крупныхъ животныхъ (лошадей и коровъ) встрѣчались только при мужскихъ погребеніяхъ, тогда какъ части мелкихъ животныхъ (овецъ) встрѣчались въ мужскихъ погребеніяхъ вдвое рѣже, чѣмъ въ женскихъ.

Остатки одежды сохранились при трехъ костякахъ (43, 186 и 218). При одномъ очень богатомъ погребеніи (43), оказались остатки одной одежды изъ тонкой шелковой ткани съ ромбическимъ узоромъ, византійскаго или вообще восточнаго происхожденія, и другой верхней одежды, сшитой изъ желтоватаго мѣха, шерстью наружу. Мѣховая одежда была подпоясана кожаннымъ поясомъ съ серебрянымъ наборомъ.

Въ другомъ погребеніи (186), отъ одежды сохранились кусочки тонкой льняной ткани и головная повязка или вѣнокъ, состоящій изъ серебряныхъ цилиндрическихъ трубочекъ, расположенныхъ въ четыре ряда, двухъ пряжекъ и двухъ наконечниковъ ремней.

Въ третьемъ погребеніи (218) найдены остатки шерстяной діагональной ткани, сверху обложенной бронзовыми спиралями, расположенными въ видѣ геометрическихъ фигуръ. Но трудно сказать о назначеніи этой ткани: кусокъ ея найденъ у лѣваго бока, близъ остатковъ пояса, поэтому, возможно, что ткань является частью какого-нибудь мѣшечка (кисета) для храненія мелкихъ вещей.

Отъ обуви въ мужскихъ погребеніяхъ не сохранилось никакихъ остатковъ, кромѣ бронзовыхъ пряжекъ, служившихъ для застегиванія ремней — оборъ, отъ которыхъ хотя и не сохранилось остатковъ, но существованіе ихъ положительно доказывается аналогіей съ оборами-ремнями женскихъ погребеній, гдѣ они сохранились, благодаря бронзовымъ украшеніямъ, въ большомъ количествѣ, а также и найденными пряжками у ногъ покойниковъ.

Изъ личныхъ украшеній встрѣчаются, въ исключительныхъ случаяхъ (погр. 186), серебряныя, височныя кольца, чаще — гривны, браслеты простые и спиральные, ручные перстни и кольца, пряжки, пинцеты. Въ составъ бытовыхъ предметовъ входятъ глиняные сосуды, топоры двухъ типовъ, ножи, въ исключительныхъ случаяхъ мечи, чаще — копья, остроги, долота или пѣшни, огнива. Въ нѣсколькихъ погребеніяхъ оказались желѣзные молотки, наковальни, литейныя формы, словомъ — цѣлые наборы кузнечнаго ремесла; при одномъ покойникѣ найденъ желѣзный серпъ, при другихъ — конскія уздечки, кнуты, шила и т. п.; наконецъ, на груди одного покойника былъ найденъ серебряный божокъ, украшенный выемчатою зеленоватою эмалью. Этотъ божокъ, величиною около 1 дюйма, былъ завернутъ въ ткань; отливка его грубая и, повидимому, мѣстная, рис. 30.

Въ мужскихъ трупосожженіяхъ находились тѣ же вещи, съ преобладаніемъ желѣзныхъ предметовъ. Одно трупосожженіе (150) сопровождалось когтями и грудой костей большого медвѣдя.

Покойниковъ обертывали въ лубъ и, въ одномъ случаѣ, въ мягкую рогожу, сплетенную изъ узкихъ полосокъ луба; обертываніе въ бересту и въ войлокъ, какъ это дѣлалось въ женскихъ погребеніяхъ, ни разу не наблюдалось.

При шести погребеніяхъ встрѣчены угли, но не въ большомъ количествѣ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить случаи нахожденія въ мужскихъ погребеніяхъ принадлежностей женскаго туалета; такъ, при однихъ мужскихъ костякахъ найдены женскіе боковые ремни, при другихъ — женскіе головные ремни, браслеты, гривны, разныя бронзовыя привѣски. Всѣ эти вещи полагались сбоку или сверху покойника. Очень возможно, что вещи положены женами умершихъ мужей, въ видѣ дара.

Женскія погребенія. Женскія погребенія часто отличались большимъ богатствомъ и полнотою погребальнаго ритуала. Изъ 53 погребеній съ выясненной оріентировкой, 49 оказались съ костяками, оріентированными головою на С, 1 — на В и 3 — на З; при чемъ всѣ костяки, оріентированные на З, найдены въ южной части могильника, содержавшей наиболѣе позднія погребенія. Тамъ же, за исключеніемъ одного погребенія, были найдены и всѣ мужскія погребенія съ тою же оріентировкою на З. Несомнѣнно, эта оріентировка начала практиковаться подъ чужимъ, вѣроятнѣе всего, славянскимъ вліяніемъ. Женскихъ трупосожженій было менѣе, чѣмъ мужскихъ, именно, 6 изъ 14. Цѣлые остовы и части крупныхъ животныхъ въ женскихъ погребеніяхъ не полагались; полагались обыкновенно части мелкихъ животныхъ (овецъ).

Благодаря обилію металлическихъ украшеній, въ женскихъ погребеніяхъ отлично сохранились многія принадлежности костюмовъ, одеждъ и обуви, а также тѣхъ обертокъ, въ которыя завертывались трупы.

Головные уборы женщинъ часто отличаются оригинальностью и большою пышностью. Полный головной нарядъ богатой женщины состоитъ изъ двухъ дугообразныхъ жгутовъ[1]), двухъ головныхъ ремней, болѣе или менѣе значительнаго количества височныхъ колецъ и спинныхъ привѣсокъ къ косамъ. Волосы женщинъ, какъ удалось прослѣдить въ одномъ погребеніи, зачесывались отъ лба къ затылку и затѣмъ заплетались въ косы. Повидимому, на голову надѣвался чепчикъ (повойникъ), который сверху и украшался двумя дугообразными жгутами, прикрѣпленными къ чепцу однимъ или двумя головными ремнями, декорировавшими нижній край чепца, рис. 43 и 44. Къ концамъ головныхъ жгутовъ подвязывались височныя кольца и лунницы.

Менѣе полные головные уборы состояли изъ двухъ или одного жгута, одного головного ремня и нѣсколькихъ височныхъ колецъ; встрѣчались и такія женскія погребенія, гдѣ были найдены одинъ или оба головныхъ ремня, но не было жгутовъ; наконецъ, въ нѣкоторыхъ погребеніяхъ не было ни жгутовъ, ни ремней, а были только одни височныя кольца, а иногда и ничего не было.

---

[1]) Подобные дугообразные жгуты носятся до настоящаго времени корельскими дѣвушками и называются «sykero». (Гейкель), А. «Sykero» и другіе подобнаго рода головные уборы родственныхъ финнамъ племенъ», рис. 250 и 259. Авторъ.

Исключительный интересъ представляютъ головные уборы, украшенные крестообразными фибулами, погр. 217 и 220. Фибулы эти не имѣли застежекъ (булавокъ), а нѣкоторыя — и лапокъ для захвата булавокъ; ихъ нашивали на головные уборы какъ простыя бляхи (рис. 60). Послѣднее явленіе положительно доказываетъ, что фибулы сработаны по привознымъ (заграничнымъ) образцамъ, назначеніе которыхъ было совершенно непонятно. Интересенъ также головной уборъ, украшенный шумящими привѣсками, повидимому, пришивавшимися къ краямъ чепца и бронзовой бляхой, украшавшей затылокъ (погр. 255).

Что касается деталей головныхъ болѣе распространенныхъ нарядовъ, то онѣ представляются въ такомъ видѣ. Простѣйшій головной жгутъ состоитъ изъ свернутой ткани (погр. 53), ремня (погр. 67, 106, 137 и 145), бересты (погр. 118 и 143), волосъ (259) непремѣнно обвитыхъ снаружи бронзовою спиралью. Болѣе сложные и вмѣстѣ болѣе обыкновенные головные жгуты состоятъ изъ конскихъ волосъ, обвитыхъ сначала сыромятнымъ ремнемъ и затѣмъ сверху — бронзовою спиралью (погр. 31, 52, 54, 97, 141, 155, 168, 235, 250 и 253); въ трехъ случаяхъ можно было прослѣдить, что конскіе волосы жгутовъ были сначала свиты тонкими шнурами (погр. 70, 95 и 213); въ одномъ случаѣ, вмѣсто волосъ, употребленъ тонкій прутъ, обвитый ремнемъ и затѣмъ бронзовою спиралью (погр. 29).

Узкіе головные ремни (рис. 62) имѣли въ ширину около одного сантиметра, охватывали голову кругомъ и на затылкѣ чаще всего, повидимому, завязывались узломъ (рис. 49), но въ двухъ случаяхъ (погр. 217 и 220) они были застегнуты пряжками. Обыкновенно, узкіе ремни для красоты обвивались бронзовыми спиралями (погр. 21, 24, 31, 67, 70, 84, 89, 145, 155, 160, 162, 179, 229 и 250), а въ одномъ — серебряною спиралью (погр. 38); рѣже ремень покрывается бронзовыми обоймами (погр. 54, 145 и 259); въ нѣкоторыхъ случаяхъ спирали чередовались съ обоймами (погр. 217 и 231); не рѣдко къ узкому головному ремню прикрѣплялись простыя трапецевидныя и болѣе сложныя шумящія привѣски (погр. 145, 153, 168, 234, 235 и 253).

Узкій головной ремень иногда является единственнымъ украшеніемъ головы (погр. 38, 160 и 179), но чаще онъ находится совмѣстно съ широкимъ ремнемъ (погр. 153, 217, 220, 234) и съ головными жгутами (погр. 24, 31, 54, 67, 70, 89, 145, 155, 160, 235, 250, 253, 259). Назначеніе его не исчерпывалось декоративною цѣлью: имъ, несомнѣнно, пользовались и для укрѣпленія дугообразныхъ жгутовъ на головѣ (рис. 48 и 49) и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, при головныхъ жгутахъ, узкій ремень отсутствовалъ, слѣдуетъ допустить, что онъ, не имѣя бронзовыхъ украшеній, истлѣлъ безъ остатка, или, что его, въ этихъ случаяхъ, замѣняли какою-либо лентой или тесьмою, отъ которыхъ также могло не сохраниться никакихъ слѣдовъ.

Узкій ремень на головѣ помѣщался ниже широкаго головного ремня: онъ какъ бы подчеркивалъ послѣдній.

Широкій головной ремень игралъ, исключительно, декоративную роль: это былъ настоящій головной вѣнокъ. Онъ дѣлался раза въ два шире узкаго ремня.

Обыкновенно, этотъ ремень покрывался бронзовыми обоймами (погр. 24, 29, 31, 70, 103, 106, 108, 113, 143, 145, 153, 234 и 253), но болѣе дорогіе ремни — вѣнки разрѣзались продольно на четыре, на пять долей, на которыя напускались бронзовыя, а иногда серебряныя спирали или цилиндрическія пронизи (трубочки), длиною около 3—4 см., промежутки между которыми схватывались бронзовыми или серебряными обоймами съ точечнымъ узоромъ (погр. 69, 184, 186, 217 и 220). Одинъ вѣнокъ имѣлъ серебряный наконечникъ и бронзовую пряжку для застегиванія; остальные же, очевидно, завязывались узлами. Одинъ вѣнокъ украшался бронзовыми колокольчиками, а другой — трехугольными бронзовыми подвѣсками.

Вѣнки безъ сопровожденія узкихъ головныхъ ремней и жгутовъ найдены только въ трехъ погребеніяхъ (69, 184 и 207); всѣ эти вѣнки сложнаго состава съ подвѣсками. Интересно отмѣтить, что подобный сложный головной вѣнокъ однажды былъ найденъ и на головѣ мужского костяка (погр. 186).

Височныя кольца пользовались чрезвычайно широкимъ распространеніемъ и употреблялись въ продолженіе всего времени существованія могильника. Кольца эти легко раздѣляются на двѣ категоріи: большихъ и малыхъ. Тѣ и другія дѣлались, преимущественно, изъ бронзы, рѣже изъ серебра. Концы колецъ или просто обрублены, или завязаны, или заперты особымъ способомъ. Кольца съ завязанными концами встрѣчены всего одинъ разъ (погр. 7); по своей формѣ онѣ вполнѣ схожи съ такъ называемыми кривическими височными кольцами. Височныя кольца съ запирающимися концами встрѣчаются довольно часто; эти кольца имѣютъ одинъ конецъ въ видѣ плоскаго ромбическаго или овальнаго щитка съ отверстіемъ въ срединѣ, а другой — въ видѣ небольшого крючка, который, при запираніи кольца, входитъ въ отверстіе щитка.

На височныя кольца очень часто напускались спиральныя ручныя кольца и шумящія подвѣски. При костякахъ кольца всегда лежали по обѣ стороны черепа, у височныхъ костей. Въ девяти погребеніяхъ ихъ оказалось по одному у каждаго виска, въ четырехъ — по два, въ восьми — по три, въ трехъ — по четыре, въ одномъ — по пяти, въ семи — по шести и въ трехъ — по семи. Въ шести случаяхъ (погр. 52, 89, 95, 142, 161 и 234) къ височнымъ кольцамъ были присоединены лунницы, по одной съ каждой стороны, при чемъ одна пара лунницъ (погр. 234) оказалась съ шумящими привѣсками. Въ двухъ случаяхъ (погр. 38 и 52) сохранились ремешки, на которыхъ подвѣшивались кольца. Возможно, что височныя кольца прикрѣплялись къ головнымъ уборамъ, напр. къ краямъ чепцовъ, къ головнымъ ремнямъ, жгутамъ и т. п.

Въ одномъ погребеніи (178) оказались серьги, состоящія изъ бронзоваго кольца съ напущенной металлической бусиной.

Весьма любопытными и оригинальными являются «спинныя привѣски», служившія, вѣроятнѣе всего, украшеніемъ косъ. Обыкновенно, ихъ находили подъ спиной, но бывали случаи, когда онѣ лежали сбоку костяковъ. Послѣднее явленіе прежде всего говоритъ за то, что «спинныя привѣски» не прикрѣплялись къ костюму, а висѣли на длинной привязи, позволявшей привѣскамъ принимать различ-

ное положеніе по отношенію корпуса, а такою длинною привязью могли служить косы (рис. 49), хотя возможно допустить и какія-нибудь длинныя тесьмы, спускавшіяся отъ головного убора на затылкѣ, нижніе концы которыхъ и украшались спинными привѣсками. Въ пользу послѣдняго предположенія какъ бы говорятъ тѣ случаи (погр. 131, 220 и 252), когда отъ затылка, дѣйствительно, спускались полосы, въ видѣ лентъ и шнуровъ, украшенныхъ бронзовыми спиралями, но, къ сожалѣнію, концы ихъ не заканчивались спинными привѣсками.

Спинныя привѣски состоятъ изъ бронзовыхъ коромыслъ съ подвѣшенными колокольчиками. Иногда, вмѣсто бронзовыхъ, бываютъ костяныя, а въ одномъ случаѣ даже деревянное коромысло. Эти коромысла обвивались бронзовыми спиралями, а иногда къ нимъ привѣшивались бронзовыя шумящія подвѣски (погр. 260). Чаще всего спинная привѣска состоитъ изъ двухъ коромыслъ, связанныхъ между собою ремешками, пропущенными черезъ особыя бронзовыя пронизи. Рѣже въ составъ привѣски входятъ три коромысла (погр. 250 и 252), а въ одномъ случаѣ (погр. 253) коромыслъ совсѣмъ не было и спинная привѣска была составлена изъ двухъ обыкновенныхъ шумящихъ подвѣсокъ и пронизи, объединенныхъ ремешками; иногда привѣска составлялась изъ одного коромысла и одной шумящей подвѣски (погр. 97). Въ погребеніи 70, къ бронзовому коромыслу были подвѣшены серебряные колокольчики.

Кромѣ описанныхъ предметовъ, въ составъ головного женскаго убора входили раковины каури (погр. 217 и 220), бронзовые колокольчики (погр. 217), пряжки и др. Въ двухъ погребеніяхъ найдены костяные гребни (погр. 145 и 253).

Шея украшалась металлическими гривнами и ожерельями, составленными изъ бусъ, спиралекъ, обоймъ и шумящихъ привѣсокъ.

Гривны женскихъ погребеній, за исключеніемъ одной — желѣзной (погр. 14), всѣ были бронзовыми. Кольца ихъ въ большинствѣ случаевъ гладкія или, въ рѣдкихъ случаяхъ, съ витымъ орнаментомъ. Застежки довольно разнообразны; чаще всего, однако, онѣ имѣютъ видъ простой петли на одномъ концѣ и крючка съ грибовидной шляпкой — на другомъ; но нерѣдко петля фигурно изогнута, а вмѣсто грибовидной шляпки, фигурируетъ ладьевидная пластинка. Застегнутыми гривны оказывались рѣдко, но онѣ часто бывали сжаты такъ, что ихъ концы заходили далеко другъ за друга. На нѣсколькихъ гривнахъ (погр. 38, 95 и 114) оказывались напущенными ручныя спиральныя кольца, а на одной (погр. 63), положенной въ видѣ дара, было напущено два бронзовыхъ браслета и два бронзовыхъ ажурныхъ перстня съ шумящими подвѣсками. Гривны носились на шеѣ по одной и по двѣ.

Ожерелья встрѣчались какъ вмѣстѣ съ гривнами, такъ и отдѣльно. Составъ ожерелій не особенно разнообразенъ. Простѣйшія ожерелья состояли изъ однѣхъ бусъ. Наиболѣе оригинальными являются бѣлыя бусы, вѣроятно, перламутровыя, встрѣченныя въ пяти погребеніяхъ (89, 143, 155 и 260) и въ одномъ конскомъ погребеніи (36), сопровождавшемся женскими украшеніями. Эти бусы крупны, неправильно овальны и многочисленны, хотя въ другихъ могильникахъ, насколько извѣстно, онѣ еще не встрѣчались. Среди стеклянныхъ бусъ имѣются золоченыя цилиндри-

ческія и круглыя, въ видѣ жемчуга, затѣмъ синія, желтыя, красныя и др. Одна бусина оказалась горнохрустальною и одна — сдѣланною изъ матеріи.

Болѣе сложныя ожерелья составлялись изъ бусъ, бронзовыхъ спиралекъ и шумящихъ привѣсокъ или колокольчиковъ. Въ двухъ погребеніяхъ (24 и 160) ожерелья состояли изъ однѣхъ бронзовыхъ спиралекъ, а въ одномъ (54) оно состояло изъ серебряныхъ пронизей и обоймъ. Въ одно ожерелье, состоящее изъ бусъ, была включена типичная славянская симметричная лунница (погр. 179), въ другое — металлическія бусы (погр. 184); въ двухъ случаяхъ (погр. 24 и 63) можно было прослѣдить, что ожерелья снизывались на тонкихъ ремешкахъ.

Руки женщинъ украшались браслетами, кольцами и перстнями.

Браслеты встрѣчались желѣзные и бронзовые. Желѣзныхъ браслетовъ — два, оба изъ одного погребенія (67), снаружи обвиты бронзовою проволокою. Бронзовые браслеты дѣлятся на три основныхъ типа: круглыхъ, плоскихъ и спиральныхъ. Круглые браслеты не имѣютъ никакихъ украшеній; исключеніе составляютъ два браслета (погр. 10) съ концами, украшенными стилизованными головками животныхъ. Плоскіе браслеты иногда покрываются геометрическимъ пунктирнымъ орнаментомъ, а у двухъ (погр. 7) концы украшены звѣриными головками. Спиральные браслеты согнуты изъ полуцилиндровой толстой проволоки; обыкновенно, концы ихъ оставлены безъ украшеній, но одна пара (погр. 184) имѣла на концахъ спиральные завитки, а другая (погр. 220) имѣла концы, постепенно расширяющіеся, переходящіе въ пластинки, покрытыя геометрическимъ орнаментомъ.

Браслеты носились по одному и по два на каждой рукѣ; въ болѣе же бѣдныхъ погребеніяхъ браслетомъ украшалась только одна рука. Довольно красивое сочетаніе даютъ спиральные браслеты съ широкими плоскими браслетами, покрытыми пунктирнымъ орнаментомъ (погр. 142), причемъ плоскіе браслеты помѣщаются ниже спиральныхъ. Для воспроизведенія этого гармоничнаго сочетанія, повидимому, и явились спиральные браслеты съ расширяющимися концами.

Всѣ ручныя кольца сдѣланы изъ бронзы, среди нихъ господствуютъ спиральныя; обыкновенно, эти кольца остаются безъ всякихъ дополнительныхъ украшеній, но въ одномъ погребеніи (184) четыре такихъ кольца оказались съ шумящими подвѣсками на концахъ. Гораздо рѣже встрѣчаются простыя кольца, согнутыя изъ одного прутика, всѣ они съ неспаянными концами. Кольца носились по одному на пальцѣ. Наибольшее число ихъ на обѣихъ рукахъ костяка не превышало восьми.

На ряду съ ручными кольцами изрѣдка помѣщались и перстни, найденные въ трехъ женскихъ погребеніяхъ (53, 63 и 143). Перстни имѣютъ видъ ажурныхъ цилиндровъ съ шумящими подвѣсками; всего ихъ найдено 7 экземпляровъ.

Остатки одежды наблюдались въ девяти погребеніяхъ; судя по нимъ, можно было заключить, что нижняя одежда шилась изъ ручной простой ткани, а верхняя — изъ мѣховъ. Ткани иногда украшались металлическими кольцами и представляли видъ, такъ называемыхъ кольчужныхъ тканей. Остатки такихъ тканей были прослѣжены въ двухъ погребеніяхъ (217 и 253); къ сожалѣнію, въ обоихъ случаяхъ

онѣ имѣли очень плохую сохранность и о видѣ ихъ невозможно было составить точнаго представленія.

Остатки мѣховой одежды наблюдались въ четырехъ погребеніяхъ, изъ которыхъ въ одномъ погребеніи (155) положительно установлено, что одежда была сшита мѣхомъ наружу, а въ другомъ (38) — воротъ мѣховой одежды былъ украшенъ бронзовыми кольцами и привѣсками.

О покроѣ одеждъ трудно составить сколько-нибудь точное представленіе. Повидимому, онѣ спускались немного ниже колѣнъ, недостигая пола вершковъ на пять. Послѣднее дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы имѣть открытыми металлическія украшенія обуви.

Одежды украшались разными металлическими привѣсками, иногда почти сплошь покрывавшими грудь и юбку (часть ниже пояса).

Въ области груди помѣщались разнаго рода, преимущественно, шумящія привѣски, бляхи, пряжки и т. п. Наиболѣе замѣтными являлись такъ называемыя грудныя бляхи, изъ которыхъ двѣ имѣютъ видъ плоскихъ бронзовыхъ дисковъ съ трехугольными вырѣзами, расположенными лучами вокругъ широкаго круглаго отверстія въ срединѣ, прикрывающагося крышкой, а остальныя представляютъ болѣе или менѣе крупныя ажурныя бляхи, иногда снабженныя колокольчиками или шумящими подвѣсками. Изъ всѣхъ блязъ только одна была серебряною, всѣ же остальныя оказались бронзовыми.

Пряжки встрѣчались сравнительно рѣдко и, кажется, играли болѣе декоративную роль, чѣмъ служебную. Преобладали бронзовыя пряжки такъ называемаго восточно-финскаго типа, съ длинными перекладинами на концахъ колецъ. Бронзовыя пряжки безъ перекладинъ, столь обычныя въ рязанскихъ могильникахъ, встрѣчаются очень рѣдко (погр. 52 и 63). Четыре раза (погр. 155, 201, 235 и 252) найдены желѣзныя пряжки, вѣроятнѣе всего, служившія для застегиваніи верхней одежды. Серебряная пряжка оказалась только одна (погр. 250), восточно-финскаго типа.

Изъ привѣсокъ, найденныхъ въ области груди, представляются наиболѣе интересными: 1) большая ажурная, шумящая привѣска, украшенная двумя конскими головками (погр. 63); 2) пара бронзовыхъ ажурныхъ трехугольныхъ привѣсокъ съ шумящими подвѣсками, помѣщавшихся симметрично у ключицы (погр. 83); 3) пара такихъ же шумящихъ круглыхъ привѣсокъ на плечахъ (погр. 155) и, наконецъ, 4) бронзовая уточка съ лапками, подвѣшенными на цѣпочкахъ, помѣщавшаяся у праваго плеча (погр. 184); прочія привѣски болѣе простыхъ типовъ; всѣ онѣ преимущественно располагались симметрично на верхней части груди.

Одежды подпоясывались ременными поясами и украшались боковыми нарядными ремнями.

Пояса, судя по сохранившимся остаткамъ, представляли видъ ремней. Но большинство ихъ совершенно не сохранилось. Въ двѣнадцати погребеніяхъ (29, 38, 97, 106, 136, 143, 153, 160, 188, 247, 259 и 260) отъ поясовъ остались только желѣзныя пряжки; въ одномъ погребеніи (118) — желѣзное кольцо и бронзовый наконечникъ ремня, въ другомъ (108) — желѣзная пряжка и рядъ колецъ съ обоймами,

украшавшими поясной ремень; въ трехъ погребеніяхъ (142, 145 и 253) отъ поясовъ сохранились бронзовыя ажурныя пряжки съ шумящими привѣсками; иногда поясные ремни украшались бронзовыми обоймами (погр. 52 и 184), шумящими бронзовыми привѣсками (погр. 63, 69 и 83), бубенчиками (73); два поясныхъ ремня были украшены серебрянымъ наборомъ (погр. 217 и 220); одинъ поясной ремень (погр. 184), покрытый узкими бронзовыми обоймами, удалось измѣрить: длина его равнялась 64 см.

Особенно оригинальною принадлежностью костюма являлись боковые ремни. Есть основаніе полагать, что они служили обязательною принадлежностью женскаго костюма, но многіе изъ нихъ не могли сохраниться потому, что не имѣли металлическихъ украшеній, водная окись которыхъ только и могла сохранить кожу. Боковые ремни имѣли видъ широкихъ полосъ, едва замѣтно суживающихся къ одному концу, обыкновенно, оправленному большимъ металлическимъ наконечникомъ. Болѣе широкій конецъ прикрѣплялся наглухо къ поясному ремню съ праваго бока, выдвигаясь немного впередъ; нижній конецъ, подтыкался подъ тотъ же поясной ремень съ испода такъ, чтобы металлическій наконечникъ былъ виденъ снаружи; такимъ образомъ, ремень оказывался сложеннымъ вдвое и висѣвшимъ сбоку и немного спереди правой ноги. Въ двухъ случаяхъ (погр. 155 и 234) можно было измѣрить длину ремней: она равнялась 112 и 123 см. Интересно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ селахъ Рязанской губ., Михайловскаго уѣзда, существуетъ и теперь еще обычай носить цвѣтную широкую ленту, сложенную вдвое и спущенную отъ пояса на правомъ боку. Эту длинную ленту называютъ «сорокой» и часто вышиваютъ её бисеромъ и цвѣтными нитками [1]). Боковые ремни Подболотьевскаго могильника обыкновенно украшались бронзовыми обоймами, бронзовыми и лишь изрѣдка (погр. 258) желѣзными большими наконечниками, а иногда и шумящими привѣсками. Въ одномъ случаѣ (погр. 95) боковой ремень былъ съ испода подложенъ берестою. Характерные наконечники этихъ ремней нерѣдко дѣлались такъ, что лицевая сторона ихъ была бронзовою, а оборотная — желѣзною. Въ одномъ погребеніи (141) боковой ремень оказался необычно заткнутымъ нижнимъ концомъ у лѣваго бока (рис. 45).

Боковые ремни бывали находимы и въ трупосожженіяхъ, при одномъ мужскомъ погребеніи (23) и одномъ конскомъ (36). Во всѣхъ этихъ случаяхъ они являлись въ видѣ вотивныхъ приношеній или даровъ, составляя спеціальную принадлежность лишь женскаго наряда.

Обувь женщинъ часто отличалась особенною пышностью наряда. Ноги обертывались въ шерстяныя онучи; на ступни ногъ надѣвалась обувь, разукрашенная бронзовыми спиральками, шумящими привѣсками и орнаментированными скобами, рис. 50 и др. Изъ какого матеріала приготовлялась обувь, трудно сказать. Въ одномъ

---

[1]) Когда настоящая статья была уже готова, мнѣ удалось найти въ обширной коллекціи предметовъ, добытыхъ въ Люцинскомъ могильникѣ, Витебской губ., (Имп. Россійскій Историческій Музей), остатки одного бокового ремня, покрытаго бронзовыми обоймами, совершенно схожаго съ подболотьевскими. Въ то же время бросалось въ глаза и нѣкоторое сходство головныхъ жгутовъ и другихъ предметовъ, встрѣченныхъ въ обоихъ могильникахъ. Авторъ.

случаѣ (погр. 136) обувь оказалась кожаною; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ отъ нея не сохранилось никакихъ слѣдовъ, почему и можно полагать, что обувью, преимущественно, служили лапти, поверхность которыхъ украшалась бронзой. Обувь прикрѣплялась къ ногамъ посредствомъ узкихъ ремней, сплошь покрытыхъ бронзовыми обоймами. Ремнями обвивали ноги выше ступни, располагая ихъ плотными рядами и доводя кверху вершковъ на пять. Въ двухъ погребеніяхъ (96 и 63) покойникамъ были положены запасные ножные ремни; въ обоихъ случаяхъ ремни эти были свернуты и положены сбоку, у пояса. Въ болѣе богатыхъ погребеніяхъ, выше ремней, на онучи прикрѣплялись или бронзовыя широкія бляхи, охватывавшія ноги спереди, или ряды шумящихъ привѣсокъ, размѣщавшихся вокругъ каждой ноги. Шумящія привѣски прикрѣплялись также по наружнымъ сторонамъ ногъ, сверхъ ремней.

Интересны три случая (погр. 250, 255 и 260), гдѣ обувь украшалась бронзовыми колокольчиками, расположенными вдоль голеней, съ наружной стороны (рис. 64, 67, 69). Эти колокольчики, очевидно, прикрѣплялись къ онучамъ или чулкамъ. Въ Рязанской губ. существуетъ пѣсня, въ которой насмѣшливо говорится: что «ходитъ баба, семенитъ, колокольчиками звенитъ». Въ этихъ словахъ, относящихся, очевидно, къ глубокой древности, сохранилась память объ описываемыхъ украшеніяхъ обуви, которая могла быть наблюдаема рязанскими людьми у муромскихъ сосѣдей. Число нашивавшихся колокольчиковъ бывало неодинаково: въ одномъ погребеніи колокольчиковъ было прикрѣплено по пяти, въ другомъ — по десяти и, наконецъ, въ третьемъ ихъ оказалось всего 58, изъ которыхъ, однако, часть украшала или подолъ одежды, или верхній край онучъ или чулковъ.

Такова обувь болѣе богатыхъ женщинъ. У болѣе же бѣдныхъ, какъ и у всѣхъ мужчинъ, отъ обуви не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Это, конечно, не значитъ, что обуви у нихъ не было: обувь могла быть, но безъ металлическихъ украшеній и благодаря этому истлѣла безъ остатка.

При костякахъ женскихъ погребеній, кромѣ описанныхъ предметовъ, нерѣдко бывали находимы желѣзные ножи, шила, костяные гребни, глиняныя льячки, пряслица, разныя металлическія украшенія, глиняные, деревянные и, въ рѣдкихъ случаяхъ, металлическіе сосуды.

Ножи обыкновенно находятся въ области поясницы и чаще у лѣваго бедра, гдѣ они, повидимому, прикрѣплялись къ поясамъ; въ пяти погребеніяхъ (83, 89, 95, 142 и 258) ножи найдены въ области груди, у лѣваго плеча; однажды (погр. 234) — у лѣвой ступни и однажды у черепа; эти послѣдніе ножи, очевидно, были положены къ покойникамъ уже позже ихъ одѣванія. Нѣкоторые ножи оказались съ сохранившимися деревянными рукоятками, кожаными ножнами, оправленными въ бронзовыя пластинки. Ножны схожи съ тѣми, которыя такъ часто встрѣчаются въ древностяхъ сѣверозападныхъ финновъ и новгородскихъ славянъ, позаимствовавшихъ ихъ у финновъ.

Шила часто сопровождали ножи и носились рядомъ съ ними на поясѣ, хотя въ одномъ погребеніи (229) шило было найдено у головы, а въ двухъ (234 и 258) у ступней ногъ покойника.

Костяные гребни оказались при трехъ костякахъ (погр. 63, 145 и 253); гребни небольшіе, одинъ изъ нихъ сверху украшенъ парой конскихъ головокъ. Всѣ три гребня найдены въ головахъ, но одинъ (погр. 63) лежалъ въ берестяной цилиндрической коробкѣ, а два другіе — среди вещей головного убора.

Пряслица найдены въ четырехъ погребеніяхъ, изъ нихъ три — шиферныя, а одно — глиняное; въ двухъ погребеніяхъ пряслица лежали у ногъ, а въ одномъ у головы покойника.

Глиняные ложковидные тигли отысканы въ трехъ погребеніяхъ; лежали они разнообразно: у головы, на груди и у ногъ. Одинъ тигль сопровождалъ дѣтское погребеніе (69); съ этимъ тиглемъ оказались лежащими рядомъ и двѣ половинки небольшой литейной формы.

Интересно отмѣтить полное отсутствіе въ женскихъ погребеніяхъ огнивъ.

Глиняные сосуды сопровождали почти каждое женское погребеніе; они становились по одному, по два, по три, а въ исключительныхъ случаяхъ по четыре и даже по шести. Стояли они въ головахъ и въ ногахъ, рѣже — сбоку. Сосуды — небольшіе, плоскодонные, ручной работы, изъ плохой глины, но хорошаго обжиганія; орнаменты на нихъ отсутствуютъ.

Деревянные сосуды можно было прослѣдить въ двухъ погребеніяхъ: въ одномъ дѣтскомъ (45) и въ другомъ — взрослой женщины съ богатыми украшеніями (63); въ первомъ отъ сосуда сохранилась только желѣзная дужка, во второмъ — сохранились самые сосуды; они имѣли видъ: 1) деревяннаго лоточка, поставленнаго въ ногахъ, содержащаго массивную бронзовую гривну съ напущенными на нее двумя ажурными перстнями съ шумящими привѣсками и двумя плоскими браслетами, и 2) берестяной коробки, цилиндрической формы, какія остаются въ употребленіи въ средней и сѣверной Россіи до сихъ поръ и называются «бурочками»; въ коробкѣ находились костяной гребень и бронзовыя привѣски.

Металлическій сосудъ былъ найденъ кладоискателями; сосудъ представлялъ изъ себя серебряную чашу; кладоискатели разломали ее, и въ такомъ видѣ она поступила впослѣдствіи на храненіе въ Россійскій Историческій Музей.

Въ тридцати двухъ женскихъ погребеніяхъ удалось прослѣдить верхнія обертки труповъ; въ двадцати четырехъ случаяхъ трупы оказывались завернутыми въ лубъ, въ восьми случаяхъ — въ бересту, а въ одномъ случаѣ (погр. 253), кромѣ луба, былъ и войлокъ.

При двадцати погребеніяхъ встрѣчены угольки, но каждый разъ въ небольшомъ количествѣ.

Дѣтскія погребенія. Погребенія дѣтей совершались одинаково съ погребеніями взрослыхъ: имъ такъ же, какъ и взрослымъ, полагались или не полагались украшенія и разная бытовая утварь, соотвѣтственно полу. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ дѣтскихъ погребеніяхъ найдены вещи уменьшенныхъ размѣровъ, очевидно, купленныя или сдѣланныя спеціально для дѣтскаго возраста; такъ, въ дѣтскомъ — мужскомъ погребеніи (178) найденъ маленькій дѣтскій топорикъ, а во многихъ дѣтскихъ — женскихъ погребеніяхъ — маленькія спиральныя ручныя кольца, уменьшенные

браслеты, головные жгуты, боковые ремни и др., но нерѣдко наблюдались на дѣтяхъ вещи взрослыхъ, напр. гривны и браслеты, сжатые, съ далеко заведенными концами другъ за друга.

Трупосожженія. Трупосожженій въ могильникѣ вскрыто 43, что составляетъ 17% всѣхъ погребеній. Изъ 43 трупосожженій 12 можно было приписать мужчинамъ и 5 — женщинамъ. Опредѣленіе дѣлалось по вещамъ; однако, принимая во вниманіе положительно установленный обычай полагать женскія украшенія въ мужскія погребенія въ видѣ даровъ, такое опредѣленіе нельзя считать вполнѣ вѣрнымъ. Представляется даже возможнымъ приписывать всѣ трупосожженія мужчинамъ, хотя присутствіе сплавленныхъ и попорченныхъ на огнѣ женскихъ украшеній какъ - будто говоритъ въ пользу существованія и женскихъ трупосожженій.

Дѣтское трупосожженіе было прослѣжено только одно (242), опредѣленное по остаткамъ обугленнаго дѣтскаго черепа и дѣтскаго ручного спиральнаго колечка.

Сожженіе труповъ совершалось гдѣ-то внѣ площади изслѣдованаго могильника. Для погребенія приносились пережженныя кости и вещи. Для нихъ вырывались неглубокія ямы круглой или овальной формы. Исключеніе составляли только двѣ ямы длинной эллептической формы, оріентированныя, подобно господствующему большинству ямъ простыхъ трупоположеній, съ С. на Ю.

Въ приготовленную яму жженыя кости покойниковъ сыпались грудой. Иногда ихъ оказывалось много, но иногда — мало. Въ нѣсколькихъ трупосожженіяхъ (131, 134, 173 и др.) вещей совсѣмъ не было; въ другихъ — вещей оказывалось мало, но большинство — сопровождалось разными вещами: мужскія — оружіемъ, женскія — нарядами, тѣ и другія — глиняными сосудами. Вещи иногда носили ясные слѣды дѣйствія погребальнаго огня; такъ, въ одномъ погребеніи (138) полурасплавившійся бронзовый спиральный браслетъ крѣпко спаялся съ остатками обуглившейся ручной кости. Другія вещи въ огнѣ не были. Такія вещи обыкновенно лежали сверхъ жженыхъ костей. Въ четырехъ случаяхъ (трупосожженія 70, 75, 162 и 172), вещи были завернуты въ лубъ; въ одномъ (161) въ толстую шерстяную ткань. Въ трупосожженіи 122, сверхъ жженыхъ костей положенъ черепъ лошади; въ 147 — кость крупнаго животнаго, и въ 150 — цѣлая груда костей, повидимому, расчлененнаго на части медвѣдя.

Изъ вещей болѣе интересными являются серебряная гривна (погр. 130) и бронзовый массивный браслетъ съ оригинальными грибовидными кнопками на концахъ (погр. 113).

Глиняные сосуды встрѣчались часто; ставились сверхъ жженыхъ костей; внутри ихъ, какъ и во всѣхъ вообще глиняныхъ сосудахъ могильника, ничего не содержалось.

Погребенія животныхъ. Выше мы уже видѣли, что съ покойниками нерѣдко полагались части домашнихъ животныхъ: лошади, коровы, овцы, а въ одномъ случаѣ — крупнаго медвѣдя; но кромѣ этого, въ Подболотьевскомъ могильникѣ вскрыто 16 погребеній цѣлыхъ животныхъ, изъ которыхъ только одно (погр. 88)

можетъ быть связано, да и то не съ полною увѣренностію, съ погребеніемъ мужчины; всѣ же прочія стоятъ какъ бы особнякомъ, будучи связаны только съ площадью могильника. Распредѣленіе ихъ по площади довольно равномѣрно, хотя больше ихъ встрѣчено въ юго-западной части могильника. Единственный конь, сопровождающій костякъ мужчины (рис. 41), лежалъ выше такъ, что голова и передняя часть коня приходились надъ лѣвой ногой и отчасти надъ тазомъ покойника. У праваго плеча конскаго остова найдены желѣзное долото и удила, а подъ спиною — одно стремя. Конь и покойникъ объединялись однимъ обширнымъ, ясно выраженнымъ, могильнымъ пятномъ, близостью костей коня съ костями покойника и нормальнымъ расположеніемъ послѣднихъ, что какъ бы не позволяетъ допустить погребеніе коня въ болѣе позднее время, такъ какъ при этомъ костякъ человѣка былъ бы потревоженъ. Въ виду всего этого приходится заключить, что, въ данномъ случаѣ, конь сопровождалъ покойника.

Всѣ прочіе остовы коней и коровы, несмотря на большую тѣсноту погребеній могильника, не связываются съ погребеніями людей; но интересно то, что оріентировка ихъ совпадаетъ съ господствующей оріентировкой людей; совпадаетъ также и то, что они сопровождаются вещами, частью составляющими ихъ сбрую, а частью составляющими несомнѣнные дары. Послѣдній фактъ, хотя и остается загадочнымъ, представляетъ выдающійся интересъ и, возможно, что имъ будетъ пролитъ особый свѣтъ на религіозныя представленія народа того времени. Въ конскомъ погребеніи (36) были найдены, кромѣ предметовъ конскаго снаряженія, принадлежности мужского снаряженія (два желѣзныхъ топора, желѣзный ножъ, положенный, очевидно, съ поясомъ, отъ котораго сохранилась желѣзная пряжка) и принадлежности богатаго женскаго костюма. Послѣднія были завернуты въ лубъ и положены на правое плечо коня; въ составъ костюма входили: два головныхъ жгута, составленныхъ изъ волосъ, обвитыхъ широкимъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовыми спиралями, широкій головной ремень (вѣнчикъ) украшенный узкими бронзовыми обоймами, узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью, бронзовая массивная гривна, ожерелье изъ множества бѣлыхъ (перламутровыхъ) бусъ, широкій боковой ремень, покрытый бронзовыми обоймами и съ характернымъ бронзовымъ наконечникомъ на болѣе узкомъ концѣ, спинныя женскія привѣски, бронзовое спиральное кольцо, бронзовый спиральный браслетъ, пара бронзовыхъ ажурныхъ привѣсокъ и др. Въ прочихъ конскихъ погребеніяхъ такихъ пышныхъ даровъ уже не встрѣчалось, но въ одномъ случаѣ (120/121) найденъ топоръ, въ другомъ (145/146) — глиняный горшокъ, въ девяти случаяхъ — части конскаго снаряженія, въ видѣ желѣзныхъ удилъ, стремянъ, пряжекъ и т. п.; въ пяти же случаяхъ вещи совершенно отсутствовали. Погребеніе коровы сопровождалось двумя глиняными сосудами, поставленными у переднихъ ногъ (рис. 57).

Принимая во вниманіе закапываніе животныхъ на площади могильника, ихъ оріентировку, совпадающую съ господствующею оріентировкой людей, и сопровождающія ихъ вещи, необходимо заключить, что погребенія животныхъ имѣли смыслъ чисто ритуальный, но какой именно? Были ли эти животныя жертвенными или

обоготворяемыми, т.-е. были ли они погребены на могильникѣ ради покойниковъ, боговъ, или ради ихъ самихъ. Если допустить, что животныя были погребены ради покойниковъ или боговъ, то становится непонятнымъ сопровожденіе ихъ сбруей и, въ особенности, принесенные имъ дары, поэтому представляется болѣе вѣроятнымъ, что погребенныя животныя были сами обоготворяемыми и потому признанными достойными почетнаго погребенія на общественномъ кладбищѣ. При такомъ допускѣ становятся болѣе понятными и правильность оріентировки труповъ животныхъ, и значеніе принесенныхъ даровъ. Въ объясненіе факта почетнаго погребенія обоготворяемыхъ, священныхъ животныхъ можно было бы указать на Египетъ и Перу, гдѣ такія погребенія въ древности пользовались весьма широкимъ распространеніемъ. Что касается аналогій среди древностей Европейской Россіи, то можно указать на одинъ только извѣстный случай, именно, на случай находки остова погребеннаго коня на площади Муранскаго могильника Симбирской губерніи[1]); тамъ, повидимому, также конь былъ удостоенъ почетнаго погребенія.

Религія. Собранный матеріалъ Подболотьевскаго могильника даетъ возможность заключить, что владѣльцы могильника имѣли вѣру въ сильныхъ боговъ, способныхъ въ загробной жизни воскрешать мертвыхъ и давать имъ возможность пользоваться тѣмъ, чѣмъ ихъ сопровождали живые предъ отправленіемъ въ загробный міръ. Отсюда желаніе живыхъ дать умершему какъ можно больше разныхъ бытовыхъ вещей. Несомнѣнно, послѣднее подрывало благосостояніе народа, но вѣра въ загробныя нужды и любовь къ своимъ покойникамъ были сильнѣе обыденныхъ расчетовъ и выгодъ, и мы видѣли, какъ полно былъ насыщенъ могильникъ цѣнными металлическими вещами.

Боги, судя по изображенію одного изъ нихъ (рис. 30), были личными, антропоморфными. Идолъ бога, сопровождавшій покойника сдѣланъ изъ серебра, съ обширнымъ чревомъ, украшеннымъ выемчатою прозрачною эмалью и своею обширностью указывающимъ на алчный характеръ бога, требующаго много жертвъ. Животныя, похороненныя на площади могильника, могли быть общественными искупительными жертвами подобному богу за грѣхи всѣхъ умершихъ; хотя, какъ выше высказывалось, еще болѣе правдоподобнымъ является предположеніе объ обоготвореніи самихъ этихъ животныхъ, а это увеличивало бы наше знакомство съ пантеономъ боговъ, въ семью которыхъ, подобно египетскимъ аписамъ и многимъ другимъ, вошли бы лошади и коровы.

Въ отношеніи погребальнаго ритуала, слѣдуетъ отмѣтить одно, на первый взглядъ весьма ничтожное явленіе: въ женскомъ погребеніи (69), подвѣшенные на длинныхъ ремешкахъ, обвитыхъ бронзовыми спиралями, металлическіе колокольчики оказались прикрѣпленными нитками такъ, чтобы они не лежали грудой, а были бы раскинуты красивымъ вѣеромъ. Назначеніе колокольчиковъ — издавать шумъ, звенѣть, поэтому, при употребленіи ихъ живымъ человѣкомъ, пришиваніе ихъ не имѣло никакого смысла, тѣмъ болѣе, что при ходьбѣ человѣка, колоколь-

[1]) В. Н. Поливановъ, Муранскій могильникъ, Москва, 1896 г., стран. 11.

чики и безъ того расположились бы вѣеромъ или красивою кистью. Очевидно, они подшиты для специальной декораціи горизонтально лежащаго и неподвижнаго трупа женщины; а это говоритъ за то, что трупы, послѣ облаченія ихъ въ одежды, выставлялись на показъ; вѣроятно, ихъ осматривали, ими любовались родственники и сосѣди и этотъ обычай, повидимому, являлся однимъ изъ стимуловъ, побуждавшимъ людей тщеславныхъ не жалѣть средствъ на декорированіе покойниковъ.

Интересенъ обычай даровъ покойникамъ. Дары, насколько можно судить по доступнымъ нашему пониманію фактамъ, приносились женщинами мужчинамъ (вѣроятнѣе всего, женами мужьямъ), затѣмъ дѣтямъ, но мужчины женщинамъ такихъ даровъ не приносили.

Къ концу существованія могильника, приблизительно около начала XI вѣка, стало совершаться измѣненіе погребальнаго обряда, выразившееся, во-первыхъ, въ перемѣнѣ направленія положенія покойниковъ, которыхъ стали полагать головою на З., и, во-вторыхъ, въ появленіи такого символическаго украшенія какъ тѣльный крестъ. Оба эти явленія совпадаютъ со временемъ распространенія характерныхъ славянскихъ вещей и поэтому нужно полагать, что они совершились подъ славянскимъ культурнымъ воздѣйствіемъ.

Домашній бытъ и занятія. Загробная жизнь подболотьевскими древними насельниками представлялась по образцу домашней жизни. Отсюда является возможность, до нѣкоторой степени, возстановить форму этой послѣдней, пользуясь исключительно однимъ могильнымъ инвентаремъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ семьѣ женщины и дѣти пользовались хорошимъ положеніемъ: ихъ наряжали, не скупясь на расходы средствъ, ихъ не заставляли слѣдовать за мужьями и родителями въ загробный міръ, значитъ не считали собственностью, рабами мужей и отцовъ. Главою семьи, однако, былъ мужчина: онъ не давалъ даровъ покойникамъ, такъ какъ, очевидно, считался собственникомъ или единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ всего домашняго инвентаря и на все выданное покойнику и безъ того смотрѣлъ, какъ на подаренное изъ своей собственности. Мужчина былъ носителемъ огнива, а слѣдовательно, почитался хозяиномъ домашняго очага. Самыя тяжелыя работы лежали на мужчинѣ. Его постоянными спутниками служили топоры, долота и другія болѣе крупныя желѣзныя орудія. Очевидно, на его обязанности лежало сооруженіе дома для семьи, двора для домашнихъ животныхъ. Онъ же долженъ былъ убрать поле и скосить луга. Единственный серпъ, найденный въ Подболотьевскомъ могильникѣ, оказался въ мужскомъ погребеніи. О существованіи желѣзныхъ косъ какъ-будто свидѣтельствуютъ тѣ небольшіе желѣзные молоточки и наковальни, какіе были найдены въ нѣсколькихъ мужскихъ погребеніяхъ, формою своею вполнѣ напоминающіе современные молоточки и наковальни, специально служащіе для отбиванія косъ.

Кромѣ обязанности пріобрѣтенія, стяжанія имущества, на мужчинѣ лежала обязанность и защиты всего этого отъ враговъ, благодаря чему онъ часто изъ мирнаго труженика становился воиномъ и отъ долота и серпа переходилъ къ копью и стрѣламъ, нерѣдко сопровождающимъ его и въ могилу.

О хорошемъ состоянiи всего домашняго обихода свидѣтельствуетъ распространенное кузнечное ремесло. Кузнецы владѣли клещами, разныхъ размѣровъ молотами и наковальнями, но, кромѣ того, имъ хорошо знакомо было литейное дѣло, въ которомъ живое участiе принимали и женщины.

Мужчины въ свободное время, несомнѣнно, занимались шорнымъ, скорняжнымъ и столярнымъ ремеслами, а также и охотой на звѣря. Отличными образцами ихъ шорнаго искусства служатъ конскiя уздечки, не уступающiя по совершенству отдѣлки и изящности современнымъ, (рис. 59), затѣмъ пояса, разнаго рода ремни и т. п. Образцами скорняжнаго ремесла служатъ остатки сохранившейся и дошедшей до насъ мѣховой одежды. Памятникомъ охоты является тотъ большой медвѣдь, кости и лапы котораго сопровождали одно изъ трупосожженiй.

Женщины занимались изготовленiемъ пряжи, тканей, рогожъ и, вѣроятно, войлоковъ. Въ кругъ ихъ обязанностей входило отчасти литейное ремесло и, возможно, что многiя изъ металлическихъ украшенiй, къ которымъ такъ неравнодушны были древнiя подболотьевскiя женщины, приготовлены ихъ же руками.

Общимъ занятiемъ мужчинъ и женщинъ, повидимому, являлся уходъ за домашними животными, хотя замѣчается и здѣсь нѣкоторое дѣленiе, именно, мужчины, несомнѣнно, болѣе были заняты крупнымъ скотомъ, въ особенности, лошадьми, а женщины — мелкимъ, въ особенности овцами; по крайней мѣрѣ, на такое дѣленiе какъ бы указываетъ то, что мужскiя погребенiя преимущественно сопровождаются костями крупныхъ домашнихъ животныхъ и конской сбруей, а женскiя — костями овецъ.

Въ домашнемъ обиходѣ видную роль играютъ ткани, кожи, конская сбруя, металлическiя издѣлiя, глиняная и отчасти деревянная и берестяная посуда, разныя приспособленiя для ручныхъ ремеслъ; на дворахъ ютятся лошади, коровы, овцы, а въ сараяхъ лежатъ склады хлѣба и корма. Въ общемъ бытъ рисуется довольно зажиточнымъ.

Торговыя и другiя сношенiя съ сосѣдними и отдаленными народами. Народы, достигшiе нѣкотораго культурнаго благосостоянiя, не могутъ оставаться безъ дѣловыхъ сношенiй между собою. Не могъ оставаться безъ подобныхъ сношенiй и зажиточный древнiй народъ Муромскаго края. Слѣды такихъ сношенiй, въ видѣ разнаго рода вещественныхъ памятниковъ, сохранились и въ Подболотьевскомъ могильникѣ. Эти памятники свидѣтельствуютъ о сношенiяхъ съ народами востока, юга и запада. Какого рода были эти сношенiя, конечно, трудно сказать, но, повидимому, болѣе важную роль играла торговля.

Съ востока притекали богатыя шелковыя ткани, дорогiя серебряныя наборы ремней, удила съ характерными восточными псалiями, круглыя стремена, бусы, серебряные сосуды и значительное количество серебряной монеты. Всѣ эти вещи, однако, говорятъ о сравнительно позднихъ сношенiяхъ, приблизительно IX—XI вѣковъ.

Гораздо болѣе раннiя сношенiя существовали съ народами Южной Россiи, откуда получались характерныя вещи, такъ называемаго готскаго стиля, таковы

пятипальчатыя и другихъ формъ фибулы (рис. 17 и 18), прорѣзныя бляшки для **украшенія** поясовъ и уздечекъ (рис. 19—22), и, наконецъ, перстни съ **глазками изъ драгоцѣнныхъ камней**, вправленныхъ въ массивныя гнѣзда; первыя указы-

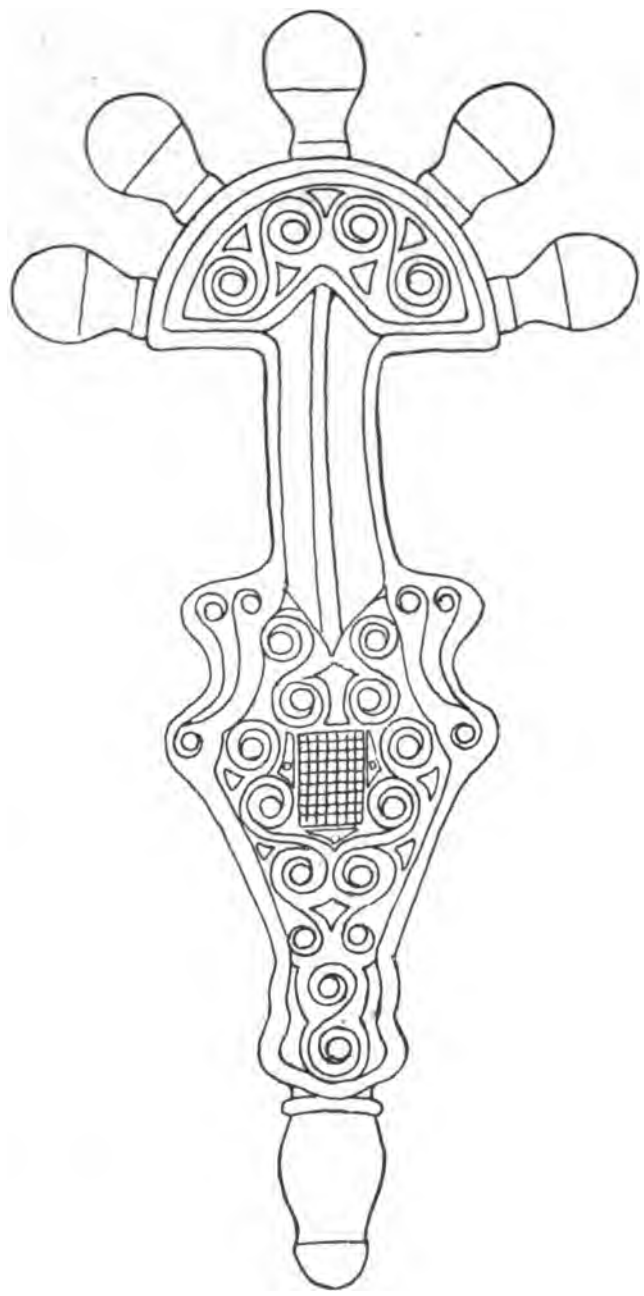

Рис. 17.

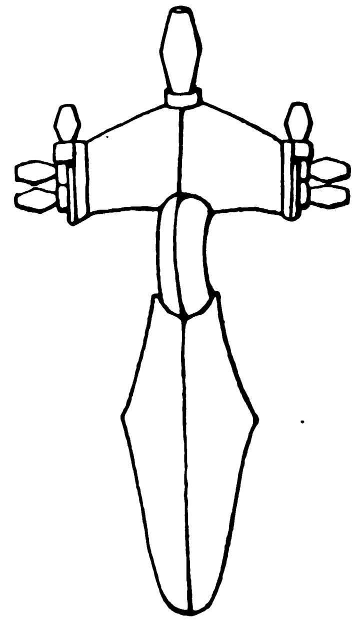

Рис. 18.

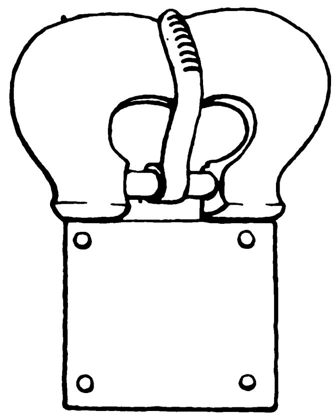

Рис. 19.

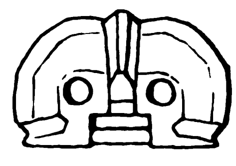

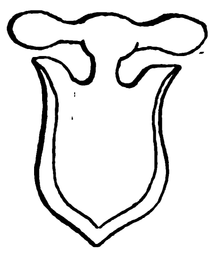
Рис. 20.

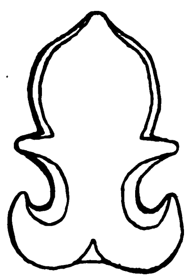
ваютъ на очень раннія сношенія, восходящія къ VII вѣку по Р. Хр., а послѣдніе — на сношенія болѣе позднія IX—X вѣковъ.

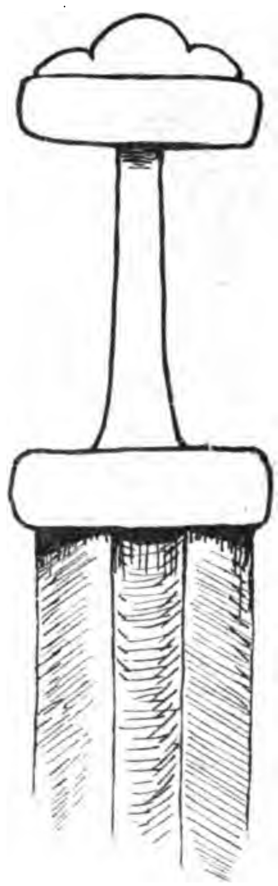
Сношенія съ западными народами имѣютъ также поздній характеръ. Свидѣтелями сношеній съ отдаленной Скандинавіей являются два весьма выразительныхъ

предмета: желѣзный мечъ, такъ называемаго, скандинавскаго типа (рис. 23), и большая массивная пряжка, украшенная головками животныхъ (рис. 24 и 25). Къ сожалѣнію, оба эти предмета были найдены кладоискателями и теперь составляютъ собственность частныхъ лицъ [1]).

Памятниками сношеній съ Прибалтійскимъ краемъ являются подкововидныя, такъ называемыя, западно-финскія пряжки. Весьма возможно, что оттуда же получились и кольчужныя ткани, небольшіе и неясные остатки которыхъ прослѣжены въ нѣсколькихъ погребеніяхъ.

Рис. 21.

Рис. 22.

Рис. 23.

Къ самымъ позднимъ и наиболѣе интенсивнымъ сношеніямъ относятся сношенія съ славянами. Памятниками этихъ сношеній служатъ топоры съ проухами и щековицами, окончательно вытѣснившіе аборигенные кельтовидные топоры, малыя височныя кольца съ эсовидными завитками на одномъ концѣ, маленькія симметричныя лунницы, служившія у русскихъ славянъ привѣсками ожерелій и въ такомъ же употребленіи найденныя въ двухъ позднѣйшихъ погребеніяхъ Подболотьевскаго могильника. Вѣроятнѣе всего, черезъ посредство славянъ были получены цилиндрическія золоченыя и серебряныя бусы, вырабатываемыя гдѣ-нибудь въ Венеціи или Византіи. Отъ славянъ получились пряслица изъ красноватаго шифера,

[1]) Пряжка находится въ собраніи художника И. С. Куликова, въ г. Муромѣ. Авт.

Рис. 24.

Рис. 25.

обширныя мастерскія которыхъ содержались въ то время, повидимому, волынянами. Возможно, что отъ славянъ же получались серебряныя гривны, выработка которыхъ производилась въ Кіевѣ и, по всей вѣроятности, въ Новгородѣ. Наконецъ, вліяніе славянъ сказалось и на самой религіи подболотьевскихъ аборигеновъ, благодаря которому, въ позднѣйшихъ погребеніяхъ покойниковъ стали оріентировать не по старому обычаю, головою на С., а по новому — головою на З., при чемъ, какъ и слѣдовало ожидать, болѣе склонными къ новому обряду явились мужчины, элементъ болѣе развитой и поэтому болѣе прогрессивный.

Въ свою очередь муромскіе аборигены не остались безъ вліянія на своихъ сосѣдей и, кажется, больше всего повліяли на славянъ — кривичей; такъ, большія височныя кольца, до сихъ поръ считавшіяся спеціальнымъ нарядомъ курганныхъ кривичей, были, несомнѣнно, заимствованы самими ими отъ современнаго имъ населенія Муромскаго края, гдѣ древность такихъ височныхъ колецъ можетъ быть прослѣжена до VII вѣка.

Время Подболотьевскаго могильника. Подболотьевскій могильникъ представляется переполненнымъ погребеніями. Мѣстами покойники лежатъ въ два, три и болѣе ярусовъ, а этотъ фактъ говоритъ за продолжительность существованія могильника. То же подтверждается и временемъ вещей. Въ рѣшеніи вопроса о времени могильника, особенную важность получаютъ привозныя вещи, изъ которыхъ однѣ указываютъ на VII, а другія — на IX, X и XI вѣка. Такимъ образомъ, въ общемъ могильникъ долженъ былъ существовать не менѣе четырехъ столѣтій.

Древнѣйшую дату, какъ уже говорилось, мы получаемъ изъ готскихъ пятипальчатыхъ фибулъ (рис. 17 и 18). Эти фибулы впервые появляются въ южной Россіи, въ Крыму и на Кавказѣ одновременно съ появленіемъ тамъ готовъ. Съ изгнаніемъ послѣднихъ изъ предѣловъ Россіи гуннами, ихъ остатки удерживаются только въ Крыму и на Кавказѣ, гдѣ продолжали вырабатываться пальчатыя фибулы, просуществовавшія тамъ до первой половины VII вѣка, включительно. Съ Кавказа и Крыма эти предметы отдѣльными единицами распространялись въ область Днѣпра, Дона и даже Оки, достигая по теченію послѣдней Муромскаго края.

Пальчатыя фибулы, видимо, интересовали жителей Муромскаго края и въ частности древняго Подболотья, вызывая ихъ, какъ хорошихъ кузнецовъ и литейщиковъ, къ подражанію, интересному въ томъ отношеніи, что оно изобличаетъ полное непониманіе назначенія этихъ привозныхъ вещей. Подболотьевскіе мастера, въ рукахъ которыхъ были настоящія пальчатыя фибулы, вѣроятно изъ крымскихъ мастерскихъ, работали свои фибулы безъ булавокъ и установили на нихъ взглядъ, какъ на простыя бляхи, пустивъ ихъ для украшенія головныхъ женскихъ нарядовъ. Однако, эти подражанія просуществовали немного времени и въ болѣе позднихъ погребеніяхъ могильника онѣ уже не встрѣчаются.

Допуская, что къ подболотьевскимъ древнимъ насельникамъ пальчатыя фибулы попали въ послѣдніе года ихъ выработки въ южно-русскихъ мастерскихъ, то и при этомъ условіи онѣ могли быть въ Подболотьѣ не позже VII вѣка; но, вѣ-

роятнѣе всего, эти вещи попадали въ отдаленнѣйшія области въ періодъ времени наибольшаго своего процвѣтанія, а это могло быть и нѣсколько ранѣе VII вѣка, когда эти вещи стали выходить изъ моды.

Арабскія монеты, скандинавскіе мечъ и пряжка съ звѣриными головками могутъ указывать на IX и X вѣка, а славянскія височныя кольца, небольшія симметричныя лунницы и, въ особенности, золоченыя цилиндрическія бусы — на X и XI вѣка.

Народность могильника. Подболотьевскій могильникъ по своему составу и характеру инвентаря является одною изъ единицъ той уже многочисленной серіи окскихъ могильниковъ, которую всѣ русскіе археологи согласно приписываютъ финскому народу. Но намъ представляется возможнымъ выдѣлить Подболотьевскій могильникъ, вмѣстѣ съ другими могильниками Муромскаго края (Максимовскимъ, Муромскимъ) въ отдѣльную группу и приписать ихъ спеціально Муромѣ, одному изъ историческихъ финскихъ племенъ, частью агломированному и частью вытѣсненному славянами въ XI вѣкѣ, когда Муромская волость явилась во владѣніи сначала Кіевскаго, а потомъ Черниговскаго великокняжествъ. При такомъ рѣшеніи въ высшей степени интересными становятся факты нахожденія боковыхъ подболотьевскихъ ремней, правда, въ измѣненномъ видѣ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Михайловскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и въ Люцинскомъ у., Витебской губ., подболотьевскихъ женскихъ головныхъ уборовъ, въ видѣ дугообразныхъ жгутовъ, а въ еще болѣе отдаленной Финляндіи, у кореловъ.

в) Курганный могильникъ у д. Колдиной.

Въ то время, когда производились изслѣдованія Подболотьевскаго могильника, верстахъ въ двухъ отъ послѣдняго, рабочіе, прокладывая новый желѣзнодорожный путь, вскрыли, близъ д. Колдиной, нѣсколько курганныхъ погребеній и нашли пять желѣзныхъ топоровъ, два копья, два бронзовыхъ браслета и двѣ бронзовыя привѣски. Вещи были сданы уряднику, и намъ ихъ не пришлось видѣть, но, судя по разсказамъ и рисункамъ, сообщеннымъ интеллигентными лицами, наблюдавшими за работой, онѣ имѣли слѣдующій видъ: всѣ топоры были съ проухами и щековицами, копья имѣли крупные размѣры, браслеты и привѣски остались не выясненными. Покойники лежали подъ курганными насыпями, въ неглубокихъ грунтовыхъ ямахъ, сопровождались зольными прослоями и угольками.

Можно предполагать, что колдинскія курганныя погребенія принадлежатъ славянскимъ колонистамъ, поселившимся здѣсь еще до принятія ими христіанства. Культурное вліяніе этихъ то колонистовъ, повидимому, и испытала финская народность Муромскаго края.

ЧАСТЬ II.

Результаты раскопокъ Подболотьевскаго могильника.

Изслѣдованіе Подболотьевскаго могильника начато осмотромъ мѣстности, сборомъ свѣдѣній о случившихся на послѣдней находкахъ[1]) и составленіемъ плановъ какъ самаго могильника, такъ и прилегающихъ къ нему окрестностей (рис. 15 и 16); послѣ чего немедленно было приступлено къ раскопкамъ, продолжавшимся съ 21-го мая по 12-е іюня.

Траншея I[2]).

Траншея заложена вдоль восточной стороны карьера (выемки), сопровождающаго шоссе. Размѣры траншеи: $32\times3\times1^1/_4$ аршина; въ траншеѣ открыто четыре погребенія, изъ которыхъ одно конское.

Раскопка ведена послойно. Траншея дѣлилась на равныя квадратныя участки. На каждомъ участкѣ ставилось по два рабочихъ, изъ коихъ одинъ работалъ обыкновенной стальной лопатой (копачкой), другой — балластовой лопатой (грабаркой); такое сочетаніе инструмента давало скорую и весьма чистую работу. Этотъ порядокъ поддерживался въ продолженіе всѣхъ раскопокъ.

1. На глубинѣ 7 вершковъ отъ поверхности почвы найденъ желѣзный гвоздь.

2. На глубинѣ 10 вершковъ обнажены обломки глиняной посуды, лежавшіе грудой.

3. На глубинѣ 12 вершковъ обнажены четыре могильныхъ пятна, обозначившихся болѣе темною, слегка углистою, почвою и присутствіемъ крупинокъ мелкаго угля.

---

[1]) Осмотрѣны большія собранія древностей у купеческаго сына А. Ѳ. Жадина и художника И. С. Куликова. Въ составъ этихъ собраній изъ вещей Подболотьевскаго могильника входили желѣзныя орудія и оружіе, серебряныя и бронзовыя украшенія, глиняные сосуды, обрывки кожи и тканей, арабскіе серебряные диргемы и др. Орудія и оружіе представлены топорами-кельтами, топорами съ щековицами и съ длиннымъ узкимъ клинкомъ, копьями, дротиками остроговидной формы, однимъ мечомъ скандинавскаго типа, ножами, кузнечными клещами, наковальнями, молотами и долотами или пѣшнями. Украшенія состояли изъ гривенъ, иногда съ напущенными на нихъ обильными спиральными кольцами, ажурными перстнями и браслетами, браслетъ то плоскихъ, то витыхъ, височныхъ лунницъ, височныхъ проволочныхъ колецъ, ручныхъ перстней, простыхъ и спиральныхъ колецъ, привѣсокъ съ подвѣшенными гусиными лапками, трапецевидными пластинками, колокольчиками и др. Глиняные сосуды всѣ простой формы, безъ орнамента, сдѣланы отъ руки, обожжены довольно сильно, но неравномѣрно. Монеты оказались Самонидскими X вѣка по Р. Хр. Въ общемъ, весь этотъ довольно обильный инвентарь указывалъ, что разрушенная часть Подболотьевскаго могильника принадлежитъ къ средне-окской финской культурѣ не позже XI вѣка по Р. Хр.

Кромѣ описанныхъ древностей, въ собраніи А. Ѳ. Жадина оказались совершенно аналогичныя вещи изъ другого, совершенно подобнаго могильника, открытаго въ г. Муромѣ, на землѣ церкви Параскевы Пятницы. Эти вещи тождественны съ подболотьевскими, но ихъ сравнительно немного; онѣ найдены мѣстнымъ священникомъ при посадкѣ фруктовыхъ деревьевъ въ саду, гдѣ было потревожено нѣсколько погребеній древняго могильника, остающагося до сихъ поръ неизслѣдованнымъ.

Открытіе двухъ могильниковъ на такой сравнительно небольшой площади, повидимому, указываетъ на присутствіе въ древности, близъ Мурома, густого финскаго населенія. Авторъ.

[2]) Порядокъ отрывки траншей см. на рис. 16.

Погребеніе 1, мужское.

На глубинѣ 1 аршина открытъ костякъ въ чрезвычайно ветхомъ состояніи. Покойникъ, повидимому, лежалъ вытянуто, головою на ССВ. Въ области поясницы найдены желѣзная пряжка; у лѣваго бока — желѣзный топоръ, стоявшій почти вертикально, лезвіемъ вверхъ; близъ топора — желѣзные ножъ и аграфъ (застежка особенной формы), повидимому, служившій для пристегиванія къ поясу топора.

Погребеніе 2, коллективное: мужское и женское (ребенка).

Отъ костяка взрослаго человѣка сохранились куски почти совсѣмъ истлѣвшаго черепа; лѣвѣе черепа лежали рядомъ желѣзные остроговидный дротикъ и долотовидная пѣшня; въ области груди — два бронзовыхъ спиральныхъ браслета, бронзовая шейная массивная гривна съ концами, связанными спиральнымъ кольцомъ, двѣ височныя лунницы, поясная ажурная пряжка съ лапчатыми подвѣсками и ожерелье, составленное изъ спиралекъ и шумящихъ привѣсокъ, напущенныхъ на тонкій ремешокъ; всѣ эти вещи лежали грудой и, казалось, были положены на грудь покойника сверху; въ области поясницы найдены желѣзная пряжка, желѣзный ножъ, такая же плоская стрѣла и точильный брусокъ, а нѣсколько въ сторонѣ, у лѣваго бока, оказались сложенными грудой желѣзные топоръ-кельтъ, кузнечныя клещи, два молотка, одна наковальня и аграфъ; въ области ногъ — нѣсколько бронзовыхъ очковидныхъ и пара шумящихъ привѣсокъ, половинка глиняной литейной формы и глиняный ложковидный тигль, два глиняныхъ горшечка и вторая бронзовая гривна по своему виду похожая на первую, но нѣсколько тоньше, съ напущенными на нее двумя пластинчатыми браслетами, однимъ плоскимъ перстнемъ и тремя спиральными, ручными кольцами.

Подъ всѣми бронзовыми вещами находились остатки луба, а иногда замѣчались угольки.

Присутствіе обильныхъ женскихъ украшеній при мужскомъ костякѣ представляетъ фактъ интересный, указывающій на обычай сопровождать покойника вещами, принадлежащими, вѣроятнѣе всего, его вдовѣ. Такой обычай сохраняется и до настоящаго времени у остяковъ нижняго теченія р. Оби. Остячка, желающая принести, обыкновенно, самое дорогое изъ своихъ украшеній умершему мужу, поручаетъ шаману вложить эту вещь въ саванъ или гробъ мужа, такъ какъ сама она считается недостойною прикасаться къ останкамъ мужа.

Погребеніе ребенка.

Въ одномъ и томъ же могильномъ пятнѣ, правѣе области ногъ взрослаго покойника, найденъ черепъ ребенка, около котораго, какъ бы безпорядочной грудой, лежали двѣ тонкихъ серебряныхъ лунницы, тонкая серебряная грудная бляха, двѣ тонкія бронзовыя гривны, бронзовыя спиральки, ручное спиральное колечко,

двѣ привѣски съ подвѣшенными на цѣпочкахъ колокольчиками, четыре лапчатыхъ и одна очкообразная привѣски; въ ногахъ же стояли два маленькихъ горшечка, вложенные одинъ въ другой.

Оба покойника, судя по направленію могильнаго пятна и положенію череповъ, лежали вытянуто, головами на ССВ.

Погребеніе 3, женское.

На глубинѣ 14 вершковъ открыты остатки костяка, лежавшаго вытянуто, головою на ССВ. Въ области головы найдены бронзовое спиральное колечко, простое колечко съ неспаянными концами и угольки; въ области шеи и груди — костяная привѣска, покрытая геометрическимъ орнаментомъ съ шумящими бронзовыми подвѣсками, три шумящихъ бронзовыхъ привѣски съ подвѣшенными гусиными лапками и трапецевидными пластинками; у лѣвой ноги — желѣзный ножъ; у ступней ногъ — глиняный горшокъ, раздавленный почвой (не взятъ) и овечій зубъ. Въ соприкосновеніи съ бронзовыми вещами сохранились остатки тонкой кожи.

Погребеніе коня.

На глубинѣ $1^1/_4$ аршина, въ обыкновенной могильной ямѣ, открытъ остовъ цѣлаго коня, въ сильно истлѣвшемъ состояніи. Конь лежалъ на брюхѣ, съ поджатыми ногами, головою на ССВ.; никакихъ вещей при немъ не оказалось.

Яма конскаго погребенія находилась въ изолированномъ отношеніи къ погребеніямъ людей.

Траншея II.

Размѣры траншеи: $32 \times 3 \times 1^1/_4$ аршина. Въ траншеѣ открыто три погребенія.

Погребеніе 4.

На глубинѣ 12 вершковъ лежалъ костякъ на спинѣ, вытянуто, головою на З., съ руками, сложенными на груди; около костяка замѣчены угольки; на правой рукѣ, выше кисти, — два бронзовыхъ браслета; надъ ступнями ногъ, вершка на четыре выше, лежало ребро лошади и бронзовый колокольчикъ.

Погребеніе 5, мужское.

На глубинѣ 1 арш. 2 в., — остатки костяка, лежавшаго на спинѣ, вытянуто, головою на ЮЗЗ, съ кистью правой руки на груди; выше кисти этой руки находились два бронзовыхъ плоскихъ браслета; у поясницы — желѣзные ножъ и огниво съ кремнемъ, лѣвѣе стоялъ почти вертикально желѣзный топоръ, лезвіемъ вверхъ; въ ногахъ — два глинянныхъ горшка изъ нихъ одинъ имѣлъ высокій поддонъ, придававшій сосуду рюмочную форму.

Погребенiе 6.

На глубинѣ 4 вершковъ отъ поверхности почвы замѣчено правильное могильное пятно, обозначенное темнымъ цвѣтомъ почвы и мелкими угольками, вытянутое съ ССВ на ЮЮЗ. Дно этой ямы находилось на глубинѣ 1 арш. 2 вершковъ. Въ ямѣ никакихъ остатковъ костяка и никакихъ вещей ненайдено, хотя не оставалось никакого сомнѣнiя, что яма служила могилой покойника, отъ котораго, однако, не сохранилось никакого остатка.

Траншея III.

Размѣры траншеи: $32 \times 3 \times 1^1/_4$ арш. Въ траншеѣ открыто пять погребенiй.

Погребенiе 7, женское.

На глубинѣ 8 вершковъ, — костякъ женскiй, лежавшiй на спинѣ, вытянуто, головою на З, съ кистью правой руки на груди, а лѣвой — на тазу; у височныхъ костей черепа лежало по два бронзовыхъ височныхъ кольца съ завязанными концами и на ряду съ ними, у лѣваго виска — одно бронзовое маленькое колечко, а у праваго виска — небольшое бронзовое кольцо съ напущенною но него филигранною бусиною; на шеѣ — ожерелье изъ стеклянныхъ залоченыхъ бусъ двухъ сортовъ: 1) крупныхъ цилиндрическихъ и 2) мелкихъ въ видѣ жемчужинъ; па правой рукѣ два и на лѣвой одинъ браслетъ, всѣ три бронзовые, изъ нихъ два являются парными, украшенными на концахъ звѣриными, грубовыполненными головками; близъ одного браслета правой руки лежала бронзовая шумящая привѣска; на пальцахъ правой руки — два бронзовыхъ колечка съ неспаянными концами; на груди — бронзовая привѣска въ видѣ конька съ подвѣшенными на цѣпочкахъ бубенчиками и плоское серебряное кольцо съ растительнымъ орнаментомъ на лицевой сторонѣ, повидимому, служившее для пряжки; у берцовой правой ноги снаружи лежало пряслице изъ краснаго шифера, а у лѣвой ступни — бронзовая шумящая привѣска. Въ мѣстахъ соприкосновенiя съ бронзовыми вещами найдены куски бересты.

Погребенiе 8, мужское.

На глубинѣ 14 вершковъ, открытъ костякъ взрослаго мужчины, лежавшiй вытянуто, на спинѣ, головою на З, съ кистью правой руки на груди; при немъ никакихъ вещей не оказалось.

Погребенiе 9.

На глубинѣ 1 арш., — костякъ, лежавшiй на спинѣ, вытянуто, головою на З., съ кистью правой руки на груди; выше кисти этой руки — два бронзовыхъ браслета съ стилизованными звѣриными головками; на поясницѣ — два желѣзныхъ ножа съ остатками ноженъ; между бедръ, выше колѣнъ, — бронзовая лировидная пряжка. Черепъ взятъ.

Погребеніе 10, женское.

На глубинѣ 1 арш., — костякъ на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, головою на З.; у черепа — бронзовое колечко; на шеѣ — золоченыя стеклянныя бусы цилиндрической формы; у лѣваго плеча — серебряная привѣска въ видѣ арабской монеты; на рукахъ, сложенныхъ на груди, по два бронзовыхъ браслета, изъ которыхъ два со стилизованными звѣриными головками; на груди — бронзовая шумящая привѣска; въ могилѣ найдены кусочки бересты. Черепъ взятъ.

Погребеніе 11.

На глубинѣ 12 в., — костякъ въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, головою на З., съ кистью лѣвой руки на тазу; на одномъ пальцѣ лѣвой руки — бронзовый перстень съ завязанными концами; у лѣваго бедра — желѣзный ножъ съ остатками ноженъ. Черепъ взятъ.

Траншея IV.

Размѣры траншеи: $32\times3\times1^1/_4$ арш. Въ траншеѣ никакихъ предметовъ древности и погребеній не было найдено.

Траншея V.

Размѣры траншеи: $32\times3\times1^1/_4$ арш. Въ траншеѣ открыто два погребенія.

Погребеніе 12, женское.

На глубинѣ 12 вершковъ — костякъ въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, головою на ЮЗЗ.; у висковъ по парѣ небольшихъ височныхъ колецъ; на шеѣ — стеклянныя золоченыя цилиндрическія и боченковидныя бусы; подъ черепомъ — остатки луба; на днѣ могилы — угольки. Черепъ взятъ.

Погребеніе 13.

Въ могильной ямѣ, на глубинѣ 11 вершковъ, найдена часть остава лошади, состоящая изъ позвонковъ и реберъ. Ниже на днѣ ямы, оріентированной съ ССВ. на ЮЮЗ., никакихъ остатковъ не оказалось. Почва сырая. Повидимому, костякъ покойника, лежавшій на днѣ ямы, уничтоженъ временемъ окончательно.

Траншея VI.

Размѣры траншеи: $32\times3\times1^1/_4$ арш. Въ траншеѣ открыто три погребенія, изъ нихъ одно конское.

Погребеніе 14, женское.

На глубинѣ 12 вершковъ, въ пятнѣ небольшой ямы открыты остатки дѣтскаго черепа; около него лежали желѣзная гривна, нѣсколько бусинъ, два сломанныхъ бронзовыхъ височныхъ колечка, свинцовый *крестикъ* и угольки.

Погребенiе коня.

На глубинѣ 1 арш. 4 в., лежалъ конскiй остовъ на животѣ съ поджатыми ногами, головою на С.; на головѣ — семь бронзовыхъ колокольчиковъ и два бубенчика, очевидно, украшавшихъ верхнюю (затылочную) часть узды; въ пасть вложены желѣзныя удила; въ области живота — желѣзная пряжка; надъ остовомъ — черепки глиняной посуды; на лѣвой задней ногѣ — крупная бронзовая спираль и крупный бронзовый бубенчикъ; подъ спиралью сохранилась часть кожи лошади съ свѣтло-рыжей шерстью.

Погребенiе 15, мужское.

На глубинѣ 1 арш. 2 в., — костякъ, лежавшiй на спинѣ, вытянуто, головою на ЮЗЗ., съ руками, сложенными на груди; у черепа — наконечникъ желѣзной стрѣлы; на правой рукѣ — два бронзовыхъ браслета и на одномъ пальцѣ бронзовое плоское кольцо съ неспаянными концами; въ области поясницы — желѣзная круглая пряжка, желѣзное огниво и желѣзный ножъ съ такимъ же кольцомъ на мѣстѣ рукоятки; у правой стороны таза — желѣзный серпъ; у колѣна лѣвой ноги — желѣзный топоръ, а у лѣвой ступни — два глиняныхъ горшка. Покойникъ былъ обложенъ лубомъ и посыпанъ мелкимъ углемъ.

Траншея VII.

Размѣры: 32 × 8 × 1 арш.; въ траншеѣ никакихъ остатковъ древности не найдено.

Траншея VIII.

Размѣры: 32 × 8 × 1 арш.; въ траншеѣ открыто три погребенiя.

Погребенiе 16.

На глубинѣ 12 вершковъ, на днѣ темнаго могильнаго пятна, найдены обломки глиняной посуды, три бронзовыхъ привѣски и куски перержавѣвшаго желѣза, расположенные врозь. Пятно имѣло продолговатую эллиптическую форму, вытянутую съ ССЗ. на ЮЮВ.

Погребенiе 17.

На глубинѣ 1 арш. 4 вершк., въ сильно углистомъ пятнѣ могилы, вытянутомъ съ ССЗ. на ЮЮВ., найдены обломки глиняной посуды; никакихъ другихъ остатковъ не оказалось.

Погребенiе 18.

На глубинѣ 12 вершковъ найдены глиняный горшечекъ, два маленькихъ височныхъ кольца и спиральное ручное колечко, сдѣланныя изъ бронзы. Никакихъ остатковъ покойника, повидимому, ребенка не сохранилось.

Траншея IX.

Размѣры: 32×3×1 арш.; въ траншеѣ погребеній не оказалось.

1. На глубинѣ 6 вершковъ отъ поверхности почвы, найдена желѣзная обойма съ кольцомъ и бронзовое кольцо; обѣ вещи лежали въ разныхъ, удаленныхъ другъ отъ друга, участкахъ траншеи.

Траншея X.

Размѣры: 32×3×1 арш.; въ траншеѣ открыто два погребенія.

1. На глубинѣ 7 вершковъ, въ небольшомъ эллептическомъ темномъ могильномъ пятнѣ, найдены обломки, раздавленнаго почвой глиняного горшка и едва замѣтные остатки сгнившихъ, повидимому, дѣтскихъ костей.

Погребеніе 19.

На глубинѣ 12 в., открыто большое расплывчатое могильное пятно, въ которомъ найдены желѣзные ножъ, пряжка, гвоздь съ широкой шляпкой и нѣсколько обломковъ глиняной посуды. Все это производило впечатлѣніе потревоженной еще въ древности могилы.

Траншея XI.

Размѣры: 32×3×1¼ арш.; въ траншеѣ открыто семь погребеній.

1. На глубинѣ 12 вершк., въ слабо выраженномъ могильномъ пятнѣ, стоялъ горшокъ кверху дномъ, подъ нимъ оказался второй маленькій горшечекъ, въ видѣ чашечки; оба они, подъ давленіемъ почвы, растрескались и при извлеченіи изъ почвы распались на куски.

Погребеніе 20.

На глубинѣ 1 арш. 4 в., въ могильномъ пятнѣ, найдены остатки одной бедренной кости человѣка, желѣзный ножъ, куски перержавившаго желѣза и глиняный горшокъ, стоявшій кверху дномъ.

Погребеніе 21, трупосожженіе.

На глубинѣ 1 арш., въ котловидной ямѣ, лежали грудой обломки жженыхъ человѣческихъ костей, изъ которыхъ опредѣлены зубы и часть черепа. Съ костями находился глиняный горшокъ, вокругъ котораго были разложены желѣзные топоръ и ножъ, бронзовая височная лунница, узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью, бронзовое спиральное кольцо и круглая ажурная пряжка съ приставшимъ къ ней кускомъ кожи. Всѣ эти вещи, повидимому, въ огнѣ не были.

Погребеніе 22, мужское, дѣтское.

На глубинѣ 1½ арш., — дѣтскій костякъ, при немъ найдены свинцовая гривна, три бронзовыхъ браслета, нѣсколько бронзовыхъ привѣсокъ, два бубенчика, желѣзные топоръ и ножъ. Около костяка лежали ножныя кости коровы, сложенные въ порядкѣ.

Погребеніе 23, мужское. рис. 26.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. открытъ костякъ взрослаго мужчины, лежавшаго вытянуто, на спинѣ, головою на С.; правѣе черепа его найдена желѣзная пѣшня, или долото; лѣвѣе черепа — желѣзный ножъ; на груди, черезъ лѣвую руку, положенъ боковой женскій ремень, украшенный сплошь бронзовыми обоймами; на ремнѣ и около него, на срединѣ груди костяка, — двѣ парныхъ бронзовыхъ шумящихъ привѣски оригинальной формы; на груди же найдены бронзовыя спиральки и спиральныя кольца; въ области поясницы лежало въ рядъ шесть желѣзныхъ скобокъ и нѣсколько желѣзныхъ обоймъ съ кольцами, повидимому, украшавшими поясной ремень; у лѣваго бока — желѣзный топоръ; у правой ступни — желѣзное копье; противъ ступней — два глиняныхъ горшка; въ сѣверо-западномъ углу ямы — конскій черепъ съ нижнею челюстью, въ сѣверо-восточномъ углу — двѣ ножныя конскія кости; на колѣнномъ сочлененіи лѣвой ноги — второй конскій черепъ съ нижнею челюстью. На днѣ могилы встрѣчены угольки.

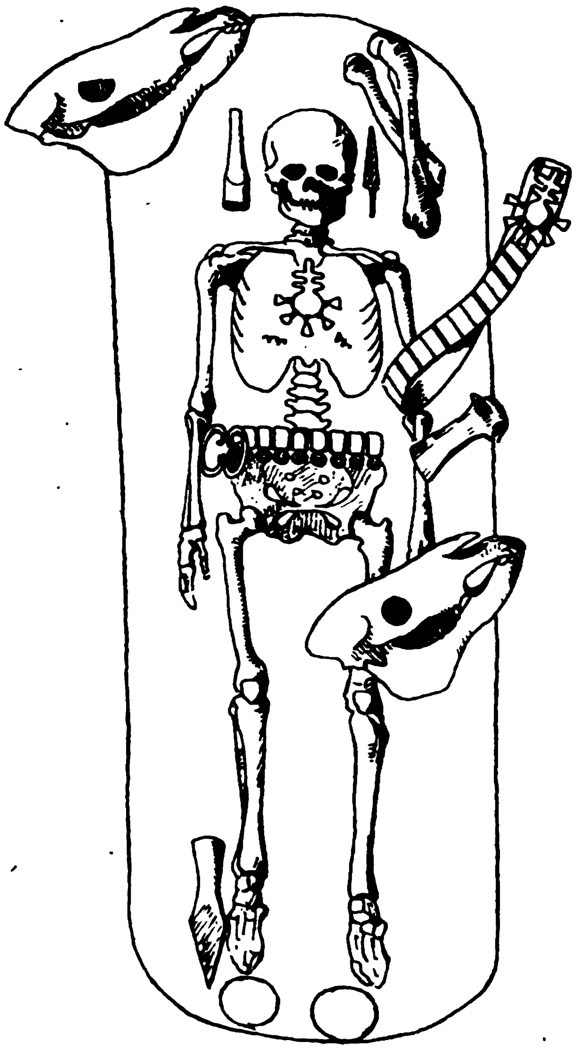

Рис. 26.

Погребеніе 24, женское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — костякъ, лежавшій въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, головою на С.; вокругъ черепа лежали въ два ряда волосяные жгуты, обвитые сначала широкимъ сыромятнымъ ремнемъ, а потомъ бронзовыми спиралями; на черепѣ — широкій ремень (вѣнокъ), украшенный бронзовыми обоймицами, и узкій ремень обвитый плосковатою бронзовою проволокою; по бокамъ черепа — бронзовыя височныя кольца по шести штукъ, изъ нихъ нѣкоторыя оказались сломанными на куски; на шеѣ — бронзовая гривна и ожерелье, состоящее изъ бронзовыхъ спиралекъ, напущенныхъ на тонкій ремешокъ; на пальцахъ рукъ, сложенныхъ на груди — два бронзовыхъ спиральныхъ кольца; вдоль праваго бедра — остатки широкаго боковаго ремня съ бронзовымъ наконечникомъ; въ ногахъ — глиняный горшокъ; на днѣ могилы — угольки.

Погребенiе 25, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — остатки костяка, лежавшаго на спинѣ, вытянуто, головою на ЮВВ.; съ лѣвой стороны черепа найдены обломки бронзоваго колечка; у праваго бока — желѣзный топоръ; у лѣваго плеча — нѣсколько кусковъ ржаваго желѣза.

Траншея XII.

Размѣры: 32×3×1 арш.; въ траншеѣ открыто восемь погребенiй.

Погребенiе 26.

На глубинѣ 1 арш. найдена теменная кость человѣческаго черепа и около нея височное бронзовое кольцо съ трапецевидною подвѣскою.

Погребенiе 27, трупосожженiе, женское.

На глубинѣ 12 в., въ круглой ямѣ, найдены ссыпанныя въ груду жженыя кости человѣка, среди которыхъ отысканы четыре бронзовыхъ парныхъ лунницы; изъ нихъ одна пара имѣла трапецевидныя бронзовыя подвѣски, и два желѣзныхъ ножа.

Погребенiе 28, мужское.

На глубинѣ 12 вершковъ, — остатки костяка, при нихъ найдены желѣзная пѣшня (долото), воткнутая въ дно могилы вертикально и два желѣзныхъ наконечника копiй.

Погребенiе 29, женское.

На глубинѣ 1 арш., — костякъ, лежавшiй вытянуто, на спинѣ, головою на С.; съ лѣвой стороны головы стоялъ глиняный горшокъ; голову окружалъ жгутъ, составленный изъ древеснаго прутика, обложеннаго ремнемъ и затѣмъ обвитого бронзовою спиралью; на лбу — широкiй ремень (вѣнокъ), украшенный бронзовыми обоймицами; по обѣ стороны шеи — четырнадцать бронзовыхъ большихъ и малыхъ височныхъ колецъ; подъ черепомъ — остатки луба; на груди, подъ кистью согнутой правой руки, — бронзовая гривна; на пальцахъ рукъ — по два спиральныхъ кольца; на кисти правой руки, — бронзовая грудная бляха съ трехугольными прорѣзями; подъ и надъ грудной бляхой — остатки луба; у ногъ — остатки ткани; вдоль праваго бедра — остатки широкаго бокового ремня съ бронзовымъ наконечникомъ; на поясницѣ — желѣзная пряжка.

Погребенiе 30, женское.

На глубинѣ 1 арш. открыты остатки костяка. Нижняя челюсть, шейные позвонки и лѣвая ключица оказались связанными сохранившеюся кожею, къ которой, въ области шеи, пристала бронзовая привѣска съ лапчатыми подвѣсками. Около черепа — два большихъ височныхъ кольца и двѣ бронзовыя цѣпочки съ подвѣшенными колокольчиками.

Погребеніе 31, женское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. найденъ черепъ женщины, прочія кости, повидимому, совершенно истлѣли. Вокругъ черепа лежалъ жгутъ, составленный изъ волосъ, сначала обвитыхъ широкимъ ремнемъ, а потомъ бронзовою спиралью; на лбу — широкій ремень (вѣнокъ), украшенный бронзовыми обоймицами, и узкій ремень, обвитый бронзовою спиралью; близъ черепа — двѣнадцать большихъ бронзовыхъ височныхъ колецъ, изъ которыхъ четыре съ напущенными бронзовыми привѣсками; подъ черепомъ — бронзовая гривна; недалеко отъ черепа — два глиняныхъ горшка и желѣзный ножъ.

Погребеніе 32, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. найдены остатки дѣтскаго костяка въ возрастѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Костякъ лежалъ на берестѣ и, вѣроятно, въ нее былъ завернутъ; при костякѣ оказались остатки кожаной одежды съ приставшими къ ней бронзовыми подвѣсками, часть которыхъ отпала; бронзовая ажурная пряжка, съ подвѣшанными колокольчиками; шесть бронзовыхъ малыхъ височныхъ колецъ; часть головного убора съ остатками свѣтложелтыхъ дѣтскихъ волосъ и приставшими къ нимъ бронзовыми подвѣсками и одинъ бронзовый колокольчикъ.

Погребеніе 33, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, головою ССЗ.; лѣвѣе черепа стоялъ глиняный горшокъ, раздавленный почвой и лежалъ конскій черепъ; въ области поясницы находились бронзовыя спиральки, нѣсколько желѣзныхъ пряжекъ, двѣ желѣзныхъ скобы и желѣзный ножъ; у лѣвой берцовой кости — желѣзный топоръ и два обломка желѣзныхъ предметовъ.

Траншея XIII.

Размѣры: $32\times3\times1^1/_2$ арш.; въ траншеѣ открыто семь погребеній.

Погребеніе 34, дѣтское.

Приблизительно на глубинѣ 1 арш., найдены остатки дѣтскаго костяка; близъ черепа его стоялъ глиняный горшокъ кверху дномъ, а въ области поясницы — желѣзный ножъ. Костякъ былъ оріентированъ головою на С.

Погребеніе 35, дѣтское, рис. 27.

На глубинѣ 12 вершковъ, въ отчетливо выраженномъ могильномъ пятнѣ, стояли два глиняныхъ горшечка, а около нихъ находились голова и ноги коровы; ниже, въ томъ же пятнѣ, на глубинѣ 1 аршина, покоились остатки костяка ребенка лѣтъ 10—12, лежавшаго на лубѣ, головою на С. Сверхъ костяка положены были грудой слѣдующія вещи: два желѣзныхъ ножа, наконечникъ плоской желѣз-

ной стрѣлы и бронзовая пара одинаковыхъ ажурныхъ привѣсокъ съ шумящими подвѣсками, привѣска съ лапчатыми подвѣсками и ремешкомъ, очковидныя привѣски съ остатками ремешковъ, служившихъ для прикрѣпленія къ шерстяной матеріи, остатки которой сохранились подъ одной привѣской, восемь крупныхъ колокольчиковъ съ сохранившимися внутри ихъ ремешками, завязанными въ узелки,

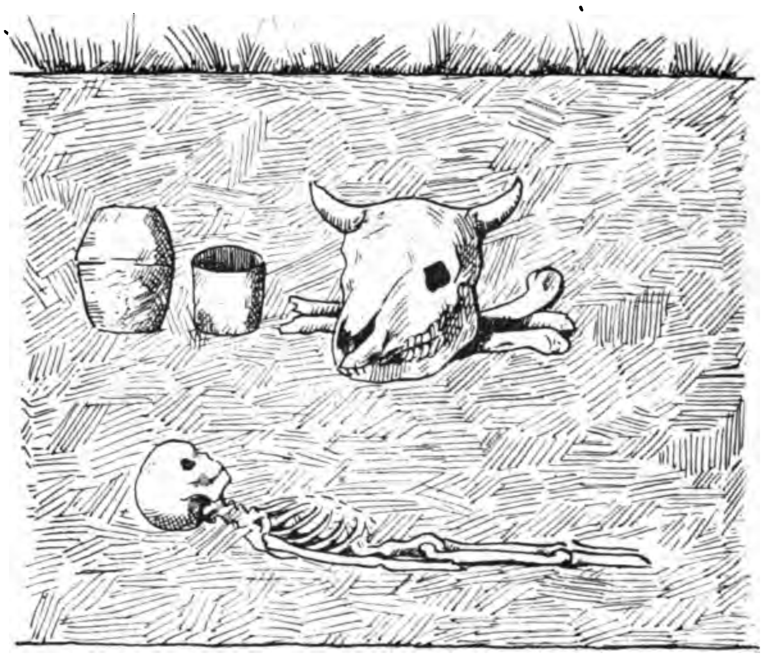

Рис. 27.

нѣсколько привѣсокъ конической формы, пара плоскихъ дугообразно согнутыхъ широкихъ пластинокъ, служившихъ, вѣроятнѣе всего, украшеніемъ обуви, бронзовый перстень съ спирально заходящими тонкими концами, шесть спиральныхъ ручныхъ колецъ, большое количество трапецевидныхъ привѣсокъ съ колечками, остатки шерстяной и льняной тканей, остатки тонкой кожи, покрытой шерстью, вѣроятно, мѣховой одежды и луба.

Погребеніе 36, конское съ женскими украшеніями, рис. 28.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. открытъ цѣлый остовъ коня, лежавшаго на правомъ боку, головою на С. Сбоку остова и отчасти на переднихъ ногахъ лежали два желѣзныхъ топора, воткнутыхъ лезвіемъ внизъ, пара желѣзныхъ стремянъ и одно большое желѣзное кольцо; у затылка — желѣзные ножъ и пряжка; на правомъ плечѣ были положены, повидимому, завернутыми въ бересту слѣдующія вещи, характерныя въ женскомъ нарядѣ: 1) два головныхъ жгута, состоящихъ изъ тонкихъ шнуровъ, свитыхъ изъ конскихъ волосъ, сверху обвитыхъ широкими сыромятными ремнями и бронзовыми спиралями; 2) широкій лобный ремень (вѣнчикъ), покрытый узкими бронзовыми обоймицами; 3) узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью; 4) бронзовая массивная гривна въ древности сломавшаяся и

склепанная тогда же бронзовыми гвоздиками; 5) ожерелье изъ множества бѣлыхъ перламутровыхъ бусъ; 6) бокового женскаго ремня, покрытаго бронзовыми обоймами и бронзовымъ большимъ наконечникомъ; 7) спинныя женскія подвѣски, состоящія изъ двухъ бронзовыхъ коромыслъ съ подвѣшенными колокольчиками и трехъ бронзовыхъ полуцилиндровыхъ пронизей, соединявшихся съ коромыслами посредствомъ ремешковъ, остатки которыхъ хорошо сохранились; 8) бронзовое

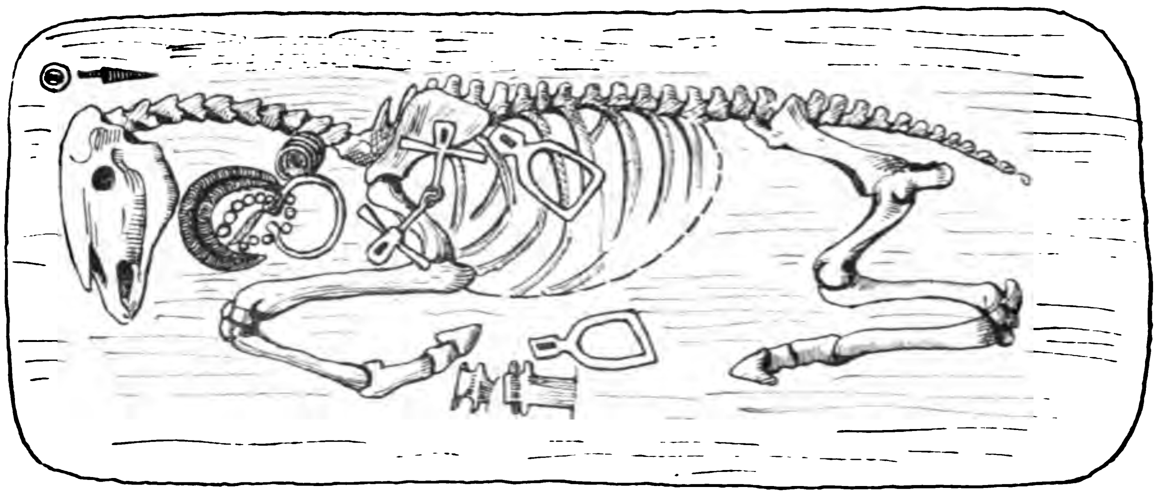

Рис. 28.

спиральное кольцо; 9) бронзовый спиральный браслетъ; 10) пара бронзовыхъ ажурныхъ привѣсокъ съ ромбическими подвѣсками; 11) нѣсколько бронзовыхъ колокольчиковъ; 12) нѣсколько такихъ же лапчатыхъ привѣсокъ; недалеко отъ этихъ вещей, на переднихъ ребрахъ коня, лежали желѣзныя удила, кольцо, пряжка и обрывки узкихъ и широкихъ ремней, повидимому, отъ узды.

Погребеніе 37, мужское.

На глубинѣ 14 вершковъ открыты остатки костяка, лежавшаго вытянуто, на спинѣ, головою на С.; справа отъ головы находилось большое желѣзное кольцо; на рукахъ по два бронзовыхъ браслета; ажурный перстень съ треугольными подвѣсками и спиральное кольцо; въ области поясницы — желѣзные пряжка, ножъ, топоръ, каменный точильный брусокъ съ сверлиной; справа у пояса — половинка серебрянаго *диргема,* лежавшаго среди остатковъ кожи (кошелька) и бронзовыхъ привѣсокъ; слѣва — желѣзная пѣшня и копье; на лѣвой рукѣ — желѣзныя удила и довольно хорошо сохранившіеся ремни узды, украшенные бронзовыми гвоздиками, имѣвшими посеребреныя круглыя шляпки.

Погребеніе 38, женское, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — костякъ ребенка, лежавшаго на спинѣ, головою на С.; въ головахъ его поставлено три небольшихъ горшечка; на рукахъ было по одному бронзовому спиральному браслету малыхъ размѣровъ; голова и шея казались почти сплошь покрытыми разнаго рода украшеніями, въ составъ которыхъ

входили: 1) длинная, сжатая серебряная спираль, повидимому, украшавшая узкій лобный ремень; 2) бронзовая большая гривна съ напущеннымъ на нее спиральнымъ кольцомъ; 3) нижняя челюсть ребенка съ присохшею къ ней кожею мѣха съ прикрѣпленными тремя малыми бронзовыми височными кольцами, изъ коихъ на два напущены спиральныя кольца, а на третій — бронзовая цѣпочка съ колокольчикомъ; 4) шесть другихъ подобныхъ же височныхъ колецъ, изъ коихъ на одно напущены спиральныя кольца и колокольчики, а также остатки ремешка, посредствомъ котораго кольцо къ чему-то прикрѣплялось; 5) мелкій бисеръ; 6) довольно крупная оригинальная бусина, свернутая изъ шерсти; 7) круглая ажурная бронзовая пряжка съ лапчатыми подвѣсками; 8) двѣ парныхъ бронзовыхъ привѣски съ подвѣшенными колокольчиками; 9) одиннадцать бронзовыхъ привѣсокъ съ подвѣшанными колокольчиками и стилизованными гусиными лапками; 10) *костяной конекъ*, служившій подвѣской, и 11) желѣзное кольцо съ обоймой.

Погребеніе 39.

На глубинѣ 2 арш., остатки почти совсѣмъ истлѣвшаго костяка, лежавшаго вытянуто, головою на С.; у черепа лежали бронзовая спираль, трапецевидная привѣска и привѣски съ подвѣшенными гусиными лапками.

Погребеніе 40, мужское.

На глубинѣ 1 арш. 12 вершковъ, на днѣ могильнаго пятна, найдены въ средней области желѣзные топоръ и рядъ обоймицъ съ кольцами, украшавшими поясъ; сѣвернѣе этихъ предметовъ лежало бронзовое спиральное кольцо съ сохранившейся фалангой пальца; кромѣ фаланги, отъ костяка не сохранилось рѣшительно ни одной кости. Могильное пятно оріентировано съ С. на Ю. Покойникъ, вѣроятнѣе всего, лежалъ головою на С.

Траншея XIV.

Размѣры: 32×6×1 арш.; въ траншеѣ открыто семь погребеній, изъ нихъ два конскихъ.

Погребеніе 41, мужское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, лежали разсѣянно куски перержавившихъ желѣзныхъ предметовъ, въ которыхъ можно узнать обломокъ ножа и значительное количество колецъ съ обоймами, вѣроятно, украшавшими поясной ремень; на ряду съ этими вещами найдено бронзовое спиральное кольцо съ сохранившеюся въ немъ фалангою пальца; другихъ костей покойника въ могилѣ не сохранилось.

Погребеніе коня.

На той же глубинѣ открытъ цѣлый остовъ коня, лежавшаго на правомъ боку, головою на ССВ.; при костякѣ никакихъ вещей не оказалось.

[illegible]

На [illegible] въ срединѣ лежали, [illegible] бронзовыя спирали.

[illegible]

На [illegible] на правомъ [illegible] не оказалось.

[illegible] 29.

На [illegible] на спинѣ, вытянуто, головою на [illegible] у праваго плеча лежали [illegible] аграфъ съ приставкой [illegible] копье съ четырех[illegible] стрѣлы и одна [illegible] на груди, у пра[illegible] плеча — три [illegible] привѣски и серебряный [illegible] завернутый въ ткань, рис. 30; у лѣваго плеча — [illegible] гребень, украшенный [illegible] на нижней части [illegible] у [illegible] на [illegible] бронзовыхъ [illegible] на пальцахъ рукъ — по три перстня съ спирально [illegible] — прекрасно сохранившійся поясной ремень, украшенный [illegible] бляшками съ подвѣ-

Рис. 30.

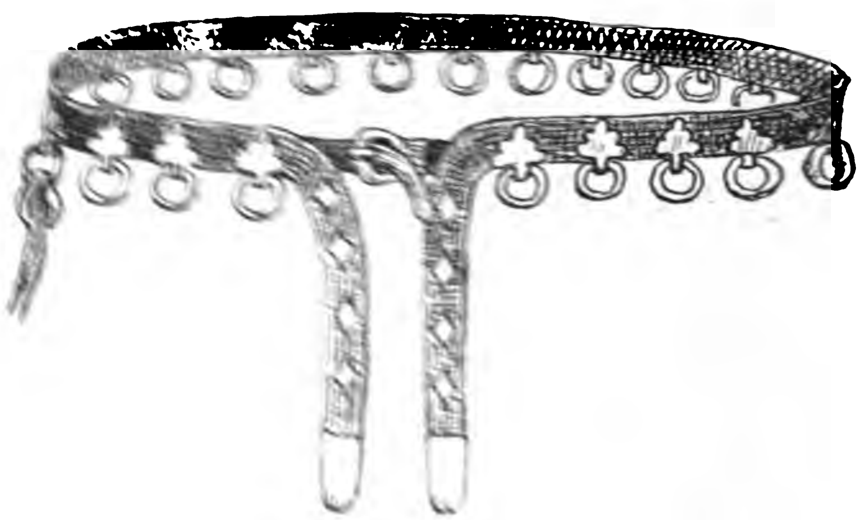

Рис. 29 [illegible]

шенными къ нимъ кольцами и 35 такими же ромбическими бляшками безъ колецъ, двумя бронзовыми наконечниками и одной бронзовой пряжкой, застегнутой особымъ болѣе узкимъ ремешкомъ, пришитымъ къ поясному ремню съ внутренней стороны, благодаря такому приспособленію оба конца поясного ремня свободно свѣшивались внизъ; къ родному поясному кольцу былъ пристегнутъ узкій ремешокъ, служившій для привязи какого-то предмета, рис. 31; у лѣваго бока лежали желѣзные ножъ и огниво; вдоль лѣвой ноги находились двѣ ножныя кости крупнаго животнаго (лошади); въ сѣверо-западномъ углѣ могильнаго пятна стояло два глиняныхъ горшка, а въ сѣверо-восточномъ углу были сложены грудой слѣдующіе предметы: 1) четыре желѣзныхъ ножа съ сохранившимися деревянными ручками и остатками кожаныхъ ноженъ; 2) бронзовая массивная гривна съ грибовидной застежкой; 3) двѣ тонкія бронзовыя гривны, на одну изъ которыхъ напущено спиральное кольцо; 4) два бронзовыхъ спиральныхъ браслета; 5) два бронзовыхъ плоскихъ браслета; 6) бронзовая массивная пряжка западно-финскаго типа; 7) лировидная бронзовая пряжка съ остатками ремешка; 8) обрывки узкаго ремешка, обвитого бронзовою спиралью; 9) обрывки ремешка, покрытаго бронзовыми обоймами; 10) десять бронзовыхъ привѣсокъ съ парными трехугольными подвѣсками; 11) ажурная бронзовая пряжка съ подвѣшанными къ ней на цѣпочкахъ гусиными лапками; 12) три бронзовыхъ привѣски съ лапчатыми подвѣсками; 13) остатки тонкой, повидимому, византійской ткани съ орнаментомъ, въ видѣ концентрическихъ ромбиковъ; 14) остатки кожи и ремней.

Покойникъ, повидимому, былъ одѣтъ въ мѣховую одежду, сшитую мѣхомъ наружу; мѣхъ желтоватый; кусокъ этой одежды сохранился подъ пряжкой пояса. Подъ костякомъ видны были остатки луба.

Погребеніе 44, трупосожженіе мужское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — сожженныя кости лежали грудой; около нихъ найдены желѣзные топоръ, аграфъ и ножъ съ бронзовой цѣпочкой.

Погребеніе 45, дѣтское, женское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., на лубѣ лежалъ костякъ ребенка лѣтъ 7, оріентированный головою на С. Въ головахъ стояло два глиняныхъ горшка; около черепа лежали два малыхъ бронзовыхъ височныхъ кольца, двѣнадцать бронзовыхъ привѣсокъ съ подвѣшанными колокольчиками, пять такихъ же привѣсокъ съ трехугольными подвѣсками; восемнадцать бронзовыхъ трапецевидныхъ подвѣсокъ, одна горнохрустальная бусина, одинъ бронзовый колокольчикъ, бронзовыя спиральки и обломокъ свинцовой бляшки; ниже, на груди — спиральное бронзовое кольцо, а въ ногахъ желѣзная дужка, повидимому, отъ сосуда, отъ котораго не сохранилось никакихъ другихъ остатковъ. На днѣ ямы замѣчены угольки.

Траншея XV.

Размѣры: $35 \times 4 \times 1^1/_2$ арш.; въ траншеѣ открыто одиннадцать погребеній, изъ нихъ одно конское.

1. На глубинѣ 4 вершковъ, въ срединѣ траншеи, найденъ маленькій желѣзный ножъ древняго типа.

Погребеніе 46, дѣтское.

На глубинѣ 12 вершковъ, — костякъ ребенка, лежавшаго на спинѣ, вытянуто, головою на ЮЗЗ.; около черепа — шесть бронзовыхъ крупныхъ бубенчиковъ, подвѣшенныхъ на ремешкахъ, обвитыхъ бронзовою спиралью, два малыхъ бронзовыхъ бубенчика и колокольчикъ; на груди — бронзовая грудная бляха съ крышечкой.

Погребеніе 47, трупосожженіе.

На глубинѣ 1 арш., груда сожженныхъ человѣческихъ костей и обломки разбитаго глинянаго сосуда.

Погребеніе 48, дѣтское.

На глубинѣ 1 арш., — костякъ ребенка, оріентированный головою на З.; при немъ найдены три бронзовыхъ колокольчика, одна трапецевидная подвѣска, желѣзная пряжка, глиняный ложковидный тигль; на одномъ пальцѣ — бронзовое спиральное колечко; около костяка валялись обломки глинянаго горшка.

Погребеніе 49.

На глубинѣ 1 арш., въ могильномъ пятнѣ, найдены два глиняныхъ горшечка, вставленныхъ другъ въ друга, бронзовая спиралька, два крупныхъ спиральныхъ кольца и одна трапецевидная бронзовая привѣска съ колечкомъ.

Погребеніе 50, съ конемъ.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, найдены два глиняныхъ сосуда, [illegible] почкою. Никакихъ другихъ остатковъ не оказалось.

Неподалеку отъ этой могилы, на той же глубинѣ, открытъ полный остовъ коня, лежавшаго на лѣвомъ боку, головою на ССВ.; у головы остова стоялъ глиняный горшокъ, у спины, ближе къ крупу, лежали желѣзные топоръ, долото, два ножа, [illegible], нѣсколько колецъ съ обоймами, удила и бронзовое спиральное кольцо.

Погребеніе 51, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., костякъ мужчины, лежавшаго вытянуто на спинѣ, [illegible], у лѣвой щеки его найдено копье; у пояса — желѣзные ножъ, [illegible] наконечника стрѣлъ, изъ коихъ одинъ плоскій, а три — трехгранные [illegible], въ ногахъ глиняный горшечекъ. Въ могилѣ замѣчены угольки.

Погребеніе 52, женское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш.,— костякъ женщины, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; на черепѣ — два жгута, обвитыхъ широкимъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовыми спиралями; у висковъ — по одной лунницѣ и по четыре большихъ височныхъ кольца, изъ послѣднихъ три оказались на ремешкахъ; на груди — двѣ бронзовыхъ пряжки, изъ которыхъ одна восточно-финскаго типа; на животѣ — бронзовое спиральное кольцо; на поясницѣ — остатки поясного ремня со спиралевидными обоймами; вдоль правой ноги — широкій боковой ремень, покрытый бронзовыми обоймами и наконечникомъ, составленнымъ изъ двухъ пластинъ — бронзовой (съ лицевой стороны) и желѣзной (съ изнанки); у лѣвой ноги — двѣ ножныя кости крупнаго животнаго (лошади или коровы). Костякъ былъ обернутъ лубомъ.

Погребеніе коня.

На глубинѣ 2 арш.,— остовъ коня, лежавшій на животѣ, съ поджатыми подъ брюхо ногами, головою на ССЗ.; на спинѣ его лежали желѣзныя удила, пряжка и одно стремя.

Погребеніе 53, женское.

На глубинѣ 1 арш. 12 вершк., костякъ въ вытянутомъ положеніи, головою на С.; у черепа — глиняный горшокъ, прочія вещи лежали безъ порядка; въ составъ ихъ входили: головной жгутъ, свитый изъ скрученаго куска ткани, покрытой сверху бронзовою спиралью, ажурный бронзовый перстень съ двумя подвѣсками, спиральное бронзовое кольцо, куски мелкихъ бронзовыхъ спиралекъ, нѣсколько штукъ трапецевидныхъ бронзовыхъ подвѣсокъ, обломки бронзоваго наконечника широкаго бокового ремня; нижняя челюсть найдена на тазу; останки покойника лежали на лубѣ.

Погребеніе 54, женское.

На глубинѣ 2 арш.,— костякъ женщины, лежавшій вытянуто, на спинѣ, головою на С.; недалеко отъ черепа стоялъ глиняный горшокъ: вокругъ черепа лежалъ узкій ремень, покрытый бронзовыми обоймицами и головной жгутъ, составленный изъ волосъ, обвитыхъ ремнемъ и сверху бронзовою спиралью; на шеѣ — ожерелье, составленное изъ серебряныхъ цилиндрическихъ пронизей и обоймицъ,— бронзовая пряжка съ приставшими къ ней, повидимому, головными волосами, обломки спиралекъ и коническія бронзовыя подвѣски съ кольцами. Черепъ взятъ.

Погребеніе 55.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ небольшомъ могильномъ пятнѣ, найдены два глиняныхъ горшечка; ни остатковъ костяка, ни другихъ вещей въ могилѣ не оказалось.

Траншеи XVI и XVII.

Траншеи имѣли направленіе въ одной линіи и отдѣлялись другъ отъ друга лишь небольшой перемычкой. Размѣры ихъ въ сложности равнялись $64 \times 4 \times 1^{1}/_{2}$ арш. Въ обѣихъ траншеяхъ открыто двѣнадцать погребеній, изъ нихъ одно конское.

1. Въ траншеѣ XVII, на глубинѣ 10 вершковъ, въ темномъ небольшомъ пятнѣ, найденъ глиняный сосудъ и рядъ зубовъ коровы съ остатками сгнившей челюсти.

2. Въ той же траншеѣ, на глубинѣ 8 вершковъ, найдено желѣзное долотцо.

Погребеніе 56.

На глубинѣ 12 вершк., въ могильномъ пятнѣ, стоялъ глиняный горшечекъ, при немъ — одно спиральное бронзовое кольцо и небольшіе обломки вещей изъ свинцоваго сплава.

Погребеніе 57.

На глубинѣ $1^{1}/_{4}$ арш., въ небольшомъ могильномъ пятнѣ, открыты остатки костяка ребенка, въ возрастѣ одного — двухъ мѣсяцевъ, лежавшаго головою на С., при костякѣ найдены два большихъ бронзовыхъ кольца, ожерелье, состоящее изъ шнурка и напущенныхъ на него двухъ бронзовыхъ лунницъ, спиралекъ и одной лапчатой привѣски, и восемь желѣзныхъ оригинальной формы привѣсокъ.

Погребеніе 58.

Въ небольшомъ могильномъ пятнѣ, на глубинѣ 1 арш. 7 верш., найденъ желѣзный ножъ.

Погребеніе 59, дѣтское.

На глубинѣ 1 арш. 7 вершк., въ небольшомъ темномъ могильномъ пятнѣ, — остатки дѣтскаго костяка, оріентированнаго головою на ССЗ.; при костякѣ найдены спиральное ручное кольцо, ожерелье, составленное изъ шнурка и напущенныхъ на него бронзовыхъ спиралекъ и бубенчика; въ области поясницы и верхней части ногъ — желѣзные ножъ и обломки неопредѣленныхъ предметовъ, бронзовыя маленькія колечки и крупная спираль; въ области ступней — бронзовая пряжка восточно-финскаго типа и желѣзный топоръ-кельтъ.

Погребеніе 60.

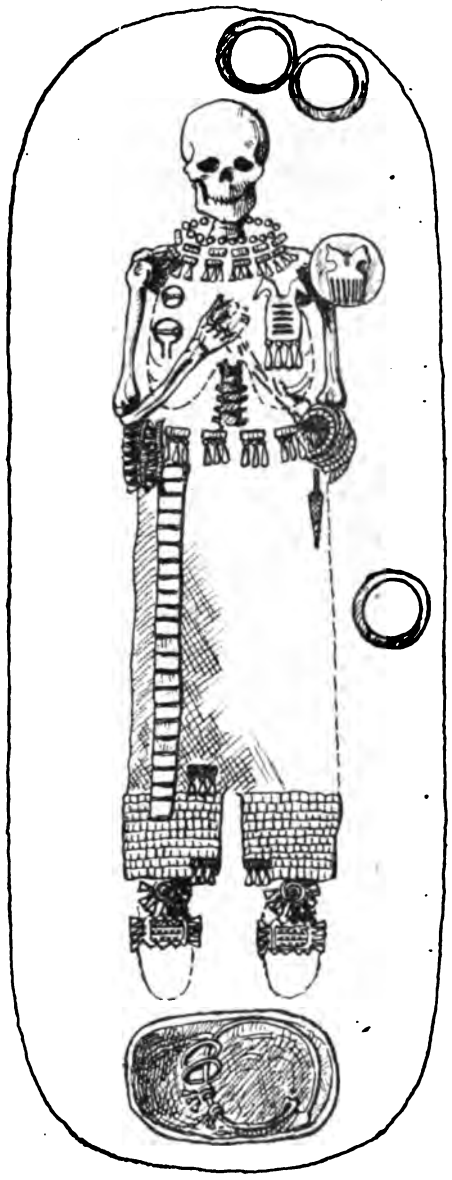
На глубинѣ $1^{1}/_{4}$ арш., въ темномъ могильномъ пятнѣ, стояло три глиняныхъ небольшихъ горшечка, раздавленныхъ тяжестью почвы; никакихъ другихъ остатковъ погребенія не оказалось.

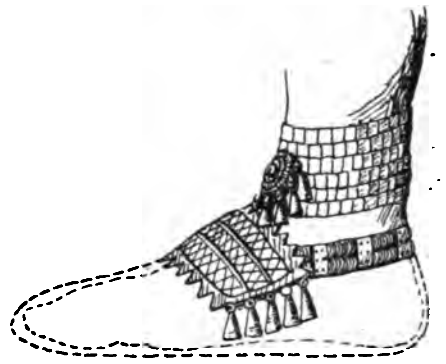
Погребеніе 61 и 62.

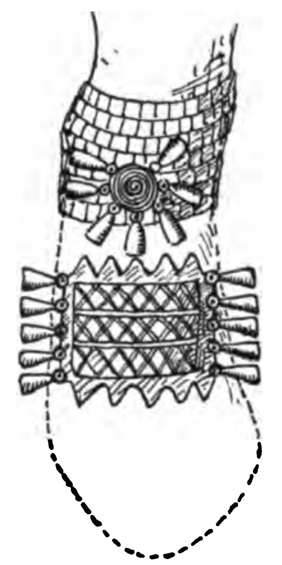
На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш., открыты, въ темномъ могильномъ пятнѣ, остатки двухъ костяковъ взрослаго и ребенка. Могильное пятно вытягивалось съ С. на Ю. Въ сѣ-

верномъ концѣ пятна стоялъ большой глиняный горшокъ, а около него уложены были въ порядкѣ и рядомъ другъ съ другомъ бедренная и большая берцовая кости взрослаго человѣка, вмѣстѣ съ ними найдена бронзовая пряжка; въ срединѣ пятна отыскались остатки рукъ съ бронзовыми спиральными кольцами на каждомъ пальцѣ. Немного выше этихъ остатковъ найдены молочные зубы ребенка и слѣдующія желѣзныя вещи: ножъ, стержень, двѣ пряжки, обломокъ огнива и кремень; въ южномъ концѣ пятна — маленькій горшочекъ.

Всё это производило такое впечатлѣніе, что, при погребеніи ребенка, былъ разрытъ и потревоженъ костякъ взрослаго человѣка.

Рис. 32.

Рис. 33.

Рис. 34.

Погребеніе 63, женское, рис. 32—34.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., открытъ костякъ женщины, лежавшій вытянуто, на спинѣ, головою на С., съ кистями рукъ на груди. Въ головахъ покойника стояло два глиняныхъ горшечка. Черепъ весь зеленый отъ окиси бронзы, съ остатками чер-

ныхъ волосъ, лежалъ нѣсколько отодвинутый безъ всякихъ вещей, какъ-будто кѣмъ-то похищенныхъ уже спустя много времени послѣ погребенія, на шеѣ — ожерелье изъ бусъ, бронзовыхъ спиралекъ и привѣсокъ, нанизанныхъ на тонкій ремешокъ; у лѣваго плеча — берестяная круглая коробка (бурачокъ), заключавшая въ себѣ костяной гребень, и бронзовыя привѣски; на правой части груди — двѣ пряжки, изъ нихъ одна бронзовая восточно-финскаго типа, а другая желѣзная; на лѣвой части груди — ажурная бляха съ конскими головками и многочисленными подвѣсками; на пальцахъ рукъ — два ажурныхъ бронзовыхъ перстня съ шумящими подвѣсками и одно спиральное кольцо; въ области поясницы — остатки пояса въ видѣ узкаго ремешка, съ напущенными на него 11 шумящими привѣсками; отъ этого пояса спускался внизъ, по правой ногѣ, широкій боковой ремень, покрытый сплошь бронзовыми обоймами; у головки лѣваго бедра — желѣзный ножъ; у лѣваго бока — скатанные въ кругъ тонкіе ремни, покрытые бронзовыми обоймами, это, повидимому, ремни для обертыванія обуви ногъ; у праваго бока, близъ тазовой кости, — найдена спинная привѣска, отведенная отъ спины въ бокъ; въ составъ этой привѣски входили два массивныхъ бронзовыхъ коромысла съ шумящими подвѣсками и двѣ пронизи, составленныя изъ полуцилиндриковъ; всё это объединялось тонкимъ ремешкомъ; подъ боковымъ ремнемъ, сохранилась ткань одежды; у лѣваго колѣна стоялъ третій маленькій горшечекъ; на ступняхъ ногъ сохранились остатки обуви, украшенной ажурными шумящими бляхами, и остатки ремней съ бронзовыми обоймами, обвивавшихъ сплошными спиральными рядами ноги выше ступней, рис. 33 и 34 подъ ремнями сохранились остатки шерстяныхъ онучъ. Повидимому, къ обуви правой ноги были прикрѣплены бронзовые ажурный съ шумящими подвѣсками перстень и спиральное кольцо; въ ногахъ стоялъ деревянный лоточекъ, довольно хорошо сохранившійся, но, по обнаженіи изъ почвы, скоро распавшійся на куски; въ лоточкѣ лежала массивная бронзовая гривна съ напущенными на нее бронзовыми двумя ажурными перстнями съ шумящими подвѣсками и двумя плоскими браслетами.

Повсюду, гдѣ лежали вышеописанныя бронзовыя вещи, сохранились остатки ткани, кожи, войлока и луба. Въ войлокъ и лубъ покойница была завернута кругомъ. Черепъ и части ногъ взяты.

Погребеніе коня.

На глубинѣ 2 арш., открытъ остовъ коня, лежавшаго на правомъ боку съ поджатыми ногами, головою на ССВ.; въ пасти черепа — желѣзныя удила; въ области спины — пара желѣзныхъ стремянъ.

Погребеніе 64, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ темномъ могильномъ пятнѣ, найдены глиняный горшечекъ, раздавленный почвою, желѣзное огниво, кусокъ перержавленнаго желѣза, бронзовые спиральный браслетъ, два бубенчика, привѣска. Судя по расположенію могильнаго пятна и вещей, покойникъ лежалъ головою на С.

Погребеніе 65, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ небольшомъ могильномъ пятнѣ, вытянутомъ съ С. на Ю., найдены маленькій горшечекъ, стоявшій въ сѣверномъ концѣ пятна, и одна бронзовая привѣска.

Погребеніе 66, мужское.

На глубинѣ 2 арш., въ могильной ямѣ, вытянутой съ С. на Ю., найдены глиняный горшечекъ, стоявшій въ сѣверномъ концѣ ямы; въ средней области ея лежали рядомъ желѣзныя кольца съ обоймицами, вѣроятнѣе всего. украшавшія поясной ремень, топоръ, ножъ, огниво, кремень и бронзовыя кольца.

Траншея XVIII.

Размѣры: $40\times4\times1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ открыто двадцать погребеній.

Погребеніе 67, трупосожженіе женское, рис. 35.

На глубинѣ 12 вершк., въ круглой ямѣ, лежали ссыпанными грудой пережженныя человѣческія кости, при которыхъ были найдены слѣдующія вещи: 1) глиняный горщокъ, 2) около горшка — свертокъ луба (можетъ быть, коробка), съ вложенными въ него нѣсколькими тонкими височными кольцами, бронзовымъ браслетомъ, желѣзнымъ браслетомъ, обвитымъ бронзовою спиралью, пятью бронзовыми кольцами, тремя спиральными бронзовыми кольцами, бронзовою пряжкою съ шумящими подвѣсками, ажурною пряжкою, широкимъ свернутымъ ремнемъ (жгутомъ) съ напущенными на него бронзовыми спиральными кольцами, узкимъ ремнемъ, обвитымъ бронзовою спиралью и др. Отдѣльно лежали бронзовая грудная бляха, ажурная съ шумящими подвѣсками пряжка, желѣзная пряжка, ажурный съ шумящими подвѣсками перстень и обломки второго глинянаго горшка.

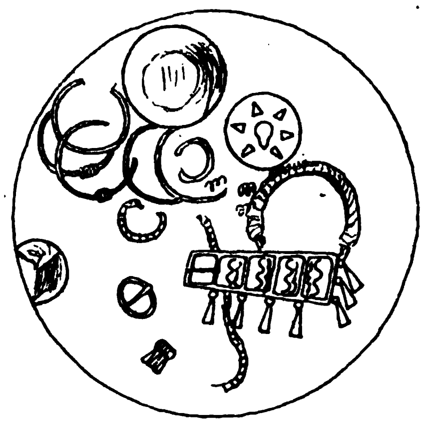

Рис. 35.

Погребеніе 68.

На глубинѣ 12 вершк., въ могильномъ пятнѣ, лежали тонкая бронзовая гривна, съ напущенными на нее двумя спиральными бронзовыми кольцами, и два малыхъ височныхъ кольца.

Погребеніе 69, женское.

На глубинѣ 1 арш., — костякъ ребенка лѣтъ 12, лежавшаго вытянуто, на спинѣ, головою на ССЗ.; слѣва отъ черепа стоялъ горшокъ, а рядомъ съ нимъ — тигль и двѣ половинки небольшой литейной формы; на головѣ — вѣнокъ, составленный

изъ пяти рядовъ бронзовыхъ пронизей и обоймъ, соединенныхъ тонкими ремешками съ подвѣшенными къ нимъ маленькими колокольчиками; по сторонамъ черепа — бронзовыя височныя кольца; на шеѣ — ожерелье, состоящее изъ стеклянныхъ бусъ и трехугольныхъ маленькихъ бронзовыхъ подвѣсокъ, и массивная бронзовая гривна большихъ размѣровъ; на пальцахъ вытянутыхъ рукъ — спиральныя бронзовыя кольца; на поясницѣ — остатки пояса, украшеннаго круглой бронзовой пряжкой съ шумящими подвѣсками и двумя шумящими привѣсками, размѣщенными по обѣ стороны пряжки; вдоль правой ноги лежалъ широкій боковой ремень, покрытый бронзовыми обоймами и такимъ же наконечникомъ съ парой ремешковъ съ шумящими привѣсками, рис. 36; повидимому, подолъ одежды или верхъ обуви, украшали большіе бронзовые колокольчики; ноги, выше ступни, были обвиты ремнями, украшенными бронзовыми обоймами и наконечниками; подъ ремнями — остатки онучъ.

Покойница была обернута лубомъ.

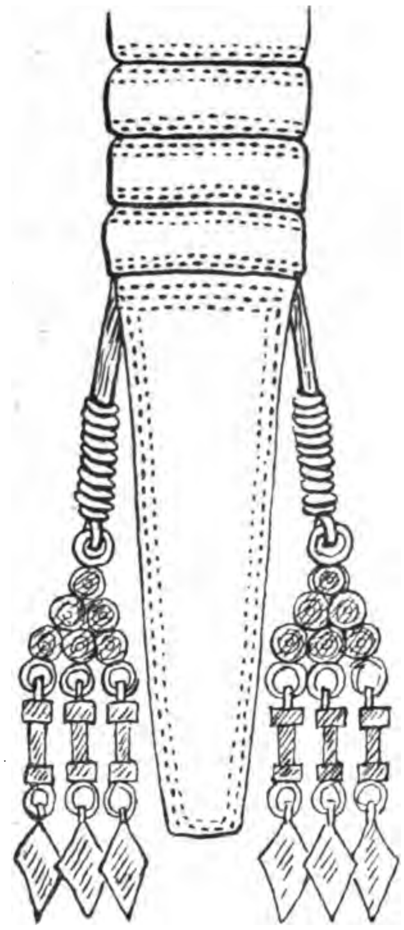

Рис. 36.

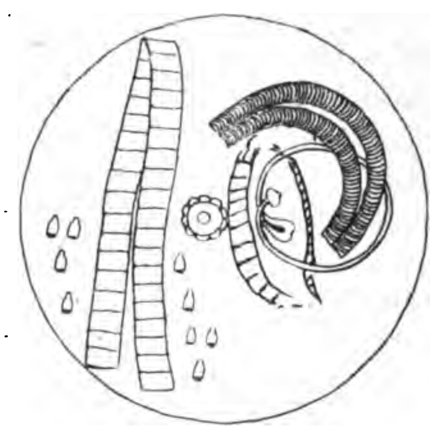

Рис. 37.

Погребеніе 70, трупосожженіе, рис. 37.

На глубинѣ 12 вершк., въ небольшой круглой ямѣ, лежали грудой пережженыя кости человѣка, сверхъ которыхъ находились завернутыми въ лубъ слѣдующія принадлежности женскаго наряда: 1) два головныхъ жгута, составленныхъ изъ тонкихъ волосяныхъ шнурковъ, обвитыхъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовою спиралью, 2) широкій головной ремень (вѣнокъ), украшенный бронзовыми обоймицами, 3) узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью, 4) бронзовая гривна съ напущеннымъ на нее спиральнымъ кольцомъ, 5) височное кольцо, 6) нѣсколько бронзовыхъ колокольчиковъ, 7) бронзовое спиральное кольцо, 8) бронзовая ажурная пряжка круглой формы, 9) пара бронзовыхъ привѣсокъ съ бубенчиками, подвѣ-

шенными на длинныхъ цѣпочкахъ, 10) боковой широкій ремень, покрытый бронзовыми обоймами, и 11) спинная привѣска, составленная изъ двухъ бронзовыхъ коромыслъ съ серебряными колокольчиками и одной пронизи.

Погребеніе 71, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, найдены зубы и нѣкоторыя другія косточки ребенка, при которыхъ лежали бронзовыя кольца и спирали, а также желѣзная большая пѣшня, или долото.

Погребеніе 72, трупосожженіе мужское.

На глубинѣ 12 вершк., лежали жженыя кости грудой, при нихъ — желѣзные топоръ, копье, огниво, пряжка, псаліи отъ конскихъ удилъ, кремень и точильный брусокъ. Всѣ эти вещи какъ-будто бы находились въ огнѣ.

Погребеніе 73, женское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — костякъ женщины, лежавшій вытянуто, на спинѣ, головою на С.; слѣва отъ черепа стоялъ глиняный горшокъ; на головѣ — вѣнокъ съ бронзовыми украшеніями; у щекъ — височныя кольца; на груди — три бронзовыхъ колокольчика; на лѣвой рукѣ — бронзовый спиральный браслетъ; въ области поясницы — остатки пояса, украшеннаго бронзовыми привѣсками и бубенчиками, и желѣзный ножъ; въ ногахъ — бронзовая гривна, височное кольцо и обломокъ глиняннаго сосуда. Около черепа положена кость крупнаго животнаго (лошади или коровы). Покойница была обернута лубомъ.

Погребеніе 74, трупосожженіе мужское.

На глубинѣ 1 арш. 8 вершк., жженыя кости человѣка, лежавшія грудой; при нихъ — желѣзные два топора, два ножа, пряжка и кусокъ неопредѣленнаго предмета.

Погребеніе 75, трупосожженіе.

(Погребеніе приходилось какъ разъ подъ погребеніемъ 74).

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., — остатки трупосожженія, въ видѣ массы жженыхъ костей, поверхъ которыхъ лежали, завернутыми въ лубъ, слѣдующія вещи: 1) узкіе, длинные ремни, покрытые бронзовыми обоймами и наконечниками, служившіе, несомнѣнно, при обуви, для обертыванія ногъ; 2) четыре бронзовыхъ шумящихъ привѣски также, повидимому, служившихъ украшеніемъ обуви, изъ нихъ пара круглыхъ; 3) спиральное бронзовое кольцо и обломки желѣзной пряжки. Всѣ эти вещи не были въ огнѣ.

Погребеніе 76, трупосожженіе.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., въ круглой ямѣ, расположенной почти рядомъ съ ямой погребенія 75, лежали жженыя кости человѣка и при нихъ — желѣзное копье.

Погребеніе 77.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, найдены, въ сѣверной части пятна, бронзовое височное колечко, бронзовые спирали и колокольчикъ; въ срединѣ пятна — бронзовый браслетъ, желѣзные ножъ и стрѣла; въ южной части — желѣзное кольцо и большое количество зерновидныхъ металлическихъ, вѣроятно, свинцовыхъ кусочковъ, повидимому, служившихъ кольчужинками ткани. Могила оріентирована съ С. на Ю.

Погребеніе 78.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, вытянутомъ съ С. на Ю., въ сѣверной его части стоялъ глиняный горшокъ, съ осколкомъ кости крупнаго животнаго внутри; недалеко отъ горшка лежали серебряная массивная гривна и желѣзная стрѣла.

Погребеніе 79, мужское.

На глубинѣ 2 арш., въ могильномъ пятнѣ, вытянутомъ С. на Ю., у сѣвернаго конца его, лежали бронзовыя спиральки, трехугольная привѣска, а въ южномъ концѣ — желѣзные ножъ, копье, пѣшня, или долото и глиняный горшокъ. Отъ костяка сохранилась только часть одной большой берцовой кости, судя по расположенію которой, покойникъ долженъ былъ лежать головою на С.

Погребеніе 80, дѣтское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., — остатки костяка ребенка, оріентированные головою на ССВ.; въ головахъ его стоялъ глиняный горшокъ; на рукахъ лежали бронзовыя спиральныя кольца; въ ногахъ — желѣзные ножъ, огниво и куски неопредѣленныхъ перержавленныхъ предметовъ.

Погребеніе 81, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, расположенномъ съ С на Ю., лежали, въ сѣверномъ концѣ, пѣшня, въ срединѣ — топоръ, ножъ и бронзовыя спирали; въ южномъ концѣ — два глиняныхъ горшка и на одномъ изъ нихъ наконечникъ желѣзнаго копья.

Погребеніе 82.

На глубинѣ 2 арш., въ могильномъ пятнѣ, вытянутомъ съ С. на Ю., въ сѣверномъ концѣ стоялъ глиняный горшокъ, а рядомъ съ нимъ лежала палочка, обвитая бронзовыми спиралями; въ южномъ концѣ пятна найдены желѣзное копье и точильный брусокъ.

Погребеніе 83, женское, рис. 38—40.

На глубинѣ 2 арш., въ ямѣ лежалъ костякъ, на спинѣ, вытянуто, головою на С.; на шеѣ — ожерелье изъ бусъ и бронзовыхъ спиралекъ; на груди — двѣ бронзовыя трехугольныя привѣски съ шумящими подвѣсками и желѣзный ножъ: руки сложены на груди, на каждой изъ нихъ — по нѣсколько спиральныхъ колецъ

и по одному браслету, при чемъ на лѣвой рукѣ браслетъ былъ спиральнымъ во много оборотовъ; на поясницѣ — поясной ремень, украшенный бронзовыми обоймицами и подвѣшенными трапецевидными привѣсками; вдоль правой ноги спускался широкій боковой ремень, покрытый сплошь бронзовыми обоймами, ремень былъ сложенъ вдвое; на ногахъ сохранилась обувь, украшенная бронзовыми спиралями и круглыми шумящими бляшками, помѣщенными наноскахъ; ноги выше ступней были

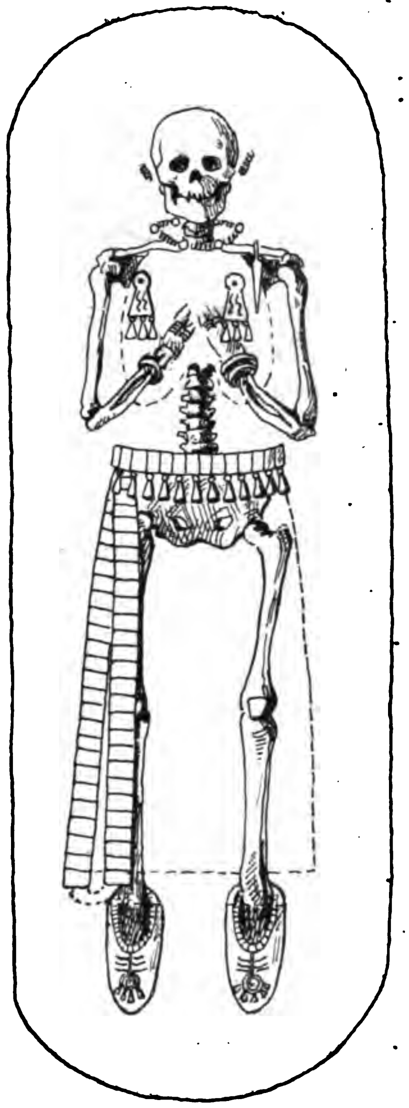

Рис. 38.

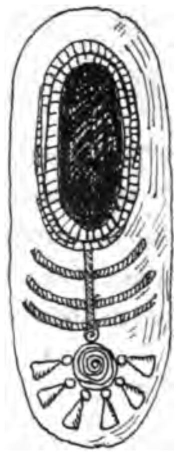

Рис. 39.

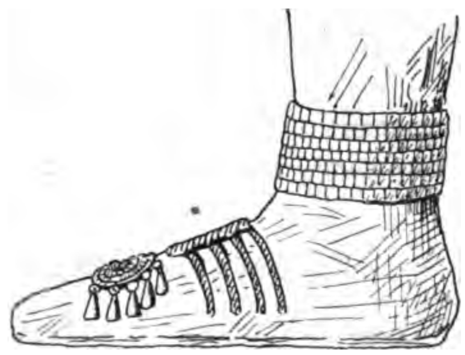

Рис. 40.

обвиты узкими ремнями, покрытыми бронзовыми обоймицами, рис. 39 и 40. Остатки обуви взяты съ почвою въ видѣ двухъ кусковъ, сохраняющихъ форму ея. Покойница была завернута въ лубъ и посыпана угольками.

Погребеніе 84.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, стояли три глиняныхъ горшечка, изъ которыхъ одинъ, представляющій видъ маленькой чашечки, былъ вложенъ

внутрь большого. Около горшковъ найдены бусы, желѣзная пряжка и ремешокъ съ нанизанными на него спиральками.

Погребеніе 85, мужское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдены, въ сѣверномъ концѣ, желѣзное копье со стержнемъ (а не втулкой) для насада; въ срединѣ — желѣзный ножъ, шило, крючокъ, три спиральныхъ кольца; въ южномъ концѣ пятна — пять массивныхъ бронзовыхъ шумящихъ привѣсокъ, двѣ болѣе легкія бронзовыя привѣски съ трехугольными подвѣсками.

Погребеніе 86.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., рядомъ съ погребеніемъ 85, въ могильномъ пятнѣ, найдены зубы коровы и желѣзный ножъ; подъ ними, въ томъ же могильномъ пятнѣ, на глубинѣ $1^3/_4$ арш., стояли два глиняныхъ горшка, а недалеко лежали серебряная гривна, бронзовый перстень съ камнемъ, бронзовый ажурный перстень и обломки желѣзныхъ обоймъ съ кольцами, украшавшими поясной ремень.

Траншея XIX.

Размѣры: $32 \times 4 \times 1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ никакихъ остатковъ древности не найдено.

Траншея XX.

Размѣры: $32 \times 4 \times 1^1/_2$ арш.; въ траншеѣ открыто одиннадцать погребеній, изъ нихъ одно съ конемъ.

Погребеніе 87.

На глубинѣ 8 вершк., въ могильномъ пятнѣ, найдены четыре большихъ бронзовыхъ височныхъ кольца, изъ нихъ на одно напущено два спиральныхъ ручныхъ кольца.

Погребеніе 88, мужское съ конемъ, рис. 41.

Ва глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ обширномъ рѣзко выраженномъ могильномъ пятнѣ, лежалъ остовъ коня на лѣвомъ боку, съ поджатыми ногами, головою на ССВ.; на правомъ плечѣ остова найдены елѣзныя пѣшня, или долото, удила и одно стремя, спущенное за спину.

Ниже остова коня, въ томъ же пятнѣ, ва глубинѣ $1^3/_4$ арш., лежалъ костякъ взрослаго мужчины на спинѣ, вытянуто, головою на ССВ., съ руками, сложенными на груди; при чемъ голова и передняя часть коня приходились на лѣвой ногѣ и отчасти на тазу покойника. На одномъ пальцѣ правой руки, послѣдняго было надѣто бронзовое спиральное кольцо; на поясницѣ — желѣзная пряжка, съ слѣдами поясного ремня, желѣзные ножъ и топоръ.

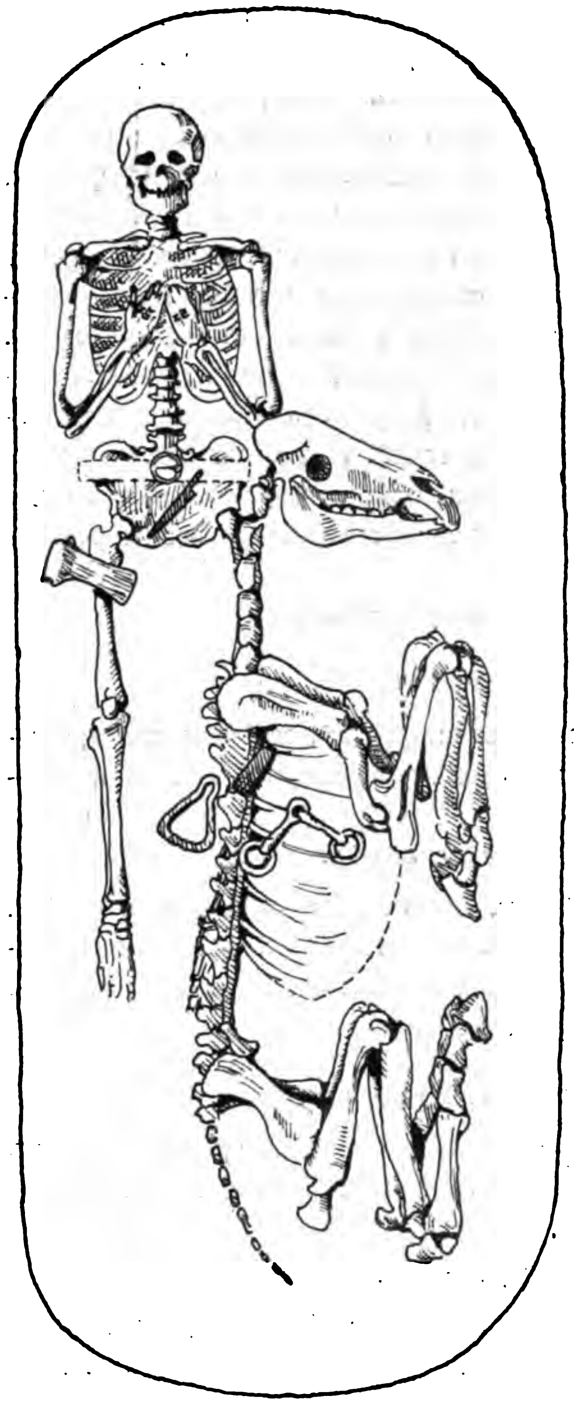

Рис. 41.

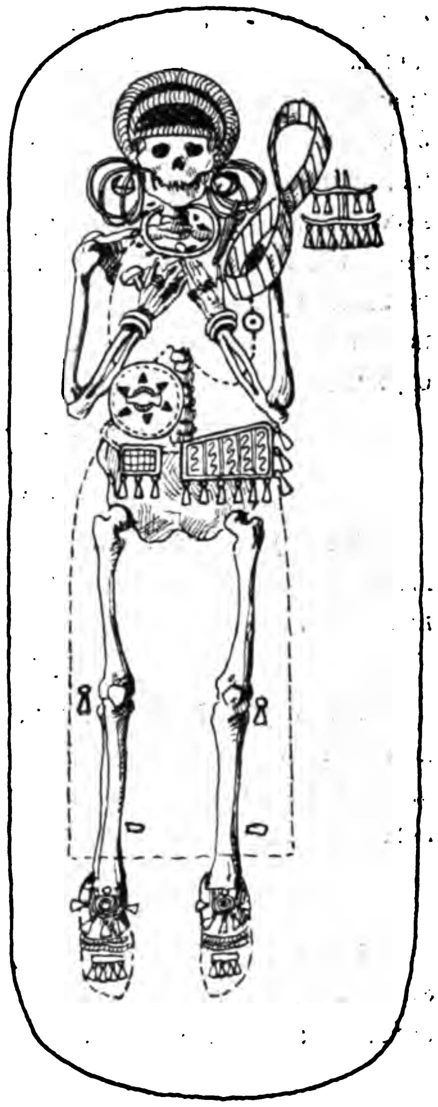

Рис. 42.

Погребеніе 89, женское, рис. 42.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., открытъ костякъ женщины, лежавшей вытянуто, на спинѣ, головою на С;. на головѣ ея — пышный нарядъ, состоящій изъ двухъ толстыхъ жгутовъ, обвитыхъ бронзовою спиралью, широкаго головного ремня, украшеннаго бронзовыми обоймами, и узкаго головнаго ремня, обвитаго бронзовою

спиралью; у висковъ — по три большихъ височныхъ кольца и по одной бронзовой височной лунницѣ; на шеѣ — бронзовая гривна и ожерелье, состоящее изъ бѣлыхъ перламутровыхъ бусъ; на лѣвомъ плечѣ — желѣзный ножъ, боковой широкій ремень, сложенный въ два раза въ видѣ восьмерки, и спинная привѣска, состоящая изъ двухъ бронзовыхъ коромыслъ съ шумящими подвѣсками и одной пронизи, соединенныхъ ремешкомъ; боковой ремень и спинная привѣска были, несомнѣнно, положены въ могилу сверхъ покойницы; на рукахъ, сложенныхъ на груди, по одному бронзовому спиральному браслету и по одному спиральному кольцу; на груди — бронзовая пряжка восточно-финскаго типа; костяной кружокъ съ сверлиною и, на нижней части груди, бронзовая грудная бляха; на поясницѣ — двѣ большихъ ажурныхъ шумящихъ привѣски; у колѣнъ ногъ — по одной бронзовой привѣски; на ступняхъ ногъ — остатки обуви, состоящей изъ шерстяной ткани, на которую были нашиты бронзовыя шумящія привѣски и спирали; повыше ступней найдены два небольшихъ бронзовыхъ наконечника, несомнѣнно, оправлявшихъ концы ремней, служившихъ для обвязыванія ногъ.

Покойница была обернута лубомъ и посыпана угольками.

Погребеніе 90, дѣтское.

На глубинѣ 2 арш., въ небольшомъ могильномъ пятнѣ, найдены два бронзовыхъ височныхъ кольца, три спиральныхъ ручныхъ кольца, бубенчикъ и колокольчикъ.

Погребеніе 91, трупосожженіе.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., въ круглой ямѣ, — остатки сожженнаго человѣка, при нихъ бронзовая шумящая привѣска, въ видѣ конька съ подвѣшенными бубенчиками, двѣ бронзовыхъ спиральки, ручное спиральное кольцо, желѣзные аграфъ, ножъ, гвоздевидный предметъ или часть предмета.

Погребеніе 92, дѣтское, мужское.

На глубинѣ $1\,^3/_4$ арш., въ маломъ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С на Ю, въ сѣверномъ концѣ, найденъ маленкій глиняный горшечекъ; въ южномъ — большое желѣзное копье.

Погребеніе 93, мужское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — кость крупнаго животнаго (лошади или коровы) и желѣзный ножъ; подъ ними на глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ взрослаго мужчины, лежавшій головою на С.; на груди его — серебряный перстень съ спирально заходящими тонкими кольцами; въ области поясницы — желѣзные топоръ-кельтъ, ножъ, и очковидная привѣска.

Погребеніе 94, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдены желѣзные топоры, копье, дротикъ, или острога съ жаловиднымъ лезвіемъ. Послѣдніе два предмета лежали рядомъ.

Погребеніе 95, женское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — остатки сильно истлѣвшаго костяка женщины, лежавшей на спинѣ, вытянуто, головою на С.; у головы — глиняный горшокъ; на головѣ — два головныхъ жгута, составленныхъ изъ тонкихъ волосяныхъ шнуровъ, сверху обвитыхъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовыми спиралями; на шеѣ — ожерелье изъ бѣлыхъ перламутровыхъ бусъ и бронзовая массивная гривна съ напущенными на нее спиральными ручными кольцами; у каждаго виска — по одной лунницѣ и по три большихъ височныхъ кольца, изъ коихъ нѣкоторыя были съ напущенными спиральными кольцами; на груди — глиняный ложковидный тигль, бронзовая пряжка восточно-финскаго типа, и двѣ круглыхъ съ шумящими подвѣсками бронзовыя бляшки, а также обломки небольшого желѣзнаго предмета; у поясницы, на лѣвомъ бедрѣ, — желѣзный ножъ съ деревянной рукояткой въ кожаныхъ ножнахъ, оправленныхъ въ бронзу; у праваго бедра — свертокъ длинныхъ, узкихъ ножныхъ ремней, украшенныхъ бронзовыми обоймицами; отъ поясницы вдоль правой ноги лежалъ вдвое сложенный боковой ремень, снизу подшитый берестою и затѣмъ сверху украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ, снизу подложеннымъ желѣзной пластинкой; длина бокового ремня равнялась въ сложенномъ видѣ 66, а въ развернутомъ, приблизительно 132 см..

Покойница была завернута въ лубъ и посыпана угольками.

Погребеніе 96, трупосожженіе мужское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., остатки трупосожженія, въ видѣ мелкихъ обломковъ жженыхъ костей; при нихъ лежалъ желѣзный топоръ и стояли два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 97, женское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ обширномъ могильномъ пятнѣ, стоялъ глиняный горшокъ и лежали въ разныхъ мѣстахъ два человѣческихъ черепа и слѣдующіе предметы женскаго наряда: 1) головной тонкій жгутъ, состоящій изъ волосъ, обвитыхъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовою спиралью, 2) бронзовая гривна, 3) спинная привѣска, состоящая изъ бронзоваго коромысла съ шумящими подвѣсками, шумящей бронзовой подвѣски и двухъ — полуцилиндровой бронзовой пронизи, соединенныхъ ремешкомъ, отъ котораго сохранились остатки, 4) нѣсколько бронзовыхъ привѣсокъ, 5) брозовое спиральное кольцо, 6) желѣзная пряжка, 7) обломокъ большого бронзоваго кольца и 8) бронзовый наконечникъ отъ бокового ремня. При бронзовыхъ вещахъ замѣчались остатки бересты.

Траншея XXI.

Размѣры: $32 \times 4 \times 1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ открыто девять погребеній.

Погребеніе 98, мужское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, вытянутомъ съ С. на Ю., лежали желѣзные два топора, два ножа, шило съ рукояткой въ видѣ плоскаго кружка,

удила, острога съ однимъ зубцомъ, два аграфа и кусокъ какого-то желобчатаго предмета.

Погребеніе 99, мужское, рис. 43.

На глубинѣ 2 арш., открытъ костякъ мужчины, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; въ головахъ его стояло два глиняныхъ горшка; у праваго плеча лежали въ порядкѣ желѣзные клещи, молотокъ и неопредѣленнаго назначенія инструментъ; на согнутой правой рукѣ — бронзовый пластинчатый браслетъ и два спиральныхъ кольца; на правомъ бедрѣ — желѣзный топоръ.

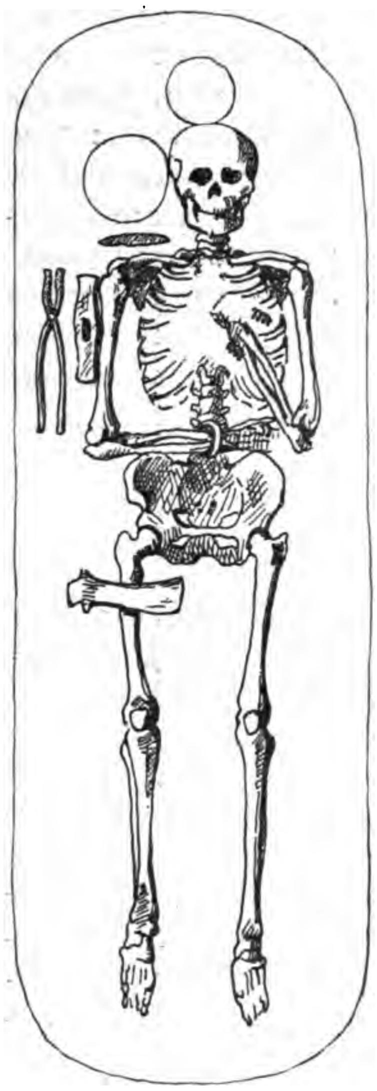

Рис. 43.

Погребеніе 100, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ небольшомъ могильномъ пятнѣ найдены слѣдующія вещи: бронзовая трехугольная шумящая привѣска, бронзовая привѣска съ колокольчикомъ, три бронзовыхъ трапецевидныхъ привѣски, изъ нихъ одна съ ремешкомъ, бронзовыя спиральки на ремешкѣ, бронзовое спиральное дѣтское кольцо, желѣзное кольцо съ приставшими къ нему остатками ткани и большое желѣзное кольцо.

Погребеніе 101, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — дѣтскій костякъ, отъ котораго сохранились молочные зубы и частички бедренныхъ костей; костякъ оріентированъ головою на С.; въ головахъ его поставлено два глиняныхъ горшка, въ ногахъ — желѣзные ножъ, огниво, аграфъ и обломки неопредѣленныхъ предметовъ.

Погребеніе 102, дѣтское.

На глубинѣ 8 вершковъ, въ небольшомъ могильномъ пятнѣ, — желѣзный ножъ и свинцовый браслетъ.

Погребеніе 103, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — остатки дѣтскаго костяка, оріентированнаго головою на С.; около черепа — бронзовыя привѣски и обрывки головного узкаго ремня, украшеннаго бронзовыми обоймами; у ногъ — два бронзовыхъ колокольчика и кусокъ свинца.

Погребеніе 104, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ сѣверномъ концѣ, темнаго могильнаго пятна, оріентированнаго съ ССЗ. на ЮЮВ., стояло три глиняныхъ горшка, въ срединѣ — бронзовыя спиральки, височное кольцо и круглая привѣска.

Погребеніе 105, дѣтское, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдены почти истлѣвшіе остатки дѣтскаго костяка, лежавшаго головою на С.; около черепа — бронзовая пряжка, желѣзный ножъ съ остатками деревянной рукоятки и обмолокъ неопредѣленнаго желѣзнаго предмета трубчатой формы; въ области ногъ — небольшой желѣзный наконечникъ копья.

Ребенокъ былъ завернутъ въ лубъ и посыпанъ угольками.

Погребеніе 106, дѣтское, женское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., какъ разъ подъ погребеніемъ 104, открытъ дѣтскій костякъ, повидимому, дѣвочки, лежавшій вытянуто, на спинѣ, головкою на С.; въ головахъ стояло два горшка; на головѣ — головной ремень, покрытый бронзовыми обоймами, и тонкій головной жгутъ, состоящій изъ спирально скрученнаго сыромятнаго ремня и бронзовой спирали; по бокамъ черепа — по два бронзовыхъ височныхъ кольца; на шеѣ — двѣ бронзовыя гривны; въ области поясницы — желѣзная пряжка, бронзовый наконечникъ бокового ремня съ подложенной снизу желѣзной пластинкой и бронзовыя спиральки.

Костякъ былъ обернутъ въ лубъ и посыпанъ угольками.

Траншея XXII.

Размѣры: $20\times2^1/_2\times1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ открыто тринадцать погребеній, изъ коихъ одно конское.

Погребеніе 107, трупосожженіе.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ кругломъ могильномъ пятнѣ, лежали остатки сожженнаго человѣка, среди которыхъ найдены остатки черепа и зубы.

Погребеніе 108, женское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., въ сѣверномъ его концѣ, лежали два головныхъ жгута, обвитыхъ бронзовыми проволоками, головной ремень (вѣнчикъ), покрытый бронзовыми обоймицами; всѣ эти предметы лежали въ такомъ положеніи, въ какомъ они окружаютъ черепъ, здѣсь исчезнувшій безъ остатка; въ области шеи покойника лежала бронзовая гривна; въ области груди — бронзовая ажурная грудная бляха съ застежкой; въ области поясницы — пряжка, желѣзныя кольца съ обоймами, украшавшими, вѣроятнѣе всего, поясной ремень, желѣзные ножъ, агрaфъ и кусокъ неопредѣленнаго предмета, два

бронзовыхъ наконечника, повидимому, служившіе оправой концовъ поясного ремня; сбоку описанныхъ вещей лежала спинная бронзовая привѣска, составленная изъ двухъ шумящихъ коромыслъ и четырехтрубной пронизи, объединенныхъ ремешковъ. Всѣ вещи были окружены берестой; въ могилѣ замѣчены угольки.

Погребеніе 109, трупосожженіе, мужское.

На глубинѣ 1 арш., въ продолговатомъ могильномъ пятнѣ, въ срединѣ, лежали грудой жженыя кости, а среди нихъ — желѣзный топоръ; въ сѣверномъ концѣ ямы стоялъ глиняный горшокъ. Въ проухѣ топора сохранились остатки деревяннаго топорища, указывающіе на то, что эта вещь не была въ огнѣ.

Погребеніе 110.

На глубинѣ 1 арш., въ могильномъ пятнѣ, стоялъ глиняный горшокъ; ниже горшка, на глубинѣ $1^1/_2$ арш. стоялъ другой глиняный горшокъ, оба они занимали мѣсто въ сѣверномъ концѣ могильнаго пятна, оріентированнаго съ С. на Ю., при нижнемъ горшкѣ найдены серебряная подковообразная бляшка, обрывки ремня, покрытаго бронзовыми обоймами, обрывки кожи и желѣзная пряжка.

Погребеніе 111.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, открыты остатки костяка, лежавшаго на спинѣ, вытянуто, головою на С.; при немъ найдены, въ области поясницы, — бронзовая пряжка, желѣзный ножъ и обломки деревяннаго предмета съ бронзой.

Погребеніе 112, мужское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., — остатки костяка, оріентированнаго головою на С.; справа отъ черепа — горшокъ; на шеѣ — серебряная гривна; на груди — бронзовыя спирали; у поясницы — топоръ-кельтъ.

Погребеніе 113, трупосожженіе.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., какъ разъ подъ погребеніемъ 111, въ могильномъ пятнѣ, ссыпаны въ груду жженыя кости человѣка, а вмѣстѣ съ ними найдены: бронзовый массивный браслетъ съ оригинальными концами въ видѣ шляпокъ гвоздя, головной ремень, покрытый бронзовыми обоймицами, желѣзные ножъ, три стрѣлы, обоймы съ подвѣшанными кольцами, огниво, желобчатый предметъ неопредѣленнаго назначенія и кремень огнива. Пятно ямы вытянуто съ С. на Ю.

Погребеніе 114.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ пятнѣ могилы, найденъ бронзовый браслетъ съ остатками вложенныхъ въ него локтевой и лучевой костей.

Погребеніе 115, конское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., открытъ остовъ коня, лежавшаго на правомъ боку, съ поджатыми ногами, головою на Ю.; въ пасти коня найдены желѣзныя удила.

Погребеніе 116, трупосожженіе, женское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., — остатки трупосожженія, при нихъ найдены десять двойныхъ бронзовыхъ привѣсокъ, три бронзовыхъ височныхъ кольца, бронзовое спиральное колечко и обломокъ желѣзнаго ножа.

Погребеніе 117.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, найдены глиняный горшокъ; нѣсколько въ сторонѣ отъ горшка — бедро крупнаго животнаго, желѣзный ножъ и остатки тонкаго ремешка съ напущенными на него бронзовыми спиральками: въ срединѣ пятна могилы — бронзовыя спиральныя кольца и бронзовая очковидная привѣска.

Погребеніе 118, дѣтское, женское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., — костякъ, повидимому, дѣвочки лѣтъ 10, лежавшій вытянуто, на спинѣ, головою на С.; съ руками, сложенными на груди; въ головахъ — два глиняныхъ горшка; на головѣ — жгутъ, состоящій изъ скрученной въ трубочку бересты и бронзовой спирали; по бокамъ головы — по парѣ височныхъ колецъ; на пальцахъ рукъ — три бронзовыхъ спиральныхъ кольца; на поясницѣ — большое желѣзное кольцо и бронзовый наконечникъ поясного ремня.

Погребеніе 119, мужское.

На глубинѣ 2 арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; на груди его — огниво съ кремнемъ; у пояса — топоръ и ножъ; въ ногахъ — копье.

Траншея XXIII.

Размѣры $16 \times 3 \times 1^1/_4$ арш. Траншея проведена по изрытой площади кладоискателями, съ цѣлью повѣрки, не осталось ли чего въ почвѣ не взятаго кладоискателями. Трудъ оказался напраснымъ: никакихъ вещей не найдено.

Траншея XXIV.

Размѣры $16 \times 4 \times 1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ открыто два погребенія, изъ нихъ одно конское.

Погребеніе 120.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, стояло два глиняныхъ горшка, изъ которыхъ въ бо́льшемъ оказался вложеннымъ внутрь третій очень маленькій горшечекъ. Около большого горшка, стоявшаго въ сѣверной части могильнаго

пятна, лежали куски перержавевшихъ желѣзныхъ предметовъ; около меньшаго горшка, стоявшаго въ средней части пятна, — бронзовая спираль, обломокъ костяного предмета, обвитаго бронзовою спиралью и тонкая орнаментованная серебряная оправа какого-то предмета.

Погребенiе коня.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — остовъ коня, лежавшаго на лѣвомъ боку, головою на С.; на спинѣ его найдены желѣзные топоръ, удила и два стремени.

Траншея XXV.

Размѣры: $32 \times 4 \times 1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ никакихъ памятниковъ не найдено.

Траншея XXVI.

Размѣры: $32 \times 4 \times 1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ открыто одиннадцать погребенiй, изъ нихъ одно конское.

Погребенiе 121.

На глубинѣ 12 вершк., костякъ въ вытянутомъ положенiи, на спинѣ, головою на С.; въ головахъ — два глиняныхъ горшка; на шеѣ — три бусинки, три бронзовыхъ трехугольныхъ привѣски и желѣзная очковидная привѣска.

Погребенiе 122, трупосожженiе.

На глубинѣ 12 вершк., — черепъ лошади, подъ нимъ положены остатки сожженныхъ костей человѣка и обломки глинянаго сосуда.

Погребенiе 123, мужское.

На глубинѣ 1 арш., 2 вершк., въ могильномъ пятнѣ, орiентированномъ съ С. на Ю., въ сѣверномъ его концѣ, стояло два глиняныхъ горшка; въ срединѣ — желѣзные топоръ-кельтъ, пряжка, ножъ, огниво и кремень. Отъ костяка никакихъ остатковъ не сохранилось.

Погребенiе 124, мужское.

На глубинѣ 8 вершк., въ темномъ могильномъ пятнѣ, лежалъ черепъ лошади, а нѣсколько ниже подъ нимъ — переднiя ноги; въ томъ же пятнѣ, на глубинѣ 1 арш. 2 вершковъ, найдены глиняный горшокъ и глиняный ложковидный тигль, желѣзный наконечникъ широкаго ремня, бронзовая спираль, желѣзные топоръ-кельтъ, ножъ, огниво и нѣсколько перержавевшихъ кусковъ желѣзныхъ предметовъ.

Погребенiе 125, дѣтское, мужское.

На глубинѣ 1 арш., въ могильномъ пятнѣ, — остатки дѣтскаго костяка, расположеннаго головою на С.; у черепа — глиняный горшокъ и бронзовое кольцо въ области поясницы — желѣзные пряжка, ножъ, аграфы, огниво съ кремнемъ.

Погребеніе 126.

На глубинѣ 8 вершк., въ небольшомъ могильномъ пятнѣ, оріентрованномъ съ С. на Ю., стояло два горшка, оба въ сѣверномъ концѣ пятна, около одного горшка найдена бронзовая очковидная привѣска; въ ножномъ концѣ пятна — два желѣзныхъ аграфа.

Погребеніе 127.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, найдено два глиняныхъ горшка; другихъ вещей и костяка не оказалось.

Погребеніе 128, дѣтское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., — остатки дѣтскаго костяка, лежавшаго головою на С.; на лѣвой рукѣ его — бронзовый браслетъ и спиральное кольцо; въ области поясницы — желѣзные пряжка и ножъ.

Погребеніе 129.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на ССЗ.; съ лицомъ повернутымъ направо; у черепа — бронзовыя привѣски; у подбородка, плечей лѣваго локтя — по одной бронзовой привѣскѣ; у праваго бока — три глиняныхъ горшечка, изъ коихъ одинъ (по размѣрамъ и положенію средній) стоялъ кверху дномъ; у лѣваго бедра — бронзовая спиралька; у правой ступни — глиняный ложковидный тигль. Въ могилѣ замѣчены угольки.

Погребеніе коня.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — остовъ коня, лежавшаго на брюхѣ съ поджатыми ногами головою на С.; на спинѣ коня найдены желѣзныя удила и желѣзная пряжка.

Погребеніе 130, трупосожженіе.

На грубинѣ $1^3/_4$ арш., открыты остатки трупосожженія и при нихъ одна серебряная гладкая гривна.

Траншея XXVII.

Размѣры: $32 \times 4 \times 1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ открыто девятнадцать погребеній, изъ нихъ два конскія.

1) На глубинѣ 3 вершковъ найдено желѣзное копьецо съ гвоздевиднымъ остріемъ, поздняго времени, вѣроятно XVI—XVII вѣка.

2) На глубинѣ 8 вершк., — желѣзный ножъ, а въ розстояніи 1 арш., — обломокъ бронзоваго височнаго кольца.

3) На глубинѣ 10 вершковъ, — бронзовое височное кольцо съ напущеннымъ на него бронзовыми спиралями.

Примѣчаніе: Нѣкоторые изъ отдѣльныхъ разбросанныхъ предметовъ и часто встрѣчаемыхъ обломковъ глиняной посуды, повидимому, свидѣтельствуютъ о пере-

рываніи погребеній при совершеніи повторныхъ погребеній на одномъ и томъ же мѣстѣ, когда, выкапывая новую могилу, тревожили старыя могилы и выбрасывали изъ нихъ тѣ или другія вещи, которыя потомъ шли, вмѣстѣ съ землею, на засыпку вырытой могилы и располагались въ почвѣ, какъ попало.

Погребеніе 131, трупосожженіе.

На глубинѣ 10 вершк., — остатки трупосожженій; среди большого количества пережженныхъ костей, найденъ обугленный зубъ человѣка, но ни одной вещи не отыскалось.

Погребеніе 132, трупосожженіе.

На глубинѣ 8 вершк., — остатки трупосожженія, среди которыхъ отысканы обломки одного бронзоваго кольца.

Погребеніе 133, дѣтское.

На глубинѣ 12 вершк., обнаружено небольшое могильное пятно, оріентированное съ С. на Ю., въ немъ найдены: одно бронзовое спиральное кольцо, желѣзный ножъ, бронзовая спиралька и обломки желѣзныхъ предметовъ.

Погребеніе 134, трупосожженіе.

На глубинѣ 12 вершк., — остатки трупосожженія; большое количество пережженныхъ костей и при нихъ ни одного бытового предмета.

Погребеніе 135, дѣтское.

На глубинѣ 1 арш., — могильное пятно, оріентированное съ С. на Ю., въ сѣверномъ концѣ, — глиняный горшокъ; около горшка, — два большихъ бронзовыхъ спиральныхъ кольца, свинцовая гривна и бронзовыя спиральки.

Погребеніе 136, женское, въ сидячемъ положеніи, рис. 44.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., открытъ костякъ женщины, погребенной въ сидячемъ положеніи, затылкомъ къ сѣверу, лицомъ къ югу. Покойница посажена на толстомъ лубѣ, покрытомъ войлокомъ или шерстяной матеріей, съ вытянутыми ногами и сложенными на груди руками. На спинѣ, ниже затылка головы, найдены 2 бронзовыхъ колокольчика, подвѣшенныхъ на бронзовыхъ спиралькахъ, очевидно, украшавшихъ головной нарядъ; на груди — три бронзовыхъ спиральныхъ кольца съ пальцевъ правой руки; въ области поясницы, — желѣзная пряжка, двѣ бронзовыя привѣски.

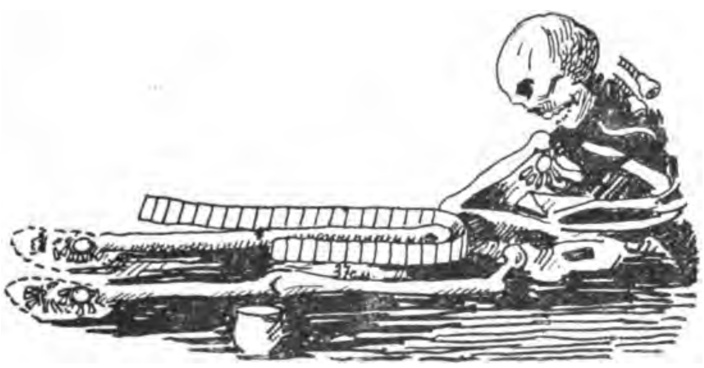

Рис. 44.

съ лапчатыми подвѣсками, желѣзный ножъ и шило; вдоль правой ноги лежалъ вдвое сложенный боковой ремень, украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ; на ступняхъ ногъ сохранились остатки кожанной обуви, украшенной бронзовыми шумящими привѣсками и спиралями; выше ступней, — ноги были обвиты ремнями, отъ которыхъ сохранились лишь небольшіе куски, соприкасавшіеся съ бронзовыми наконечниками; у лѣваго колѣна, — глиняный горшокъ.

Погребеніе коня.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — цѣлый остовъ коня, лежавшій на брюхѣ съ поджатыми ногами, головою на С.; у черепа найдена одна бронзовая пластинка.

Погребеніе 137, женское.

На глубинѣ 1 арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., въ сѣверномъ концѣ стоялъ глиняный горшокъ, а около него лежалъ головной жгутъ, состоящій изъ скрученнаго ремня, обвитого бронзовою спиралью, и одиннадцать височныхъ колецъ; всѣ эти вещи хорошо обозначали положеніе головы покойницы, отъ которой не сохранилось ни одной кости; въ грудной области, — шесть спиральныхъ ручныхъ колецъ; въ области поясницы, — желѣзный ножъ, пара малыхъ височныхъ бронзовыхъ колецъ и овечьи зубы; въ области ступней ногъ — бронзовыя спиральки, небольшая шумящая привѣска и большое височное кольцо съ напущенными на него маленькими, повидимому, дѣтскими ручными спиральными кольцами.

Вокругъ бронзовыхъ вещей замѣчались остатки луба.

Погребеніе 138, трупосожженіе, женское.

На глубинѣ 1 арш., — остатки трупосожженія; при нихъ — глиняный горшокъ, два желѣзныхъ ножа, много поломанныхъ височныхъ колецъ и два спиральныхъ браслета, изъ коихъ одинъ оказался съ совершенно расплавившимся бокомъ и приставшимъ къ довольно крупному обломку локтевой или лучевой кости; послѣдній фактъ рѣдкій и поэтому замѣчательный: онъ указываетъ, что покойница была сожжена съ вещами, тогда какъ во многихъ другихъ трупосожженіяхъ вещи не носятъ никакихъ признаковъ пребыванія ихъ съ покойниками въ огнѣ.

Погребеніе 139.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — остатки костяка, лежавшаго на спинѣ, вытянуто, головою на С.; у головы остатки мелкихъ желѣзныхъ перержавившихъ предметовъ; по всему корпусу разбросанно лежали три бронзовыхъ привѣски, подвѣски въ видѣ гусиной лапки и одна крупная бусина.

Погребеніе 140, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — остатки костяка, обернутаго лубомъ, лежавшаго на спинѣ, вытянуто, головою на ССЗ.; у головы — немного бронзовыхъ спиралекъ; на груди — пара бронзовыхъ круглыхъ шумящихъ привѣсокъ, два бронзовыхъ спиральныхъ кольца и бронзовая пряжка восточно-финскаго типа; въ области поясницы —

желѣзные топоръ, ножъ, пряжка, очковидная привѣска и обломокъ неизвѣстнаго предмета; на берцовыхъ правой ноги — большое височное кольцо съ напущенными на него ручными спиральными кольцами.

Погребеніе 141, дѣтское, женское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — костякъ ребенка, лежавшій головою на С.; вокругъ черепа — головной жгутъ, составленный изъ волосъ, свитыхъ тонкими шнурами, обвитыхъ сверху сыромятнымъ ремнемъ и бронзовыми спиралями; на груди, отъ лѣваго плеча къ правому колѣну, положенъ вдвое сложенный боковой широкій ремень, покрытый бронзовыми обоймами; ребенокъ былъ завернутъ въ лубъ; въ почвѣ могилы замѣчены угольки и найдены зубы овцы.

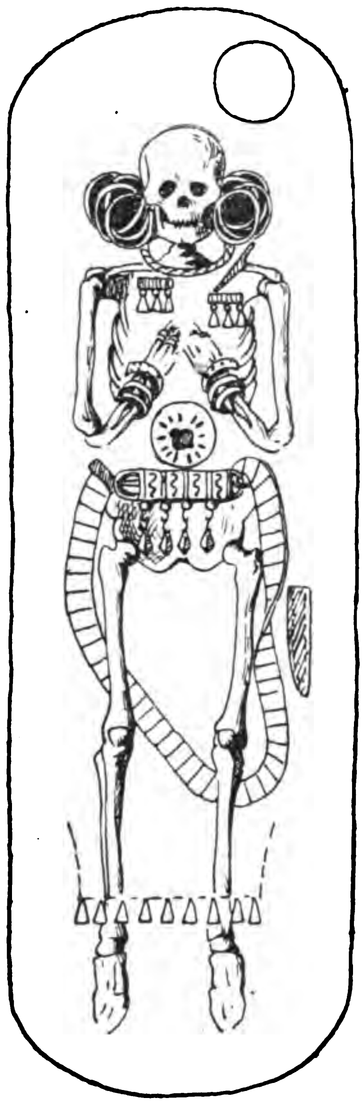

Рис. 45.

Погребеніе 142, женское, рис. 45.

Въ могильномъ пятнѣ, на глубинѣ 10 вершк., найдены двѣ бронзовыя шумящія привѣски и спиральки; ниже, на глубинѣ $1^1/_4$ арш., открытъ костякъ женщины, лежавшей на спинѣ, вытянуто, головою на ССВ.; по сторонамъ черепа лежало по четыре большихъ височныхъ кольца и по одной височной лунницѣ; на шеѣ — бронзовая гривна; на лѣвомъ плечѣ — желѣзный ножъ; на груди — двѣ парныя шумящія привѣски, ниже — серебряная грудная бляха; на рукахъ, сложенныхъ на груди, по одному спиральному и одному пластинчатому браслету; на поясницѣ — бронзовая ажурная съ шумящими подвѣсками пряжка съ остатками узкаго поясного ремня, къ которому, повидимому, прикрѣплялся боковой широкій ремень, покрытый бронзовыми обоймами и наконечникомъ; этотъ ремень, прикрѣпленный однимъ концомъ подъ поясъ у праваго бока, шелъ сзади, спускаясь къ колѣнамъ, и вторымъ концомъ прикрѣплялся къ поясу уже у лѣваго бока; подолъ одежды, выше ступней, украшенъ бронзовыми привѣсками, а ноги колокольчиками. Покойница была кругомъ завернута въ лубъ и посыпана мелкими угольками.

Погребеніе 143, женское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., открытъ костякъ женщины, лежавшій на спинѣ. вытянуто, съ кистью правой руки на груди и лѣвой — на животѣ, головою на С.; въ головахъ стоялъ горшокъ; на головѣ лежало два нетолстыхъ головныхъ жгута, состоявшіе изъ скрученной бересты, обвитой сверху бронзовою спиралью, и широкій головной ремень (вѣнокъ), въ средней части покрытый бронзовыми обоймами и украшенный трехугольными бронзовыми привѣсками; у висковъ — по шести брон-

зовыхъ височныхъ колецъ; на шеѣ — ожерелье изъ бѣлыхъ (перламутровыхъ) бусъ, на нижней части груди — бронзовая грудная бляха; на пальцахъ рукъ — два ажурныхъ бронзовыхъ перстня съ шумящими подвѣсками и четыре спиральныхъ бронзовыхъ кольца; на поясницѣ — желѣзная пряжка, желѣзный ножъ съ слѣдами деревянной рукоятки, шумящая бронзовая привѣска и бронзовый наконечникъ широкаго бокового ремня; на спинѣ, подъ тазовыми костями, — спинная привѣска, состоящая изъ костяного коромысла, обвитого бронзовыми спиралями и бронзоваго съ шумящими подвѣсками коромысла, соединенныхъ тонкимъ ремешкомъ; на ногахъ, выше ступней, сохранились остатки шерстяныхъ онучъ, обвитыхъ узкими, но очень плотными ремнями, украшенными бронзовыми обоймами; у лѣвой ступни — глиняный тигль.

Покойница была обернута лубомъ и посыпана угольками.

Погребеніе 144, мужское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ сѣверномъ концѣ могильнаго пятна, оріентированнаго съ С. на Ю., стоялъ глиняный горшокъ; въ средней части — желѣзные топоръ, ножъ, пять спиральныхъ бронзовыхъ колецъ и бронзовыя подвѣски, лежавшія подъ топоромъ; въ южной части пятна — кремень, желѣзныя огниво и копье.

Рис. 46.

Погребеніе 145, женское, рис. 46—50.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., открытъ костякъ женщины, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; у головы, съ лѣвой стороны, лежалъ на боку глиняный

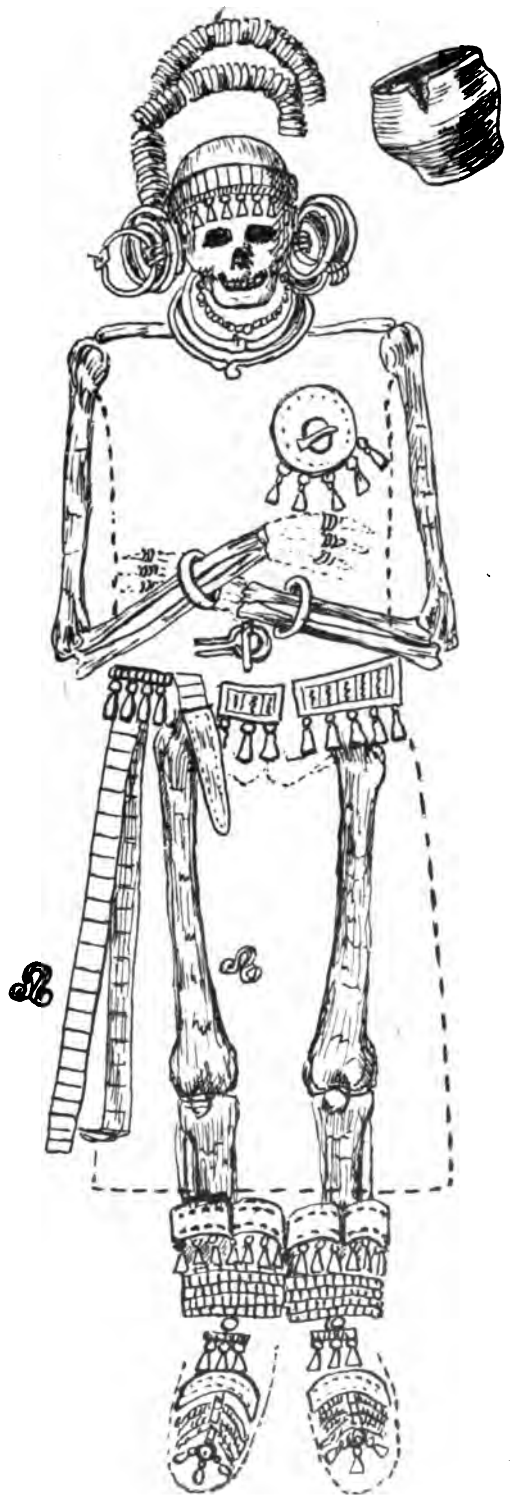

Рис. 48.

Рис. 47.

Рис. 49.

горшокъ; вокругъ головы — два толстыхъ жгута, обвитыхъ бронзовыми спиралями; на головѣ — широкій головной ремень (вѣнокъ), украшенный бронзовыми обоймицами, и узкій головной ремень, обвитый бронзовыми спиралями и украшенный трехугольными бронзовыми подвѣсками; у черепа, между головныхъ жгутовъ и ремней найденъ гребень; у висковъ — по семи большихъ височныхъ колецъ, изъ нихъ на нѣкоторыхъ находились напущенныя спиральныя кольца; на шеѣ — бусы и двѣ массивныя бронзовыя гривны; на груди — грудная ажурная бляха съ шумящими подвѣсками; на рукахъ — по одному браслету и по нѣсколько колецъ; на поясницѣ — большая съ шумящими подвѣсками ажурная пряжка; слѣва отъ этой пряжки находилась еще большая также шумящая ажурная бляха, а справа — шумящая привѣска; съ праваго боку, вдоль правой ноги, лежалъ широкій боковой ремень, сложенный вдвое и украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ; длина ремня въ сложенномъ видѣ равнялась 54 см.; по обѣ стороны правой ноги, немного ниже колѣна — по одной очковидной бронзовой привѣскѣ; на ногахъ сохранились остатки нарядной обуви, украшенной бронзовыми скобами, шумящими привѣсками и спиралями; ноги, выше ступней, были обвиты ремнями, украшенными бронзовыми обоймами, выше которыхъ находились широкія бронзовыя скобы со спускающимися отъ нихъ трехугольными бронзовыми подвѣсками. Во многихъ мѣстахъ, въ соприкосновеніи съ бронзой, сохранились обрывки ткани одежды и луба, въ который былъ обернутъ трупъ.

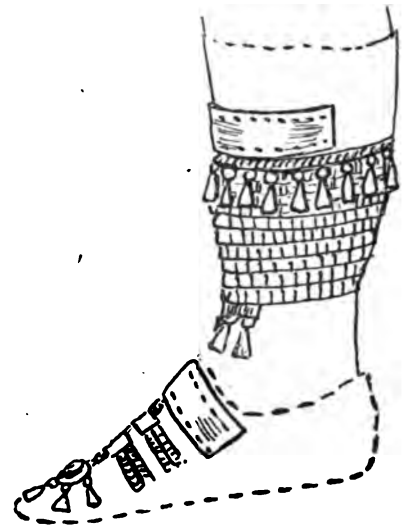

Рис. 50.

Погребеніе коня.

Почти рядомъ съ погребеніемъ 145, но въ отдѣльномъ могильномъ пятнѣ, на глубинѣ $1^1/_2$ арш., открытъ цѣлый остовъ коня, лежавшаго на лѣвомъ боку, головою на С.; съ поджатыми ногами; на шею его положены желѣзныя удила; на грудь поставленъ небольшой глиняный горшокъ.

Погребеніе 146, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ младенца, лежавшаго на спинѣ, вытянуто, головою на С.; при немъ — нѣсколько бронзовыхъ мелкихъ украшеній и одна бусинка; вокругъ замѣтны остатки луба.

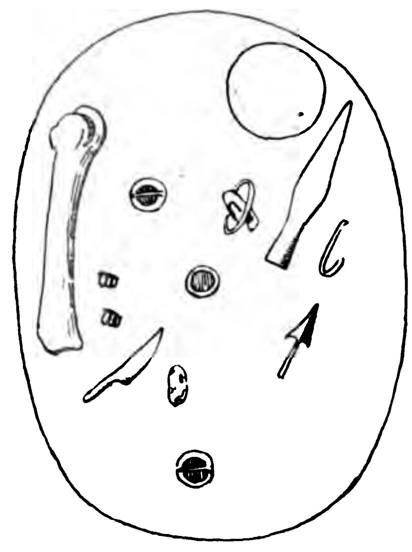

Рис. 51.

Погребеніе 147, трупосожженіе, рис. 51.

На глубинѣ 2 арш., — груда жженыхъ костей человѣка, на поверхности которой положена кость крупнаго животнаго, глиняный горшокъ, желѣзный нако-

нечникъ копья, желѣзные ножъ, стрѣла, скобы, одно кольцо и двѣ пряжки, два бронзовыхъ спиральныхъ кольца. Стрѣла трехгранная со стержнемъ для насада.

Траншея XXVIII.

Размѣры: 32×4×1½ арш.; въ траншеѣ открыто одиннадцать погребеній.

Погребеніе 148.

На глубинѣ 12 вершк., — костякъ, отъ котораго сохранился черепъ и части другихъ костей; покойникъ лежалъ вытянуто, головою на С.; при немъ оказался одинъ сильно перержавившій желѣзный ножъ.

Погребеніе 149, дѣтское.

На глубинѣ 1 арш. 4 вершк., — остатки костяка ребенка лѣтъ 10, лежавшаго на спинѣ, вытянуто, головою на С.; у висковъ по одному височному кольцу; въ области поясницы — желѣзная пряжка, обломокъ желѣзнаго наконечника ремня и два куска фульгуритовъ; въ ногахъ глиняные горшокъ и ложковидный тигль.

Погребеніе 150, трупосожженіе.

На глубинѣ 1 арш., лежали жженыя кости; на поверхности ихъ найдены: нѣсколько костяныхъ привѣсокъ, два копья и груда костей большого медвѣдя, а также и одна желѣзная очковидная привѣска.

Погребеніе 151, трупосожженіе мужское.

На глубинѣ 10 вершк., въ могильномъ пятнѣ, найденъ наконечникъ желѣзнаго копья; ниже, на глубинѣ 1¼ арш., открыта масса жженыхъ костей, при которыхъ, въ разныхъ мѣстахъ, лежали куски перержавившихъ желѣзныхъ вещицъ, два ножа, копье, огниво, кремень и бронзовый браслетъ.

Погребеніе 152, мужское.

На глубинѣ 1¼ арш., въ могильномъ пятнѣ, — небольшой глиняный горшечекъ, рядомъ съ нимъ — желѣзный ножъ, копье и ножная кость лошади; недалеко, въ сторонѣ, — ажурный перстень.

Погребеніе 153, женское, дѣтское, рис. 52.

На глубинѣ 1¼ арш., лежалъ костякъ дѣвочки лѣтъ 10—12, на спинѣ, вытянуто, головою на С.; съ кистями рукъ на груди, въ головахъ — небольшой глиняный горшокъ; на головѣ съ остатками кожи и темныхъ волосъ — широкій головной ремень (вѣнчикъ), сплошь покрытый бронзовыми обоймами, и узкій головной ремень, обитый бронзовою спиралью, съ подвѣшенными трапецевидными подвѣсками; на вискахъ по нѣсколько бронзовыхъ большихъ и малыхъ височныхъ калецъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли напущенныя спиральныя ручныя кольца;

сохранившіеся подъ головными ремнями нѣжные волнистые волосы имѣли темный съ красноватымъ оттѣнкомъ цвѣтъ и были зачёсаны отъ лба къ затылку; сначала они казались свѣтлѣе, но потомъ, на воздухѣ, стали темнѣе. На шеѣ находилось ожерелье изъ бусъ; на груди, у шеи — бронзовое сильно сжатое кольцо, ниже — большая ажурная грудная бляха съ шумящими подвѣсками въ видѣ колокольчиковъ; на рукахъ — по одному спиральному браслету и по нѣсколько спиральныхъ колецъ; въ области поясницы — желѣзная пряжка, круглая съ шумящими подвѣсками бляха, двѣ меньшихъ шумящихъ привѣски и желѣзный ножъ; вдоль правой ноги лежалъ боковой широкій ремень, украшенный бронзовымъ наконечникомъ и двумя бронзовыми обоймами; низъ одежды обозначился бронзовыми спиральками и трапецевидными подвѣсками, украшавшими подолъ; на ступняхъ ногъ найдены парныя бронзовыя спиральки, очевидно, украшавшія обувь. Костякъ былъ обернутъ со всѣхъ сторонъ лубомъ:

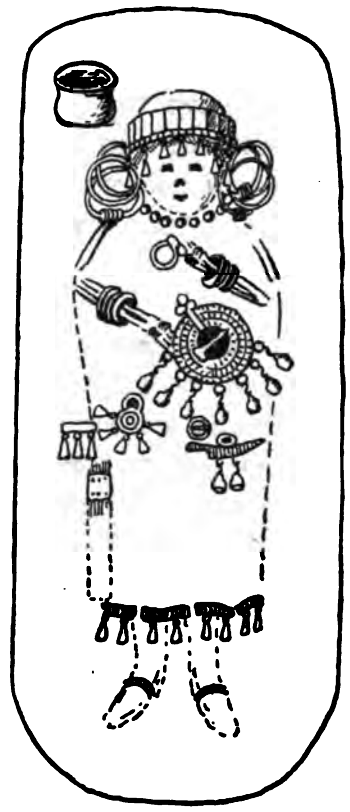

Рис. 52.

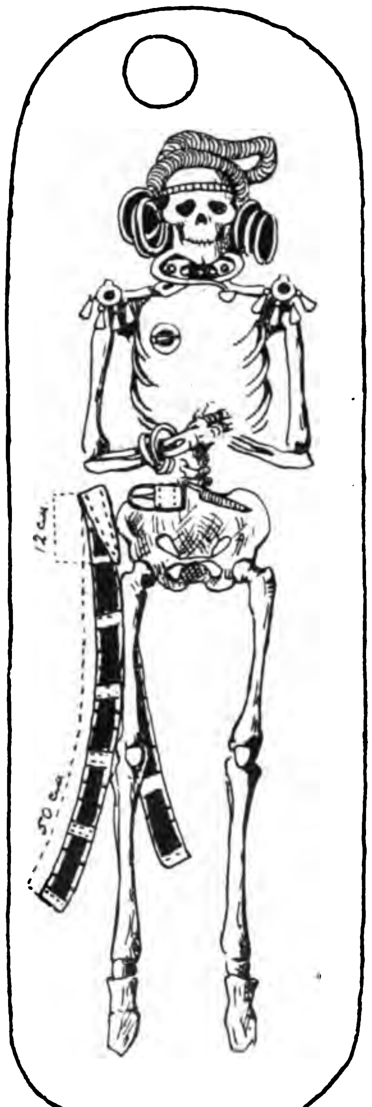

Рис. 53.

Погребеніе 154.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, лежали безъ всякаго порядка черепъ человѣка, длинныя ручныя и ножныя кости, а между ними — желѣзный ножъ, пряжка и обломки перержавившихъ мелкихъ желѣзныхъ предметовъ.

Погребеніе 155, женское, рис. 53.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — костякъ женщины, лежавшей на спинѣ, вытянуто, головой на С.; съ руками сложенными на груди; въ головахъ стоялъ глиняный горшокъ; на головѣ лежали два толстыхъ жгута, состоящихъ изъ волосъ, обвитыхъ ремнями и бронзовыми спиралями, и узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью; по сторонамъ головы — височныя большія кольца, изъ коихъ двѣ имѣли напущенныя спиральныя кольца; на шеѣ — бронзовая гривна и ожерелье

изъ бѣлыхъ (перламутровыхъ) бусъ, на плечахъ — по одной бронзовой круглой привѣски съ шумящими подвѣсками; на груди — большая желѣзная пряжка; на правой рукѣ — бронзовый браслетъ съ напущенными на него спиральными кольцами; у правой ноги, сверху и подъ нею, лежалъ вдвое сложенный широкій боковой ремень, украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ; ремень съ наконечникомъ имѣлъ въ длину 112 сантиметровъ; подъ ремнемъ сохранились куски мѣховой одежды и куски ткани; мѣхъ лежалъ шерстью наружу; въ области поясницы найдена бронзовая пряжка и желѣзный ножъ.

Покойница была завернута лубомъ и посыпана угольками.

Погребеніе 156.

На глубинѣ 1 арш. 6 вершковъ, — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; съ поворотомъ головы налѣво; у праваго бедра и подъ нимъ — нѣсколько кусковъ желѣзныхъ перержавившихъ предметовъ; въ другихъ разныхъ пунктахъ — желѣзные ножъ, желобчатый стержень и обломокъ пряжки, а также кусокъ обугленнаго дерева.

Погребеніе 157, трупосожженіе.

На глубинѣ 8 вершк., какъ разъ надъ погребеніемъ 149, оказались остатки трупосожженія; при нихъ найдены бронзовая грудная бляха, покоробившаяся, а при выниманіи изъ земли распавшаяся на части, бронзовая очковидная привѣска, два бронзовыхъ наконечника узкихъ, вѣроятнѣе всего, ножныхъ ремней и три парныя бронзовыя спиральки отъ обуви.

Погребеніе 158, мужское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, содержащемъ много обломковъ глиняной посуды, лежали черепъ на тазу и рядомъ съ нимъ ручныя кости безъ видимаго порядка. Погребеніе казалось потревоженнымъ; при костяхъ найдены топоръ-кельтъ, ножъ, шило и желѣзныя перержавшія пластинки.

Траншея XXIX.

Размѣры: 32×4×1 арш.; въ траншеѣ открыто одно погребеніе.

Погребеніе 159, трупосожженіе.

На глубинѣ 1 арш., — остатки трупосожженія, въ видѣ большого количества жженыхъ костей, среди которыхъ найденъ желѣзный ножъ.

Траншея XXX.

Размѣры: $32\times4\times1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ открыто тринадцать погребеній, при чемъ въ западной половинѣ траншеи никакихъ слѣдовъ погребеній не отыскалось; всѣ

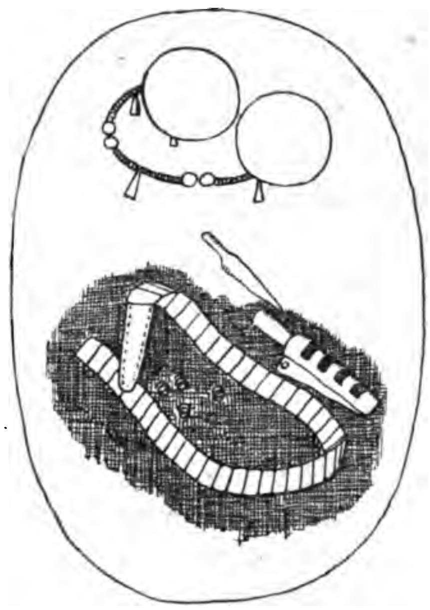
погребенія сосредоточивались въ восточной части, гдѣ уже на глубинѣ 4—8 вершковъ встрѣчалось много обломковъ разбитой глиняной посуды и земля была сильно перемѣшанная.

Погребеніе 160, женское.

На глубинѣ 10 вершк.,— открытъ костякъ, лежавшій вытянуто, на спинѣ, головою на С.; съ руками сложенными на животѣ; на головѣ его — узкій ремень, обвитый бронзовою спиралью; по бокамъ головы — двѣнадцать височныхъ колецъ и одна височная лунница; подъ затылкомъ — три бронзовыхъ трехугольныхъ привѣски; у головы — глиняный горшокъ и обломки перержавившихъ мелкихъ желѣзныхъ предметовъ; у лѣваго плеча — желѣзный браслетъ; на шеѣ — бронзовая спираль; на пальцахъ рукъ — три бронзовыхъ спиральныхъ кольца; на тазу и отчасти на правомъ бедрѣ — желѣзный ножъ, желѣзная пряжка и около нея спинная бронзовая привѣска, состоящая изъ деревяннаго костылька, обвитаго бронзовою спиралью, двухъ пронизей, бронзоваго съ шумящими подвѣсками коромысла; всѣ части спинной привѣски, при выниманіи изъ земли, были связаны тонкимъ ремешкомъ, который, однако, послѣ порвался на части; вдоль правой ноги лежалъ боковой ремень, украшенный тремя бронзовыми обоймами и наконечникомъ; около бокового ремня сохранились остатки мѣховой одежды; у ступней ногъ — желѣзныя скобы. Покойница была обернута лубомъ.

Погребеніе 161, трупосожженіе, рис. 54.

На глубинѣ 12 вершк.,— жженыя кости, сложенныя въ продолговатомъ могильномъ пятнѣ, оріентированнымъ съ С. на Ю., въ сѣверномъ концѣ — два глиняныхъ горшка; около нихъ — ожерелье, составленное изъ синихъ стеклянныхъ бусъ, бронзовыхъ спиралекъ и подвѣсокъ; въ южномъ концѣ пятна лежали завернутыми въ толстую шерстяную ткань четыре бронзовыхъ спиральныхъ кольца; обрывки узкихъ ремней съ бронзовыми обоймами, желѣзный ножъ въ кожанныхъ ножнахъ, оправленныхъ въ бронзу, съ деревянной рукояткой, и широкій боковой ремень съ бронзовыми обоймами и наконечникомъ.

Рис. 54.

Погребеніе 162, трупосожженіе.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш.,— остатки трупосожженія, среди которыхъ найдены обугленные зубы человѣка, эти остатки помѣщались въ южномъ концѣ продолговатой ямы, оріентированной съ С. на Ю., въ сѣверномъ концѣ находились глиняный горшокъ и завернутыя въ лубъ слѣдующія вещи, повидимому, женскаго наряда: узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью, три малыхъ брон-

зовыхъ височныхъ кольца, девять большихъ височныхъ колецъ, изъ нихъ два съ напущенными ручными спиральными кольцами, бронзовая, ажурная грудная бляха и желѣзная пряжка; въ южномъ концѣ ямы, рядомъ съ жжеными костями, находилось большое количество металлическихъ кольчужекъ, служившихъ, вѣроятнѣе всего, украшеніями ткани.

Погребеніе 163, мужское.

На глубинѣ 8 вершк., найденъ небольшой глиняный горшокъ, стоявшій въ сѣверномъ концѣ могильнаго пятна, оріентированнаго съ С. на Ю. Въ средней части пятна находились два бронзовыхъ спиральныхъ кольца, желѣзная пряжка и желѣзный топоръ, огниво и кремень.

Погребеніе 164, дѣтское, женское.

На глубинѣ 1 арш. 2 вершк., лежалъ плохо сохранившійся костякъ ребенка лѣтъ трехъ, головою на С.; въ головахъ его стоялъ глиняный горшокъ; по обѣ стороны черепа по одному большому и по два малыхъ височныхъ кольца; на шеѣ — бронзовая гривна съ напущеннымъ бронзовымъ спиральнымъ кольцомъ и ожерелье бусъ, на груди, у праваго локтя — мелькія бусы; на правой рукѣ — сильно сжатый бронзовый плоскій браслетъ; на пальцѣ лѣвой руки — бронзовое спиральное кольцо; вдоль правой ноги лежалъ боковой ремень, покрытый нѣсколькими бронзовыми обоймами.

Погребеніе 165, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ рѣзко очерченномъ небольшомъ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдено, въ сѣверномъ концѣ пятна, ожерелье бусъ желтаго и синяго цвѣта и кусокъ перержавившаго желѣза.

Погребеніе 166, женское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., въ сѣверномъ концѣ могильнаго пятна, оріентированнаго съ С. на Ю., стоялъ глиняный горшокъ и часть головного жгута, обвитаго бронзовою спиралью; въ срединѣ — бронзовая привѣска въ видѣ колокольчика, бронзовая цѣпочка, бронзовое спирильное ручное кольцо; въ южномъ концѣ пятна — вторая часть головного жгута. Погребеніе, повидимому, было потревожено.

Погребеніе 167.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найденъ желѣзный ножъ съ слѣдами деревянной рукоятки, желѣзная пряжка и обломки глиняной посуды.

Погребеніе 168, женское, рис. 55.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; съ руками, сложенными на животѣ; въ головахъ стоялъ глиняный горшокъ и, немного сбоку, ножная кость животнаго; вокругъ головы — два головныхъ

жгута, составленныхъ изъ волосъ, обвитыхъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовою спиралью; на головѣ — узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью; съ подвѣшенными бронзовыми привѣсками; у щекъ — по четыре височныхъ большихъ и малыхъ колецъ; на шеѣ — ожерелье изъ бусъ и трехугольныхъ бронзовыхъ подвѣсокъ; у праваго бедра — три бронзовыхъ колокольчика и широкій боковой ремень, покрытый бронзовыми обоймами; у лѣваго бедра — одинъ бронзовый колокольчикъ; на берцовыхъ правой ноги — два большихъ височныхъ кольца; покойница лежала на лубѣ.

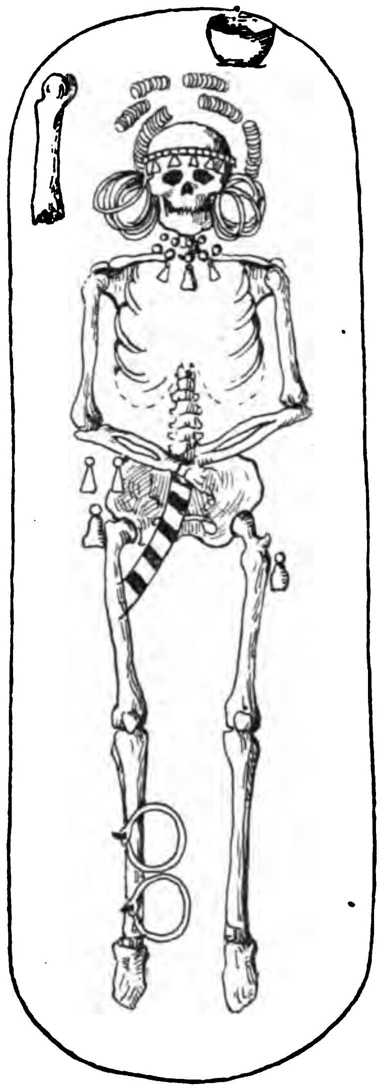

Рис. 55.

Погребеніе 169, мужское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., въ сѣверномъ концѣ, стоялъ глиняный горшокъ; въ срединѣ — желѣзная пряжка, желѣзные ножъ, топоръ и огниво, двѣ бронзовыя спирали; въ южномъ концѣ пятна — спиральный бронзовый браслетъ.

Надъ сѣверною частью могилы, вершковъ на шесть выше дна, лежали кости двухъ переднихъ ногъ лошади, отрѣзанныхъ въ плечевомъ сочлененіи, но безъ фалангъ и копытъ.

Погребеніе 170, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ сѣверной части могильнаго пятна, оріентированнаго съ С. на Ю., лежали грудой обломки перержавившихъ желѣзныхъ предметовъ, бронзовое спиральное кольцо, кремень, огниво, ножъ, шило; въ средней части — остатки поясного ремня съ желѣзными обоймами; въ южной части — глиняный горшокъ.

Погребеніе 171, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., рядомъ съ погребеніемъ 170, въ сѣверной части могильнаго пятна, оріентированнаго съ С. на Ю., стоялъ глиняный горшокъ и около него — височное бронзовое кольцо.

Погребеніе 172, трупосожженіе.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ овальномъ пятнѣ, стояло три глиняныхъ сосуда, между которыми лежали жженыя кости человѣка и четыре бронзовыя очковидныя привѣски, завернутыя въ лубъ.

Траншея XXXI.

Размѣры: 30×4×$1^1/_2$ арш.; въ траншеѣ открыто пятнадцать погребеній, изъ коихъ одно коровье.

Погребеніе 173, трупосожженіе.

На глубинѣ 1 арш., — груда жженыхъ костей; при нихъ никакихъ вещей не оказалось.

Погребеніе 174, дѣтское.

На глубинѣ 1 арш., въ сѣверномъ концѣ небольшого пятна, оріентированнаго съ С. на Ю., найдены бронзовые дѣтскій браслетъ и спираль.

Пгребеніе 175, дѣтское.

На глубинѣ 12 вершковъ, въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдены глиняный горшокъ, лежавшій на боку, и около него одно бронзовое витое кольцо, два бронзовыхъ спиральныхъ браслета и молочные зубы ребенка.

Погребеніе 176.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ сѣверномъ концѣ могильнаго пятна, оріентированнаго съ С. на Ю., стояло три горшка, поставленныхъ въ одну линію, по оси могилы; около сѣвернаго горшка лежало шиферное прясло. а въ срединѣ пятна — желѣзный ножъ.

Примѣчаніе: въ траншеѣ XXXI, проведенной какъ разъ черезъ центръ могильника, видны въ разрѣзѣ почвы всюду зольныя и углистыя пятна; земля рыхлая, дающая частые обвалы, указывающіе на неоднократное перерытіе земли для погребеній; въ верхнихъ слояхъ часто встрѣчаются обломки посуды и случайныя металлическія вещицы.

Погребеніе 177, трупосожженіе.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ сѣверной части могильнаго пятна, оріентированнаго съ С. на Ю., стоялъ горшокъ и рядомъ съ нимъ лежали желѣзная гривна и бронзовое колечко; въ срединѣ пятна — немного жженыхъ костей, желѣзные ножъ, пряжка и двѣ бронзовыхъ спиральки.

Погребеніе 178, дѣтское, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ ребенка, отъ котораго сохранилось немного, преимущественно, длинныхъ костей и молочные зубы; покойникъ лежалъ головою на С., въ головахъ его стоялъ большой глиняный горшокъ; на шеѣ — свинцовая гривна; у лѣваго плеча — маленькій желѣзный топорикъ; въ области поясницы — много обломочковъ небольшихъ желѣзныхъ предметовъ, можетъ быть, поясныхъ бляшекъ, желѣзный ножъ, ножницы, бронзовыя спиральныя кольца; въ ногахъ — бронзовая спиралька.

Погребеніе 179, женское.

На глубинѣ 1 арш. открыть костякъ женщины, лежавшей на спинѣ, вытянуто, головою на С., съ лицомъ, повернутымъ налѣво; въ головахъ — глиняный горшокъ, раздавленный почвой; у висковъ — по два тонкихъ серебряныхъ височныхъ кольца съ эсовидно завитыми концами и по одному бронзовому кольцу съ напущенными на нихъ бусинами; на два кольца напущено по два бронзовыхъ небольшихъ ручныхъ кольца; на шеѣ — ожерелье изъ разныхъ бусъ и бронзовой лунницы; на правомъ плечѣ — цѣпочка съ подвѣшеннымъ кольцомъ съ тремя бубенчиками; около ушей — бронзовыя серьги, въ видѣ колецъ съ напущенными на нихъ бусинами; на груди лежалъ головной узкій ремень, обвитый бронзовою спиралью.

Погребеніе 180, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш. остатки дѣтскаго костяка, при немъ одинъ бронзовый браслетъ, двѣ желѣзныхъ пряжки и, въ головахъ, глиняный горшокъ. Костякъ лежалъ головою на С.

Погребеніе 181, мужское.

На глубинѣ 2 арш. въ сѣверной части могильнаго пятна, оріентированнаго съ С. на Ю., лежалъ черепъ человѣка; около черепа находилась серебряная пряжка восточно-финскаго типа; въ области груди — бронзовый браслетъ, въ области поясницы — желѣзная пряжка и топоръ-кельтъ. Около металлическихъ вещей замѣчены остатки луба, а въ почвѣ — угольки.

Погребеніе 182.

На глубинѣ 2 арш. — костякъ, лежащій на спинѣ, вытянуто, головою на Ю.; въ головахъ — горшокъ и кусокъ перержавѣвшаго желѣза (шила?); на правой части груди, у шеи, — бронзовая пряжка восточно-финскаго типа; на лѣвой части груди — два кольца оригинальной формы изъ свѣтлаго серебристаго металла; въ области поясницы — бронзовая пряжка и желѣзный ножъ.

Погребеніе 183, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш. — остатки костяка ребенка, оріентированнаго, по всей вѣроятности, головою на Ю.; въ головахъ стоялъ глиняный горшокъ. На остаткахъ черепа — два бронзовыхъ височныхъ кольца; на груди — бронзовыя спиральки, одна бусина, двѣ бронзовыя пряжки, изъ которыхъ одна восточно-финскаго типа; въ области поясницы — бронзовыя обоймы съ кольцами. Съ металлическими вещами встрѣчались остатки луба.

Погребеніе 184, женское (рис. 56).

На глубинѣ 2 арш. — костякъ женщины, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на ССЗ., съ лицомъ, повернутымъ налѣво (къ востоку); въ головахъ — гор-

шокъ; на головѣ — вѣнокъ, составленный изъ длинныхъ цилиндрическихъ трубочекъ, спиралей и обоймъ, соединенныхъ тонкими ремешками; обоймы были посеребрены или даже сдѣланы изъ низкопробнаго серебра; у висковъ — по одному бронзовому массивному височному кольцу; на шеѣ — ожерелье, составленное изъ спиралекъ, стеклянныхъ и металлическихъ бусъ; у праваго плеча — бронзовая привѣска въ видѣ уточки съ лапчатыми подвѣсками и двѣ бронзовыя пряжки восточно-финскаго типа; подъ лопатками, на спинѣ, — два бронзовыхъ колокольчика; на сложенныхъ крестообразно рукахъ — по два бронзовыхъ браслета (по одному простому и по одному спиральному); на пальцахъ правой руки — пять бронзовыхъ спиральныхъ колецъ съ колечками и привѣсками на концахъ спиралей; кисть лѣвой руки лежала на кисти правой; на поясницѣ — поясной ремень съ бронзовой пряжкой, украшенный узкими бронзовыми обоймами, достигавшій въ длину 64 см.; около пояса найдены двѣ пряжки восточно-финскаго образца, а сзади, за спиной, — пять бронзовыхъ четырехгранныхъ (въ видѣ пирамидокъ) колокольчиковъ. Въ могилѣ, близъ вещей, найдены обрывки ремней и кожи. Черепъ взятъ.

Рис. 56.

Остатки стараго сооруженія.

Въ западномъ концѣ траншеи, совпадавшемъ съ вершиной площади могильника, подъ дерновымъ слоемъ почвы, открыты три деревянныхъ колотыхъ или, еще вѣрнѣе, тесанныхъ бревна; изъ нихъ два лежали параллельно другъ другу на третьемъ бревнѣ. На одномъ изъ перекрестьевъ бревенъ найденъ желѣзный клинъ съ отверстіемъ для рукоятки (насѣка), употребляемый въ настоящее время для насѣчки каменныхъ жернововъ; недалеко отъ описаннаго клина, на нижнемъ брусѣ, лежалъ большой желѣзный ножъ кузнечной работы. Между брусьевъ найденъ одинъ обломокъ современной глиняной посуды и кусокъ оконнаго стекла. Очевидно, остатки относятся къ недавнему прошлому и прикосновенны къ мельничному дѣлу. По справкамъ, однако, выяснилось, что за послѣднія 50 лѣтъ, на данномъ мѣстѣ, ни жилыхъ домовъ, ни мельницъ не существовало; сооруженіе могло относиться самое позднее къ первой половинѣ XIX вѣка.

Погребеніе коровы (рис. 57).

Подъ вышеописанными остатками деревяннаго сооруженія, на глубинѣ $1^1/_4$ арш., открытъ цѣлый остовъ коровы (крупной породы), лежавшій на лѣвомъ боку, го-

ловою на Ю., съ вытянутыми ногами; у переднихъ ногъ стояло два сравнительно большихъ горшка, совершенно схожіе съ горшками могильника, что и указываетъ на древность и ритуальное значеніе положенія здѣсь описываемаго животнаго.

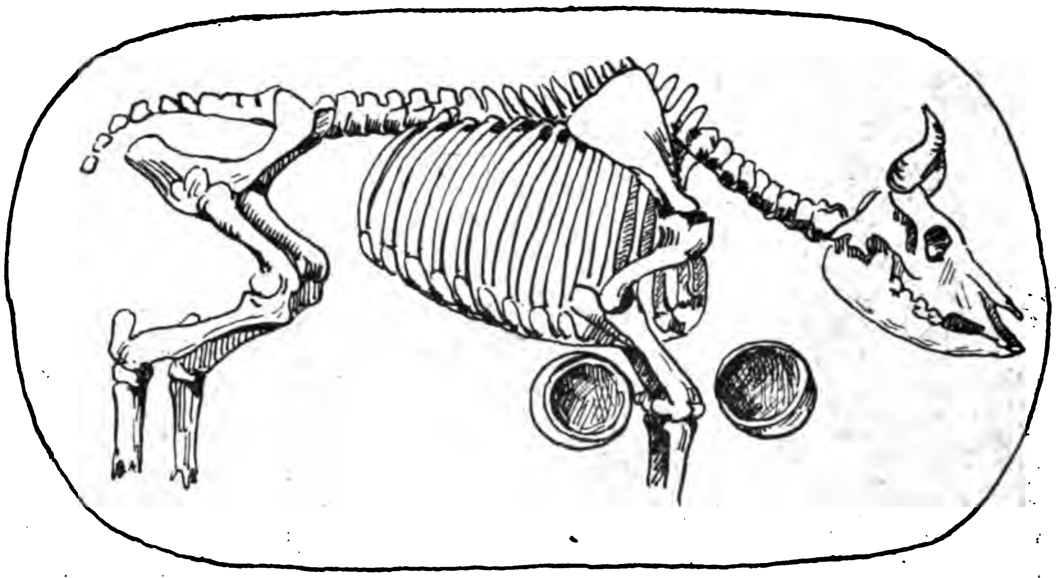

Рис. 57.

Погребеніе 185.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, — желѣзные ножъ, пряжка и глиняный горшокъ; ниже, на глубинѣ $1^1/_2$ арш., — бронзовая пряжка, фаланга человѣческой руки и второй глиняный горшокъ; еще ниже, на глубинѣ 1 арш. 11 в., — бронзовая пряжка восточно-финскаго типа; еще ниже, на глубинѣ 2 арш., — очень большой глиняный горшокъ, двѣ желѣзныхъ пряжки и желѣзный ножъ съ остатками деревянной рукоятки и кожаныхъ ноженъ. Остатковъ костяка нигдѣ не было найдено.

Погребеніе 186, мужское рис. 58 и 59.

На глубинѣ $2^1/_4$ арш., открытъ костякъ взрослаго мужчины, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на СЗЗ., съ руками на животѣ; въ головахъ стоялъ горшокъ и лежали желѣзный топоръ-кельтъ и бронзовая бляшка; на головѣ — вѣнокъ, составленный изъ бронзовыхъ спиралекъ, расположенныхъ въ четыре ряда серебряныхъ цилиндрическихъ пронизей и обоймъ, двухъ пряжекъ и двухъ наконечниковъ ремней[1]), по обѣ стороны шеи — по одному массивному серебряному височному кольцу; на верхней части груди — двѣ бронзовыхъ пряжки; нѣсколько ниже ихъ — одна желѣзная пряжка и бронзовая ажурная грудная бляха съ застежкой; на рукахъ по одному бронзовому браслету и по одному спиральному

[1]) По поводу вѣнка слѣдуетъ замѣтить, что онъ былъ составленъ изъ двухъ вѣнковъ или же ихъ было два вѣнка, на что какъ бы указываютъ двѣ пары серебряныхъ пряжекъ и наконечниковъ ремня. На мѣстѣ это не удалось прослѣдить потому, что серебряныя пронизи лежали разсыпанно, окружая черепъ.

кольцу; въ области поясницы — желѣзная пряжка, ножъ и двѣ бронзовыхъ подвѣски; у праваго бедра лежали, обернутыми тканью и рогожею, серебряная большая и бронзовая пряжки, обѣ восточно-финскаго типа, бронзовыя спирали, обоймы

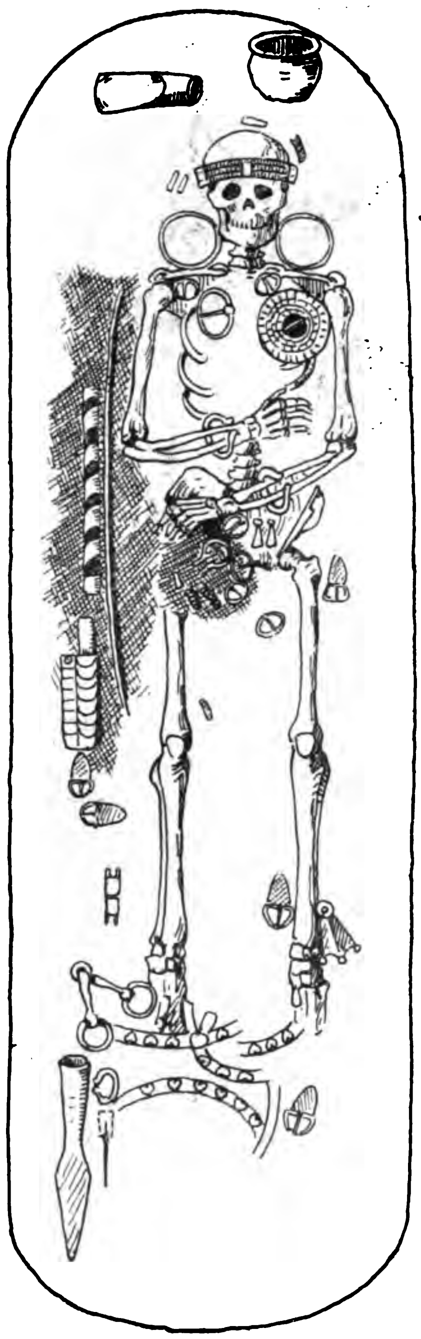

Рис. 58.

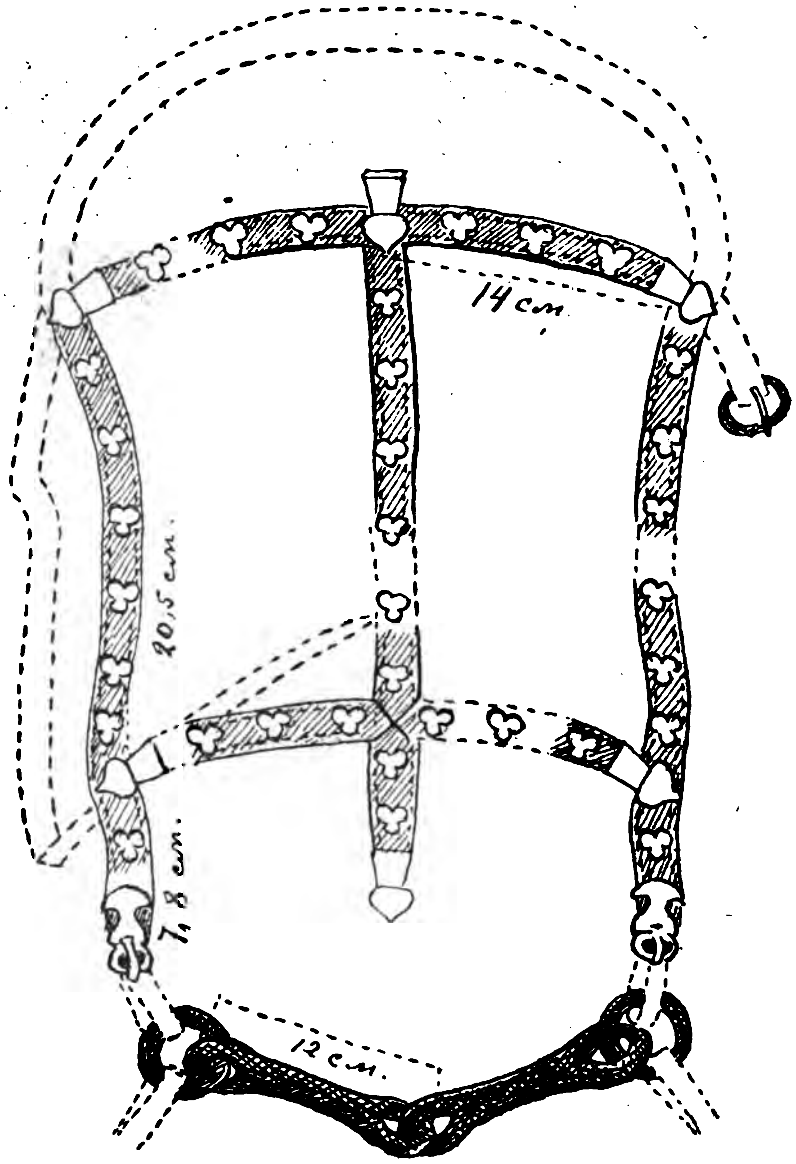

Рис. 59.

и др.; въ ногахъ — желѣзное копье, огниво съ кремнемъ, шило съ слѣдами деревянной рукоятки и узда, состоящая изъ желѣзныхъ удилъ, ремней съ серебряными бляшками и пряжками, (рис. 59), а также однимъ крупнымъ бронзовымъ пирамидальной формы колокольчикомъ; вдоль праваго бока костяка лежалъ длинный свертокъ

изъ мягкой рогожи, въ которомъ хранились деревянная рукоятка, повидимому, кнута, спирально обвитая широкою бронзовою пластинкою и желѣзный ножъ въ кожаныхъ ножнахъ, оправленныхъ бронзою; на сверткѣ сверху лежала длинная деревянная палка, повидимому, лукъ, плохой сохранности. Покойникъ былъ обвитъ сначала мягкой рогожей, а потомъ уже лубомъ.

Траншея XXXII.

Размѣры: $32 \times 4 \times 1^1/_2$ арш.; въ траншеѣ открыто двадцать погребеній.

Остатки стараго сооруженія.

Въ срединѣ траншеи, на глубинѣ 4 вершковъ, обнаруженъ пластъ битаго кирпича, занимавшій площадь около 2 арш. въ діаметрѣ, и остатки сгнившаго дерева. Кирпичъ современной формы, толщиною въ $1^1/_2$ и шириною въ 3 вершка.

Эти остатки, несомнѣнно, относятся къ одному времени и одному жилью съ выше описанными остатками сооруженія, найденными въ предшествующей траншеѣ.

Погребеніе 187, мужское.

На глубинѣ 1 арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдены сильно позеленѣвшія отъ окиси мѣди ручныя кости (локтевая и лучевая) и фаланги пальцевъ; при нихъ лежали обломокъ втулки желѣзнаго копья, желѣзная пряжка и обломокъ бронзоваго кольца.

Погребеніе 188 женское, дѣтское.

На глубинѣ 1 арш., открытъ костякъ ребенка лѣтъ 5, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; въ головахъ его стояло три глиняныхъ горшка, внутрь одного изъ нихъ былъ вложенъ четвертый миніатюрный горшечекъ; у темени черепа — бронзовая спираль и шумящая бронзовая привѣска; у щекъ — четырнадцать разныхъ формъ и размѣровъ височныхъ колецъ, изъ коихъ на два болѣе крупныхъ напущены бронзовыя спирали; на шеѣ — ожерелье изъ бусъ, бронзовыхъ трапецевидныхъ привѣсокъ и спиралекъ; на груди — бронзовая ажурная грудная бляха; на пальцахъ сложенныхъ на груди рукъ — четыре небольшихъ бронзовыхъ кольца; на поясницѣ — желѣзная пряжка, ножъ и небольшая шумящая бронзовая привѣска; вдоль правой ноги лежалъ боковой ремень, украшенный нѣсколькими бронзовыми обоймами и наконечникомъ; этотъ ремень, сравнительно съ другими, является въ уменьшенномъ видѣ, что указываетъ на спеціальное изготовленіе его для ребенка.

Костякъ былъ обернутъ лубомъ и посыпанъ угольками.

Погребеніе 189.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; близъ черепа найденъ желѣзный ножъ и разстроенныя кости другого покойника. потревоженнаго, очевидо, при закапываніи выше описаннаго 188 погребенія.

Погребеніе 190, дѣтское.

На глубинѣ $1^{1}/_{4}$ арш.— костякъ ребенка, головою на С., съ кистью правой руки на груди; въ головахъ — глиняный горшокъ; на двухъ пальцахъ рукъ — по одному бронзовому маленькому спиральному колечку; въ области поясницы — желѣзная пряжка и желѣзный ножъ; вдоль праваго бедра лежалъ дѣтскій боковой ремень, украшенный только тремя бронзовыми обоймами; въ ногахъ второй желѣзный ножъ и бронзовая спираль; на шеѣ — стеклянная тройчатая бусина и обломки свинцовой гривны. Въ могилѣ замѣчены угольки.

Погребеніе 191, трупосожженіе мужское.

На глубинѣ 2 арш. 2 в., открыты остатки трупосожженія, при нихъ глиняный горшокъ и желѣзный топоръ-кельтъ.

Погребеніе 192, мужское.

На глубинѣ $1^{1}/_{2}$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдены глиняный горшокъ, желѣзные два ножа и топоръ-кельтъ.

Погребеніе 193, мужское.

На той же глубинѣ, въ могильномъ пятнѣ, расположенномъ рядомъ съ погребеніемъ 192 и одинаково оріентированномъ съ С. на Ю., найдены желѣзные топоръ и ножъ.

Погребеніе 194.

На глубинѣ $1^{1}/_{4}$ арш., въ пятнѣ овальной формы и небольшихъ размѣровъ, стоялъ глиняный горшокъ; отъ костяка никакихъ остатковъ не сохранилось.

Погребенія 192, 193 и 194 располагались рядомъ другъ съ другомъ.

Погребеніе 195, дѣтское.

На глубинѣ $1^{3}/_{4}$, въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., — остатки дѣтскаго костяка, лежавшаго головою на С.; на правомъ плечѣ — двѣ бронзовыя пряжки; на шеѣ — одна бусина; на груди — три спиральныхъ колечка, изъ коихъ въ одномъ найдена фаланга дѣтскаго пальца, указывающая, что руки были сложены на груди.

Погребеніе 196.

На глубинѣ 6 вершковъ, въ темномъ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдены серебряная височная лунница, бронзовая спираль и желѣзный ножъ.

Погребеніе 197, трупосожженіе.

На глубинѣ 12 в., въ могильномъ пятнѣ, найдены зубы коровы и обломки глиняной посуды; подъ ними — груда жженыхъ костей.

Погребеніе 198, трупосожженіе мужское.

На глубинѣ 1 арш., въ овальномъ, пятнѣ открыты остатки трупосожженія; въ нихъ найдены желѣзные топоръ, ножъ, огниво и трубочка неопредѣленнаго назначенія.

Погребеніе 199, трупосожженіе.

На той же глубинѣ, — остатки трупосожженія; при нихъ найдена желѣзная привѣска въ видѣ трубочки или лоточка съ концомъ завернутымъ въ кольцо.

Погребеніе 200, трупосожженіе мужское.

На глубинѣ 12 вершковъ, — остатки трупосожженія, при нихъ найдены бронзовая привѣска и желѣзные топоръ-кельтъ, ножъ, пряжка, огниво и три кремня.

Погребеніе 201, женское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., открытъ костякъ женщины, лежавшей на спинѣ, вытянуто, головою на С., съ руками скрещенными на груди; около черепа — четыре большихъ височныхъ кольца; на шеѣ — три бусины и бронзовыя привѣски въ видѣ колокольчиковъ; на груди — желѣзная пряжка; на одномъ пальцѣ правой руки — бронзовое спиральное кольцо; у локтя правой руки — глиняный горшокъ. Въ могилѣ замѣчены угольки.

Погребеніе 202, женское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ, повидимому, женщины, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С., съ лицомъ повернутымъ налѣво; въ головахъ — кость крупнаго животнаго (коровы или лошади); у лѣваго виска — серебряная височная лунница; на шеѣ — одна бусина; у праваго плеча — глиняный горшокъ; около черепа слѣва лежалъ черепъ второго, очевидно, потревоженнаго покойника; въ ногахъ оказались сложенными длинныя кости потревоженнаго покойника.

Погребеніе 203.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдены, въ сѣверной части, — глиняный горшокъ, два обрывка бронзовой цѣпочки и обломокъ бронзоваго колечка.

Погребеніе 204.

На глубинѣ 2 арш., въ пятнѣ, оріентированномъ С. на Ю., найдены, въ сѣверной части, бронзовыя спирали, бронзовая шумящая привѣска; въ срединѣ — желѣзная пряжка; въ южной части — глиняный горшокъ, стоявшій кверху дномъ; въ могилѣ замѣчены остатки луба.

Погребеніе 205.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ З. на В., найдена, въ западной части, нижняя челюсть покойника; около нея — глиняное пряслице; въ области поясницы — желѣзная пряжка и гвоздевидный предметъ (шило?).

Погребеніе 206, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., лежалъ костякъ на спинѣ, вытянуто, головою на С.; на поясницѣ его найдены желѣзные кольцо, пряжка и ножъ; у колѣна правой ноги — желѣзный топоръ; у ступни правой ноги — наконечникъ желѣзнаго копья.

Траншея XXXIV.

Размѣры: $32 \times 4 \times 1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ открыто шесть погребеній.

Погребеніе 207, женское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — потревоженный женскій костякъ; на черепѣ — вѣнокъ, составленный изъ бронзовыхъ спиралекъ и обоймъ, нанизанныхъ на тонкіе ремешки; у щекъ — два бронзовыхъ височныхъ кольца; на шеѣ — ожерелье изъ бусъ; въ области груди — бронзовая пряжка восточно-финскаго типа; на рукахъ — по одному браслету. Черепъ находился далеко отъ прочихъ костей. Покойникъ, повидимому, лежалъ головою на С. Сохранились волосы темнаго цвѣта.

Погребеніе 208.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на ЮВВ.; лицомъ налѣво; въ головахъ — глиняный горшокъ; на лѣвомъ плечѣ — бронзовая пряжка; на лѣвой рукѣ — бронзовый браслетъ; въ области поясницы — желѣзные ножъ, пряжка и бронзовое кольцо.

Погребеніе 209.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., остатки костяка, оріентированнаго головою на З.; въ области поясницы найдены желѣзные ножъ, обломки желобчатаго предмета, огниво и три кремня; въ области ногъ — желѣзныя удила.

Погребеніе 210.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; на лбу черепа — очковидная бронзовая привѣска; на груди — двѣ трапецевидныя бронзовыя привѣски.

Погребеніе 211, трупосожженіе.

На глубинѣ 14 вершк., открыты остатки трупосожженія, при нихъ — два желѣзныхъ ножа.

Непосредственно подъ остатками трупосожженія оказался черепъ безъ всякихъ слѣдовъ вліянія на него огня и, повидимому, принадлежавшій къ другому, потревоженному погребенію.

Погребеніе 212.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ на спинѣ, лежавшій вытянуто, головою на ЮЮВ.; у черепа — два бронзовыхъ височныхъ кольца; въ области поясницы — желѣзная пряжка.

Траншея XXXV.

Размѣры: 32×4×$1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ открыто тринадцать погребеній.

Погребеніе 213, женское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С., съ кистью правой руки на груди; въ головахъ его стоялъ горшокъ; на головѣ лежали два жгута, составленныхъ изъ тонкихъ волосяныхъ шнурковъ, обвитыхъ сыромятными ремнями и бронзовыми спиралями; у висковъ — по четыре бронзовыхъ височныхъ кольца и одинъ бронзовый колокольчикъ; на шеѣ — ожерелье изъ разноцвѣтныхъ бусъ и бронзовыхъ подвѣсокъ; на груди — желѣзная пряжка и почти рядомъ распавшаяся на куски свинцовая бляшка; на правой рукѣ — бронзовыя спиральное и простое кольца; на тазу — двѣ желѣзныя пряжки, шило, ножъ въ кожанныхъ ножнахъ, украшенныхъ широкою бронзовою обоймою; вдоль правой ноги — остатки бокового ремня, украшеннаго бронзовыми обоймами и наконечникомъ, снизу подложеннымъ желѣзною пластинкою.

Погребеніе 214.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, найдены длинныя кости человѣка, лежавшія безъ порядка; при нихъ — глиняный горшокъ; подъ горшкомъ — желѣзная привѣска.

Погребеніе 215, мужское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — костякъ, головою на ССВ., въ головахъ — горшокъ и кость крупнаго животнаго; на поясницѣ — бронзовая спираль, желѣзный топоръ съ обухомъ въ видѣ молоточка и огниво съ приставшимъ кремнемъ.

Погребеніе 216, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ вытянуто, головою на С.; въ области поясницы — желѣзные пряжка, ножъ съ остатками деревянной рукоятки, огниво, топоръ-кельтъ и съ ними кремень; кромѣ того, найденъ одинъ сломанный желѣзный пластинчатый браслетъ и бронзовое спиральное кольцо.

Погребеніе 217, женское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на ССЗ.; въ головахъ — глиняный горшокъ, съ орнаментомъ изъ простыхъ черточекъ по обрѣзу края; на головѣ — вѣнокъ, составленный изъ серебряныхъ обоймъ, цилиндрическихъ пронизей, расположенныхъ по четыре въ рядъ, наконечника, ремня и бронзовой пряжки, узкій головной ремень, составленный изъ бронзовыхъ спиралей, расположенныхъ по двѣ въ рядъ, обоймъ и одной пряжки; вокругъ головы лежали семь серебряныхъ крестообразныхъ фибулъ, служившихъ, несомнѣнно. украшеніемъ головного убора; при этомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что всѣ фибулы оказались безъ булавокъ; изъ нихъ пять даже

не имѣли ни ушковъ, ни лапокъ для булавокъ; послѣднее явленіе указываетъ, что эти фибулы сработаны, по привознымъ образцамъ, назначеніе которыхъ было не понято, и служили вмѣсто бляхъ; отсюда необходимъ выводъ, что форма крестообразныхъ фибулъ, какъ случайная въ изучаемой культурѣ, должна появиться подъ наиболѣе сильнымъ вліяніемъ внѣшней культуры, вырабатывавшей эту форму фибулъ; извѣстно, что крестообразныя фибулы вырабатывались въ Ю. Россіи, гдѣ онѣ просуществовали по крайней мѣрѣ до первой половины VII вѣка; поэтому, необходимо полагать, что и муромскія фибулы никакъ не позже VII вѣка; на ряду съ фибулами, у черепа найдены двѣ раковины каури и два бронзовыхъ колокольчика бутылочной формы; на шеѣ —ожерелье изъ бусъ и пирамидальныхъ колокольчиковъ; у висковъ — по одному массивному серебряному височному кольцу; на правомъ плечѣ — большая серебряная пряжка восточно-финскаго типа и на лѣвомъ плечѣ — того же типа бронзовая пряжка; на рукахъ — четыре бронзовыхъ браслета и три бронзовыхъ кольца, изъ коихъ одно спиральное и два, въ видѣ попарно спаянныхъ кольца; на поясницѣ — ремень, украшенный серебряною пряжкою готскаго стиля, серебряными разнообразно орнаментованными бляшками и серебрянымъ наконечникомъ; отъ поясного ремня внизъ спускался ремень, покрытый четырьмя бляшками, формою похожими на пуговицы; вдоль правой ноги спускался боковой ремень, украшенный бронзовымъ наконечникомъ, около котораго находились двѣ бронзовыхъ пряжки; на груди и у лѣваго бока (близъ таза) — остатки какъ бы кольчужной ткани, обозначенной множествомъ распавшихся на крупинки бронзовыхъ колечекъ и кое-гдѣ сохранившимися слѣдами ткани.

Покойница была завернута въ лубъ.

Погребеніе 218, мужское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., — остатки костяка, оріентированнаго головою на ССЗ; лежавшаго вытянуто, на спинѣ; въ головахъ его — глиняный горшокъ; слѣва отъ головы — деревянный предметъ съ бронзовыми бляшками, на правомъ плечѣ — серебряная большая пряжка восточно-финскаго типа; на правой рукѣ — бронзовый браслетъ и спиральное кольцо; въ области поясницы — бронзовый пинцетъ съ вложеннымъ въ него деревяннымъ клиномъ, предназначавшимся, очевидно, для того, чтобы не дать пинцету сжаться и потерять упругость; два желѣзныхъ ножа, два гвоздя, огниво и кремень; правѣе черепа — желѣзныя копье и острога или дротикъ; у лѣваго локтя — желѣзное стремя; у лѣваго бедра — желѣзныя удила и остатки ременной узды съ серебрянымъ наборомъ, кусокъ діагональной шерстяной толстой ткани, сверху обложенной бронзовыми спиральками въ видѣ геометрическихъ фигуръ.

Повсюду, въ соприкосновеніи съ бронзовыми и желѣзными вещами, замѣтны были остатки луба.

Погребеніе 219.

На глубинѣ $2^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ ССЗ.на ЮЮВ., найденъ глиняный горшокъ; никакихъ другихъ остатковъ не оказалось.

Погребеніе 220, женское, рис. 60.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., въ стѣнѣ траншеи, замѣченъ и открытъ костякъ женщины, лежавшей на спинѣ, вытянуто, головою на В., съ руками сложенными на груди; на головѣ — вѣнокъ, составленный изъ серебряныхъ цилиндрическихъ пронизей и обоймъ, — узкій ремень, составленный изъ бронзовыхъ спиралей, обоймъ, пряжки и серебрянаго наконечника; по темени, вокругъ черепа, — восемь бронзовыхъ крестообразныхъ фибулъ безъ иглъ и застежекъ (лапокъ); на ряду съ ними лежали раковины каури, большинство ихъ, однако, разложилось; на затылкѣ оказалось три бронзовыхъ колокольчика бутылочной формы; у висковъ — по одному серебряному височному кольцу; отъ головы на лѣвое плечо и грудь спускалась лента, составленная изъ спиралекъ и обоймъ; на рукахъ — по одному спиральному браслету съ расширяющимися передними концами; въ области поясницы — желѣзный ножъ съ слѣдами деревянной рукоятки, поясной ремень, украшенный серебряными бляшками и наконечниками, желѣзное огниво, два кремня и куски неопредѣленныхъ желѣзныхъ предметовъ; выше пояса, на животѣ — большая пятипальчатая готская фибула съ желѣзной иглой и пріемникомъ.

Вокругъ костяка замѣчены остатки луба.

Рис. 60.

Погребеніе 221, дѣтское.

На глубинѣ 2 арш., въ могильномъ пятнѣ, найдены сначала кость крупнаго животнаго (коровы или лошади), потомъ — глиняный горшокъ, поставленный кверху дномъ и около него — дѣтскіе зубы и одинъ бронзовый колокольчикъ.

Погребеніе 222.

На глубинѣ $2^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, найденъ глиняный горшокъ.

Погребеніе 223.

На глубинѣ $2^1/_4$ арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на ССЗ; въ головахъ его стоялъ глиняный горшокъ.

Погребеніе 224.

На глубинѣ $2^1/_4$ арш., въ сѣверномъ концѣ могильнаго пятна, оріентированнаго съ С. на Ю., найдена бронзовая привѣска; въ срединѣ — круглая ажурная пряжка съ шумящими подвѣсками, шумящая привѣска и глиняный горшечекъ.

Погребеніе 225, мужское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на В.; костякъ лежалъ рядомъ съ костякомъ погребенія 220, но въ отдѣльномъ могильномъ пятнѣ; на груди его, у праваго плеча, — серебряная большая пряжка восточно-финскаго типа; у лѣваго плеча — большая желѣзная пряжка; у лѣвой щеки — топоръ-кельтъ, воткнутый въ землю лезвіемъ внизъ; на правой рукѣ — бронзовый браслетъ. Замѣчены остатки луба.

Траншея XXXVI.

Размѣры: $32 \times 4 \times 1^1/_2$ арш.; въ траншеѣ открыто шестнадцать погребеній, изъ коихъ одно конское.

Погребеніе 226, трупосожженіе.

На глубинѣ 6 вершковъ, — груда жженыхъ костей человѣка, среди которыхъ найденъ желѣзный ножъ.

Погребеніе 227.

На глубинѣ 8 вершк., въ могильномъ пятнѣ найдены глиняный горшокъ и обломокъ другого горшка меньшихъ размѣровъ.

Погребеніе 228.

На глубинѣ 10 вершковъ, въ могильномъ пятнѣ, найденъ обломокъ человѣческаго черепа и около него обрывки ремня съ бронзовыми кнопками. Погребеніе, несомнѣнно, потревожено.

Погребеніе 229, женское, дѣтское.

На глубинѣ 12 вершковъ, открыты остатки дѣтскаго костяка, лежавшаго вытянуто, на спинѣ, головою на С.; въ головахъ стояло два горшка и лежало желѣзное шило; вокругъ головы — жгутъ, обернутый бронзовою спиралью, на головѣ — узкій головной ремень, украшенный бронзовыми обоймами; у висковъ — три большихъ и два малыхъ бронзовыхъ височныхъ кольца; на шеѣ — ожерелье изъ бусинъ и бронзовыхъ коническихъ привѣсокъ; подъ однимъ горшкомъ, въ берестѣ — пачка бронзовыхъ трапецевидныхъ привѣсокъ.

Костякъ обернутъ лубомъ.

Погребеніе 230.

На глубинѣ 12 вершковъ, въ могильномъ пятнѣ, найденъ желѣзный ножъ.

Погребеніе 231, дѣтское.

На глубинѣ 1 арш., — костякъ ребенка, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на В.; въ головахъ его — два глиняныхъ горшка; на головѣ — вѣнчикъ, составленный

изъ бронзовыхъ спиралекъ и обоймъ; на рукахъ — по одному бронзовому браслету съ плоскими концами; на рукахъ, сверху, бронзовая фибула, представлявшая грубое подражаніе готскимъ пальчатымъ фибуламъ.

Погребеніе 232, мужское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; въ головахъ — горшокъ; у праваго плеча — желѣзный топоръ; на пальцѣ правой руки, согнутой въ локтѣ, — бронзовое спиральное кольцо; на лѣвой вытянутой рукѣ — второе такое же кольцо; на поясницѣ — желѣзная пряжка, ножъ и бронзовая спиралька; въ ногахъ — желѣзное копье и кости крупнаго животнаго (коровы или лошади).

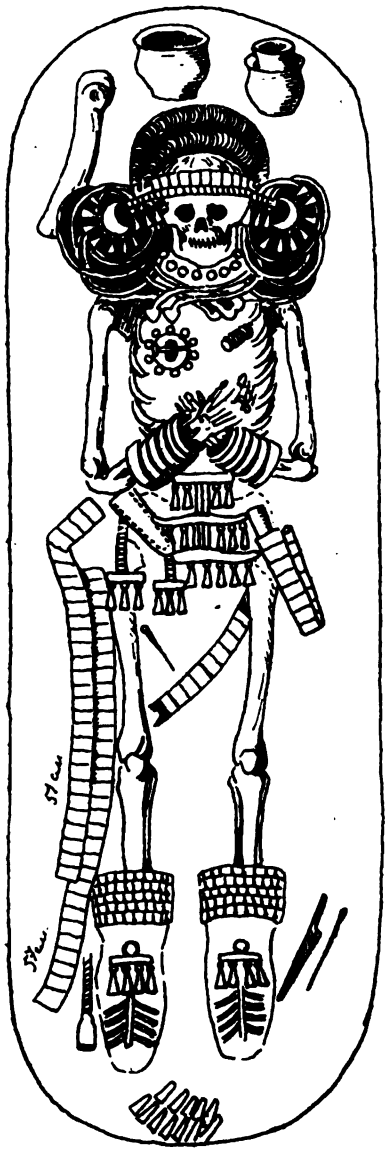

Рис. 61.

Погребеніе 233.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. въ могильномъ пятнѣ, найденъ глиняный горшокъ; другихъ вещей и остатковъ костяка не оказалось.

Погребеніе 234, женское, рис. 61 и 62.

На глубинѣ 2 арш., открытъ костякъ женщины, лежавшей на спинѣ, вытянуто, головою на С.; въ головахъ — три глиняныхъ горшка, изъ которыхъ меньшій былъ вложенъ внутрь большаго; около горшковъ лежала кость крупнаго животнаго; вокругъ головы

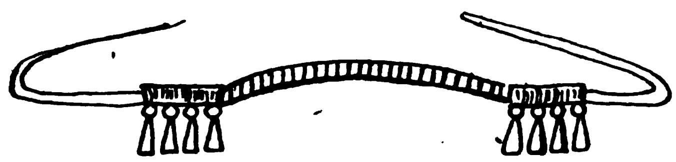

Рис. 62.

находились два жгута, обвитые бронзовою спиралью; на головѣ — два ремня: широкій и узкій, оба украшены бронзовыми обоймами, узкій же ремень, кромѣ того, и шумящими привѣсками (рис. 62), у щекъ — по шести бронзовыхъ большихъ височныхъ колецъ и по одной бронзовой шумящей лунницы, связанныхъ въ пачки ремешками; на шеѣ — ожерелье бусъ и двѣ бронзовыя гривны; на груди ажурная бляха; на рукахъ, скрещенныхъ на груди, — по одному спиральному браслету и по нѣсколько спиральныхъ колецъ; въ области поясницы — желѣзный ножъ въ кожаныхъ ножнахъ, оправленныхъ въ бронзу; двѣ шумящихъ привѣски на ремешкахъ, обернутыхъ бронзовою спиралью; вдоль правой

ноги лежалъ боковой ремень, украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ; ремень сложенъ вдвое; длина его съ наконечникомъ равнялась 127 см.; къ наконечнику онъ у́же, чѣмъ къ противоположному концу. Около бокового ремня — желѣзное шило; на спинѣ, подъ тазовыми костями, лежала спинная привѣска, состоящая изъ трехъ бронзовыхъ шумящихъ коромыслъ и двухъ пронизей, соединенныхъ ремешкомъ; сзади же, отъ верхней головки лѣваго бедра къ правому колѣну, шелъ широкій ремень, съ бронзовыми обоймами; на ногахъ — остатки обуви, украшенной спиралями и шумящими привѣсками, и длинные ремни, обвивающіе плотными рядами ноги выше ступней; у лѣвой ступени лежали желѣзные ножъ и шило; близъ носковъ обуви — сложены въ берестѣ бронзовыя трапецевидныя привѣски въ большомъ количествѣ.

Покойница была обернута лубомъ и посыпана угольками.

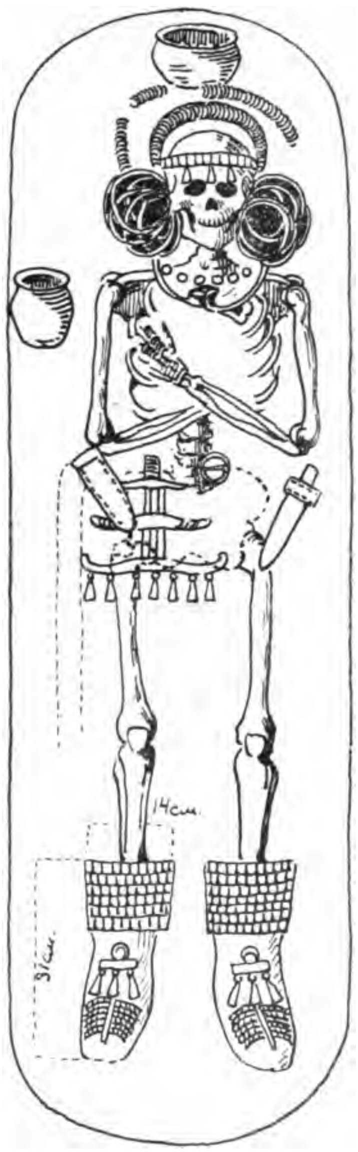

Рис. 63.

Погребеніе 235, женское рис. 63.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш. открытъ костякъ женщины, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; у головы — глиняный горшокъ; вокругъ головы — два жгута, обвитыхъ бронзовою спиралью; на головѣ — узкій ремень, обвитый бронзовою спиралью и украшенный шумящими привѣсками; на шеѣ — бусы и бронзовая гривна; у праваго плеча — второй глиняный горшечекъ; на пальцахъ лѣвой руки — два спиральныхъ кольца; у щекъ восемь (слѣва) и шесть (справа) бронзовыхъ височныхъ колецъ; въ области поясницы — желѣзная пряжка и желѣзный ножъ съ остатками рукоятки, оправленной бронзовою обоймою; подъ тазомъ — спинная привѣска, составленная изъ трехъ коромыслъ и двухъ пронизей, связанныхъ ремешкомъ; два верхнихъ коромысла сдѣланы изъ кости, обвиты бронзовою спиралью, а нижнее коромысло — бронзовое съ шумящими подвѣсками; у головки праваго бедра лежалъ бронзовый наконечникъ бокового ремня, отъ котораго никакихъ остатковъ не сохранилось, повидимому, онъ былъ безъ металлическихъ украшеній и поэтому истлѣлъ; на ступняхъ ногъ остатки обуви, украшенной шумящими привѣсками и спиральками, расположенными въ семь рядовъ, къ видѣ ёлки; выше ступней, ноги обвиты узкими ремнями, украшенными бронзовыми обоймами. Покойница была обернута въ лубъ.

Погребеніе 236.

На глубинѣ 2 арш., въ могильномъ пятнѣ, найденъ горшокъ, бронзовая пряжка восточно-финскаго типа, бронзовое спиральное кольцо и бронзовыя спиральки. Замѣчены, въ видѣ известковистыхъ крупинокъ, остатки костей покойника.

Погребеніе 237.

На глубинѣ 2 арш., въ могильномъ пятнѣ, найдены желѣзныя удила, желѣзный ножъ и бронзовыя спиральки.

Погребеніе 238.

На той же глубинѣ, въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., стоялъ, въ сѣверномъ концѣ, глиняный горшокъ и около него остатки зубовъ человѣка; въ средней части пятна — желѣзный ножъ.

Погребеніе 239, мужское.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдены, въ сѣверномъ концѣ, желѣзные пряжка и неопредѣленный предметъ; въ средней области пятна — желѣзные топоръ и ножъ, а также зубы лошади; въ южной части лежали сложенными въ порядкѣ желѣзное копье съ бронзовымъ кольцомъ на втулкѣ, дротикъ или острога, одно стремя, удила и пряжка, всѣ желѣзные.

Погребеніе 240, трупосожженіе.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ стѣнѣ траншеи, какъ разъ надъ сѣверною частью погребенія 239, оказались остатки трупосожженія; при нихъ куски сплавленнаго желѣза.

Погребеніе коня.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш. — остовъ коня, на лѣвомъ боку съ поджатыми ногами, головою на С.; на немъ никакихъ предметовъ не оказалось.

Траншея XXXVII.

Размѣры: $32 \times 4 \times 1^1/_2$ арш.; въ траншеѣ открыто шестнадцать погребеній.

Погребеніе 241, трупосожженіе женское.

На глубинѣ 12 вершковъ — остатки трупосожженія; при нихъ найдены желѣзный ножъ, бронзовыя спирали отъ головного жгута, обломки бронзовыхъ обоймъ, повидимому, отъ бокового женскаго ремня и сплавы мелкихъ бронзовыхъ вещицъ.

Погребеніе 242, дѣтское трупосожженіе.

На глубинѣ 12 в. — остатки трупосожженія; въ нихъ найдены обломки обугленнаго дѣтскаго черепа и одно дѣтское спиральное колечко, повидимому, не бывшее въ огнѣ.

Погребеніе 243.

На глубинѣ 1 арш., въ могильномъ пятнѣ, глиняный горшокъ и желѣзный ножъ; отъ костяка никакихъ остатковъ не сохранилось.

Погребеніе 244, дѣтское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найдено, въ сѣверномъ концѣ пятна, глиняный горшокъ; около горшка — свинцовая гривна, бронзовая шумящая привѣска, двѣ бронзовыхъ спиральки и желѣзный ножъ.

Погребеніе 245, трупосожженіе.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш. открыты остатки трупосожженія, при нихъ — обломки глиняной посуды.

Погребеніе 246, мужское.

На глубинѣ 1 арш., 3 в., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; въ головахъ — глиняный горшокъ; у пояса желѣзныя пряжки, ножъ съ остатками рукоятки, топоръ, огниво со вложеннымъ въ него кремнемъ, желѣзная обойма и бронзовая спиралька.

Погребеніе 247, женское.

На глубинѣ 2 арш. костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головой на С.; въ головахъ — горшокъ, кость крупнаго животнаго (коровы или лошади) и желѣзное шило; у щекъ — по три бронзовыхъ височныхъ кольца; на пальцѣ правой слегка согнутой руки — спиральное кольцо; на животѣ — желѣзная пряжка, ножъ, шило, желѣзный наконечникъ ремня.

Покойница была обернута лубомъ и посыпана угольками.

Погребеніе 248.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, найдены небольшой глиняный горшечекъ и желѣзный ножъ.

Погребеніе 249, мужское.

На глубинѣ 2 арш. въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ СЗ. на ЮВ., найденъ, въ сѣверной части, желѣзный топоръ-кельтъ.

Погребеніе 250, женское, рис. 64.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. — костякъ женщины, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на ССЗ., съ руками, сложенными на животѣ; въ головахъ сложены въ трехъ группахъ трапецевидныя бронзовыя привѣски, бронзовые браслеты (2) съ напущенными на нихъ по одному спиральному кольцу; на головѣ — тонкій жгутъ, составленный изъ жесткихъ, вѣроятно, конскихъ волосъ, обвитыхъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовою спиралью (одинъ бронзовый плоскій браслетъ и часть этого жгута оказались утерянными по извлеченіи изъ земли) и узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью; у висковъ — по два серебряныхъ височныхъ кольца; на шеѣ — ожерелье изъ разныхъ бусъ, бронзовая гривна и привѣски, въ видѣ большихъ колокольчиковъ съ подвѣшенными къ ихъ краямъ по два маленькихъ колокольчика; на груди — серебряная большая пряжка восточно-финскаго типа; на рукахъ — по одному спиральному бронзовому браслету и по одному спиральному кольцу; въ области поясницы — желѣзные ножъ, шило и пряжка; подъ тазомъ — спинная привѣска, составленная изъ трехъ коромыслъ и шумящей привѣски, связанныхъ ремешкомъ; два верхнихъ коромысла сдѣланы изъ кости и обвиты, по концамъ, бронзовою спиралью, третье коромысло бронзовое съ четырьмя подвѣшенными колокольчиками, бронзовая подвѣска также снабжена колокольчиками; вдоль берцовыхъ костей обѣихъ ногъ, съ наружной стороны, лежало по пяти бронзовыхъ колокольчиковъ, украшавшихъ, очевидно, обувь.

Покойница была обернута лубомъ и посыпана угольками.

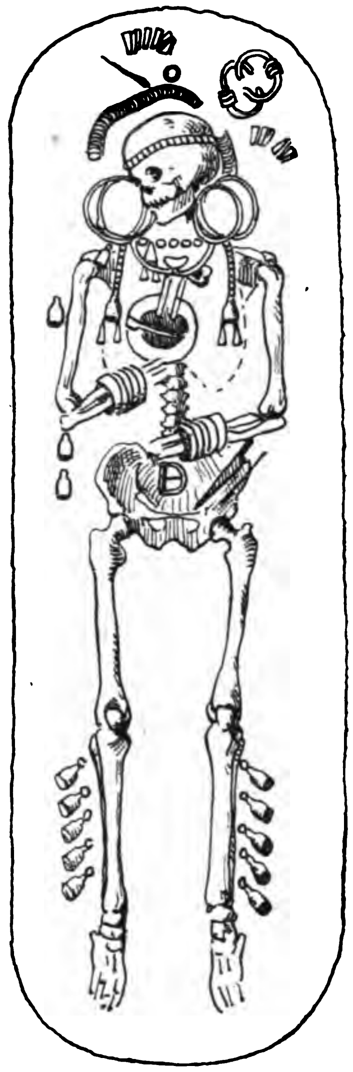

Рис. 64.

Погребеніе 251.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., въ могильномъ пятнѣ, обломки желѣзныхъ предметовъ и одна бронзовая обоймица.

Погребеніе 252, женское.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш., — костякъ женщины, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на ССЗ.; въ головахъ — горшокъ; на головѣ — вѣнокъ, составленный изъ серебряныхъ пронизей и обоймъ, бронзовыхъ спиралей, пряжки и наконечника ремня; все это объединялось широкимъ ремнемъ, разрѣзаннымъ продольно на четыре узкихъ ремешка, пропущенные черезъ пронизи спирали и обоймы и на концѣ

объединенныхъ наконечникомъ; ремень сохранился только отчасти; у висковъ — по два серебряныхъ височныхъ кольца; на шеѣ — бронзовая гривна и раковинки каури; на груди — большая желѣзная и еще большая бронзовая ажурныя пряжки; на рукахъ — по одному спиральному браслету и по одному спиральному кольцу; въ области поясницы — желѣзная пряжка, шило, ножъ и кусокъ перержавѣвшаго желѣза; сзади, на спинѣ, пара лентъ, спускавшихся отъ затылка до таза, составленныя каждая изъ тонкихъ ремней съ напущенными на нихъ бронзовыми спиралями, пронизками и обоймами; на нижнихъ концахъ каждой ленты подвѣшено по два пирамидальныхъ бронзовыхъ колокольчика; ниже лентъ, какъ разъ подъ тазомъ, лежала спинная привѣска, состоявшая изъ одного бронзоваго коромысла съ четырьмя подвѣшенными колокольчиками и одной бронзовой привѣски съ такими же колокольчиками.

Рис. 65.

Въ могилѣ замѣчены лубъ и угольки и остатки мѣха.

Погребеніе 253, женское, рис. 65 и 66.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш. — костякъ очень богато наряженной женщины, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; въ головахъ — два глиняныхъ горшка; вокругъ головы лежали два жгута, обвитыхъ бронзовою спиралью, и два головныхъ ремня, украшенныхъ бронзовыми обоймами и спиралями, а также и двумя шумящими привѣсками, спускавшимися надъ ушами; у лѣваго уха лежалъ костяной гребень съ конскими головками и тутъ же найдена желѣзная пряжка и нѣсколько бронзовыхъ височныхъ колецъ; на шеѣ — ожерелье изъ бусъ и бронзовыхъ привѣсокъ и бронзовая массивная гривна; на груди — мелкія, очковидныя бляшки, одна шумящая привѣска, большая грудная бляха и височная лунница; на рукахъ — спиральныя браслеты и кольца; на животѣ — большая ажурная пряжка съ шумящими привѣсками; такая же бляшка съ головками коньковъ; на спинѣ — двѣ большихъ привѣски и двѣ пронизи, обыкновенно входящихъ въ составъ спинныхъ коромысловыхъ привѣсокъ; у лѣваго бедра — желѣзный ножъ въ ножнахъ, оправленныхъ въ бронзу; вдоль правой ноги, отъ пояса до ступни, лежалъ боковой

Рис. 66.

ремень, покрытый бронзовыми обоймами и наконечникомъ; вся область, отъ пояса до ступней ногъ, болѣе или менѣе равномѣрно покрывалась бронзовыми трапецевидными привѣсками; на ногахъ — обувь, украшенная бронзовыми спиралями и скобами (рис. 66); выше ступней, ноги обвиты ремнями, украшенными бронзовыми обоймами, а съ боковъ — парами шумящихъ бронзовыхъ привѣсковъ; на спинѣ, ниже затылка — большое количество колокольчиковъ и трапецевидныхъ привѣсокъ, между которыми оказалась лунница съ крестообразнымъ придаткомъ внутри; въ области ступней ногъ и лѣвой стороны таза — много разложившихся бронзовыхъ мелкихъ колечекъ, вѣроятно, представлявшія остатки кольчужныхъ тканей; въ ногахъ — желѣзное шило.

Покойница была обернута въ войлокъ и потомъ въ лубъ.

Погребеніе 254, мужское.

На глубинѣ 2 арш. — костякъ, лежавшій вытянуто, головою на С.; въ головахъ два глиняныхъ горшка; въ области поясницы — спиральное бронзовое кольцо, желѣзные ножъ и пряжка; въ ногахъ — желѣзный топоръ.

Погребеніе 255, женское, рис. 67.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; правѣе головы — горшокъ, лежавшій на боку; на головѣ, на темени, — сломавшаяся тонкая серебряная бляха; ниже, на лбу и вокругъ головы, — рядъ легкихъ шумящихъ бронзовыхъ привѣсокъ; на шеѣ — второй рядъ такихъ же привѣсокъ; на правой рукѣ — бронзовый спиральный браслетъ, два кольца; вдоль берцовыхъ костей, съ наружной стороны, лежали бронзовые колокольчики; на ступняхъ ногъ — по одной бронзовой шумящей привѣски; у лѣвой ступни лежали сложенными въ рядъ — спиральное бронзовое кольцо, шиферное прясло и кусокъ румянъ; въ ногахъ стояло пять глиняныхъ горшковъ, поставленныхъ въ рядъ, кромѣ одного, вложеннаго въ большій; на спинѣ — два пирамидальныхъ колокольчика, спускавшихся отъ затылка внизъ на ремешкахъ, обвитыхъ бронзовыми спиралями.

Весь костякъ былъ обернутъ берестою, сохранившеюся повсюду большими кусками.

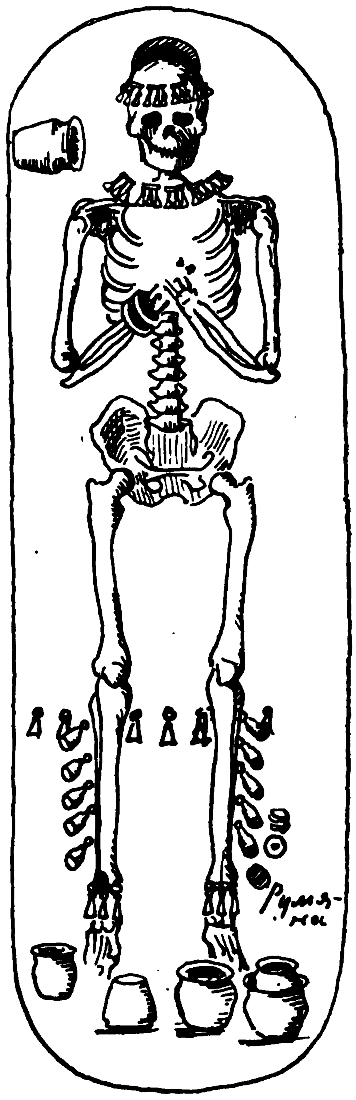

Рис. 67.

Погребеніе 256.

На той же глубинѣ — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на Ю.; у головы — бронзовые колокольчики; на рукахъ — спиральные браслеты.

Траншея XXXVIII.

Размѣры: $16 \times 4 \times 1^1/_4$ арш.; въ траншеѣ открыто пять погребеній, изъ нихъ одно конское.

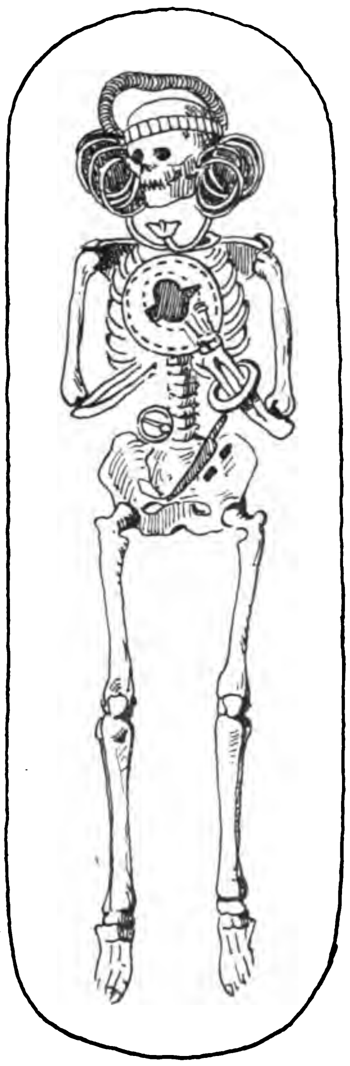
Погребеніе 257.

На глубинѣ 1 арш., въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найденъ глиняный горшокъ.

Погребеніе 258, женское.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на ССЗ.; въ головахъ — горшокъ; на груди — желѣзная пряжка и ножъ; на тазу — желѣзный наконечникъ бокового ремня; у висковъ — три бронзовыхъ височныхъ кольца.

Въ могилѣ замѣчены остатки луба.

Рис. 68.

Погребеніе коня.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., — открытъ остовъ коня, лежавшій на брюхѣ съ поджатыми ногами, головою на С; при немъ никакихъ предметовъ не оказалось.

Погребеніе 259, женское, рис. 68.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на С.; на головѣ — узкій ремень, украшенный бронзовыми обоймами; вокругъ головы лежалъ жгутъ, обвитый бронзовою спиралью; у щекъ — по два серебряныхъ и по нѣсколько бронзовыхъ височныхъ колецъ; на шеѣ — бронзовая гривна и просверленный зубъ лисицы; на груди большая серебряная бляха; на лѣвой рукѣ — плоскій желѣзный браслетъ и спиральное бронзовое кольцо; въ области поясницы — желѣзные пряжка ножъ и обломки неизвѣстныхъ предметовъ съ отпечатками ткани.

Покойница была обернута лубомъ.

Погребеніе 260, женское, рис. 69.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. — костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на ССВ; въ головахъ — глиняный горшокъ; на шеѣ — бѣлыя бусы, коническія привѣски и спиральки; на животѣ — двѣ желѣзныя пряжки и ножъ съ деревянной рукояткой, украшенной бронзовою гайкою, вложенный въ кожаныя ножны, оправленныя въ бронзу; у берцевыхъ костей, съ внѣшнихъ сто-

ронъ, по десяти крупныхъ колокольчиковъ; на правой части таза — бронзовый наконечникъ бокового ремня, а сзади, подъ тазомъ, — спинная привѣска, состоящая изъ верхняго костяного коромысла, на концахъ обвитаго спиралью, нижняго такого же коромысла съ подвѣшенными привѣсками и отдѣльной шумящей привѣски, объединенныхъ ремешкомъ; въ ногахъ найдены трапецевидныя бронзовыя привѣски, бронзовый пинцетъ, раковина каури и кусокъ свинца.

Покойница была обернута лубомъ и посыпана угольками.

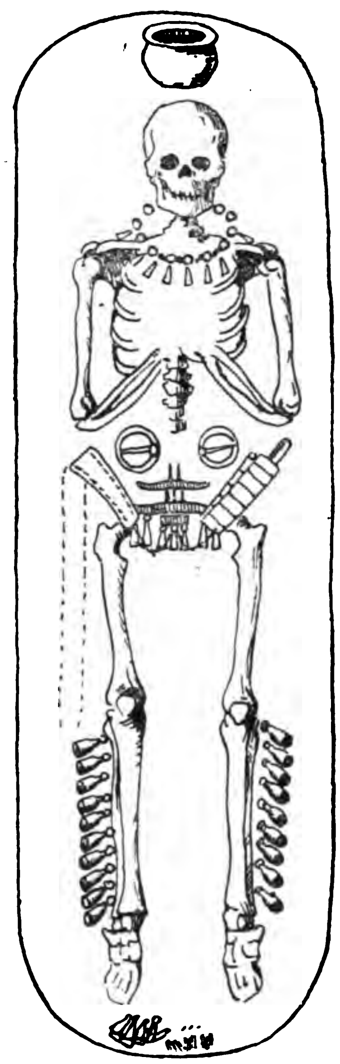

Рис. 69.

ЧАСТЬ III.

Результаты раскопокъ въ окрестностяхъ д. Волосовой.

Изслѣдованіе и раскопки въ окрестностяхъ д. Волосовой производились съ 15 по 19 іюня.

Мѣстность, избранная нами для изслѣдованія и раскопокъ, уже получила въ русской археологической наукѣ классическую извѣстность, рис. 8.

Частое посѣщеніе мѣстности разнаго рода туристами и любителями древности, предъявляющими постоянный спросъ на находки, развило у мѣстныхъ крестьянъ страсть къ кладоискательству.

Въ праздничные дни, обыкновенно, можно видѣть одного-двухъ взрослыхъ кладоискателей, вооруженныхъ лопатою, прилежно раскапывающихъ ту или другую мѣстность.

Иногда ихъ сопровождаютъ дѣти, разсыпающіяся по обнаженнымъ мѣстамъ обширной дюны и отыскивающія разнаго рода кремни и др. предметы, относящіеся иногда къ глубокой древности.

Цѣлью предпринятыхъ нами раскопокъ было желаніе поближе познакомиться съ условіями отложенія въ почвѣ какъ многочисленныхъ остатковъ неолитической стоянки, такъ и погребеній. Пользуясь ограниченнымъ временемъ, мы по необходимости должны были придать своимъ раскопкамъ характеръ рекогносцировки, ведя ихъ небольшими разбросанными траншеями, рис. 2.

Траншея I.

Размѣры траншеи: $20 \times 3 \times 1^1/_2$ арш.; въ траншеѣ открыта и обслѣдована яма, повидимому, жилой землянки неолитической эпохи.

Траншея заложена на низкомъ холмѣ, С, рис. 8, на которомъ ранѣе производились раскопки гр. А. С. Уваровымъ и г. Кудрявцевымъ и открыта была неолитичекая стоянка;

на этомъ же холмѣ, въ послѣднее время, сосредоточилась особенная кладоискательская дѣятельность. Холмъ почти ежегодно заливается весенними разливами р. Оки, заравнивающими рытвины какъ кладоискателей, такъ и изслѣдователей, вслѣдствіе чего является уже затруднительнымъ напасть на цѣлое непотревоженное мѣсто. Послѣ тщательнаго осмотра мѣстности, мы избрали для траншеи скатъ холма, обращенный къ д. Волосовой.

Раскопка ведена послойно до свѣтлосѣраго материковаго песка. Земля на одномъ участкѣ пропускалась черезъ грохотъ.

1-й слой. Въ слоѣ найдены мелкіе обломочки глиняной посуды неолитической эпохи, осколки кремня, желѣзная скобочка и небольшой желѣзный, такъ называемый машинный гвоздь; всѣ эти предметы, повидимому, отложились въ наносѣ почвы въ самые послѣдніе года.

2-й слой. Почва болѣе темная слегка углистая. Въ слоѣ найдены остатки, принадлежащіе неолитической эпохѣ, а именно: значительное количество обломковъ грубой, почти необожженной глиняной посуды, всегда покрытыхъ разнообразными украшеніями то въ видѣ точечныхъ и ямочныхъ, то въ видѣ зубчатыхъ, ромбическихъ и другихъ вдавленій; большое число кремневыхъ осколковъ, указывавшихъ на мѣстное производство кремневыхъ орудій; раковины, кости животныхъ и рыбъ, цѣлые и обломки кремневыхъ орудій; но на ряду съ этими предметами встрѣчены обломки посуды съ сѣтчатымъ орнаментомъ, указывавшіе на смѣшеніе культуръ разныхъ эпохъ. Это смѣшеніе легко объяснялось кладоискательскими неглубокими, но почти сплошными ямами, ежегодно заглаживаемыми весенними разливами воды.

3-й слой. Остатки совершенно одинаковые съ остатками предшествующаго слоя, но въ меньшемъ количествѣ. Благодаря влажности почвы, кости и раковины сильно разложились и, при выниманіи ихъ изъ почвы, распадались на мелкіе куски.

4-й слой. Кремни попадаются въ большомъ количествѣ; обломки глиняной посуды настолько мягки, что легко рѣжутся лопатой; костей и раковинъ почти нѣтъ.

5-й слой. Почва черная углистая, влажная. Встрѣчаются только кремни и обломки глиняной посуды. Найдено нѣсколько кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ, кремневыхъ проколокъ, кремневыхъ болѣе или менѣе тщательно оббитыхъ орудій, скребковъ и одинъ кремень, представляющій птичью головку, отбитую съ шеей и частью груди.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш. культурный слой кончился и находки сразу прекратились; подъ культурнымъ слоемъ залегаютъ свѣтлосѣрые пески. Съ этой глубины рѣзко обозначились 2 ямы, повидимому, жилыхъ землянокъ. Слой, выполнявшій эти ямы, имѣетъ интенсивно черную окраску. Обѣ ямы обнажены были траншеей лишь слегка. Нами рѣшено было отчистить одну землянку совершенно, другая же, за неимѣніемъ времени, осталась нетронутою.

По отрывкѣ траншеи, у насъ получилось довольно значительное количество раковинъ и костей животныхъ, извлеченныхъ изъ культурнаго слоя. Въ составъ этого матеріала входили:

1. Unio.
2. Paludina vivipara,
3. Planorbis corneus,
4. Planorbis leucostoma,
5. Dreissena polymorpha (1 экз. плохой сохранности),

Кости рыбъ принадлежали только мелкимъ видамъ, которые остались не опредѣленными.

Изъ костей животныхъ и птицъ легко опредѣлились кости:

1. Медвѣдя, Ursus arctos L.,
2. Лося, Cervus alces L.,
3. Дикаго кабана, sus scrofa L.,
4. Бобра, Castor fiber L.,
5. Зайца, Lepus timidus L.,
6. Домашней собаки, Canis familiaris,
7. Одного небольшого плотояднаго, м. б. куницы,
8. Утки, Anas sp.,
9. Гуся, Anser ferus.

Преобладали кости медвѣдей и лосей, а изъ раковинъ — Unio, видъ которой, за ветхостью ея, не могъ быть опредѣленъ; другія раковины встрѣчались рѣже и, повидимому, въ культурныхъ наслоеніяхъ представляютъ явленія случайныя, обязанныя своимъ происхожденіемъ весеннимъ разливамъ р. Оки.

Землянка № 1.

Рѣшивъ очистить всю землянку, мы расширили конецъ траншеи, въ которомъ былъ обнаруженъ одинъ край ея, придавъ расширенію видъ полнаго круга діаметромъ около 8 аршинъ.

По очисткѣ всего дна землянки, выяснилось, что діаметръ ея не превышалъ 7 аршинъ и что форма ея не была кругла, напоминая скорѣе нѣсколько вытянутый овалъ. При очисткѣ землянки, главнымъ образомъ, въ самомъ нижнемъ слоѣ, найдены кремневый наконечникъ стрѣлы, четыре кремневыхъ проколки, изъ которыхъ одна имѣетъ два острія и одна съ отломаннымъ остріемъ; семнадцать обломковъ кремневыхъ орудій разнаго вида, семь скребковъ, два обломка шиферныхъ привѣсокъ, обломокъ костяного орудія и значительное количество осколковъ кремня. Рѣже попадались обломки глиняной посуды и почти совсѣмъ отсутствовали кости животныхъ, уничтоженныхъ благодаря пористости и влажности почвы.

Глубина землянки отъ поверхности культунаго слоя равнялась $2^1/_4$ аршинамъ.

Траншея II.

Размѣры $10 \times 5 \times 2^1/_2$ арш. Траншея заложена на высокомъ дюнномъ холмѣ, В, рис. 8, расположенномъ сѣвернѣе мѣста неолитической стоянки. Поводомъ къ заложенію здѣсь траншеи послужило свѣдѣніе, что весною 1910 года, изъ крутого обрыва холма, обращеннаго къ р. Велетьмѣ, было вѣтромъ выдуто два человѣческихъ черепа и при нихъ одно мѣдное копье. Два бронзовыхъ кельта, будто бы выдутыхъ изъ песковъ этого же холма ранѣе, были доставлены гр. П. С. Уваровой. Все это заставляло обратить особенное вниманіе на холмъ и произвести здѣсь раскопки.

Въ траншеѣ прорѣзаны слѣдующіе слои:

1. Верхій наносный дюнный песокъ, 12 в.
2. Культурный золисто-темный слой, 3—4 в.
3. Желтоватый разсыпчатый дюнный песокъ около 1 аршина.

Въ верхнемъ наносномъ пескѣ никакихъ остатковъ древности не было найдено. Въ среднемъ культурномъ слоѣ отысканы обломки посуды болѣе поздняго времени съ сѣтчатымъ узоромъ и болѣе древніе предметы, вѣроятно, неолитической эпохи; таковы: кремневый скребокъ, наконечникъ кремневаго копья съ отломаннымъ остріемъ, обломокъ другого кремневаго скребка и нѣсколько обломковъ глиняной посуды, одинаковой съ той, которая была найдена среди типичной неолитической культуры.

Въ нижнемъ слоѣ никакихъ культурныхъ остатковъ не встрѣчено, но зато было открыто одно древнее погребеніе.

Погребеніе 1.

На глубинѣ $1^3/_4$ арш. отъ современной поверхности почвы и на глубинѣ 1 арш. отъ поверхности золисто-темнаго культурнаго слоя, открытъ костякъ взрослаго человѣка, лежавшаго на спинѣ, вытянуто, головою на СЗ.; кисть правой руки на животѣ; костякъ лежалъ какъ бы слегка повернутымъ на лѣвый бокъ; около него замѣчены угольки, но никакихъ другихъ вещей не оказалось.

Траншея III.

Размѣры траншеи $12 \times 5 \times 2^1/_2$ арш. Эта траншея заложена на холмѣ, А, рис. 8, на которомъ ранѣе гр. А. С. Уваровъ открылъ погребеніе со скорченными костяками и каменными орудіями.

При разрѣзѣ почвы, на глубинѣ 12 вершк., подъ песчанымъ наносомъ, найденъ золисто-темный культурный слой, толщиною около 4 вершк.; въ этомъ слоѣ отысканы пять кремневыхъ скребковъ, два обломка кремневыхъ орудій, костяное кольцо, очень примитивной формы, иногда встрѣчающейся при скорченныхъ костякахъ южнорусскихъ кургановъ, обломокъ точильнаго камня и обломки глиняной посуды древнихъ типовъ. Ниже, въ желтовато-блѣдныхъ пескахъ открыто одно погребеніе.

Погребеніе 2, рис. 70.

На глубинѣ 1 арш., выяснено обширное темно-золистое пятно могильной ямы, въ которомъ были найдены два кремневыхъ скребка и обломокъ кремневого полированнаго орудія. На глубинѣ $2^1/_2$ арш. отъ поверхности современной почвы и на $1^1/_2$ арш. ниже культурнаго слоя, обнаруженъ костякъ, лежавшій въ сильно скорченномъ положеніи; съ колѣнами ногъ, упавшими влѣво, и черепомъ, лежавшимъ на тазу; все положеніе костей какъ бы указывало на погребеніе покойника въ сидячемъ положеніи, съ лицомъ, обращеннымъ на западъ, головою же на В. Близъ таза и упавшей на него головы стоялъ небольшой глиняный горшечекъ простой баночной формы съ орнаментомъ изъ угловыхъ чеканныхъ элементовъ, расположенныхъ въ одну линію ниже вѣнчика (обрѣза) сосуда. Тутъ же лежали песчаниковый брусокъ и два наконечника кремневыхъ стрѣлъ; внутри горшечка отыскался острый кремневый осколокъ.

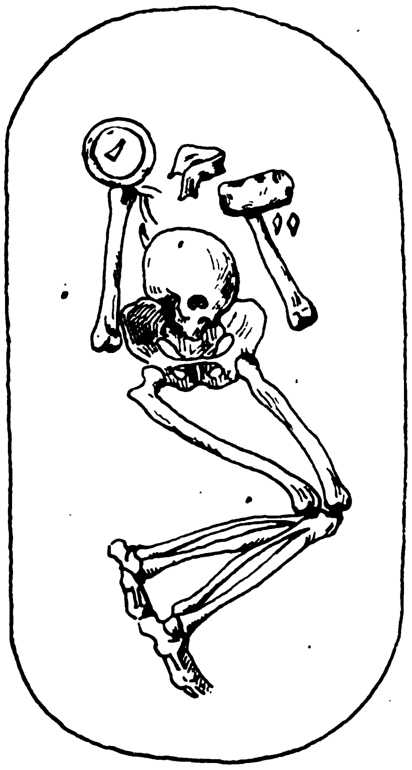

Рис. 70.

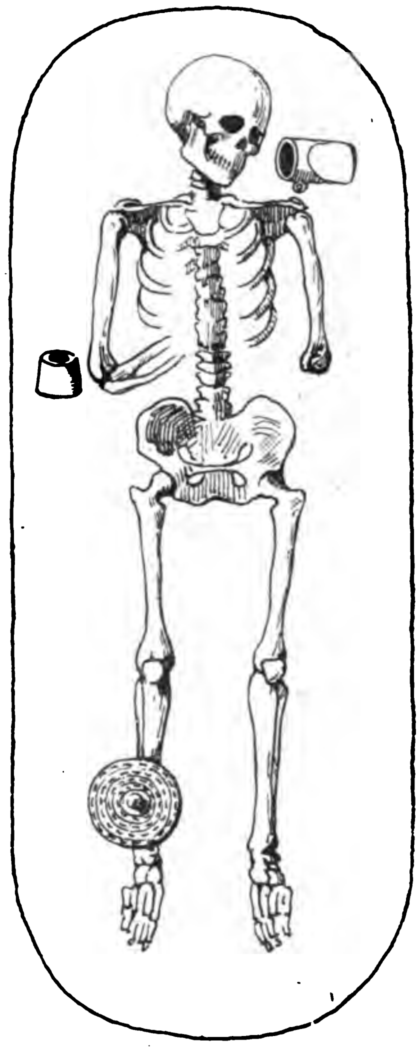

Рис. 71.

Траншея IV.

Размѣры 16×4×2 арш. Траншея заложена на холмѣ, В, рис. 8, и служила какъ бы продолженіемъ траншеи II.

1. Въ траншеѣ найдено много обломковъ глиняной посуды съ сѣтчатымъ орнаментомъ и одинъ осколокъ кремня. Въ нижнемъ слоѣ песковъ открыто три погребенія.

Погребеніе 3, рис. 71.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш. отъ современной почвы и на глубинѣ 12 вершк. ниже культурнаго слоя, открыты остатки почти совсѣмъ истлѣвшаго костяка, лежавшаго, повидимому, вытянуто головою на В.; у черепа

его лежалъ бронзовый кельтъ; у праваго локтя — каменная булава, на берцовыхъ костяхъ правой ноги — бронзовый умбонъ, подъ нимъ остатки дерева, вѣроятно, щита. Въ могилѣ замѣчалось много угольковъ.

Погребеніе 4.

На глубинѣ 2 арш. отъ современной поверхности и на глубинѣ $1^1/_4$ арш. отъ поверхности культурнаго слоя, открытъ костякъ очень плохой сохранности, лежавшій головою на В.; при немъ найдено много обломковъ посуды съ однообразнымъ сѣтчатымъ узоромъ.

Погребеніе 5.

На глубинѣ 2 арш. отъ современной поверхности и на глубинѣ 1 аршинъ 6 вершковъ отъ поверхности культурнаго слоя, открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на СВ.; при немъ, у головы — одинъ, у лѣваго бедра — другой осколокъ кремня; въ ямѣ и около костяка лежало много обломковъ, повидимому, отъ одного глинянаго сосуда съ сѣтчатымъ орнаментомъ.

Траншея V.

Размѣры $32 \times 5 \times 2^1/_4$ арш. Траншея проведена на холмѣ В, рис. 8, параллельно траншеямъ II и IV. Въ траншеѣ открыто четыре погребенія.

При разрѣзѣ траншеи пройдены:

1. Поверхностный слой песка отъ 8 до 12 вершк.
2. Культурный слой 2—3 вершка.
3. Ниже шелъ желтовато блѣдный песокъ.

Въ культурномъ слоѣ найдены сѣтчатые обломки глиняной посуды, два осколочка кремня; обломки посуды удивительно однообразны и многочисленны.

Погребеніе 6.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. отъ поверхности культурнаго слоя, въ слабо замѣтномъ темноватомъ пятнѣ, найдены часть черепа и шейный позвонокъ человѣка; близъ нихъ замѣчались угольки.

Погребеніе 7.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. отъ поверхности культурнаго слоя, въ слабо замѣтномъ могильномъ пятнѣ, найдены зубы и кусочки обгнившей нижней челюсти человѣка, много обломковъ глиняной посуды съ сѣтчатымъ орнаментомъ и два обломка, повидимому, одного полированнаго долота, сдѣланнаго изъ кремнистаго свѣтло-желтаго известняка.

Погребеніе 8.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. отъ поверхности культурнаго слоя, въ едва замѣтномъ могильномъ пятнѣ, найденъ сильно обгнившій черепъ и другіе остатки костяка,

лежавшаго вытянуто, головою на В. Въ почвѣ, выполнившей яму, найдено много обломковъ глиняной посуды съ сѣтчатымъ узоромъ.

Погребеніе 9, рис. 72.

На глубинѣ $1^1/_2$ арш., открытъ костякъ, лежавшій на спинѣ, вытянуто, головою на ЮЮВ.; у праваго плеча его найденъ бронзовый кельтъ съ остатками деревянной рукоятки; у праваго локтя — круглая бронзовая бляха; подъ нею желѣзный стержень и остатки ткани; на груди — кусокъ ржаваго желѣза, по формѣ

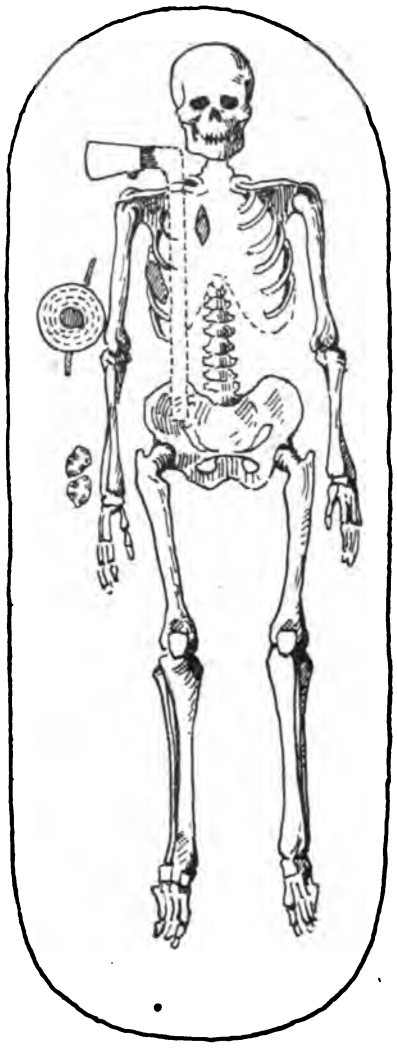

Рис. 72.

напоминающій клинки ножа; около таза — два кремня; на костякѣ и выше въ почвѣ, выполнившей яму погребенія, найдено много обломковъ глиняной посуды съ сѣтчатымъ узоромъ. Костякъ лежалъ въ глинистомъ слоѣ, толщиною въ 1 см., принесенномъ, повидимому, извнѣ.

Яма № 1.

Подъ культурнымъ слоемъ замѣчено пятно овальной формы около 2 аршинъ въ діаметрѣ, углубляющееся въ видѣ котла. Дно ямы покрывалось болѣе темнымъ углистымъ слоемъ, въ которомъ найдены два кремня и обломки посуды съ точечнымъ орнаментомъ.

Случайная находка.

Въ котловинѣ выдуванія, сѣвернѣе второго холма, найденъ глиняный круглодонный горшечекъ, покрытый чеканнымъ орнаментомъ, рис. 9. Этотъ замѣчательный горшечекъ по устройству днища ближе всего подходитъ къ сосудамъ Фатьяновскаго могильника, а по орнаменту похожъ на сосуды, сопровождающіе скорченные костяки южно-русскихъ кургановъ.

Найденный нами сосудикъ былъ обнаженъ вѣтромъ только въ самой верхней части. По расчисткѣ почвы вокругъ него, выяснилось темное пятно могильнаго характера, въ которомъ, однако, никакихъ остатковъ костяка и никакихъ другихъ предметовъ не оказалось[1]).

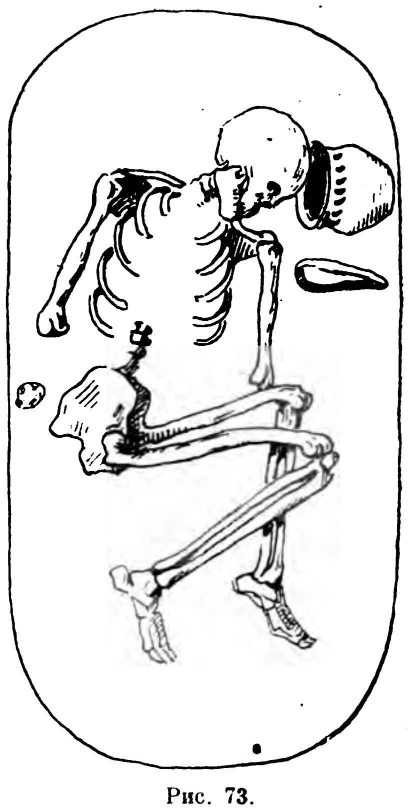

Рис. 73.

Траншея VI.

Размѣры: $12 \times 5 \times 2^1/_2$ арш.; траншея заложена на холмѣ, А, рис. 8, въ линіи съ траншеей III; открыто одно погребеніе.

---

[1]) Мѣсто находки горшечка въ планѣ обозначено звѣздочкой, см. рис. 8. Авторъ.

Погребеніе 10, рис. 73.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш., ниже культурнаго слоя, въ рѣзко выраженномъ могильномъ пятнѣ, найденъ костякъ, лежавшій скорченно на лѣвомъ боку, головою на ССВ.; предъ лицомъ его лежалъ на боку глиняный горшокъ; у лѣваго плеча находилось крупное кремневое оббитое орудіе; за спиною, у локтя правой руки найденъ кремневый осколокъ; въ почвѣ, выполнившей яму погребенія, — нѣсколько осколковъ кремня.

Траншея VII.

Размѣры: $20 \times 4 \times 2^1/_4$ арш.; траншея заложена на холмѣ, А, рис. 8, въ линіи траншей III и VI.

Погребеніе 11.

На глубинѣ $1^1/_4$ арш. ниже культурнаго слоя найдены остатки человѣческаго черепа и двухъ длинныхъ костей конечностей; при нихъ никакихъ вещей не оказалось; въ почвѣ, выполнившей яму, замѣчены угольки.

Траншея VIII.

Размѣры: $20 \times 3 \times 1^1/_4$ арш.; траншея заложена на холмѣ, А, рис. 8, въ линіи траншей III, VI, VII.

Въ траншеѣ разрѣзаны:

1. Поверхностный слой песка, 8 вершковъ;
2. Культурный пепелисто-темный слой, 2—3 вершка;
3. Желтовато-свѣтлые пески, 10 вершковъ; они же идутъ и ниже.

Въ культурномъ слоѣ найденъ одинъ кремневый скребокъ и нѣсколько обломочковъ глиняной посуды неолитическаго типа.

Траншея IX.

Размѣры: $8 \times 4 \times 2$ арш.; траншея заложена на холмѣ, В, рис. 8, въ ней открыто одно погребеніе.

Погребеніе 12.

На глубинѣ 1 арш., ниже культурнаго слоя, найденъ сильно обгнившій черепъ съ окисью бронзы, каковой, однако налицо не оказалось и вообще никакихъ вещей въ погребеніи не найдено.

Траншея X.

Размѣры: 12×4×2 арш.; траншея заложена на холмѣ В, рис. 8; въ ней открыто одно погребеніе.

Погребеніе 13, дѣтское.

На глубинѣ 1 арш., ниже культурнаго слоя, въ могильномъ пятнѣ, оріентированномъ съ С. на Ю., найденъ въ сѣверномъ концѣ пятна, черепъ ребенка лѣтъ 12 и около него остатки вѣнка, составленнаго изъ бронзовыхъ цилиндрическихъ трубочекъ и остатки довольно тонкой ткани, сохранившейся въ мѣстахъ соприкосновенія съ бронзой.

Яма 2-я.

Подъ культурнымъ слоемъ, замѣчено пятно ямы, діаметромъ около $2^1/_4$ арш. Глубина ямы достигала $1^1/_4$ арш. Почва въ ямѣ углистая; въ ней найдены осколокъ кремня и два обломка глиняной посуды съ орнаментомъ неолитическаго типа.

ЧАСТЬ IV.

Статистическая обработка матеріаловъ, добытыхъ раскопками 1910 года, въ Муромскомъ у., Владимірской губ.

ПОГРЕБЕНІЯ

Подболотьевскаго могильника.

№№ по порядку.	Полъ.			Формы погребеній.				Животныя.								Домашняя утварь.								
	Мужской.	Женскій.	Неопред.	Обычная.	Сидячая.	Трупосож.	Головою на	Лошадь.	Корова.	Овца и др.	Одежда.	Обувь.	Лубъ.	Береста.	Войлокъ.	Горшки.	Сосуды изъ др. матер.	Топоры.	Долота.	Ножи.	Шила.	Огнива.	Гребни.	[illegible]
1	×	—	—	×	—	—	ССВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—
2	×	—	—	×	—	—	ССВ.	—	—	—	—	—	×	—	—	2	—	1	1	1	—	—	—	—
—	—	×	—	×	—	—	ССВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
3	—	×	—	×	—	—	ССВ.	—	—	×	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—
Конь	—	—	—	×	—	—	—	ССВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	—	—	×	×	—	—	З.	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	×	—	—	×	—	—	ЮЗЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	1	—	1	—	—
6	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	—	×	—	×	—	—	З.	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8	×	—	—	×	—	—	З.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	—	—	×	×	—	—	З.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
10	—	×	—	×	—	—	З.	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	—	—	×	×	—	—	З.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
12	—	×	—	×	—	—	ЮЗЗ.	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Конь	—	—	—	—	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
15	×	—	—	×	—	—	ЮЗЗ.	—	—	—	—	—	×	—	—	2	—	1	—	1	—	—	1	—
16	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—
17	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/2	—	—	—	—	—	—	—	—
18	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
19	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/2	—	—	—	1	—	—	—	—
20	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—
21	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—
22	×	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—
23	×	—	—	×	—	—	С.	×	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	1	1	—	—	—	—
24	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
25	×	—	—	×	—	—	ЮВВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
26	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
27	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
28	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
29	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	×	—	—	×	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
30	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
31	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—
32	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
33	×	—	—	×	—	—	ССЗ.	×	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—
34	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—
35	—	—	×	×	—	—	С.	—	×	—	×	×	×	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—
36	Ко	нь		—	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	×	—	—	—	2	—	1	—	—	—	—
37	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—

з.	Кузнечныя принадлежности.					Сбруя.		Украшенія.																	
[illegible]	Клещи.	Молоты.	Наковальни.	Литейныя формы.	Тигли.	Узда.	Сѣдло.	Головной жгутъ.	Вѣнокъ.	Узкій ремень.	Лунницы.	Височныя кольца.	Гривны.	Ожерелье.	Браслеты.	Кольца.	Перстни.	Грудныя бляхи.	Пряжки.	Боковой ремень.	Спинная привѣска.	Поясъ.	Аграфы.	Прясла.	Угли.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
1	1	2	1	1	1	—	—	—	—	—	2	—	2	×	4	3	1	—	2	—	—	—	1	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	×	3	2	—	—	—	—	—	—	—	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	1	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	1	—	×	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	12	1	×	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	14	1	—	—	4	—	1	—	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	12	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	×	×	2	1	1	—	—	1	×	1	1	—	—	1	1	×	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—

№№ по порядку.	Полъ.			Формы погребеній.				Животныя.								Домашняя утварь.								
	Мужской.	Женскій.	Неопред.	Обычная.	Сидячая.	Трупосож.	Головою на	Лошадь.	Корова.	Овца и др.	Одежда.	Обувь.	Лубъ.	Береста.	Войлокъ.	Горшки.	Сосуды изъ др. матер.	Топоры.	Долота.	Ножи.	Шила.	Огнива.	Гребни.	[illegible]
38	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	×	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
39	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
41	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Конь	—	—	—	—	—	—	—	ССВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
42	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—
Конь	—	—	—	—	—	—	—	ССВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
43	×	—	—	×	—	—	С.	×	—	—	×	—	×	—	—	2	—	1	1	5	—	1	1	—
44	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—
45	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	×	—	—	—	—	—	—	—
46	—	—	×	×	—	—	ЮЗЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
47	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	$\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—	—	—	—
48	—	—	×	×	—	—	З.	—	—	—	—	—	—	—	—	$\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—	—	—	—
49	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
50	—	—	×	—	—	—	—	ССВ.	—	—	—	—	—	—	—	3	—	1	1	2	—	—	—	—
51	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—
52	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Конь	—	—	—	—	—	—	—	ССВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
53	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	×	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
54	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
55	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
56	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
57	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
58	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
59	—	—	×	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—
60	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—
{61	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	1	—	—
{62	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
63	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	×	×	×	—	×	3	×	—	—	1	—	—	1	—
Конь	—	—	—	—	—	—	—	ССВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
64	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—
65	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
66	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	1	—	—
67	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	—	—	$1\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—	—	—	—
68	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
69	—	×	—	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	—	×	×	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
70	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
71	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
72	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
73	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	×	—	—	×	—	—	$1\frac{1}{2}$	—	—	—	1	—	—	—	—

е.	Кузнечныя принадлежности.					Сбруя.		Украшенія.																	
Стрѣлы.	Клещи.	Молоты.	Наковальни.	Литейныя формы.	Тигли.	Узда.	Сѣдло.	Головной жгутъ.	Вѣнокъ.	Узкій ремень.	Лунницы.	Височныя кольца.	Гривны.	Ожерелье.	Браслеты.	Кольца.	Перстни.	Грудныя бляхи.	Пряжки.	Боковой ремень.	Спинная привѣска.	Поясъ.	Аграфы.	Прясла.	Угли.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	9	1	×	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	10	—	6	1	4	—	—	1	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	×	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—
4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2	8	—	—	—	1	—	—	2	1	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	×	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	—	3	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	×	2	2	4	1	2	1	×	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	×	—	—	2	8	1	1	3	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	×	1	×	—	×	—	—	1	1	—	1	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	1	1	—	—	2	—	—	1	1	1	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	×	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—

№№ по порядку.	Полъ.			Формы погребенія.				Животныя.								Домашняя утварь.							
	Мужской.	Женскій.	Неопред.	Обычная.	Сидячая.	Трупосож.	Головою на	Лошадь.	Корова.	Овца и др.	Одежда.	Обувь.	Лубъ.	Береста.	Войлокъ.	Горшки.	Сосуды изъ др. матер.	Топоры.	Долота.	Ножи.	Шила.	Огнива.	Гребни
114	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
115	ко	нс	кое	—	—	—	—	Ю.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
116	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
117	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
118	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
119	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—
120	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Конь	—	—	—	—	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
121	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
122	—	—	×	—	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	—	½	—	—	—	—	—	—	—
123	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	1	—	1	—
124	×	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	1	—
125	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—
126	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
127	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
128	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
129	—	—	×	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
Конь	—	—	—	—	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
130	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
131	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
132	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
133	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
134	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
135	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
136	—	×	—	—	×	—	С.	—	—	—	×	×	×	—	×	1	—	—	—	1	1	—	—
Конь	—	—	—	—	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
137	—	×	—	×	—	—	С.	—	×	—	—	×	×	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
138	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—
139	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
140	×	—	—	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
141	—	×	—	×	—	—	С.	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
142	—	×	—	×	—	—	ССВ.	—	—	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
143	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	×	×	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
144	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	1	—
145	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	×	×	×	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Конь	—	—	—	—	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
146	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
147	—	—	×	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
148	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
149	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—

…ie.	Кузнечныя принадлежности.					Сбруя.		Украшенія.																	
Стрѣлы.	Клещи.	Молоты.	Наковальни.	Литейныя формы.	Тигли.	Узда.	Сѣдло.	Головной жгутъ.	Вѣнокъ.	Узкій ремень.	Лунницы.	Височныя кольца.	Гривны.	Ожерелье.	Браслеты.	Кольца.	Перстни.	Грудныя бляхи.	Пряжки.	Боковой ремень.	Спинная привѣска.	Поясъ.	Аграфы.	Пряслa.	Угли.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	4	—	—	—	3	—	—	1	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	1	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	11	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	2	2	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	8	1	—	4	—	—	3	1	1	—	1	—	—	×
—	—	—	—	—	1	—	—	2	1	—	—	12	—	×	—	4	2	1	1	1	1	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	1	—	14	2	×	2	×	—	1	1	1	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—

№№ по порядку.	Полъ.			Формы погребеній.				Животныя.								Домашняя утварь							
	Мужской.	Женскій.	Неопред.	Обычная.	Сидячая.	Трупосож.	Головою на	Лошадь.	Корова.	Овца и др.	Одежда.	Обувь.	Лубъ.	Береста.	Войлокъ.	Горшки.	Сосуды изъ др. матер.	Топоры.	Долота.	Ножи.	Шила.	Огнива.	Гребни.
150	—	—	×	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
151	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—
152	×	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
153	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	×	×	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
154	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
155	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	×	—	×	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
156	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
157	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
158	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	$^1/_2$	—	1	—	1	1	—	—
159	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
160	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	×	—	×	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
161	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—
162	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	×	—	×	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
163	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
164	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
165	—	—	×	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
166	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
167	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	$^1/_2$	—	—	—	1	—	—	—
168	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	×	—	—	×	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
169	×	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	1	—
170	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	1	—
171	—	—	×	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
172	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
173	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
174	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
175	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
176	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	1	—	—	—
177	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
178	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—
179	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
180	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
181	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
182	—	—	×	×	—	—	Ю.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—
183	—	—	×	×	—	—	Ю.	—	—	—	—	—	×	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
184	—	×	—	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Корова	—	—	—	—	—	—	—	—	Ю.	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
185	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	2	—	—	—
186	×	—	—	×	—	—	СЗЗ.	—	—	—	×	—	×	—	—	1	—	1	—	1	1	1	—
187	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
188	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	×	—	—	4	—	—	—	1	—	—	—

ніе.	Кузнечныя принадлежности.					Сбруя.		Украшенія.																	
Стрѣлы.	Клещи.	Молоты.	Наковальни.	Литейныя формы.	Тигли.	Удила.	Сѣдло.	Головной жгутъ.	Вѣнокъ.	Узкій ремень.	Лунницы.	Височныя кольца.	Гривны.	Ожерелье.	Браслеты.	Кольца.	Перстни.	Грудныя бляхи.	Пряжки.	Боковой ремень.	Спинная привѣска.	Поясъ.	Аграфы.	Пряслa.	Угли.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	×	—	×	2	2	—	1	1	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	×	1	×	1	—	—	2	2	1	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	12	—	×	1	3	—	—	1	1	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	4	—	—	—	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	12	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	1	×	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	10	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	6	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	×	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	—	×	4	5	—	—	4	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	×	—	—	1	—	—	2	—	—	2	2	—	1	6	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	—	×	—	4	—	1	1	1	—	—	—	—	×

№№ по порядку.	Полъ.			Формы погребеній.				Животныя.								Домашняя утварь							
	Мужской.	Женскій.	Неопред.	Обычная.	Сидячая.	Трупосож.	Головою на	Лошадь.	Корова.	Овца и др.	Одежда.	Обувь.	Лубъ.	Береста.	Войлокъ.	Горшки.	Сосуды изъ др. матер.	Топоры.	Долота.	Ножи.	Шила.	Огнива.	Гребни.
189	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
190	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—
191	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
192	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	2	—	—	—
193	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
194	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
195	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
196	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
197	—	—	×	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	$^1/_2$	—	—	—	—	—	—	—
198	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—
199	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
200	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—
201	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
202	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	×	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
203	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
204	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
205	—	—	×	—	—	—	З.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
206	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
207	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
208	—	—	×	×	—	—	ЮВВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
209	—	—	×	×	—	—	З.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
210	—	—	×	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
211	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
212	—	—	×	×	—	—	ЮЮВ.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
213	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—
214	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
215	×	—	—	×	—	—	ССВ.	—	—	×	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—
216	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—
217	—	×	—	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	×	—	×	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
218	×	—	—	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	×	—	×	—	—	1	—	—	—	2	2	1	—
219	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
220	—	×	—	×	—	—	В.	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
221	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
222	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
223	—	—	×	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
224	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
225	×	—	—	×	—	—	В.	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
226	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
227	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	$1^1/_2$	—	—	—	—	—	—	—
228	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Кузнечныя принадлежности.					Сбруя.		Украшенія.																Пряслa.	Угли.
Клещи.	Молоты.	Наковальни.	Литейныя формы.	Тигли.	Узда.	Сѣдло.	Головной жгутъ.	Вѣнокъ.	Узкiй ремень.	Лунницы.	Височныя кольца.	Гривны.	Ожерелье.	Браслеты.	Кольца.	Перстни.	Грудныя бляхи.	Пряжки.	Боковой ремень.	Спинная привѣска.	Поясъ.	Аграфы.		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	×	—	2	—	—	1	1	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	3	—	—	2	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	×	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	×	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	—	×	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	8	—	×	—	2	—	—	3	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2	—	×	4	3	—	—	2	1	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—

№№ по порядку.	Полъ.			Формы погребеній.				Животныя.								Домашняя утварь						
	Мужской.	Женскій.	Неопред.	Обычная.	Сидячая.	Трупосож.	Головою на	Лошадь.	Корова.	Овца и др.	Одежда.	Обувь.	Лубъ.	Береста.	Войлокъ.	Горшки.	Сосуды изъ др. матер.	Топоры.	Долота.	Ножи.	Шила.	Огнива.
229	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	×	—	—	2	—	—	—	—	1	—
230	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
231	—	—	×	×	—	—	В.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
232	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	×	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—
233	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
234	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	×	—	×	—	—	—	3	—	—	—	2	2	—
235	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	×	×	×	—	2	—	—	—	1	—	—
236	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
237	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
238	—	—	×	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
239	×	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
240	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Конь	—	—	—	—	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
241	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
242	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
243	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
244	—	—	×	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
245	—	—	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	$^1/_2$	—	—	—	—	—	—
246	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	1
247	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	×	—	—	×	—	—	1	—	—	—	1	2	—
248	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
249	×	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
250	—	×	—	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	1	1	—
251	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
252	—	×	—	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	×	—	×	—	—	1	—	—	—	1	1	—
253	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	×	×	×	—	×	2	—	—	—	1	1	—
254	×	—	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	1	—	—
255	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	—	×	—	×	—	6	—	—	—	—	—	—
256	—	—	×	×	—	—	Ю.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
257	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
258	—	×	—	×	—	—	ССЗ.	—	—	—	—	—	×	—	—	1	—	—	—	1	—	—
Конь	—	—	—	—	—	—	—	С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
259	—	×	—	×	—	—	С.	—	—	—	×	—	×	—	—	—	—	—	—	1	—	—
260	—	×	—	×	—	—	ССВ.	—	—	—	—	×	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
	63	63	133	151	1	43	126	26	7	14	21	20	45	10	3	206	3	58	10	141	20	28

Кузнечныя принадлежности.					Сбруя.		Украшенія.																	
Клещи.	Молоты.	Наковальни.	Литейныя формы.	Тигли.	Узда.	Сѣдло.	Головной жгутъ.	Вѣнокъ.	Узкій ремень.	Лунницы.	Височныя кольца.	Гривны.	Ожерелье.	Браслеты.	Кольца.	Перстни.	Грудныя бляхи.	Пряжки.	Боковой ремень.	Спинная привѣска.	Поясъ.	Аграфы.	Прясла.	Угли.
—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	5	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	12	2	×	2	×	—	1	—	1	1	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	14	1	×	—	2	—	—	1	1	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	4	1	×	3	2	—	—	2	—	1	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	—	2	4	—	—	4	—	1	—	—	—	×
—	—	—	—	—	—	—	2	1	1	1	×	1	×	2	2	—	1	2	1	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	1	3	—	—	—	—	—	—	—	×	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	4	1	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	2	1	1	—	—	—	—
2	3	1	2	8	18	7	41	21	26	24	болѣе 312	44	48	101	177	23	26	болѣе 141	33	15	22	14	4	29

ПОГРЕБЕНІЯ

Волосовскихъ могильниковъ.

1. Погребенія старшаго Волосовскаго могильника.

№№ по порядку.	№№ по дневнику.	Скорченныя.			Головою на	Утварь.			Угли.
		На правомъ боку.	На лѣвомъ боку.	Сидячее.		Горшки.	Каменныя орудія.	Костяныя подѣлки.	
1.	2.	—	—	×	В.	×	5	1	—
2.	10.	—	×	—	ССВ.	×	1	—	—
3.	11.	—	—	—	—	—	—	—	×
3.		—	1	1	2.	2	6	1	1

2. Погребенія младшаго Волосовскаго могильника

№№ по порядку.	№№ по дневнику.	Вытянуто.	Головою на	Утварь.					Угли.	Ткани.	Кости животныхъ.
				Глин. бит. посуда.	Каменныя орудія.	Бронзовыя орудія.	Желѣзныя орудія.	Бронзовыя украшенія.			
1.	1.	×	СЗ.	—	—	—	—	—	×	—	—
2.	3.	×	В.	—	×	×	—	×	×	—	—
3.	4.	×	В.	×	—	—	—	—	—	—	×
4.	5.	×	СВ.	×	×	—	—	—	—	—	—
5.	6.	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—
6.	7.	—	—	×	×	—	—	—	—	—	—
7.	8.	×	В.	×	—	—	—	—	—	—	—
8.	9.	×	ЮЮВ.	×	×	×	×	×	—	×	—
9.	12.	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—
10.	13.	×	С.	—	—	—	—	×	—	×	—
10.		7.	7.	5	4	2	1	4	3	2	1.

ЧАСТЬ V.

Опись предметамъ древности изъ раскопокъ 1910 года въ Муромскомъ у., Владимірской губ.

I.

Могильникъ у д. Подболотье.

Погребеніе 1.

1. Желѣзный топоръ.
2. Желѣзная сломанная пряжка.
3. Желѣзный ножъ.
4. Желѣзный аграфъ.

Погребеніе 2 (двойное)

1 и 2. Два глиняныхъ горшка.
3. Желѣзные: топоръ — кельтъ,
4. » копье — острога,
5. » долото — пѣшня,
6. » клещи,
7. » наковальня,
8 и 9. » два молота,
10. » ножъ,
11. » двѣ сломан. пряжки,
12. » аграфъ,
13. » стрѣла.
14. Каменный точильный брусокъ.
15. Глиняный тигль.
16. Глиняная половинка литейной формы.
17. Бронзовыя: гривна тонкая.
18. » гривна массивная, связанная спиральн. кольцомъ,
19. » гривна съ напущенными на неё двумя пластинчатыми браслетами, однимъ перстнемъ съ спирально заходящими концами и тремя спиральными кольцами,
20 и 21. » два спиральныхъ браслета,
22 и 23. » двѣ височныхъ лунницы, изъ нихъ одна съ пластинчатыми подвѣсками,
24—27. » четыре очковидныя привѣски,
28. » поясная ажурная пряжка съ лапчатыми подвѣсками на длинныхъ цѣпочкахъ,
29 и 30. » двѣ парныя привѣски съ лапчатыми подвѣсками,
31. » ожерелье, составленное изъ бронзов. спиралекъ и шумящихъ подвѣсокъ, напущенныхъ на тонкій ремешокъ,
32 и 33. » двѣ серебряныхъ лунницы височныя, изъ нихъ одна съ отломившимися концами.
34. Серебряная грудная бляха (распалась на куски).

35. Бронзовыя: спиральки,
36. » спиральное кольцо,
37 и 38. » двѣ привѣски съ колокольчиками на цѣпочкахъ,
39—42. » четыре лапчатыхъ привѣски,
43. очковидная привѣска,
44 и 45. двѣ тонкія гривны, сломавшіяся на куски.

Погребеніе 3.

1. Костяная привѣска, покрытая геометрическимъ орнаментомъ съ бронзовыми пластинчатыми подвѣсками.
2. Бронзовая височная лунница съ пластинчатыми подвѣсками.
3—5. Три бронзовыя шумящія привѣски.
6. Бронзовое колечко съ неспаянными концами.
7 Бронзовое спиральное кольцо.
8. Желѣзный ножъ (обломокъ).
9. Остатки кожи.
10. Зубъ овцы.

Погребеніе 4.

1 и 2. Бронзовые: два браслета,
3. » колокольчикъ.

Погребеніе

1 и 2. Два бронзовыхъ плоскихъ браслета,
3. Желѣзные: топоръ,
4. » ножъ,
5. » огниво,
6. Глиняные: горшокъ,
7. » горшокъ рюмочной формы.

Погребеніе 7.

1—4. Бронзовые: височныя кольца 4 экз.,
5. » маленькое колечко,
6—8. » три плоскихъ браслета, изъ нихъ два — парные съ звѣриными грубо выполнеными головками,
9. » привѣска въ видѣ конька съ подвѣшанными бубенчиками,
10. » шумящая привѣска,
11. » височное колечко съ напущенною ажурною металлическою бусиною,
12 и 13. » два колечка съ неспаян. концами.
14. Ожерелье изъ стеклянныхъ, золоченныхъ бусъ.
15. Красное шиферное пряслице.
16. Серебряное плоское кольцо съ орнаментами на лицевой сторонѣ.
17. Кусочки бересты.

Погребеніе 9.

1 и 2. Бронзовые: два браслета съ концами въ видѣ стилизованныхъ звѣриныхъ головокъ,
3. » кольцо,
4. » пряжка,
5 и 6. Два желѣзныхъ ножа.

Погребеніе 10.

1—4. Бронзовые: четыре браслета, изъ нихъ два со стилизованными головками животныхъ.
5. » шумящая привѣска,
6. » колечки нѣсколько экз.
7. Серебряная привѣска въ видѣ монеты безъ надписей и др. знаковъ.
8. Кусочки бересты.

Погребеніе 11.

1. Бронзовый перстень съ завязанными концами.
2. Желѣзный ножъ.

Погребеніе 12.

1. Три бронзовыхъ малыхъ височныхъ кольца, изъ нихъ одно сломано.
2. Золоченыя цилинцрическія и двухскатныя бусы.

Погребеніе 14.

1. Свинцовый крестикъ.
2. Обломокъ желѣзной гривны.
3. Бусы.
4 и 5. Два бронзовыхъ малыхъ височныхъ кольца (оба сломаны).

Погребеніе коня.

1. Желѣзныя: удила,
2. » пряжка.
3. Бронзовые: колокольчики, 7 экз.,
4. » два малыхъ бубенчика,
5. » большой бубенчикъ,
6. » спираль.
7. Ремешокъ и волосы.

Погребеніе 15.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » серпъ, сломанный на двѣ части,
3. » большое кольцо, найденное при серпѣ,
4. » наконечникъ стрѣлы,
5. » ножъ,
6. » огниво,
7 и 8. » два кольца (одно сломано).
9 и 10. Бронзовые: два браслета,
11. » плоское ручное кольцо съ неспаянными концами.
12 и 13. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 16.

1—3. Три бронзовыхъ привѣски.

Погребеніе 18.

1. Бронзовыя: спиральное ручное кольцо,
2. » височное малое кольцо,
3. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 19.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » пряжка,
3. » гвоздь съ шляпкой.
4. Стеклянная синяя бусина.

Погребеніе 20.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » куски перержавившихъ предметовъ.
3. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 21, трупосожженіе.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » ножъ.
3. Бронзовыя: привѣска — лунница,
4. » спиральное кольцо,
5. » спирали на тонкомъ ремешкѣ,
6. » круглая ажурная пряжка съ приставшимъ къ ней кускомъ кожи.
7. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 22.

1. Свинцовая гривна.
2. Желѣзные: топоръ,
3. » ножъ,
4. » копье.

5—8. Бронзовые: три браслета,
9 и 10. » два бубенчика,
11. » очковидная привѣска.

Погребеніе 23.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » пѣшня или долото,
3. » ножъ,
4. » скобы 6 экз., (нѣкот. сломаны),
5. » кольца съ обоймами.

6 и 7. Бронзовыя: двѣ крупныхъ шумящихъ привѣски,
8. » спирали,
9. » спиральныя кольца.
10. Боковой женскій ремень, покрытый бронзовыми обоймами.
11 и 12. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 24.

1. Желѣзный ножъ.
2. Широкій головной ремень (вѣнокъ), покрытый бронзовыми обоймицами (распался на куски).
3. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью.
4. Головной жгутъ, состоящій изъ волосъ, обвитыхъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовою спиралью.

5. Бронзовый наконечникъ бокового женскаго ремня (сломанъ на три части).
6. Узкій ремень, покрытый бронзовыми обоймами (распался на куски).
7. Бронзовые: гривна,
8—14. » височныя кольца, 7 экз., цѣлыхъ и нѣсколько сломанныхъ,
15. » сломанное колечко,
16 и 17. » два ручныхъ спиральныхъ кольца,
18. Обрывки узкихъ ремней съ бронзовыми обоймами и спиралями.
19. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 25.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » куски мелкихъ предметовъ.

Погребеніе 26.

1. Бронзовое височное кольцо съ трапецевидной подвѣской.

Погребеніе 27, трупосожженіе.

1 и 2. Двѣ бронзовыхъ височныхъ лунницы.
3 и 4. Дьѣ бронзовыхъ височныхъ лунницы съ пластинчатыми привѣсками.
5 и 6. Два желѣзныхъ ножа.

Погребеніе 28.

1 и 2. Два желѣзныхъ копья.
3. Желѣзная пѣшня (долото?).

Погребеніе 29.

1. Головной жгутъ, составленный изъ древеснаго прутика, обложеннаго ремнемъ и обвитаго бронзовою спиралью (сломанъ на куски).
2. Широкій головной ремень (вѣнокъ), покрытый бронзовыми обоймицами (распался на куски).
3. Бронзовыя: грудная бляха съ крышечкой,
4. » гривна,
5 и 6. » два спиральныхъ кольца,
7 и 8. » два спиральныхъ кольца на фаланґахъ пальцевъ,
9—22. » четырнадцать височныхъ колецъ,
23. » наконечникъ женского бокового ремня.

Погребеніе 30.

1 и 2. Нижняя челюсть, шейные позвонки и ключица, связанные сохранившеюся кожею; къ кожѣ, въ области шеи, пристала бронзовая привѣска съ лапчатыми подвѣсками.
3 и 4. Бронзовыя: два сломанныхъ большихъ височныхъ кольца,
5 и 6. » двѣ цѣпочки съ колокольчиками.

Погребеніе 31.

1. Желѣзный ножъ.
2. Головной жгутъ, составленный изъ волосъ, обвитыхъ ремнемъ и бронзовою спиралью.
3. Остатки широкаго головного ремня, украшеннаго бронзовыми обоймицами.
4. Остатки узкаго головного ремня, обвитаго бронзовою сдавленною спиралью.

5—16. Двѣнадцать бронзовыхъ височныхъ колецъ, изъ нихъ четыре съ напущенными бронзовыми привѣсками.
17. Глиняный горшокъ съ отбитымъ краемъ.

Погребенiе 32, дѣтское.

1. Часть головного убора съ остатками свѣтло-желтыхъ волосъ и приставшими бронзовыми подвѣсками.
2. Остатки кожанной одежды съ приставшими къ ней бронзовыми подвѣсками, часть которыхъ отпала.
3. Бронзовый колокольчикъ.
4—9. Шесть малыхъ бронзовыхъ височныхъ колецъ.
10. Бронзовая ажурная пряжка съ подвѣшанными колокольчиками.
11. Кусочки бересты.
12. Кости ребенка.

Погребенiе 34.

1. Желѣзный ножъ.
2. Глиняный горшокъ.

Погребенiе 35, дѣтское.

1 и 2. Два глиняныхъ горшка.
3 и 4. Два желѣзныхъ ножа.
5. Желѣзный наконечникъ стрѣлы, плоской формы.
6 и 7. Бронзовыя: двѣ одинаковыхъ ажурныхъ привѣски съ шумящими подвѣсками,
8. » привѣска съ лапчатыми подвѣсками и ремешкомъ,
9—12. » очковидныя привѣски съ остатками ремешковъ, служившихъ для прикрѣпленія къ шерстяной матерiи, остатки которой сохранились подъ одной привѣской,
13—21. » крупные колокольчики съ сохранившимися внутри нихъ ремешками, завязанными въ узелки,
22. » подвѣски конической формы,
23—24. » двѣ плоскихъ согнутыхъ скобы, служившихъ, вѣроятнѣе всего, украшенiемъ обуви,
25. » перстень съ спирально заходящими утончающимися концами,
26—32. » шесть спиральныхъ ручныхъ колецъ,
33. » большое количество трапецевидныхъ привѣсокъ съ колечками.
34. Остатки: шерстяной ткани,
35. » льняной ткани,
36. » мѣховой одежды,
37. » луба.

Погребенiе 36, конское съ женскими украшенiями.

1 и 2. Два головныхъ жгута, состоящихъ изъ тонкихъ шнуровъ, свитыхъ изъ волосъ, обвитыхъ широкимъ ремнемъ и бронзовою спиралью.
3. Широкiй головной ремень (вѣнокъ), покрытый бронзовыми обоймицами (распался на куски).
4. Узкiй головной ремень, обвитый бронзовою спиралью.
5. Боковой женскiй ремень, покрытый бронзовыми обоймами и наконечникомъ.

6. Спинная привѣска, составленная изъ двухъ массивныхъ бронзовыхъ коромыслъ съ подвѣшанными колокольчиками и трехъ сложныхъ пронизей съ остаками ремешка, посредствомъ котораго всѣ части привѣски связывались въ одно цѣлое.
7. Бронзовыя: массивная гривна, сломанная въ древности и вновь тогда же склепанная бронзовыми гвоздиками,
8. » спиральное ручное кольцо,
9. » спиральный браслетъ,
10 и 11. » двѣ бронзовыхъ привѣски съ ромбическими подвѣсками,
12. » нѣсколько подвѣсокъ въ видѣ колокольчиковъ,
13. » нѣсколько подвѣсокъ въ видѣ лапокъ.
14. Ожерелье изъ большого числа бѣлыхъ, повидимому, перламутровыхъ бусъ.
15. Остатки широкихъ и узкихъ ремней.
16 и 17. Желѣзные: два топора.
18. » ножъ,
19. » аграфъ,
20. » пряжка (сломана)
21. » кольцо,
22. » удила,
23 и 24. » два стремени.

Погребенiе 37.

1. Половина серебрянаго диргема.
2. Желѣзные: топоръ,
3. » долото (пешня?)
4. » копье,
5. » ножъ,
6. » пряжка (сломана).
7—10. Бронзовые: четыре браслета,
11. » ажурный перстень съ шумящими подвѣсками,
12. » небольшой бубенчикъ,
13. » спиральное ручное кольцо,
14. » крупная спираль,
15. » ажурная трехугольная привѣска,
16. » круглая ажурная привѣска съ лапчатыми подвѣсками.
17. Точильный брусокъ съ отверстiемъ.
18. Ременная узда, украшенная бронзовыми гвоздиками, имѣвшими круглыя посеребреныя головки, почти повсюду отпавшiя и уничтожившiяся.
19. Желѣзные удила.

Погребенiе 38, дѣтское.

1. Нижняя челюсть ребенка съ приставшею къ ней кожею, къ которой прикрѣплены три малыхъ бронзовыхъ височныхъ кольца, изъ коихъ на два напущены спиральныя кольца, а на одно — бронз. цѣпочка съ колокольчикомъ.
2. Бронзовое малое височное кольцо съ напущенными на него спиральнымъ кольцомъ и колокольчиками, а также и съ ремешкомъ, посредствомъ котораго кольцо къ чему-то прикрѣплялось.
3—7. Пять малыхъ бронзовыхъ височныхъ колецъ (одно сломано).

8. Длинная серебряная спираль, повидимому, украшавшая узкій головной ремень.
9. Бронзовые: большая гривна, съ напущеннымъ спиральнымъ кольцомъ,
10. » круглая ажурная пряжка съ лапчатыми подвѣсками,
11 и 12. » двѣ парныхъ привѣски съ подвѣшанными колокольчиками,
13—23. » одиннадцать привѣсокъ съ подвѣшанными колокольчиками и лапками,
24 и 25. » два спиральныхъ браслета съ лучевыми и локтевыми костями ребенка въ нихъ.
26. Мелкій бисеръ.
27. Костяной конекъ, служившій подвѣской.
28. Остатки желѣзнаго кольца съ обоймой.
29. Бусина изъ какой-то шерстяной матеріи или просто шерсти.
30 и 31. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 39.

1. Бронзовыя: спираль,
2. » трапецевидная подвѣска,
3. » привѣска съ подвѣшанными лапками.

Погребеніе 40.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » кольца съ обоймицами, служившія, вѣроятнѣе всего украшеніемъ поясного ремня.
3. Бронзовое спиральное кольцо на фалангѣ пальца.

Погребеніе 41.

1. Бронзовое спиральное кольцо.
2. Куски перержавѣвшихъ желѣзныхъ предметовъ, среди которыхъ можно узнать обломокъ ножа и значительное количество обоймицъ съ кольцами, служившими украшеніемъ поясного ремня.

Погребеніе 43.

1. Серебряный идольчикъ съ зеленоватою эмалью, обернутый тканью.
2. Желѣзные: топоръ,
3. » долото (пѣшня),
4. » копье четырехгранное,
5. » двѣ стрѣлы плоскія,
6. » стрѣла четырехгранная,
7—10. » четыре ножа, изъ нихъ два съ сохранившимися деревянными ручками и кожаными ножнами,
11. » кусокъ деревянной ручки маленькаго желѣзнаго ножа съ остатками кожаныхъ ноженъ, обвитыхъ бронзовою спиралью,
12. » аграфъ съ приставшей къ нему бронзовой подвѣской въ видѣ гусиной лапки.
13. Поясной ремень, украшенный 37 бляшками съ кольцами (изъ послѣднихъ нѣкоторыя утрачены) и 35 бляшками безъ колецъ, двумя наконечниками и одной пряжкой, застегнутой особымъ ремешкомъ подшитымъ снизу пояса, такъ что оба конца его свободно свѣшивались внизъ. Весь наборъ пояса, повидимому, серебряный.
14. Куски тонкаго ремешка, обвитаго бронзовою спиралью.

15. Куски ремешка, покрытаго бронзовыми обоймами.
16. Бронзовые: массивная гривна съ грибовидной застежкой (сломана),
17. » тонкая гривна съ напущеннымъ на нее спиральнымъ кольцомъ,
18. » тонкая гривна,
19 и 20. » два спиральныхъ браслета,
21 и 22. » два пластинчатыхъ браслета,
23—27. » пять массивныхъ браслетовъ,
28. » грудная бляха,
29. » массивная пряжка прибалтійскаго типа,
30—34. » пять перстней съ спирально заходящими концами,
35. » спиральное кольцо,
36. » очковидная подвѣска,
37. » лировидная пряжка съ остаткомъ ремешка,
38—47. » десять привѣсокъ съ парными трехугольными подвѣсками,
48. » ажурная пряжка съ подвѣшанными на цѣпочкахъ гусиными лапками,
49—51. » три привѣски съ подвѣшанными гусиными лапками.
52. Костяной гребень, украшенный конскими головками (зубья почти уничтожены временемъ).
53. Остатки: тонкой ткани съ ромбическимъ орнаментомъ византійскаго или восточнаго происхожденія,
54. » мѣховой одежды, сшитой желтоватымъ мѣхомъ вверхъ,
55. » кожи,
56. » ремней.
57—58. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 44, трупосожженіе.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » ножъ,
3. » аграфъ.
4. Бронзовая цѣпочка.

Погребеніе 45, дѣтское.

1 и 2. Два глиняныхъ горшка.
3. Обломокъ желѣзной дужки.
4 и 5. Бронзовые: два малыхъ височныхъ кольца,
6. » спиральки,
7. » колокольчикъ,
8. » спиральное кольцо,
9—20. » двѣнадцать привѣсокъ съ подвѣсками, въ видѣ колокольчиковъ,
21—25. » пять привѣсокъ съ трехугольными подвѣсками,
26—43. » восемнадцать трапецевидныхъ подвѣсокъ.
44. Обломокъ свинцовой бляшки.
45. Горнохрустальная бусина.

Погребеніе 46, дѣтское.

1. Бронзовые: грудная бляха съ крышечкой,
2—7. » шесть бубенчиковъ на ремешкахъ, обвитыхъ бронзовою спиралью,
8 и 9. » два малыхъ бубенчика,
10. » колокольчикъ.

Погребеніе 48, дѣтское.

1—3. Бронзовые: три колокольчика,
4. » трапецевидная подвѣска съ колечкомъ,
5. » спиральное колечко.
6. Желѣзная пряжка.
7. Глиняный ложковидный тигль.

Погребеніе 49.

1. Бронзовыя: спиралька,
2 и 3. » два спиральныхъ кольца,
4. » трапецевидная подвѣска съ колечкомъ.
5 и 6. Два глиняныхъ горшечка.

Погребеніе 50, конское.

1. Желѣзные: топоръ,
2 и 3. » два ножа,
4. » долото (пѣшня),
5. » кольцо согнутое,
6. » удила,
7. » сбойма съ кольцами.
8. Бронзовое спиральное кольцо.

Погребеніе 51.

1. Желѣзныя: копье,
2. » огниво,
3—6. » четыре стрѣлы, изъ которыхъ одна плоская и три — трехгранныя,
7. » пряжка въ обломкахъ.
8. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 52.

1. Головной жгутъ, обвитый широкимъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовою спиралью (распался на куски).
2. Боковой женскій ремень, украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ, подложеннымъ снизу желѣзной пластинкой.
3 и 4. Бронзовые: пара височныхъ лунницъ,
5—12. » восемъ большихъ височныхъ колецъ, изъ нихъ три на ремешкахъ,
13 и 14. » двѣ бронзовыхъ пряжки, изъ нихъ одна восточно-финскаго типа,
15. » спиральное кольцо,
16. » обломки спиралей и обоймицъ.
17. Куски луба.

Погребеніе коня.

1. Желѣзныя: удила,
2. » стремя,
3. » пряжка.

Погребеніе 53.

1. Головной жгутъ, состоящій изъ свернутой ткани, обвитой сверху бронзовою спиралью (распался на куски).
2. Бронзовый наконечникъ бокового женскаго ремня.

3. Бронзовые: ажурный перстень съ двумя трехгранными подвѣсками,
4. » куски мелкихъ спиралей,
5. » спиральное кольцо,
6. » нѣсколько трапецевидныхъ подвѣсокъ.
7. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 54.

1. Обрывокъ головного жгута, составленнаго изъ волосъ, обвитыхъ ремнемъ и бронзовою спиралью.
2. Узкій головной ремень (вѣнокъ), украшенный бронзовыми обоймицами.
3. Ожерелье, составленное изъ серебрянныхъ сжатыхъ цилиндрическихъ пронизей и обоймъ.
4. Бронзовые: пряжка съ приставшими къ ней, повидимому, головными волосами,
5 и 6. » два парныхъ наконечника ремня,
7. » коническія подвѣски съ колоколчиками,
8. » обломки спиралекъ.
9. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 55.

1. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 56.

1. Бронзовое спиральное кольцо.

Погребеніе 57, дѣтское.

1 и 2. Два бронзовыхъ спиральныхъ кольца.
3. Ожерелье, состоящее изъ шнурка и напущеныхъ на него двухъ бронзовыхъ лунницъ, одной гусиной лапки и спиралекъ.
4—11. Восемь желѣзныхъ привѣсокъ.

Погребеніе 58.

1. Желѣзный ножъ.

Погребеніе 59, дѣтское.

1. Желѣзные: топоръ — кельтъ,
2. » ножъ (въ обломкахъ),
3. » куски перержавившаго огнива (?).
4. Бронзовыя: крупная спираль,
5. » пряжка восточно-финскаго типа,
6. » маленькое колечко (въ обломкахъ).
7. Ожерелье, составленное изъ шнурка и напущенныхъ на него бронзовыхъ бубенчика и нѣсколькихъ спиралекъ.

Погребеніе 61 и 62.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » стержень (шило ?),
3 и 4. » двѣ пряжки,
5. » обломокъ неопредѣленнаго предмета.
6. Кремень для огнива.
7. Бронзовое спиральное кольцо на фалангѣ пальца.
8. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 63.

1. Ожерелье, составленное изъ бусинъ, бронзовыхъ спиралекъ, подвѣсокъ, напущенныхъ на тонкій ремешокъ.
2. Боковой женскій ремень, покрытый бронзовыми обоймами съ приставшими остатками луба и войлока.
3. Остатки поясного ремня, украшеннаго бронзовыми бляшками.
4. Спинная привѣска составленная изъ двухъ бронзовыхъ шумящихъ коромыслъ и двухъ пронизей, объединенныхъ ремешкомъ, отъ котораго сохранились остатки.
5—13. Металлическій наборъ, украшавшій обувь, въ составѣ изъ двухъ ажурныхъ выгнутыхъ бляхъ съ шумящими подвѣсками, двухъ круглыхъ бляшекъ съ шумящими подвѣсками, трехъ бронзовыхъ спиралекъ, ажурнаго бронзоваго перстня съ шумящими подвѣсками и спиральнаго бронзоваго кольца; два послѣднихъ предмета, повидимому, были пришиты къ обуви.
14 и 15. Остатки ногъ, обернутыхъ онучами и ремнями, покрытыми бронзовыми обоймами.
16. Остатки ремней, повидимому, предназначавшихся для обертованія ногъ, но лежавшихъ въ видѣ свертка у лѣваго бока покойницы (погребеніе женское); ремни покрыты бронзовыми обоймами.
17 и 18. Бронзовыя шумящія привѣски, украшавшія талію или поясъ.
19. Ажурная бронзовая шумящая привѣска, найденная на груди.
20. Бронзовые: пряжка восточно-финскаго типа,
21 и 22. » два перстня съ шумящими подвѣсками,
23. » два бубенчика,
24. » гривна съ двумя напущенными на нее перстнями и двумя браслетами,
25. » спиральное кольцо.
26. Обломки деревянной тарелки (лоточка).
27. Остатки берестяной цилиндрической коробки (бурачка).
28. Костяной гребень, найденный въ бурачкѣ.
29. Желѣзные: ножъ,
30. » пряжка.
31. Остатки ткани.
32. Остатки кожи.
33. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 64.

1. Бронзовые: спиральный браслетъ,
2 и 3. » два бубенчика,
4. » привѣска.
5. Желѣзное огниво.

Погребеніе 65.

1. Бронзовая привѣска.
2. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 66.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » ножъ,
3. » огниво,
4. » нѣсколько обоймъ съ кольцами,
5. » куски неопредѣленныхъ предметовъ.
6—8. Три бронзовыхъ кольца.
9. Глиняный горшечекъ.

Погребеніе 67, трупосожженіе.

1—19. Девятнадцать бронзовыхъ обломковъ височныхъ колецъ.
20. Широкій головной ремень (вѣнчикъ), покрытый бронзовыми обоймами.
21. Узкій головной ремень, покрытый бронзовою спиралью.
22—24. Бронзовые: три спиральныхъ кольца,
25. » ажурная грудная бляха,
26. » большая ажурная пряжка съ шумящими подвѣсками,
27. » перстень съ шумящими подвѣсками,
28—32. » пять колецъ,
33. » браслетъ.
34. Желѣзные: два браслета, обвитые бронзовою спиралью (одинъ браслетъ плохой сохранности),
35. » куски неопредѣленныхъ предметовъ.
36. Глиняный горшокъ.

Погребеніе коня.

1. Желѣзныя: удила,
2 и 3. » два стремени.

Погребеніе 69.

1. Головной вѣнчикъ, составленный изъ пяти ремешковъ, покрытыхъ бронзовыми пронизками и схваченныхъ бронзовыми обоймицами съ подвѣшанными колокольчиками.
2. Височныя бронзовыя кольца двухъ сортовъ безъ застежекъ и съ застежками въ видѣ ромбиковъ съ отверстіями, всего 3 экз. цѣлыхъ и нѣсколько экз. сломанныхъ на части.
3. Ожерелье изъ стеклянныхъ бусъ и трехугольныхъ бронзовыхъ подвѣсокъ.
4. Массивная бронзовая гривна большихъ размѣровъ.
5. Наборъ пояса или обшивки таліи одежды, состоящій изъ бронзовыхъ шумящихъ круглой пряжки, трехъ привѣсокъ и одной простой (безъ шумящихъ подвѣсокъ) лировидной пряжки.
6. Боковой женскій ремень, покрытый бронзовыми обоймами и такимъ же наконечникомъ съ парой отходящихъ отъ него ремешковъ, обвитыхъ бронзовою спиралью, съ шумящими бронзовыми подвѣсками.
7. Большіе бронзовые колокольчики, украшавшіе или подолъ одежды, или верхъ обуви (голенищъ).
8. Остатки ножныхъ костей, обернутыхъ онучами и ремнями, украшенными бронзовыми обоймами и наконечниками.
9. Ручныя спиральныя кольца и разная мелочь.
10. Глиняные: горшокъ,
11. » ложковидной тигль,
12. » двѣ половинки литейной формы.
13. Куски луба съ приставшими къ нему съ внутренней стороны войлокомъ.
14. Кусочекъ бѣлой, повидимому, льняной ткани, приставшій къ одной онучѣ.

Погребеніе 70, трупосожженіе.

1. Головной жгутъ, составленный изъ волосяныхъ шнурочковъ, обвитыхъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовою спиралью. Жгутъ распался на куски.
2. Широкій головной ремень, украшенный бронзовыми обоймами (распался на куски).

3. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью (распался на куски).
4. Боковой женскій ремень, покрытый бронзовыми обоймами и наконечникомъ.
5. Спинная привѣска, составленная изъ двухъ бронзовыхъ коромыслъ съ серебряными колокольчиками и двухъ бронзовыхъ пронизей.
6. Бронзовые: обломокъ большого височнаго кольца,
7. » колокольчикъ, сплавившійся съ кускомъ желѣза,
8. » колокольчикъ,
9. » спиральное кольцо,
10. » ажурная пряжка,
11. » гривна съ напущеннымъ спиральнымъ кольцомъ,
12 и 13. » двѣ привѣски съ бубенчиками, подвѣшанными на длинныхъ цѣпочкахъ,
14—31. » восемнадцать крупныхъ колокольчиковъ.
32. Желѣзные: ножъ,
33. » пряжка.

Погребеніе 71, дѣтское.

1. Желѣзная пѣшня или долото.
2. Бронзовыя спиральки.

Погребеніе 73.

1. Головной вѣнокъ съ бронзовыми украшеніями.
2. Бронзовые: височныя кольца, сломанныя на куски,
3 и 5. » три колокольчика,
6. » спираль, въ видѣ дѣтскаго браслета,
7. » обломокъ коромысла съ шумящими подвѣсками.

Погребеніе 74, трупосожженіе.

1 и 2. Желѣзные: два топора,
3 и 4. » два ножа,
5. » остатки обоймъ съ кольцами,
6. » обломокъ неопредѣленнаго предмета.

Погребеніе 75, трупосожженіе.

1. Обрывки ножныхъ ремней съ бронзовыми обоймами и наконечниками.
2—5. Четыре бронзовыхъ шумящихъ привѣски, служившихъ украшеніемъ обуви, изъ нихъ пара, круглыхъ, обыкновенно, украшавшихъ носки обуви.
6. Спиральное бронзовое кольцо.
7. Большое число бронзовыхъ трапецевидныхъ привѣсокъ.
8. Обломокъ желѣзной пряжки.

Погребеніе 76, трупосожженіе.

1. Желѣзное копье.

Погребеніе 77.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » стрѣла.
3. Бронзовые: браслетъ,
4. » колокольчикъ,
5. » малое височное кольцо,
6. » спирали.
7. Кусокъ земли, переполненный зерновидными металлическими обломочками, повидимому, составлявшими украшенія ткани.

Погребеніе 78.

1. Серебряная массивная гривна.
2. Желѣзная стрѣла.
3. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 79.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » пѣшня или долото,
3. » копье,
4. » обломки неопредѣленныхъ предметовъ.
5. Бронзовыя: трапецевидная привѣска,
6. » трехугольная привѣска,
7. » спирали.

Погребеніе 80.

1. Бронзовое спиральное кольцо.

2 и 3. Два желѣзныхъ огнива съ приставшимъ къ одному изъ нихъ ремешкомъ.

4. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 81.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » пѣшня или долото,
3. » копье,
4. » ножъ.
5. Бронзовыя: спирали,
6. » привѣска.

7 и 8. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 82.

1. Деревянная палочка, обвитая бронзовою спиралью.
2. Желѣзное копье.
3. Точильный брусокъ.
4. Глиняный горшочекъ съ отбитымъ бокомъ.

Погребеніе 83.

1. Ожерелье изъ бусъ и бронзовыхъ спиралекъ.
2. Боковой женскій ремень, покрытый бронзовыми обоймами.

3 и 4. Остатки обуви обѣихъ ногъ, взятые съ почвою въ видѣ двухъ кусковъ, сохраняющихъ форму обуви. На каждомъ кускѣ видно по одной круглой шумящей привѣскѣ, украшавшей носки, по нѣсколько рядовъ бронзовыхъ спиралекъ и обоймъ, украшавшихъ обувь сверху и боковъ, и по одному длинному ножному ремню, украшенному бронзовыми обоймами.

5. Бронзовые: браслетъ,

6 и 7. » двѣ трехугольныя шумящія привѣски,

8. » такая же привѣска болѣе простой формы,

9—12. » четыре спиральныхъ кольца съ фалангами пальцевъ внутри ихъ,

13. » обломки спиральнаго браслета,

14. » очковидная привѣска,

15. » трапецевидныя подвѣски,

16. Бронзовые: двѣ подвѣски въ видѣ гусиныхъ лапокъ.
17. » колокольчикъ.
18. Желѣзный ножъ.
19. Бронзовыя обоймы съ поясного ремня.

Погребеніе 84.

1. Стеклянныя бусы.
2. Кусокъ ремня, покрытый бронзовыми спиралями.
3. Обломки желѣзной пряжки.
4—6. Три глиняныхъ горшка.

Погребеніе 85.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » копье,
3. » шило,
4. » крючекъ.
5—9. Бронзовые: пять массивныхъ шумящихъ привѣсокъ,
10 и 11. » двѣ болѣе легкія привѣски.
12—14. » три спиральныхъ кольца.

Погребеніе 86.

1. Серебряная гривна.
2. Желѣзные: ножъ,
3. » обломки обоймъ съ кольцами,
4. Бронзовые: перстень съ камнемъ,
5. » ажурный перстень.
6 и 7. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 87.

1—4. Четыре бронзовыхъ височныхъ кольца, изъ нихъ одно сломано, на другое напущены два бронзовыхъ спиральныхъ ручныхъ кольца.

Погребеніе 88.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » ножъ,
3. » долото или пѣшня,
4. » стремя,
5. » удила,
6. » куски неопредѣленныхъ предметовъ.
7. Бронзовыя: спиральное ручное кольцо,
8. » височное кольцо.

Погребеніе 89.

1. Головной жгутъ, обвитый бронзовою спиралью.
2. Широкій головной ремень (вѣнокъ), украшенный бронзовыми обоймами (распался на куски).
3. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью (распался на куски).
4. Ожерелье изъ бѣлыхъ (перламутровыхъ) бусъ.
5. Боковой женскій ремень, украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ, снизу подложеннымъ желѣзною пластинкою, (распался на куски).

6. Спинная привѣска, состоящая изъ двухъ бронзовыхъ шумящихъ коромыслъ и бронзовой пронизи, соединенныхъ ремешкомъ.
7. Бронзовая круглая шумящая бляшка, украшавшая обувь; вторая такая же бляшка оказалась утерянною уже послѣ извлеченія ея изъ почвы.
8 и 9. Двѣ парныхъ бронзовыхъ привѣски съ лапчатыми подвѣсками, украшавшихъ обувь.
10. Бронзовыя спиральки, украшавшія обувь; часть ихъ также утеряна.
11 и 12. Два бронзовыхъ наконечника, вѣроятно отъ ремней, служившихъ для обертыванія ногъ, выше ступней.
13. Бронзовые: гривна,
14 и 15. » двѣ височныя лунницы,
16. » нѣсколько височныхъ колецъ (всѣ въ поломанномъ видѣ),
17. » пряжка восточно-финскаго типа,
18. » грудная бляха (сломана на куски),
19 и 20. » два спиральныхъ кольца,
21 и 22. » два спиральныхъ браслета,
23. » ажурная бляшка,
24. » подвѣска въ видѣ гусиной лапки,
25. » привѣска съ коническими подвѣсками,
26. » привѣски съ лапчатыми подвѣсками.
27. Костяной кружокъ съ сверлиною.
28. Обломки желѣзнаго ножа.

Погребеніе 90, дѣтское.

1—3. Бронзовые: три спиральныхъ ручныхъ кольца,
4—5. » два височныхъ кольца,
6. » бубенчикъ,
7. » колокольчикъ.

Погребеніе 91, трупосожженіе.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » аграфъ,
3. » шило сильно перержавившее.
4. Бронзовыя: шумящая привѣска въ видѣ конька,
5 и 6. » двѣ спиральки,
7. » спиральное ручное кольцо.

Погребеніе 92, дѣтское

1. Желѣзное копье.
2. Глиняный горшечекъ.

Погребеніе 93.

1. Серебряный перстень съ спиральнo заходящими концами.
2. Желѣзные: топоръ-кельтъ,
3. » ножъ,
4. » очковидная привѣска.

Погребеніе 94.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » копье,
3. » дротикъ или острога.

Погребеніе 95.

1 и 2. Два головныхъ жгута, составленныхъ изъ тонкихъ волосяныхъ шнуровъ, обвитыхъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовою спиралью.
3. Ожерелье изъ бѣлыхъ, повидимому, перламутровыхъ бусъ.
4. Бронзовая массивная гривна съ напущенными на нее спиральными кольцами.
5. Боковой женскій ремень, снизу подложенный берестою, затѣмъ украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ подложенныимъ желѣзною пластинкою.
6. Ремни для обматыванія ногъ, украшенные бронзовыми обоймами; взяты съ землею.
7 и 8. Бронзовые: двѣ круглыхъ шумящихъ бляшки,
9. » спираль,
10. » обломки колецъ,
11. » небольшая обоймица,
12. » пряжка, восточно-финскаго типа,
13 и 14. » двѣ височныхъ лунницы,
15. » нѣсколько большихъ височныхъ колецъ, изъ нихъ на трехъ напущены спиральныя кольца; многія поломаны.
16. Остатки желѣзнаго ножа съ деревянной рукояткой и кожаными ножнами.
17. Костяной наконечникъ, повидимому, отъ ручки ножа.
18. Глиняные: ложковидный тигль,
19. » горшокъ.

Погребеніе 96, трупосожженіе.

1. Желѣзный топоръ.
2 и 3. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 97.

1. Головной тонкій жгутъ, составленный изъ волосъ, обвитыхъ ремнемъ и бронзовою спиралью.
2. Спинная привѣска, составленная изъ одного бронзоваго шумящаго коромысла и одной шумящей привѣски, связанныхъ ремешкомъ, остатки котораго сохранились въ пронизи.
3. Бронзовые: гривна, сломанная на двѣ части,
4. » шумящая привѣска,
5 и 6. » два колокольчика,
7. » нѣсколько трапецевидныхъ подвѣсокъ, изъ нихъ нѣкоторыя съ кольцами,
8. » спиральное кольцо,
9. » обломокъ височнаго кольца,
10. » наконечникъ бокового женскаго ремня.
11. Желѣзная пряжка.

Погребеніе 98.

1. Бронзовая привѣска съ красивой бирюзовой патиной, въ видѣ серьги.
2 и 3. Желѣзные: два топора,
4. » обломки удилъ,
5. » острога или дротикъ,
6 и 7. » два ножа,
8. » шило,
9 и 10. » два аграфа,
11. » обломокъ желобчатаго предмета.

Погребеніе 99.

1. Бронзовый пластинчатый браслетъ.
2 и 3. Два бронзовыхъ спиральныхъ кольца.
4. Желѣзные: топоръ,
5. » молотокъ,
6. » клещи (распались на куски),
7. » обломокъ пряжки,
8. » шило (?) со слѣдами деревянной рукоятки.
9. Глиняные: горшокъ,
10. » обломки большого горшка.

Погребеніе 100.

1. Бронзовыя: трехугольная шумящая привѣска,
2. » привѣска съ колокольчикомъ,
3. » три трапецевидныхъ подвѣски,
4. » спиралька на ремешкѣ,
5. » дѣтское спиральное кольцо.
6. Желѣзные: обломки копья,
7. » обломки большого кольца.

Погребеніе 101, дѣтское.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » огниво,
3. » аграфъ,
4. » обломки неопредѣленныхъ предметовъ.
5. Глиняный горшокъ на высокомъ подонѣ.

Погребеніе 102, дѣтское.

1. Обломокъ свинцоваго браслета.
2. Желѣзный ножъ.

Погребеніе 103, дѣтское.

1. Обрывки широкаго головного ремня, украшеннаго бронзовыми обоймами.
2 и 3. Двѣ бронзовыя подвѣски колокольчатой формы.
4. Бронзовыя: трапецевидныя подвѣски,
5. » спиральки.
6. Кусокъ свинцовой подѣлки.

Погребеніе 104, дѣтское.

1. Бронзовыя: круглая привѣска,
2. » височное малое кольцо,
3. » спиральки.
4 и 5. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 105, дѣтское.

1. Бронзовое спиральное дѣтское кольцо.
2. Желѣзный ножъ,

3. Желѣзные: копьецо,
4. » пряжка,
5. » обломокъ желобчатаго предмета.

Погребеніе 106, дѣтское.

1. Широкій головной ремень (вѣнокъ), покрытый бронзовыми обоймами (распался на куски).
2. Узкій головной ремень, покрытый бронзовыми обоймицами (распался на куски).
3. Головной тонкій жгутъ, составленный изъ спирально свернутаго ремня (безъ волосъ внутри), обвитаго бронзовою спиралью.
4. Бронзовые: наконечникъ бокового женскаго ремня съ подложенною снизу желѣзной пластинкой,
5. » гривна,
6—9. » четыре височныхъ кольца и спирали.
10. Желѣзные: ножъ,
11. » пряжка.
12. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 108.

1. Широкій головной ремень (вѣнокъ), покрытый бронзовыми обоймицами (распался на куски).
2. Спинная привѣска, составленная изъ двухъ бронзовыхъ шумящихъ коромыслъ и бронзовой пронизи, связанныхъ ремешкомъ.
3. Бронзовыя спирали отъ головного жгута.
4. Бронзовые: ажурная круглая бляха,
5 и 6. » два наконечника ремней.
7. Желѣзные: ножъ,
8. » аграфъ (обломокъ),
9. » обломки обоймъ съ кольцами,
10. » обломокъ неопредѣленнаго предмета.
11. Кусокъ бересты.

Погребеніе 109, трупосожженіе.

1. Желѣзный топоръ.

Погребеніе 111.

1. Бронзовая пряжка.
2. Желѣзный ножъ.
3. Обломокъ деревяннаго предмета съ бронзовой оправой.

Погребеніе 112.

1. Серебряная гривна.
2. Желѣзный топоръ-кельтъ.
3. Бронзовыя спирали.
4. Кусокъ (обрывокъ) грубой ткани.
5. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 113, трупосожженіе.

1. Обрывокъ широкаго головного ремня съ бронзовыми обоймами.
2. Бронзовый массивный браслетъ оригинальной формы.

3 и 4. Желѣзные: два аграфа или огнива,
5. » ножъ,
6—8. » три стрѣлы,
9. » обоймы съ кольцами,
10. » обломокъ желобчатаго предмета.
11. Кремень.

Погребеніе 115, конское.

1. Желѣзныя удила.

Погребеніе 116, трупосожженіе.

1—10. Бронзовыя: десять привѣсокъ,
11—13. » три височныхъ кольца,
14. » спиральное колечко.
15. Обломокъ желѣзнаго кольца.

Погребеніе 117.

1. Обломокъ желѣзнаго ножа.
2. Обломки желѣзныхъ обоймъ съ кольцами.
3. Остатки тонкаго ремешка съ бронзовыми спиральками.
4. Бронзовые: очковидная привѣска съ корнемъ дерева, проросшимъ черезъ ушко привѣски,

5 и 6. » два спиральныхъ кольца,
7. » обломки спиральныхъ колецъ.
8. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 118, дѣтское.

1. Головной жгутъ, составленный изъ бересты, скрученной въ трубочку и обвитой бронзовою спиралью.

2—5. Бронзовыя: четыре височныхъ кольца,
6—8. » три спиральныхъ кольца,
9. » трапецевидныя подвѣски.
10. Обломокъ желѣзнаго предмета.
11. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 119.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » копье,
3. » ножъ съ остатками деревянной ручки.

Погребеніе 120.

1. Серебряная орнаментованная оправа какого-то предмета.
2. Обломокъ костяного предмета, обвитаго бронзовою спиралью.

3. Бронзовая спиралька.
4. Обломки желѣзныхъ предметовъ.
5—7. Три глиняныхъ горшка.

Погребеніе коня.

1. Желѣзные: топоръ,
2 и 3. » два стремени.

Погребеніе 121.

1. Три бусины.
2. Желѣзная очковидная привѣска.
3. Три бронзовыхъ трехугольныхъ подвѣски.
4. Глиняный горшокъ.

Погребеніе коня.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » удила,
3. » пряжка,
4 и 5. » два стремени разныхъ формъ.

Погребеніе 123.

1. Желѣзные: топоръ-кельтъ,
2. » ножъ,
3. » пряжка,
4. » огниво (обломокъ).
5. Кремень.

Погребеніе 124.

1. Желѣзные: наконечникъ ремня,
2. » огниво или аграфъ,
3. » топоръ-кельтъ,
4. » ножъ,
5. » обломки желѣзныхъ предметовъ.
6. Бронзовая спираль.
7. Глиняный тигль съ отбитой ручкой.
8. Конскій зубъ.

Погребеніе 125, дѣтское.

1. Бронзовое кольцо.
2. Желѣзные: ножъ,
3. » аграфъ,
4. » пряжка,
5. » огниво (обломокъ).
6. Кремень.
7. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 126.

1. Бронзовая очковидная привѣска.
2. Желѣзный аграфъ.
3 и 4. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 127.

1. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 128, дѣтское.

1. Бронзовые: браслетъ,
2. » спиральное кольцо.
3. Желѣзный ножъ.

Погребеніе 129.

1. Бронзовыя: подвѣска въ видѣ колокольчика,
2. » подвѣска коническая,
3. » подвѣски трехугольныя,
4. » подвѣски трапецевидныя,
5. » спиральки.
6. Глиняные: тигль ложковидный.
7 и 9. » три горшка.

Погребеніе коня.

1. Желѣзныя: удила (обломки),
2. » пряжка.

Погребеніе 130, трупосожженіе.

1. Серебряная гривна.

Случайныя находки въ траншеѣ XXVII.

1. Желѣзное кольцо.
2 и 3. Желѣзный ножъ и обломокъ бронзоваго височнаго кольца.
4—5. Бронзовыя височныя кольца, изъ нихъ на одно напущены спиральныя кольца; обломки бронзовой обоймицы.

Погребеніе 133, дѣтское.

1. Бронзовыя: спиральное кольцо,
2. » спиралька.
3. Желѣзные: ножъ,
4. » обломки неопредѣленныхъ предметовъ.

Погребеніе 135.

1. Обломки свинцовой гривны.
2 и 3. Бронзовые: два спиральныхъ кольца,
4. » обломки кольца.
5. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 136, сидячее.

Наборъ обуви съ правой ноги:
1. бронзовыя: привѣска съ подвѣшенными гусиными лапками,
2 и 3. » двѣ попарно сложенныя спиральки,

4. бронзовыя: круглая съ шумящими подвѣсками привѣска,
5. » очковидная привѣска.

Съ лѣвой ноги:

6. Бронзовыя: привѣска съ подвѣшенными гусиными лапками (утеряна),
7 и 8. » двѣ попарно сложенныя спиральки,
9. » круглая съ шумящими подвѣсками привѣска,
10. » очковидная привѣска.
11—13. Къ обуви относятся также три бронзовыхъ наконечника отъ ножныхъ ремней.
14 и 15. Двѣ бронзовыя спиральки неизвѣстнаго назначенія.
16. Боковой женскій ремень, украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ.
17 и 18. Двѣ шумящихъ бронзовыя привѣски, найденныя у бокового женскаго ремня.
19 и 20. Бронзовые: два колокольчика, подвѣшенные на длинныхъ спираляхъ; найдены у затылка костяка,
21. » два спиральныхъ кольца.
22. Желѣзные: ножъ,
23. » шило.
24. Глиняный горшокъ.
25. Остатки луба и приставшей къ нему шерстяной матеріи или войлока.

Погребеніе коня.

1. Три обломка бронзовой орнаментованной пластинки.

Погребеніе 137.

1. Головной тонкій жгутъ, составленный изъ скрученнаго ремня, обвитаго бронзовою спиралью.
2. Бронзовыя крупныя спирали, повидимому, входившія въ составъ головного жгута.
3—10. Бронзовыя: восемь височныхъ колецъ, изъ нихъ на одно напущены дѣтскія спиральныя кольца,
11 и 12. » два малыхъ височныхъ кольца,
13—18. » шесть ручныхъ спиральныхъ колецъ,
19. » небольшая шумящая привѣска,
20. » спиралька,
21. » обоймицы.
22. Желѣзный ножъ.
23. Кусокъ деревянной подѣлки.
24. Глиняный горшокъ.

Погребеніе коня.

1. Бронзовыя пластинки.

Погребеніе 138, трупосожженіе.

1. Бронзовые: спиральный браслетъ съ расплавленнымъ на огнѣ бокомъ, прилипшимъ къ ручной обугленной кости, вложенной внутрь браслета,
2. » спиральный второй браслетъ,
3. » нѣсколько сломанныхъ височныхъ колецъ.
4 и 5. Два желѣзныхъ ножа.

Погребеніе 139.

1. Бронзовыя: подвѣски въ видѣ гусиныхъ лапокъ,
2. » три подвѣски трапецевидныя.
3. Крупная бусина.

Погребеніе 140.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » ножъ,
3. » сломанная пряжка,
4. » очковидная привѣска,
5. » обломокъ неопредѣленнаго предмета.

6 и 7. Бронзовые: двѣ круглыхъ шумящихъ привѣски,
8. » перстень,

9 и 10. » два спиральныхъ кольца,
11. » височное кольцо,

12—14. » три бубенчика,
15. » спирали,
16. » пряжка восточно-финскаго типа (не цѣлая).

Погребеніе 141, дѣтское.

1. Головной жгутъ, составленный изъ волосъ, сыромятнаго ремня и бронзовой спирали; волосы свиты во множество тонкихъ шнуровъ.
2. Боковой женскій ремень, покрытый бронзовыми обоймами.
3. Бронзовая спиралька.
4. Обломки зубовъ коровы.

Погребеніе 142.

1—3. Бронзовые: двѣ шумящихъ подвѣски и спиралька,

4—11. » восемь височныхъ колецъ,

12. » ажурная пряжка съ шумящими подвѣсками и остатками поясного ремня,
13. » миніатюрный браслетъ или кольцо отъ пряжки,

14—19. » шесть колокольчиковъ,

20. » значительное число трапецевидныхъ подвѣсокъ.
21. Серебряная грудная бляха.
22. Боковой женскій ремень, покрытый бронзовыми обоймами съ наконечникомъ, подложеннымъ желѣзною пластинкою.

Погребеніе 143.

1. Головной жгутъ, составленный изъ скрученныхъ бересты и бронзовой спирали.
2. Широкій головной ремень (вѣнокъ), въ средней части покрытый бронзовыми обоймами и трехугольными бронзовыми подвѣсками.

3—5. Три бронзовыхъ пронизки на ремешкѣ.

6. Ожерелье изъ бѣлыхъ, вѣроятно, перламутровыхъ бусъ.
7. Бронзовый наконечникъ бокового женскаго ремня.
8. Спинная привѣска, составленная изъ одного бронзоваго шумящаго коромысла и двухъ костяныхъ коромыслъ (одно въ видѣ обломка), обвитыхъ въ срединѣ бронзовою спиралью; привѣска соединялась ремешкомъ.

9. Остатки шерстяныхъ онучъ, обвитыхъ узкими, но плотными ремнями, украшенными бронзовыми обоймами.
10—21. Бронзовые: двѣнадцать височныхъ колецъ (нѣкоторыя сломаны),
22. » грудная бляха,
23 и 24. » два ажурныхъ перстня съ шумящими подвѣсками,
25—28. » четыре спиральныхъ кольца,
29. » шумящая привѣска.
30. Глиняный тигль.
31. Желѣзные: ножъ съ слѣдами деревянной рукоятки,
32. » обломокъ пряжки.

Погребеніе 144.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » копье,
3. » ножъ,
4. » обломокъ огнива съ отпечатками грубой ткани.
5. Кремень.
6 и 7. Бронзовыя: двѣ подвѣски,
8—11. » четыре подвѣски, въ видѣ колокольчиковъ,
12—16. » пять колецъ,
17. » спиралька.

Погребеніе 145.

1 и 2. Два головныхъ жгута, состоящихъ изъ ремней, обвитыхъ бронзовою проволокою.
3. Широкій головной ремень (вѣнокъ), покрытый бронзовыми обоймами.
4. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью съ трапецевидными подвѣсками.
5—18. Четырнадцать бронзовыхъ височныхъ колецъ, на нѣкоторыя изъ нихъ напущены спиральныя ручныя кольца.
19—20. Двѣ массивныхъ бронзовыхъ гривны.
21. Грудная бронзовая бляха.
22 и 23. Два бронзовыхъ браслета.
24. Нѣсколько бронзовыхъ ручныхъ колецъ.
25. Костяной гребень.
26—28. Наборъ пояса, состоящій изъ бронзовыхъ шумящихъ ажурныхъ: пряжки и двухъ привѣсокъ.
29. Боковой женскій ремень, украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ.
30. Спинная привѣска, состоящая изъ двухъ бронзовыхъ шумящихъ коромыслъ и двухъ пронизей, объединенныхъ ремешкомъ.
31 и 32. Двѣ бронзовыя очковидныя привѣски.
33. Обувь, украшенная бронзовыми скобами, шумящими привѣсками, спиралями и снабженная длинными ремнями, покрытыми бронзовыми обоймами.
34. Глиняный горшокъ.
35. Одна бронзовая пряжка.

Погребеніе 146, дѣтское.

1. Бусинка.
2. Бронзовая спиралька,

3. Бронзовые: подвѣска въ видѣ колокольчика.
4. » обломки височнаго кольца.

Погребеніе 147, трупосожженіе.

1. Бронзовыя спиральныя кольца.
2—4. Желѣзные: три огнива или аграфа,
5. » ножъ,
6. » копье,
7. » обойма съ кольцами.
8. Кремень.

Погребеніе 149.

1 и 2. Два бронзовыхъ височныхъ кольца.
3. Желѣзные: ножъ,
4. » сломанная пряжка,
5. » обломки наконечника ремня.
6. Глиняный тигль.

Погребеніе 150, трупосожженіе.

1 и 2. Два медвѣжьихъ когтя (одинъ сломанъ).
3 и 4. Двѣ костяныхъ подвѣски.
5. Кусокъ бронзовой проволоки.
6. Желѣзная очковидная привѣска.

Погребеніе 151, трупосожженіе.

1 и 2. Желѣзные: два ножа,
3. » копье,
4. » обломокъ огнива,
5. » обломокъ, повидимому, ножа,
6. » обломокъ трубчатаго предмета.
7. Кремень.
8. Бронзовый сжатый браслетъ.

Погребеніе 153, дѣтское.

1. Головные теменные волосы, сохранившіеся съ кожей и кускомъ черепа.
2. Широкій головной ремень (вѣнокъ), покрытый бронзовыми обоймами.
3. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью съ тремя трапецевидными подвѣсками.
4. Ожерелье изъ бѣлыхъ перламутровыхъ бусъ.
5. Остатки бокового женскаго ремня съ двумя бронзовыми обоймами и наконечниками.
6 и 7. Бронзовые: спиральные браслеты съ сохранившимися въ нихъ костями рукъ,
8. » ажурная грудная бляха съ шумящими подвѣсками,
9 и 10. » два спиральныхъ колечка,
11—15. » бронзовыя височныя кольца малыя и большія, изъ нихъ цѣлыми сохранились одно малое и четыре большихъ кольца; на большія кольца напущены по одному спиральному кольцу,
16—18. » три шумящихъ привѣски,

19. Бронзовые: трапецевидныя подвѣски, украшавшія подолъ одежды,
20 и 21. » двѣ парныя спирали отъ обуви.
22. Желѣзный ножъ.
23. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 154.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » обломки пряжки.

Погребеніе 155.

1 и 2. Два головныхъ жгута, составленныхъ изъ волосъ, обвитыхъ сыромятными ремнями и бронзовою спиралью.
3. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью.
4. Ожерелье изъ бѣлыхъ перламутровыхъ бусъ.
5. Боковой женскій ремень, покрытый бронзовыми обоймами и наконечникомъ. Подъ ремнемъ сохранилась длинная полоса мѣховой одежды, сшитой мѣхомъ наружу.
6 и 7. Бронзовые: двѣ круглыхъ шумящихъ привѣски,
8 и 9. » нѣсколько височныхъ колецъ, изъ нихъ на двухъ напущены спиральныя кольца, прочія — сломаны,
10. » гривна.
11 и 12. Желѣзные: два ножа,
13 и 14. » двѣ пряжки (сломаны).
15. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 156.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » желобчатый стержень,
3. » оболомокъ пряжки.

Погребеніе 157, трупосожженіе.

1. Бронзовые: грудная бляха, сломанная на куски,
2 и 3. » два небольшихъ наконечника, повидимому, отъ ножныхъ ремней,
4—6. » три парныхъ спиральки отъ обуви,
7. » очковидная привѣска.

Погребеніе 158.

1. Желѣзные: топоръ-кельтъ,
2. » ножъ,
3. » шило,
4. » обломки обоймъ.

Погребеніе 159.

1. Желѣзный ножъ.

Погребеніе 160.

1. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью.
2. Спинная привѣска, состоящая изъ части деревяннаго костылька, обвитаго бронзовою спиралью, бронзоваго шумящаго коромысла и двухъ пронизей, объединенныхъ ремешкомъ, остатки котораго сохранились въ пронизяхъ.

3. Остатки бокового женскаго ремня, украшеннаго бронзовыми обоймами и наконечникомъ.
4—6. Бронзовыя: три спиральныхъ кольца,
7—9. » три трехугольныхъ подвѣски,
10—21. » двѣнадцать височныхъ колецъ,
22. » лунница.
23 и 24. Желѣзные: два сломанныхъ браслета,
25. » обломки пряжки,
26. » ножъ,
27. » обломки аграфа.
28. Обрывокъ ремня съ двумя проколотыми дырами.
29. Остатки мѣховой одежды.
30. Глиняный горшокъ.

Погребенiе 161, трупосожженiе.

1. Кусочекъ шерстяной ткани.
2. Стеклянныя синiя бусы.
3—8. Бронзовыя: спиральки и подвѣски, входившiя въ составъ ожерелья,
9—12. » четыре спиральныхъ кольца.
13. Обрывки узкихъ ремней съ бронзовыми обоймами.
14. Желѣзные: ножъ,
15. » ножъ съ остатками рукоятки, кожаныхъ ноженъ, украшенныхъ бронзовою оправою.

Погребенiе 162, трупосожженiе.

1. Узкiй головной ремень, обвитый бронзовою спиралью.
2—4. Бронзовыя: три малыхъ височныхъ кольца,
5—13. » девять височныхъ колецъ, изъ нихъ на два напущены спиральныя кольца,
14. » ажурная грудная бляха.
15. Обломки желѣзной пряжки.

Погребенiе 163.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » ножъ,
3. » обломки пряжки,
4. » обломки огнива,
5. » желобчатый предметъ.
6. Кремень.
7. Бронзовое спиральное кольцо.
8. Глиняный горшокъ.

Погребенiе 164, дѣтское.

1. Ожерелье изъ желтыхъ и синихъ бусъ.
2. Остатки бокового женскаго ремня, покрытаго бронзовыми обоймами.
3. Бронзовые: гривна, съ напущенными спиральными кольцами,
4—7. » четыре малыхъ височныхъ кольца,
8 и 9. » два большихъ височныхъ кольца,

10. Бронзовыя: спиральное колечко,
11. » плоскій браслетъ.

Погребеніе 165, дѣтское.

1. Ожерелье изъ желтыхъ и синихъ бусъ.

Погребеніе 166.

1. Бронзовыя: спираль отъ головного жгута,
2. » привѣска, въ видѣ колокольчика
3. » цѣпочка,
4. » спиральное ручное кольцо,
5. » спираль.

Погребеніе 167.

1. Желѣзный ножъ съ слѣдами деревянной рукоятки.

Погребеніе 168.

1. Головной жгутъ, составленный изъ волосъ, обвитыхъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовою спиралью.
2. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью съ подвѣшенными бронзовыми привѣсками.
3. Ожерелье изъ бусъ и бронзовыхъ подвѣсокъ.

4 и 5. Бронзовыя: два малыхъ височныхъ кольца,
6—13. » восемь большихъ височныхъ колецъ.

14. Остатки бокового женскаго ремня, покрывавшагося тонкими бронзовыми обоймами, разсыпавшимися въ мелкіе куски.
15. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 169.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » обломки разныхъ предметовъ.
3. Бронзовый спиральный браслетъ.

Погребеніе 170, дѣтское.

1. Бронзовое спиральное кольцо.
2. Кремень.
3. Желѣзная обойма съ кольцами.
4. Обломки разныхъ желѣзныхъ предметовъ.

Погребеніе 171, дѣтское.

1. Бронзовое височное кольцо.

Погребеніе 172, трупосожженіе.

1 и 2. Два глиняныхъ горшка.
3—6. Четыре бронзовыхъ очковидныхъ привѣски.

Погребеніе 174, дѣтское.

1. Бронзовые: дѣтскій браслетъ,
2. » спираль.

Погребеніе 175, дѣтское.

1 и 2. Бронзовые: два спиральныхъ браслета,
3. » витое кольцо,
4. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 176.

1. Шиферное пряслице.
2. Обломокъ желѣзнаго ножа.
3. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 177, трупосожженіе.

1 и 2. Двѣ бронзовыя спиральки.
3. Желѣзные: сломанная гривна,
4. » обломокъ ножа.

Погребеніе 178, дѣтское.

1. Обломки свинцовой гривны.
2—4. Бронзовыя: три спиральныхъ ручныхъ кольца,
5. » спиралька.
6. Желѣзные: дѣтскій топорикъ,
7. » ножъ,
8. » обломки ножницъ,
9. » обломки разныхъ предметовъ.

Погребеніе 179.

1. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью.
2—5. Четыре серебряныхъ височныхъ кольца; на каждое большое кольцо напущено по два бронзовыхъ малыхъ, при чемъ у одного большого и одного малаго колецъ по одному концу закончены завиткомъ.
6 и 7. Два бронзовыхъ кольца съ напущенными на нихъ бусинами.
8. Бронзовыя: привѣска въ видѣ лунницы,
9. » цѣпочка съ кольцомъ и бубенчикомъ.
10. Двѣ нитки разныхъ бусъ.

Погребеніе 180, дѣтское.

1. Бронзовый браслетъ.
2. Желѣзные: ножъ,
3 и 4. » двѣ пряжки.

Погребеніе 181.

1. Серебряная пряжка восточно-финскаго типа съ надѣтымъ на нее кожанымъ кружкомъ, назначеніе непонятно.
2. Бронзовый браслетъ.
3. Желѣзный топоръ-кельтъ.

Погребеніе 182.

1 и 2. Двѣ бронзовыя пряжки, изъ нихъ одна восточно-финскаго типа.
3. Желѣзные: ножъ съ остатками деревянной рукоятки,
4. » шило.
5. Кольцо изъ серебристаго металла.

Погребеніе 183, дѣтское.

1. Бронзовые: браслетъ,
2 и 3. » два височныхъ кольца,
4 и 5. » двѣ пряжки, изъ нихъ одна восточно-финскаго типа,
6—8. » три обоймы съ кольцами,
9 и 10. » двѣ обоймы съ остатками ремня,
11. » спиральки.

Погребеніе 184.

1. Головной широкій ремень (вѣнокъ), составленный изъ бронзовыхъ цилиндрическихъ пронизей, спиралекъ и обоймъ, послѣднія — посеребрены или даже серебряныя.
2. Ожерелье изъ металлическихъ бусъ и пронизокъ, напущенныхъ на ремешокъ.
3. Бусы.
4. Поясной ремень, украшенный бронзовыми бляшками, пряжкой и наконечникомъ.
5—8. Бронзовые: четыре колокольчика,
9—13. » пять пирамидальныхъ колокольчиковъ,
14 и 15. » два спиральныхъ браслета съ завитками на концахъ,
16 и 17. » два круглыхъ браслета,
18 и 19. » два массивныхъ височныхъ кольца,
20—23. » четыре спиральныхъ ручныхъ кольца съ колечками и шумящими подвѣсками на концахъ,
24—27. » четыре пряжки восточно-финскаго типа,
28. » привѣска въ видѣ уточки съ лапками, подвѣшенными на цѣпочкахъ.
29. Обломокъ желѣзнаго предмета.
30. Обрывки ремней и кожи.
31. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 185.

1. Бронзовыя: пряжка восточно-финскаго типа,
2. » пряжка съ обоймой и остатками ремешка,
3. » спиральное колечко.
4 и 5. Желѣзные: ножъ съ остатками деревянной рукоятки и кожаныхъ ноженъ,
6 и 7. » двѣ пряжки.
8. Глиняные: горшокъ,
9. » пряслице.

Погребеніе 186.

1. Лобная часть черепа съ приставшими къ нему остатками головного вѣнчика изъ бронзовыхъ спиралекъ въ четыре ряда.
2. Остатки головного вѣнчика, составленнаго изъ серебряныхъ пронизей, обоймъ, двухъ пряжекъ и двухъ наконечниковъ ремней.

3 и 4. Два массивныхъ серебряныхъ височныхъ кольца.
5. Серебряная пряжка восточно-финскаго типа.
6. Бронзовые: пряжка восточно-финскаго типа,
7. » грудная бляха въ формѣ пряжки,
8—10. » три пряжки,
11—13. » три браслета,
14 и 15. » два спиральныхъ кольца
16. » бляшка,
17—19. » три шумящихъ привѣски,
20. » спирали, напущенныя на шнуръ изъ конскихъ волосъ.
21. Остатки толстаго, но узкаго ремня, покрытаго бронзовыми обоймами.
22. Деревянная рукоятка, повидимому, кнута, обвитая широкою бронзовою лентою.
23. Желѣзные: ножъ въ кожаныхъ ножнахъ, оправленныхъ въ бронзу (плохой сохранности),
24 и 25. » двѣ пряжки,
26. » топоръ-кельтъ,
27. » копье,
28. » обломокъ шила съ остатками деревянной рукоятки.
29. Кремень.
30. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 187.

1. Обломокъ желѣзнаго копья.
2. Желѣзная пряжка.
3. Обломокъ бронзовыхъ колецъ.

Погребеніе 188, дѣтское.

1. Остатки бокового женскаго ремня съ бронзовыми обоймами и наконечникомъ.
2 и 3. Бронзовые: двѣ шумящихъ привѣски,
4. » ажурная грудная бляха,
5. » спираль,
6—9. » четыре спиральныхъ дѣтскихъ кольца,
10—23. » четырнадцать разныхъ формъ и размѣровъ височныхъ колецъ, изъ нихъ на два напущены спирали.
24. Ожерелье изъ бусъ, бронзовыхъ подвѣсокъ и спиралекъ.
25—26. Желѣзные: два ножа,
27. » обломокъ кольца,
28. » обломокъ стремени.
29. Бронзовая двойная спираль.
30 и 31. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 189.

1. Желѣзный ножъ.

Погребеніе 190, дѣтское.

1. Бронзовые: спираль,
2. » колокольчикъ,
3. » обойма,

4. Бронзовые: пряжка,
5 и 6. » два спиральныхъ дѣтскихъ кольца,
7. » спиралька.
8. Стеклянная тройчатая бусина.
9. Обломки свинцовой гривны.
10. Глиняный горшокъ.

Погребенiе 191.

1. Желѣзный топоръ-кельтъ.
2. Глиняный горшокъ.

Погребенiе 192.

1. Желѣзный топоръ-кельтъ съ остатками деревянной рукоятки.
2. Глиняный горшокъ (сломанный).

Погребенiе 193.

1 и 2. Желѣзные: два ножа,
3. » топоръ-кельтъ.

Погребенiе 194.

1. Глиняный горшокъ съ отбитымъ бокомъ.

Погребенiе 195, дѣтское.

1. Бусина.
2 и 3. Бронзовыя: двѣ пряжки восточно-финскаго типа.
4—6. » три спиральныхъ дѣтскихъ кольца.

Погребенiе 196.

1. Серебряная височная лунница.
2. Бронзовая спираль.
3. Желѣзный ножъ.

Погребенiе 201.

1. Три бусины.
2—4. Бронзовыя: три височныхъ кольца,
5. » спиральное кольцо,
6. » подвѣска въ видѣ колокольчика.
7. Обломки желѣзной пряжки.
8. Глиняный горшокъ.

Погребенiе 202.

1. Одна бусина.
2. Серебряная височная лунница съ остатками волосъ покойника.

Погребенiе 203.

1. Два куска бронзовой цѣпочки.
2. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 204.

1. Бронзовыя: спирали,
2. » шумящая привѣска.
3. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 205.

1. Желѣзная пряжка.
2. Глиняное пряслице.

Погребеніе 206.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » копье,
3. » ножъ,
4. » пряжка,
5. » кольцо,
6. » бляшка.

Погребеніе 207.

1. Остатки головного вѣнка изъ бронзовыхъ спиралекъ и обоймъ, напущенныхъ на тонкіе ремешки.
2. Ожерелье бусъ.

3 и 4. Бронзовые: два височныхъ кольца,
5 и 6. » два браслета,
7 и 8. » пряжка и обоймы,
9. » кольцо,
10. » пряжка восточно-финскаго типа.
11. Волосы покойника темнаго цвѣта.

Погребеніе 208.

1. Бронзовые: браслетъ,
2. » пряжка,
3. » кольцо.
4. Желѣзные: ножъ,
5. » пряжка.

Погребеніе 209.

1. Желѣзные: ножъ,
2. » удила,
3. » обломокъ огнива,
4. » обломокъ желобчатаго предмета.
5. Три кремня.

Погребеніе 210.

1. Бронзовыя: очковидная привѣска,
2. » двѣ трапецевидныя подвѣски (одна сломана).

Погребеніе 211, трупосожженіе.

1 и 2. Два желѣзныхъ ножа.

Погребеніе 212.

1 и 2. Два бронзовыхъ височныхъ кольца.
3. Желѣзная пряжка.

Погребеніе 213.

1 и 2. Два головныхъ жгута, составленныхъ изъ волосяныхъ шнуровъ, обвитыхъ широкимъ ремнемъ и бронзовою спиралью.
3. Ожерелье изъ разноцвѣтныхъ бусъ и бронзовыхъ подвѣсокъ.
4—11. Бронзовые: восемь височныхъ колецъ,
12. » кольцо,
13. » колокольчикъ.
14. Боковой женскій ремень, украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ, подложеннымъ снизу желѣзной пластинкой.
15—18. Желѣзные: обломки четырехъ пряжекъ,
19. » ножъ съ остатками кожаныхъ ноженъ, украшенныхъ бронзовыми обоймами,
20. » шило.
21. Глиняный горшокъ.

Погребеніе коня.

1. Желѣзныя удила.

Погребеніе 215.

1. Бронзовая спираль.
2. Желѣзные: топоръ-молотъ,
3. » ножъ,
4. » обломокъ огнива съ кремнемъ.
5. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 216.

1. Желѣзные: топоръ-кельтъ,
2. » ножъ съ остатками деревянной рукоятки,
3. » огниво,
4. » сломанный пластинчатый браслетъ,
5. » обломки разныхъ предметовъ.
6. Бронзовое спиральное колечко.
7. Кремень.

Погребеніе 217.

1—7. Семь серебряныхъ крестообразныхъ фибулъ готскаго стиля. Фибулы служили украшеніемъ головного убора.
8. Широкій головной вѣнокъ, составленный изъ серебряныхъ пронизей, обоймъ, наконечника ремня и бронзовой пряжки.
9. Узкій головной ремень, составленный изъ бронзовыхъ спиралей, обоймицъ и пряжки.
10. Наборъ поясного ремня, состоящій изъ серебряной пряжки готскаго стиля, серебряныхъ бляшекъ и наконечника.
11. Ожерелье изъ бусъ и бронзовыхъ четырехгранныхъ колокольчиковъ.
12 и 13. Два серебряныхъ массивныхъ височныхъ кольца.
14. Серебряная большая, плоская пряжка восточно-финскаго типа.

15 и 16. Бронзовые: два кольца,
17. » спиральное кольцо,
18—21. » четыре бляшки въ видѣ пуговицъ,
22. » спираль,
23—26. » четыре браслета,
27. » пряжка восточно-финскаго типа,
28—32. » пять колокольчиковъ,
33. » шумящая привѣска.
34 и 35. Двѣ раковины каури (одна сломана).
36. Глиняный горшокъ съ отбитымъ краемъ, украшеннымъ черточками по обрѣзу края.

Погребеніе 218.

1. Серебряная большая плоская пряжка восточно-финскаго типа.
2. Обрывки ремней и серебряный наборъ узды.
3. Желѣзныя удила.
4. Бронзовый пинцетъ со вложеннымъ въ него деревяннымъ клиномъ.
5. Бронзовые: спиральное кольцо,
6. » обломки браслета,
7. » обойма съ длиннымъ гвоздемъ.
8. Костяной костылекъ съ приставшимъ къ нему обрывкомъ кожи.
9. Желѣзные: копье,
10. » дротикъ или острога,
11. » стремя,
12 и 13. » два ножа,
14. » гвоздь,
15. » обломокъ гвоздевиднаго предмета.
16. Обломокъ деревяннаго предмета.
17. Кремень.
18. Кусочки кожи.
19. Остатки шерстяной діагональной ткани, сверху обложенной бронзовыми спиралями, расположенными въ видѣ геометрическихъ фигуръ.

Погребеніе 220.

1. Широкій головной вѣнокъ, составленный изъ серебряныхъ пронизей и обоймъ.
2. Узкій головной ремень, составленный изъ бронзовыхъ спиралекъ, обоймъ, пряжки и серебрянаго наконечника.
3 и 4. Два серебряныхъ височныхъ кольца.
5—12. Восемь бронзовыхъ крестообразныхъ фибулъ готскаго стиля; всѣ безъ иглъ и приспособленій для застегиванія: служили бляхами для украшенія головного убора.
13. Большая пятипальчатая фибула готскаго стиля съ желѣзной иглой.
14—19. Серебряные наконечникъ и бляшки, служившіе украшеніемъ поясного ремня.
20. Раковины каури.
21—24. Бронзовые: четыре колокольчика,
25—28. » четыре пирамидальныхъ колокольчика,
29 и 30. » два браслета спиральныхъ съ расширяющимися концами.
31. Желѣзные: ножъ съ слѣдами деревянной рукоятки,
32. » обломки неопредѣленныхъ предметовъ.
33. Два кремня.

34. Куски ремней и волосъ.
35—47. Тринадцать серебряныхъ бляшекъ и наконечникъ поясного ремня.

Погребеніе 221, дѣтское.

1. Бронзовый колокольчикъ.
2. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 222.

1. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 223.

1. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 224.

1. Бронзовыя: ажурная пряжка круглой формы съ шумящими подвѣсками,
2. » шумящая привѣска.

Погребеніе 225.

1. Серебряная плоская пряжка восточно-финскаго типа.
2. Бронзовый браслетъ съ отломанными концами,
3. Желѣзный топоръ-кельтъ.

Погребеніе 226, трупосожженіе.

1. Желѣзный ножъ.

Погребеніе 228.

1. Обрывки ремня съ бронзовыми кнопками.

Погребеніе 229, дѣтское.

1. Бронзовыя спирали отъ головного жгута.
2. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью.
3—7. Бронзовыя: пять височныхъ колецъ, изъ нихъ два — малыхъ,
8. » трапецевидныя подвѣски,
9. » коническія подвѣски.
10. Желѣзное шило.
11—12. Двѣ бусины.
13 и 14. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 230.

1. Желѣзный ножъ.

Погребеніе 231, дѣтское.

1. Узкій головной ремень, украшенный бронзовыми спиральками и обоймами.
2. Бронзовая бляха въ видѣ готской фибулы.
3 и 4. Два бронзовыхъ браслета.
5 и 6. Два глиняныхъ горшка.

Погребеніе 232.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » копье,
3. » ножъ.

Погребеніе 233.

1. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 234.

1—3. Три глиняныхъ горшка.
4 и 5. Два головныхъ жгута, обвитыхъ бронзовою спиралью.
6. Широкій головной ремень (вѣнокъ), украшенный бронзовыми обоймами.
7. Узкій головной ремень, украшенный бронзовыми обоймами и шумящими привѣсками.
8—19. Двѣнадцать бронзовыхъ височныхъ колецъ.
20 и 21. Двѣ бронзовыя височныя лунницы.
22. Бусы.
23 и 24. Двѣ бронзовыя гривны.
25. Бронзовая ажурная бляха.
26 и 27. Два бронзовыхъ спиральныхъ браслета.
28. Нѣсколько бронзовыхъ ручныхъ спиральныхъ колецъ.
29. Желѣзный ножъ съ остатками кожаныхъ ноженъ, оправленныхъ въ бронзу.
30. Боковой женскій ремень, украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ.
31. Желѣзное шило.
32. Спинная привѣска, составленная изъ бронзовыхъ шумящихъ коромыслъ и пронизей, объединенныхъ ремешкомъ, остатки котораго сохранились.
33. Второе желѣзное шило.
34. Желѣзный ножъ.
35. Большое количество трапецевидныхъ подвѣсокъ.
36. Остатки ремней, покрытыхъ бронзовыми обоймами, обвивавшихъ ноги.
37. Бронзовый наборъ, украшавшій обувь, состоящій изъ двухъ шумящихъ привѣсокъ и спиралей.

Погребеніе 235.

1. Глиняный горшокъ.
2 и 3. Два головныхъ жгута, обвитыхъ бронзовою спиралью.
4. Узкій головной ремень, украшенный бронзовыми обоймами и подвѣсками.
5. Бусы.
6. Бронзовая гривна.
7. Глиняный горшокъ.
8 и 9. Два спиральныхъ ручныхъ кольца.
10—23. Четырнадцать бронзовыхъ височныхъ колецъ.
24. Желѣзный ножъ.
25. Желѣзная пряжка съ рукояткою, оправленною въ бронзу.
26. Спинная привѣска, составленная изъ двухъ костяныхъ и одного бронзоваго шумящаго коромысла.
27. Бронзовый наконечникъ бокового женскаго ремня.
28. Остатки ремней, покрытыхъ бронзовыми обоймами, служившихъ для обертыванія ногъ.
29. Бронзовый наборъ, украшавшій обувь, состоящій изъ двухъ шумящихъ привѣсокъ и спиралей.

Погребеніе 236.

1. Бронзовыя: пряжка восточно-финскаго типа,
2. » спиральное кольцо,
3. » спирали.
4. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 237.

1. Бронзовая спираль.
2. Желѣзные: ножъ,
3. » удила.

Погребеніе 238.

1. Желѣзный ножъ.
2. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 239.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » стремя,
3. » удила,
4. » копье съ бронзовой обоймой,
5. » копье,
6. » пряжка,
7. » сломанная пряжка.

Погребеніе 240, трупосожженіе.

1. Желѣзный ножъ.
2. Бронзовыя спирали отъ головного жгута.
3. Обломки бронзовыхъ пластинокъ.

Погребеніе 242, трупосожженіе.

1. Бронзовое спиральное дѣтское кольцо.

Погребеніе 243.

1. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 244, дѣтское.

1. Свинцовая гривна.
2. Бронзовыя: шумящая привѣска,
3. » двѣ спиральки.
4. Желѣзный ножъ.
5. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 245, трупосожженіе.

1. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 246.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » ножъ,

3. Желѣзные: огниво,
4. » обломки неопредѣленныхъ предметовъ.
5. Кремень.
6. Бронзовая спираль.

Погребеніе 247.

1—4. Бронзовыя: четыре височныхъ кольца,
5. » спиральное кольцо.
6. Желѣзные: ножъ,
7. » шило,
8. » наконечникъ ремня,
9. » обломокъ пряжки.
10. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 249.

1. Желѣзный топоръ-кельтъ.

Погребеніе 250.

1. Обрывки тонкаго головного жгута, составленнаго изъ жесткихъ, вѣроятно, конскихъ волосъ, обвитыхъ сыромятнымъ ремнемъ и бронзовою спиралью.
2. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью.
3—6. Спинная привѣска, составленная изъ двухъ костяныхъ, одного бронзоваго шумящаго коромысла, одной шумящей бронзовой привѣски, объединенныхъ ремнемъ.
7—14. Бронзовые: восемь колокольчиковъ съ подвѣшенными къ нимъ попарно малыми колокольчиками,
15—24. » десять колокольчиковъ,
25. » пронизки,
26. » обоймица,
27 и 28. » два спиральныхъ браслета (сломаны),
29. » спиральное ручное кольцо,
30. » плоскій бронзовый браслетъ съ напущенною на него спиралью,
31. » спиральки изъ завитыхъ пластинокъ,
32—34. » три пачки трапецевидныхъ подвѣсокъ.
35. Желѣзные: ножъ,
» шило съ отломаннымъ концомъ,
» обломокъ пряжки.
36—39. Четыре серебряныхъ височныхъ кольца.
40. Серебряная большая грудная пряжка.
41. Бронзовая гривна.
42. Ожерелье изъ разныхъ бусъ.

Погребеніе 251.

1. Обломки желѣзныхъ предметовъ.

Погребеніе 252.

1. Головной вѣнчикъ, составленный изъ серебряныхъ пронизей и обоймъ, бронзовыхъ спиралей, пряжки и наконечника. Все это объединялось широкимъ ремнемъ, разрѣзаннымъ продольно на четыре узкихъ ремешка, пропущенные черезъ спираль и пронизи. Ремень сохранился только отчасти.
2—5. Четыре серебряныхъ височныхъ кольца.

6 и 7. Двѣ привѣски, спускавшихся отъ затылка по спинѣ, составленныхъ изъ тонкихъ ремешковъ, съ напущенными на нихъ бронзовыми спиралями и пронизками, шедшими въ два ряда; каждая привѣска на концѣ украшается двумя большими четырехгранными бронзовыми колокольчиками.

8 и 9. Спинная привѣска, составленная изъ одного бронзоваго коромысла съ четырьмя колокольчиками и одной бронзовой привѣски съ такими же колокольчиками.

10. Бронзовые: гривна,

11. » ажурная пряжка съ желѣзной иглой,

12. » спиральное ручное кольцо,

13 и 14. » два спиральныхъ браслета.

15. Раковина каури.

16. Желѣзные: шило,

17 и 18. » двѣ пряжки (одна сломана),

19. » обломокъ неопредѣленнаго предмета.

20. Обрывки ремня.

21. Остатки луба и приставшаго къ нему мѣха.

22. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 253.

1 и 2. Два глиняныхъ горшка.

3 и 4. Два головныхъ, жгута обвитыхъ бронзовыми спиралями.

5. Широкій головной ремень, украшенный бронзовыми обоймами.

6. Узкій головной ремень, обвитый бронзовою спиралью и украшенный двумя шумящими бронзовыми привѣсками, спускавшимися по сторонамъ лба.

7. Костяной гребень, украшенный конскими головками.

8. Желѣзная пряжка.

9. Ожерелье изъ бусъ и бронзовыхъ привѣсокъ.

10. Бронзовые: массивная гривна,

11. » очковидныя привѣски,

12. » шумящая привѣска, найденная на груди,

13. » грудная бляха съ крышечкой,

14. » височная лунница,

15. » нѣсколько височныхъ колецъ,

16 и 17. » два спиральныхъ браслета,

18. » нѣсколько спиральныхъ ручныхъ колецъ,

19—22. » наборъ пояса, состоящій изъ шумящихъ ажурныхъ пряжки и трехъ привѣсокъ,

23. » пряжка восточно-финскаго типа,

24. » значительное количество трапецевидныхъ подвѣсокъ,

25. » привѣска въ видѣ лунницы съ крестикамъ внутри,

26 и 27. » двѣ шумящихъ привѣски, найденныя на спинѣ,

28 и 29. » двѣ пронизи, найденныя на спинѣ.

30. Боковой женскій ремень, украшенный бронзовыми обоймами и наконечникомъ.

31. Желѣзный ножъ съ остатками ноженъ, оправленныхъ въ бронзу.

32 и 33. Ножные ремни, украшенные бронзовыми обоймами и парами шумящихъ подвѣсокъ.

34 и 35. Наборъ обуви, состоящій изъ бронзовыхъ скобъ, бляшекъ и спиралей.

36. Бронзовые: колокольчики, найденные на спинѣ,

37. » трапецевидныя подвѣски, найденныя на спинѣ.

38. Желѣзное шило.

Погребеніе 254.

1. Желѣзные: топоръ,
2. » ножъ,
3. » обломокъ кольца.
4. Бронзовые: пробойчикъ,
5. » спиральное ручное кольцо.

Погребеніе 255.

1—4. Четыре глиняныхъ горшка.
5. Шиферное пряслице.
6. Кусокъ румянъ.
7. Обломокъ серебряной тонкой бляхи, украшавшей затылокъ покойника.
8. Бронзовые: спиральное ручное кольцо,
9—20. » двѣнадцать привѣсокъ, украшавшихъ голову и шею покойника,
21. » большое количество трапецевидныхъ привѣсокъ,
22. » обломокъ браслета,
23 и 24. » два небольшихъ соединенныхъ колечка,
25. » спирали, напущенныя на ремешки,
26. » очковидная привѣска,
27 и 84. » пятьдесятъ-восемь колокольчиковъ, украшавшихъ обувь и подолъ одежды,
85 и 86. » два четырехгранныхъ колокольчика,
87 и 88. » два бубенчика,
89 и 90. » двѣ бронзовыхъ шумящихъ привѣски, украшавшихъ обувь.
91 и 92. Остатки тонкой полотнянной и болѣе грубой шерстяной ткани.

Погребеніе 256.

1 и 2. Бронзовые: привѣски, состоящія изъ трехъ колокольчиковъ каждая,
3. » спиральки,
4 и 5. » два спиральныхъ браслета.

Погребеніе 257.

1. Глиняный горшокъ.

Погребеніе 258.

1—3. Три бронзовыхъ малыхъ височныхъ кольца.
4. Желѣзные: пряжка,
5. » ножъ,
6. » шило,
7. » игла (?),
8. » наконечникъ широкого ремня.

Погребеніе 259.

1. Серебряные: большая грудная бляха,
2—5. » четыре височныхъ кольца.
6. Остатки головного жгута, состоящаго изъ волосъ, обвитыхъ бронзовою спиралью.
7. Узкій головной ремень, покрытый бронзовыми обоймами.
8. Бронзовая гривна.
9. Просверленный зубъ лисицы.

10. Желѣзные: ножъ,
11 и 12. » обломки двухъ пряжекъ,
13. » обломки неопредѣленныхъ предметовъ съ отпечатками ткани.

Погребеніе 260.

1—3. Спинная привѣска, составленная изъ костяного коромысла (сохранился обломокъ), обвитаго бронзовою спиралью и второго костяного же коромысла съ подвѣшенными бронзовыми трехугольными подвѣсками и бронзовой шумящей привѣской.
4. Ожерелье изъ различныхъ бусъ.
5. Раковина каури.
6. Желѣзный ножъ съ деревянной рукояткой, украшенной бронзовою обоймою, вложенный въ кожанныя ножны, оправленныя въ бронзу (сохранность плохая).
7. Кусокъ свинцоваго предмета.
8. Бронзовые: наконечникъ, повидимому, бокового женскаго ремня,
9. » обломокъ бляхи,
10—29. » двадцать колокольчиковъ, украшавшихъ обувь,
30—41. » двѣнадцать коническихъ подвѣсокъ,
42—53. » двѣнадцать трапецевидныхъ подвѣсокъ,
54. » спираль,
55. » пинцетъ.
56. Желѣзные: пряжки,
57. » обломки пряжки крупныхъ размѣровъ.
58. Остатки ткани, приставшей къ лубу.
59. Обрывокъ ремня.

Погребеніе коня
(открытое въ траншеѣ XV).

1. Желѣзныя: удила,
2. » пряжка,
3. » одно стремя.

Предметы, найденные на мѣстѣ старой постройки, въ траншеѣ XXXI.

1. Желѣзный клинъ (насѣка), служившій для насѣканія мельничныхъ жерноновъ.
2. Желѣзный гвоздь.

Предметы, найденные въ траншеяхъ раскопокъ безъ связи съ погребеніями.

1. Бронзовое спиральное кольцо.
2. Желѣзная обойма съ кольцомъ.
3. Желѣзное копье.
4. Бронзовая ажурчая шумящая привѣска.
5. Бронзовые: пряжка,
6. » бубенчикъ,
7. » колокольчикъ,
8. » спиралька,
9. » подвѣска.
10. Желѣзное копье безъ лезвія.
11 и 12. Два бронзовыхъ височныхъ кольца.

13. Желѣзное стремя.
14. Желѣзныя удила.
15. Бронзовые: пряжка,
16. » обломокъ обоймы,
17. » обломокъ браслета,
18. » малое височное кольцо,
19. » спираль,
20. » пряжка,
21. » болшое височное кольцо съ напущенною на него спиралью,
22. » ажурная съ шумящими подвѣсками пряжка.
23. Обрывокъ головного жгута, состоящаго изъ волосяныхъ шнуровъ, обвитыхъ ремнемъ и бронзовою спиралью.
24. Желѣзный ножъ.
25. Глиняное прясло.
26. Бронзовые: спираль,

27 и 28. » два кольца,

29. » пластинка,
30. » оправа кожаныхъ ноженъ,
31. » колокольчикъ,
32. » спиралька,

33 и 34. » двѣ обоймы съ остатками ремня,

35. » спиральное кольцо,
36. » обломокъ пряжки восточно-финскаго типа,

37 и 38. » два колокольчика,

39 и 40. » два дѣтскихъ спиральныхъ браслета,

41. » трехугольная привѣска.
42. Обломокъ свинцоваго предмета.
43. Желѣзные: ножъ,

44—46. » три ножа,

47. » обломокъ пряжки,
48. » желѣзный ножъ съ остатками деревянной рукоятки.

49 и 50. Два серебряныхъ диргема, изъ нихъ одинъ представляетъ половинку. Оба диргема были найдены крестьянами д. Подболотья, при разграбленіи придорожной части могильника, и нами были куплены.

II.

Окрестности д. Волосовой.

А. Неолитическая стоянка.

Таблица I.

1. Обломокъ птичьей головки, вытесанной изъ кремневой пластинки.

2—6. Пять кремневыхъ проколокъ, изъ нихъ одна съ отломаннымъ остріемъ.

7. Кремневый плоскій наконечникъ стрѣлы.

8 и 9. Два кремневыхъ наконечника стрѣлъ съ отбитыми концами.

10. Обломки небольшого полированнаго кремневаго орудія.

11—24. Четырнадцать обломковъ кремневыхъ оббитыхъ орудій.

25. Обломокъ крупнаго полированнаго орудія.

24—30. Пять кремневыхъ скребковъ.

Таблица II.

1—15. Обломки грубыхъ кремневыхъ орудій.
16—18. Три камня, повидимому, служившіе отбойниками.
19—22. Обломки глиняной посуды, сдѣланной изъ чистой глины и глины съ примѣсью раковинъ.

Таблица III.

1—19. Обломки глиняной посуды, сдѣланной изъ чистой глины и глины, смѣшанной съ раковинами.

Таблица IV.

Кости животныхъ, птицъ и рыбъ, найденныя среди остатковъ неолитической стоянки. Кости принадлежатъ: медвѣдю, домашней собакѣ, бобру, лосю, оленю, кабану, зайцу, мелкому плотоядному (куницѣ или хорьку), уткѣ, гусю, рыбѣ и др.

Таблица V.

Предметы изъ землянки № 1.

1. Кремневый наконечникъ стрѣлы.
2—5. Четыре кремневыхъ проколки, изъ нихъ одна имѣетъ два острія и одна съ отбитымъ остріемъ.
6. Ножевидный осколокъ.
7—23. Семнадцать обломковъ кремневыхъ орудій.
24—30. Семь скребковидныхъ кремневыхъ орудій.
31—32. Два обломка шиферныхъ привѣсокъ.
33. Обломокъ костяного орудія.
34—36. Три обломка глиняной посуды.

Таблица VI.

Вещи, найденныя крестьянами на площади Волосовской стоянки и нами купленныя.

1. Шиферная привѣска.
2. Кремневая проколка.
3—22. Двадцать обломковъ кремневыхъ орудій.
23—25. Три обломка полированныхъ кремневыхъ орудій.
26—31. Шесть кремневыхъ скребковъ.

B. Предметы, найденные при раскопкахъ могильника со скорченными костяками и каменными орудіями.

Таблица VII.

1. Кремневый скребокъ.
2. Наконечникъ кремневаго копья съ отломаннымъ остріемъ.
3. Обломокъ кремневаго скребка.
4—6. Образцы глиняной посуды, найденной въ сопровожденіи описанныхъ каменныхъ орудій.
7—11. Пять кремневыхъ скребковъ.
12 и 13. Два обломка кремневыхъ орудій.
14. Костяное кольцо.
15. Обломки глиняной посуды.
16. Обломки точильнаго камня.

Таблица VIII.

Погребеніе 2.

1. Глиняный горшокъ баночной формы съ орнаментомъ изъ трехугольныхъ вдавленій, расположенныхъ въ два ряда.
2. Песчаниковый отбойникъ.
3 и 4. Два небольшихъ кремневыхъ наконечника стрѣлъ.
5 и 6. Два кремневыхъ скребка.
7. Осколокъ кремня, найденный внутри горшка.
8. Обломокъ полированнаго кремневаго орудія.

Погребеніе 10.

1. Глиняный горшокъ баночной формы съ орнаментомъ въ видѣ ряда выпуклинъ, выдавленныхъ извнутри.
2. Кремневый крупный остроконечный скребокъ, похожій на ударное орудіе—клевецъ.
3 и 4. Два кремневыхъ скребка.
5 и 6. Два обломка глиняной посуды неолитическаго типа.

C. Предметы, найденные при раскопкахъ могильника, содержащаго погребенія съ бронзовыми и желѣзными орудіями.

Погребеніе 3.

1. Бронзовый кельтъ съ остатками деревянной рукоятки.
2. Бронзовый умбонъ.
3. Каменная булава въ видѣ усѣченнаго конуса.
4. Куски деревяннаго предмета (щита), сохранившіеся подъ умбономъ.
5. Образцы обломковъ глиняной посуды съ сѣтчатымъ и ямочнымъ орнаментомъ, зубъ животнаго, найденные въ почвѣ выше костяка погребенія 3.

Таблица X.

Погребеніе 4.

1. Обломки глиняныхъ сосудовъ съ сѣтчатымъ орнаментомъ.

Таблица XI.

Погребеніе 5.

1 и 2. Два кремня.
3. Обломки, повидимому, одного большого глинянаго сосуда съ сѣтчатымъ орнаментомъ (взяты не всѣ).

Таблица XII.

1—6. Кремни, изъ нихъ одинъ напоминаетъ орудіе.
7. Зубъ крупнаго жвачнаго животнаго (коровы?).
8. Обломки глиняной посуды съ сѣтчатымъ орнаментомъ. Всѣ эти предметы найдены въ траншеѣ V.

Таблица XIII.

I. Образцы обломковъ глиняной посуды съ сѣтчатымъ орнаментомъ и другими болѣе рѣдкими узорами, похожими на неолитическіе. Собраны въ траншеѣ V.

Таблица XIV.

Погребеніе 7.

1 и 2. Два обломка, повидимому, одного полированнаго долота, сдѣланнаго изъ кремнистаго свѣтложелтаго известняка.

3. Образцы обломковъ глиняной посуды, сопровождавшей погребеніе.

Таблица XV.

Погребеніе 8.

1. Обломки глиняной посуды, повидимому, отъ двухъ горшковъ. Всѣ обломки покрыты сѣтчатымъ орнаментомъ.

Таблица XVI.

Погребеніе 9.

1. Бронзовый кельтъ съ остатками древка.
2. Бронзовая бляха съ ушкомъ.
3. Желѣзный стержень, сломавшійся на двѣ части.
4. Желѣзный предметъ неопредѣленнаго назначенія (ножъ?).
5. Грубая, повидимому, шерстяная ткань. Такого рода тканью, несомнѣнно, наносился сѣтчатый узоръ на глиняныхъ горшкахъ.
6. Обломки глиняной посуды съ сѣтчатымъ узоромъ.

Таблица XVII.

Яма № 1.

1. Кремневый скребокъ.
2. Осколокъ кремня.
3. Обломки глиняной посуды.

Траншея VIII.

1. Кремневый скребокъ.

Траншея X.

1. Обломокъ каменнаго точильнаго бруска.
2. Образцы обломковъ глиняной посуды, изъ нихъ особенно интересны съ тонкотканнымъ и сѣтчатымъ узорами, при чемъ тонкотканный узоръ вполнѣ соотвѣтствуетъ оттискамъ ткани, найденной при погребеніи 13.

Погребеніе 13, дѣтское.

1. Остатки головного вѣнка, составленнаго изъ бронзовыхъ пронизокъ и бляшекъ.
2. Остатки довольно тонкой ткани, сохранившейся въ мѣстахъ соприкосновенія съ бронзой.

Яма № 2.

1. Осколокъ кремня.
2. Два обломка глиняной посуды съ орнаментомъ неолитическаго типа.

Случайныя находки.

1. Глиняный круглодонный горшокъ (составленный изъ кусковъ), украшенный въ верхней части зубчатымъ узоромъ.
2. Кремневое орудіе.

Отзывъ проф. Н. В. Покровскаго о сочиненіи проф. Н. П. Лихачева «Историческое значеніе итало-греческой иконописи. Изображенія Богоматери въ произведеніяхъ итало-греческихъ иконописцевъ и ихъ вліяніе на композиціи нѣкоторыхъ прославленныхъ русскихъ иконъ». Изданіе Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, С.-Пб. 1911. 4°[1]).

Въ предисловіи къ своему новому ученому труду Н. П. Лихачевъ говоритъ: «Настоящая книга, результатъ весьма продолжительныхъ наблюденій въ области иконописи, съ одной стороны, и византійской сфрагистики — съ другой, представляетъ иллюстрированное изданіе сообщенія, сдѣланнаго въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 15 января 1910 года. Рефератъ этотъ подъ заглавіемъ: «Критскіе иконописцы въ Отранто и историческое значеніе итало-греческаго иконописанія», былъ прочитанъ по взаимному соглашенію съ Н. П. Кондаковымъ въ одинъ день съ его докладомъ, составившимъ изслѣдованіе: «*Иконографія Богоматери. Связи греческой и русской иконописи съ итальянскою живописью ранняго возрожденія. С.-Пб., 1910. 8°*.. Оба названныя сочиненія двухъ авторовъ, такимъ образомъ, близко сходны между собою какъ по предмету, такъ и по основнымъ задачамъ, а потому мы должны разсмотрѣть ихъ вмѣстѣ, начавъ съ книги академика Н. П. Кондакова, ранѣе напечатанной. Книга эта, или статья, какъ называетъ ее самъ авторъ, является *краткимъ и вполнѣ предварительнымъ* очеркомъ историческихъ отношеній русской иконографіи Богоматери къ греческой иконописи и итальянской живописи, и полное изложеніе всѣхъ этихъ отдѣловъ и ихъ связей послѣдуетъ въ общемъ сочиненіи: «Иконографія Богоматери».

Авторъ начинаетъ съ установки связей итальянской живописи начала XIV вѣка съ греческою иконописью. Въ самомъ началѣ своей рѣчи онъ ставитъ нѣсколько общихъ замѣчаній о церковной живописи въ Россіи и почему-то добавляетъ, что «съ первой половины XIV в. открывается дѣятельность греческихъ мастеровъ въ Новгородѣ, а также и въ Москвѣ, и устанавливается «Новгородское иконописаніе», хотя всѣмъ хорошо извѣстно, что дѣятельность греческихъ мастеровъ въ Новгородѣ

[1]) По поводу представленія этого труда Редакціоннымъ Комитетомъ И. М. А. О. на золотую медаль имени гр. А. С. Уварова, каковая и была присуждена 29 декабря 1912 года.

начинается уже въ XI в. и продолжается въ XII и XIII в. Правда, эта дѣятельность — въ области стѣнописей, а не иконъ, но вѣдь и въ XIV в. то же самое (ц. Спаса Преображенія, ц. Ѳеодора Стратилата). Съ другой стороны, на той же самой 4 страницѣ авторъ отодвигаетъ воздѣйствіе греческой иконописи къ началу XV в. Очевидно, тутъ замѣтно нѣкоторое колебаніе мысли, не отлившейся еще въ опредѣленныя формы, что вполнѣ естественно въ очеркѣ «предварительномъ». Но сама греческая иконопись, продолжаетъ авторъ, сложилась на почвѣ Италіи въ эпоху ранняго итальянскаго возрожденія; при этомъ вспоминаются извѣстныя имена Чимабуэ, византійствующаго мастера, и Дуччіо Сіенскаго. «Греки принесли съ собою въ сѣверную Италію весь византійскій иконографическій циклъ, его типы, переводы и свой иконописный обиходъ, прориси и шаблоны; въ то же время греческія мастерскія должны были перенять существующія въ Италіи художественныя манеры и подчиниться многообразнымъ вліяніямъ, которыми всегда жила Италія» (стран. 5). Все это вполнѣ вѣроятно, но авторъ обнаруживаетъ здѣсь сильную наклонность къ *преувеличенію* и, разъясняя крупную роль итальянскихъ примитивистовъ въ исторіи живописи XIII—XIV в. и въ частности — въ переработкѣ греческой иконописи, авторъ приписываетъ имъ, между прочимъ, выработку большого алтарнаго образа Богоматери; это запрестольный образъ Б. М., обычный въ церкви греческой и русской. «Такого образа, говоритъ авторъ, въ Византіи *на деревѣ* мы не знаемъ (при этомъ упоминается образцовая въ этомъ смыслѣ икона Тихвинская 2 × 3 арш. въ Спасопреображенскомъ монастырѣ въ Старой Русѣ 1570 г.), но, въ соотвѣтствіи съ нимъ, знаемъ, какъ-разъ съ конца XIII столѣтія и въ теченіе всего XIV в. большія изображенія Богоматери, помѣщаемыя въ абсидахъ... и *въ фрескахъ* церквей Сербіи и Македоніи. Очевидно, затѣмъ, что появленіе алтарной иконы на деревѣ *было обусловлено въ Италіи введеніемъ готическаго стиля архитектуры*, при которомъ иконными украшеніями церкви нерѣдко являлись только большой алтарный складень и нѣсколько алтарныхъ кіотовъ по стѣнамъ. Впослѣдствіи, *въ зависимости отъ чисто итальянскаго обычая* украшать алтарь, а особенно престолы боковыхъ капеллъ образами Б. М., устанавливается появленіе въ церквахъ аѳонскихъ запрестольнаго образа Б. М., что и вызвало особую краткую статью въ подлинникахъ (русскихъ?), объясняющую *догматическое* (?) значеніе подобнаго обычая» (стран. 7). Всѣ эти догадки и смѣлые выводы нельзя назвать солидно обоснованными. Прежде всего необходимо было установить, что итальянскія большія иконы Богоматери были иконами, предназначенными главнымъ образомъ для алтарей; но допустимъ, что это вѣрно, и тѣмъ не менѣе слишкомъ трудно признать генетическую зависимость запрестольнаго образа Б. М. въ церквахъ аѳонскихъ и русскихъ отъ итальянскихъ большихъ алтарныхъ иконъ Б. М. На чемъ базируется эта смѣлая гипотеза? На томъ, что итальянскія иконы имѣютъ большіе размѣры, какъ и аѳонскія запрестольныя и русскія (?), а иконы этого рода выработаны именно итальянцами въ періодъ готики. Но откуда авторъ знаетъ, что на Аѳонѣ и у насъ запрестольныя иконы Б. М. имѣли большіе размѣры? Мы нигдѣ не наблюдали подобнаго явленія. Наоборотъ, въ обычномъ порядкѣ, запрестольная икона Б. М. всегда — икона небольшихъ размѣровъ, чаще

съ ручкою (лопата) — для удобства ея выноса въ крестныхъ ходахъ. Притомъ, иконы эти ѐдва ли всегда помѣщались въ апсидахъ, какъ увѣряетъ авторъ (7); по крайней мѣрѣ теперь онѣ помѣщаются обычно возлѣ сѣверо-восточнаго угла престола или же возлѣ жертвенника, и это имѣетъ свой смыслъ. Ея генезисъ заключается въ исконныхъ обычаяхъ и установленіяхъ православной церкви, а совсѣмъ не въ западной готикѣ съ ея принудительнымъ спросомъ на большія иконы. Изображеніе Богоматери въ алтарной апсидѣ въ видѣ Оранты, Воплощенія, — позднѣе въ видѣ грандіозной композиціи «О Тебѣ радуется», составляетъ древнѣйшее явленіе въ убранствѣ православныхъ храмовъ: его встрѣчаемъ мы въ мозаикахъ и фрескахъ древнѣйшихъ храмовъ византійскихъ, русскихъ, сербскихъ и македонскихъ. Богоматерь — покровительница Константинополя, — нерушимая стѣна; отсюда ея широкое распространеніе въ числѣ молебныхъ иконъ на деревѣ; отсюда же и обычай ставить икону въ алтарѣ, что особенно нужно было въ тѣхъ случаяхъ, когда въ храмахъ не было настѣнныхъ живописей, и икона на деревѣ являлась въ алтарѣ единственнымъ изображеніемъ Б. М. Значеніе этой иконы, изображаемой иногда въ типѣ Знаменія Б. М., Оранты или Никопеіи, съ Младенцемъ въ нѣдрахъ, должно было усилиться въ связи съ образованіемъ литургическаго чина проскомидіи, гдѣ агничная просфора, изъ которой вынимается агнецъ, знаменуетъ чрево Богоматери. Вотъ почему икона эта становится нерѣдко близъ жертвенника, на которомъ совершается проскомидія.

Продолжая далѣе мысль о выработкѣ типовъ иконъ Б. М. въ итальянскихъ художественныхъ школахъ, авторъ приписываетъ большую заслугу въ этомъ смыслѣ Сіенской школѣ: «Сіенская икона, говоритъ онъ, есть, по преимуществу, икона алтарная, съ центральнымъ готическимъ тябломъ, на которомъ изображена Богоматерь съ Младенцемъ, сидящая на монументальномъ тронѣ, окруженная *роемъ* (sic! сонмомъ?) ангеловъ и святыхъ, а по сторонамъ, иногда сверху и снизу, представлены преклоняющіеся ей и особо почитаемые мѣстности святые. Въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ Сіенская школа *вспоминаетъ* православной греческій обычай соединять съ алтарной иконой цѣлый греческій иконостасъ и располагать по сторонамъ центра, или же внизу, въ такъ называемой пределлѣ, *а иногда на оборотной сторонѣ алтарнаго образа* всѣ господскіе и богородичные праздники» (стран. 22). Смѣемъ увѣрить автора, что подобной идейной комбинаціи иконъ въ православныхъ церквахъ никогда не было, нѣтъ и, конечно, не будетъ. Авторъ смѣшиваетъ здѣсь воедино разнородныя вещи и создаетъ такое воображаемое смѣшеніе, которое извращаетъ основной принципъ иконостаса православнаго храма и подчиняетъ его идейное содержаніе случайному подбору изображеній на неизвѣстныхъ итальянскихъ иконахъ. Во-1-хъ, какъ понимать его выраженіе: «Сіенская школа *вспоминаетъ* православный греческій обычай»... Авторъ, очевидно, предполагаетъ, что Сіенская школа знакома была съ греческими иконостасами и иконостасный обычай передавала на своихъ иконахъ. Но этого не могло случиться, потому что большихъ иконостасовъ у грековъ въ то время не было, а потому ей нечего было и вспоминать. Во-2-хъ, даже и въ позднѣйшій періодъ иконостасъ развивался совсѣмъ не тѣмъ

путемъ, какой предначертываетъ ему авторъ. Развитіе шло совсѣмъ не механическимъ путемъ и не отъ алтарнаго образа. Алтарный образъ — одно дѣло, а иконостасъ — другое. Иконостасъ развивался подъ вліяніемъ идеи торжествующей церкви Христовой. Въ составъ его входятъ, кромѣ мѣстныхъ иконъ, деисисъ большой, праздничный рядъ, пророческій и праотеческій. Каждый изъ этихъ рядовъ имѣетъ свой особый центръ. Въ центрѣ пророческаго ряда находится Богоматерь съ Младенцемъ (ср. композицію «Свыше пророцы»); но и пророческій рядъ по своей идеѣ отличается отъ тѣхъ итальянскихъ иконъ, на которыхъ съ обѣихъ сторонъ и безъ строгаго порядка разбросаны разнообразныя иконографическія изображенія, въ томъ числѣ всѣ праздники. Какой же это иконостасъ? Тутъ нѣтъ совсѣмъ сходства съ православнымъ иконостасомъ ни по формѣ, ни по содержанію. Православный иконостасъ — вещь идейная, глубоко содержательная, до которой очень далеко Сіенскимъ иконамъ. Въ частности, та черта итальянскихъ алтарныхъ иконъ, что онѣ имѣютъ иногда изображенія праздниковъ и др. на оборотной сторонѣ, не даетъ почвы для сравненія ея съ нашими иконами запрестольными. Послѣднія дѣйствительно, имѣютъ часто на оборотной сторонѣ различныя иконныя изображенія, но это не по подражанію готическому обычаю, а просто потому, что икона эта бываетъ иногда видима съ обѣихъ сторонъ, когда, напр., она стоитъ возлѣ престола или когда несутъ ее въ крестныхъ ходахъ. Подобные двусторонніе образки — металлическіе — явились съ незапамятныхъ временъ; они были уже въ Сиріи и Палестинѣ, и въ Византіи и оттуда переходили къ намъ уже въ X—XI вв. Позднѣе, явились у насъ двусторонніе походные иконостасы, въ которыхъ простой холстъ плотно залевкашивался съ обѣихъ сторонъ и на обѣихъ сторонахъ писались изображенія. Это важно было для легкости переноски. Можно сказать, что этотъ пріемъ — всеобщій и примѣнялся онъ главнымъ образомъ къ предметамъ портативнымъ (кресты, хоругви, путные образки и т. п.) и не предназначеннымъ для постояннаго прикрѣпленія лѣвою стороною къ тяблу или кіоту. Но и это еще не все. «Весьма возможно, — говоритъ Н. П. Кондаковъ, — что подобнаго рода иконы легли въ основаніе тѣхъ походныхъ и домашнихъ иконостасовъ, которые распространились особенно въ греко-восточномъ мірѣ, начиная съ XV столѣтія...» (стран. 22). Очевидно, въ данномъ случаѣ авторъ выходитъ изъ той же предвзятой теоріи, что развитіе иконостасовъ пошло отъ алтарнаго итальянскаго образа, и не обращаетъ никакого вниманія на иконографическое содержаніе иконостасовъ. Иконостасы походные и домовые въ главномъ и основномъ содержаніи повторяютъ церковные иконостасы: основные ряды — деисусный и праздничный, изрѣдка — пророческій: тутъ есть своя система, какой нѣтъ въ итальянскихъ иконахъ. Особенно любопытны съ этой стороны холщевые двусторонніе иконостасы: нѣкоторые представляютъ собою полные святцы, а другіе располагаютъ эортологическій матеріалъ въ порядкѣ цикловъ православнаго церковнаго года — по тріодямъ — постной — и цвѣтной и минеямъ. Ни одна итальянская икона не могла дать восточной иконописи съ этой стороны ни одного мотива, а потому невозможно предполагать, что итальянскія иконы легли въ основу походныхъ и домовыхъ иконостасовъ.

Во 2-й главѣ Н. П. Кондаковъ устанавливаетъ семь типовъ изображеній Богоматери, выработанныхъ въ Византіи, и сопоставляетъ ихъ со образцами живописи ранняго итальянскаго возрожденія. Типы эти вошли въ обиходъ греко-итальянской живописи и итальянской, но на ряду съ ними въ итальянской живописи появились иныя темы, стали популярными и въ свою очередь перешли въ иконопись греческую (стран. 27). Задача въ высшей степени сложная и трудно разрѣшимая при недостаткѣ хронологической опредѣленности памятниковъ итало-критской иконописи. Авторъ остроумно сопоставилъ нашу икону Коневской или Голубицкой Богоматери, гдѣ Младенецъ І. Х. держитъ въ рукѣ птичку (голубь) съ иконами Б. М. флорентинской школы XIV в., на которой Младенецъ держитъ въ рукахъ щегленка, и сдѣлалъ выводъ, что наша икона есть копія или переработка итальянской иконы. Но такъ какъ здѣсь онъ долженъ былъ считаться съ преданіемъ о принесеніи Коневской иконы съ Аѳона препод. Арсеніемъ въ 1393 г., то онъ рѣшилъ, что эта копія съ итальянской иконы сдѣлана была на Аѳонѣ... Еще труднѣе было справиться съ типомъ Млекопитательницы. Типъ этотъ, по словамъ автора, западный, чуждый духу византійской иконографіи (35—36). «Византійская иконографія не знаетъ такого памятника, и подобныя темы принадлежатъ позднѣйшему періоду западнаго искусства» (37). Что касается школы Б. М. Млекопитательницы (Галактотрофуса), находящейся въ Аѳоно-карейской типикарницѣ Хиландаря и принесенной сюда Стефаномъ Нѣманею, то авторъ, чтобы быть вѣрнымъ итальянской теоріи, считаетъ эту икону копіею итальянской иконы, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Наблюденія показываютъ, что икона Млекопитательницы въ восточной иконографіи — явленіе рѣдкое и позднее; очевидно, типъ этотъ никогда не имѣлъ у насъ широкаго распространенія, и возможно, что у насъ въ Россіи появился онъ въ XVII в. подъ вліяніемъ западной или греческой живописи. Но первоначальное появленіе иконы Млекопитательницы слѣдуетъ относить все-таки не къ Италіи, а къ той же Византіи. Теперь, послѣ выхода въ свѣтъ солидной работы Н. П. Лихачева, Н. П. Кондакову придется отказаться отъ своего поспѣшнаго рѣшенія объ итальянскомъ происхожденіи Млекопитательницы. Н. П. Лихачевъ нашелъ это изображеніе въ средѣ именно тѣхъ византійскихъ памятниковъ, гдѣ меньше всего можно было ожидать его съ точки зрѣнія Н. П. Кондакова. Млекопитательница найдена на одномъ изъ моливдовуловъ съ надписью, указывающею на Романа Митрополита, Кизика и Синкелла (Лихачевъ, р. 370 и 371, стран. 162—164), и относится къ эпохѣ до правленія Палеологовъ. Въ той же книгѣ Н. П. Лихачевъ издалъ фресковое изображеніе Б. М. Млекопитательницы египетскаго происхожденія, независимое отъ итальянскаго искусства ни въ типахъ, ни въ стилѣ и техникѣ. Теперь ясно, что прототипъ Млекопитательницы находится на востокѣ. Италія разработала восточный типъ, и отсюда онъ, быть можетъ, чрезъ итало-критскую школу перешелъ къ намъ въ Россію въ XVII в. Все это показываетъ, въ какой мѣрѣ еще необходимы для насъ такъ называемыя антикварскія наблюденія и изслѣдованія отдѣльныхъ памятниковъ и сколь преждевременными и ошибочными могутъ оказаться широкія обобщенія и смѣлые выводы, равноцѣнные догадкамъ, не имѣющимъ подъ собой твердой почвы;

и сколь мало убѣдительны общія характеристики, — какъ результатъ субъективныхъ впечатлѣній, въ родѣ того, напр. что «ни икона Троеручицы, ни Млекопитательница (Хиландарская) не происходятъ изъ Сиріи и обѣ носятъ характеръ позднѣйшихъ Балканскихъ писемъ и потому мы должны считать *эту икону* (?) подражаніемъ западнымъ оригиналамъ XIV—XV вв., сербской работы... это итальянская манера письма... галуны фелони Б. М., по итальянскому обычаю, украшены надписями, въ которыхъ дважды переданъ *изрядный тропарь* (?) на греческомъ и славянскомъ языкахъ» (стран. 87—39).

Слѣдующій типъ Б. М. заключаетъ въ себѣ тотъ характерный признакъ, что Младенецъ имѣетъ *обнаженную ножку*, — результатъ стремленія художниковъ къ натурализму, подъ вліяніемъ итальянской живописи. Сюда относятся иконы: Донской Б. М. — образецъ греко-итальянской живописи. Авторъ сближаетъ этотъ типъ съ иконами Умиленія — Владимірскою и Ѳеодоровскою. Сюда же относятся — Жировицкая, Толгская, Хлыновская, Яхремская, Сосновская и др. Типы эти устанавливаются на основаніи мелкихъ отличій одной иконы отъ другой, притомъ иногда не по оригиналамъ, а копіямъ, и, по этимъ особенностямъ, иконы эти возводятся къ итальянскимъ или итало-греческимъ прототипамъ.

Особая глава посвящена общей характеристикѣ итало-критской иконописи и обозрѣнію ея памятниковъ въ Венеціи, Пизѣ, Падуѣ, Болоньѣ, Флоренціи, Римѣ, Мессинѣ, Кіевѣ и С.-Петербургѣ.

Останавливаясь на технической сторонѣ этихъ иконъ, авторъ обращаетъ особенное вниманіе на двуцвѣтные рефлексы (блики) и такія же тѣни и полагаетъ, что такое различное вохренье могло быть источникомъ различныхъ манеръ въ иконописныхъ школахъ Италіи и Греціи и оттуда перейти въ Россію въ видѣ иконописныхъ пошибовъ, различаемыхъ мастерами. Ближе всего это могло перейти изъ школъ сѣверной Италіи — Болоньи, Падуи и Венеціи въ XV и XVI вв. Однако, продолжая далѣе рѣчь о связи иконописныхъ типовъ, авторъ сознается, что этой особенности (двуцвѣтныхъ рефлексовъ) нѣтъ въ Аѳонской иконописи, и что только дальнѣйшія изслѣдованія должны будутъ разъяснить намъ, составляютъ ли такіе рефлексы Новгородской, Псковской и Московской иконописи результатъ копированія греко-итальянскихъ образцовъ, или же можетъ быть доказано однородное развитіе въ Новгородской школѣ данной манеры. Вопросъ, такимъ образомъ, остается открытымъ. Если къ этому добавить, что присутствіе означенной особенности не доказано еще и въ живописи Балканской, то возможно, что поставленный вопросъ будетъ разрѣшенъ современемъ въ послѣднемъ смыслѣ, хотя автору хотѣлось бы перваго. Не будемъ говорить о группировкѣ иконъ въ этой главѣ и предполагаемомъ родствѣ ихъ, замаскированномъ, будто бы, передѣлками; замѣтимъ лишь, что здѣсь очень много *произвольнаго и гадательнаго* (ср. стран. 131 рис. 86, 87, 88, 89, стран. 133 рис. 90 и 91).

Въ IV главѣ Н. П. Кондаковъ разсматриваетъ переходъ иконографическихъ типовъ Б. М. изъ греко-итальянской иконописи въ русскую; таковы иконы Б. М.: Страстной, Умиленія, Взыгранія Младенца, Сладкаго лобзанія, Корсунской — Умиленія, Ватопедской, Никопейской и др. Всѣхъ типовъ — 20. Авторъ особенное вниманіе

обращаетъ на типы Умиленія и Страстной Б. М. и старается установить генетическую связь между ними. Первый изъ этихъ типовъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ свой прототипъ въ искусствѣ древнѣйшемъ византійскомъ. Названіе иконы «Умиленіе» означаетъ умильную сцену, въ которой Богоматерь съ умиленіемъ смотритъ на своего возлюбленнаго Сына-Младенца, Который въ свою очередь прильнулъ щечкою къ щекѣ Богоматери, обнимаетъ ее ручкою за шею, нѣжно смотритъ ей въ глаза; вдобавокъ — имѣетъ оголенную ножку. Къ этому типу принадлежатъ наши иконы X—XI вв. Владимірская въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, писанная по преданію Ев. Лукою, бывшая сперва въ Кіевѣ, потомъ въ половинѣ XII в. перенесенная изъ Кіева во Владиміръ и наконецъ въ началѣ XIV в. въ Москву, Корсунская Игоревская въ Кіево-Печерской Лаврѣ, Ѳеодоровская 1239 г. въ Костромѣ. Всѣ онѣ, въ порядкѣ хронологическомъ, предшествуютъ появленію греко-итальянской школы и потому видѣть въ нихъ какіе-либо слѣды переработки, внесенные этою послѣднею школою, повидимому, нельзя. Тѣмъ не менѣе авторъ находитъ возможнымъ увѣрять читателя, что типъ этотъ сложился все-таки подъ вліяніемъ греко-итальянскимъ (стран. 48), хотя и признаетъ, что корни его находятся въ Византіи (стран. 172 и слѣд.). Чтобы подкрѣпить мысль объ этомъ вліяніи, авторъ заранѣе предваряетъ, что только путемъ самаго мелочнаго и точнаго сличенія памятниковъ можно было бы установить переходъ темы умиленія изъ итальянской живописи въ греческую иконопись; для русской иконописи, продолжаетъ онъ, историческій анализъ этой темы является особенно важнымъ потому, что путемъ его можно было бы совершенно точно опредѣлить происхожденіе нашихъ чудотворныхъ иконъ Ѳеодоровской, Толгской и др. Послѣ этого предваренія, мы въ правѣ были бы ожидать, что авторъ именно на этомъ строго-научномъ анализѣ и будетъ базировать свою мысль объ итальянской переработкѣ разсматриваемаго типа. Между тѣмъ для этого анализа онъ беретъ не древнѣйшіе русскіе памятники этого типа, а позднѣйшія копіи ихъ, напр. вмѣсто Ѳеодоровской иконы Костромской — Хиландарскую копію ея, считая послѣднюю точною копіею Костромской, хотя это не подтверждается приведенными самимъ авторомъ снимками (рис. 49 и 50); вмѣсто Владимірской иконы Моск. Усп. собора онъ беретъ многочисленныя копіи ея, даже отчасти позднія XVII в. (прориси Чирикова). Выходитъ то, что авторъ разъясняетъ слѣды итало-греческихъ вліяній не въ основныхъ чертахъ типовъ, а въ ихъ позднѣйшихъ разновидностяхъ. Но въ такомъ случаѣ ослабляется значеніе новизны въ научныхъ задачахъ автора, и онъ попадаетъ въ старое русло ученыхъ, которые со временъ Ровинскаго признавали итальянское вліяніе на русскую иконопись XVI—XVII вв., хотя и не знали достаточно живописи итало-критской, считая послѣднюю вѣтвью живописи венеціанской.

Имѣя въ виду, что изслѣдованія академика Кондакова по данному вопросу еще не окончены, мы не считаемъ нужнымъ останавливаться подробно на *многихъ недоразумѣніяхъ*, которыя являются при чтеніи его книги, предоставляя ему самому впослѣдствіи, при окончательной обработкѣ темы, разъяснить ихъ. Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, что рѣчь автора о Страстной иконѣ Б. М. еще болѣе

усиливаетъ эти недоразумѣнія случайнымъ подборомъ фактовъ и произвольно тенденціознымъ истолкованіемъ ихъ. Хотя авторъ, повидимому, знаетъ, что икона Умиленіе появилась первоначально не позднѣе X—XII вв. (стран. 172 и слѣд.), а икона Страстной Б. М. только въ XV в. (стран. 144), тѣмъ не менѣе онъ, обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса о переходѣ типовъ Б. М. изъ греко-итальянской живописи въ русскую иконопись, совершенно неожиданно заявляетъ, что икона Умиленія въ извѣстномъ періодѣ (?) тѣсно связана съ иконою Страстной Б. М. и что «икона Умиленіе» представляетъ *продолженіе* драматической композиціи, носящей названіе «Страстной» (стран. 153). Путемъ постепеннаго сокращенія деталей иконы Страстной и измѣненія ея внутренняго смысла образовалась, будто бы, икона Умиленія. Въ виду соображеній, основанныхъ на началахъ историческаго развитія иконографіи, казалось бы вѣрнѣе предполагать, что изъ простѣйшей композиціи мало-по-малу развилась композиція болѣе сложная, т.-е. изъ иконы Умиленія явилась Страстная. Но по автору выходитъ наоборотъ: художники постепенно отсѣкали частности (зачѣмъ и для чего?), индивидуализирующія икону Страстной Б. М.; — сперва они опустили орудія страданій, потомъ сандалію, наконецъ замѣнили скорбное выраженіе лицъ Богоматери и Младенца умилительнымъ, ласковымъ, веселымъ. Такъ изъ Страстной иконы явилась икона Умиленія (второе явленіе?). Удивительно, по своей исторической необоснованности, превращеніе. Если основа иконы Умиленія на востокѣ лежитъ въ X—XII вѣкѣ и на западѣ она была уже въ XIII—XIV вв. (стран. 157, 160), а Страстная икона, по признанію самого автора, явилась въ ряду греко-итальянскихъ иконъ только въ XV в., въ связи съ установленіемъ въ *католической* церкви дня памяти скорбей Богоматери въ 1423 году, въ Россіи же не ранѣе XVII в., если поэтому Страстная икона не имѣетъ авторитета древности и, какъ произведеніе католическаго запада, для насъ не имѣетъ особенной важности, то къ чему служитъ все это искусственное построеніе какой-то генетической связи? Авторъ къ сожалѣнію здѣсь очень легко относится къ требованіямъ методологіи и увлекается мелочами, противъ которыхъ онъ самъ же не разъ сильно протестовалъ. На одной изъ иконъ Страстной (?) Б. М., изданныхъ Н. П. Лихачевымъ, онъ замѣтилъ отсутствіе орудій страданій въ рукахъ ангеловъ и усмотрѣлъ здѣсь первую стадію видоизмѣненія типа Страстной Б. М. и приближенія ея къ типу Умиленія; потомъ предположилъ опущеніе ангеловъ, потомъ — сандаліи. Но теперь оказалось нужнымъ создать еще одинъ этапный путь въ предположенномъ переходѣ: нужно было замѣнить выраженіе *испуга* въ лицахъ Б. М. и Младенца *умильнымъ* выраженіемъ; и это было сдѣлано. Всѣ эти соображенія не заключаютъ въ себѣ убѣдительной силы, и мы могли бы съ равнымъ, если не большимъ, правомъ доказывать фактами случайными и хронологически неопредѣленными переходъ типа Умиленія въ типъ Страстной Б. М. путемъ постепеннаго нарастанія частей иконы: ангеловъ, орудій страданій и т. д. Неизлишне замѣтить, что съ точки зрѣнія психологической, испугъ и умиленіе, на которыхъ зиждется идейное различіе разсматриваемыхъ типовъ иконъ, суть два совершенно различныя явленія: испугъ — это тяжелое тревожное чувство, вызванное неожиданнымъ появленіемъ чего-либо страш-

наго, неожиданныхъ предзнаменованій опасности; умиленіе — чувство спокойное, выражаемое, въ данномъ случаѣ, во взаимныхъ ласкахъ Матери и Младенца, и представляющее вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто умилительное для молитвеннаго чувства христіанина. Испугъ и умиленіе — чувства независимыя, развивающіяся въ двухъ различныхъ плоскостяхъ, и говорить о постепенномъ переходѣ ихъ — одного въ другое in ipsa re, или даже только въ сознаніи иконописцевъ, нѣтъ достаточныхъ основаній. Икона Умиленія — одно дѣло, икона Страстной Б. М. — другое. Художники и иконописцы отличали ихъ, какъ могли, но не дали въ своихъ произведеніяхъ ничего такого, что давало бы поводъ ставить ихъ въ генетическую связь и давать достаточный поводъ къ догадкамъ въ этомъ смыслѣ. И самъ авторъ, несмотря на всѣ попытки сблизить по идеѣ два разсматриваемые типа иконъ и приписать Умиленію то же самое выраженіе скорби и предчувствія страданій, которое лежитъ въ основѣ Страстной Б. М., все-таки долженъ былъ сознаться, что иногда на иконахъ Умиленія выражается не скорбное чувство, но веселое, радостное; такова Мадонна Пилястра въ ц. св. Антонія въ Падуѣ XIV в. Умиленіе, говоритъ авторъ, имѣетъ здѣсь радостный характеръ (стран. 158). Таково и большинство иконъ Умиленія. Съ Умиленіемъ можно сравнивать по идеѣ не Страстную Б. М., но иконы — Взыгранія (стран. 182—183), Сладкаго лобзанія (168—169) и т. п.

Послѣдняя глава посвящена разсмотрѣнію путей греко-итальянской иконописи на Русь; здѣсь же — о развитіи иконописнаго мастерства на Балканскомъ полуостровѣ, въ Молдо-Влахіи и въ Буковинѣ; о переходѣ греческихъ мастерскихъ въ XV и XVI вв. на Русь... Въ разъясненіе того, что греческая иконопись Италіи нашла себѣ путь въ Россію чрезъ Далмацію и Сербію, авторъ указываетъ опять на икону Млекопитательницы, принесенную въ Хиландарь Саввою Сербскимъ, и на роспись ц. села Люботина XIV в. въ Македоніи, гдѣ между прочимъ изображено вознесеніе Б. М. на небо. Но первый изъ названныхъ фактовъ сомнителенъ. Если, какъ мы видѣли, икона Млекопитательницы была извѣстна уже въ Византіи, то она сама по себѣ ничего не говоритъ о вліяніи Италіи на Сербію и Аѳонъ. Что касается Люботинской росписи, то она не провѣрена пока еще критически, и явилась, быть можетъ, позднѣе XIV в. Во всякомъ случаѣ отмѣченный фактъ «вознесеніе Б. М. на небо» въ храмовыхъ росписяхъ былъ бы важенъ только въ томъ случаѣ, если бы эта композиція дѣйствительно привилась гдѣ-либо въ средѣ православнаго христіанства. Въ дѣйствительности такого изображенія, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни у грековъ, ни у русскихъ, ни на древнихъ иконахъ, ни въ древнихъ стѣнописяхъ[1]). И понятно почему. Самый фактъ вознесенія Б. М. на небо есть частное мнѣніе, принятое только на западѣ; на востокѣ этого не было, а потому не было и нѣтъ яснаго отраженія его въ православной эортологіи, если не считать новѣйшую богослужебную практику аѳоно-русскихъ монастырей. Поэтому нѣтъ у насъ и въ иконографіи этого сюжета. Слѣдующій этапъ итальянскихъ вліяній — Молдовлахія, Буковина, Галичъ. Авторъ говоритъ обо всемъ этомъ очень

[1]) Въ греческій подлинникъ введенъ этотъ сюжетъ не ранѣе XVII—XVIII в.

кратко, упоминаетъ мимоходомъ о Кафѣ и другихъ фактеріяхъ Крыма; о сношеніяхъ съ Генуэзцами и Венеціанцами; отмѣчаетъ многія росписи Сербіи, Македоніи и Болгаріи безъ всякихъ объясненій; снова возвращается къ Молдавіи и Галичу; вскользь упоминаетъ объ извѣстной иконѣ митрополита Петра и о постановкѣ исторіи русскаго искусства въ связи съ Европейскимъ; упоминаетъ объ извѣстномъ мастерѣ Ѳеофанѣ-гречинѣ; наконецъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о дѣлѣ дьяка Висковатова, хорошо извѣстномъ уже въ спеціальной литературѣ. Вообще въ этой главѣ, наиболѣе интересной по заглавію, много фактовъ, но мало изслѣдованій. Факты намѣчены лишь въ общихъ чертахъ, а объясненіе ихъ предоставляется будущему времени: это обычный финалъ автора.

Богатые матеріалы, собранные Н. П. Кондаковымъ, требуютъ строгой критической переработки и систематизаціи. Не можемъ предрѣшить къ какимъ выводамъ придетъ онъ въ своемъ обширномъ и уже приготовленномъ (стран. 4 примѣч. 2) изслѣдованіи объ иконографіи Богоматери, — во всякомъ случаѣ для него будетъ обязательно необходимо считаться съ новымъ изданіемъ Н. П. Лихачева, который, расширяя значительно кругъ первоисточниковъ новыми, ему одному извѣстными, памятниками, строже относится къ ихъ критической оцѣнкѣ и сдерживаетъ слишкомъ смѣлые и поспѣшные порывы академика Н. П. Кондакова.

Н. П. Лихачевъ уже много лѣтъ посвятилъ собиранію и ученому изслѣдованію памятниковъ древней иконописи, въ томъ числѣ и памятниковъ итало-критскихъ. Въ 1906 году онъ издалъ въ двухъ огромныхъ томахъ Атласъ матеріаловъ древней иконописи, въ составѣ 419 таблицъ. Здѣсь нашли себѣ мѣсто иконы русскія, византійскія, древне-греческія, поздне-греческія, критскія, итало-греческія, южно-славянскія и молдаво-влахійскія. Атласъ этотъ представляетъ большую важность для всѣхъ, спеціально занимающихся исторіею иконописанія; имъ пользовался и академикъ Кондаковъ въ разсмотрѣнной работѣ о Богоматери. Уже самый подборъ матеріаловъ въ Атласѣ давалъ основаніе предполагать, что иконопись итало-критская, южно-славянская и молдаво-влахійская со временемъ будетъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія автора, и это тѣмъ болѣе важно, что иконопись эта доселѣ очень мало извѣстна, и число памятниковъ ея, вошедшихъ въ научное обращеніе, ничтожно. Теперь Н. П. Лихачевъ напечаталъ большую книгу, которая, по его планоначертанію, должна составить одну изъ главъ широко задуманнаго имъ изслѣдованія объ исторіи русскаго иконописанія. Книга Н. П. Лихачева снабжена 8 таблицали въ приложеніи и 465 рисунками въ текстѣ.

Уже съ первыхъ страницъ своего изслѣдованія Н. П. Лихачевъ показываетъ обширное знакомство съ памятниками иконописи, повсюду разсѣянными, и останавливается на греческихъ иконописцахъ, работавшихъ въ Италіи, особенно на критянинѣ Анжело Бизамани въ Отранто. На основаніи датированной иконы Бизамани, принадлежащей автору, гдѣ выставленъ 1532 г., Н. П. Лихачевъ заключаетъ, что итало-критская школа процвѣтала въ XVI вѣкѣ. Анализъ стиля иконъ Бизамани показалъ, что какъ этотъ художникъ, такъ и другіе греческіе иконописцы въ Отранто были копіистами, порабощенными итальянскимъ искусствомъ, и потому не имѣли

важнаго значенія въ томъ художественно-историческомъ движеніи, съ которымъ ихъ связываютъ историки искусства. Гораздо большую важность имѣютъ болѣе ранніе талантливые мастера, работавшіе въ Отранто. Они исходили изъ основъ византійскаго искусства: у нихъ византійская техника, иконописный переводъ, даже пробѣлка одеждъ; но вліяніе Италіи сказывается въ новыхъ положеніяхъ фигуръ, поворотахъ головы и жестахъ. Въ эпоху Палеологовъ въ Византіи, хорошо знакомой съ Италіей тречентистовъ, наступило возрожденіе византійскаго искусства: не чуждаясь новаго содержанія, оно видоизмѣняло формы, тщательно охраняя стиль (стран. 12). Любопытнымъ памятникомъ этой византійской иконописи служитъ извѣстный реликварій Виссаріона Никейскаго половины XV в. (16). Сюда же авторъ относитъ нѣкоторыя чудотворныя иконы западной церкви того же XV вѣка, по большей части принесенныя изъ Византіи. Изъ нихъ одна — Madonna de perpetuo succursu сходна до мельчайшихъ подробностей съ иконою кандіота Андрея Рико (17). Роль критянъ въ исторіи иконописи подтверждается и литературными источниками (Павелъ Алеппскій) и документами и наличностью предметовъ (21). Островъ Критъ — промежуточный пунктъ сношеній Византіи съ западнымъ міромъ. Находясь подъ эгидой венеціанцевъ, онъ былъ средоточіемъ искусствъ. Критяне ѣздили въ итальянскіе университеты. Въ Венеціи образовалась большая греческая колонія. Св. Маркъ былъ полонъ сокровищами византійскаго искусства и молебныхъ иконъ (24). Множество иконъ съ греческими надписями въ музеяхъ и собраніяхъ Италіи, на Критѣ, Патмосѣ, Аѳонѣ, на Синаѣ все это говоритъ о критскомъ иконописаніи на почвѣ Италіи. Указавъ на связь этой иконописи съ Византіею и Венеціею, авторъ для выясненія отношеній памятниковъ итало-критской иконописи къ византійскимъ образцамъ переходитъ къ византійскимъ моливдовуламъ, т.-е. вислымъ свинцовымъ печатямъ. Памятники этого рода составляютъ истинный крестъ для собирателей и изслѣдователей. Тѣмъ не менѣе они были уже использованы въ интересѣ научнаго знанія какъ Мордтманомъ и Шлюмбергеромъ, такъ и Делятромъ и Леклеркомъ. Академикъ Кондаковъ отрицаетъ ихъ научное значеніе, а д-ръ Лихачевъ наоборотъ усвояетъ имъ большую важность, такъ какъ: 1) это — памятники датированные, 2) они не реставрированы, 3) каждое, находящееся здѣсь изображеніе, можетъ быть сравниваемо съ десяткомъ другихъ однородныхъ изображеній, 4) каждая печать — памятникъ на отдѣльный случай. Всѣ эти особенности моливдовуловъ дѣлаютъ ихъ чрезвычайно цѣнными, особенно въ вопросѣ о типахъ Богоматери въ византійскій періодъ и ихъ постепенномъ развитіи и отклоненіяхъ какъ въ періодъ византійскій, такъ и въ позднѣйшее время въ итало-критской иконописи и русской. Имѣя дѣло съ печатями, изслѣдователь не имѣетъ нужды въ предварительномъ рѣшеніи вопросовъ — откуда идетъ памятникъ — изъ Константинополя, Александріи, Антіохіи, или Іерусалима и къ какому времени онъ относится. Все это дано въ надписяхъ на самыхъ печатяхъ. Введеніе памятниковъ этого рода въ кругъ изслѣдованія составляетъ безспорное и крупное преимущество книги Н. П. Лихачева предъ книгою Н. П. Кондакова, тѣмъ болѣе, что и первый издатель и изслѣдователь ихъ Шлюмберже, при крайней ограниченности своихъ иконографическихъ познаній, не могъ

справиться съ этою задачею; между тѣмъ подъ руками Н. П. Лихачева были не только печати Шлюмберже, но и свое собственное собраніе однородныхъ памятниковъ.

Установивъ общія характерныя черты, отличающія итальянскія изображенія Богоматери отъ византійскихъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію типовъ изображеній Б. М., главнымъ образомъ на основаніи печатей; но предварительно считаетъ нужнымъ отмѣтить, между прочимъ, изображеніе Христа на груди Богоматери, заключенное въ дискъ, овалъ, или эллипсоидный медальонъ: эта форма представленія, по мнѣнію автора, имѣетъ цѣлію изобразить символически, что Богоматерь держитъ въ рукахъ не Младенца Сына своего, а Бога, находящагося на небеси въ небесныхъ кругахъ. Въ главныхъ чертахъ объясненіе это правильно, но оно не полно и не захватываетъ существенно важной черты, опредѣляющей отношеніе Богоматери «къ Христу въ небесныхъ кругахъ». Почему Христосъ помѣщенъ именно въ нѣдрахъ Богоматери? Потому что Онъ, по авторитетному выраженію, основалъ въ Богоматери свой тронъ. Эта мысль обычно проходитъ въ извѣстной группѣ памятниковъ XIV—XI вв. — въ латино-французскихъ молитвенникахъ, богато иллюстрированныхъ, гдѣ между прочимъ читаемъ: veni electa mea et ponam in te thronum meum. Въ старинной русской иконографіи встрѣчаются въ Богородичномъ циклѣ такія композиціи, въ которыхъ изображенный въ нѣдрахъ Богоматери Младенецъ означаетъ не только то, что Онъ — Богъ, но и то, что Онъ — Сынъ Богоматери, воплотившійся отъ нея, а потому иконы этого рода носятъ названіе «Воплощенія». Этотъ типъ Б. М. общеизвѣстенъ; но мы считаемъ не излишнимъ отмѣтить также извѣстный иконописный переводъ Благовѣщенія съ Младенцемъ въ нѣдрахъ Богоматери «аки въ стеклѣ», по выраженію русскихъ подлинниковъ. Такъ и здѣсь, помимо указаннаго Н. П. Лихачевымъ значенія Младенца, какъ Бога, отмѣчается также и Его вочеловѣченіе отъ Дѣвы Маріи.

Уже въ самый ранній періодъ распространенія свинцовыхъ буллъ въ V—VI вв. появились на нихъ изображенія Богоматери, и потомъ они повторяются здѣсь до конца Византійской имперіи. Формы ихъ весьма разнообразны. Авторъ сводитъ всю совокупность ихъ къ слѣдующимъ группамъ.

I. Изображенія Б. М. безъ Господа Еммануила — а) оглавныя и поясныя безъ рукъ, б) изображенія Б. М. въ типѣ Оранты, въ связи съ вопросомъ Б. М. Влахернской и Нерушимой стѣнѣ. Типъ Б. М. Оранты несомнѣнно имѣетъ древнѣйшее происхожденіе: его видимъ въ древнѣйшихъ фрескахъ (въ развалинахъ монастыря Бауитъ), въ мозаикахъ и на монетахъ и печатяхъ. На монетѣ Константина IX Мономаха (1042—1655) она имѣетъ видъ Кіевской Нерушимой стѣны, а на другой монетѣ его же при изображеніи оранты находится надпись **НΒΛΑΧΕΡΝΙΤΙϹΑ**. Это даетъ основаніе думать, что Влахернская икона въ древности имѣла видъ Оранты, вопреки мнѣнію академика Кондакова, который доказывалъ, что иконы Влахернской Б. М. Оранты никогда не было во влахернскомъ храмѣ (50).

II) Изображеніе Б. М. безъ Еммануила съ руками предъ грудью, обращенными дланями къ зрителю (53—56).

III. Изображеніе Б. М. безъ Еммануила въ молитвенномъ положеніи съ полувоздѣтыми руками. Эпитетъ — Агіосотирисса. Вопросъ о Б. М. Халкопратійской (56—63): это то же, что и Агіосотирисса, названная такъ по имени находившейся возлѣ св. Софіи церкви, хранившей въ себѣ реликварій съ поясомъ Богоматери и другими останками (*τὸ ἅγιον σωρὸν*). Типъ этотъ деисусный, всѣмъ хорошо извѣстный. Авторъ весьма удачно выяснилъ его примѣненіе на печатяхъ и иконахъ (въ Сполетто и въ Римѣ на Via lata) и, что особенно важно, подчеркнулъ, что у насъ въ томъ же типѣ и въ то же время явилась икона Боголюбской Б. М. — копія Халкопратійской и что ея явленіе относится къ половинѣ XII вѣка.

IV. Изображеніе Б. М. Покровительницы.

V. Изображеніе Б. М. Киріотиссы съ Еммануиломъ предъ грудью. Авторъ доказалъ, что въ связи съ этимъ типомъ находится типъ Никопеіи, — иконы, съ которой не разставался Императоръ Ираклій. Типъ ея находится въ недавно обслѣдованной церкви Maria antiqua въ Римѣ, въ фрескахъ въ Бауитѣ и на императорскихъ печатяхъ. Киріотисса — Никопеіа изображена на печати Ираклія въ ростъ, но на печати Никифора Вотаніата и частныхъ лицъ нерѣдко она поясная. Этотъ поясной типъ Никопеіи съ бюстомъ Младенца въ нѣдрахъ видимъ и на извѣстной чудотворной иконѣ въ ц. св. Марка въ Венеціи X—XII вв. Съ типомъ Киріотиссы-Никопеіи авторъ связываетъ и происхожденіе иконы Б. М. Живоноснаго источника, хотя древнихъ памятниковъ ея нѣтъ; также икону Печерской Богоматери (82). Впрочемъ эти два послѣдніе варіанта подвержены нѣкоторому сомнѣнію.

VI. Изображенія Б. М. Оранты съ воздѣтыми руками и Еммануиломъ на груди Типъ иконы Б. М. Знаменія. Здѣсь данъ обширный матеріалъ для исторіи основного типа и его варіантовъ.

VII. Изображенія Б. М. сѣдящей на престолѣ и держащей І. Х. на колѣняхъ (93—105). Переводъ иконъ Печерской Б. М. Авторъ сближаетъ этотъ переводъ съ Киріотиссою-Никопеіею и даетъ обширные матеріалы для исторіи типа, при чемъ предлагаетъ нѣкоторыя догадки о генезисѣ этого идеальнаго изображенія, сближая его съ изображеніями историческихъ сценъ поклоненія волхвовъ и даже съ иконнымъ переводомъ «Соборъ Пресвятыя Богородицы».

VIII. Изображенія Б. М. держащей І. Христа на лѣвой или правой рукѣ (106—135) — типъ Одигитрія. Разновидности его. Вопросъ о происхожденіи Аѳиніотиссы. Иконы — Іерусалимская и Гребневская. На древнѣйшихъ изображеніяхъ Одигитріи Богоматерь представляется во весь ростъ съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ (папирусъ Голенищева рис. 239), а въ греческой и русской иконописи распространенъ типъ Одигитріи поясной. Икона Одигитріи едва ли не самое распространенное изображеніе на византійскихъ печатяхъ: изъ нихъ нѣкоторыя восходятъ къ доиконоборческому періоду. Авторъ доказываетъ это ссылками на моливдовулы (110—112). За этими древнѣйшими моливдовулами указывается цѣлый рядъ другихъ, относящихся къ эпохѣ послѣ иконоборства (112—114). Къ этому типу относятся также — мозаическое изображеніе въ Торчелло, рельефное въ ц. св. Марка въ Венеціи, икона Одигитріи Смоленской, Краснопольской или Старорусской, Седмиезерской,

Петровской, Римской (in S. Eustachio), Витербской (въ Италіи), Ченстоховской, Мохнатинской, Генуэзской, Аѳинской, Чимабуэ (націон. галлерея въ Лондонѣ), Скоропослушницы (въ Мессинѣ), Пизанской, Іерусалимской и Гребневской.

IX. Изображенія Б. М. въ разныхъ моментахъ ея жизни въ моливдовулахъ (138—143): Благовѣщеніе съ рукодѣльемъ, Рождество Хр., Распятіе I. X. (въ V—VI вв.), Успеніе Б. М. (въ XII в. съ жидовиномъ), бѣгство въ Египетъ.

Изъ числа всѣхъ этихъ типовъ классическими византійскими являются изображенія: Влахернской Оранты, царицы небесной въ типѣ Никопеи и Халкопратійской молящейся за міръ. До сихъ поръ на моливдовулахъ не найдены: Богоматерь въ типѣ изображенія на артосной панагіи въ Руссикѣ, Муромская, Умягченіе злыхъ сердецъ; но это уже не основные типы, а производные; такъ напр. Шуйско-Смоленская — типъ производный отъ Одигитріи. Къ числу типовъ, не найденныхъ въ моливдовулахъ, авторъ относитъ и типъ Умиленія и склоненъ считать его типомъ западнымъ, вопреки тѣмъ даннымъ, которыя приводитъ самъ же авторъ въ пользу византійскаго происхожденія этого типа. Онъ даже ставитъ вопросъ: не славянская ли это композиція? Такимъ образомъ, скепсизъ автора вызывается прежде всего отсутствіемъ разсматриваемаго типа въ моливдовулахъ. Но вѣдь одними моливдовулами при всей ихъ иконографической важности, не исчерпывается вся полнота византійскихъ первоисточниковъ, относящихся къ даннному предмету; а съ другой стороны — далеко не всѣ монетные и печатные типы Б. М. приведены еще въ извѣстность, и возможно, что самъ же Н. П. Лихачевъ найдетъ этотъ типъ при своихъ будущихъ розысканіяхъ, въ тѣхъ же моливдовулахъ. Въ памятникахъ иного порядка онъ уже нашелъ его и теперь. Мы разумѣемъ изданный имъ барельефъ венеціанскаго собора св. Марка (рис. 352). Памятникъ этотъ съ разсматриваемой точки зрѣнія представляетъ выдающійся интересъ. На немъ находится греческая стихотворная надпись, удостовѣряющая, что плита эта, т.-е. икона, поставлена Михаиломъ и Ириною. Имена эти, по мнѣнію издателей надписи, указываютъ, вѣроятно, на одного изъ Императоровъ византійскихъ; а стиль надписи указываетъ приблизительно на XI в. Заключеніе вѣроятное. Н. П. Лихачевъ вполнѣ соглашается съ хронологическимъ опредѣленіемъ памятника, но, неизвѣстно почему и для чего, возражаетъ, что въ надписи нѣтъ указанія на царское достоинство Михаила и что въ Венецію памятникъ этотъ могъ попасть и послѣ 1204 г. Скепсисъ этотъ въ данномъ случаѣ излишенъ. Затѣмъ, авторъ указываетъ на одинъ змѣевикъ съ изображеніемъ Б М. Умиленія (рис. 353); но и здѣсь опять замѣчаетъ, что «такіе змѣевики относятся къ сравнительно поздней эпохѣ» (152). Приведя еще два-три позднихъ памятника, авторъ заключаетъ, что типъ Умиленія хотя появился въ византійскомъ искусствѣ, *но очень поздно* (153) и что если бы не приведенные памятники, то онъ могъ бы подумать, что типъ Умиленія принадлежитъ къ композиціямъ послѣвизантійскимъ и совершенно чуждъ истиннаго византійскаго искусства (153). Противъ его принадлежности Византіи, по мнѣнію автора, говоритъ и то, что «это переводъ реальный — изображеніе Матери и приласкавшагося къ ней Младенца, а не символическая картина Господа Еммануила, благословляющаго

міръ» (150). Здѣсь видно трогательное согласіе автора съ авторомъ книги «Иконографія Б. М.». Однако, вѣдь мы такъ мало знаемъ еще Византію въ ея ученыхъ и художественныхъ проявленіяхъ, особенно въ разные періоды ея исторіи, что утверждать отсутствіе въ византійскомъ искусствѣ всякаго реализма и видѣть въ немъ только одно «святое святыхъ», чуждое всякихъ житейскихъ попеченій, — одно точное выраженіе христіанской догмы, невозможно. Вѣдь нашелъ же здѣсь самъ авторъ Млекопитательницу, въ которой наклонность къ реализму гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Умиленіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о характерѣ византійскаго искусства, хотя бы въ иконоборческій періодъ. И самъ авторъ, склоняясь въ данномъ случаѣ на сторону отрицанія, однакожъ основательно предваряетъ, что въ вопросахъ о византійствѣ и отсутствіи того или другого перевода въ византійскомъ искусствѣ надо быть чрезвычайно осторожнымъ. Это онъ выясняетъ на примѣрахъ: «Отечества», которое вопреки установившемуся мнѣнію, получило свое начало въ Византіи (155 и слѣд.). «рѣки ученія» (157), Млекопитательницы и даже ставитъ такой вопросъ: изображеніе Господа-Творца міра съ циркулемъ въ рукѣ, находящееся въ латино-французской библіи Вѣнской библіотеки, не происходитъ ли изъ той же Византіи? Но если первые примѣры вполнѣ научно обоснованы, то послѣдній — нѣтъ. Авторъ видитъ въ немъ черты Пандократора, но это предположеніе допустимо только по отношенію къ чертамъ лица, явившимся здѣсь подъ вліяніемъ византійскихъ традицій; вся же композиція несомнѣнно западная и относится къ этому позднему времени, когда въ фигурахъ геометрическихъ западные художники хотѣли выразить истины христіанства (треугольникъ — Св. Троица; циркуль — эмблема созданія міра и т. п.). Тѣмъ не менѣе, возвращаясь къ типу Умиленія, авторъ высказывается прямо, что типъ «Умиленія» не представляетъ византійской первоосновы; онъ образовался на почвѣ западно-европейскаго, французскаго и итальянскаго свободнаго индивидуальнаго художественнаго творчества (168) и приводитъ примѣры на иконахъ итало-греческихъ, римскихъ, русскихъ, также снимки съ гравюръ. Всѣ эти иконы относятся преимущественно къ XVI—XVII вв. Такимъ образомъ авторъ совсѣмъ не упоминаетъ о нашихъ древнѣйшихъ иконахъ Умиленія — Владимірской, Ѳеодоровской, Игоревской, повидимому, подводя ихъ подъ обычный шаблонъ и признавая въ нихъ нѣкоторый налетъ западнаго искусства. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы ясно и опредѣленно выдѣлить эти древнѣйшіе русскіе памятники, примѣнивъ именно къ нимъ прежде всего требованіе осторожности. Вѣдь тотъ самый выводъ, который авторъ приводитъ на стран. 168, обоснованъ на сравнительномъ анализѣ съ одной стороны западно европейскихъ иконъ, а съ другой — иконъ Умиленія позднѣйшихъ греческихъ и русскихъ, между тѣмъ указанныя древнѣйшія русскія иконы этого типа остаются внѣ кругозора автора и не поддаются анализу съ принятой авторомъ точки зрѣнія. Поэтому, онъ не долженъ былъ категорически утверждать, что въ типѣ Умиленія нѣтъ византійской первоосновы. Отчасти наличность памятниковъ, отчасти русскодревнее преданіе заставляютъ искать другого пути въ дѣлѣ изслѣдованія этого типа.

Оставляя въ сторонѣ подробности, касающіяся разныхъ типовъ и варіантовъ изображеній Б. М., а равно и «выводы и домыслы», касающіеся исторіи русской

иконописи на деревѣ, и тѣхъ вліяній, подъ которыми она въ разное время находилась (219—221), отмѣтимъ въ заключеніе главныя характерныя черты ученой художественно-археологической работы Н. П. Лихачева.

1) Разсмотрѣнная работа Н. П. Лихачева показываетъ, что авторъ собралъ весьма обширные матеріалы для своего изслѣдованія: не говоря уже о томъ, что всѣ матеріалы печатные и ученыя изданія памятниковъ приняты во вниманіе, онъ добавилъ къ нимъ много такихъ, которые только теперь въ первый разъ становятся извѣстными въ наукѣ художественной археологіи. Это нужно сказать особенно о моливдовулахъ.

2) Обширный матеріалъ въ общемъ систематизированъ достаточно, хотя по мѣстамъ встрѣчаются нарушенія принципа систематизаціи, въ видѣ случайныхъ уклоненій въ область частныхъ фактовъ, мало связанныхъ съ основною мыслью автора и, повидимому, маловажныхъ. Это — неизбѣжная дань той скрупулезности, которую академикъ Кондаковъ, неоднократно порицаетъ (стран. 99, 209), но безъ которой не можетъ обойтись никто и къ которой прибѣгаетъ иногда онъ самъ съ пользою для дѣла (стран. 13 и слѣд.).

3) Осторожность въ ученыхъ выводахъ составляетъ характерную черту автора, выгодно выдѣляющую его изъ ряда другихъ однородныхъ работъ и избавляющую отъ чрезмѣрныхъ увлеченій итало-греческою иконописью.

4) Онъ первый отмѣчаетъ такъ называемую неовизантійскую школу (возрожденія византійскаго искусства) въ эпоху Палеологовъ, хотя и говоритъ о ней очень осторожно и кратко.

5) Онъ точно опредѣляетъ время жизни и дѣятельности итало-критскаго художника Бизамана (XVI в.), на основаніи датированной иконы (1532 г.).

6) Онъ съ точною достовѣрностію устанавливаетъ типы древнихъ иконъ Богоматери — Влахернской (въ видѣ Оранты), Халкопратійской (типъ деисусный, повторяемый на иконахъ Агіосотирисса и въ XII в. Боголюбской) и Киріотиссы-Никопейи.

Внѣшняя сторона изданія превосходна.

Въ виду всего вышеизложеннаго я считаю справедливымъ поощрить ученые труды Н. П. Лихачева присужденіемъ ему золотой медали, установленной въ память графа А. С. Уварова. Къ этому считаю не излишнимъ добавить слѣдующее.

Въ томъ же 1911 г. Н. П. Лихачевъ издалъ хожденіе св. ап. и ев. Іоанна Богослова по двумъ лицевымъ рукописямъ XV и XVI вѣковъ. Одна рукопись XVI в. принадлежитъ Академіи Наукъ: авторъ, на основаніи филиграней, доказалъ, что бумага рукописи относится къ первой половинѣ царствованія Ивана Грознаго; другая принадлежитъ самому автору и относится къ концу XV вѣка. Сопоставивъ миніатюры ихъ, авторъ пришелъ къ заключенію о полной независимости одной рукописи отъ другой. Въ первой изъ нихъ — академической — онъ отмѣчаетъ слѣды нѣкоторой руссификаціи въ костюмахъ и нѣкоторый «налетъ востока» и его обычаевъ; во второй — древнѣйшей — онъ склоненъ видѣть, повидимому, нѣкоторые слѣды итальянскаго вліянія (стран. 48—49). Число всѣхъ листовъ и миніатюръ, изданныхъ Н. П. Лихачевымъ, простирается до 187, въ томъ числѣ изъ древнѣйшаго списка 106 (текстъ и миніатюры) и изъ позднѣйшаго (миніатюры) 81.

Эта новая работа Н. П. Лихачева усиливаетъ право автора на полученіе вышеозначенной медали.

Бояре Романовы и ихъ родственныя связи.

Л. М. Савеловъ.

Прошло 300 лѣтъ, какъ замутившіяся волны русской народной жизни дошли до предѣловъ возможнаго, когда зашатавшіеся русскіе люди увидѣли себя и свою родину на краю гибели. Присягая сегодня одному, завтра другому, послѣзавтра третьему, они совершенно потеряли идею національнаго самосознанія и, смѣняя одну династію за другой, отдали иноземцамъ Московскій Кремль со всѣми его святынями, съ гробницами царей и первосвятителей Московскихъ. Но вотъ наступаетъ моментъ, когда чаша страданій переполнилась и выливается въ формѣ общаго національнаго протеста, приведшаго русскія ополченія подъ стѣны Московскаго Кремля, и 25 октября 1612 г. Кремль былъ вновь занятъ русскими войсками. Съ изгнаніемъ поляковъ, очевидно, прежде всего возникалъ вопросъ — кто же будетъ царемъ, въ чьи же руки будетъ отдано кормило русскаго корабля, кто же наконецъ, проведетъ его въ тихую пристань послѣ цѣлаго ряда лѣтъ плаванія по взбаламученному морю, которое, казалось, уже не разъ готово было проглотить этотъ корабль. 21 февраля 1613 года состоялось единогласное избраніе этого кормчаго — избранъ былъ юный Михаилъ Өедоровичъ Романовъ.

Какъ состоялось это избраніе, чѣмъ руководствовались при немъ, мы говорить не будемъ — это не входитъ въ наши задачи, мы постараемся лишь выяснить вопросъ, что изъ себя представляли Романовы въ эту эпоху, ихъ положеніе среди боярства и ихъ родственныя связи.

Не касаясь той пышной легенды, которая легла въ основаніи ихъ родопроисхожденія, мы начнемъ исторію Романовыхъ съ того лишь лица, существованіе котораго можетъ быть доказано историческими документами и съ котораго начинаетъ этотъ родъ древнѣйшая родословная книга, такъ называемый «Государевъ Родословецъ», составленный при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ въ 1555—1556 гг., и въ 26-й главѣ которой говорится слѣдующее: «Родъ Кобылинъ. У Андрея у Кобылы 5 сыновъ: Семенъ Жеребецъ, Александръ Елка, Василей Ивантей, Гаврило Гавша и Өедоръ Кошка»; существованіе этого Андрея Кобылы подтверждается и Лѣтописью,—такъ въ VII томѣ П. С. Р. Л. (стран. 210) мы читаемъ: «Въ лѣто 6855 (1347) женился князь великій Семенъ Ивановичъ въ 3-іе, поя за ся княжну Марію Александровну Тверского князя; а ѣздили по нее Андрей Кобыла да Алексѣй Босоволковъ».

Подобное почетное порученіе даетъ основаніе предполагать, что положеніе Андрея Кобылы при великокняжескомъ дворѣ было уже прочно установившимся, и это положеніе онъ передалъ и своему потомству. Мы не будемъ здѣсь говорить о потомствѣ всѣхъ сыновей Андрея и прослѣдимъ лишь линію его младшаго сына Θедора Кошки, родоначальника интересующей насъ семьи Романовыхъ.

Θедоръ Андреевичъ занимаетъ при Московскомъ дворѣ положеніе не меньшее, чѣмъ его отецъ. Θедоръ Андреевичъ подписываетъ духовное завѣщаніе Дмитрія Ивановича Донского, что ясно показываетъ намъ близость его къ великому князю; въ 1380 году, когда Дмитрій Донской отправился на войну съ Мамаемъ, охрану своего семейства онъ могъ, конечно, поручить только близкому и вполнѣ вѣрному человѣку, и этимъ вѣрнымъ человѣкомъ оказался Θедоръ Андреевичъ Кошка[1]).

О Θедорѣ Андреевичѣ и о его вліяніи на дѣла мы имѣемъ слѣдующее показаніе Ордынскаго князя Едигея: «Добрые нравы и добрая дума и добрыя дѣла къ Ордѣ были отъ боярина Θедора Кошки; добрый былъ человѣкъ; которыя были добрыя дѣла ордынскія — и онъ тебѣ о нихъ напоминалъ»[2]).

Θедоръ Андреевичъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Ивана, Θедора Голтяя, Александра Беззубца, Никифора и Михаила Дурного и дочь Анну, вышедшую въ 1391 г. за родного племянника жены Семена Гордаго, Маріи Александровны, сына Михаила Александровича Тверского, Θедора Михайловича, удѣльнаго князя Микулинскаго; нѣсколько позднѣе, въ 1408 г., внучка Θедора Кошки, дочь его сына Θедора Голтяя, выходитъ за сына князя Боровскаго Владиміра Андреевича — Ярослава, а дочь ея Марія становится супругою вел. кн. Московскаго Василія Васильевича. Какъ мы видимъ, связи потомства Андрея Кобылы постепенно крѣпнутъ и къ началу XV ст. оно уже дважды роднится съ Московскою великокняжескою семьею.

Марія Θедоровна Голтяева = князь Боровской Ярославъ Владиміровичъ
правнукъ Іоанна Даниловича Калиты

Василій | Марія = в. к. Московскій Василій Васильевичъ Темный. | Елена = кн. Мих. Андр. Можайскій. | дочь = кн. Вас. Юрьев. Косой.

(дѣти Маріи и в. к. Василія Васильевича:) Иванъ | Иванъ | Андрей | Василій

(сынъ Ивана:) [illegible]

Не изслѣдуемъ дальше, прослѣдимъ ту линію, которая дала въ XVII ст. новую династію. Старшимъ сыномъ Θедора Кошки былъ Иванъ, который является при дворѣ вел. кн. Московскаго Василія Дмитріевича не меньшей величиною, чѣмъ

1) По нѣкоторымъ даннымъ можно предположить, что жену Θедора Андреевича звали Василисой. По предположенію Г. С. Ш., у Андрея Кобылы была сестра Анна, бывшая замужемъ за княземъ Афанасіемъ Даниловичемъ, братомъ Ивана Калиты. Если это предположеніе вѣрно, то оно объясняетъ причину близости семьи Кошкиныхъ къ Московской великокняжеской семьѣ, и становится понятнымъ то высокое положеніе, которое заняло потомство Θедора Кошки среди Московскаго служилаго боярства. Не надо забывать, что въ древней Руси родственныя связи играли всегда большую роль.

2) Собр. Гос. Грам. и Догов. II, 16.

его отецъ: «У тебя, — писалъ вел. князю тотъ же ордынскій князь Едигей, — Иванъ казначей и любовникъ и старейшина, изъ котораго слова и думы ты не выступаешь»; подписи этого великокняжескаго любимца мы находимъ на всѣхъ трехъ завѣщаніяхъ вел. кн. Василія Дмитріевича.

Иванъ Өедоровичъ имѣлъ четырехъ сыновей, потомство трехъ старшихъ пресѣклось на ихъ дѣтяхъ, и мы останавливаться на немъ не будемъ, укажемъ лишь, что одна изъ внучекъ Ивана Өед. была замужемъ за княземъ Өедоромъ Ивановичемъ Ушатымъ, изъ князей Моложскихъ-Ярославскихъ, потомство ея просуществовало до 60-хъ годовъ XVI ст. и сошло со сцены не безъ участія Грознаго царя, другая внучка Ивана Өед. была за какимъ-то Тимофеемъ Собакинымъ, но въ какой связи находился этотъ Тимофей съ родомъ третьей жены Іоанна Грознаго, не установлено. Самый младшій сынъ Ивана Өед. — Захарій былъ бояриномъ вел. кн. Василія Васильевича, который былъ женатъ, какъ мы уже указали, на княжнѣ Маріи Ярославовнѣ Боровской, дочери Маріи Өедоровны Голтяевой — двоюродной сестры Захарія Ивановича.

Имя Захарія Ивановича мы два раза встрѣчаемъ въ Лѣтописяхъ: первый разъ при описаніи свадьбы Московскаго вел. кн. Василія Васильевича, когда, по выраженію Лѣтописи (П. С. Р. Л. V. 268): «въ лѣто 6941 князь великій Василій Васильевичъ женился на Москвѣ, понялъ дщерь князя Ярослава Володимеровича именемъ Марію; и на той свадьбѣ Захарья Ивановичъ Кошкынъ имался за поясъ у князя у Василья у Юрьевича у Косого [1]), и съ тоя свадбы князи и бояре разъѣхашася въ своиси». Какъ извѣстно, этотъ случай съ поясомъ сыгралъ не маловажную роль въ дальнѣйшихъ событіяхъ царствованія Василія Васильевича; второй разъ имя Захарія Ивановича упоминается подъ 1445 г., какъ воеводы въ бою подъ Суходровымъ.

Захарій Ивановичъ имѣлъ трехъ сыновей: Якова [2]), Юрія и Василія. Первый изъ нихъ, извѣстный воевода Іоанна III, былъ родоначальникомъ отдѣлившейся вѣтви Яковлевыхъ, послѣдній, Василій, былъ родоначальникомъ Лятскихъ, ушедшихъ при Грозномъ въ Литву, а отъ средняго Юрія пошла интересующая насъ вѣтвь Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ.

Юрій Захарьевичъ — также бояринъ и воевода и участникъ походовъ Іоанна III; онъ былъ женатъ на Иринѣ Ивановнѣ Тучковой-Морозовой [3]). Нужно замѣтить, что потомство Андрея Кобылы трижды вступало въ родственныя связи съ различными вѣтвями боярскаго рода Морозовыхъ. Отъ брака съ Ириною Ивановною Юрій Захарьевичъ имѣлъ шестерыхъ сыновей: Михаила, Ивана, Романа, Григорія, Семена и Василія и дочь Өеодосію, умершую въ дѣвушкахъ; болѣе другихъ по своей службѣ выдвигаются Михаилъ и Романъ, но, повидимому ни одинъ изъ нихъ не пользовался

---

[1]) Захарій Ивановичъ приходился двоюроднымъ дядей женѣ В. Ю. Косого, женатаго на дочери Маріи Өедоровнѣ Голтяевой — княжнѣ Боровской, родной сестрѣ вел. кн. Московской Маріи Ярославовны, жены Василія Темнаго.

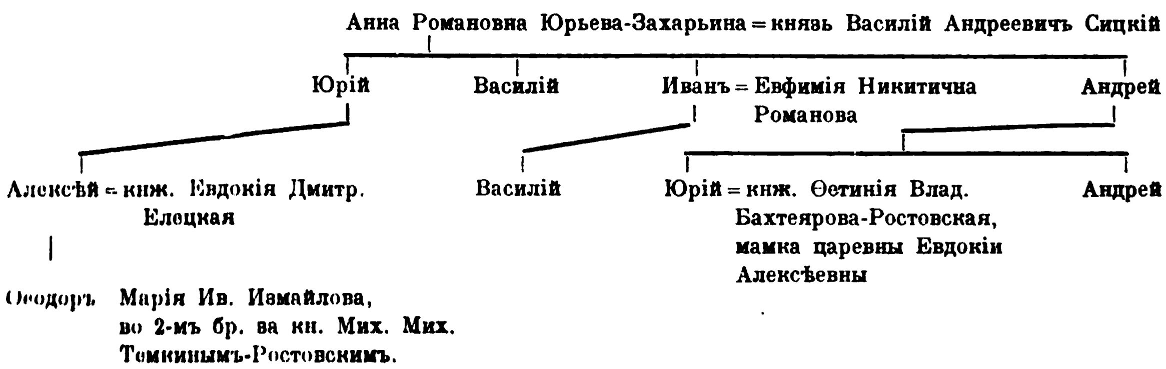
[2]) Яковъ Захарьевичъ былъ намѣстникомъ въ В. Новгородѣ, на него было возложено умиротвореніе новгородцевъ и онъ же разслѣдовалъ возникшую тамъ ересь жидовствующихъ.

[3]) Ирина Ивановна приходилась двоюродною теткою Маріи Михайловны Тучковой, бывшей за княземъ Михаиломъ Михаиловичемъ Курбскимъ, отцомъ знаменитаго князя Андрея Михаиловича.

такимъ исключительнымъ вліяніемъ, какъ нѣкогда Ѳедоръ Кошка и его сынъ Иванъ, хотя нужно отмѣтить, что вел. кн. Василій Ивановичъ, умирая, приказалъ Михаилу Юрьевичу, князю Михаилу Глинскому и Шигонѣ-Поджогину свою княгиню Елену, «какъ ей безъ него быти, какъ къ ней бояромъ ходити, и о всемъ имъ приказа како безъ него царству строиться». Какого происхожденія были жены Михаила и Романа — неизвѣстно.

Одинъ изъ сыновей Михаила Юрьевича, бояринъ Василій Михайловичъ, былъ женатъ на княжнѣ Анастасіи Дмитріевнѣ Бѣльской (потомки Гедимина), другая сестра которой, Евдокія, была замужемъ за бояриномъ Мих. Як. Морозовымъ и въ 1573 г. была казнена съ мужемъ и съ дѣтьми. Трое сыновей Вас. Мих., повидимому, скончались безъ потомства; старшій изъ нихъ, Протасій, казненъ Іоанномъ Грознымъ — это единственный изъ семьи Кошкиныхъ, павшій отъ руки Іоанна.

Романъ Юрьевичъ, давшій своему потомству прозваніе Романовыхъ, умеръ 12 февраля 1543 г. и оставилъ дѣтей: Даніила, Долмата, Никиту, Анну и Анастасію. Даніилъ Романовичъ былъ бояриномъ и отъ двухъ женъ, извѣстныхъ намъ лишь по имени, обѣ были Аннами, имѣлъ трехъ сыновей Михаила, Ѳедора и Ивана и двухъ дочерей Анну и Ѳетинью; первые трое извѣстны лишь намъ по родословцамъ и, кажется, погибли во время прихода въ Москву крымскаго хана Дивлетъ Гирея въ 1571 г., Анна была замужемъ за княземъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Ноготковымъ-Оболенскимъ, а Ѳетинья — за княземъ Ѳедоромъ Дмитріевичемъ Шестуновымъ и пострадала при Годуновѣ, когда вся Романовская родня была послана въ ссылку. Второй сынъ Романа, Долматъ, скончался молодымъ человѣкомъ въ 1545 г., не оставивъ потомства. Анна Романовна была замужемъ за бояриномъ княземъ Василіемъ Андреевичемъ Сицкимъ; одинъ изъ ея сыновей, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ, при Годуновѣ былъ насильно постриженъ въ монахи и умеръ въ 1608 г.; былъ онъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, дочери Никиты Романовича — Евфиміи, также постриженной въ монашество и умершей въ 1602 г.; родъ князей Сицкихъ прекратился на правнукѣ Анны Романовны — князѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ.

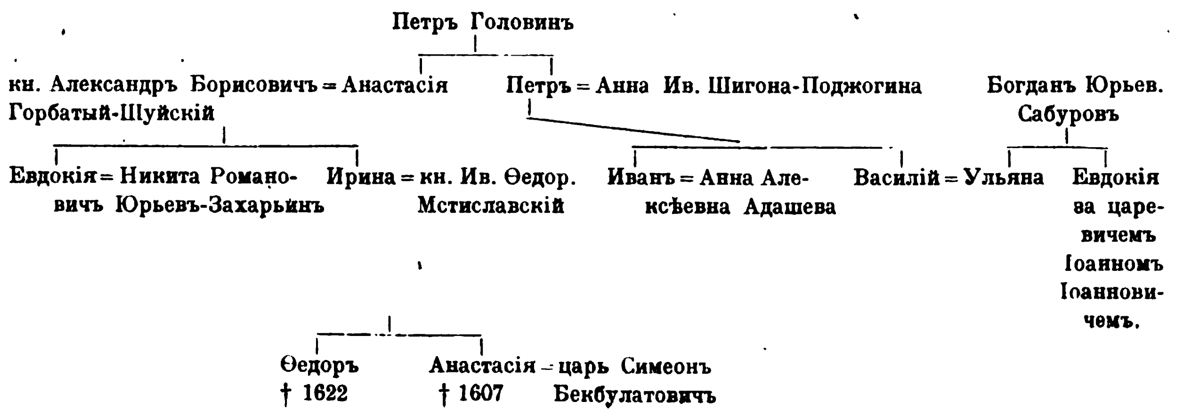

Младшая дочь Романа Юрьевича, Анастасія Романовна, 3 февраля 1547 г. была обвѣнчана съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, что еще болѣе приблизило родъ Романовыхъ къ престолу.

Вліяніе Анастасіи Романовны на Іоанна было огромное. Въ теченіе тринадцати лѣтъ своего супружества сдерживала она порывы своего супруга — «предобрая Анастасія наставляла и приводила Іоанна на всякія добродѣтели»; не мудрено, что во главѣ ближайшихъ совѣтниковъ Іоанна на первомъ мѣстѣ стоитъ братъ царицы Никита Романовичъ. Со смертью царицы Анастасіи Романовны наступили тяжелыя времена на Руси: болѣзненная подозрительность Іоанна окутала государство какимъ-то кровавымъ туманомъ, всюду онъ видѣлъ крамолу, во всѣхъ онъ видѣлъ враговъ престола, и полилась широкой рѣкой кровь княжатъ и бояръ, цѣлые роды покончили свое существованіе въ эту грозную эпоху, кто погибъ на плахѣ, кто въ монастырскомъ заключеніи. Но гроза пронеслась мимо Романовыхъ, задѣвъ ихъ слегка, выхвативъ изъ ихъ среды одного Протасія Васильевича, правнука Михаила Юрьевича, двоюроднаго племянника царицы Анастасіи; при какихъ обстоятельствахъ былъ казненъ Протасій Васильевичъ — мы не знаемъ.

Романовы не только не потеряли своихъ головъ, но не потеряли и своего значенія въ лицѣ боярина и дворецкаго Никиты Романовича, сначала брата царицы, а затѣмъ дяди царя Өедора Іоанновича, при которомъ онъ удерживалъ свое выдающееся положеніе до самой своей кончины, послѣдовавшей въ 1586 г., оспаривая вліяніе на царя у царскаго шурина Бориса Өедоровича Годунова.

Кромѣ близкаго родства съ царскимъ домомъ, Никита Романовичъ своими двумя браками породнился еще и съ цѣлымъ рядомъ боярскихъ фамилій. Первая его жена была Варвара Ивановна Ховрина (Головина), вторая — Евдокія Горбатая-Шуйская, дочь князя Александра Борисовича и Анастасіи Петровны, дочери боярина и казначея Петра Ивановича Головина и его жены Маріи Васильевны, урожденной княжны Одоевской; другая сестра Евдокіи Александровны, княжна Ирина Александровна, была за княземъ Иваномъ Өедоровичемъ Мстиславскимъ, постриженнымъ насильно при Өедорѣ Ивановичѣ за участіе въ заговорѣ противъ Бориса Годунова; сынъ ихъ, извѣстный дѣятель смутнаго времени, князь Өедоръ Ивановичъ, такимъ образомъ приходился двоюроднымъ братомъ патріарху Филарету Никитичу. Этимъ бракомъ Романовы вошли въ свойство съ Поджогиными, Сабуровыми и нѣкоторыми другими боярскими семьями, а въ будущемъ, при рѣшеніи вопроса о царѣ, они пріобрѣли и голосъ князя Өед. Ив. Мстиславскаго при обсужденіи этого вопроса на соборѣ, рѣшавшемъ участь престола.

У Никиты Романовича отъ обоихъ браковъ были слѣдующія дѣти: Ѳедоръ, Александръ, Михаилъ, Никита, Василій, Иванъ, Левъ, Іуліанія, Анна, Евфимія, Марфа, Ирина и Анастасія. Со смертью Никиты Романовича — Романовы, несмотря на огромное родство, потеряли главную поддержку и должны были уступить въ борьбѣ съ Годуновымъ, который страшно отомстилъ имъ за то вліяніе, которымъ они пользовались при царѣ Іоаннѣ Грозномъ.

Обойдя всѣ мели и преграды при цѣломъ рядѣ государей, Романовы и ихъ ближайшіе родственники едва совершенно не сошли съ политической сцены при Годуновыхъ, видѣвшихъ въ нихъ своихъ конкурентовъ и чувствовавшихъ, что Романовы пользуются въ народѣ огромными симпатіями, чего такъ недоставало царю Борису Ѳедоровичу, и результатомъ этого явилась ссылка всѣхъ Романовыхъ, существовавшихъ при Годуновѣ, за исключеніемъ одной Ирины Никитичны, бывшей замужемъ за бояриномъ Иваномъ Ивановичемъ Годуновымъ, дальнимъ родственникомъ царя Бориса; но если уцѣлѣла Ирина Никитична, то мужъ ея Иванъ Ив. погибъ при Лжедимитріи II, будучи, по его приказанію, утопленъ въ Окѣ.

Въ моментъ вступленія на престолъ Бориса Годунова, въ 1598 г., составъ семьи Романовыхъ ограничивался лишь потомствомъ Никиты Романовича, т.-е. его дѣтьми и внуками, и былъ слѣдующій: Ѳедоръ Никитичъ, его жена Ксенія Ивановна, урожденная Шестова [1]), ихъ дѣти, Иванъ, умершій 7 іюня 1599 г., Михаилъ и Татьяна, вышедшая впослѣдствіи за кн. Ивана Мих. Катырева-Ростовскаго, автора сочиненія о смутномъ времени, и умершая въ 1611 г., Александръ Никитичъ, его вторая жена Ульяна Семеновна Погожева (первый разъ онъ былъ женатъ на княжнѣ Евдокіи Ивановнѣ Голицыной, скончавшейся 1 августа 1597 г.), Михаилъ Никитичъ, Василій Никитичъ, Иванъ Никитичъ Каша, бывшій, повидимому, въ это время еще холостымъ, Евфимія Никитична, бывшая замужемъ за княземъ Ив. Вас. Сицкимъ, Марфа Никитична, бывшая за княземъ Бор. Канб. Черкасскимъ [2]), Ирина Никитична — за Ив. Ив. Годуновымъ и Анастасія Никитична, вышедшая за князя Бориса Михайловича Лыкова-Оболенскаго.

Гроза надъ Романовыми и ихъ родственниками разразилась въ 1601 г. Ѳедоръ Никитичъ и его жена были пострижены въ монашество и заточены: Ѳедоръ Никитичъ въ Сійскомъ мон., Ксенія Ивановна отправлена была въ Егорьевскій Толвуйскій погостъ Выгоозерскаго стана, Новгородскаго уѣзда, пострадала и ея мать Марія Шестова, которая была также пострижена и заточена въ Чебоксарскомъ Никольскомъ монастырѣ; Александръ Никитичъ отправленъ былъ на Бѣлое море въ Усолье-Луду, гдѣ и умеръ, жена его Ульяна Семеновна съ дѣтьми была сослана на Бѣлоозеро, а послѣ смерти мужа въ 1602 г. переведена въ село Клины Юрьево-Польскаго у. (Влад. губ.); о дѣтяхъ ея ничего неизвѣстно, повидимому, они умерли во время ссылки; Михаилъ Никитичъ былъ сосланъ въ Ныробскую

[1]) Вѣтвь рода Морозовыхъ, владѣвшая помѣстьями въ Костромскомъ уѣздѣ.

[2]) Дочь ея Ирина была замужемъ за Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, мать котораго Домна Михайловна, урожд. княжна Троекурова, была родная тетка князя Ивана Ѳедоровича Троекурова, женатаго на Аннѣ Никитичнѣ Романовой. Сестра Ѳедора Ивановича Ш. — Елена была замужемъ за царевичемъ Іоанномъ Іоанновичемъ.

волость, въ Великой Перми, гдѣ и умеръ; Василій Никитичъ былъ заточенъ сначала въ Яренскѣ, а затѣмъ былъ переведенъ къ брату Ивану Никитичу въ Пелымъ, гдѣ ихъ содержали прикованными къ стѣнѣ; Василій Никитичъ скончался въ Пелымѣ 15 февраля 1602 г., Иванъ Никитичъ пробылъ въ ссылкѣ до іюля 1602 г., когда былъ назначенъ на службу въ Нижній-Новгородъ, въ бракъ съ княжною Ульяною Ѳедоровною Литвиновой-Масальской онъ вступилъ, повидимому, уже послѣ ссылки; Евфимія Никитична была пострижена и заточена въ Сумскомъ острогѣ[1]), принадлежавшемъ Соловецкому монастырю, гдѣ и умерла 8 апрѣля 1602 г., мужъ ея князь Иванъ Васильевичъ Сицкій былъ также постриженъ въ монашество; Марфа Никитична съ мужемъ княземъ Борисомъ Канбулатовичемъ Черкасскимъ и племянникомъ Мих. Ѳед. Романовымъ были сосланы на Бѣлоозеро; кн. Борисъ Канбулатовичъ скончался тамъ въ 1602 г., послѣ чего Марфа Никитична съ племянникомъ были переведены въ Клины, куда, какъ мы знаемъ, была переведена и вдова Александра Никитича; сынъ Марфы Никитичны, князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій, былъ сосланъ въ Малмыжъ, но черезъ годъ назначенъ на службу въ Нижній-Новгородъ; мужъ дочери Марфы Никитичны, Ирины, бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ былъ посланъ воеводой въ Тобольскъ; Анастасія Никитична была сослана на Бѣлоозеро, а затѣмъ переведена въ Клины; впослѣдствіи она вышла замужъ за кн. Бориса Михайловича Лыкова изъ Оболенскихъ князей.

Невзгоды Романовыхъ продолжались до воцаренія Лжедимитрія I, который вернулъ имъ свободу, какъ своимъ родственникамъ; но, выйдя на свободу, семья Романовыхъ многихъ уже не досчиталась: изъ 5 братьевъ Никитичей въ живыхъ осталось всего двое, умерла и одна изъ сестеръ; Ѳедоръ Никитичъ, въ иночествѣ Филаретъ, былъ сдѣланъ митрополитомъ Ростовскимъ, жена его, инокиня Марфа, переведена въ Ипатьевскій монастырь.

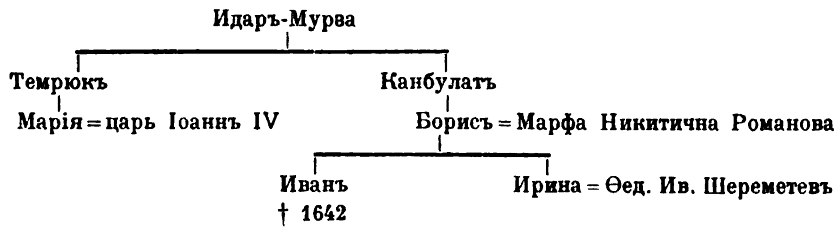
Наступили тяжелые годы смуты «за премногія и многочисленныя грѣхи наша и беззаконія и неправды, изліяніе гнѣва быстрое бысть отъ Бога»; пронеслось надъ Русью царствованіе Годуновыхъ и Лжедимитрія, пережилъ русскій народъ и Тушинскаго вора и занятіе сердца Россіи иноплеменниками, вновь поднялся вопросъ о царѣ, и въ концѣ ноября 1612 года по всѣмъ городамъ и областямъ были разосланы грамоты, призывавшія ѣхать въ Москву «выборныхъ изо всѣхъ городовъ лучшихъ и разумныхъ постоятельныхъ для земскаго великаго совѣту и государскаго обиранія».

Соборъ, какъ извѣстно, собрался уже въ январѣ 1613 года и приступилъ къ рѣшенію вопроса о царѣ. Въ числѣ кандидатовъ на московскій престолъ, повидимому, болѣе всего выдвигались Голицыны и Романовы, такъ какъ остальные, въ родѣ престарѣлаго князя Мстиславскаго, быстро отпали.

Мы изъ предыдущаго изложенія видѣли, что семья Романовыхъ обладала огромными родственными связями: Шереметевы, князья Сицкіе, кн. Троекуровы, кн. Катыревы-Ростовскіе, кн. Мстиславскіе, князья Черкасскіе, а черезъ нихъ

[1]) Сумской острогъ лежитъ на нашемъ крайнемъ сѣверѣ, въ предѣлахъ Кемскаго у., въ $3^1/_2$ верстахъ отъ Сумскаго залива Онежской губы подъ 64^0 сѣв. широты.

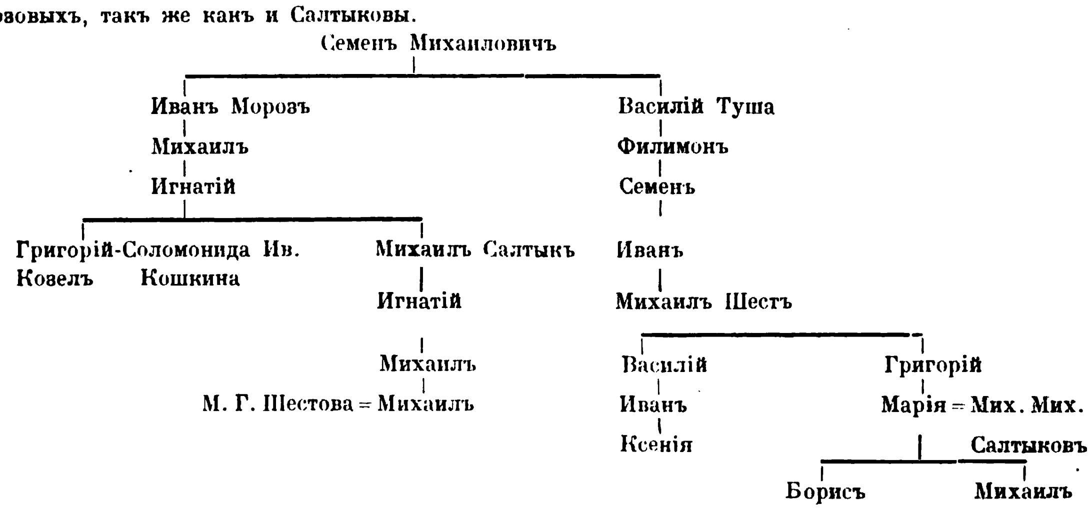
они породнились, конечно, и съ цѣлымъ рядомъ другихъ фамилій[1]); кромѣ того, несомнѣнно, сыграло роль и близкое родство съ послѣднимъ царемъ изъ потомства Рюрика, Θедоромъ Ивановичемъ, которому Филаретъ Никитичъ приходился двоюроднымъ братомъ, приходился онъ и племянникомъ царицѣ Анастасіи Романовнѣ, память о которой жила еще въ народѣ, помнившемъ ея свѣтлый обликъ на мрачномъ горизонтѣ царствованія Грознаго. Кромѣ того, Романовы уже издавна пользовались симпатіями народной массы, а послѣдніе годы окружили ихъ, кромѣ того, и ореоломъ мученичества — результатомъ всего этого и было то, что на соборѣ имя Михаила, юнаго сына Филарета Никитича, собрало около себя наибольшее число голосовъ. Возможно, что при этомъ сильное вліяніе имѣлъ и бояринъ Θедоръ Ивановичъ Шереметевъ, самъ, какъ мы знаемъ, женатый на двоюродной сестрѣ Михаила Θедоровича, на княжнѣ Черкасской.

Къ боярскому большинству примкнуло духовенство и казачество, и такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ очень скоро: избраннымъ оказался Михаилъ, «сродственнаго его ради союза царскихъ искръ», какъ говоритъ современникъ. Нельзя не отмѣтить, что вопросъ о кандидатурѣ Романовыхъ выдвигался уже и ранѣе — сейчасъ же послѣ смерти Θедора Іоанновича, по крайней мѣрѣ Андрей Сапѣга писалъ въ январѣ 1598 г. къ гетману Радзивилу, что претендентами на престолъ являются Б. Θ. Годуновъ, кн. Θ. И. Мстиславскій, Б. Я. Бѣльскій и Θед. Н. Романовъ, при чемъ послѣдняго Сапѣга считалъ наиболѣе серьезнымъ кандидатомъ въ виду его близкаго родства съ царскимъ домомъ; подобнаго мнѣнія держалось

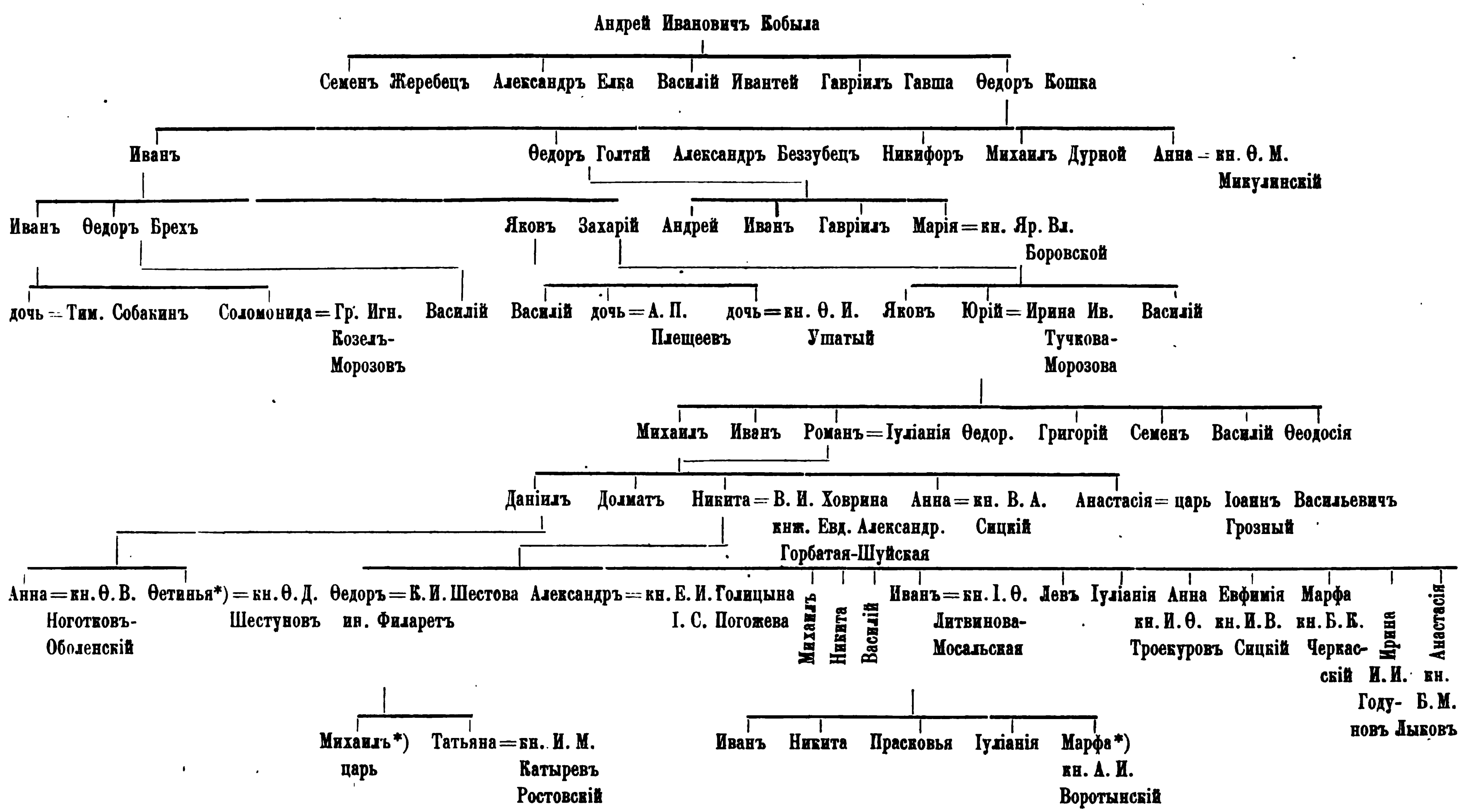
[1]) Было также родство съ Салтыковыми черезъ жену Θедора Никитича — Ксенію Ивановну Шестову; кромѣ родства была и общность происхожденія, такъ какъ Шестовы составляли вѣтвь Морозовыхъ, такъ же какъ и Салтыковы.

и московское общество, въ которомъ существовало даже преданіе, что самъ царь Ѳедоръ Іоанновичъ «приказалъ быти по себѣ на престолѣ братаничю своему по матери», т.-е. Ѳедору Никитичу. Вотъ почему, когда въ 1613 году былъ поднятъ опять вопросъ о престолѣ, то кандидатура Романовыхъ выдвинута была на первое мѣсто и, конечно, поддержана была ихъ многочисленной и вліятельной роднею.

Ѳедоръ Никитичъ былъ инокомъ, Иванъ Никитичъ былъ разбитъ параличомъ, и, естественно, взоры всѣхъ обращались къ сыну Ѳедора Никитича — къ юному Михаилу Ѳедоровичу, и когда 21 февраля 1613 года представители земскаго собора, выйдя на Красную площадь, спросили у собравшагося народа, кого хотятъ въ цари, то «вси, яко отъ единыхъ устъ, возопиша велегласно: любовенъ всѣмъ на Московское государство Михайло Ѳедоровичъ Романовъ».

Приложеніе къ статьѣ: «Бояре Романовы и ихъ родственныя связи».

*) Были еще дѣти, умершія въ младенчествѣ.

Памяти И. В. Цвѣтаева.

(† 30 августа 1913 г.)

Ю. В. Готье.

Нѣсколько словъ, которыя я хочу посвятить памяти И. В. Цвѣтаева, не имѣютъ притязанія всесторонне освѣтить личность и дѣятельность почившаго. Для такой цѣли я не располагаю достаточными свѣдѣніями; я не принадлежалъ къ числу людей, которымъ былъ вполнѣ доступенъ богатый внутренній міръ Ивана Владиміровича; я долженъ признать, что я не стоялъ близко къ И. В. по тѣмъ двумъ поприщамъ, гдѣ его дѣятельность была наиболѣе яркой. Въ университетѣ мнѣ не пришлось его слушать, ибо нельзя назвать слушаніемъ эпизодическое посѣщеніе 2—3 лекцій, предпринятое для того, чтобы имѣть понятіе о профессорѣ, который читалъ только однимъ классикамъ (а ихъ было въ мое время менѣе десятка), читалъ гдѣ-то далеко въ «гипсовомъ музеѣ» или въ «кабинетѣ изящныхъ искусствъ». Не довелось мнѣ помогать И. В. и въ величайшемъ дѣлѣ его жизни — въ превращеніи только-что помянутаго «гипсоваго музея», ютившагося въ запущенныхъ и почти разрушавшихся старыхъ зданіяхъ по Никитской — въ тотъ музей-дворецъ, который возвышается теперь на прежнемъ Колымажномъ дворѣ.

Моя встрѣча съ И. В. произошла въ ту эпоху моей жизни, когда мнѣ пришлось дѣлать первые шаги въ сферѣ практической дѣятельности. Это было въ 1898 году. Вскорѣ затѣмъ наступилъ десятилѣтній періодъ, когда я почти изо дня въ день встрѣчался съ нимъ въ обстановкѣ, для него быть-можетъ мало интересной, во всякомъ случаѣ сѣрой, будничной, но при которой можно было хорошо присмотрѣться ко многимъ чертамъ его характера; дружеское расположеніе, которымъ И. В. сталъ дарить меня уже въ ближайшіе годы моего съ нимъ знакомства и которое продолжалось до послѣднихъ дней его жизни, позволило мнѣ стать къ нему ближе, чѣмъ это позволяютъ обычныя отношенія между начальникомъ учрежденія и однимъ изъ его помощниковъ по службѣ.

Мнѣ кажется, что первое мое яркое впечатлѣніе отъ И. В. относится къ самому концу истекшаго столѣтія; въ 1899, помнится, году учреждалась въ Румянцовскомъ музеѣ строительная комиссія по ремонту его давно изветшавшихъ зданій; на одномъ изъ предварительныхъ совѣщаній, происходившихъ въ квартирѣ тогдашняго директора музея, благороднѣйшаго и милѣйшаго М. А. Веневитинова,

присутствовалъ и И. В. Уже тогда всецѣло занятый созданіемъ музея изящныхъ искусствъ, И. В., кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, хранитель отдѣленія изящныхъ искусствъ, мало принималъ участія въ дѣлахъ всего Румянцовскаго музея и, въ частности, въ дѣлѣ его управленія. Я не думалъ поэтому, что въ засѣданіяхъ, гдѣ должны были рѣшаться скучные и мелкіе вопросы, касавшіеся организаціи ремонтныхъ работъ, И. В. выйдетъ изъ своей обычной роли нѣсколько сдержаннаго наблюдателя. Велико было мое удивленіе, когда я услыхалъ, какъ И. В. спокойно, хладнокровно, но вмѣстѣ съ тѣмъ со знаніемъ дѣла, энергіей и дѣловитостью взялъ въ свои руки направленіе этого засѣданія и одинъ за другимъ разъяснялъ запутанные, какъ многимъ казалось, вопросы, связанные со строительнымъ дѣломъ. Спокойствіе съ одной стороны, энергія съ другой, — вотъ двѣ черты, которыя меня въ немъ поразили въ этотъ вечеръ; дальнѣйшая совмѣстная съ нимъ дѣятельность убѣдила меня, что эти двѣ черты — краеугольные камни, дающіе ключъ для уразумѣнія всей его общественной дѣятельности.

Я не знаю, было ли это спокойствіе врожденнымъ свойствомъ его души; думается скорѣе, что оно было выработано той суровой школой жизни, какую И. В. прошелъ въ молодые годы; онъ обладалъ великолѣпной выдержкой, дававшей ему возможность въ совершенствѣ владѣть собою во всѣ самыя трудныя минуты жизни и хладнокровно смотрѣть въ глаза опасности; но выдержка эта была соединена съ жившей въ немъ всегда надеждой, пожалуй даже больше, съ непоколебимой вѣрой, что намѣченная цѣль будетъ достигнута, что правда, какъ онъ себѣ ее представлялъ, окажется побѣдительницей. Мнѣ вспоминаются нѣкоторые его разговоры 1905—1906 годовъ; былъ въ то время моментъ, когда И. В. опасался, что щедрая рука, помогавшая созидать его музей, можетъ оскудѣть вслѣдствіе событій, которыя тогда переживала Россія. Дѣтище И. В. уже высилось и было вчернѣ готово, но впереди оставалось не мало труда; видя, что по обстоятельствамъ, независящимъ отъ насъ и притомъ неодолимымъ, ходъ дѣла, наполовину законченченнаго, можетъ замедлиться, онъ не могъ не тревожиться за будущность музея, не могъ переживать смутнаго тяжелаго чувства; онъ этого и не скрывалъ; но несмотря на это онъ ни на минуту не опускалъ рукъ и не переставая обдумывалъ будущій составъ музея, велъ обширнѣйшую переписку по поводу сдѣланныхъ или предполагаемыхъ заказовъ, спокойно высказывая замѣчанія — «ну что же, будемъ работать потише; но вѣдь теперь уже музей не станетъ; дѣло настолько подвинуто впередъ, что остановить его нельзя и такъ или иначе до конца оно будетъ доведено». Позднѣе, въ самые быть-можетъ тяжелые годы своей жизни, когда дѣло шло о его добромъ имени и репутаціи, какое желѣзное самообладаніе нужно ему было, чтобы найти силу и написать цѣлую книгу въ защиту своей дѣятельности отъ навѣтовъ враговъ!

Подобное спокойствіе и самообладаніе можетъ быть удѣломъ только человѣка, который вѣритъ въ свое дѣло и знаетъ, какъ итти къ поставленной цѣли; это послѣднее И. В. зналъ хорошо и если можно думать, что спокойствіе и самообладаніе въ немъ выработала жизнь, то его энергія была Божіимъ даромъ, котораго онъ

не зарылъ въ землю. Музей имени Императора Александра III обязанъ своимъ существованіемъ исключительно этой изъ ряда вонъ выходящей энергіи; не мнѣ излагать героическую повѣсть возникновенія этого новаго просвѣтительнаго учрежденія Москвы; я ограничусь и тутъ только нѣсколькими воспоминаніями, нѣсколькими мыслями, слышанными въ разное время отъ И. В. Онъ составилъ себѣ въ Москвѣ репутацію человѣка, который особенно счастливо умѣетъ находить деньги для культурныхъ цѣлей; дѣйствительно, не многимъ удавалось привлечь такое матеріальное сочувствіе задуманному дѣлу; но какимъ трудомъ, какими усиліями достигалъ этого И. В.! Онъ самъ высказывалъ, какъ нелегко было ему обращаться съ первыми просьбами о денежныхъ пожертвованіяхъ на музей и добавлялъ при этомъ, что его всегда поддерживала одна мысль — мысль о томъ, что онъ проситъ не для себя — «просить не для себя, а для общаго дѣла легко», говоритъ онъ. Но вѣдь не только вопросъ о средствахъ преодолѣла неудержимая энергія И. В.; его же усиліями двинутъ былъ и направленъ вопросъ о зданіи, вопросъ о программѣ музея и т. д. И помимо непосредственныхъ своихъ трудовъ по созданію своего музея И. В. проявлялъ такую же упорную, не знавшую препятствій энергію. Беззавѣтно служа своей идеѣ, онъ умѣлъ и другихъ заставить служить ей. Личнымъ примѣромъ, дружеской просьбой заставлялъ онъ своихъ сподвижниковъ отдавать свой трудъ излюбленному имъ дѣлу; въ иныхъ случаяхъ подробно объясненное порученіе, настойчивое указаніе на необходимость работы заставляли даже не соглашавшихся съ нимъ итти по начертанной имъ стезѣ. Конечно, далеко не всегда препятствія, выроставшія на пути, удаляемы были сразу; но и въ подобныхъ случаяхъ настойчивая энергія И. В. не слабѣла: если черезъ препятствіе нельзя было перешагнуть, онъ выжидалъ удобнаго стеченія обстоятельствъ, ожидалъ иногда долго, по цѣлымъ годамъ вынашивая свою мысль и вновь возвращаясь къ ней тогда, когда полагалъ, что создавалась обстановка, благопріятная для его плановъ.

Кипучая энергія и душевная сила И. В. покажется особенно яркой, если ее сравнить съ его личной скромностью, съ полнымъ отсутствіемъ требовательности для себя лично. Присматриваясь со стороны къ личнымъ вкусамъ и привычкамъ И. В., можно было постороннему подумать, что никакой личной жизни, никакихъ личныхъ желаній у него не было; по образу жизни это былъ истинный спартанецъ, не только не гонявшійся за роскошью, но совершенно въ ней не нуждавшійся, даже болѣе — органически чуждый ей. Много лѣтъ назадъ, по указаніямъ врачей, И. В. усвоилъ себѣ разъ навсегда привычку ходить пѣшкомъ; въ его скромной, немного согнутой фигурѣ, торопливой походкой направлявшагося ежедневно изъ Трехпруднаго переулка въ сторону Храма Спасителя, а въ сумерки возвращавшагося тою же дорогой домой, не всякій бы призналъ человѣка, державшаго въ своихъ рукахъ судьбы двухъ крупныхъ просвѣтительныхъ учрежденій Москвы. Ѣсть — значило для него только утолить голодъ и поддержать свои силы и надо было слышать, съ какимъ добродушнымъ юморомъ самъ онъ разсказывалъ о лукулловскихъ обѣдахъ, которыми иногда угощалъ его одинъ изъ его сотрудниковъ по музею изящныхъ искусствъ.

Не помню я, чтобы И. В. искалъ отдыха для отдыха, и не думаю, чтобы и съ этой стороны въ немъ была какая-нибудь наклонность къ усвоенію привычекъ сибарита. Сколько разъ онъ переживалъ мучительное московское лѣто, чтобы только быть при дѣлѣ, которое наполняло его душу въ послѣдніе 20 лѣтъ жизни. Обычно, когда это зависѣло только отъ него самого, его отлучки были недолговременны и обусловливались совѣтами врачей щадить свое здоровье, беречь свои силы. Да даже когда онъ лѣтомъ, на нѣсколько недѣль уѣзжалъ въ Тарусу или, какъ это бывало въ послѣдніе годы его жизни, зимой подъ Троицу, въ Виѳанію, развѣ его отдыхъ былъ воздержаніемъ отъ всѣхъ дѣлъ? О противоположномъ могли бы дать свидѣтельскія показанія служащіе почтовыхъ отдѣленій, ближайшихъ къ мѣсту его отдыха. Сосредоточившись на досугѣ, И. В. обдумывалъ дальнѣйшіе планы, касавшіеся и его любимаго музея и всѣхъ его другихъ ученыхъ и житейскихъ дѣлъ и излагалъ ихъ въ своей перепискѣ, равной которой почти не найдешь въ наше время телефоновъ и телеграфовъ. И его путешествія за границу не были исканіемъ покоя или погоней за развлеченіями; что бы ни привлекало его въ чужіе края — нездоровье близкихъ людей, ученая командировка, — все было для него средствомъ къ углубленію своихъ познаній въ области искусства и къ обогащенію московскаго музея изящныхъ искусствъ: для него онъ пріобрѣталъ вещи и слѣпки по всѣмъ странамъ Западной Европы, его пропагандировалъ онъ на археологическомъ конгрессѣ въ Каирѣ и о немъ же думалъ въ 1910 году, когда потрясенный всѣмъ, что произошло съ нимъ въ Москвѣ, онъ занимался лѣтомъ въ Дрезденскомъ Альбертинумѣ. Объ ученомъ трудѣ по архитектурѣ, мысль о которомъ возникла у него несомнѣнно въ связи съ его дѣятельностью въ музеѣ Александра III мечталъ онъ истекшимъ послѣднимъ своимъ лѣтомъ, которое онъ проводилъ въ окрестностяхъ Москвы.

И. В. былъ человѣкомъ съ почтеннымъ именемъ въ русской филологической наукѣ; но не мнѣ освѣщать заслуги его въ этой области, тѣмъ болѣе, что самые крупные его труды, сюда относящіеся, были написаны задолго до того времени, когда я близко съ нимъ познакомился; не мнѣ говорить и о томъ, что сдѣлалъ онъ для распространенія у насъ симпатій и знанія въ сферѣ исторіи искусства; но мнѣ бы хотѣлось сказать два слова объ одномъ, по крайней мѣрѣ, его трудѣ, мнѣ, какъ историку, наиболѣе близкомъ. Можно предположить, что въ послѣдніе 10—15 лѣтъ, поглощенный текущими дѣлами, отчетами комитета по постановкѣ музея и своей обширной перепиской, онъ не имѣлъ возможности удѣлять время ученой работѣ; что это было не такъ, свидѣтельствуетъ его рѣчь, произнесенная на университетскомъ актѣ 1902 года — «Изъ жизни высшихъ школъ римской имперіи». Въ печатномъ изданіи рѣчь разрослась въ обширное, тщательно отшлифованное изслѣдованіе, въ которомъ филологъ и историкъ искусства проявилъ себя тонкимъ и полнымъ вкуса историкомъ культуры, увлекательно разсказавшемъ о профессорахъ Греціи и Рима, объ учащейся молодежи классическаго міра и о томъ, какъ много общаго было въ жизни греко-римскихъ студентовъ съ современными ихъ эпигонами. Читая эту работу, я всегда думалъ, какъ жаль, что И. В. не спе-

ціализовался въ занятіяхъ древней исторіей; русская историческая наука имѣла бы въ его лицѣ крупное имя.

Мнѣ хотѣлось бы въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ отношеніи И. В. къ людямъ вообще и къ тѣмъ, кого онъ любилъ въ частности. Нѣтъ человѣка, у котораго не было бы враговъ; были враги и у И. В., были люди, которые его не любили, были и такіе, которыхъ онъ не любилъ; но за немногими исключеніями, неизбѣжными въ жизни, природная доброта сердца и философски-спокойное міросозерцаніе, выработанное въ немъ жизнью, заставляли его благожелательно смотрѣть на ближняго. Благожелательное настроеніе переходило у И. В. въ искреннее расположеніе всякій разъ, когда онъ видѣлъ, что между нимъ и другимъ лицомъ, встрѣченнымъ имъ на жизненномъ пути, устанавливалась извѣстная внутренняя связь, а расположеніе становилось истинно дружескимъ, когда онъ убѣждался, что эта связь прочна и что съ другой стороны къ нему питаютъ такое же искреннее чувство. Для людей, которыхъ И. В. имѣлъ основаніе считать своими друзьями, онъ былъ всегда готовъ сдѣлать все, что было въ его силахъ: отказа не бывало. Нужно было ободрить первые шаги молодого человѣка, попавшаго въ Москву изъ провинціи — И. В. слѣдилъ за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ; надо было помочь человѣку въ бѣдѣ — безразлично матеріальной или нравственной — И. В. утѣшалъ, помогалъ и дѣломъ и совѣтомъ, ходатайствовалъ, писалъ письма, самъ ходилъ къ тѣмъ, отъ кого зависѣло дѣло, не зная устали и проявляя ту самую настойчивость и упорство, какіе ему были свойственны во всей его ученой и общественной дѣятельности. За тѣхъ, кого онъ считалъ своимъ друзьями, онъ дѣйствительно былъ готовъ положить свою душу.

И. В. ушелъ отъ насъ слишкомъ недавно, чтобы можно было теперь же подвести итоги его дѣятельности и исчерпывающимъ образомъ охарактеризовать его личность; можно сказать одно: онъ не зарылъ таланта, даннаго ему Богомъ. Вооруженный недюжинной энергіей и рѣдкимъ самообладаніемъ, вышелъ онъ на широкій жизненный путь и выигралъ битву жизни. Тѣ, кто его зналъ, не забудутъ его, а дѣло, созданное имъ въ Москвѣ, всегда будетъ о немъ напоминать.

Ноябрь, 1913 г.

И. В. Цвѣтаевъ — творецъ Музея Изящныхъ Искусствъ.

Гр. П. С. Уварова.

Позвольте мнѣ, господа, какъ Члену Совѣта Музея Изящныхъ Искусствъ, пополнить докладъ Юрія Владиміровича и сказать нѣсколько словъ объ Иванѣ Владиміровичѣ Цвѣтаевѣ, какъ дѣятелѣ или, скорѣй, творцѣ этого Музея, навсегда связаннаго съ именемъ и памятью Ивана Владиміровича.

Мы знаемъ, что еще въ XVIII столѣтіи Московскимъ Университетомъ были сдѣланы попытки къ насажденію среди университетской молодежи понятій объ эстетикѣ и исторіи художествъ; знаемъ, что въ ту далекую славную эпоху исторіи нашего Университета не только профессора эстетики и исторіи художествъ, какъ Сохацкій, Буле, Гавриловъ и Надеждинъ, но и профессора русской словесности, какъ Поповскій, Барсовъ, Мерзляковъ и Давыдовъ, считали своей обязанностью развивать въ молодомъ поколѣніи понятія и любовь къ прекрасному, преподавая ему основы античнаго искусства.

Позднѣе, уже въ XIX столѣтіи, по тѣмъ же стопамъ шли С. П. Шевыревъ, Ѳ. И. Буслаевъ, П. М. Леонтьевъ и «служили своимъ изящнымъ перомъ и увлекательнымъ словомъ художественному просвѣщенію не только университетской молодежи, но и нашей публикѣ». Шевыревъ, профессоръ русской словесности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и горячій поклонникъ итальянской литературы и искусства, первый заговорилъ о необходимости для Москвы Исторической скульптурной галлереи, а П. М. Леонтьевъ, поклонникъ античнаго искусства, взялся, по возможности, за осуществленіе мысли своего сотоварища пріобрѣтеніемъ для Университета нѣкоторыхъ слѣпковъ съ произведеній греческой и римской скульптуры.

Въ томъ же направленіи, но уже въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, работалъ К. К. Герцъ, пополняя коллекціи, собранныя Леонтьевымъ, новыми необходимыми для его лекцій образцами.

Но всѣ эти попытки обогатить Московскій Университетъ собраніемъ скульптурныхъ произведеній такъ и оставались попытками, и нашей университетской молодежи до послѣдняго времени приходилось на лекціяхъ по Исторіи искусствъ довольствоваться почти только одними фотографическими снимками.

Этому-то горю въ концѣ прошлаго столѣтія и задумалъ наконецъ помочь Иванъ Владиміровичъ Цвѣтаевъ. Убѣжденный въ необходимости созерцанія художественныхъ произведеній для полнаго эстетическаго воспитанія какъ юношества,

такъ и цѣлаго общества, онъ лелѣетъ въ своемъ воображенiи мысль объ основанiи въ Москвѣ спецiальнаго Музея по Античному Искусству, развиваетъ эту мысль въ частныхъ бесѣдахъ, встрѣчаетъ не только сочувствiе, но даже обѣщанiя на содѣйствiе и пожертвованiя, убѣждается въ тепломъ отношенiи къ вопросу вновоназначеннаго въ Москву Августѣйшаго Генералъ-Губернатора, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергiя Александровича и Его Августѣйшей Супруги и, не отдавая себѣ еще полнаго отчета, въ какой формѣ олицетворятся его мечты, онъ, въ рѣчи, обращенной въ апрѣлѣ 1894 года къ Съѣзду Русскихъ Художниковъ и Любителей Художествъ въ Москвѣ, рѣшается публично заявить о мысли, имъ преслѣдуемой, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ Съѣзду съ запросомъ: «возможно ли для Москвы», которую онъ величаетъ горделивымъ названiемъ «духовнаго центра Россiи», оставлять открытымъ вопросъ о необходимости найти матерiальныя средства для возведенiя и устройства особаго зданiя для Музея Изящныхъ Искусствъ?».

Думается мнѣ, что при иныхъ обстоятельствахъ вопросъ этотъ такъ и остался бы открытымъ, но Иванъ Владимiровичъ думалъ иначе, и съ рѣдкою для русскаго человѣка (въ особенности нашего времени) энергiей онъ принимается за дѣло и отдается ему всецѣло до самой своей кончины. Онъ пропагандируетъ мысль о Музеѣ и съ каѳедры, и въ гостиныхъ, и въ дружескихъ бесѣдахъ, пропагандируетъ и на страницахъ различныхъ повременныхъ изданiй, выпускаетъ особыя брошюры о Музеѣ, его задачахъ, составѣ, мѣстѣ, размѣрахъ и организацiи; хлопочетъ предъ Городскимъ Управленiемъ объ отпускѣ мѣста подъ постройку Музея и, когда намѣченное городомъ мѣсто оказывается слишкомъ отдаленнымъ отъ центра, старается при помощи Его Высочества Великаго Князя обмѣнять его на болѣе достойное того Музея, о которомъ мечтаетъ, о необходимости устройства котораго проповѣдуетъ. Онъ же вырабатываетъ проектъ устава Музея, положенiй его Комитета; онъ же принимаетъ участiе въ обсужденiи плановъ Музея, его распланировки и, привлекая къ составленiю его коллекцiй массу жертвователей, производитъ расцѣнку внутреннихъ помѣщенiй Музея, дабы дать возможность жертвователямъ соразмѣрить свои силы и даровать необходимыя средства на устройство и оборудованiе той или другой залы.

28 апрѣля 1898 года сформированъ, наконецъ, Комитетъ Музея, а 17 августа того же года Ихъ Императорскiя Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ присутствiи Особъ Царствующаго Дома и иностранныхъ гостей, приглашенныхъ въ Москву на торжество, закладываютъ первые камни будущаго зданiя Музея, на площади бывшаго Колымажнаго двора.

Съ этого времени дѣятельность Ивана Владимiровича становится еще интенсивнѣе: благодаря его хлопотамъ и умѣнью привлекать жертвователей къ любимому дѣтищу — Музею, не располагавшему при началѣ постройки особыми денежными средствами, оказывается однако же возможнымъ приступить къ оборудованiю на частныя средства 18-го зала Музея (изъ 22-хъ всего ихъ числа); благодаря его же умѣнiю и влiянiю Юрiй Степановичъ Нечаевъ-Мальцовъ, приглашенный въ товарищи Августѣйшаго Покровителя Музея и предсѣдателя его Комитета, Вели-

каго Князя Сергія Александровича, мало-по-малу открываетъ неограниченный кредитъ Музею, что и позволяетъ Ивану Владиміровичу оборудовать его въ томъ великолѣпномъ видѣ, въ которомъ онъ красуется нынѣ по сосѣдству съ Храмомъ Христа Спасителя.

Не забудемъ также и о тѣхъ частыхъ поѣздкахъ, которыя долженъ былъ предпринимать Иванъ Владиміровичъ въ ученые центры Европы для розыска лучшихъ гипсовыхъ отливовъ съ Аѳинскаго храма Эрехтейона, съ фриза Парѳенона, съ художественныхъ произведеній Итальянскаго Возрожденія и пр., хлопоты, поѣздки и совѣщанія по вопросу о росписи стѣнъ и потолковъ Музея, руководство работами художника Реймана по копировкѣ фресокъ въ Римскихъ катакомбахъ, поѣздки въ Равенну для выбора мозаикъ, предположенныхъ къ снятію для Музея въ натуральную величину, розыски и пріобрѣтеніе въ Венеціи мозаичныхъ воспроизведеній съ древнихъ мозаикъ храма Св. Марка, пріобрѣтеніе разныхъ мелкихъ коллекцій, громадное дѣло пріема, распаковки и установки полученныхъ со всѣхъ концовъ Европы заказанныхъ слѣпковъ; поѣздки не только по Европѣ за произведеніями искусства, но и въ Уфимскую губернію, въ Златоустовскій округъ, гдѣ на Шишимской горѣ были найдены и разработаны спеціально для Музея залежи до того времени неизвѣстнаго мрамора, наконецъ, хлопоты и ходатайства о пріобрѣтеніи правительствомъ для Музея единственной въ своемъ родѣ по богатству и составу Египетской коллекціи древностей В. С. Голенищева, занятія по окончательной выработкѣ устава и штатовъ Музея и хлопоты на проведенія ихъ къ жизни,— припомнимъ все это, и намъ станетъ ясно, кому именно Москва обязана своимъ Музеемъ Изящныхъ Искусствъ, кого именно слѣдуетъ считать его творцомъ!

Мнѣ могутъ замѣтить, что Иванъ Владиміровичъ находился въ особо благопріятныхъ условіяхъ, что у него были сильные Покровители и хорошіе помощники. На это отвѣчу: да — много сдѣлано для Музея Ихъ Высочествами Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ и Великою Княгинею Елисаветою Ѳеодоровною, Которая и понынѣ не оставляетъ Музей Своимъ милостивымъ вниманіемъ; строился Музей опытнымъ и талантливымъ архитекторомъ Клейномъ; Строительный Комитетъ и Совѣтъ Музея работали добросовѣстно; жертвователи прибывали; Юрій Степ. Нечаевъ-Мальцовъ доставлялъ Музею необходимыя денежныя средства какъ на постройку, такъ и на оборудованіе и на пріобрѣтенія коллекцій; художники наши, Г. И. Семирадскій, В. Д. Полѣновъ, В. М. Васнецовъ и др., не отказывали Музею въ совѣтахъ и содѣйствіи, но... какъ часто при такихъ же условіяхъ дѣло стоитъ и не двигается, не имѣя во главѣ человѣка съ энергіей, преданностью и любовью къ дѣлу, который нашелся для Музея Изящныхъ Искусствъ въ лицѣ Ивана Владиміровича Цвѣтаева.

Отдадимъ же ему должную дань признательности и уваженія, въ надеждѣ, что ни Москва, ни ея Университетъ, ни Музей, ни подрастающее поколѣніе, ни мы, всѣ — не забудемъ творческихъ заслугъ Ивана Владиміровича по созиданію Музея и что имя «творца» Музея навсегда останется за нимъ.

Всеволодъ Θеодоровичъ Миллеръ, какъ востоковѣдъ.

Воспоминанія *М. В. Никольскаго.* Читаны въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 7 декабря 1913 года.

М. В. Никольскій.

Покойный В. Θ. Миллеръ оставилъ по себѣ особую память въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ въ качествѣ дѣятельнаго участника и предсѣдателя Восточной Коммиссіи Общества. Здѣсь онъ проявилъ себя яркимъ представителемъ востоковѣдѣнія. Не считая себя компетентнымъ въ оцѣнкѣ чисто научной дѣятельности покойнаго въ Коммиссіи и на поприщѣ востоковѣдѣнія вообще — такъ какъ спеціальности наши были не близко родственны, — я хотѣлъ бы подѣлиться лишь моими личными воспоминаніями о покойномъ изъ моей совмѣстной съ нимъ дѣятельности въ Коммиссіи и изъ болѣе ранняго времени, предшествовавшаго самому ея основанію. Смѣю думать, что эти воспоминанія послужатъ, хотя отчасти, къ характеристикѣ его личности какъ ученаго, нашего сотоварища и какъ человѣка.

Въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда начинается мое первое знакомство съ В. Θ. Миллеромъ, я встрѣтилъ въ его лицѣ не только лингвиста и санскритолога, но уже готоваго востоковѣда, преподававшаго исторію древняго востока съ университетской каѳедры. Въ качествѣ редактора журнала «Критическое Обозрѣніе», который онъ издавалъ вмѣстѣ съ М. М. Ковалевскимъ, В. Θ. давалъ въ немъ мѣсто и статьямъ по лингвистикѣ и исторіи семитскихъ народовъ, благодаря чему могла появиться въ немъ и моя статья объ одномъ новомъ трудѣ по семитской лексикологіи на русскомъ языкѣ («Еврейско-русскій лексиконъ» Штейнберга). Этотъ случай собственно и послужилъ поводомъ къ нашему послѣдующему знакомству. Молодой В. Θ. Миллеръ уже въ то время оказался широко знакомымъ съ памятниками и исторіей древняго классическаго востока, былъ въ курсѣ послѣднихъ великихъ открытій на почвѣ Египта, Вавилоніи и Персіи и увлекался, какъ историкъ культуры, трудами Опперта, Ленормана и Масперо, впервые освѣтившихъ, на основаніи памятниковъ, эпоху, близкую къ началу нашей цивилизаціи. Все это было ново и неожиданно для меня, тогда уже ревностнаго семитолога и энтузіаста Ветхаго Завѣта: въ кругахъ оріенталистовъ, въ которыхъ я имѣлъ случай вращаться, я совершенно не встрѣчалъ такого рода интересовъ, и мои бесѣды съ нимъ о раскопкахъ въ Месопотаміи, на столь дорогой для меня почвѣ Ветхаго Завѣта, производили на меня особое впечатлѣніе. Онъ такъ хорошо слѣдилъ за ними, что я уже въ 1878 году узналъ отъ него впервые о только что произведенныхъ

де-Сарзекомъ въ Телло открытіяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, В. Ѳ., несмотря на многогранность своихъ интересовъ и на свою способность къ усвоенію языковъ, не обнаруживалъ намѣренія лично дешифрировать клинообразные тексты, которыми онъ такъ интересовался, но когда въ 1875 году вышла первая, научно обработанная, грамматика ассирійскаго языка, принадлежащая перу извѣстнаго лингвиста, профессора сравнительнаго языковѣдѣнія въ Оксфордѣ, Сэйса (A. H. Sayce, Assyrian Grammar), а затѣмъ, въ 1877 году, и лекціи этого автора по вопросамъ, касающимся дешифрированія ассирійскихъ текстовъ (Assyrian Lectures), В. Ѳ. пріобрѣлъ эти изданія, близко, какъ лингвистъ, съ ними ознакомился и горячо рекомендовалъ ихъ мнѣ. Я долженъ сознаться, что въ это время не имѣлъ въ виду заняться клинописью, полагая, что это доступно лишь выдающимся ученымъ, которые самостоятельно могутъ дешифрировать клинообразные тексты, но книги Сэйса разсѣяли во мнѣ это предубѣжденіе, послуживъ надежнымъ руководствомъ въ моихъ занятіяхъ ассиріологіей. Такъ случилось само собою, что въ сообществѣ съ В. Ѳ. Миллеромъ я сталъ тѣмъ, чѣмъ являюсь теперь — ревностнымъ адептомъ клинообразной письменности, — о чемъ и храню въ своемъ сердцѣ благодарную память, — но и В. Ѳ., при всѣхъ своихъ многосложныхъ интересахъ, которымъ онъ впослѣдствіи отдавался, никогда не охладѣвалъ къ древнему классическому востоку, исторію котораго онъ не переставалъ преподавать въ Университетѣ, а впослѣдствіи и въ Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ. Насколько В. Ѳ. до самаго послѣдняго времени былъ въ курсѣ научныхъ вопросовъ, вызванныхъ новѣйшимъ развитіемъ ассиріологіи, свидѣтельствуетъ его статья «О Митаннійскомъ языкѣ XV вѣка до Р. Х.» въ недавно вышедшемъ юбилейномъ изданіи Восточной Коммиссіи, посвященномъ первому ея предсѣдателю Ѳ. Е. Коршу.

На широкое поприще востоковѣдѣнія и кавказовѣдѣнія В. Ѳ. выступилъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Съ этого времени обнаруживается вообще весьма замѣтное оживленіе интереса къ Востоку въ ученыхъ кругахъ Москвы. Въ Университетѣ важнѣйшимъ пунктомъ сближенія оріенталистовъ служилъ лингвистическій кружокъ, во главѣ котораго стояли Ѳ. Е. Коршъ и Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Широкія познанія Ѳ. Е. Корша по восточнымъ языкамъ, въ особенности по языкамъ мусульманскаго востока, привлекали къ этому кружку арабистовъ и другихъ востоковѣдовъ, и здѣсь крѣпли среди нихъ и научные интересы и сознаніе солидарности. Съ своей стороны, В. Ѳ. Миллеръ возбуждалъ живой интересъ къ востоку среди студентовъ Университета своими лекціями по исторіи древняго востока. Когда въ 1881 году я началъ здѣсь свой курсъ еврейскаго языка, имѣя въ виду предложить прослушавшимъ его и курсъ клинописи, я уже встрѣтилъ въ значительной степени подготовленную аудиторію, и мои занятія до нѣкоторой степени служили семинаріей къ исторіи древняго востока. Но уже въ это время въ кружкѣ лингвистовъ, къ которому В. Ѳ. духовно принадлежалъ, онъ ярко проявилъ свою индивидуальность и твердо поставилъ и разрѣшилъ свою собственную ближайшую научную проблему. Съ молодыхъ лѣтъ очарованный Кавказомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, блестящими открытіями памятниковъ древнихъ восточныхъ цивилизацій, В. Ѳ. естественно пришелъ

къ мысли, что на горахъ Кавказа, во время великихъ передвиженій народовъ, должны были произойти и сохраниться до сего времени отложенія народностей, участвовавшихъ въ созданіи или развитіи этихъ культуръ, или, по крайней мѣрѣ, близко родственныхъ послѣднимъ. Какъ бы проникновеннымъ орлинымъ взоромъ онъ обозрѣлъ высоты Кавказа и быстро нашелъ то, что искалъ: въ народности осетинъ онъ усмотрѣлъ остатки иранскаго племени, когда-то игравшаго первенствующую роль во всемірной исторіи, и направилъ всѣ свои силы на изученіе языка, быта и древнихъ памятниковъ этой народности. Плодомъ его усилій было появленіе его капитальнаго труда «Осетинскіе этюды», а затѣмъ — его отчета объ археологической экспедиціи въ горы Осетіи отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, и оживленіе изслѣдованій и сообщеній о народностяхъ Кавказа въ Этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ которомъ (т.-е. отдѣлѣ) онъ состоялъ предсѣдателемъ. По своимъ стопамъ онъ увлекъ за собою уже въ то время выдающагося ученаго и блестящаго лектора М. М. Ковалевскаго, который также началъ свои экспедиціи по горамъ Кавказа и свои интересные доклады въ Этнографическомъ отдѣлѣ объ архаическихъ обычаяхъ и правовыхъ формахъ у осетинъ и у другихъ народностей Кавказа. Эти доклады собирали въ аудиторіи Политехническаго Музея большое число слушателей. Вокругъ этихъ двухъ лицъ, В. Ѳ. Миллера и М. М. Ковалевскаго, оказалось нѣсколько и другихъ, хотя не столь яркихъ, но основательныхъ знатоковъ и энтузіастовъ Кавказа. Этотъ интересный періодъ дѣятельности В. Ѳ. мнѣ памятенъ потому, что покойный привлекъ и меня къ своему Этнографическому отдѣлу и, слѣдуя его предложеніямъ, я дѣлалъ и съ своей стороны сообщенія по этнографіи древнихъ народовъ Месопотаміи.

Однако этнографія была лишь одной стороной научной дѣятельности В. Ѳ-ча, и, если онъ на служеніе ей отдалъ свои познанія по Востоку и Кавказу, этимъ онъ не могъ ограничить своей научной задачи. Отсутствіе въ Москвѣ общества, объединяющаго въ себѣ востоковѣдовъ вообще и кавказовѣдовъ въ частности, давно уже чувствовалось, и не могъ не раздѣлять потребности въ такомъ обществѣ В. Ѳ., обладавшій въ высокой степени инстинктомъ общественности и связавшій свои интересы съ Востокомъ и Кавказомъ. Но прежде чѣмъ ему и намъ всѣмъ, восточникамъ, удалось найти вполнѣ подходящую форму нашего объединенія въ одно цѣлое сообщество и реально его осуществить, пришлось пережить не малый періодъ исканій и неудачныхъ попытокъ. Съ своей стороны В. Ѳ. едва ли не глубже насъ всѣхъ переживалъ этотъ періодъ скитаній и едва ли не болѣе всѣхъ насъ поработалъ, чтобы въ концѣ концовъ достигнуть цѣли. Не могу не вспомнить объ этихъ интересныхъ исканіяхъ.

Первая попытка учрежденія большаго общества востоковѣдѣнія была сдѣлана въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ средѣ кавказовѣдовъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ. В. Ѳ. въ этой средѣ всегда пользовался симпатіями и вліяніемъ, и ему слѣдуетъ приписать если не инициативу, то самое дѣятельное участіе въ возбужденіи этого вопроса. Формально инициаторами этого предпріятія

стали армянскіе ученые, Г. И. Канановъ и Н. О. Эминъ, но первый былъ поглощенъ своею административною дѣятельностью, а Н. О. Эминъ, въ то время уже престарѣлый ветеранъ науки, не былъ въ силахъ взять на себя всѣ трудности предполагаемаго большого предпріятія. Было ясно до очевидности, что всѣ надежды возлагались на молодого, талантливаго и уже авторитетнаго кавказовѣда, какимъ былъ В. Ѳ. Миллеръ. Нельзя было не сочувствовать широкой программѣ проектируемаго общества, въ которомъ изученіе Кавказа должно было занять центральное мѣсто, нельзя было не раздѣлять того энтузіазма, съ какимъ ученые изъ уроженцевъ Кавказа и далекой Сиріи предвкушали перспективу будущаго расширенія научной дѣятельности. Но когда зашла рѣчь объ изданіи трудовъ будущаго общества, ученые представители народностей Востока, участвовавшіе въ обсужденіи программы, признавая объединяющимъ языкомъ изданія русскій, въ то же самое время выразили пожеланіе помѣщать свои статьи и на своихъ родныхъ языкахъ. Такъ какъ это пожеланіе одобрили и поддерживали и главные иниціаторы этого дѣла, Г. И. Канановъ и Н. О. Эминъ, то В. Ѳ. Миллеру, мнѣ и другимъ участникамъ не изъ среды уроженцевъ Востока пришлось признать принципъ равноправія чуть не всѣхъ литературныхъ языковъ Кавказа и передняго Востока, но, очевидно, этотъ-то принципъ, практически неосуществимый, и былъ причиною крушенія всего этого предпріятія, детальная разработка котораго потребовала не мало труда. Но мысль о такомъ обществѣ и попытка его осуществить вновь возникли чрезъ нѣсколько лѣтъ, опять въ той же средѣ и также съ участіемъ В. Ѳ. Миллера. Иниціаторы предпріятія въ настоящемъ случаѣ хотѣли опереться уже не на Лазаревскій Институтъ, какъ на спеціальное учрежденіе по восточнымъ языкамъ, а на Московское Археологическое Общество, какъ на заявившее себя въ разработкѣ древностей Кавказа и авторитетное по своему положенію въ наукѣ и обществѣ. Въ настоящемъ случаѣ В. Ѳ. былъ единственнымъ связующимъ звеномъ между кавказовѣдами Лазаревскаго Института и Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, но, несмотря на его участіе, предпріятіе это не пошло далѣе предварительнаго обсужденія, и здѣсь потерпѣло фіаско и по той же причинѣ: опять возникъ тотъ же вопросъ о языкахъ, но неосуществимость на практикѣ пожеланій кавказскихъ ученыхъ здѣсь была признана всѣми, не исключая и Всеволода Ѳеодоровича.

Плодотворнымъ результатомъ этихъ неудачъ явилась мысль, что, вмѣсто большого самостоятельнаго общества, параллельнаго Археологическому и другимъ, гораздо практичнѣе и осуществимѣе было бы организовать совмѣстную дѣятельность востоковѣдовъ и кавказовѣдовъ при самомъ Археологическомъ Обществѣ въ формѣ особой секціи. В. Ѳ. Миллеръ совершенно сталъ на эту точку зрѣнія и, хотя не взялъ на себя иниціативы въ проведеніи этой мысли, какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ наискорѣйшему и наилучшему ея осуществленію. Коммиссія, образованная въ Обществѣ по поводу сдѣланнаго мною предложенія объ учрежденіи при Обществѣ отдѣленія восточной археологіи, во главѣ съ графиней П. С. Уваровой, поручила составленіе проекта этой новой секціи В. Ѳ. Миллеру, который

вполнѣ удачно ее выполнилъ, представивъ такую формулировку поставленной задачи, которая, если и не могла всѣхъ удовлетворить, во всякомъ случаѣ найдена была всѣми единственно подходящею къ существующему положенію. Не прибѣгая къ дополненію устава Общества, онъ проектировалъ образовать постоянную Восточную Коммиссію при Обществѣ по образцу уже существовавшей Коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ. Представленная имъ редакція «Правилъ Восточной Коммиссіи» была утверждена почти безъ перемѣнъ. Надобно съ особенною признательностію вспомнить это участіе В. Ѳ-ча въ предварительной стадіи поставленнаго нами вопроса. Изъ всѣхъ участниковъ въ этомъ предпріятіи В. Ѳ. былъ наиболѣе старѣйшій и авторитетный членъ Общества, большинство же тѣхъ лицъ, изъ которыхъ должна была составиться Коммиссія, было неизвѣстно или мало извѣстно Обществу, и требовались и особый тактъ и предусмотрительность въ формулировкѣ правилъ новой секціи и особо авторитетное вліяніе, чтобы возбудить полное довѣріе къ будущему его составу. Все это какъ нельзя лучше выполнилъ В. Ѳ. Миллеръ.

Такъ, наконецъ, осуществились наши мечты, но, вмѣсто большого самостоятельнаго Общества, мы составили изъ себя лишь Коммиссію Археологическаго Общества. Послѣдствія, однако, показали, что это была наилучшая форма и наилучшая среда нашей совмѣстной дѣятельности по Востоку вообще и по Кавказу въ частности. Коммиссія уже просуществовала четверть вѣка и съ новыми силами и надеждами вступила во 2-ю четверть. Грустно, на рубежѣ этихъ двухъ эпохъ, потерять человѣка, создавшаго для нея форму жизни и бывшаго всѣ 25 лѣтъ ея добрымъ геніемъ.

Учрежденіемъ Восточной Коммиссіи оканчивается, такъ сказать, доисторическій періодъ нашихъ скитаній и начинается документальная исторія: всѣ дѣянія, и большія и малыя, какъ другихъ участниковъ, такъ и самого В. Ѳ. Миллера, внесены въ протоколы, а его ученые труды напечатаны въ нашихъ изданіяхъ. Но не все умѣщается въ протоколахъ: наиболѣе дорогія движенія нашей души, ея завѣтныя мысли и неуловимые для постороннихъ мотивы дѣйствій не находятъ себѣ мѣста въ протоколахъ; смерть, полагающая предѣлъ всему нашему земному, какъ бы снимаетъ для насъ эти формальныя рамки когда-то живого участника и ставитъ насъ, въ его оцѣнкѣ, внутренно ближе, лицомъ къ лицу съ его душою и сердцемъ.

У насъ было два равноцѣнныхъ кандидата на должность предсѣдателя Коммиссіи: Ѳ. Е. Коршъ и В. Ѳ. Миллеръ, но В. Ѳ. рѣшительно отклонилъ отъ себя кандидатуру, ссылаясь на то, что онъ былъ предсѣдателемъ не только Этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи, но и предсѣдателемъ всего этого большого Общества, и принялъ на себя болѣе скромную роль товарища предсѣдателя. 31 октября 1887 года, въ первомъ ученомъ засѣданіи Коммиссіи первый рефератъ, нами выслушанный, принадлежалъ В. Ѳ-чу и былъ посвященъ его изслѣдованіямъ о Кавказскихъ евреяхъ. Этимъ онъ положилъ начало нашимъ ученымъ сообщеніямъ и бесѣдамъ. Тонъ прозвучалъ, тонъ опытнаго кавказовѣда, и наши работы начались и продолжались преимущественно въ этомъ направленіи — кавказовѣдѣнія.

Въ качествѣ товарища предсѣдателя, В. Ѳ. нерѣдко выступалъ руководителемъ нашихъ засѣданій, но онъ былъ всегдашнимъ ихъ посѣтителемъ, самымъ внимательнымъ и благожелательнымъ слушателемъ и участникомъ нашихъ бесѣдъ и споровъ. Не мало имъ самимъ было сдѣлано ученыхъ сообщеній по иранской лингвистикѣ и археологіи, сообщеній, которыя впослѣдствіи служили украшеніемъ нашихъ изданій. Но не въ этой одной ученой дѣятельности проявилось его личное участіе въ жизни Коммиссіи въ ея первый періодъ. Съ признательностію мы должны вспомнить, что успѣхами нашей дѣятельности на первыхъ порахъ во многомъ мы обязаны ему. Такъ, если къ намъ дружно и съ полнымъ довѣріемъ примкнули всѣ московскіе кавказовѣды и приняли живое участіе въ нашей дѣятельности, то этимъ мы главнымъ образомъ обязаны В. Ѳ-чу, одно присутствіе котораго среди насъ внушало къ намъ довѣріе всѣхъ ученыхъ изъ армянъ и грузинъ. Равнымъ образомъ ему мы обязаны и тѣмъ, что съ самаго начала нашей дѣятельности къ намъ стали поступать съ Кавказа отъ мѣстныхъ лицъ, личныхъ знакомыхъ В. Ѳ-ча, и большею частію чрезъ его собственныя руки, древніе предметы, рукописи, надписи и сообщенія, нѣкоторыя же лица, привлеченныя имъ, лично прибывали къ намъ и участвовали въ нашихъ засѣданіяхъ. Не менѣе цѣнно было для насъ привлеченіе В. Ѳ-чемъ къ Коммиссіи нѣкоторыхъ личныхъ его друзей изъ видныхъ представителей научнаго знанія, таковымъ напр. былъ европейскій ученый, иранистъ баронъ Р. Р. Штакельбергъ, сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Коммиссіи и помѣстившій немало основательныхъ изслѣдованій въ нашихъ «Трудахъ». Даже такой ученый, какъ М. М. Ковалевскій, далекій отъ насъ по спеціальности, посѣщая въ то время Кавказъ съ научною цѣлію, присылалъ въ Коммиссію чрезъ В. Ѳ. Миллера пріобрѣтенныя имъ тамъ древнія рукописи и другіе предметы съ своими о нихъ сообщеніями.

Мысль В. Ѳ. Миллера поставить изученіе Кавказа во главѣ нашего востоковѣдѣнія въ значительной степени осуществилась. Если само Московское Археологическое Общество не переставало за все время своей жизни собирать и изучать вещественные памятники Кавказа, то его Восточная Коммиссія, воодушевляемая въ этомъ отношеніи личнымъ примѣромъ В. Ѳ. Миллера, начала усердно заниматься древними языками и литературами народностей Кавказа и привлекла къ своему составу не мало основательныхъ знатоковъ по этой части; имена такихъ лицъ, каковы: А. С. Хахановъ, Г. А. Халатянцъ, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, Л. З. Мсеріанцъ, Г. Г. Церетели, баронъ Р. Р. Штакельбергъ, говорятъ сами за себя; это была дружина, для которой В. Ѳ. Миллеръ, универсальный знатокъ Кавказа, былъ душою и образцемъ. Не могъ и я, спеціальность котораго повидимому была далека отъ кавказовѣдѣнія, въ концѣ концовъ не отдаться увлеченію Кавказомъ. Съ Кавказа стали поступать къ намъ извѣстія и о клинообразныхъ надписяхъ, начертанныхъ на скалахъ и на камняхъ построекъ, результатомъ чего была и моя экспедиція на Кавказъ, при чемъ В. Ѳ-чу я обязанъ между прочимъ и тѣмъ, что, въ качествѣ сотоварища по экспедиціи, я получилъ А. А. Ивановскаго, которому болѣе всего обязанъ ея успѣхами.

Но пока мы занимались Кавказомъ, самъ В. Θ. временно перенесъ свои научныя завоеванія въ другое мѣсто внѣ его предѣловъ: съ высотъ Кавказа онъ спустился въ наше сѣверное черноморское побережье и тѣмъ же проникновеннымъ взоромъ усмотрѣлъ въ народности древнихъ его насельниковъ тотъ же иранскій элементъ, который онъ открылъ на Кавказѣ. Такъ онъ постепенно расширялъ горизонты знанія для лингвистовъ, этнографовъ и археологовъ Востока, а страницы нашего изданія украшалъ сообщеніями о своихъ новыхъ открытіяхъ.

Я не буду входить въ подробности того участія, какое принималъ В. Θ. въ нашихъ очередныхъ засѣданіяхъ и вообще въ нашей текущей жизни, но не могу не коснуться его отношенія къ общему настроенію и характеру нашей дѣятельности. Нужно сказать, что большинство изъ насъ, составившихъ ядро Коммиссіи, были уже людьми не первой молодости, уже прожившими болѣе половины своей жизни, но это большинство относилось къ дѣлу съ какимъ-то юношескимъ увлеченіемъ, не свойственнымъ возрасту. Засѣданія наши почти постоянно затягивались за полночь, а пренія, въ нихъ возбужденныя, продолжались и послѣ, въ домашней обстановкѣ, часто возбуждая и волнуя наши нервы. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что самая смѣлость возбужденныхъ Коммиссіей научныхъ задачъ породила къ ней недовѣріе авторитетныхъ научныхъ круговъ и подала поводъ обвинять насъ въ нѣкоторой заносчивости и легкомысліи. Понятно, что намъ пришлось переживать и тяжелыя минуты. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ надежную опору мы находили въ предсѣдателѣ Общества, графинѣ П. С. Уваровой, но намъ особенно цѣнно было присутствіе среди насъ В. Θ-ча. На рѣдкость уравновѣшенный человѣкъ, чуждый аффектаціи, онъ, будучи всецѣло преданъ общему дѣлу и раздѣляя съ нами наши продолжительныя бесѣды, не всегда однако же раздѣлялъ наши чрезмѣрныя увлеченія, но зато хранилъ полное спокойствіе въ трудныя минуты. Это не было спокойствіе равнодушія; нѣтъ, это было трезвое сознаніе дѣйствительности и вѣра въ нашу правоту. Послѣдствія всегда насъ оправдывали, и въ большинствѣ случаевъ самыя тяжелыя испытанія оканчивались нашимъ торжествомъ.

Ровно 10 лѣтъ спустя послѣ основанія Коммиссіи, въ 1897 году, В. Θ. формально принялъ на себя обязанности ея предсѣдателя, когда Θ. Е. Коршъ сложилъ ихъ съ себя. Почти одновременно съ этимъ, по смерти Г. И. Кананова, онъ сталъ и во главѣ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ, въ качествѣ его директора. Это назначеніе соотвѣтствовало и общему желанію кавказовѣдовъ и оріенталистовъ и вполнѣ согласовалось съ видами самого В. Θ-ча, открывая для его энергіи и таланта новыя перспективы. Покойный оказалъ мнѣ особое вниманіе, посвятивъ меня, вскорѣ послѣ своего назначенія, въ свои планы расширенія преподаванія и издательской дѣятельности въ Институтѣ. Не мало занимала его мысль о принятіи на себя обязанности преподаванія исторіи древняго востока на спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго Института, при чемъ, какъ бы воскрешая воспоминанія молодыхъ лѣтъ, онъ выражалъ пожеланіе, почти въ формѣ приглашенія, не возьму ли я на себя нѣчто въ родѣ семинаріи по древнему востоку съ преподаваніемъ асси-

рійскаго языка и клинописи. Мнѣ тяжело теперь вспомнить, съ какою грустью я долженъ былъ отклонить это крайне симпатичное для меня предложеніе, такъ какъ пошатнувшееся здоровье и множество другихъ обязанностей рѣшительно не давало мнѣ для сего возможности. Прошло немного времени, и тяжкая болѣзнь заставила меня совершенно прекратить на нѣсколько лѣтъ всѣ мои научныя и общественныя занятія и навсегда покинуть Москву.

Я не былъ личнымъ другомъ В. Ѳ-ча; тѣмъ трогательнѣе было для меня получить отъ него слово утѣшенія и надежды, съ которымъ онъ, во имя научной солидарности, обратился ко мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя Восточной Комиссіи, по случаю оставленія мною Коммиссіи и г. Москвы; онъ посѣщалъ меня въ Петербургѣ, и я не забуду тѣхъ радостныхъ минутъ, которыя я испыталъ, когда, получивъ опять возможность заниматься наукой: въ отвѣтъ на мое предложеніе объ изданіи коллекціи Н. П. Лихачева въ «Трудахъ» Коммиссіи, получилъ отъ В. Ѳ-ча сердечное привѣтствіе и полное согласіе на мое предложеніе и готовность взять на себя его проведеніе въ Коммиссіи и въ Обществѣ. Хотя связь моя съ Восточною Коммиссіей послѣ этого и возобновилась, но я уже не могъ принимать ближайшаго участія въ ея дѣятельности, что́, однако же, не препятствовало мнѣ съ восторгомъ слѣдить за блестящими успѣхами В. Ѳ-ча на обоихъ поприщахъ: въ Институтѣ и въ Восточной Коммиссіи. Мнѣ казалось, что онъ достигъ вершины своихъ стремленій по востоковѣдѣнію. Лазаревскій Институтъ, какъ учёное учрежденіе, въ періодъ, предшествовавшій вступленію В. Ѳ-ча въ должность директора, не проявлялъ особой производительности по изданію ученыхъ трудовъ, количество же «*Трудовъ по Востоковѣдѣнію*», собственныхъ В. Ѳ-ча и профессоровъ Лазаревскаго Института, изданныхъ во время завѣдыванія имъ Институтомъ и посвященныхъ переднему Востоку вообще и Кавказу въ частности, превзошло самыя смѣлыя ожиданія. Такъ какъ всѣ авторы этихъ трудовъ входили въ составъ Восточной Коммиссіи Общества, то для меня казалось очевиднымъ, что идеалъ большого научнаго Общества по востоковѣдѣнію, который съ молодыхъ лѣтъ носилъ въ себѣ В. Ѳ., нашелъ своеобразное осуществленіе въ сообществѣ двухъ учрежденій и въ единствѣ его личности — столь талантливаго и энергичнаго ихъ общаго руководителя. Никакого не было сомнѣнія, что этотъ, по наружности спокойный и уравновѣшенный человѣкъ долженъ былъ не только много работать, но и много переживать душою и сердцемъ, чтобы вызвать себя и другихъ на столь изумительную дѣятельность. Это должно было отразиться и на его здоровьѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что, получивъ званіе и мѣсто ординарнаго академика Академіи Наукъ, гдѣ онъ могъ спокойно отдаться излюбленнымъ научнымъ проблемамъ, онъ, наконецъ, освободилъ себя отъ обязанностей директора Лазаревскаго Института и предсѣдателя Восточной Коммиссіи. Но недолго онъ занималъ заслуженное имъ спокойное кресло академика. Очевидно, здоровье его уже въ корнѣ было надорвано всѣмъ подвигомъ его жизни, и почти неожиданно для всѣхъ его знавшихъ его не стало.

Теперь, когда смерть сокрыла отъ насъ навсегда видимый образъ Всеволода Ѳеодоровича, нашего дорогого сотоварища, тѣмъ ярче и лучезарнѣе онъ встаетъ

въ нашихъ сердцахъ, и мы, его сверстники, свидѣтели и соучастники его жизненнаго поприща, также стоящіе, по фигуральному выраженію вавилонской поэмы, «на порогѣ земли безъ возвращенія», въ которую онъ сошелъ раньше насъ, хранимъ убѣжденіе, что идеалы, которые онъ преслѣдовалъ, научныя пріобрѣтенія, которыя онъ сдѣлалъ, равно какъ разбросанныя имъ въ изобиліи плодотворныя сѣмена знанія, а также взаимной любви и солидарности, не умрутъ вмѣстѣ съ нимъ, а будутъ еще жить и принесутъ еще свой плодъ на нивѣ русской науки.

О значеніи В. Ѳ. Миллера въ наукѣ народной словесности.

С. К. Шамбинаго.

Я былъ студентомъ 2-го курса, когда В. Ѳ. Миллеръ занялъ каѳедру народной словесности въ Московскомъ университетѣ, каѳедру, которую ранѣе занималъ его учитель, Ѳ. И. Буслаевъ. Между миѳологическимъ толкованіемъ и тѣмъ, что читалъ намъ Всев. Ѳеод., и что вскорѣ (въ 1894 г.) было напечатано въ 1-мъ томѣ его «Очерковъ по русской народной словесности», лежалъ большой промежутокъ времени. Уже появились за этотъ періодъ капитальные труды А. Н. Веселовскаго, который говорилъ въ своихъ лекціяхъ, что героическій эпосъ не есть непосредственное истеченіе изъ миѳа, что онъ — новая форма, обусловленная сложеніемъ народности, что не миѳъ перешелъ въ эпосъ, а эпосъ повліялъ на образы миѳа. Старая теорія миѳологовъ сошла со сцены; Всев. Ѳеод. еще въ 1876 г. признавался, что ему пришлось разочароваться въ ея блестящихъ результатахъ, что прежнее кипѣніе смѣнилось періодомъ затишья. Характерное заявленіе, признающее за миѳологической школой способность очарованья. Одушевленіе, дѣйствительно, было присуще миѳологамъ, когда они приступали къ объясненію памятниковъ народной словесности: имѣя дѣло съ поэзіей, они сами были поэты.

Однако среди расцвѣта смѣнившей миѳологическую школы сравнительнаго заимствованія снова послышался увлекающій голосъ учителя Всев. Ѳеод., Ѳ. И. Буслаева. Въ 1887 г. Академіей Наукъ были переизданы прежнія статьи его подъ заголовкомъ «Народная поэзія». Въ этомъ вниманіи Академіи Буслаевъ, по собственному признанью, нашелъ достаточное оправданіе своей смѣлости — напомнить новому поколѣнію ученыхъ о своихъ устарѣлыхъ работахъ. И вотъ, среди суховатаго, гелертерскаго метода сравнительной школы обаятельно засверкали изящно разсказанные сюжеты пѣсенъ, со вкусомъ выбранные варіанты, глубоко поэтичныя легенды, приведенныя для сравненій, литературно написанныя страницы, посвященныя реконструкціи быта и историческихъ переживаній.

Глубоко талантливый, начавшій свою дѣятельность съ перевода одной изъ романтичнѣйшихъ пьесъ Шекспира («Два веронца»), Всев. Ѳеод. по внѣшнему изложенію своихъ научныхъ произведеній является достойнымъ ученикомъ и вѣчно юнымъ продолжателемъ поэтическихъ завѣтовъ Ѳ. И. Буслаева. Всѣмъ слушавшимъ и читавшимъ Всев. Ѳеод. извѣстна его высоко литературная манера изложенія, умѣнье выбрать изъ ряда цитатъ наиболѣе яркую и поэтическую, выпукло и образно раз-

сказать содержаніе старины, оттѣнить характерныя стороны эпизода. Присущій Всев. Ѳеод. юморъ не позволялъ ему обходить молчаніемъ тѣ мѣста поэзіи, гдѣ особенно сказывалось вліяніе слагателей, «веселыхъ молодцевъ», скомороховъ. Бодрый до конца дней своихъ, Всев. Ѳеод. даже въ строго критическомъ анализѣ варіантовъ дѣлался юношески веселъ. Такъ, разъясняя составъ пѣсенъ о Казаринѣ, анализируя измѣненія первоначальнаго извода, онъ говоритъ: «Вѣщій воронъ, несомнѣнно занимавшій свое мѣсто на дубу въ старинномъ изводѣ былины, уже улетѣлъ изъ нѣкоторыхъ варіантовъ, сохранившись только въ половинѣ ихъ числа».

Увлекательное изложеніе, картинность сопоставленій, намѣчаемыя перспективы, веселая бодрость въ отношеніи къ матеріалу и слушателямъ привлекали къ Всев. Ѳеод. учениковъ его, видѣвшихъ въ немъ больше товарища, чѣмъ учителя. Въ этомъ продолженіи лучшихъ завѣтовъ Буслаева, въ способности вызывать въ другихъ интересъ и желаніе работать — заключается одно изъ крупнѣйшихъ значеній Всев. Ѳеод. для науки.

Въ Университетѣ, на Курсахъ, въ Этнографическомъ Обществѣ Всев. Ѳеод. самъ являлся какъ бы эпическимъ центромъ, наметывавшимъ своею дѣятельностью и обходительностью работу на окружавшихъ. Съ переѣздомъ въ Петербургъ, не порывая связи съ Москвою, онъ успѣлъ уже возбудить интересъ къ народной поэзіи и въ тамошнемъ Этнографическомъ Отдѣлѣ.

Миѳологическую школу, по замѣчанію Потебни, слишкомъ рано похоронили. За послѣдніе годы ея существованія въ ней намѣчались уже и положительныя перспективы. Являясь продолжателемъ Буслаева, какъ профессоръ, способный увлекать аудиторію и читателей, Всев. Ѳеод., въ сущности, продолжалъ разрабатывать то цѣнное, что отчасти уже сверкало въ грудахъ накопившагося матеріала. Онъ пользовался этимъ цѣннымъ для неуклоннаго созданія основной постройки.

Извѣстная работа Стасова о происхожденіи русскихъ пѣсенъ произвела сенсацію среди ученаго міра, главнымъ образомъ, тѣмъ, что она рѣшительно устраняла всякую самобытность русской поэзіи. Прежнему представленію о послѣдней, видѣвшему въ ней національное достояніе народа, его неписанную исторію, въ которой выразились лучшіе народныя завѣты и стремленія, было противопоставлено ученіе о заимствованіи, притомъ неумѣломъ и плохомъ, всего поэтическаго матеріала отъ монгольскихъ сосѣдей. Всѣ изслѣдователи возстали противъ Стасова; но, указывая промахи его построенія, они невольно отъ сравненій съ чужеземной миѳологіей должны были обратиться къ историческому анализу пѣсенъ, стали слѣдить за жизнью ихъ на русской почвѣ. Миѳологи въ значительной степени стали историками. О. Миллеръ въ своей диссертаціи вскрываетъ бытовые слои русскаго эпоса; рецензентъ его — Ѳ. И. Буслаевъ развиваетъ его положенія, даже упрекаетъ автора за излишнюю миѳологичность. Между тѣмъ О. Миллеру принадлежатъ неоднократныя указанія на рѣшительное вліяніе прошлыхъ вѣковъ русской жизни на передѣлку эпическихъ пѣсенъ. Въ измѣненіи характера князя Владиміра, сдѣлавшагося изъ ласковаго хозяина — деспотомъ, въ наслоеніи на немъ чертъ самоуправства, въ перемѣнѣ отношеній дружины къ князю на отношенія вѣрныхъ слугъ, холоповъ къ государю,

который и награждаетъ ихъ жалованьемъ, помѣстной раздачей, О. Миллеръ самъ съ удивленіемъ констатировалъ значительное вліяніе XVI вѣка. Весь строй нѣкоторыхъ пѣсенъ, по его признанію, принадлежитъ къ позднѣйшему времени, которое испытало и грознаго царя Ивана Васильевича. Это, во-первыхъ.

Во-вторыхъ, для миѳологовъ, которые уже начали признавать въ каждой пѣснѣ зерно историчности, перестала быть убѣдительной и кіевская циклизація старинъ. О. Миллеръ и Буслаевъ указывали на Русь сѣверо-восточную, суздальскую, рѣшающая роль которой въ процессѣ переработки уже была имъ очевидной.

Всев. Ѳеод. протянулъ руку этимъ утвержденіямъ миѳологической школы. Какъ изслѣдователь, онъ дебютируетъ въ наукѣ данью школѣ сравнительнаго заимствованія, издавая «Экскурсы» съ посвященіемъ А. Н. Веселовскому. Однако среди иранскихъ параллелей, приведенныхъ имъ для объясненія личности Владимира и Ильи Муромца, встрѣчается экскурсъ о Добрынѣ-змѣеборцѣ. Здѣсь сказался прямой ученикъ своего учителя. Обзоръ былинныхъ сюжетовъ, говоритъ Всев. Ѳеод., связанныхъ съ Добрыней, подтверждаетъ мысль Ѳ. И. Буслаева, что между ними сюжетъ змѣеборства есть самый древній, основной. Исходя изъ этого положенія, Всев. Ѳеод. выставляетъ гипотезу объ отраженіи въ эпическомъ Добрынѣ памятной нѣкогда на Руси дѣятельности историческаго дяди Владимира. Для подтвержденія ея приводятся факты историческіе и былевые. Въ этомъ экскурсѣ, стоящемъ какъ бы на рубежѣ научной дѣятельности Всев. Ѳеод., сказались и историческіе пріемы Буслаева и самъ Всев. Ѳеод., какъ будущій авторъ «Очерковъ по русской народной словесности».

Первый томъ «Очерковъ» составился преимущественно изъ тѣхъ лекцій, слушателемъ которыхъ довелось быть мнѣ. Свое изложеніе Всев. Ѳеод. началъ съ пересмотра накопившагося матеріала. Изслѣдователь снова обратился къ собраніямъ Рыбникова и Гильфердинга и въ строго научномъ изложеніи характеризовалъ ихъ дѣятельность, широко развивъ добытые ими результаты. Всев. Ѳеод. здѣсь еще далекъ отъ построеній. Выдѣляя намѣченную собирателями, особенно Гильфердингомъ, техническую сторону пѣсенъ, онъ вводитъ въ обиходъ классическое дѣленіе пѣсенъ на 3 части, приводитъ рядъ примѣровъ для общихъ мѣстъ, дѣлаетъ терминъ «locus communis» общеупотребительнымъ и приходитъ къ заключенію о наличности въ пѣсняхъ опредѣленной поэтической традиціи, школы. Всев. Ѳеод. обращаетъ вниманіе на то, что если теперешніе сказатели-крестьяне являются передатчиками лишь наслѣдства, то послѣднее происхожденіемъ своимъ обязано слагателямъ-профессіоналамъ. Народъ въ цѣломъ не могъ творить поэтическихъ произведеній: Всев. Ѳеод. совершенно отказываетъ прежнему утвержденію о коллективномъ творчествѣ народа, выдвигая съ вполнѣ достаточнымъ основаніемъ личность пѣвца-поэта. Этимъ утвержденіемъ наука народной словесности становится уже на твердую почву.

Наблюденія надъ собраннымъ матеріаломъ заставили Всев. Ѳеод. классифицировать его въ отношеніи географическаго распространенія. Этотъ экскурсъ является какъ бы введеніемъ ко всему 1-му тому «Очерковъ» и развиваетъ высказанное раньше миѳологами сомнѣніе въ незыблемости пріуроченія пѣсенъ къ Кіеву, какъ центру. Между взглядами, высказанными О. Миллеромъ и Буслаевымъ, и выводами Всев. Ѳеод. стояла

уже написанная въ 1885 году работа Халанскаго, который указалъ на возможность существованія многихъ центровъ, являвшихся мѣстомъ сложенія эпическихъ пѣсенъ. Анализъ цѣлаго ряда сюжетовъ пѣсенъ выяснилъ для Всев. Ѳеод. предпочтительное вліяніе Новгорода, этого культурнаго центра, вліявшаго на сосредоточеніе вокругъ себя пѣсенъ и переработку полученныхъ. Пріуроченіе большинства сюжетовъ къ этому городу многое прояснило въ ихъ композиціи, а кстати указало отчасти и на причину живучести пѣсенной традиціи въ губерніяхъ Олонецкой и Архангельской, этихъ старыхъ новгородскихъ земляхъ. Отказъ отъ традиціоннаго представленія о созиданіи всего эпоса въ кіевское средневѣковье, естественно, побудилъ Всев. Ѳеод. отказаться и отъ дѣленія богатырей на старшихъ и младшихъ. Онъ прочно и ясно раздѣлилъ поэтическій матеріалъ на пѣсни воинскаго содержанія и пѣсни-новеллы. Основныя положенія эти давно уже должны сдѣлаться достояніемъ учебниковъ и книгъ для самообразованія.

Въ своемъ изслѣдованіи «Илья Муромецъ и богатырство кіевское» О. Миллеръ имѣлъ прежде всего въ виду указать на цѣлый рядъ бытовыхъ слоевъ, налегшихъ въ теченіе многовѣковой жизни пѣсни на ея миѳическую основу. Однако методъ, помощью котораго изслѣдователь освобождалъ эту основу, часто приводилъ его къ невѣрнымъ результатамъ. О. Миллеръ сразу выхватывалъ зерно основной пѣсни, а потомъ уже освобождалъ его отъ наростовъ, указывая на слоевой составъ попутно и безъ системы. Въ основѣ, однако, мысль О. Миллера была правильной; къ ней обратился и Всев. Ѳеод., но подошелъ проще и остроумнѣй: не задаваясь цѣлью добраться до основъ поэтическихъ композицій, онъ приступилъ къ сниманію этихъ слоевъ сверху, отправляясь отъ времени настоящаго къ прошедшему. Плохо слежавшіеся, недавніе слои легко отдѣлялись. Начатая въ 1-мъ томѣ «Очерковъ» эта работа по реставраціи сильнѣе сказалась во 2-мъ томѣ. И здѣсь, несмотря на монографичность очерковъ, многія указанія Всев. Ѳеод. должны занять незыблемое мѣсто. Указаніе на отголоски Смутнаго времени въ пѣсняхъ принадлежитъ къ однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній въ наукѣ народной словесности. Нѣкоторые персонажи, считавшіеся прежде древне-эпическими личностями, оказались очень новой формаціи, въ родѣ Бутмана Калыбановича, изъ богатыря превратившагося въ сподвижника Петра Великаго.

Процессъ постепеннаго сниманія слоевъ съ эпическихъ пѣсенъ поставилъ Всев. Ѳеод., въ концѣ концовъ, и передъ слоемъ XVI вѣка. О. Миллера настолько удивляли нѣкоторыя подробности пѣсенъ, разсказывавшихъ о неумильныхъ поступкахъ ласковаго князя Владимира, что для объясненія ихъ ему приходилось для параллелей обращаться къ сказаніямъ кн. Курбскаго о царѣ Иванѣ Грозномъ. Какъ бы ни казались О. Миллеру всѣ эти подробности налетомъ позднѣйшимъ, однако они останавливали его вниманіе сильнѣе, чѣмъ ему думалось. Всев. Ѳеод. онѣ должны были привлечь еще больше. Въ цѣломъ рядѣ статей онъ указываетъ на коренныя переработки, произведенныя въ пѣснѣ эпохой XVI вѣка. «Историческія пѣсни», лучшіе образцы которыхъ относятся къ тому же времени, должны были обратить на себя вниманіе изслѣдователя. Къ изученію ихъ онъ и приступилъ,

занявшись, незадолго до смерти, систематизаціей того, что до него и имъ было сдѣлано въ этой области эпическаго творчества. Въ своей статьѣ: «О нѣкоторыхъ мѣстныхъ отголоскахъ въ былинахъ», написанной въ 1912 г., Всев. Ѳеод. заявляетъ категорически: «У меня сложилось убѣжденіе, приводимое мною уже нѣсколько лѣтъ въ моихъ лекціяхъ, что XVI вѣкъ, особенно его вторая половина, былъ періодомъ реставраціи старыхъ былинныхъ сюжетовъ соотвѣтственно съ современными историческими условіями и общественными понятіями». Всев. Ѳеод. даже представлялъ себѣ «развить этотъ взглядъ въ другомъ изслѣдованіи», но неожиданная кончина не дала возможности намъ познакомиться съ этой работой.

Матеріалъ народной словесности мало устойчивъ: записанъ онъ поздно, среда, его хранящая, менѣе культурна, чѣмъ созидавшая; кромѣ того, какъ поэтическій, онъ самъ по себѣ символиченъ и иносказателенъ. Отсюда и наука народной словесности требуетъ особаго напряженія логики и немыслима безъ гипотезъ. Противъ нихъ ничего не имѣлъ Всев. Ѳеод. и любилъ сравнивать ихъ съ лѣсами, возводимыми для постройки зданія. Когда послѣднее будетъ готово, лѣса снимутъ. Гипотезы являлись для него сооруженіемъ, болѣе или менѣе смѣлымъ, но необходимымъ для достиженія цѣли. Самъ онъ переходилъ отъ одной къ другой и въ ученикахъ своихъ съ удовольствіемъ констатировалъ наличность подобныхъ построеній. Въ этомъ отношеніи онъ относился внимательно и строго какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ, представлялъ всяческія возраженія, чтобы испытать обоснованность и крѣпость этого временнаго сооруженія. Въ засѣданіяхъ Этнографическаго Общества, уча другихъ, онъ не переставалъ самъ учиться, вводя въ обиходъ добываемые другими результаты. Никогда не обходя безъ вниманія поправокъ, замѣчаній и дополненій, онъ всегда отмѣчалъ ихъ въ печатныхъ работахъ, и самъ щедро дѣлился своими знаніями, если нужно было поддержать пріемлемыя доказательства того или другого реферата, статьи, книги.

Побольше матеріала, критическаго къ нему отношенія, широты сравненій съ памятниками русской литературы и исторіи, отъ которыхъ неотдѣлима поэзія, пытливость исканій, — вотъ лозунги, которыми руководился и руководилъ Всев. Ѳеод. на всегда интересныхъ собесѣдованіяхъ въ Этнографическомъ Обществѣ, куда въ послѣднее время, хотя изрѣдка, но неуклонно заглядывалъ издалека, отрываясь отъ своихъ академическихъ занятій. Сколько экспедицій за поисками новаго матеріала, поисками, увѣнчавшимися блестяще, сколько изданій, сколько рефератовъ, статей, изслѣдованій явилось результатомъ талантливаго стремленія Всев. Ѳеод. на пользу любимой науки.

Въ Академіи Всев. Ѳеод. работалъ неуклонно и все категоричнѣй ставилъ свои утвержденія, высказываемыя въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Если и понынѣ въ элементарныхъ руководствахъ господствуютъ взгляды Ѳ. И. Буслаева, то ихъ пора замѣнить поправками его достойнаго преемника. На мѣсто кіевскаго героическаго средневѣковья, богатырей старшихъ и младшихъ, отголосковъ пра-арійскаго миѳа или какихъ-либо бродячихъ сюжетовъ твердо и отчетливо было поставлено имъ ученіе о постепенной эволюціи поэтическихъ сюжетовъ. Положеніе о рѣшающей роли

XVI вѣка въ передѣлкѣ пѣсенъ даетъ возможность будущему изслѣдователю трактовать вообще объ исторіи русской поэзіи, характерныя фазы которой теперь уже могутъ быть намѣчены для XVI, XVII и XVIII вѣковъ.

Какъ профессоръ Всев. Ѳеод. никогда не порывалъ связи съ учениками. Изъ частныхъ бесѣдъ съ нимъ выносилось обаяніе его высокой культурности, широты литературныхъ интересовъ, выносилось сознаніе, что историку поэзіи самому нужно быть въ извѣстной степени поэтомъ.

Самъ постоянно горѣвшій, Всев. Ѳеод. и другихъ заставлялъ горѣть ихъ собственнымъ или отраженнымъ отъ него свѣтомъ. Всякая остановка на немъ тяжело отзывалась. Съ какой горестью констатировалъ онъ прекратившійся блескъ миѳологической школы. Какъ понятно теперь это чувство намъ, работникамъ на нивѣ народной словесности. Угасъ бодрый стимулъ движенія, культурный центръ, къ которому, какъ къ ласковому красному солнцу, съѣзжались на службу землѣ русской.

Памяти Всеволода Θеодоровича Миллера.

Графиня П. С. Уварова.

Имя Всеволода Θеодоровича тѣсно связано съ Москвой, со славнымъ прошлымъ ея Университета и съ тѣми Учеными Обществами, которыхъ онъ состоялъ членомъ и которымъ отдавалъ не только свои досуги, но и свои помышленія, свои мечты о развитіи ихъ дѣятельности, о направленіи и расширеніи ихъ трудовъ въ томъ направленіи, которое казалось его сотоварищамъ часто недосягаемой величиной. Такъ было и среди насъ, членовъ Московскаго Археологическаго О-ва, когда въ апрѣлѣ 1887 г. зародилась мысль объ образованіи при Обществѣ Коммиссіи для изученія Востока; мысль, которую Всев. Θеод. настойчиво поддерживалъ и которая блестяще оправдала возлагаемыя на нее надежды. Такъ повторялось и весьма часто во время работъ Предварительныхъ Комитетовъ по устройству Археологическихъ Съѣздовъ, когда Всев. Θеод. являлся настойчивымъ поборникомъ болѣе тѣсной связи этнографическихъ изысканій съ археологическими командировками и вырабатывалъ отдѣльныя программы, необходимыя для этихъ изысканій.

Языковѣдъ по призванію, получившій ученыя степени магистра и доктора по предмету сравнительнаго языковѣдѣнія, Всев. Θеод. съ самаго начала своей ученой дѣятельности обратилъ вниманіе на изученіе Востока, арійской миθологіи и культуры, изученіе которыхъ задерживало сперва его воображеніе въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ иранскаго эпоса и того вліянія, которое иранскія сказанія могло имѣть на Кавказъ, его преданія и его поэтическіе вымыслы. Впослѣдствіи вершины Кавказа не являются болѣе преградой для дальнѣйшихъ разысканій, и Всев. Θеод. указываетъ на возможность переноса иранскихъ эпическихъ сюжетовъ въ наши южныя степи, привлекаетъ къ своимъ изслѣдованіямъ скиθовъ и сарматовъ и наконецъ тѣсно сплетаетъ ихъ съ изученіемъ русскаго эпоса, его сказаній, былинъ, доказывая воздѣйствіе Востока на весь складъ древней русской жизни и тѣмъ самымъ на происхожденіе былинныхъ сюжетовъ въ русской народной словесности.

Занимаясь Дальнимъ Востокомъ, читая въ Университетѣ и Лазаревскомъ Институтѣ лекціи по исторіи Египта, Вавилона и Ассиріи, Всев. Θеод. не могъ не обратить вниманія, не заинтересоваться и нашимъ Ближнимъ Востокомъ, т.-е. Кавказомъ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ 70-хъ годовъ Московскому Археологическому О-ву дана была возможность, благодаря содѣйствію Августѣйшаго Намѣстника Края, Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Михаила Николаевича, предпринять работы по ближайшему изученію этого, до тѣхъ поръ забытаго нашими учеными края.

Въ 1879 г. Всев. Өеод. въ первый разъ посѣщаетъ Кавказъ, знакомится съ Осетіей, интересуется ея жителями, ихъ бытомъ, языкомъ и вѣрованіями, предпринимаетъ изученіе осетинскаго языка, посвящаетъ «Осетинскимъ этюдамъ» свою докторскую диссертацію, докладываетъ на Тифлисскомъ Съѣздѣ *О значеніи Кавказа для языкознанія*, предлагаетъ тамъ же *Программу для собиранія матеріала по осетинскому языку*, связываетъ *Миѳъ о Прометеѣ съ кавказскими преданіями и легендами*, принимаетъ въ 1886 г. командировку Общества для обслѣдованія древнихъ памятниковъ и могильниковъ Терской области, повторяетъ весьма часто поѣздки на Кавказъ, изучаетъ тамъ не только Осетію, но и горныя общества Кабарды, Чечню, горскихъ евреевъ и татскій языкъ и пр.; часто на засѣданіяхъ Обществъ занимаетъ наше вниманіе своими изслѣдованіями по Кавказу и его народностямъ, печатаетъ часть этихъ изслѣдованій въ Матеріалахъ по археологіи Кавказа, или въ Трудахъ Восточной Комиссіи, особое вниманіе посвящаетъ изученію Осетіи и ея языку и оставляетъ ученому міру почти оконченный «Словарь Осетинскаго языка», надъ которымъ работалъ съ 1880 г.

Занимаясь Востокомъ, убѣжденный въ его вліяніи на древнюю Русь и русскій народный эпосъ, талантливо и настойчиво разыскивая всюду созвучій и сравненій, Всев. Өеод. не могъ на ряду съ иранскимъ и кавказскимъ эпосомъ не заниматься и русскимъ, не заинтересоваться и не полюбить его такъ, какъ онъ интересовался и любилъ *тѣ*, слѣды которыхъ хотѣлъ найти въ произведеніяхъ нашей народной поэзіи.

Всѣмъ извѣстны его изслѣдованія о *Полку Игоревѣ*, его *Экскурсы въ области русскаго народнаго эпоса*, равно какъ и остальныя многочисленныя его изслѣдованія; скажетъ о томъ человѣкъ болѣе меня подготовленный и потому я, съ своей стороны, назову только тѣ изъ его произведеній, которыя были доложены имъ на засѣданіяхъ нашего Общества. Такъ въ т. VII «Древностей»[1]), т.-е. почти въ самомъ началѣ поступленія Всев. Өеод. въ члены Общества, мы встрѣчаемъ обширное изслѣдованіе *О лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсенъ*, въ которомъ авторъ подробно разбираетъ и научно истолковываетъ постепенную метаморфозу древняго былиннаго гнѣдого *Тура съ золотыми рогами* въ *инрога*, который, по сказанію Голубиной книги, «копалъ рогомъ сыру мать-землю, выкопалъ ключи глубокіе, доставалъ воды все кипучіи»... Тура, перекрещеннаго сперва въ *единорога*, прозваннаго *звѣремъ всѣмъ звѣрямъ мать*, потомъ въ *Индрика* и, наконецъ, *въ звѣря лютаго, сиво-пряннаго, лихошерстнаго*, который въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ появляется «на пуговкѣ шубеночки худехонькой» богатыря не то лютымъ звѣремъ, не то заморскимъ львомъ.

Дальнѣйшіе доклады состояли изъ: былинъ *о Хотѣнѣ Блудовичѣ*[2]), *о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ*[3]), *о Соловьѣ Будимировичѣ*[4]), *объ Иванѣ—гостиномъ сынѣ*[5]),

[1]) Древности Т. VII; стр. 1-18.

[2]) Древн. Т. XVII; Отчетъ за 1894-95 г., стр. 133.

[3]) Тамъ же; Прот. стр. 110.

[4]) Тамъ же; Отчетъ 1895-96 г., стр. 233.

[5]) Тамъ же; стр. та же.

о Добрынѣ Змѣеборцѣ[6]), *о Дюкѣ Степановичѣ*[7]), которую авторъ на основаніи среды и мѣстности, въ которой былина эта сложилась, признаетъ за *галицко-волынскій отголосокъ въ русскомъ эпосѣ.* Докладывая о былинѣ *о сорока каликахъ*, авторъ указываетъ на мѣсто, занимаемое этой народной пѣсней на межѣ между былинами и духовными стихами, подвергаетъ разбору ея содержаніе и доказываетъ, что она представляетъ въ основѣ былину Владимирова цикла, сложенную на сѣверѣ въ предѣлахъ Новгородскаго культурнаго центра[8]), былину же о царѣ Калинѣ авторъ пріурочиваетъ ко времени Калкской битвы, а самое названіе «Калина» производитъ отъ р. Калки[9]).

Разрабатывая отдѣльныя варіанты нашего народнаго эпоса, Всев. Ѳеод. не оставлялъ въ сторонѣ и общіе вопросы по тому же предмету, не оставлялъ въ особенности безъ особаго вниманія и разработки все то, что касалось до возможности подтвержденія вопроса о вліяніи Востока на наши народныя сказанія. Въ числѣ изслѣдованій этого типа назову тѣ, которыя доложены на засѣданіяхъ Археологическаго О-ва: *Наблюденіе надъ географическимъ распространеніемъ былинъ*[10]), *Объ индоевропейскомъ праязыкѣ и нѣкоторыхъ мало-азіатскихъ языковъ по новѣйшему изслѣдованію Кречмера*[11]), *Восточная основа сказки о Еруслан*ѣ[12]), *Всемірная сказка въ культурно-историческомъ отношеніи*[13]), *Легендарные походы Тимура на Россію по Персидской рукописи Вамбери*[14]), *О нѣкоторыхъ восточныхъ именахъ въ русскихъ былинахъ*[15]), *Финскіе отголоски въ русскомъ эпосѣ*[16]), *О Славянскихъ азбукахъ — Кириллицѣ и Глаголицѣ*[17]).

О работахъ Всев. Ѳеод. по нашей Восточной Коммиссіи, столь близкой его сердцу и вкусу, Коммиссіи, въ которой состоялъ онъ съ самого ея основанія въ качествѣ или товарища предсѣдателя (съ 1887 по 1897 годъ) или предсѣдателя до перехода (въ 1911 году) въ Академію Наукъ, скажетъ многоуважаемый 1-й предсѣдатель Коммиссіи. Я же прошу позволенія еще на нѣсколько минутъ занять ваше вниманіе, чтобы напомнить вамъ, что, помимо своихъ спеціальныхъ изслѣдованій по Востоку, Кавказу и древнему русскому эпосу, Всев. Ѳеод. принималъ самое живое и теплое участіе во всѣхъ трудахъ и предпріятіяхъ Общества: не разъ въ своихъ докладахъ затрогивалъ вопросы по миѳологіи: *Миѳъ о Ніобѣ на Востокѣ*[18]), *Изслѣдованія по Ведійской миѳологіи*[19]), *Значеніе собаки въ миѳологическихъ вѣро-*

[6]) Древн. Т. XV; Прот. 374, стр. 107.
[7]) Древн. Т. XVII; Прот. 255, стр. 216.
[8]) Древн. Т. XVIII; приб. къ Прот., стр. 196.
[9]) Древн. Т. XX; Прот. 682, стр. 192.
[10]) Древн. Т. XVII; Отчетъ за 1893-94 г., стр. 47.
[11]) Древн. Т. XVIII; Отчетъ за 1896-97 г., стр. 6.
[12]) Древн. Т. XVI; Отчетъ за 1891-92 г., стр. 7.
[13]) Древн. Т. XVII; Прот. 421, стр. 50.
[14]) Древн. Т. XVIII; Отчетъ за 1897-98 г., стр. 96.
[15]) Древн. Т. XXII; Отчетъ за 1907-8 г., стр. 110.
[16]) Древн. Т. IX; Прот. 165, стр. 36.
[17]) Древн. Т. VI; Прот. 198, стр. 23.
[18]) Древн. Т. VI; Прот. 129, стр. 160.
[19]) Древн. Т. XV; Отчетъ за 1890-91 г., стран. 9, и Отчетъ за 1891-92 г., стр. 7.

ваніяхъ [20]); разбирался въ преданіяхъ и древнихъ названіяхъ *По поводу одного литовскаго преданія* [21]), *объ осѣдлыхъ преданіяхъ у южныхъ славянъ* [22]), *названіе Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго* [23]), *о названіи р. Яузы* [24]); характеризовалъ ученую дѣятельность усопшихъ членовъ Общества (А. А. Потебни [25]), Ѳ. И. Буслаева [26]), Л. Н. Майкова [27]), М. И. Соколова [28]), барона Р. Р. Штакельберга [29]), Барона В. Р. Розена) [30]); разбиралъ и обращалъ вниманіе на труды: *Анучина* (Докладъ о поѣздкѣ въ Пермскую губ.) [31]), *Трусмана* (Объ этнографическихъ названіяхъ населенныхъ мѣстъ Вятской губ. и ихъ происхожденіи) [32]), *Халатьянца* (О фрагментахъ иранскихъ сказаній у армянскаго писателя Григорія Магистра) [33]), *Гондатти* (Матеріалы по эскимосскимъ нарѣчіямъ) [34]), *Jensen'a* (Hettiter und Armenier) [35]), *Державина* (Изслѣдованія о болгарскихъ колоніяхъ въ Южной Россіи) [36]); докладывалъ *о занятіяхъ Съѣзда Оріенталистовъ въ Петербургѣ* [37]); по поводу *проекта Анучина* по составленію Археологическихъ картъ [38]), *О палеграфическихъ особенностяхъ погибшей рукописи Слова о Полку Игоревѣ* [39]), *О новооткрытой интермедіи XVIII вѣка* [40]); предлагалъ замѣчанія на *правила объ иногороднихъ Коммиссіяхъ* [41]); докладывалъ много разъ о находкахъ и раскопкахъ *на Кавказѣ*; о раскопкахъ *близъ с. Троицы-Кайнарджи* [42]), находкахъ Пантусовамъ *въ Курганѣ «Акъ-Ташъ»* [43]); объ Археологическихъ изслѣдованіяхъ *Винклера въ Каппадокіи* [44]); часто возвращался къ своимъ занятіямъ по востоковѣдѣнію, поддерживая въ Обществѣ и публикѣ интересъ къ этимъ занятіямъ, къ той далекой прародинѣ нашей, которая пока недостаточно насъ интересуетъ, недостаточно говоритъ нашему воображенію, недостаточно вызываетъ на работы и изслѣдованія. Между этими докладами назовемъ: *Новые матеріалы о на-*

---

[20]) Древн. Т. VII; стр. 193-210.
[21]) Древн. Т. VIII; стр. 166-175.
[22]) Древн. Т. VII; Прот. 145, стр. 48.
[23]) Древн. Т. V; стр. 19-31.
[24]) Древн. Т. XVI; Отчетъ за 1893-94 г.. стр. 46
[25]) Древн. Т. XVI; Прот. 396, стр. 57.
[26]) Древн. Т. XVIII; Прот. 408, стр. 118.
[27]) Древн. Т. XIX; вып. 3, Прот. 550, стр. 38.
[28]) Древн. Т. XXII; вып. 1, стр. 39.
[29]) Древн. Т. XXII; Прот. 679, стр. 75.
[30]) Тамъ же; Прот. 682, стр. 192.
[31]) Древн. Т. XIII; вып. 2; Прот. 205, стр. 27.
[32]) Древн. Т. XVIII; Прот. 477, стр. 18.
[33]) Тамъ же; Отчетъ за 1896-7 г., стр. 6.
[34]) Тамъ же; Отчетъ за 1897-8 г., стр. 96.
[35]) Тамъ же; Отчетъ за 1898-9 г., стр. 143.
[36]) Древн. Т. XXI; Прот. 644, стр. 201.
[37]) Древн. Т. VI; Прот. 120, стр. 41.
[38]) Древн. Т. XIII; Прот. 292, стр. 31.
[39]) Тамъ же; Прот. 317, стр. 87.
[40]) Древн. Т. XIX; Отчетъ за 1899-1900 г., стр. 10.
[41]) Древн. Т. XVI; Прот. 444, стр. 147.
[42]) Древн. Т. XIII; Прот. 358, стр. 195.
[43]) Древн. Т. XX; вып. 1; Прот. 565, стр. 27.
[44]) Древн. Т. XXII; Прот. 666, стр. 71 и Отчетъ за 1907-8 г, стр. 111 и Отчетъ за 1908-9 г., стр. 286.

рѣчіи горскихъ Таджиковъ[45]), *Всемусульманскій Университетъ при Каирской мечети Аль-Азхаръ*[46]), *О новыхъ работахъ по исторіи Вавилоно-Ассирійской литературы*[47]), *Объ установленіи хронологіи для древняго Египта-Мейера*[48]); и за самое послѣднее время о *Научной экспедиціи въ восточномъ Туркестанѣ и новооткрытомъ индо-европейскомъ языкѣ*[49]) и *о Митаннійскомъ языкѣ XV вѣка до Р. Х.*[50]), изслѣдованіе, которое В. К. Поржезинскій, въ своей памяткѣ о научной дѣятельности Всев. Ѳеод.[51]), поэтично призналъ за «послѣдній аккордъ» его научной дѣятельности.

Да сохранится же память о Всев. Ѳеод. въ нашемъ Обществѣ на многіе, многіе года, какъ ученаго, какъ благорасположеннаго сотоварища и сотрудника, и да послужитъ память эта примѣромъ для его бывшихъ учениковъ и подрастающаго поколѣнія, которое онъ призывалъ къ работѣ и умѣлъ заинтересовать по всѣмъ тѣмъ отраслямъ знаній его, которымъ такъ блестяще работалъ самъ.

---

[45]) Древн. Т. XIX; Отчетъ 1900-1 г.. стр. 13 и Т. XX; вып. 1, Прот. 567, стр. 33.
[46]) Древн. Т. XX; Отчетъ 1901-2 г., стр. 10.
[47]) Древн. Т. XXII; Отчетъ 1907-8 г., стр. 111.
[48]) Тамъ же; Отчетъ 1908-9 г., стр. 287.
[49]) Тамъ же.
[50]) Юбилейный IV т. Трудовъ Вост. Ком., стр. 1-4.
[51]) Докладъ въ Моск. Унив. 2 Дек. 1913 г. на Совмѣстномъ Засѣданіи Ученыхъ Общ-въ.

Пуговицы на древне-русскихъ поручахъ, какъ инсигніи.

Архимандритъ Никаноръ.

Въ исторіи богослужебныхъ одеждъ христіанской Церкви нерѣдко можно наблюдать, что та или иная изъ этихъ послѣднихъ, являясь по началу, уже на церковной почвѣ [1]), принадлежностью извѣстнаго сана, съ теченіемъ времени увеличиваетъ кругъ своихъ носителей, а иногда и вовсе становится общимъ достояніемъ іерархическихъ лицъ.

Перваго рода эволюцію испытали митра, саккосъ, палица. Подъ вторую категорію должны быть отнесены поручи (*ἐπιμανίκια, ὑπομανίκια*).

Относясь теперь къ облаченіямъ всѣхъ, безъ исключенія, священнослужителей, начиная съ занимающихъ первую степень священства (діаконовъ), онѣ «принадлежали первоначально къ числу императорскихъ одеждъ» [2]) въ мірѣ свѣтскомъ, а въ области церковной уже потомъ присвоены были сначала только патріархамъ затѣмъ епископамъ и т. д.

Любопытно, что, судя по литературнымъ указаніямъ, и доселѣ «требуемое нынѣшнимъ (нашимъ) чиномъ діаконской хиротоніи врученіе новопоставленному поручей не оправдывается чинами греческими и практикой греческой церкви [3])».

Въ Россіи поручи, *какъ таковыя*, утратили, выражаясь не совсѣмъ точно, значеніе привиллегіи, въ широкомъ смыслѣ слова, два столѣтія назадъ. Но въ томъ же XVII вѣкѣ и именно у насъ можно отыскать нѣкоторый слѣдъ деградирующей эволюціи, пережитой данной богослужебной одеждой на протяженіи ея многовѣковой исторіи.

Для этого стоитъ обратиться къ, такъ называемому, *Большому* Потребнику, напечатанному «въ царствующемъ градѣ Москвѣ» «въ лѣто седмь тысящь 133 (1625) е», иначе говоря, «во второе надесять лѣто, благочестивыя державы царства его, Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи Самодержца и въ шестое лѣто патріаршества отца его и богомольца Киръ Филарета Патріарха Московскаго и всея Русіи».

Поручи здѣсь уже фигурируютъ и въ чинѣ *діаконскаго* поставленія, а одновременно «въ чинѣ бываемомъ, на поставленіе протопопа, или архидіякона, или

---

[1]) Оговорка имѣетъ въ виду предотвратить смѣшеніе начальности на церковной почвѣ съ изначальностью по существу и eo ipso соотвѣтствующее возраженіе.

[2]) См. *А. Нееселовскаго*, Чины хиротесій и хиротоній, Каменецъ-Подольскъ, 1906, стран. 161.

[3]) Ibid.

протодiякона», мы также читаемъ, что, послѣ совершительной молитвы, «благословитъ святитель поручи, глаголя» и т. д. Въ поручахъ, и только, за отсутствiемъ еще какихъ-либо указанiй, въ нихъ однѣхъ заключалось, слѣдовательно, все внѣшнее, со стороны богослужебной одежды, отличiе перечисленныхъ лицъ.

Послѣднее особенно рельефно выступаетъ въ «чинахъ бываемыхъ, на превозведенiе игумена» и «архи́марита», т.-е. архимандрита. «И по аминѣ, которымъ заканчивается послѣднiй возгласъ, въ обоихъ разсматриваемыхъ случаяхъ, подносятъ святителю по́ручи; святитель же прекрестивъ кресты на поручахъ рукою; поставляемыи же целуетъ на по́ручахъ въ кресты, и потомъ святителя в̓руку; и *премѣняютъ* по́ручи, на поставляемаго; *а прежнiе поручи сымаются*».

Очевидно, поручи и ранѣе принадлежали къ числу богослужебныхъ одеждъ возводимаго въ санъ игумена или архимандрита, почему происходитъ только *замѣна* однѣхъ поручей другими. Но въ этой самой замѣнѣ нельзя не усматривать пережитка того положенiя вещей, когда поручи, утративъ уже значенiе привиллегiи сана епископскаго, продолжали, однако, быть таковой по отношенiю къ протодiаконамъ или архидiаконамъ, протопопамъ, игуменамъ и архимандритамъ.

Но если поручи одинаково носятъ и, напр., дiаконъ, и протодiаконъ, а для послѣдняго въ поручахъ только и заключается внѣшняя особенность его званiя, то, по всей вѣроятности, была нѣкоторая разница въ *формѣ* однѣхъ и другихъ поручей. На первый взглядъ, все дѣло здѣсь заключалось въ крестахъ на поручахъ, т.-е. иногда въ отсутствiи ихъ или, наоборотъ, въ присутствiи. По крайней мѣрѣ, о крестахъ на поручахъ совершенно не упоминается «въ чинѣ бываемомъ, на поставленiе протопопа, или архидiакона, или протодiакона», между тѣмъ въ чинахъ «на превозведенiе игумена» и архимандрита на этихъ крестахъ останавливается, какъ видѣли, особое вниманiе.

Однако, это только первое впечатлѣнiе, ибо кресты на поручахъ знаетъ, напр., и чинъ просто дiаконской хиротонiи. Поэтому, мы должны искать, если только они существуютъ, какихъ-то *другихъ* отличiй въ поручахъ. И, думается, ихъ можно найти въ пуговицахъ, точнѣе, въ числѣ пуговицъ на поручахъ протодiакона и дiакона и т. д.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что даже въ XVII вѣкѣ у насъ поручи не стягивались, какъ теперь, шнуромъ на петляхъ, а застегивались при помощи ряда пуговицъ и параллельныхъ имъ петель [4]). Съ другой стороны, нельзя не пожалѣть, что датировка (въ примѣненiи къ сану носителя), дошедшихъ до нашего времени, соотвѣтствующихъ вещественныхъ памятниковъ или совершенно отсутствуетъ, или не вполнѣ достовѣрна. За всѣмъ тѣмъ неподлежащимъ сомнѣнiю фактомъ, судя по однѣмъ [5]) патрiаршимъ, плюсъ точно датированнымъ [6]) поручамъ Московской Сѵ-

[4]) Такого типа поручи и доселѣ употребляются старообрядцами, а также единовѣрцами.

[5]) Дѣло въ томъ, что по 16 пуговицъ имѣютъ еще поручи митр. Фотiя, хранящiяся въ той же ризницѣ (по Указ. для обозр. Моск. Патр. Ризн. Архiеп. Саввы, М., 1883, № 1).

[6]) Оговоркой исключаются изъ находящихся въ Сѵнодальной Ризницѣ 2 пары поручей, имѣющихъ по 6 пуговицъ каждая, 1—10 и 1—15, всѣ неизвѣстно кому принадлежавшiя, но нашу мысль, быть можетъ, одинаково съ прочими, подтверждающiя.

нодальной Ризницы, является большее, относительно, число пуговицъ на только что указанныхъ поручахъ. Такъ, поручи патріарховъ: Никона (Сав. № 3), Іоакима 1675 г. (Сав. № 6) и Питирима, по одной парѣ каждаго, имѣютъ на себѣ всякая по 15 пуговицъ. 14 пуговицъ находится на поручахъ патріарха Іоакима 1675 г. и 1681 г. (Сав. №№ 6—7). Наименьшее число (8) пуговицъ изъ *патріаршихъ* встрѣчаемъ на поручахъ Іоакима 1680 г. (Сав. № 5).

Разница между патріаршими и другими поручами становится особенно замѣтной, если принять во вниманіе 3 пары поручей той же ризницы изъ вошедшей въ ея составъ ризницы Московскаго Архангельскаго собора. Каждая изъ поручей этихъ послѣднихъ паръ имѣетъ на себѣ по 5 пуговицъ, принадлежатъ же всѣ поручи данной категоріи къ составу священническихъ и діаконскихъ облаченій. Равнымъ образомъ, пара извѣстныхъ намъ поручей Московскаго Новоспасскаго монастыря, принадлежавшая къ архимандричьему облаченію (вкладъ Царя Михаила Ѳеодоровича), имѣетъ 14 пуговицъ, т.-е. по 7 каждая, изъ входящихъ въ составъ ея поручей [7]), число, къ слову сказать, превышающее 5 на только что обслѣдованныхъ поручахъ Архангельскаго собора.

Соотвѣтствующія указанія литературныя (древнія описи ризницъ), по крайней мѣрѣ использованныя нами, точно такъ же не стоятъ въ противорѣчіи съ вышеизложенными наблюденіями надъ памятниками вещественными. Напр., «Опись патріаршей ризницы 1631 г.» [8]) знаетъ передѣланныя патріархомъ Филаретомъ, «поручи Макарія митрополита», имѣющія на себѣ «24 пугвицы серебряныя, сканныя, на прорѣзъ» [9]). Въ «Описи» той же ризницы 1720 г. [10]) упоминаются три пары поручей «Питиримовскихъ», съ 32 «пугвицами» на первой и третьей изъ этихъ паръ и 31 на второй [11]). По Описи Московскаго Успенскаго Собора, составленной въ 1638 г. [12]), значатся «у протопопа въ ризницѣ», между прочимъ, «поручи алтабасные,... у нихъ 10 пугвицъ серебреные» [13]), а «въ ризницѣ у протодьякона», среди другихъ облаченій, «поручи бархатъ золотной кизылбашской по рудожелтой землѣ», у которыхъ «14 пугвицъ серебреныхъ» [14]).

Изъ предыдущаго позволительно сдѣлать выводы трояжаго порядка.

Въ русской церкви [15]), когда поручи, сами по себѣ, перестали составлять, если только онѣ когда-нибудь составляли, привиллегію извѣстнаго, строго опре-

[7]) Это число пуговицъ на поручахъ, только ужъ безъ различія сана лицъ, носящихъ тѣ или другія поручи, вошло и въ современный намъ старообрядческій, а также единовѣрческій обиходъ.

[8]) Цитуемъ ее по изд. А. Е. Викторова въ приложеніи къ «Обозрѣнію письменныхъ источниковъ Русской Археологіи» (Вѣстн. Общ. древн.-рус. искус. при Моск. Публичн. Муз., М., 1875, 6—10).

[9]) Цит. изд., стран. 11.

[10]) Цитуемъ ее въ изд. Комит. по опис. Синод. (Патр.) Ризн., подг. член. его, завѣд. Патр. Библ., Н. Поповымъ, М., 1910.

[11]) Л. 107 и об.; цит. изд., стран. 59—60.

[12]) Цитуемъ по изд. ея въ 3 т. «Русской Исторической Библіотеки», С.-Пб. 1876, ст. 505—562.

[13]) Цит. изд., ст. 550.

[14]) Цит. изд., ст. 551—2. Кстати, въ отд. «Стихари» (ibid., ст. 557—9) «другого дьякона (ст. 558) есть «поручи... безъ пугвицъ», впрочемъ, быть можетъ потому, что, согласно указанію «Описи», онѣ «ветхи».

[15]) Въ греческой церкви поручи со шнурами стали появляться, повидимому, ранѣе, нежели у насъ. По крайней мѣрѣ, поручи патр. іерусалимскаго Ѳеофана, присланныя имъ въ даръ патр. Фи-

дѣленнаго, сана, число пуговицъ на нихъ все же мѣнялось соотвѣтственно сану носителя данныхъ поручей. — Далѣе, эта мѣна была не случайной, а совершенно сознательной, объясняемой или какъ своеобразная попытка удовлетворить соотвѣтствующему требованію чиновъ поставленія, или въ качествѣ выхода изъ создавшагося положенія вещей. Первая изъ указываемыхъ возможностей имѣла мѣсто въ томъ случаѣ, если русскіе чины поставленія, *предъявляющіе подобное требованіе*, суть точное воспроизведеніе аналогичныхъ чиновъ греческихъ, появившихся на родной почвѣ еще въ то время, когда поручи, какъ таковыя, не составляли достоянія всей церковной іерархіи[16]). Послѣдняя возможность, т.-е. необходимость создать выходъ, всего вѣроятнѣе, обусловливалась утратой пониманія внутренняго смысла соотвѣтствующихъ частей извѣстныхъ чиновъ поставленія при томъ, плюсъ, положеніи вещей, что поручи фигурируютъ уже во всѣхъ, безъ исключенія, чинахъ поставленія и становятся общимъ достояніемъ іерархіи, а одновременно, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ чиновъ, имѣютъ значеніе *привиллегіи* даннаго сана. — Наконецъ, пуговицы, точнѣе же, то или другое количество ихъ на поручахъ составляли внѣшнее отличіе для носителей цѣлаго ряда церковныхъ сановъ, притомъ, первоначально, даже единственное, каковое отличіе, по существу своему, являлось пережиткомъ того времени, когда *вся* одежда, къ которой онѣ прикрѣплены, занимала привиллегированное положеніе въ ряду богослужебныхъ одеждъ священныхъ лицъ нѣкоторыхъ разрядовъ.

ларету Никитичу (находятся теперь въ Сvнодальной Ризницѣ) на шнурахъ, хотя, напр., въ греческихъ монастыряхъ на Аѳонѣ и даже въ греческомъ соборѣ (и только въ немъ) Русскаго Пантелеймонова монастыря тамъ же доселѣ, на ряду съ поручами на шнурахъ, употребляются и поручи съ пуговицами.

[16]) Нѣкоторое основаніе въ данныхъ чинахъ допускать кое-что самобытное русское даетъ, напр., «Архіерейскій Чиновникъ», напеч. на слав. яз. въ Венеціи, около 1538 г. (Карат. 26; Ундольск. 30), находящійся въ которомъ чинѣ поставленія во игумена (единственный изъ аналогичныхъ) не указываетъ никакой вещественной привиллегіи сана.

Международный археологическій конгрессъ въ Римѣ.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 27 ноября 1912 года.)

И. Н. Бороздина.

Съ 9 по 16 октября н. ст. 1912 года состоялся въ Римѣ третій международный археологическій конгрессъ, на которомъ я имѣлъ честь быть представителемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Предшествующіе два конгресса собирались въ Аѳинахъ и въ Каирѣ; само собой разумѣется, что третій конгрессъ неминуемо долженъ былъ открыть свои дѣйствія въ «вѣчномъ городѣ», этой классической столицѣ археологіи. Римъ, какъ и слѣдовало ожидать, привлекъ массу конгрессистовъ, съѣхавшихся съ разныхъ сторонъ. Новѣйшія археологическія открытія, осмотры богатѣйшихъ и все разрастающихся коллекцій, интересныя темы докладовъ — все это, вмѣстѣ съ чудеснымъ для Рима временемъ года, должно было способствовать успѣху ученаго съѣзда.

Торжественное открытіе конгресса состоялось въ Капитоліи, въ стильной и величавой залѣ Гораціевъ и Куріаціевъ. Съ первыми привѣтственными рѣчами выступили синдикъ города Рима, министръ народнаго просвѣщенія и предсѣдатель организаціоннаго комитета съѣзда Коррадо Риччи. Министръ народнаго просвѣщенія отъ имени короля — почетнаго предсѣдателя конгресса — открылъ засѣданіе и въ прекрасной рѣчи остановился на развитіи археологическихъ знаній и на современномъ состояніи науки о древностяхъ въ Италіи. Въ противоположность этой весьма удачно и умѣло скомбинированной рѣчи излишне патетичной и шумливо-восторженной показалась рѣчь Коррадо Риччи, болѣе всего увлекшагося декламаціонной стороной. Отъ лица всѣхъ собравшихся делегатовъ съ привѣтствіемъ выступилъ аѳинскій профессоръ Ламбросъ; на предварительномъ совѣщаніи делегатовъ было рѣшено, что потомкамъ одной великой націи античности будетъ говорить представитель другой.

Отзвуки текущихъ политическихъ событій сказались въ рѣчи Ламброса; такъ, заканчивая свое привѣтствіе, онъ сказалъ, что въ настоящіе дни (это было почти наканунѣ Балканской войны) въ Греціи особенно вспоминаютъ о быломъ величіи античной Эллады. Слова эти были покрыты громомъ аплодисментовъ. Въ почетные предсѣдатели и почетные секретари секцій конгресса были избраны представители различныхъ націй. Видное мѣсто удѣлено было здѣсь делегатамъ Россіи. Предсѣ-

дателями отдѣленій были М. И. Ростовцевъ, Н. В. Покровскій, В. К. Мальмбергъ и Е. М. Придикъ; мнѣ пришлось исполнять обязанности секретаря въ секціи греческихъ и римскихъ древностей.

Тотчасъ же послѣ оффиціальнаго открытія началась ученая дѣятельность, сразу закипѣла интенсивная работа въ многочисленныхъ и разнообразныхъ секціяхъ съѣзда. Нельзя, однако, съ самаго начала не поставить въ серьезный упрекъ организаторамъ и руководителямъ конгресса полнаго неумѣнія планомѣрно и систематически распредѣлить работу. Всѣ засѣданія назначались только днемъ (отъ 9 до 12, отъ 2 до 4—5 ч.), т.-е. какъ разъ въ то время, когда открыты для осмотра музеи, коллекціи, памятники и т. п.; вечера же, за исключеніемъ нѣсколькихъ торжественныхъ раутовъ и пріемовъ, оставались свободными и незанятыми. Кромѣ того, объемъ рефератовъ и почему-то скученность ихъ на первые дни вызывала одновременное дѣйствіе слишкомъ многихъ параллельныхъ засѣданій; часто на одинъ и тотъ же часъ, но въ разныхъ секціяхъ, назначалось нѣсколько одинаково интересныхъ для всѣхъ рефератовъ. И ревностный конгрессистъ долженъ былъ буквально разрываться на части, съ одного засѣданія поспѣвая на другое, а въ промежуткѣ производя необходимые осмотры. Эти дефекты, конечно, не умаляютъ научнаго значенія съѣзда. Докладовъ было прочитано немало и многіе изъ нихъ представляли выдающійся интересъ. Изъ наиболѣе работавшихъ секцій слѣдуетъ отмѣтить секцію доисторической археологіи, секцію пре-эллинской археологіи, секцію исторіи классическаго искусства и секцію греческихъ и римскихъ древностей (вѣрнѣе, секцію древней исторіи).

Изъ докладовъ, прочитанныхъ въ первой секціи, особаго вниманія заслуживаютъ два блестящихъ сообщенія извѣстнаго шведскаго археолога Оскара Монтеліуса о бронзовомъ вѣкѣ въ Италіи и о погребальной камерѣ Регулини Галасси. Оригинальные и строго-детализованные доклады были обильно иллюстрированы діапозитивами. Въ возникавшихъ по поводу этихъ докладовъ преніяхъ, особенно касавшихся установленія хронологическихъ датъ бронзоваго вѣка, принимали участіе видные итальянскіе археологи съ престарѣлымъ, но юношески пылкимъ и неутомимымъ Пигорини во главѣ.

Въ этой же секціи на ряду съ докладами по пре-исторіи Италіи (здѣсь слѣдуетъ упомянуть доклады Герардо Герардини и Колини) были сдѣланы сообщенія по доисторической археологіи другихъ странъ: Америки (сообщеніе Пибоди), Испаніи (сообщеніе о раскопкахъ Обермайера), Франціи (сообщеніе Кутиля объ эпохѣ Маделенъ) и т. д. Мнѣ въ своемъ докладѣ пришлось остановиться на новѣйшихъ открытіяхъ въ области первобытной и классической археологіи въ Россіи. Исключительный интересъ, проявляемый археологами и историками къ открытіямъ въ области критско-эгейской и миланской культуръ, послужилъ поводомъ къ образованію особой секціи до-эллинской археологіи. Здѣсь съ двумя любопытнѣйшими сообщеніями выступилъ знаменитый англійскій археологъ Артуръ Эвансъ, самъ произведшій наиболѣе цѣнныя и выдающіяся раскопки на Критѣ (въ столицѣ Минойской державы — Кноссѣ). Эвансъ дополнялъ и развивалъ свою извѣстную классификацію

эпохъ Критско-минойской культуры (древняя, средняя, поздняя) съ ихъ подраздѣленіями на періоды (I, II, III), обильно иллюстрируя свои положенія интереснѣйшими воспроизведеніями матеріала раскопокъ (діапозитивами фресокъ, вазъ, сосудовъ и т. п.). Интересенъ былъ также отчетъ о результатахъ новѣйшихъ археологическихъ работъ итальянской миссіи и докладъ инсбрукскаго профессора фонъ-Скала о взаимоотношеніяхъ хеттитскихъ и критскихъ древностей.

Въ секціи классическаго искусства блестящій докладъ о раскопкахъ въ Элевзинѣ былъ прочитанъ Ноакомъ; слѣдуетъ отмѣтить сообщенія Пернье (древнѣйшіе эллинскіе храмы), Дупа (по южно-италійскому искусству), Булле, нашихъ делегатовъ: М. И. Ростовцева (по Пантикапейскимъ древностямъ) и В. К. Мальмберга (о Бельведерскомъ торсѣ).

Въ секціи греческихъ и римскихъ древностей совмѣстно съ секціей эпиграфической были прочитаны весьма цѣнные доклады по античной исторіи и грекоримскому праву; особенно выдавались доклады Канья (объ африканской аннонѣ), Тутэна (о галло-римской Алезіи и римской политикѣ временъ имперіи), Эд. Кюка и Венгера по греко-египетскому праву (съ привлеченіемъ данныхъ папирологіи). Изъ докладовъ по эпиграфикѣ слѣдуетъ упомянуть о сообщеніяхъ нѣмецкаго эпиграфиста Дессау и виднаго французскаго ученаго Audollent. Если указанныя четыре секціи работали чрезвычайно интенсивно и плодотворно, то нельзя сказать того же о нѣкоторыхъ другихъ отдѣленіяхъ. Едва ли не однимъ или двумя засѣданіями ограничилась секція миѳологіи и исторіи религій (здѣсь были сдѣланы сообщенія: Гоммелемъ — объ астрологическихъ символахъ древне-вавилонскихъ пограничныхъ камней, Тутэна — о Пальмирской религіи и культѣ Сатурна въ римской Африкѣ, нашего сочлена І. К. Линдемана — о пенатахъ). Какъ это ни странно, но весьма скудно представлена была на съѣздѣ секція христіанской археологіи; изъ прочитанныхъ здѣсь немногочисленныхъ сообщеній весьма любопытны были доклады Марукки о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ римскихъ катакомбъ и монсиньора Булича о раскопкахъ въ Салонѣ. Не имѣя возможности въ настоящемъ краткомъ докладѣ останавливаться на другихъ сообщеніяхъ, перейду прямо къ послѣднему засѣданію — закрытію съѣзда, гдѣ блестящую заключительную рѣчь отъ лица всѣхъ конгрессистовъ сказалъ проф. М. И. Ростовцевъ. Мѣстомъ слѣдующаго IV конгресса, по предложенію французской делегаціи (отъ которой говорилъ Канья), былъ избранъ Алжиръ въ 1915 году.

На ряду съ засѣданіями были организованы осмотры и экскурсіи. Изъ первыхъ особенно слѣдуетъ упомянуть объ осмотрѣ Палатина съ его новѣйшими раскопками, происходившемъ подъ руководствомъ Бони, главнаго руководителя раскопокъ. Осмотру предшествовала интереснѣйшая лекція Бони, увлекательно и образно говорившаго о своихъ послѣднихъ находкахъ. Весьма любопытна была и прогулка по катакомбамъ Домициллы, организованная подъ непосредственнымъ руководствомъ извѣстнаго спеціалиста по христіанской археологіи, ученика и преемника Росси — Горацію Марукки. Сильное и мрачное впечатлѣніе производятъ эти коридоры «Roma Subterranea», тускло освѣщаемые восковыми свѣчами новыхъ

паломниковъ — конгрессистовъ. Рѣдкія, но поразительныя по высокой художественности изображенія на стѣнахъ нарушаютъ унылое однообразіе длиннѣйшихъ ходовъ и переходовъ. Весьма интереснымъ также оказалось посѣщеніе Ватиканскаго музея (его отдѣленія — Museo Gregoriano), спеціально для осмотра ново-найденныхъ этрусскихъ вещей. Сами этрусскія усыпальницы предстали во всей своей грандіозности во время поѣздки въ Цере, священное мѣсто этрусковъ. Поѣздка эта, занявшая цѣлый день, представляла весьма значительный интересъ. Новѣйшія раскопки дали блестящіе результаты; многочисленныя и разнообразныя погребальныя камеры найдены въ прекрасной сохранности и поражаютъ своимъ своеобразіемъ. Тутъ же, въ Цере, находится и знаменитая погребальная камера Регулини Галасси, относимая Монтеліусомъ къ X—IX вѣкамъ до Р. Х. Поѣздка эта лишній разъ усилила тотъ интересъ къ этрусскому вопросу, который очень явственно опредѣлился на съѣздѣ. Въ этой области новый археологическій матеріалъ ставитъ на очередь многія новыя научныя проблемы Если экскурсія въ Цере знакомила съ загадочнымъ міромъ этрусковъ, то съ классическимъ періодомъ римскаго государства знакомила поѣздка въ Остію. За послѣднее время здѣсь найдено много любопытнаго. Помимо форума, театра, храма Миѳры, отдѣльныхъ частныхъ домовъ и т. п., обнаруженъ весьма характерный некрополь, мѣсто вѣчнаго упокоенія. Подобно Помпеямъ, въ Остіи сохранились образцы фресковой живописи и удивительнѣйшая мозаика. Какъ та, такъ и другая экскурсія вышли очень удачными, хотя тѣневымъ пятномъ въ нихъ было присутствіе многочисленнаго посторонняго элемента, не мало мѣшавшаго археологамъ при осмотрахъ.

Кромѣ этихъ офиціальныхъ, такъ сказать, экскурсій, организованныхъ самимъ конгрессомъ, по закрытіи его была организована большая поѣздка въ Неаполь, Помпеи, Пестумъ, южную Италію, Сицилію и Сардинію. Лично мнѣ, въ виду недостатка времени, удалось принять участіе лишь въ началѣ экскурсіи. Незабываемое впечатлѣніе произвели осмотры Помпей съ ихъ новыми, весьма замѣчательными раскопками (открыта новая улица, частные дома, лавки съ навѣсами и превосходными фресками), Кумъ съ таинственнымъ гротомъ Сивиллы (при осмотрахъ Помпей, Кумъ и Пестума интереснѣйшія и цѣннѣйшія объясненія намъ давалъ самъ руководитель раскопокъ Spinazzola) и величаваго Пестума съ его греческими храмами, рѣявшими на фонѣ голубого неба.

ПРОТОКОЛЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ЗА 1912—1913 Г.

ОТЧЕТЪ

о состоянiи и дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за 1912—1913 г.

Только что закончившiйся 49-й годъ существованiя нашего Общества, подобно предъидущимъ годамъ, отличался все той же неизмѣнно интенсивной дѣятельностью, направленной, какъ всегда, къ достиженiю двухъ главныхъ задачъ Общества — къ сохраненiю памятниковъ древняго зодчества въ нашей родинѣ и къ изученiю многообразныхъ памятниковъ историческаго прошлаго не только чисто русскихъ, но и принадлежавшихъ другимъ многочисленнымъ народностямъ, нѣкогда обитавшимъ и нынѣ обитающимъ въ предѣлахъ нашего отечества. Равнымъ образомъ не оскудѣвало и милостивое вниманiе нашего Державнаго Покровителя къ работамъ Общества и минувшiй годъ можно считать въ этомъ отношенiи однимъ изъ наиболѣе выдающихся. Такъ, во время Высочайшаго пребыванiя въ Москвѣ въ маѣ 1912 г., нашъ глубокочтимый пожизненный предсѣдатель гр. П. С. Уварова была пожалована въ Статсъ-Дамы Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынь Императрицъ, а секретарь Общества — въ званiе Камергера Высочайшаго Двора. 30-го мая Его Императорскимъ Величествомъ были милостиво приняты представители Общества — секретарь Комиссiи по сохраненiю древнихъ памятниковъ И. П. Машковъ и секретарь Общества В. К. Трутовскiй, имѣвшiе счастье поднести нашему Державному Покровителю альбомъ памятниковъ зодчества, о спасенiи и сохраненiи коихъ отъ разрушенiя и уничтоженiя Общество боролось изъ всѣхъ силъ, и альбомъ псковскихъ стѣнъ, о поддержанiи и реставрацiи каковыхъ Общество хлопочетъ и по настоящее время. Оба представителя были удостоены милостиваго разговора съ Его Величествомъ въ теченiе получаса.

21-го февраля текущаго года секретарь Общества удостоился принести Его Величеству всеподданнѣйшiя поздравленiя отъ имени Общества по случаю исполнившагося 300-лѣтiя избранiя на Всероссiйское Царство боярина Михаила Θеодоровича Романова, а всеподданнѣйшiя телеграммы Общества 6 декабря 1912 г. и 1 января и 7 февраля 1913 г. удостоились милостивыхъ отвѣтовъ.

Глубоко счастливое милостями, оказываемыми Обществу съ высоты Престола и всей Августѣйшей Царской Семьей, Общество всегда по мѣрѣ силъ и возможности старалось оправдать это высокое довѣрiе и никогда не упускало случая выказать это на дѣлѣ. Такъ и въ истекшемъ году оно первое отозвалось на знаменательное событiе — исполнившееся 300-лѣтiе Царствованiя Дома Романовыхъ и 7 февраля 1913 г., въ день перваго постановленiя Всероссiйскаго Собора объ избранiи Царемъ всея Руси Михаила Θеодоровича Романова, оно устроило чрезвычайное засѣданiе, посвященное памяти этого великаго событiя въ исторiи

нашей родины. Въ засѣданіи были прочитаны 5 спеціальныхъ докладовъ членами Общества: Д. И. Иловайскимъ, Л. М. Савеловымъ, Б. С. Пушкинымъ, И. С. Бѣляевымъ и И. Н. Бороздинымъ, а въ заключеніе отъ имени Общества и всѣхъ присутствовавшихъ была послана Его Императорскому Величеству всепреданнѣйшая телеграмма, на которую на другой же день послѣдовалъ милостивый отвѣтъ. Залъ засѣданія былъ соотвѣтственнымъ образомъ декорированъ и украшенъ портретомъ царя Михаила Ѳеодоровича, работы А. Антропова 1772 г., изъ Оружейной Палаты.

Крупнымъ событіемъ въ жизни Общества за минувшій періодъ было приглашеніе его Государственной Думой принять участіе, черезъ своихъ представителей, въ засѣданіяхъ спеціальной думской комиссіи по разсмотрѣнію законопроекта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ объ охранѣ памятниковъ древности въ Россіи. Представителями Общества были выбраны проф. Д. И. Багалѣй, секретарь, нынѣ товарищъ предсѣдателя комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ И. П. Машковъ, дѣйств. членъ С. К. Богоявленскій и секретарь Общества В. К. Трутовскій. Всѣхъ засѣданій комиссіи было три, въ которыхъ принимали участіе также представители и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ Обществъ и учрежденій. Хотя результатъ этихъ совѣщаній не вполнѣ оправдалъ надежды Общества, тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что законопроектъ Министерства былъ отвергнутъ громаднымъ большинствомъ и что очень многое изъ проекта Общества вошло въ выработанный въ концѣ концовъ Думской Комиссіей соотвѣтствующій законопроектъ. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя положенія этого новаго законопроекта все же рѣзко разошлись съ мнѣніями Общества и другихъ представителей, но такъ какъ онъ еще не обсуждался постатейно въ Думѣ и Общество уже своевременно послало свои на него замѣчанія, то есть надежда, что онъ еще разъ подвергнется обсужденію въ спеціальной комиссіи, въ которой, надо надѣяться, наше Общество также приметъ участіе.

Къ числу другихъ выдающихся событій надо отнести и состоявшійся 1 ноября 1912 г. конкурсъ на проектъ памятника патріарху Гермогену и архимандриту Діонисію. Въ количественномъ отношеніи конкурсъ превзошелъ всѣ ожиданія, ибо было доставлено 26 проектовъ, но въ качественномъ, къ сожалѣнію, онъ не оправдалъ надеждъ и ни одинъ изъ проектовъ не былъ признанъ достойнымъ исполненія. Все же три преміи были выданы и авторами премированныхъ проектовъ оказались: 1-го скульпторъ Н. А. Андреевъ, 2-го — С. С. Алешинъ и Д. П. Суховъ и 3-го — А. П. Курнашовъ. Въ виду неуспѣшности этого конкурса, нынѣ назначенъ другой съ слегка измѣненными условіями и срокомъ представленія проектовъ назначено 1 марта 1914 года. Надо надѣяться, что послѣ перваго опыта этотъ конкурсъ окажется плодотворнѣе въ художественномъ и идейномъ отношеніяхъ.

Въ минувшемъ году, 29 декабря 1912 г., состоялось 2-е присужденіе золотой медали имени гр. А. С. Уварова. Медаль единогласно была принуждена по рецензіи проф. Н. В. Покровскаго дѣйств. чл. общества проф. Н. П. Лихачеву за его капитальнѣйшій трудъ: «Историческое значеніе итало-греческой иконописи. Изображенія Богоматери въ произведеніяхъ итало-греческихъ иконописцевъ и ихъ вліяніе на композицію нѣкоторыхъ прославленныхъ русскихъ иконъ». Слѣдующее присужденіе этой медали должно было бы состояться 29 декабря 1915 г., но, въ виду исполняющагося въ 1914 г. 50-лѣтія дѣятельности нашего Общества, срокъ сокращенъ на 1 годъ и присужденіе состоится 29 декабря 1914 г., при чемъ семья покойнаго незабвеннаго основателя и перваго пожизненнаго предсѣдателя нашего Общества гр. А. С. Уварова выразила желаніе почтить полувѣковую дѣятельность Общества прибавленіемъ отъ себя на это присужденіе еще 2 подобныхъ золотыхъ медалей, а нашъ глубокочтимый пожизненный предсѣдатель гр. П. С. Уварова, съ своей стороны, предназначила еще одну золотую медаль въ память того же 50-лѣтія на тотъ же срокъ. Такимъ образомъ, предстоящее исполненіе полувѣкового существованія нашего Общества, всецѣло и во всѣхъ отношеніяхъ обязаннаго глубоко-просвѣщенной и глубокопочитаемой четѣ графовъ Уваровыхъ,

на зарѣ новаго 50-лѣтія озарится новымъ яркимъ свидѣтельствомъ того глубокаго уваженія, той неизмѣнной любви и той неувядаемой энергіи къ дѣятельности нашего Общества со стороны нашихъ первыхъ предсѣдателей, благодаря которымъ оно и стало на такую почтенную высоту, вызвало и вызываетъ къ себѣ постоянно знаки глубочайшаго уваженія со стороны всего ученаго и научнаго міра.

Въ минувшемъ году былъ рядъ историческихъ и научныхъ событій, въ которыхъ наше Общество приняло также посильное участіе. Таково было празднованіе 100-лѣтія славной Бородинской битвы, 26-го августа, происшедшее на самомъ полѣ Бородина, на холмѣ батареи Раевскаго, при торжественной обстановкѣ и въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и всей Августѣйшей Семьи. Представители Общества — Л. М. Савеловъ, гр. Ѳ. А. Уваровъ и секретарь Общества В. К. Трутовскій возложили къ подножію памятника лавровый вѣнокъ отъ имени Общества. Затѣмъ представители Общества И. Н. Бороздинъ и І. К. Линдеманъ приняли участіе въ засѣданіяхъ международнаго историческаго конгресса въ Римѣ, а въ день освященія памятника знаменитому ученому Е. І. Hamy, въ Boulogne sur Mer, отъ имени Общества присутствовали его члены S. Reinach, Baron J. de Baye и M. Barrière Flavy. Кромѣ того, Общество привѣтствовало телеграммами празднованіе 25-лѣтія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи и 50-лѣтіе Бельгійскаго Королевскаго Археологическаго Общества.

Обычная дѣятельность Общества въ истекшемъ году, по прежнему, можетъ быть раздѣлена на внѣшнюю и внутреннюю. Къ первой, т.-е. внѣшней, дѣятельности надо прежде всего отнести его участіе въ дѣлѣ спасенія предназначавшихся къ уничтоженію или разрушенію не только памятниковъ старины, но и ихъ хранилищъ. Такимъ образомъ, благодаря энергичнымъ и настойчивымъ хлопотамъ Общества, удалось отстоять сохраненіе Каменецкаго Музея въ Каменецъ-Подольскѣ, предназначеннаго мѣстнымъ преосвященнымъ къ свалкѣ въ запасныя помѣщенія архіерейскаго дома, съ цѣлью передѣлать его помѣщеніе на квартиры нѣкоторымъ изъ членовъ его клира. Равнымъ образомъ и священная Пицундская роща, съ ея замѣчательными памятниками старины, и древнѣйшіе храмы Сухумской епархіи не только были спасены Обществомъ отъ уничтоженія, но роща даже ограждена Намѣстникомъ Кавказа отъ всякихъ на нее и ближайшія къ ней мѣста покушеній желѣзнодорожнаго вѣдомства, а на поддержку храмовъ Сухумской епархіи Св. Синодомъ даже отпущены средства, въ томъ числѣ 10000 руб. изъ спеціальныхъ суммъ и 2000 руб., пожалованныхъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ.

Затѣмъ, внѣшняя дѣятельность была направлена главнымъ образомъ на подготовительныя работы къ XVI Археологическому Съѣзду и частью на раскопки въ другихъ мѣстахъ. Къ Съѣзду были произведены раскопки В. Н. Крейтономъ, І. К. Линдеманомъ, Г. М. Казаковымъ въ Псковской губ., А. И. Колмогоровымъ въ Тихвинскомъ уѣздѣ, Тверской губ., Н. Н. Соболевъ изучалъ древности г. Торопца, А. И. Анисимовъ — Новгородскіе храмы; Церковно-Археологическое Общество въ Псковѣ обслѣдовало 3 уѣзда.

Внѣ этихъ работъ были произведены раскопки І. К. Линдеманомъ въ Московской губ., В. Л. Тимофеевымъ — въ Кубанской области, И. Я. Стеллецкимъ и Н. А. Янчукомъ — въ Полтавской губ. І. І. Іодковскій продолжалъ изученіе военно-церковнаго зодчества въ Литвѣ и, въ частности, изучалъ остатки замѣчательнаго замка въ м. Мирѣ, Минской губ.; Б. И. Дунаевъ совершилъ археологическую поѣздку въ Архангельскую, Вологодскую Костромскую, Пермскую и Вятскую губ. Отчеты о всѣхъ этихъ занятіяхъ и командировкахъ уже были частью представлены Обществу, частью же еще разрабатываются.

Переходя теперь къ внутренней дѣятельности Общества можно отмѣтить, что по количеству засѣданій въ минувшемъ году она была какъ будто слабѣе предыдущихъ лѣтъ, выразившись всего въ 17 засѣданіяхъ, изъ коихъ 1 было годичное, 1 чрезвычайное — 7 февраля, 1 совмѣстное съ Архитектурнымъ Обществомъ въ память Казакова, 10 обыковенныхъ и 4 распорядитель-

ныхъ. Однако по количеству и интересности докладовъ этотъ годъ былъ нисколько не бѣднѣе предшествовавшаго. Въ распорядительныхъ засѣданіяхъ обсуждались дѣла административныя, хозяйственныя и внутренняго распорядка, въ остальныхъ же были сдѣланы слѣдующіе 34 доклада:

1. А. И. Анисимова. Новооткрытыя Новгородскія фрески.
И. С. Бѣляева. Памятники бояръ Романовыхъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.
И. Н. Бороздина. Русская археологія въ 1911 году.
» Научная работа археологическаго съѣзда въ Римѣ.
5. » Успѣхи русской археологіи въ царствованіе Дома Романовыхъ.
А. М. Васнецова. Древнее Симеизское кладбище въ Крыму.
Е. И. Вашкова. Исторія русскихъ колоколовъ.
В. В. Гольмстенъ. Изслѣдованіе могильника близь Чортова Городища подъ Уфой.
В. А. Городцова. Археологическія изслѣдованія въ Горійскомъ уѣздѣ, Тифлисской губ.
10. » Проекты плана изслѣдованій Псковской губ. лѣтомъ 1913 года.
» О сочиненіи Фомина «Искусство палеолитическаго періода въ Европѣ».
Б. И. Дунаева. Впечатлѣнія и переживанія Галичскаго человѣка Зиновьева въ 1815 году.
І. І. Іодковскаго. О замкѣ въ м. Мирѣ, Минской губ.
Д. И. Иловайскаго. Предсмертный эпизодъ изъ царствованія царя Михаила Ѳеодоровича.
15. В. Ковловской. Археологическая находка въ руслѣ р. Десны, близь пустыни св. Николая.
А. И. Колмогорова. Раскопки въ Тихвинскомъ уѣздѣ, Тверской губ. лѣтомъ 1912 года.
І. К. Линдеманъ. Культъ домового при свѣтѣ археологическихъ данныхъ.
» Археологическія изслѣдованія въ Псковской губ., въ 1912 году.
» Римскій археологическій съѣздъ.
20. » Археологическія изслѣдованія въ Московской губ.
Н. Е. Макаренко. Полтавскій кладъ.
Н. А. Маркса. По поводу изданія Мстиславовой и Хутынской грамотъ.
И. П. Машкова. Памяти Н. В. Никитина.
25. А. А. Миллера. Раскопки въ районѣ древняго Танаиса въ 1908—11 годахъ.
В. Ѳ. Миллера. Отголоски событій царствованія царя Іоанна Грознаго въ историческихъ пѣсняхъ.
Б. С. Пушкина. Дворъ боярина Никиты Ивановича Романова.
П. С. Рыкова. Раскопки въ Обоянскомъ у., Курской губ.
Н. В. Рождественскаго. Біографическія данныя о Н. В. Никитинѣ.
И. В. Рыльскаго. Памяти С. У. Соловьева.
30 Л. М. Савелова. Бояре Романовы и ихъ родственныя связи.
В. К. Трутовскаго. Отчетъ за 1911—1912 года.
Гр. П. С. Уваровой. Памяти 300-лѣтія избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.
И. В. Цвѣтаева. Карлъ Карловичъ Герцъ.
34. Н. В. Шлыткиной. Раскопки близь г. Лубенъ, Полтавской губ. въ 1912 году.

Изъ состоящихъ при Обществѣ Комиссій, старѣйшая — **Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ**, въ истекшемъ году была отмѣчена особенно важнымъ въ жизни ея событіемъ Прежде всего слѣдуетъ указать на то милостивое вниманіе, какого удостоились представители Общества В. К. Трутовскій и И. П. Машковъ при пріемѣ ихъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ, состоявшимся 31 мая 1912 года. Согласно рѣшенія Комиссіи, означенныя лица имѣли счастье представить Государю альбомъ фотографій древнихъ памятниковъ, служившихъ заботою Общества въ смыслѣ ихъ охраненія отъ разрушенія и

искаженія, памятниковъ, реставрированныхъ подъ наблюденіемъ Общества и, наконецъ, памятниковъ, разрушенныхъ или искаженныхъ, вопреки запрещенію Общества. Во время объясненій, сдѣланныхъ И. П. Машковымъ по поводу представленныхъ въ альбомѣ снимковъ съ памятниковъ, Его Величество милостиво изволилъ интересоваться подробностями дѣлъ, относящихся къ этимъ памятникамъ; въ заключеніе Государь сказалъ, что интересуется и слѣдитъ за полезною дѣятельностью Общества и желаетъ ему успѣха.

Въ отчетномъ году Комиссія понесла тяжелую утрату въ лицѣ скончавшихся: товарища предсѣдателя Комиссіи Н. В. Никитина и бывшаго секретаря Комиссіи С. У. Соловьева. Н. В. избранъ въ члены-корреспонденты 3 октября 1877 года., а въ слѣдующемъ году въ дѣйствительные члены; въ теченіе 35-лѣтней своей работы въ Обществѣ Н. В. принималъ самое горячее участіе во всѣхъ болѣе или менѣе серьезныхъ дѣлахъ; послѣ же смерти К. М. Быковскаго (3 октября 1906 г.) Н. В. Никитинъ, 16 ноября того же года, единогласно былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя, въ каковой должности и состоялъ до дня смерти; въ отчетномъ году по случаю болѣзни Н. В. былъ лишенъ возможности принимать участіе въ дѣлахъ Общества и просилъ освободить его отъ этихъ обязанностей, но Комиссія, во вниманіе къ огромнымъ заслугамъ незабвеннаго Н. В., просила его остаться въ должности товарища предсѣдателя. С. У. Соловьевъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Общества 25 апрѣля 1890 года., а въ дѣйствительные члены 15 марта 1891 года и въ теченіе 15 лѣтъ исполнялъ трудныя обязанности секретаря Комиссіи; кромѣ того, С. У. участвовалъ въ осмотрахъ и другихъ дѣлахъ, связанныхъ съ дѣятельностью Комиссіи, а равно исполнялъ всѣ возлагавшіяся на него порученія Общества.

Въ отчетный періодъ Комиссія имѣла 46 засѣданій, на которыхъ было доложено 325 дѣлъ. Законченныя дѣла слѣдующія:

I. *Разрѣшенъ ремонтъ:* 1) Собора въ г. Соликамскѣ. 2) Собора Михаила Архангела въ Чудовомъ монастырѣ. 3) Церкви Погоста Воскресенскаго-Колнина, Владимірской губ. 4) Церкви Покровскаго Суздальскаго монастыря. 5) Малешской Кладбищенской церкви, Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губ. 6) Паперти при церкви села Троицкаго, Владимірской губ. 7) Въ Лыхненскомъ храмѣ, Гудаутскаго участка въ Абхазіи. 8) Церкви села Селевкина, Дмитровскаго уѣзда, Московской губ. 9) Уничтожить контрфорсы у Николо церкви во Владимірѣ. 10) Устроить придѣлъ въ Никольскомъ храмѣ Новоспасскаго монастыря. 11) Переустроить паперть церкви села Антилохова, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губ. 12) Ремонтъ Тиматисъ-Убанскаго храма въ Грузіи.

II. *Разрѣшено устройство и ремонтъ отопленія:* 1) Въ Христорождественской церкви села Измайлова, Московской губ. и у., 2) въ церкви села Киберчина, 3) въ Воскресенской церкви Павловскаго посада, 4) въ церкви села Вешнякова, Московскаго уѣзда, 5) въ Входо-Іерусалимской церкви, близъ г. Вереи.

III. *Ремонтъ иконостасовъ, стѣнописи и иконъ:* 1) въ соборномъ храмѣ Саввино-Сторожевскаго монастыря, 2) въ церкви на Филяхъ, Московскаго уѣзда.

IV. *Отказано въ разрѣшеніи:* 1) Устроить лавки въ оградѣ Селижаровскаго монастыря, Тверской губ., 2) сдѣлать пристройку къ церкви села Троицкаго, Переяславскаго уѣзда, Владимірской губ., 3) сломать древнее зданіе въ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ, 4) пристроить придѣлъ къ церкви Серпуховского Владычнаго монастыря, 5) пристроить паперть къ Михайловской, въ Овчинкахъ, церкви, 6) сломать церковь села Зазкомицъ, Суздальскаго уѣзда.

V. *Разрѣшено:* 1) Сломать деревянную позднѣйшую пристройку къ церкви въ селѣ Бородинѣ и устроить тамъ же желѣзную лѣстницу, 2) сломать деревянный храмъ въ селѣ Никито-Ивдельскомъ, Верхотурскаго уѣзда, Екатеринбургской губ., 3) перенести деревянный храмъ изъ Ертархскаго завода, Пермской губ. въ дер. Антракъ, Шадринскаго уѣзда, 4) перенести церковь погоста Воскресенскаго-Волнина, Переяславскаго уѣзда, 5) перелить 4 колокола въ Махрищскомъ монастырѣ.

Кромѣ того, были возбуждены слѣдующія дѣла: 1) Въ городѣ Осташковѣ, Тверской губ., при мѣстномъ соборѣ, существуетъ прекрасная колокольня XVII вѣка. У мѣстныхъ людей возникла мысль сломать ее и на мѣстѣ этого памятника построить новую колокольню, на что и собраны средства, древнюю колокольню не ремонтируютъ и не поддерживаютъ. Общество поручило члену Комиссіи Д. П. Сухову осмотрѣть памятникъ и выяснить его настоящее состояніе; изъ доклада Д. П. видно, что колокольня, хотя и требуетъ ремонта, но находится въ хорошемъ состояніи и представляетъ интересъ въ археологическомъ отношеніи. Тогда Общество обратилось къ архіепископу съ просьбой не допускать уничтоженія этого памятника. 2) Предполагалось перестроить бывшій архіерейскій домъ въ Ростовскомъ кремлѣ для Духовной семинаріи. Для осмотра предполагаемой передѣлки были командированы члены Комиссіи И. В. Рыльскій и А. М. Гуржіенко, представившіе особый докладъ, на основаніи котораго было сообщено архіепископу, что перестройка и передача зданія другому учрежденію допущена быть не можетъ. 3) Въ Москвѣ появились извѣстія о намѣреніи духовнаго начальства сломать существующую часовню Иверской иконы Божіей Матери и на ея мѣстѣ построить новую. Слухъ этотъ могъ осуществиться, вслѣдствіе чего Общество сочло необходимымъ обратиться къ Св. Синоду съ просьбой не нарушать московской святыни. 4) Московская Городская Дума рѣшила соорудить на стѣнѣ Кремля икону свв. Кирилла и Меѳодія и свв. кн. Владиміра и Ольги. Общество сообщило Управѣ, что Московскій Кремль является памятникомъ крѣпостного сооруженія и имѣетъ огромное историческое значеніе, а потому нежелательно измѣнять этотъ характеръ и водруженіе иконы свв. Первосвятителей древней Руси было бы цѣлесообразнѣе, по мнѣнію Общества, произвести въ одномъ изъ просвѣтительныхъ городскихъ учрежденій Москвы. 5) Селижаровское городское упрощенное управленіе, Тверской губ., обратилось въ Общество съ просьбой не допускать устройства лавокъ, вмѣсто стѣнъ древняго Троицкаго-Селижарова монастыря. По этому дѣлу Общество снеслось съ губернаторомъ и епископомъ, прося не разрѣшать этой перестройки. 6) Общество обращалось съ ходатайствомъ къ Намѣстнику Его Величества на Кавказѣ, гр. Воронцову-Дашкову воспрепятствовать постройкѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ сосновой рощѣ, на берегу Чернаго моря. Ходатайство это принято во вниманіе и Общество получило извѣщеніе, что роща будетъ сохранена. Также былъ возбужденъ Обществомъ вопросъ о сохраненіи въ настоящемъ видѣ Погонно-Лосиноостровской лѣсной дачи, для чего оно обратилось въ Московско-Тверское Управленіе Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ; просьба эта встрѣчена сочувственно и Управленіемъ возбуждено соотвѣтствующее ходатайство передъ Министерствомъ. 7) По вопросу о метрополитэнѣ Общество обращалось къ Министерству Внутреннихъ дѣлъ, съ просьбой обратить вниманіе на опасность грозящую древнимъ зданіямъ отъ прокладокъ тоннеля метрополитэна вблизи нихъ. 8) Порховское уѣздное земство обратилось къ Обществу съ просьбой принять въ свое вѣдѣніе Порховскія крѣпостныя стѣны и на ремонтъ ихъ было отпущено 300 руб. Для осмотра стѣнъ былъ командированъ членъ Комиссіи А. М. Гуржіенко, который и представилъ докладъ о состояніи стѣнъ и сдѣлалъ необходимыя указанія для ближайшаго ихъ ремонта. 9) По заявленію І. І. Іодковскаго о плохомъ состояніи и ближайшемъ исчезновеніи интересныхъ древнихъ памятниковъ: церкви въ мѣстечкѣ «Каменки», Гродненскаго уѣзда (1580 г.) (рядомъ съ ней построенъ новый костелъ) — въ мѣстности «Крынки», Гродненской губ. и мѣстечкѣ «Сапѣжишки», Сувалкской губ., гдѣ существуетъ интересный, уже закрытый костелъ. По этимъ дѣламъ Общество обратилось къ губернатору и въ Римско-католическую консисторію, съ просьбой сохранить и поддержать упомянутые памятники. Губернаторъ сообщилъ, что костелъ въ «Каменкахъ» уже сломанъ. 10) По докладу Н. Н. Соболева, Общество обратилось съ просьбой къ губернатору и епископу не допускать сломки церкви погоста Бѣлькова, находящейся между Торопецкимъ и Холмскимъ уѣздами губ. и къ настоятелю Срѣтенскаго монастыря по поводу предполагаемыхъ работъ по ремонту церкви св. Маріи Египетской. Общество обращалось съ ходатайствомъ

въ Св. Синодъ объ отпускѣ средствъ для поддержанія церкви въ Икорнѣ. Тифлисской губ.; въ отвѣтъ на это ходатайство было сообщено объ отпускѣ 2000 руб. изъ средствъ Св. Синода. 11) Общество обращалось: а) къ Минскому губернатору, съ просьбой не допускать предполагавшейся сломки костела, построеннаго въ 1662 г., б) къ Пермскому губернатору съ просьбой приспособить древній XVII вѣка «Воеводскій домъ» для какого-либо просвѣтительнаго учрежденія и принять мѣры къ его сохраненію, в) къ Московскому Дворцовому Управленію, съ указаніемъ на необходимость красить Архангельскій и Благовѣщенскій соборы бѣлой краской, а не какимъ-либо подцвѣченнымъ колеромъ, г) въ Астраханскую консисторію, съ просьбой не допускать сломки церкви Смоленской Божіей Матери XVII вѣка д) въ Военно-Окружное инженерное управленіе по поводу прибавки оконъ въ зданіи Комиссаріата, при чемъ управленіе обѣщало задѣлать пробитыя окна, е) въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ объ отпускѣ средствъ на поддержаніе Бодійскаго храма, согласно просьбѣ о томъ Сухумскаго епископа, ж) къ Харьковскому епископу въ просьбой о сохраненіи Каплуновской церкви въ гор. Харьковѣ и о ремонтѣ Покровскаго собора въ мужскомъ монастырѣ. 12. Въ отчетномъ году опять возникъ вопросъ о Сардарскомъ дворцѣ въ Эривани. Какъ извѣстно, военное министерство рѣшило сломать этотъ интересный памятникъ, за неимѣніемъ средствъ (около 20000 р.) на его поддержаніе. 31-го мая, при представленіи депутатовъ Общества Его Императорскому Величеству, между прочими памятниками Государь обратилъ вниманіе и на Сардарскій дворецъ и выразилъ желаніе, чтобы дворецъ былъ сохраненъ. На сообщеніе Намѣстнику Кавказа о послѣдовавшемъ Высочайшемъ пожеланіи Общество получило отвѣтъ, въ которомъ Обществу предлагалось принять этотъ памятникъ въ свое вѣдѣніе. Комиссія рѣшила представить на рѣшеніе Общества вопросъ о принятіи этого предложенія, при условіи отпуска необходимыхъ на ремонтъ и охрану его средствъ.

Въ отчетномъ году дѣятельность членовъ Комиссіи по осмотру памятниковъ выразилась въ слѣдующемъ:

С. У. Соловьевъ, А. Ф. Мейснеръ, Д. П. Суховъ, В. В. Шейманъ и З. И. Ивановъ осмотрѣли Вознесенскій монастырь и Чудовъ; Ф. Ф. Горностаевъ, Д. П. Суховъ и И. П. Машковъ — ? А. М. Гуржіенко и И. В. Рыльскій осмотрѣли башни и стѣны Новгорода. Ф. Ф. Горностаевъ, В. В. Шейманъ, А. М. Гуржіенко и И. П. Машковъ — колокольню церкви Владимірской Божіей Матери. Ф. Ф. Горностаевъ — зданіе Интендантства въ Воронежѣ. З. И. Ивановъ-Покровскій и Ново-Спасскій монастыри, Д. П. Суховъ — домъ кн. Ливенъ на Покровкѣ, Ново-Іерусалимскій монастырь, Воскресенскія ворота, соборы въ г. Вологдѣ и Соликамскѣ, А. Ф. Мейснеръ — церковь св. Никиты въ Ново-Спасскомъ монастырѣ. В. В. Шейманъ — церковь села Покровскаго, Звенигородскаго уѣзда, церковь села Фили, А. М. Гуржіенко — Саввино-Сторожевскій монастырь, церковь Воскресенія въ Кадашахъ, С. Д. Милорадовичъ — икону церкви Владимірской Божіей Матери на Никольской улицѣ, И. В. Рыльскій — церковь села Вешнякова, Московскаго уѣзда, А. А. Латковъ — церковь села Селевкина, Дмитровскаго уѣзда. Кромѣ того, по просьбѣ Общества, членъ Общества И. С. Бѣляевъ произвелъ осмотръ колоколовъ въ Махрищскомъ монастырѣ.

Въ Высочайше учрежденной комиссіи по реставраціи Успенскаго собора представителями Общества состояли З. И. Ивановъ и И. П. Машковъ, а за избраніемъ И. П. Машкова производителемъ работъ, представителемъ Общества на его мѣсто избранъ художникъ А. М. Коринъ. И. П. Машковъ и И. В. Рыльскій, согласно Высочайшему соизволенію, вошли въ составъ Высочайше учрежденной комиссіи по реставраціи собора Василія Блаженнаго. З. И. Ивановъ по порученію Общества, имѣлъ наблюденіе за реставраціей Спасской и Набатной башенъ, а обмѣръ ихъ былъ порученъ Д. П. Сухову. И. В. Рыльскій имѣлъ наблюденіе за реставраціей Меншиковой башни и производилъ обмѣръ церкви села Алексѣевскаго Московскаго уѣзда. И. В. Рыльскій, а впослѣдствіи, кромѣ него, Ф. Ф. Горностаевъ, Д. П. Суховъ и

А. М. Гуржіенко были представителями Общества въ комиссіи по реставраціи Крутицкаго теремка. С. Д. Милорадовичъ и Ф. Ф. Горностаевъ — по реставраціи церкви Спаса на Сѣняхъ; Д. П. Суховъ — въ комиссіи по реставраціи Воскресенскихъ и Тріумфальныхъ воротъ и И. П. Машковъ въ Комиссіи по реставраціи Преображенскаго собора въ Ново-Спасскомъ монастырѣ, въ комиссіи по надзору за сохранностью Китай-Городской стѣны, въ составѣ жюри по конкурсу на обелискъ въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ въ Александровскомъ саду и, кромѣ того, состоялъ членомъ строительной комиссіи по перестройкѣ и новымъ постройкамъ Румянцевскаго Музея.

Въ составъ жюри по конкурсу памятниковъ патріарху Гермогену и архимандриту Діонисію входили члены Комиссіи С. Д. Милорадовичъ, И. В. Рыльскій и И. П. Машковъ.

Кромѣ того, И. П. Машковъ принималъ участіе, совмѣстно съ В. К. Трутовскимъ и С. К. Богоявленскимъ, въ засѣданіяхъ комиссіи «Государственной Думы, избранной для разсмотрѣнія законопроекта объ охранѣ памятниковъ древности».

Въ отчетномъ году въ составъ комиссіи были избраны архитектора А. А. Латковъ и Н. Б. Баклановъ и художникъ А. М. Коринъ. Товарищемъ Предсѣдателя былъ избранъ И. П. Машковъ, а секретаремъ на его мѣсто И. В. Рыльскій.

Въ заключеніе настоящаго отчета слѣдуетъ указать еще на два дѣла, бывшія предметомъ сужденія Комиссіи и являющіяся характерными для даннаго времени.

Еще въ прошломъ отчетѣ было отмѣчено дѣло о застройкѣ доходнымъ домомъ замѣчательнѣйшаго памятника древне-русскаго зодчества — церкви Рождества въ Путинкахъ, на Малой Дмитровкѣ. Доходный домъ построенъ, вопреки закону, безъ надлежащаго разрѣшенія и при отказѣ утвердить планы со стороны градоначальника, сносившагося по этому поводу съ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, въ виду возбужденнаго Обществомъ вопроса о правильномъ пониманіи ст. 105 Строит. Устава, наконецъ при наличности возбужденія судебной властью по этому дѣлу слѣдствія; тѣмъ не менѣе, на представленіе Общества по сему Св. Синоду былъ полученъ отвѣтъ, въ которомъ излагалось: 1) что постройка дома произведена не ради промышленныхъ цѣлей, а для обезпеченія церкви и для осуществленія ея просвѣтительной и благотворительной дѣятельности въ приходѣ; 2) что постройка производилась съ разрѣшенія Московской Городской Управы и епархіальнаго начальства; 3) что храмъ совершенно не застроенъ со стороны своего фасада, и 4) что постройка уже оканчивается, и потому Св. Синодъ постановилъ ходатайство Общества о запрещеніи производства постройки отклонить.

Въ отвѣтъ на это отношеніе Св. Синоду было сообщено слѣдующее: 1) доходный домъ построенъ такъ, что погостъ между домомъ и храмомъ служитъ для дома чернымъ дворомъ; всѣ кухни, черная лѣстница, задняя часть магазиновъ и служебныя помѣщенія расположены по близости отъ оконъ храма и св. алтаря, и такое отношеніе къ православному храму-памятнику не можетъ не возмущать православныхъ людей и никакое осуществленіе якобы просвѣтительной и благотворительной дѣятельности въ приходѣ не можетъ служить оправданіемъ для застройки храма, который теперь занимаетъ въ церковномъ владѣніи второстепенное мѣсто, уступая главное, преобладающее, двумъ доходнымъ домамъ, стѣснившимъ его съ двухъ сторонъ; 2) что Св. Синоду, повидимому, представлена не точная справка, такъ какъ разрѣшенія Московской Городской Управы у причта нѣтъ, въ чемъ Св. Синодъ можетъ легко удостовѣриться, если потребуетъ представленія этого разрѣшенія; 3) что Путинковскій храмъ дѣйствительно не застроенъ съ западной стороны, но съ этой стороны причтъ и не могъ его застроить, такъ какъ здѣсь проходитъ улица М. Дмитровка; 4) то обстоятельство, что постройка дома продолжается вопреки закону, не можетъ, по мнѣнію Общества, имѣть значенія для дѣла и лишь характеризуетъ отношеніе къ закону и древнимъ художественнымъ памятникамъ-храмамъ тѣхъ, на обязанности которыхъ лежитъ ихъ охрана отъ безцеремонныхъ предпринимательскихъ посягательствъ.

Второе дѣло касается зданія церкви Московскаго Университета. Члены Комиссіи замѣтили, что у этого зданія поставлены лѣса. Было рѣшено запросить правленіе Университета о томъ, какія предполагаются работы. Правленіе увѣдомило Общество, что на парапетѣ зданія храма предполагается поставить крестъ и надпись славянскимъ шрифтомъ «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ». Комиссія не нашла возможнымъ согласиться на предложенное Правленіемъ добавленіе къ существующему фасаду, послѣ чего вопросъ этотъ былъ перенесенъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, которое, сообщая Обществу о желаніи жертвователя г. Болина «украсить» храмъ и о неимѣніи къ тому съ своей стороны препятствій, просило Общество, не найдетъ ли оно возможнымъ согласиться на это «украшеніе» и помочь въ дѣлѣ выбора рисунка креста и шрифта надписи. Въ это время крестъ и надписи, хотя и не были еще поставлены, но были уже совсѣмъ приготовлены къ постановкѣ.

Комиссія, обсудивъ всесторонне означенное предложеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, отвѣтила слѣдующее:

1) Зданіе, въ которомъ устроенъ храмъ во имя св. Великомученицы Татіаны, является художественнымъ памятникомъ извѣстной эпохи и, какъ таковой, долженъ быть охраняемъ отъ какихъ бы то ни было добавленій или измѣненій его вида; въ частности, предлагаемое г. Болинымъ «украшеніе» Общество считаетъ не соотвѣтствующимъ характеру памятника и украшеніемъ его служить не можетъ. 2) Не считая себя компетентнымъ въ рѣшеніи вопросовъ религіознаго характера, Общество не входитъ въ обсужденіе предполагаемыхъ измѣненій вида храма съ религіозной точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе не можетъ не обратить вниманія на то, что существующая университетская церковь была устроена въ 1837 году съ Высочайшаго соизволенія и съ благоволенія высокочтимаго іерарха русской православной церкви митрополита Филарета, который лично и освятилъ сей храмъ, столь высокій авторитетъ знаменитаго православнаго іерарха даетъ Обществу увѣренность, что внѣшній видъ храма вполнѣ отвѣчаетъ его внутреннему смыслу и не нуждается въ позднѣйшихъ добавленіяхъ.

Въ виду изложеннаго Общество не находитъ возможнымъ согласиться на измѣненіе фасада художественнаго памятника-храма и считаетъ необходимымъ сохранить его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, по волѣ Монарха, былъ освященъ святѣйшимъ митрополитомъ Филаретомъ.

Послѣ этого, черезъ довольно продолжительный періодъ времени, заблаговременно заготовленное «украшеніе» г. Болина, несмотря на протестъ Общества, было поставлено на мѣсто.

Восточная Комиссія, состоявшая подъ предсѣдательсвомъ В. К. Трутовскаго, при товарищѣ предсѣдателя гр. П. С. Уваровой и секретарѣ А. Е. Крымскомъ, закончила въ истекшемъ году четверть столѣтія своего существованія. Окончаніе ея 25-лѣтія приблизительно совпадаетъ съ предстоявшимъ 45-лѣтіемъ научно-литературной дѣятельности перваго ея предсѣдателя-основателя Ѳ. Е. Корша и съ 70-лѣтіемъ его жизни. Комиссія въ ознаменованіе этихъ дней, постановила издать очередной томъ своихъ трудовъ «Древностей Восточныхъ» въ увеличенномъ объемѣ, назвать его юбилейнымъ и посвятить академику Ѳ. Е. Коршу. Въ печатаніи юбилейнаго тома приняли самое живое участіе всѣ члены Комиссіи и онъ выдѣляется количествомъ помѣщенныхъ въ немъ работъ. Прилагаются старанія, чтобы день выхода сборника въ свѣтъ совпалъ съ днемъ семидесятилѣтія жизни Ѳ. Е. Корша.

Кромѣ того, въ своихъ засѣданіяхъ (4) Комиссія разрабатывала вопросы восточной археологіи, исторіи и лингвистики преимущественно ближне-мусульманской и кавказской, главнымъ образомъ на основаніи поѣздокъ, лично совершенныхъ членами Комиссіи на востокъ.

Предсѣдатель В. К. Трутовскій предложилъ обсужденію Комиссіи казанскую программу систематическихъ изслѣдованій Болгарскаго городища, къ которой онъ самъ сдѣлалъ рядъ дополненій.

И. Я. Стеллецкій, въ докладѣ, озаглавленномъ «Подземный Іерусалимъ», изложилъ открытія послѣдняго времени въ этой области, главнымъ образомъ, подъ храмомъ Соломоновымъ.

В. А. Гордлевскій былъ въ качествѣ депутата на XVI Международномъ конгрессѣ оріенталистовъ въ Аѳинахъ, въ апрѣлѣ 1912 года, и доложилъ Комиссіи о работахъ исламской секціи на этомъ конгрессѣ. Ему же принадлежитъ обширный рефератъ «Объ османской личной ономастикѣ», какъ по документальнымъ матеріаламъ, такъ и по матеріаламъ, лично собраннымъ на мѣстѣ, въ Турціи.

Нѣсколько поѣздокъ на Кавказъ, въ предѣлы бывшаго Ширванскаго шахства, совершилъ А. Г. Тумановъ и результаты своихъ поѣздокъ доложилъ въ трехъ сообщеніяхъ: 1) «Объ армянскихъ надписяхъ въ развалинахъ Кошк-и-Хачъ, подъ Елисаветполемъ». 2) «Армянскія рукописныя евангелія г. Елисаветполя XII вѣка». 3) «Этимологія слова «кчахаш» въ связи съ этнографическими наблюденіями надъ характеромъ обычая «кчахаш».»

Кромѣ того, имъ же сдѣланъ обширный докладъ: «Свѣдѣнія старинныхъ армянскихъ писателей, отъ епископа Себеоса VI в. до писателей XII в., относительно Махаммеда и ислама».

В. М. Заваринъ представилъ вниманію Комиссіи собранныя имъ (во время поѣздки въ Брусу, въ Малой Азіи) фонетическія записи произведеній турецкой народной словесности, среди которыхъ выдѣляется коллекція малоазіатскихъ загадокъ.

В. А. Гордлевскій доложилъ большую коллекцію собранныхъ имъ арабскихъ простонародныхъ пословицъ изъ Дамаска, записанныхъ съ соблюденіемъ особенностей мѣстнаго арабскаго говора.

Секретаремъ А. Е. Крымскимъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія: 1) «Изъ области арабской лингвистики». 2) «Персидскій поэтъ XV вѣка Джамій», опытъ установленія хронологическихъ датъ его жизни и его произведеній.

Комиссія понесла двѣ тяжелыхъ утраты въ лицѣ скончавшихся профессора-армениста Г. А. Халатьянца и А. С. Хаханова. Некрологъ Халатьянца прочитанъ былъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ. Памяти Хаханова посвящены были сообщенія секретаря А. Е. Крымскаго и товарища предсѣдателя гр. П. С. Уваровой.

Славянская Комиссія въ истекшемъ году столь же успѣшно продолжала свою дѣятельность, какъ и въ прошломъ. Въ теченіе года было 8 засѣданій, на которыхъ были прочитаны слѣдующія сообщенія:

А. И. Некрасова. Исторія русской культуры въ изложеніи барона Врангеля.
Н. В. Рождественскаго. Изъ области старинныхъ русскихъ хожденій.
А. С. Орлова. Къ біографіи благовѣщенскаго попа Сильвестра.
А. А. Шемшурина. Замѣчанія о Хлудовской лицевой Псалтири IX вѣка.
Б. И. Дунаева. Русскія пѣсни въ картинахъ начала XX вѣка.
А. А. Покровскаго. Поиски въ XVIII вѣка Толковой Псалтири Максима Грека.
» Къ біографіи Антонія Подольскаго.
» Русская проповѣдь въ началѣ XIX вѣка и старый Печатный Дворъ въ 1812 году.
Игумена Никанора. «Присяга хотящимъ взыти на степень священства» — патріарха Іоакима.
» Сокращеніе «Великой науки» Раймунда Люллія Андреемъ Денисовымъ.
А. В. Маркова. Повѣсть о Волотѣ Волотовичѣ и ея отношеніе къ повѣсти о градѣ Іерусалимѣ.
Н. П. Кашина. «Василиса Мелентьева» Островскаго, ея источники и оцѣнка современной критикой.
С. А. Богуславскаго. Древне-русскія литературныя произведенія о свв. кн. Борисѣ и Глѣбѣ.
Б. С. Пушкина. Синодальная типографія и 1812 годъ.
К. В. Покровскаго. Изъ переписки Селивановскаго.

Н. Н. Дурново. Нѣсколько замѣчаній къ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ.

К. В. Покровскаго. Дѣло Пермской Межевой канцеляріи по поводу комедіи «Горе отъ ума».

Е. Н. Елеонской. Представленіе «того свѣта» въ русской народной сказкѣ.

Ю. М. Соколова. Ученый споръ о литературномъ наслѣдіи Авраамія Смоленскаго.

Въ Археографической Комиссіи въ истекшемъ году состоялось два засѣданія, на которыхъ были прочитаны слѣдующія сообщенія:

Г. В. Балицкаго. Топографическое описаніе Псковскаго намѣстничества въ концѣ XVIII вѣка (1789 г.) на основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Военно-ученаго Архива Главнаго Штаба.

Б. И. Дунаева. Максимъ Грекъ и «греческая идея».

Н. А. Маркса. Первые походы русскихъ на Царь-градъ. (Къ тысячелѣтію договора Олега съ греками.)

Д. Д. Галанина. Договоръ 945 года съ греками.

Г-нъ Галанинъ доложилъ лишь первую часть своего обширнаго реферата; вторая часть будетъ доложена въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій. Товарищемъ предсѣдателя Комиссіи вмѣсто Н. Н. Ардашева былъ избранъ Н. А. Марксъ.

Въ настоящее время заканчивается печатаніемъ и имѣетъ появиться въ свѣтъ въ недалекомъ будущемъ очередной томъ «Древностей. Трудовъ Археографической Комиссіи».

Комиссія по изученію Старой Москвы, съ началомъ отчетнаго года, вступила въ третій годъ своего существованія. На 1-е января состояло 96 членовъ Комиссіи, вновь избрано въ 1912 году 21 лицо. Такимъ образомъ, къ 1 января 1913 году всего состоитъ членовъ Комиссіи 117 человѣкъ.

Въ товарищи предсѣдателя Комиссіи, вслѣдствіе отказа по болѣзни гр. К. А. Хрептовича-Бутенева, избранъ Э. В. Готье. Предсѣдателемъ Комиссіи состоитъ гр. П. С. Уварова, а секретаремъ И. С. Бѣляевъ.

Для усиленія дѣятельности Комиссіи избранъ особый совѣтъ въ составѣ 5 лицъ: А. А. Бахрушина, И. Е. Бондаренко, И. П. Машкова, К. Н. Солодовникова и кн. С. А. Щербатова.

Въ теченіе года состоялось 10 засѣданій Комиссіи, на которыхъ были прочитаны слѣдующіе доклады:

Г. В. Балицкаго. О планѣ Москвы 1800 года съ описаніемъ какъ самой столицы, такъ и ея уѣздовъ.

Ю. И. Шамурина. Московское «Campo-Santo», или обзоръ памятниковъ въ монастыряхъ и кладбищахъ.

Н. А. Александрова. О народномъ гуляніи подъ Новинскимъ въ 20—30-хъ годахъ XVIII ст.— по документамъ Московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ.

И. С. Бѣляева. О карточной игрѣ въ банкъ-фаро поэта Г. Р. Державина въ Москвѣ въ 1779 году.

» О планѣ Москвы генеральнаго межеванія 1775 года — изъ коллекцій Э. В. Готье.

» О залѣ старой Москвы на выставкѣ въ память 1812 года въ Историческомъ Музеѣ.

З. И. Иванова. О реставраціи древняго Крутицкаго теремка въ Москвѣ.

В. К. Трутовскаго. О золотой табакеркѣ изъ Порѣчскаго музея гр. Уваровой, по преданію — свадебномъ подаркѣ Императрицы Елисаветы гр. А. Г. Разумовскому (съ демонстраціей самаго предмета).

И. Я. Стеллецкаго. О планѣ Москвы послѣ пожара въ 1812 году.

П. Н. Зенбицкаго. О планѣ дома канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина, на берегу Яузы, въ Нѣмецкой слободѣ (съ демонстрированіемъ самаго плана).

П. Н. Зенбицкаго. О пожарѣ въ Москвѣ подъ Новинскимъ въ 1736 году съ демонстрированіемъ «иллюминованнаго» плана пожара.

С. Н. Пѣтухова. О старыхъ московскихъ городскихъ рядахъ, построенныхъ въ 1860 году архит. Бове.

П. Н. Миллера. Памяти Петра Ивановича Щукина.

А. В. Орѣшникова. О медали въ память столѣтія войны 1812 года выпущенной Московскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ (съ демонстраціей самой медали).

Н. М. Клементьевскаго. Ростъ старой Москвы.

Въ виду того, что интересъ къ взаимному обмѣну мыслей по предметамъ, касающимся старой Москвы, былъ явнымъ и по окончаніи весенняго сезона Комиссіи, было рѣшено большинствомъ голосовъ продолжать засѣданія Комиссіи и въ лѣтнее время. Всего таковыхъ лѣтнихъ собраній состоялось въ домѣ Археологическаго Общества на Берсеневкѣ 3; на нихъ, между прочимъ, былъ прочитанъ докладъ П. Н. Зенбицкаго «О народныхъ гуляніяхъ и раешникахъ въ Москвѣ въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія».

Продолжались работы по составленію библіотечныхъ библіографическихъ карточекъ печатныхъ трудовъ по исторіи Москвы, для изданія въ будущемъ каталога книгъ по этой исторіи. Предсѣдателемъ Общества гр. П. С. Уваровой было представлено 72 таковыхъ карточки — опись ея собственной библіотеки, Э. В. Готье 122 карточки и, наконецъ, П. Н. Зенбицкимъ 160 карточекъ, представляющихъ полное описаніе книгъ по исторіи Москвы въ библіотекѣ Московскаго архива Министерства Юстиціи.

На засѣданіяхъ Комиссіи демонстрировались старые планы г. Москвы (болѣе 14, съ 1794 по 1866 года изъ коллекціи Э. В. Готье); цѣнная и чрезвычайно тонкой работы золотая круглая коробочка, конца XVIII столѣтія, около 1 вершка въ діаметрѣ, съ миніатюрой — колѣнопреклоненной женщиной и пылающимъ сердцемъ у очага; по преданію, вещица эта принадлежала семьѣ Нарышкиныхъ.

Членами Комиссіи былъ произведенъ осмотръ нѣкоторыхъ старинныхъ зданій Москвы, въ числѣ ихъ дома Юргенсона на Хохловкѣ, нѣкогда занимаемаго Архивомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и дома Леонтьевой — въ Гранатномъ переулкѣ.

Продолжались пожертвованія книгами и предметами для будущаго музея старой Москвы, между ними отъ Э. В. Готье: старинный рисунокъ Воскресенскаго — Новый Іерусалимъ монастыря; рѣдкая гравюра съ французской надписью «Дюкъ Михаилъ Ѳеодоровичъ въ *1612 г.*», изображающая перваго царя изъ дома Романовыхъ въ преклонномъ возрастѣ, и другіе.

Какъ и въ прошломъ году, особенное вниманіе на засѣданіяхъ Комиссіи отводилось вопросу объ образованіи музея Старой Москвы, осуществленіе котораго, несомнѣнно, содѣйствовало бы усиленію пожертвованій предметами родной старины для необходимыхъ коллекцій и расширенію дѣятельности по намѣченной программѣ Комиссіи. Устройство Музея находится въ настоящее время въ зависимости отъ рѣшенія Московской Городской Думы, предъ которой Обществомъ возбуждено ходатайство объ отводѣ подъ помѣщеніе Музея Старой Москвы Сухаревой башни, при участіи въ управленіи Музея представителей города и членовъ Московскаго Археологическаго Общества.

Въ отчетномъ году на средства, пожертвованныя членомъ Комиссіи Г. В. Балицкимъ, былъ изданъ первый выпускъ Трудовъ Комиссіи, заключающій въ себѣ ея доклады въ 1910—1911 гг., подъ названіемъ «Старая Москва». Во время августовскихъ торжествъ въ Москвѣ, экземпляръ этого изданія былъ поднесенъ предсѣдателемъ Общества гр. П. С. Уваровой Государю Императору, при чемъ представленъ былъ и жертвователь Г. В. Балицкій. Государь Императоръ милостиво принялъ книгу и благодарилъ за подношеніе.

Наконецъ Комиссія, въ лицѣ ея предсѣдателя, секретаря и нѣкоторыхъ изъ членовъ, принимала участіе въ соединенномъ публичномъ засѣданіи Археологическаго и Архитектур-

наго Обществъ, устроенномъ въ актовомъ залѣ Московскаго университета въ память столѣтія кончины знаменитаго русскаго зодчаго М. Ѳ. Казакова. На этомъ засѣданіи былъ прочитанъ докладъ секретаремъ Комиссіи И. С. Бѣляевымъ, касающійся біографіи М. Ѳ. Казакова, на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, сохранившихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи.

Вступая въ 4-й годъ своей дѣятельности, Комиссія смѣетъ думать, что идея, положенная въ ея основаніе, все болѣе и болѣе привлекаетъ сочувствіе искреннихъ любителей родной старины, отъ которыхъ она встрѣчаетъ нравственную поддержку. Это даетъ ей смѣлость надѣяться, что и для созданія собственнаго музея Старой Москвы, столь необходимаго для нашей древней исторической столицы, найдутся наконецъ достойные москвичи, которые помогутъ ей и матеріально.

Кавказское отдѣленіе въ истекшемъ году имѣло 5 засѣданій, на которыхъ были прочитаны слѣдующіе доклады:

В. М. Сысоева. Древнія армянскія церкви XIII—XIV в. въ Шаруро-Даралагезскомъ уѣздѣ, Эриванской губ.

» О древнемъ армянскомъ монастырѣ Нораванкъ въ Шаруро-Даралагезскомъ уѣздѣ, Эриванской губ.

К. И. Додаева. О морѳологическомъ строеніи грузинскихъ глаголовъ, въ связи съ основными таблицами Н. Я. Марра.

» О поѣздкѣ въ Мингрелію лѣтомъ 1912 г.

Е. С. Такаишвили. Что заключала въ себѣ такъ называемая исторія Абхазіи грузинскаго царя Баграта, которою пользовался іерусалимскій патріархъ Досиѳей для своей исторіи іерусалимскихъ патріарховъ.

» Краткія свѣдѣнія изъ грузинской исторіи неизвѣстнаго автора.

» Объ археологическихъ изысканіяхъ въ Боржомскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1912 года.

Въ отчетномъ году С. В. Теръ-Аветисьянъ былъ былъ командированъ въ Ахпаѣскій монастырь для археологическихъ изысканій и К. И. Додаевъ въ Мингрелію для собиранія лингвистическихъ матеріаловъ. Е. С. Токайшвили производилъ археологическія изысканія въ Боржомскомъ ущельѣ.

Секретарь отдѣленія Е. С. Токайшвили приступилъ къ печатанію археологическихъ матеріаловъ для III выпуска «Извѣстій отдѣленія», который выйдетъ въ 1913 году.

Библіотека Отдѣленія пополнялась присылаемыми учеными Обществами книгами.

Къ концу отчетнаго года всѣхъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ Отдѣленія было 146.

Въ отчетномъ году Комиссія по разбору и уничтоженію документовъ Губернскаго архива работала на прежнихъ основаніяхъ и собиралась въ прежнемъ составѣ: въ лицѣ предсѣдателя старшаго совѣтника Правленія П. Д. Шереметевскаго, и членовъ представителей: Московскаго Археологическаго Общества И. Я. Стеллецкаго, Министерства Народнаго Просвѣщенія А. А. Стеблева и Министерства Юстиціи г. Щепковскаго, при участіи смотрителя архива Н. А. Александрова.

Минувшій годъ былъ, по независящимъ обстоятельствамъ, однимъ изъ самыхъ непродуктивныхъ въ жизни названной Комиссіи. Въ виду командировки Археологическимъ Обществомъ И. Я. Стеллецкаго для занятій въ Высочайше учрежденной особой комиссіи для разбора губернскаго архива, открывшей занятія съ февраля 1912 г. и прикомандированія Губернскимъ Правленіемъ смотрителя архива для участія въ занятіяхъ той же Комиссіи, Комиссія по уничтоженію документовъ почти не функціонировала. Только съ января 1913 г. она приступила къ занятіямъ. На 6 засѣданіяхъ, изъ которыхъ 4 состоялись въ январѣ, а два въ фев-

ралѣ, Комиссія постановила: 1) разсмотрѣть присланныя отъ Полицейскихъ управленій Московской губ. описи и 2) уничтожить 161 документъ (отдѣльныхъ дѣлъ и томовъ) и оставилъ для храненія 26 дѣлъ изъ архива Московскаго Коммерческаго суда за 1838 годъ.

Въ истекшемъ году Губернскій Архивъ старыхъ дѣлъ продолжалъ находиться въ прежнихъ, мало для этой цѣли приспособленныхъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, помѣщеніяхъ. Составленіе краткаго историческаго очерка названнаго архива, въ связи съ очеркомъ десятилѣтней дѣятельности Комиссіи по разбору и уничтоженію его документовъ, предпринятое И. Я. Стеллецкимъ, по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, въ настоящее время заканчивается. Для статьи по порученію того же Общества, сдѣланы, впервые за время существованія Архива старыхъ дѣлъ, снимки внутреннихъ его помѣщеній. До сихъ поръ сдѣланы три снимка архивныхъ помѣщеній въ кладовыхъ подъ Годуновскимъ зданіемъ Губернскаго Правленія и три снимка таковыхъ же помѣщеній во Владимірской башнѣ Китай-городской стѣны. Снимки аналогичныхъ помѣщеній въ Круглой Китай-городской башнѣ будутъ произведены въ ближайшемъ будущемъ, а въ Никольской и въ Арсенальной кремлевскихъ по полученіи разрѣшенія фотографировать ихъ отъ Дворцоваго Управленія.

О мотивахъ учрежденія Особой Комиссіи, ея характерѣ и задачахъ обстоятельно излагаетъ правительственный, разосланный губернаторамъ, циркуляръ, за подписью Министра Внутреннихъ дѣлъ, сенатора Макарова, отъ 12 января 1912 года, за № 3.

«Государь Императоръ, по поводу помѣщенной въ № 262 Русскаго Инвалида за 1910 годъ статьи о полковой исторіографіи, соизволилъ указать Министру Внутреннихъ дѣлъ на желательность разобраться въ нашихъ губернскихъ архивахъ и обсудить вопросъ о передачѣ на храненіе въ воинскія части или въ военные архивы дѣлъ и документовъ, заключающихъ въ себѣ данныя о минувшей военной старинѣ. Во исполненіе Высочайшей воли я, по соглашенію съ Военнымъ Министромъ, призналъ необходимымъ для разборки губернскихъ архивовъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ образовать въ каждомъ губернскомъ городѣ особыя Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ вице-губернаторовъ, въ составѣ: совѣтника губернскаго правленія, чиновника по назначенію губернатора, члена ученаго учрежденія по археографіи или археологіи (если таковое въ данномъ городѣ имѣется) и представителя военнаго вѣдомства. Начало дѣйствія и окончаніе занятій каждой комиссіи опредѣляется губернаторами, но продолжительность работъ комиссій не должна превышать двухъ мѣсяцевъ. На обязанноси означенныхъ комиссій лежитъ: 1) Разсмотрѣніе непосредственно самыхъ дѣлъ архива, а не только ихъ описей, при чемъ разсмотрѣніе дѣлъ производится въ мѣстахъ ихъ храненія совмѣстно всей комиссіей. 2) Выдѣленіе дѣлъ, могущихъ представить военно-историческій интересъ. Къ числу таковыхъ безусловно должны быть отнесены: приказы, журналы военныхъ дѣйствій, мѣсячные рапорты, послужные списки и пр., также подлежатъ выдѣленію, помимо дѣлъ частей войскъ и военныхъ учрежденій, дѣла, хотя и не принадлежащія къ этой категоріи, но заключающія въ себѣ данныя объ отдѣльныхъ лицахъ военнаго вѣдомства, бытѣ войскъ, о военныхъ сооруженіяхъ, о вызовѣ войскъ для содѣйствій гражданскимъ властамъ, о расквартированіи, передвиженіи и пр. 3) Составленіе краткихъ описей выдѣленныхъ дѣлъ. 4) Передача описей въ Главное Управленіе Генеральнаго штаба (по военно-ученому архиву), которое совмѣстно съ Главнымъ Штабомъ и по совѣту съ Императорскимъ Русскимъ военно-историческимъ обществомъ, рѣшаетъ, какія изъ дѣлъ, включенныхъ въ описи, окончательно должны быть переданы въ военное вѣдомство. До рѣшенія этого вопроса дѣла остаются выдѣленными на прежнихъ мѣстахъ. 5) Пересылка отобранныхъ изъ губернскихъ архивовъ дѣлъ въ новыя хранилища.

Объ изложенномъ имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, для зависящихъ распоряженій, прося: 1) о составѣ комиссій, о времени начала ея работъ, а также объ окончаніи такихъ работъ и объ ихъ результатахъ сообщить Министерству (по Департаменту общихъ дѣлъ); 2) о времени образованія комиссіи заранѣе сообщить въ штабъ подлежащаго военнаго

округа, на предметъ назначенія въ таковую представителя отъ военнаго вѣдомства и 3) о членахъ, назначенныхъ въ составъ комиссіи, сообщить въ Главное Управленіе Генеральнаго штаба и въ Императорское Русское военно-историческое Общество.

Къ сему считаю долгомъ добавить, что осуществленіе настоящей мѣры не должно вызывать расходовъ для казны, а посему чинамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не можетъ быть выдаваемо дополнительное вознагражденіе за занятія ихъ въ Комиссіи».

Согласно приведенному циркуляру, въ Москвѣ была образована, 31 января 1912 г., Особая комиссія для разбора дѣлъ и документовъ Губернскаго Архива, заключающихъ въ себѣ данныя о минувшей военной старинѣ, въ составѣ: 1) предсѣдателя, московскаго вице-губернатора А. М. Устинова; 2) старшаго совѣтника губернскаго правленія П. Д. Шереметевскаго; 3) совѣтника правленія П. В. Истомина; 4) чиновника особыхъ порученій при Московскомъ Генералъ-губернаторѣ С. Н. Цвѣткова; 5) представителя-члена Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, командированнаго при отношеніи отъ 1 февраля 1912 г., И. Я. Стеллецкаго, и 6) представителя Военнаго вѣдомства, капитана 11 Фанагорійскаго полка Савицкаго, 16 марта 1912 г., по увѣдомленію начальника штаба Московскаго Округа, замѣненнаго капитаномъ 1 Артиллерійской бригады С. В. Калакуцкимъ.

Организаціонное засѣданіе новообразованной Особой комиссіи состоялось 10 февраля. Выяснилось, что Комиссіи предстояло въ короткій срокъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, разобраться въ огромномъ количествѣ, около 10 тысячъ, архивныхъ документовъ и дѣлъ.

Въ виду сложности и трудности предстоявшей задачи, для разработки архивнаго сырья была выдѣлена подкомиссія въ составѣ: 1) члена Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества И. Я. Стеллецкаго; 2) чиновника особыхъ порученій С. Н. Цвѣткова и капитана Савицкаго (позже капитана Калакуцкаго), при участіи въ подготовительныхъ занятіяхъ смотрителя архива Н. А. Александрова. Далѣе былъ установленъ порядокъ работъ; было постановлено, въ качествѣ desiderata, разрабатывать и издавать, съ разрѣшенія Правленія, болѣе примѣчательные архивные документы по 1812-му году. Засѣданія комиссіи назначать въ зависимости отъ хода работъ подкомиссіи.

Второе засѣданіе особой комиссіи состоялось 9-го марта. Были оглашены 10 протоколовъ подкомиссіи, также былъ рѣшенъ вопросъ о направленіи составляемыхъ описей дѣлъ — въ Главное Управленіе Генеральнаго штаба по военно-ученому архиву; полковыя же дѣла рѣшено отправить въ полки, дѣла же общаго интереса задержать на неопредѣленное время въ архивѣ для разработки, въ качествѣ матеріаловъ по 1812 году, на что испросить надлежащее разрѣшеніе (впослѣдствіи разрѣшеніе было получено). Всѣмъ разсмотрѣннымъ дѣламъ составить описи.

Третье засѣданіе Комиссіи было 27-го іюля. Заслушано 28 протоколовъ подкомиссіи. Постановлено: дѣла по 1812 году, представляющія интересъ для отдѣльныхъ частей войскъ, немедленно пересылать въ полки.

12-го ноября состоялось четвертое засѣданіе комиссіи. Какъ и на предшествовавшемъ, заслушано 28 протоколовъ подкомиссіи. Постановлено: дѣла по исторіи ополченія 1855—6 гг. направить въ подлежащіе полки; описи разсмотрѣннымъ дѣламъ попрежнему направлять въ Главное Управленіе Генеральнаго штаба по военно-ученому архиву.

Заключительное, пятое, засѣданіе комиссіи состоялось уже въ новомъ, 1913 году, 24 января, ровно годъ спустя послѣ начала занятій комиссіи. Заслушано было 18 протоколовъ подкомиссіи и постановлено: безотлагательно дать движеніе всѣмъ разсмотрѣннымъ дѣламъ, въ смыслѣ направленія ихъ въ соотвѣтствующія части войскъ и архивы (отправлено до сихъ поръ 200 дѣлъ). Въ заключеніе, постановлено въ виду того, что всѣ подлежавшіе разсмотрѣнію документы и дѣла Губернскаго архива старыхъ дѣлъ разобраны и остался только рядъ исполнительныхъ дѣйствій, признать задачи Особой комиссіи выполненными и занятія оконченными, о чемъ въ подлежащія учрежденія послать извѣщенія.

Засѣданія Особой комиссіи имѣли мѣсто въ залѣ Губернскаго правленія, занятія же подкомиссіи происходили въ генералъ-губернаторскомъ домѣ.

Изъ нижеприводимыхъ цифръ видно, какъ интенсивность занятій подкомиссіи возростала по мѣрѣ удаленія отъ офиціальнаго двухмѣсячнаго срока. Начиная съ февраля 1912 г. количество ежемѣсячныхъ занятій подкомиссіи выражается въ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ: 5, 5, 6, 4, 6, 10, 5, 10, 12, 11, 10. Итого — 84 засѣданія на протяженіи 11 мѣсяцевъ, въ засѣданіяхъ разсмотрѣно 2568 отдѣльныхъ документовъ и дѣлъ и 259 томовъ, заключающихъ 30 тысячъ бумагъ, подлежащихъ къ отправкѣ въ Кіевскій и Литовскій гусарскіе полки, въ архивъ 2-й бригады 4-й драгунской дивизіи и т. п.

Въ Комитетѣ Угличскаго Музея къ началу отчетнаго года состояли: предсѣдателемъ Ярославскій губернаторъ гр. Д. Н. Татищевъ, товарищемъ предсѣдателя Угличскій уѣздный предводитель дворянства Н. Н. Тучковъ, членами Комитета: Угличскій городской голова В. Н. Кашиновъ, К. П. Мухинъ, Д. В. Лавровъ, М. С. Келейниковъ, А. Д. Опаринъ, И. А. Истоминъ, Н. А. Воскресенскій и И. А. Шляковъ. Должность члена-представителя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества состояла и состоитъ вакантною.

Въ составѣ Комитета въ теченіе отчетнаго года произошли слѣдующія перемѣны: 1) В. Н. Кашиновъ отказался отъ должности городского головы и выбылъ изъ состава Комитета Музея; вмѣсто него вступилъ избранный въ должность городского головы А. К. Посновъ, 2) въ засѣданіи Комитета 22 декабря 1911 года были избраны и предсѣдателемъ Комитета, по предварительномъ сношеніи съ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, утверждены въ должности членовъ Комитета: наблюдатель церковныхъ школъ Угличскаго уѣзда протоіерей К. М. Ярославскій и инспекторъ народныхъ училищъ 6 участка Ярославской губ. А. В. Поповъ.

Почетными членами Музея состояли: вдова учредителя и перваго предсѣдателя Комитета Музея А. Я. Фриде — Марія Юрьевна Фриде, епископъ Іоанникій, бывшій Угличскій, гр. П. С. Уварова, гр. С. Д. Шереметевъ и членъ государственнаго совѣта Б. В. Штюрмеръ.

Изъ числа членовъ Комитета состоятъ: К. П. Мухинъ — хранителемъ Музея, Д. В. Лавровъ — казначеемъ, Н. А. Воскресенскій — секретаремъ Комитета.

Въ теченіе отчетнаго года Комитетъ имѣлъ 1 торжественное засѣданіе и 6 дѣловыхъ засѣданій. Торжественное засѣданіе было 3 іюня 1911 года, въ девятнадцатую годовщину открытія Музея и праздникъ перенесенія въ Москву мощей св. царевича Димитрія. Въ этотъ день членомъ Комитета священникомъ Н. Воскресенскимъ въ залѣ Музея, послѣ краткой рѣчи, совершенъ былъ молебенъ св. царевичу Димитрію, съ добавленіями изъ чина благодарственнаго молебна и многолѣтій Царствующему Дому, архипастырямъ, дѣятелямъ и благотворителямъ Музея. По окончаніи молебна вниманію присутствующихъ предложены были вещи, поступившія въ Музей въ теченіе предшествовавшаго года, а потомъ всѣ перешли въ залъ Городской Думы, гдѣ секретаремъ Комитета прочитанъ былъ докладъ о составѣ Комитета Музея за все время его существованія, средствахъ содержанія Музея, а также отчетъ о дѣятельности Комитета въ девятнадцатомъ году существованія Музея и отчетъ въ приходѣ и расходѣ суммъ Музея за гражданскій 1910 годъ. Затѣмъ хранитель Музея сдѣлалъ сообщеніе о коллекціяхъ Музея, поступившихъ вновь пожертвованіяхъ и пріобрѣтеніяхъ и о количествѣ посѣтителей Музея. Въ заключеніе, членъ-казначей Комитета Д. В. Лавровъ прочелъ отрывокъ изъ приготовляемой имъ къ печати книги о св. царевичѣ Димитріи. Въ собраніи присутствовалъ преосвященный Іосифъ, епископъ Угличскій, члены Комитета и много приглашенныхъ лицъ. Въ дѣловыхъ засѣданіяхъ своихъ Комитетъ обсуждалъ вопросы о поддержаніи порядка и цѣлости зданія Музея (дворца св. царевича Димитрія), о пополненіи коллекцій музея путемъ покупки и пожертвованій, о приведеніи ихъ въ порядокъ и систему, подготовкѣ къ изданію путеводителя; утвердилъ полностью отчетъ о расходахъ по Музею за 1899—1909 годъ включительно, представленный супругою покойнаго хранителя музея К. Н. Евреинова; разсмотрѣлъ

и утвердилъ отчетъ казначея за 1911 годъ и секретаря за 20-й годъ жизни Музея и др. Въ интересахъ сохраненія Угличской старины вообще, Комитетъ обратился къ епархіальному начальству съ ходатайствомъ о передачѣ въ музей для храненія и разработки архива Угличскаго духовнаго правленія, который находится теперь подъ соборной колокольней г. Углича; ходатайство это имѣло хотя то хорошее послѣдствіе, что Ярославская Духовная консисторія приняла мѣры къ болѣе тщательному охраненію архива.

Помимо всего сказаннаго, Комитетъ принималъ участіе въ жизни и дѣятельности археологическихъ учрежденій Россіи: командировалъ своего члена священника Н. Воскресенскаго на XV Всероссійскій Археологическій съѣздъ въ Великомъ Новгородѣ и сдѣлалъ черезъ него попытку къ обмѣну съ другими музеями печатными изданіями и дубликатами монетъ, жетоновъ и медалей; привѣтствовалъ Воронежскую Ученую Архивную Комиссію въ 75-лѣтіе со дня кончины Воронежскаго знаменитаго уроженца митрополита Евгенія Болховитинова: послалъ Музею 1812 года въ Москвѣ списокъ и краткое описаніе вещей, относящихся къ эпохѣ Отечественной войны и хранящихся въ Музеѣ и велъ переписку съ разными учрежденіями, обращавшимися въ Музей.

Кромѣ указанныхъ выше засѣданій, Комитетъ въ отчетномъ году собирался два раза для молитвы о почившихъ дѣятеляхъ Музея. 23 октября 1911 года была отслужена панихида у гроба М. А. Жаринова, бывшаго городскимъ головой въ годы реставраціи дворца св. царевича Димитрія и открытія въ немъ Музея и принимавшаго ближайшее и дѣятельное участіе въ жизни Музея. Въ мартѣ 1912 года исполнилось 10 лѣтъ со дня кончины другого дѣятеля по Музею Н. Д. Евреинова. Будучи и по избранію и по должности городского головы членомъ Комитета Музея, покойный Н. Д. сдѣлалъ много добра для Музея какъ личнымъ трудомъ, такъ и разными цѣнными пожертвованіями. Онъ и на смертномъ одрѣ вспомнилъ о нуждахъ Музея и завѣщалъ въ неприкосновенный капиталъ его 200 рублей—единственный пока фактъ въ жизни Музея. Деньги эти поступили въ кассу Музея въ началѣ 1912 года и Комитетъ 2 іюня, въ канунъ годичнаго праздника Музея, совершилъ во дворцѣ панихиду о упокоеніи души Н. Д., при чемъ помянуты были въ молитвахъ и почившіе въ истекшемъ году М. А. Жариновъ и В. П. Ожгихинъ, а также всѣ ранѣе почившіе основатели, жертвователи и дѣятели Музея.

Начатая раньше разборка хранящихся въ Музеѣ предметовъ, въ цѣляхъ систематизаціи ихъ и составленія полныхъ описей, продолжалась и въ отчетномъ году. Въ связи съ ходомъ этой кропотливой работы, намѣчены и частью выполнены перемѣны въ размѣщеніи предметовъ, во избѣжаніе скученности или разбросанности ихъ, которыя затрудняютъ охрану коллекцій отъ порчи и потерь и мѣшаютъ обстоятельному обзору ихъ посѣтителями Музея. Съ этою цѣлью увеличено число витринъ и шкафовъ, по которымъ и распредѣляются, по мѣрѣ изученія, отдѣльныя группы предметовъ. По окончаніи этихъ работъ имѣется въ виду издать путеводитель по Музею, который въ настоящее время уже и составляется.

Говоря о работахъ въ Музеѣ, слѣдуетъ упомянуть о начавшемся въ отчетномъ году пользованіи въ Музеѣ историческими матеріалами и пособіями для разработки вопросовъ родной старины. При помощи ихъ, между прочимъ, составлены были слѣдующіе труды:

1) Членомъ Комитета св. Н. Воскресенскимъ — очеркъ жизни и кончины мѣстно чтимаго въ Угличскомъ краѣ младенца Іоанна убіеннаго, въ видѣ отдѣльной брошюры, подъ заглавіемъ: «Блаженный младенецъ-мученикъ Іоаннъ Никифоровичъ Чеполосовъ». Очеркъ этотъ касается интереснаго событія въ жизни Углича въ половинѣ XVII вѣка, сопровождается поясненіями мѣстной обстановки и справками изъ старинныхъ документовъ и представляетъ полезный вкладъ въ разработку Угличской старины.

2) Членомъ Комитета Д. В. Лавровымъ — изслѣдованіе подъ заглавіемъ: «Св. страстотерпецъ благовѣрный князь Угличскій царевичъ Димитрій Московскій и всея Россіи чудотворецъ», напечатанное сначала въ журналѣ «Богословскій Вѣстникъ», издающемся при Московской

Духовной академіи, а затѣмъ вышедшее отдѣльною брошюрою. Изслѣдованіе это даетъ сводку всѣхъ, дошедшихъ до насъ данныхъ о жизни и мученической кончинѣ св. Царевича и бывшихъ послѣдствіемъ этой кончины историческихъ событіяхъ и представляетъ особый интересъ полнотою обзора литературы о Царевичѣ и критическимъ разборомъ разнообразныхъ догадокъ, создавшихся для истолкованія связанныхъ съ именемъ царевича Димитрія событій Смутнаго времени. Для угличанъ это изслѣдованіе цѣнно также собранными въ немъ чертами мѣстной старины временъ Царевича.

3) Имъ же подготовляется къ печати изслѣдованіе о хранящемся въ Угличскомъ Музеѣ такъ называемомъ Угличскомъ ссыльномъ колоколѣ. Изслѣдованіе это, разработанное главнымъ образомъ по матеріаламъ, хранящимся въ Музеѣ, обѣщаетъ также значительный интересъ для любителей родной старины по обстоятельному критическому разбору высказывавшихся въ печати сомнѣній въ подлинности этого колокола.

4) Имъ же составленъ очеркъ изъ исторіи Смутнаго времени подъ заглавіемъ «Святѣйшій патріархъ Гермогенъ»; сначала очеркъ этотъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Приходская школа», а затѣмъ и отдѣльными оттисками.

Необходимо также упомянуть, что въ отчетномъ году монахиня Угличскаго Богоявленскаго монастыря Антонина издала въ печати брошюру подъ названіемъ «Угличскій лѣтописецъ». Изданіе это, воспроизводящее одну изъ старинныхъ мѣстныхъ рукописей, принадлежащую издательницѣ, редактировано при участіи члена Комитета свящ. Н. Воскресенскаго, который при свѣркѣ текста и чтеніи неясныхъ мѣстъ рукописи, пользовался хранящимися въ Музеѣ рукописными и печатными матеріалами.

Въ теченіе отчетнаго года вновь поступило въ составъ коллекцій Музея 390 предметовъ; большая часть изъ нихъ пожертвована частными лицами или поступила безплатно отъ разныхъ археологическихъ учрежденій; на средства Музея пріобрѣтено всего 69 предметовъ. Жертвователями являются главнымъ образомъ угличане и окрестные жители а именно: М. Я. Калмыковъ, И. Н. Иванова, М. И. Котовскій, А. Н. Бычковъ, К. Р. Кистеръ, Р. Н. Пивоварова, А. Р. Дрейеръ, Е. А. Карамышева, М. В. Вишняковъ, С. Неустроевъ, П. А. Моругина, И. А. Жуковъ, Е. А. Башилова, А. Н. Поповцевъ, С. П. Бобровъ, Блехманъ, Е. А. Бадаева, М. Н. Елисѣева, Н. В. Бездѣтновъ, Свѣшниковъ, И. И. Громовъ, В. П. Ожгихинъ, Н. Н. Прохоровъ, С. Выборовъ, С. В. Труневская, В. Ф. Бездѣтновъ, С. А. Теддерсонъ, Н. Н. Тучковъ, свящ. Н. Воскресенскій, М. С. Келейниковъ, Д. В. Лавровъ, К. П. Мухинъ.

По числу поступившихъ вновь предметовъ первое мѣсто занимаетъ отдѣлъ библіотечный (книги, рукописи, картины и планы), въ который поступило всего 169 экземпляровъ; второе мѣсто занялъ отдѣлъ нумизматическій и медальерный: онъ увеличился за годъ на 157 предметовъ. Затѣмъ идутъ отдѣлы: домашняго обихода (посуда, мебель и проч.), куда поступилъ 21 экземпляръ; церковный (образа, церковная утварь, тѣльники)—15 предметовъ; костюмовъ и украшеній—11 предметовъ; картинъ, гравюръ и портретовъ—8 предметовъ; оружія и принадлежностей къ нему—7 предметовъ и, наконецъ, отдѣлъ минераловъ и окаменѣлостей — 2 предмета.

Въ отчетномъ году (съ 1 іюня 1911 по 1 іюня 1912 года) продано было билетовъ для входа въ Музей 1238. Прибавляя сюда значительно большее число посѣтителей безплатныхъ, изъ которыхъ учащіеся и нижніе воинскіе чины допускаются къ безплатному осмотру Музея въ теченіе всего года, а для всѣхъ прочихъ посѣтителей Музей открытъ безплатно десять дней въ году (недѣля св. Пасхи, 15 и 16 мая и 3 іюня) — можно считать общее число посѣщеній за отчетный годъ до 4000, при чемъ посѣщенія эти приходятся почти исключительно на лѣтніе мѣсяцы, такъ какъ зимою дворецъ не отапливается. Если сравнить количество посѣщеній въ отчетномъ году съ данными прежнихъ лѣтъ, то можно установить отрадный фактъ: число посѣщеній постепенно возрастаетъ; предшествующій, наприм. годъ (1 іюня 1910—1 іюня 1911 г.) далъ только 738 платныхъ посѣтителей, меньше на 530 противъ отчетнаго. Такая значительная

разница объясняется отчасти затрудненіями въ движеніи пароходовъ по Волгѣ во второй половинѣ лѣта 1910 года, но часть роста во всякомъ случаѣ должна быть принята, какъ доказательство возрастанія интереса къ Музею и въ мѣстномъ населеніи.

Обращаясь къ составу посѣтителей Музея, слѣдуетъ отмѣтить и другой, благопріятный для сужденія о приносимой Музеемъ пользѣ, фактъ — значительный процентъ учащихся среди посѣтителей. Имѣющаяся въ Музеѣ книга для внесенія посѣтителями Музея своихъ именъ пестритъ многочисленными подписями учащихся всѣхъ возрастовъ и спеціальностей — отъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній до учениковъ начальныхъ школъ; обыкновенно это участники лѣтнихъ поѣздокъ по Волгѣ; среди нихъ встрѣчаются посѣтители съ Дона, изъ Финляндіи, изъ Петербурга; болѣе многочисленны посѣщенія изъ сосѣднихъ поволжскихъ городовъ, главная же масса учащихся-посѣтителей естественно жители Углича и его ближайшихъ окрестностей — Угличскаго, Мышкинскаго и Калязинскаго уѣздовъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ замѣчающееся въ послѣднее время увеличеніе числа посѣтителей Музея организованными группами учащихся, подъ руководствомъ наставниковъ. Вотъ перечень ихъ за отчетный годъ: 1) группа учащихся Корчевской женской гимназіи въ 35 человѣкъ (5 іюня 1911 года); 2) группа учениковъ Рыбинскаго городского училища въ 13 человѣкъ (6 іюня); 3) ученики 4 класса Угличскаго духовнаго училища (21 апрѣля 1912 года); 4) ученики Угличскаго городского училища (15 мая); 5) ученики Кабановской школы, Мышкинскаго уѣзда, 12 человѣкъ (16 мая); 6) ученики Выборгскаго Коммерческаго училища (17 мая); 7) воспитанницы 8 класса Угличской женской гимназіи (25 мая); 8) ученики Сменцевской школы, Мышкинскаго уѣзда, 25 человѣкъ (26 мая) и 9) воспитанницы Ярославской женской гимназіи г-жи Корсунской въ числѣ 23 человѣкъ (29 мая).

Въ составѣ должностныхъ лицъ Общества, кромѣ указанныхъ въ отчетахъ Комиссіи, не произошло никакихъ измѣненій, но зато личный составъ Общества подвергся значительнымъ перемѣнамъ. Особенно тяжелы были для Общества утраты минувшаго года, унесшія рядъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества и образовавшія незамѣнимые пробѣлы. Такъ въ отчетномъ году Общество лишилось одного изъ старѣйшихъ членовъ Общества, свыше 35 лѣтъ отдававшаго всѣ свои силы и всѣ свои знанія дѣламъ Общества, товарища предсѣдателя Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Н. В. Никитина († 25 января 1913 года). Свѣтлый образъ этого одного изъ послѣднихъ могиканъ былъ полно и ясно освѣщенъ намъ въ докладахъ И. П. Машкова и Н. В. Рождественскаго и память его никогда не угаснетъ въ нашемъ Обществѣ. Большую потерю понесла та же Комиссія и въ лицѣ академика архитектуры С. У. Соловьева, свыше 20 лѣтъ поработавшаго среди насъ въ области изученія и охраненія нашихъ памятниковъ зодчества и много лѣтъ достойно исполнявшаго обязанности секретаря Комиссіи († 28 сент. 1912 года). Лишились мы и единственнаго среди насъ, неустаннаго работника на поприщѣ археологіи и изученія грузинскихъ древностей, проф. А. С. Хаханова († 25 іюля 1912 г.), скончавшагося за работой для Общества — надъ изученіемъ древнѣйшаго евангелія на грузинскомъ языкѣ. Александръ Соломоновичъ, кромѣ того, былъ одно время товарищемъ секретаря Общества и долгое время членомъ его Редакціоннаго комитета. Когда я прибавлю сюда еще П. И. Щукина, владѣльца столь извѣстнаго Музея русскихъ древностей († 12 октября 1912 г.), проф. И. Е. Энгельмана († 5 сент. 1912) извѣстнаго юриста, такъ много поработавшаго для нашего X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ въ 1896 г. и проф. И. П. Филевича († 8 янв. 1913), то ясно станетъ, какія тяжелыя утраты понесло Общество наше въ минувшемъ году. По мѣрѣ своихъ силъ и возможности Общество почтило ихъ память, а ихъ труды навсегда останутся жить въ благодарныхъ воспоминаніяхъ не только насъ, но и нашихъ преемниковъ.

По отношенію къ остальному составу Общества надо отмѣтить, что число почетныхъ членовъ нашихъ осталось безъ измѣненій, въ число дѣйствительныхъ членовъ вступило 3 новыхъ лица: проф. А. А. Тихоміровъ, проф. М. И. Ростовцевъ и проф. А. А. Карнѣевъ, а въ члены-корреспонденты было избрано 14 лицъ, а именно: о. Арсеній, помощникъ ризничаго Синодальной

ризницы, В. В. Богдановъ, В. В. Гольмстенъ, Н. П. Кашинъ, А. М. Марковъ, Г. Л. Малицкій, Н. Н. Соболевъ, Б. М. и Ю. М. Соколовы, Н. Н. Соколовъ, кн. П. Д. Урусовъ, Д. Н. Ушаковъ, С. И. Чижовъ и В. Н. Ширяевъ. Изъ числа заграничныхъ ученыхъ никто не былъ избранъ въ минувшемъ году въ число нашихъ членовъ. Къ 17-му февраля текущаго года была произведена провѣрка списка нашихъ членовъ, при чемъ оказалось нѣсколько лицъ, давно уже скончавшихся. Вслѣдствіе этого, несмотря на перевѣсъ числа новыхъ членовъ надъ почившими въ минувшемъ году, общее число всѣхъ членовъ Общества сравнительно съ прошлымъ значительно уменьшилось, и въ настоящее время мы имѣемъ: почетныхъ членовъ 6, дѣйствительныхъ 165, членовъ-корреспондентовъ 136 и иностранныхъ 61, всего же 368 лицъ.

Изъ изданій печатается I т. Трудовъ XV Археологическаго Съѣзда въ Новгородѣ подъ ред. гр. П. С. Уваровой и 2 вып. XXIII т. Древностей, подъ ред. В. К. Трутовскаго. Приготовлены къ печати II т. Трудовъ XV Археологическаго Съѣзда и XXIV т. Древностей, подъ редакціей тѣхъ же лицъ.

Въ библіотеку Общества въ отчетномъ году поступило: отдѣльныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ 124 названія, на иностранныхъ языкахъ 22 названія, періодическихъ изданій на русскомъ языкѣ 14 названій въ 112 т. и вып. и на иностранныхъ языкахъ 35 названій въ 61 т., — всего же 318 томовъ и выпусковъ.

Протоколы засѣданій Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

754. Протоколъ Годичнаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 21 февраля 1912 года, подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: Д. Н. Анучина, Ф. В. Баллодъ, И. Н. Бороздина, И. С. Бѣляева, В. А. Городцова, Ю. В. Готье, Ѳ. В. Готье, А. Д. Григорьева, С. О. Долгова, Б. И. Дунаева, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, І. К. Линдемана, И. П. Машкова, Н. А. Маркса, А. А. Покровскаго, Д. П. Сухова, И. Я. Стеллецкаго, И. М. Тарабрина, Б. А. Тураева, Н. П. Чулкова, С. Д. Щербака, кн. Н. С. Щербатова и Секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Секретарь доложилъ отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій 1911—1912 годъ.

2. И. П. Машковъ прочелъ отчетъ о дѣятельности Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ за то же время.

3. Казначей Общества Ѳ. В. Готье доложилъ о движеніи суммъ Общества въ минувшемъ году и о сборѣ на памятникъ патріарху Гермогену, достигшему нынѣ цифры въ 47447 руб. 15 коп.

4. Членъ Ревизіонной Комиссіи І. К. Линдеманъ прочелъ протоколъ Комиссіи, удостовѣряющій правильность веденія денежныхъ дѣлъ Общества его казначеемъ и о превосходномъ состояніи книгъ и денежныхъ документовъ.

Постановлено: выразить секретарямъ Общества и Комиссіи, казначею, онъ же и библіотекарь, и членамъ Ревизіонной Комиссіи глубокую благодарность Общества.

5. И. Н. Бороздинъ прочиталъ докладъ «Русская археологія въ 1911 г.». Докладчикъ представилъ подробное обозрѣніе, какъ литературы по археологіи, появившейся за это время въ Россіи, такъ и объ археологическихъ работахъ того же періода.

6. В. А. Городцовъ сообщилъ объ «Археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Горійскомъ у., Тифлисской губ.», совершенныхъ имъ въ 1911 г. Сообщеніе сопровождалось демонстраціей предметовъ, плановъ, рисунковъ, фотографій и т. п. и вызвало сильный интересъ и одобреніе.

Постановлено: благодарить авторовъ и просить ихъ доклады для изданія.

---

755. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 6 марта 1912 г., подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Восточной Комиссіи Общества В. К. Трутовскаго и въ присутствіи гг. членовъ: И. Н. Бороздина, Р. Ѳ. Брандта, А. М. Гуржіенко, Б. И. Дунаева, І. К. Линдеманъ, И. П. Машкова, Н. А. Маркса, И. Я. Стеллецкаго и Д. В. Цвѣтаева.

1. Въ виду болѣзни предсѣдателя Общества гр. П. С. Уваровой и за невозможностью для товарища предсѣдателя проф. Д. Н. Анучина прибыть въ засѣданіе, предсѣдательствующимъ, согласно обычаю Общества, былъ приглашенъ предсѣдатель Восточной Комиссіи Общества В. К. Трутовскій.

2. Доложено сообщеніе гр. П. С. Уваровой по вопросу о предполагаемой Св. Синодомъ перестройкѣ Иверской часовни и отвѣтъ оберъ-прокурора Синода на письмо графини по этому поводу, изъ котораго видно, что проектъ означенной перестройки оставленъ въ виду техническихъ препятствій и невозможности произвести работу ко времени празднованія 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Постановлено: принести гр. П. С. Уваровой глубокую благодарность за энергическую защиту и спасеніе этого чтимаго особо всей Русью памятника.

3. Доложены слѣдующія бумаги:

а) благодарности за высланныя изданія Общества: отъ Министра Императорскаго Двора за изданія для Императорской библіотеки, Подольскаго церковно-археологическаго Общества, Рязанской, Смоленской и Черниговской Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, Харьковской Общественной библіотеки, П. З. Виноградова-Никитина и В. И. Таланкина;

б) благодарность за избраніе въ члены Общества отъ И. В. Аничкова;

в) препроводительныя при присылкѣ въ Общество изданій: отъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, Троицко-савско-кяхтинскаго Отдѣл. Приамурск. Отд. И. Р. Г. О., Таврической Архивной Комиссіи и В. А. Дмитріева-Мамонова.

Постановлено: жертвователей благодарить, а книги сдать въ библіотеку Общества.

г) благодарность отъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи за привѣтствіе ея въ день празднованія ею 25-лѣтія своей дѣятельности;

д) отъ прокурора Ярославскаго Окружнаго суда увѣдомленіе, что скончавшійся 24 октября 1911 г. д. чл. Общества А. А. Титовъ оставилъ по духовному завѣщанію Ростовскому Музею церковныхъ древностей одну тысячу рублей.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

4. Н. А. Марксъ сдѣлалъ сообщеніе: «По поводу изданія Мстиславовой и Хутынской грамотъ».

Референтъ впервые сдѣлалъ точные фотографическіе снимки съ означенныхъ памятниковъ XII стол., что дало ему возможность весьма обстоятельно разобрать бывшія до сихъ поръ изданія этихъ грамотъ и указать цѣлый рядъ существенныхъ ошибокъ въ этихъ изданіяхъ.

Постановлено: въ виду важности этихъ памятниковъ, принеся докладчику глубокую благодарность за ихъ фотографированіе и разборъ, издать этотъ докладъ Обществомъ въ одномъ изъ своихъ изданій и ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о перенесеніи грамотъ изъ Юрьевскаго и Хутынскаго монастырей въ Московскую Синодальную библіотеку.

5. І. К. Линдеманъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: «Культъ домового при свѣтѣ археологическихъ данныхъ».

Разобравъ обстоятельно главныя мнѣнія о домовомъ Аѳанасьева и Милюкова, референтъ нашелъ, что археологическія данныя говорятъ въ общемъ больше въ пользу мнѣнія Милюкова, хотя нѣкоторыя соображенія Аѳанасьева также могутъ быть оставлены.

Постановлено: благодарить докладчика за интересно затронутый темный вопросъ русской миѳологіи и просить его и дальше разрабатывать этотъ вопросъ.

6. Б. И. Дунаевъ познакомилъ присутствующихъ съ «Впечатлѣніями и переживаніями Галичскаго человѣка Зиновьева въ 1815 г.», представляющими интересный матеріалъ для исторіи быта и культуры въ юго-западной Россіи послѣ Наполеона.

Постановлено: благодарить автора за интересное сообщеніе.

---

756. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 20 апрѣля 1912 года, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: А. Д. Григорьева, И. Н. Бороздина, Б. И. Дунаева, И. Я. Стеллецкаго и І. К. Линдемана, исполнявшаго обязанности секретаря Общества.

Въ началѣ засѣданія графиня П. С. Уварова заявила, что стоящаго на повѣсткѣ доклада Н. И. Рѣпникова («Памятники Старой Ладоги»), за непріѣздомъ референта, не будетъ.

1) А. А. Миллеръ прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ «Раскопки въ районѣ древняго Танаиса въ 1908—1911 гг.» Въ 1908 году были произведены лишь работы развѣдочнаго характера. Систематическія изслѣдованія начались съ 1909 года. Въ 1911 году раскопано много кургановъ. Изъ раскопанныхъ 77 кургановъ почти всѣ принадлежатъ скиѳо-сарматамъ; только три плоскихъ кургана принадлежатъ инымъ народамъ, 74 кургана — скиѳо-сарматскаго времени (VI—III в. до Р. Х.). Курганы разныхъ величинъ, круглой формы. Обрядъ погребенія въ нихъ совершенно одинаковъ; Впускныя погребенія — казачьи, кочевническія съ конемъ, копьемъ, стрѣлами. Каждый курганъ содержитъ лишь одно погребеніе. Могильная яма оріентирована съ востока на западъ. Яма вырывалась на горизонтѣ, съ боковъ получались песчаные валики. Въ яму клали погребаемаго, ставили сосуды и другіе предметы. Дно ямы устилали чрезвычайно мощнымъ слоемъ камыша; въ настоящее время отъ камыша получился слой бѣлаго перегноя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ находилось перегноя до десяти сантиметровъ. Насыпь кургана даетъ возможность различать слои. Вокругъ кургана — ровъ. Характернымъ предметомъ являются амфоры, которыя, въ большинствѣ случаевъ, стояли у восточнаго края кургана. Зеркало и ожерелье встрѣчаются ив ъ мужскихъ и въ женскихъ погребеніяхъ; отличіемъ мужскихъ погребеній служитъ оружіе. Наблюдается присутствіе лошадиныхъ костей, но это отнюдь не погребеніе съ конемъ: части лошади положены, какъ пища.

Референтомъ были показаны діапозитивы: показано было типичное погребеніе, показаны бронзовыя зеркала, греческія амфоры, ножъ, чернолаковые сосуды и дана была характеристика всему этому курганному матеріалу. Стрѣлы въ мужскихъ погребеніяхъ лежатъ пачками у лѣваго бедра; мечи встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Мечъ носился спереди, а не у праваго бедра, какъ настаивали на этомъ прежніе изслѣдователи. Курганы укладываются между VI и III вѣками до Р. Х. Культура находящагося близъ кургановъ городища относится къ тому же времени.

Въ обсужденіи доклада принялъ участіе І. К. Линдеманъ.

Постановлено: благодарить референта за интересное сообщеніе.

2) Доложены слѣдующія бумаги:

а) Благодарности за высланныя изданія Общества отъ министра Народнаго Просвѣщенія, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, митрополита Московскаго и Коломенскаго, Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III, директора русскаго Археологическаго института въ Константинополѣ, Московскаго Архитектурнаго Общества, Московскаго Художественнаго Общества, Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи, директора Черниговскаго дворянскаго пансіонъ-пріюта.

б) Приглашеніе Русскаго Библіографическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на торжественное публичное засѣданіе по случаю 25-лѣтняго юбилея ученой и литературной дѣятельности Р. Ѳ. Брандта.

Предсѣдатель сообщилъ, что привѣтствіе отъ Общества состоялось.

в) Благодарность Воронежской Ученой Архивной Комиссіи за привѣтствіе ко дню юбилейнаго торжества по случаю 75-лѣтія кончины митрополита Евгенія Болховитинова.

г) Благодарность правленія Харьковской Общественной Библіотеки за привѣтствіе по поводу 25-лѣтія библіотеки.

д) Отношенія учрежденій и лицъ съ препровожденіемъ своихъ изданій:

1) Императорской Археологической Комиссіи «Извѣстія» Комиссіи — выпуски 39, 40, 41, 42, 43 и прибавленіе къ вып. 39 и 42. 2) Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи — «Юбилейный сборникъ». 3) Отъ И. Ѳ. Токмакова — 4-й выпускъ матеріаловъ для историческаго и церковно-археологическаго описанія Новгородской губерніи и «Благотворная дѣятельность священника С. Н. Лебедева, основателя Куркинскаго, Всѣхсвятскаго и Николо-Бутырскаго Общества Трезвости; 4) отъ И. Миницкаго изъ Калуги: Старый планъ Москвы.

Постановлено: благодарить, а книги сдать въ библіотеку Общества.

е) Просьба директора Саратовской 2-й гимназіи прислать изданія Общества для кружка учениковъ-любителей археологіи и родственныхъ дисциплинъ.

Постановлено: выслать, чтó окажется возможнымъ.

ж) Приглашенія на съѣзды:

a) 14 международный съѣздъ доисторической антропологіи и археологіи, имѣющій быть въ Женевѣ (Congrès international d'Antropologie et d'Archéologie prehistoriques).

b) Французскій археологическій конгрессъ, имѣющій быть въ Ангулемѣ (Congrès arhéologique de France).

c) Французскій доисторическій конгрессъ, имѣющій быть въ Ангулемѣ (Congrès prehistorique de France).

d) Балтійскій конгрессъ археологовъ, имѣющій быть въ Стокгольмѣ (Baltischer Arheologen-Kongress in Stockholm).

e) III международный археологическій конгрессъ, имѣющій быть въ Римѣ (III Congresso Archeologico internazionale Roma MCMXII).

Въ Римъ изъявилъ свое желаніе поѣхать І. К. Линдеманъ, а въ Римъ, Ангулемъ и Женеву — И. Н. Бороздинъ.

Означенныя лица избраны делегатами отъ Общества.

Въ концѣ засѣданія графиня П. С. Уварова подѣлилась своими впечатлѣніями отъ поѣздокъ въ Новгородъ и Псковъ. Въ Новгородѣ намѣчаютъ фантастическія раскопки: при помощи казенныхъ землечерпалокъ собираются въ одномъ мѣстѣ близъ моста вычерпать Волховъ и на днѣ его искать древностей. Намѣреваются также произвести раскопки въ южной части Дѣтинца. Въ Псковѣ очень сочувствуютъ намѣченному съѣзду, работаютъ и обѣщаютъ работать энергично. На обслѣдованіе уѣздовъ отправятся 8 членовъ. Предсѣдателемъ Предварительнаго Комитета избранъ губернаторъ баронъ Медемъ, а товарищемъ вице-губернаторъ Крейтонъ.

---

757. Протоколъ распорядительнаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 26 мая 1912 года подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: И. Н. Бороздина, В. А. Городцова, Б. И. Дунаева, А. И. Колмогорова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, І. К. Линдеманъ, Н. А. Маркса, Н. Н. Соболева, И. Я. Стеллецкаго, Д. П. Сухова и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Читаны и подписаны протоколы засѣданій 6 марта и 20 апрѣля.

2. Доложены бумаги:

а) благодарности за высланныя изданія Общества отъ Императорской Академіи Наукъ, Казанской Духовной Академіи, Императорской Саратовскаго Университета, Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Псковскаго Археологическаго Общества, Оренбургской, Саратовской и Черниговской Архивныхъ Комиссій, К. Круковскаго и К. Самбургскаго;

б) препроводительныя бумаги и письма при изданіяхъ, присланныхъ для библіотеки Общества: отъ Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ, Воронежскаго, Дагестанскаго и Казанскаго Статистическихъ Комитетовъ, Московскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества, Екатеринославскаго Высшаго Горнаго Училища и Municipio di Napoli;

Постановлено: жертвователей благодарить, а книги сдать въ библіотеку Общества.

в) письмо проф. И. Е. Евсѣева, съ увѣдомленіемъ, что Св. Синодъ, обсудивъ резолюцію XV Археологическаго Съѣзда объ научномъ изданіи Библіи, призналъ это дѣло весьма важнымъ и постановилъ ходатайствовать предъ Государственной Думой объ ассигнованіи на это средствъ, указанныхъ въ «Запискѣ» о томъ автора письма;

Постановлено: благодарить И. Е. Евсѣева за сообщеніе.

г) письмо завѣдующаго раскопками въ Херсонесѣ Лепера со свѣдѣніями о находкахъ ископаемыхъ костей въ Севастополѣ;

Постановлено: благодарить.

д) приглашенія принять участіе — въ 2-мъ Congrèss International d'Education Morale, въ Гогѣ 9—14 августа с. г., въ XIII Съѣздѣ Русскихъ Естествоиспытателей, въ Тифлисѣ, въ іюнѣ с. г. и въ Церковно-археологическихъ курсахъ въ Твери съ 28 мая по 8 іюля с. г.

Постановлено: благодарить и принять къ свѣдѣнію;

е) отъ муниципалитета Boulogne-sur-Mer приглашеніе на освященіе памятника Prof. E. Г. Hamy 17 іюня с. г.;

Постановлено: благодарить и просить быть представителями S. Reinach, Baron Joseph de Baye и Barrière Flary;

ж) отъ Литовскаго Научнаго Общества просьба объ обмѣнѣ изданіями.

Постановлено: выслать Труды IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ.

Рис. 1.

з) отъ Московскаго Архитектурнаго Общества предложеніе издать совмѣстно иллюстрированную монографію о жизни и трудахъ М. Ф. Казакова;

Постановлено: отклонить.

и) отъ Ярославскаго губернатора просьбы о поддержаніи ходатайства его объ отпускѣ 6100 руб. для приведенія Ростовскаго Кремля въ надлежащій видъ и объ избраніи кого-либо изъ жителей Ярославля членами Общества и его представителями въ административно-хозяйственномъ управленіи тѣмъ же Кремлемъ согласно § 3 Правилъ о таковомъ управленіи.

въ Кремлевскомъ дворцѣ изволилъ принять представителей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: В. К. Трутовскаго и И. П. Машкова; Государю Императору ими были поднесены: а) альбомъ снимковъ съ древнихъ памятниковъ, реставрированныхъ по указанію Общества, а равно тѣхъ, которые были самовольно уничтожены или искажены; и б) по порученію Псковскаго Археологическаго Общества, альбомъ снимковъ Псковскихъ крѣпостныхъ стѣнъ.

3. І. К. Линдеманъ сдѣлалъ доклады: «Объ археологическомъ обслѣдованіи Псковской губерніи» и «О раскопкахъ въ Московской губерніи лѣтомъ 1912 года». Вмѣстѣ съ псковскимъ вице-губернаторомъ В. Н. Крейтономъ докладчикъ произвелъ раскопку въ самомъ городѣ Псковѣ у электрической станціи. Здѣсь при устройствѣ городского фильтра были найдены интересные костяные коньки. Коньки эти и послужили поводомъ къ раскопкѣ, не давшей, впрочемъ, сколько-нибудь интересныхъ результатовъ. Коньки же представляютъ интересъ — они являются предшественниками стальныхъ. Гр. А. С. Уваровъ (Сборникъ мелкихъ трудовъ. Томъ II, стран. 101) говоритъ, что на островѣ Біоркѣ найдено было 300 коньковъ, сдѣланныхъ изъ бычачьихъ и лошадиныхъ костей. Подобные коньки, найденные у Ладожскаго озера, находятся въ Петербургскомъ этнографическомъ музеѣ. Въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ имѣются коньки, найденные въ Полтавской губерніи. Такіе же коньки имѣются и въ одномъ изъ музеевъ Берлина. Вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ В. Н. Крейтономъ докладчикъ произвелъ также раскопку кургана въ погостѣ Выбуты или Лыбуты, близъ деревни Ерусалимщины, гдѣ въ 1878 году было вскрыто Соколовымъ пять кургановъ огневищъ. Раскопка велась сверху слоями; каждый слой брали шириною въ одинъ штыкъ лопаты. Въ снимаемой землѣ изрѣдка попадались мелкіе угольки. Приблизительно въ центрѣ обнаружилось пятно неправильной формы. Никакихъ предметовъ пятно не дало. Въ западной и юго-западной сторонѣ кургана встрѣчались отдѣльные куски плиты по большей части въ наклонномъ положеніи. Въ глубинѣ около двухъ съ половиною аршинъ обнаружилась обугленная береста; непосредственно подъ нею находился край сильно обугленнаго погребальнаго домовища. Когда выяснился контуръ домовища, оно было окопано канавой, при чемъ обнаружилось, что для погребенія былъ положенъ нѣсколько наклонно съ востока на западъ рядъ сосновыхъ бревенъ и плахъ, но, въ противоположность курганамъ, разрытымъ Соколовымъ, въ изголовьи стояковъ не было, а были положены короткія бревна, составлявшія восточную стѣнку. Въ ногахъ домовища въ безпорядкѣ лежали крупныя плиты. Сверху домовище было прикрыто берестой, которая особенно хорошо сохранилась вдоль сѣверной стороны домовища, гдѣ и стѣнка и бревна, хотя и обуглились, но лучше сохранились (можетъ быть, благодаря сѣверному вѣтру). Во время сожженія трупа крыша домовища опустилась и лежала непосредственно на нижнихъ лежняхъ, въ свою очередь, тоже, повидимому, покрытыхъ берестою. Между верхними и нижними плахами обнаружились сильно измельченныя обуглившіяся кости, разбросанныя въ углу домовища въ приподнятой его части и ближе къ центру. Среди послѣднихъ поднятъ весьма древній горшокъ грубой ручной работы, сдѣланный безъ гончарнаго станка, съ широкимъ плоскимъ дномъ и почти вертикальными стѣнками. Высота горшка 7,5 сантиметра, діаметръ дна 10 сантиметровъ, діаметръ отверстія — 12 сантиметровъ; стѣнки въ средней части слегка выпуклы, по краю слегка отогнуты наружу. Горшокъ оказался разбитымъ на три части, изъ которыхъ третья часть не найдена. По типу горшка погребеніе слѣдуетъ отнести къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ курганы, разрытые Соколовымъ, въ которыхъ горшокъ, украшенный орнаментомъ, судя по рисунку его, приложенному къ журналу раскопокъ, представляетъ значительно болѣе усовершенствованный типъ и, повидимому, сдѣланъ на гончарномъ станкѣ. Никакихъ предметовъ вокругъ костей и горшка обнаружено не было, если не считать два-три обломка обуглившейся и разсыпавшейся въ рукахъ коры, быть можетъ, липы, похожей на части кружки или какого-нибудь круглаго сосуда. Дальнѣйшая раскопка кургана, снятаго приблизительно еще на полтора аршина, ничего болѣе не дала. Пятно въ центрѣ кургана было окончательно сведено безъ какихъ-либо признаковъ, объясняющихъ его значеніе. Затѣмъ изслѣдованъ былъ культурный

слой, тянущійся выше по теченію рѣки и обнаруживающійся въ нѣсколькихъ мѣстахъ по верху обрыва. Культурный слой оказался крайне бѣднымъ: было встрѣчено лишь нѣсколько костей домашнихъ животныхъ, отдѣльные угольки и нѣсколько черепковъ грубой работы съ примѣсью крупнаго кварцеваго песка. Объѣхавъ Псковскій и Островскій уѣзды, докладчикъ направился въ Изборскъ, извѣстный, такъ называемою, могилою Трувора. Противъ Городища на такъ называемомъ «Славянскомъ полѣ», онъ произвелъ раскопку, основываясь на преданіи, что здѣсь когда-то были курганы. Раскопка не увѣнчалась успѣхомъ, и докладчикъ перенесъ свою работу къ деревню «Малы», находящейся въ той же Изборской волости. Раскопано было девять могилъ (жальниковъ). Могилы эти холма на себѣ не имѣютъ; онѣ представляютъ овалы; края обложены камнемъ-плитнякомъ; на поверхности также камни. Камень — тяжелый. Въ настоящее время такой камень несутъ на носилкахъ шесть дюжихъ человѣкъ. Громадные камни (до 12 штукъ) составляютъ тѣсное кольцо. Въ окружности 20 шаговъ ($17^1/_2$ аршинъ). Между большими камнями въ мѣстахъ ихъ соприкосновенія изнутри положены камни меньшаго размѣра. По мѣстному эта совокупность камней называется «суборъ». Въ глубинѣ $^3/_4$ аршина или 1 аршина лежитъ костякъ на толстомъ слоѣ угля. Въ одномъ случаѣ дно ямы было выстлано плитою. Одинъ курганъ оказался пустымъ. Въ двухъ курганахъ оказалось по два костяка, въ остальныхъ по одному. Вещей оказалось немного: двѣ пряжки, два кольца, оселокъ, ножи, 3 подвѣски, маленькое тоненькое колечко, гвозди, браслетъ. Въ виду того, что на трехъ подвѣскахъ имѣется изображеніе св. Георгія съ надписью «агіосъ Георгіосъ» докладчикъ былъ склоненъ относить курганы къ первымъ временамъ христіанства на Руси. Въ этой же мѣстности одинъ крестьянинъ принесъ І. К. Линдеману нижнюю часть меча, назвавъ его «косаремъ въ видѣ кинжала», и сказавъ, что онъ выпахалъ его на своей пашнѣ. І. К. Линдеманъ отправился на мѣсто находки и, произведя раскопку, нашелъ верхнюю часть меча, такъ что соединеніе ихъ дало длинный мечъ, художественной работы. Перекрестіе и навершіе меча носятъ на себѣ красивый растительный орнаментъ, переходящій въ лицевой. По мнѣнію докладчика, мечъ долженъ быть отнесенъ къ скандинавскимъ или норманскимъ. Докладчикъ изложилъ эволюцію рукоятки скандинавскаго меча, какъ онъ себѣ ее представляетъ. Указавъ на скандинавскіе мечи Императорскаго Эрмитажа, Историческаго Музея, собранія графа А. С. Уварова, Бергенскаго, Стокгольмскаго, Копенгагенскаго и городскихъ музеевъ Христіаніи, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что его мечъ—уникъ, которому по рисунку рукоятки нѣтъ равнаго ни въ Россіи, ни за границей. Свой мечъ докладчикъ отнесъ къ IX—X вѣку, оговорившись, впрочемъ, что еще надо поработать надъ изученіемъ орнамента меча. Затѣмъ І. К. Линдеманъ сообщилъ, что имъ былъ разрытъ курганъ въ имѣніи поэта А. С. Пушкина въ селѣ Михайловскомъ, Опочкаго уѣзда. Курганъ имѣлъ 30 аршинъ въ окружности и $1^1/_2$ арш. высоты. Вещей въ курганѣ не оказалось. Докладчикъ произвелъ также раскопку въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ «Горкахъ», имѣніи А. А. Рейнбота (З. Г. Морозовой). Разрыто было три кургана; въ одномъ изъ нихъ найдены браслетъ и два кольца. Текущимъ лѣтомъ докладчикъ совершилъ поѣздку въ село «Сельцы» Рязанской губерніи. Здѣсь у управляющаго имѣніемъ Хлудовыхъ К. Ю. Вейцлера онъ видѣлъ пушку, отнятую въ Духовщинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи у возвращавшихся изъ Москвы французовъ со слѣдующей надписью: «Ratio ultima regum Louis Auguste de Bourbon duc de Maine. Nec pluribus impar». Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для храненія этой пушки былъ бы Музей 1812 года.

Сверхъ того, І. К. Линдеманъ доложилъ еще объ Архангельскомъ Евангеліи 1092 года, только что изданномъ по новому способу трехцвѣтнаго фотоцинкографическаго печатанія, въ типографіи т-ва А. А. Левенсонъ. Евангеліе было поднесено директоромъ Румянцовскаго Музея кн. Голицынымъ Государю Императору 29-го сего августа. Демонстрируя Евангеліе, І. К. Линдеманъ отмѣтилъ всѣ преимущества, вытекающія изъ такого новаго способа печатанія: а) рукопись не треплется, б) представляется возможнымъ изучать ее лицамъ, живущимъ вдали отъ мѣста храненія подлинника, в) дается возможность одновременно изучать не только нѣсколькимъ,

а даже цѣлому ряду лицъ, г) является возможность всесторонняго изученія, д) представляется возможность провѣрки палеографовъ, транскрибировавшихъ рукопись, е) въ виду поразительнаго сходства съ подлинникомъ, въ виду вѣрной передачи наибольшаго количества палеографическихъ особенностей (ибо, за исключеніемъ качества матеріала для письма и водяныхъ знаковъ, вышеозначенный способъ воспроизводитъ все) изданная такимъ образомъ рукопись можетъ служить и педагогическимъ цѣлямъ, съ одной стороны, показывая, какова была внѣшность старинныхъ книгъ, а съ другой — служа пособіемъ при изученіи чтенія рукописей и отчасти распознаванія ихъ возраста и мѣста происхожденія. Отнынѣ всѣ серьозныя изданія рукописей должны издаваться именно такимъ образомъ, а не какимъ инымъ.

А. В. Орѣшниковъ полагалъ, что мечъ, найденный І. К. Линдеманомъ, судя по найденнымъ имъ привѣскамъ съ изображеніемъ св. Георгія, имѣющимъ аналогію съ монетами Ярослава, долженъ быть отнесенъ къ XI вѣку.

В. А. Городцовъ призналъ докладъ І. К. Линдемана очень интереснымъ. Мелкія мужскія и женскія вещи, найденныя І. К. Линдеманомъ, онъ относитъ къ XI вѣку. Мечъ чрезвычайно интересенъ, однако его орнаментировка — не единственная: онъ аналогиченъ кіевскому мечу, кажется, X вѣка, сопровождаемому монетными находками. Поэтому онъ склоняется отнести его къ X или къ XI вѣку. Мечъ, можетъ быть, и восточнаго происхожденія. Костяные коньки употреблялись во Франціи въ глубокой древности; В. А. Городцовъ также нашелъ одинъ костяной конекъ (изъ лошадиной кости) въ скиѳскихъ древностяхъ. Въ Новочеркасской области 4 конька изъ лошадиныхъ костей были найдены просверлеными.

Гр. П. С. Уварова считала находку меча счастливой въ виду того еще, что въ указанной мѣстности никто не рѣшался производить раскопокъ; ихъ нужно продолжить на будущее лѣто и желательно послать туда цѣлую группу изслѣдователей; слѣдуетъ обратить вниманіе и на Торопецкій уѣздъ, гдѣ имѣется цѣлая масса кургановъ. Предсѣдатель Общества гр. П. С. Уварова выразила І. К. Линдеману благодарность и просила продолжать раскопки, пожелавъ ему такого же успѣха.

4. По поваду изданія Архангельскаго Евангелія, исполненнаго трехцвѣтнымъ фотоцинкографическимъ способомъ, нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ членовъ было высказано сожалѣніе, что стоимость его изготовленія едва ли не вчетверо выше обычнаго фототипическаго печатанія.

5. Д. В. Цвѣтаевъ сообщилъ, что въ управляемомъ имъ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи имъ начата уже работа, совмѣстно съ проф. А. И. Соболевскимъ, по напечатанію древнѣйшаго въ этомъ Архивѣ документа-грамоты Рязанскаго князя Олега тамошнему Богородицкому монастырю съ цвѣтными изображеніями вверху святыхъ, относимой къ 1372 году, также трехцвѣтнымъ фотоцинкографическимъ способомъ.

6. Е. Ив. Вашковъ прочиталъ рефератъ объ «Исторіи русскихъ колоколовъ», который составлялъ какъ бы предисловіе къ недавнему его труду совмѣстно съ г. Оловянишниковымъ по указанному предмету. Докладчикъ сообщилъ, что первыя упоминанія о *русскихъ* колоколахъ по лѣтописямъ восходятъ къ 988 году а изготовленіе ихъ въ Россіи — къ XI вѣку. Колокола тѣсно связаны съ жизнію народа: набатъ и звонъ при богослуженіи. Однако литература о колоколахъ не велика: серьозная статья Казанскаго о призывѣ къ богослуженію въ Ростовскихъ церквахъ; Израилева — о Ростовскихъ колоколахъ, Рыбакова «Церковный звонъ въ Россіи». Пыляевъ дѣлалъ попытку написать исторію колоколовъ, представляющихъ интересъ для науки. Докладчикъ, работая для изданія своей книги около 8 лѣтъ, хотѣлъ дать энциклопедію колоколовъ и выяснить вопросъ о русскихъ литейщикахъ и литейномъ искусствѣ.

В. В. Богдановъ ставитъ вопросъ, откуда могла появиться самая идея о колоколѣ и думаетъ, что необходимо поставить вопросъ: Западъ или Востокъ? Онъ полагаетъ, что форма колоколовъ скорѣе пришла съ Запада. Въ древнѣйшей исторіи уже встрѣчается индіанка съ колокольчиками, какъ украшеніями.

И. П. Машковъ замѣтилъ, что форма колокола могла появиться на Востокѣ и перейти къ намъ съ Запада.

Е. И. Вашковъ добавляетъ, что колокола могли итти не Южнымъ, а Сѣвернымъ путемъ изъ Германіи.

И. С. Бѣляевъ спрашиваетъ докладчика, насколько имъ использованы архивные матеріалы.

Е. И. Вашковъ сообщаетъ, что онъ исчерпалъ всю печатную литературу по изданіямъ Архива о колоколахъ.

И. С. Бѣляевъ возражаетъ, что тогда трудъ докладчика, не тронувши разработки первоисточниковъ — сырыхъ матеріаловъ архивныхъ, является одностороннимъ. Для исторіи русскихъ колоколовъ имѣются совсѣмъ не использованные документы въ Московскомъ отдѣленіи Архива Министерства Императорскаго Двора; также въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи въ столбцахъ столовъ Разряднаго приказа: Московскаго, Владимірскаго, Новгородскаго и другихъ за XVII столѣтіе и въ дѣлахъ Сената за бо́льшую половину XVIII вѣка сохраняются дѣлопроизводства, какъ относительно литья колоколовъ на мѣстѣ, такъ и распоряженій центральныхъ учрежденій и воеводскихъ управленій о постановкѣ церковныхъ и набатныхъ колоколовъ.

Д. В. Цвѣтаевъ указываетъ докладчику, что въ Архивѣ же Министерства Юстиціи имѣются подробныя описи съ 1763 года монастырей почти всей Россіи, въ которыхъ заключается богатый матеріалъ о церковномъ строительствѣ, утвари, ризницахъ, въ числѣ его много цѣнныхъ данныхъ и къ исторіи колоколовъ.

Е. И. Вашковъ соглашается, что архивными источниками необходимо воспользоваться хотя бы въ видѣ дополненія къ вышедшей уже книгѣ.

Предсѣдатель Общества графиня П. С. Уварова благодарила докладчика за его сообщеніе.

7. Въ концѣ засѣданія гр. П. С. Уварова сообщила собранію, что нынѣшнимъ лѣтомъ она занималась старинными документами въ Порѣчскомъ своемъ музеѣ. Тутъ же находился работавшій надъ диссертаціей г. Богуславскій, который отмѣтилъ, что въ числѣ другихъ актовъ Порѣчскаго музея имѣются нѣкоторые, касающіеся воцаренія Михаила Ѳеодоровича Романова, можетъ быть даже совсѣмъ новые. Гр. П. С. полагала бы, если дѣйствительно означенные акты Порѣчскаго Музея окажутся до сихъ поръ неизвѣстными, напечатать на свой счетъ къ предстоящему трехсотлѣтію дома Романовыхъ. Графиня представила собранію семь сборниковъ старыхъ актовъ, которые по осмотрѣ присутствовавшими рѣшено передать для детальнаго ознакомленія съ ихъ содержаніемъ членамъ Общества Д. В. Цвѣтаеву и И. С. Бѣляеву съ тѣмъ, чтобы они свое о нихъ заключеніе представили по возможности къ слѣдующему засѣданію.

---

759. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 19 октября 1912 г.,

Предъ началомъ засѣданія духовенствомъ, при пѣніи хора пѣвчихъ, въ присутствіи Предсѣдателя Общества гр. П. С. Уваровой, членовъ и корреспондентовъ Общества, а также семьи покойнаго С. У. Соловьева, была отслужена панихида по умершимъ членамъ Общества А. С. Хахановѣ, П. И. Щукинѣ и С. У. Соловьевѣ.

Подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, присутствовали: И. Н. Бороздинъ, В. А. Городцовъ, Ю. В. Готье, Э. В. Готье, Б. И. Дунаевъ, І. К. Линдеманъ, И. П. Машковъ, Д. П. Суховъ, И. Я. Стеллецкій, И. В. Рыльскій, И. В. Цвѣтаевъ, С. Д. Щербакъ, Ѳ. Ѳ. Горностаевъ, С. Д. Милорадовичъ, В. В. Шейманъ. Обязанности секретаря, вслѣдствіе отсутствія В. К. Трутовскаго, исполнялъ И. С. Бѣляевъ.

Предсѣдатель гр. П. С. Уварова сказала слово, посвященное памяти скончавшихся членовъ Общества П. И. Щукина и С. У. Соловьева; по ея предложенію память ихъ почтена вставаніемъ.

1. И. В. Рыльскій прочелъ докладъ: «Памяти С. У. Соловьева», въ которомъ довольно подробно обрисовалъ всю трудовую жизнь покойнаго, его образованіе въ училищѣ живописи,

ваянія и зодчества, путешествіе въ Италію для изученія древнихъ памятниковъ, изученіе имъ преимущественно Сѣвернаго края Россіи, главнымъ образомъ Ростова и, наконецъ, ревностное участіе въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и въ его Комиссіи по изученію древнихъ памятниковъ и преждевременную кончину талантливаго работника.

2. Н. Н. Соболевъ сдѣлалъ сообщеніе объ обслѣдованіи имъ Торопца, его уѣзда и Псковской губерніи вообще. Докладчикъ подробно остановился на исторіи Торопецкой области и ея князей и на дальнѣйшихъ въ ней событіяхъ. Въ области этой обиліе кургановъ, почти не изслѣдованныхъ, и между прочимъ на окраинѣ самаго города Торопца — городище до 273 саженъ по нижней окружности, при $6^1/_2$ саж. высоты отъ уровня озера. Другое городище находится на берегу озера Двины близъ деревни «Монастырщины». Внизъ по теченію Западной Двины встрѣчаются десятки кургановъ, нѣкоторые изъ которыхъ разрыты, а другіе остались цѣлы. Между озерами Жижецкимъ и Двинскимъ находится 7 кургановъ большихъ размѣровъ, окруженныхъ рвомъ. Нѣкоторые крестьяне занимаются кладоискательствомъ и находятъ въ курганахъ оружіе, продаваемое ими антикваріямъ. Н. Н. Соболевъ демонстрировалъ передъ собраніемъ свой огромный трудъ — снятыя имъ 263 фотографіи церквей въ Псковской губерніи. Гр. П. С. Уварова благодарила докладчика за его работу, убѣдившую собраніе, что между всѣми сфотографированными церквами почти не осталось стиля Псково-Новгородскаго.

3. В. В. Гольмстенъ сдѣлала докладъ «Объ археологическихъ работахъ въ Уфимской губерніи въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ». Докладъ прилагается къ протоколу (прил. 1).

В. А. Городцовъ, по поводу доклада В. В. Гольмстенъ, замѣтилъ, что инвентарь могильника представляетъ значительный научный интересъ, во-первыхъ, потому, что проливаетъ давно ожидаемый свѣтъ на археологическіе памятники глухой, почти незатронутой изслѣдованіями, области, каковою является Уфимская губернія; а во-вторыхъ, еще по тому, что относится ко времени, когда въ предѣлахъ Европейской Россіи, за исключеніемъ побережій Чернаго моря, жизнь была особенно глуха. Культура Уфимскаго могильника по своему общему характеру не является изолированною. Аналогіи ей можно указать въ двухъ довольно отдаленныхъ пунктахъ, именно: въ Вятской губерніи и въ Крыму, а это указываетъ на весьма широкое ея распространеніе. Въ Вятской губерніи аналогичныя находки далъ Пьяноборскій могильникъ, открытый на верхней береговой террасѣ у села Пьяный боръ, Елабужскаго уѣзда. Довольно богатая культура Пьяноборскаго могильника является продолженіемъ культуры Ананьевскаго могильника. Время послѣдняго, несомнѣнно, предшествуетъ нашей эрѣ; обыкновенно его относятъ къ IV вѣку до Р. Х. Въ культурѣ этого могильника еще не закончился процессъ смѣны бронзовыхъ орудій желѣзными. Время Пьяноборскаго могильника датируется бронзовыми стрѣлами, желѣзными псаліями Аксютинскихъ и Бѣльскихъ курганныхъ типовъ поздне-сарматскаго времени, т.-е. первыхъ вѣковъ христіанской эры. Такая дата подтверждается и присутствіемъ въ культурѣ Пьяноборскаго могильника бронзовыхъ колецъ съ раздутостями въ видѣ напущенныхъ бусинъ, а также египетскими дыневидными бусами изъ голубоватой смальты. Эти кольца и бусы пользовались наибольшимъ распространеніемъ въ предѣлахъ Евр. Россіи, именно въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х. Египетскія смальтовыя бусы найдены въ Гляденовскомъ костищѣ близъ г. Перми съ монетами индо-парфянскихъ царей времени около Р. Х. Сходство Уфимскаго могильника съ Пьяноборскимъ заключается въ одинаковыхъ круглыхъ одиночныхъ и двойныхъ бляшкахъ, одинаковыхъ бронзовыхъ стрѣлахъ, синихъ глазчатыхъ бусахъ и совершенно одинаковыхъ серьгахъ, имѣющихъ нижніе концы завитыми на концѣ. Эти серьги въ Вятскомъ краѣ пользовались значительнымъ распространеніемъ и имѣли свою разновидность, у которой завитый изъ проволоки конусъ былъ замѣненъ конусами, свернутыми изъ пластинки, однако покрытой орнаментомъ, подражающимъ завиткѣ проволочнаго конуса. Еще больше сходства Уфимскій могильникъ имѣетъ съ Крымскимъ ящечнымъ могильникомъ, открытымъ въ Байдарской долинѣ. Въ обоихъ этихъ могильникахъ мы находимъ одинаковыя серьги съ нижними концами, завитыми на

конусъ, одинаковыя бронзовыя привѣски, завитыя въ видѣ восьмерокъ, или, такъ-называемой, «микенской спирали», одинаковыя бронзовыя бляшки — двойчатки, одинаковыя глазчатыя бусы, одинаковые бронзовые наконечники стрѣлъ. Культурное сродство этихъ столь отдаленныхъ другъ отъ друга могильниковъ — несомнѣнно, хотя ихъ географическое отношеніе другъ къ другу вполнѣ загадочно, а посему и особенно интересно. Датой Байдарскаго могильника служатъ ла-тэнскія фибулы, существовавшія въ началѣ I в. по Р. Х. Эта дата подтверждается также бронзовыми стрѣлами, окончившими свое существованіе не позднѣе III в. по Р. Х., при чемъ во II в. эти стрѣлы почти никогда не встрѣчаются безъ сопровожденія ихъ желѣзными стрѣлами. Такимъ образомъ, по сравненію вещей Уфимскаго могильника съ вещами Ананьинскаго могильника, устанавливается, что онъ былъ позднѣе послѣдняго, служа какъ бы его культурнымъ продолженіемъ. По сравненію же съ вещами Пьяноборскаго и Байдарскаго могильниковъ — что онъ можетъ принадлежать къ первымъ вѣкамъ христіанской эры. Это время для культуръ Восточной Россіи еще очень темно, и поэтому всякая находка, проливающая свѣтъ на него, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Вотъ почему такъ и важны вещи Уфимскаго могильника. Намъ остается только поздравить В. В. Гольмстенъ съ счастливой находкой и пожелать ей дальнѣйшаго успѣха въ освѣщеніи Уфимскаго края.

Гр. П. С. Уварова благодарила В. В. Гольмстенъ за интересный докладъ и демонстрированіе найденныхъ ею въ могильникѣ вещей и пожелала ей продолжать работу съ такимъ же успѣхомъ.

4. Н. Н. Шмыткина сдѣлала сообщеніе «О раскопкахъ близъ г. Лубенъ, Полтавской губ., въ іюлѣ 1912 г.» Докладъ прилагается къ протоколу (прил. 2).

И. Я. Стеллецкій думаетъ, что въ могильникахъ близъ г. Лубенъ, Полтавской губерніи, заключается граница, на которой смѣшивается погребеніе сѣверянскаго племени со скифами.

Гр. П. С. Уварова, В. А. Городцовъ и І. К. Линдеманъ не соглашаются съ И. Я. Стеллецкимъ и полагаютъ, что такой границы найти невозможно.

Предсѣдатель Общества Гр. П. С. Уварова благодарила Н. Н. Шмыткину за ея докладъ.

И. В. Цвѣтаевъ замѣтилъ, что въ настоящемъ засѣданіи всѣ присутствовавшіе были свидѣтелями новаго явленія — выступленія сразу двухъ женщинъ-работницъ по археологіи. И. В. Цвѣтаевъ привѣтствуетъ ихъ выступленіе и находитъ, что это явленіе не единичное, среди нихъ есть большая наклонность къ изученію документовъ въ архивахъ и къ изслѣдованію древнихъ памятниковъ. Въ Музеѣ Александра III появился огромный наплывъ слушательницъ курсовъ, до 400 человѣкъ, каждый день онѣ горятъ слушать лекціи по находящимся въ Музеѣ памятникамъ.

В. А. Городцовъ указываетъ на подобный же наплывъ слушательницъ въ Историческій Музей.

5. Гр. П. С. Уваровою и И. Н. Бороздинымъ предложенъ въ дѣйств. члены Общества проф. Мих. Ив. Ростовцевъ; гр. П. С. Уваровой и В. А. Городцовымъ: въ чл.-корреспонденты В. В. Гольмстенъ и Н. Н. Соболевъ.

Приложеніе I къ протоколу 759:

Археологическія изслѣдованія въ Уфимской губ.

Темой настоящаго сообщенія служитъ изслѣдованіе могильника близъ Чертова Городища подъ г. Уфою.

Уфимская губ., къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ весьма мало обслѣдованной въ археологическомъ отношеніи. Между тѣмъ, она изобилуетъ самыми разнообразными археологическими памятниками и представляетъ широкое поле для работы.

По природѣ своей Уфимская губ. раздѣляется на двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой: западную — степную и восточную — лѣсную и гористую. Въ зависимости отъ этого естественнаго дѣленія территоріи и памятники быта народовъ, населявшихъ ее, носятъ тотъ или другой характеръ; въ западной части губерніи — это курганы, оставленные кочевниками, а въ восточной — памятники, оставленные древнимъ осѣдлымъ населеніемъ, какъ-то: многочисленныя городища, селища, жертвенныя мѣста, могильники, чудскія копи и проч.

О характерѣ археологическихъ богатствъ края приходится судить почти исключительно на основаніи случайныхъ находокъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ древности; весьма многочисленны находки бронзовыхъ орудій: кельтовъ, топоровъ съ вислыми обухами, наконечниковъ копій и стрѣлъ и т. п. Нахожденіе многихъ бронзовыхъ предметовъ въ неотдѣланномъ видѣ указываетъ на существованіе мѣстнаго металлургическаго производства, что вполнѣ естественно въ виду того, что Уфимская губ. входила въ составъ волжско-камскаго культурнаго очага бронзовой эпохи. Къ болѣе позднему времени относятся всевозможные предметы древности, какъ-то: орудія труда, части вооруженія и конской сбруи, разнообразныя украшенія, часто изъ благородныхъ металловъ, между которыми привлекаютъ вниманіе золотыя вещи «пермскаго типа». Также извѣстны находки сассанидскихъ сосудовъ и всевозможныхъ монетъ.

Первыя попытки изученія Уфимской губ. были сдѣланы вскорѣ послѣ основанія Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ, въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія Нѣкоторые члены Уфимскаго Комитета дѣятельно принялись изучать свою губернію въ топографическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Лицомъ, наиболѣе поработавшимъ по исторіи и археологіи Уфимской губ. былъ покойный членъ Московскаго Археологическаго О-ва Р. Г. Игнатьевъ, который лично посѣтилъ и описалъ многіе пункты, имѣющіе значеніе для исторіи края. Съ теченіемъ времени живая дѣятельность членовъ Статистическаго Комитета заглохла и долго губернія эта не привлекала вниманія археологовъ. Въ 1894 году членомъ Московскаго Археологическаго О-ва Ф. Д. Нефедовымъ были произведены изслѣдованія въ Прикамьѣ, но они только слегка коснулись Уфимской губ. Затѣмъ Н. И. Булычевымъ былъ изданъ атласъ рисунковъ съ нѣкоторыхъ предметовъ мѣстныхъ древностей. Этимъ, кажется, и ограничиваются наши свѣдѣнія по археологіи губерніи.

Въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ мною были сдѣланы попытки археологическихъ работъ въ Уфимской губ. Раскопка кургановъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ не дала интересныхъ результатовъ, такъ какъ курганы оказались разграбленными; большій успѣхъ имѣла раскопка въ Стерлитамакскомъ у. на мѣстѣ бывшаго Вознесенскаго монастыря, разореннаго башкирами въ XVII столѣтіи, и также раскопка на Чертовомъ Городищѣ подъ Уфою. Наиболѣе же содержательными оказались раскопки могильника близъ названнаго городища, произведенныя въ 1911 и 1912 г.г.

Обстоятельства, предшествовавшія открытію могильника, были слѣдующія: весной 1911 г. вблизи Чертова Городища, въ 3 верстахъ на В. отъ г. Уфы, на дачномъ участкѣ, арендованномъ у города г. Озерецковскимъ, при рытьѣ погреба былъ открытъ костякъ съ вещами. Вещи были взяты рабочимъ и утеряны, кромѣ одного бронзоваго наконечника стрѣлы, который сохранилъ владѣлецъ участка. Вслѣдъ за этимъ погребеніемъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него, было открыто второе — при постройкѣ дачи. Кромѣ того, въ саду этого же дачнаго участка была сдѣлана случайная находка — бронзовая бляха со звѣринымъ орнаментомъ.

Эти находки и нѣкоторыя другія обстоятельства, какъ быстрая застройка мѣстности и слухи о предполагающейся хищнической раскопкѣ побудили насъ немедленно предпринять рекогносцировочную раскопку, которая и обнаружила существованіе могильника.

Мѣстность, гдѣ былъ открытъ могильникъ, находится на высокомъ берегу р. Уфы, въ 50 саж. на С.-З. отъ Чертова Городища. На самомъ берегу рѣки расположенъ уже упомянутый участокъ г. Озерецковскаго. Своей западной стороной участокъ этотъ выходитъ на луговину, гдѣ и была открыта большая часть погребеній. На сѣверной сторонѣ луговины находится

участокъ городского сторожа, на южномъ — два дачныхъ участка г.г. Меклера и Каримова, западной же своей стороной, обращенной къ городу, она переходитъ въ незастроенное пространство — городской выгонъ. Площадь луговины пересѣчена нѣсколькими дорогами, идущими изъ города на городище и на дачи.

Раскопка лѣта 1911 г., произведенная мною совмѣстно съ Д. Н. фонъ-Эдингомъ, носила рекогносцировочный характеръ: закладывались траншеи по 3 арш. ширины, начиная отъ мѣста нахожденія костяковъ, и проводились послѣдовательно: на Ю., на З., на С. Кромѣ того, были проведены нѣсколько траншей съ восточной стороны, въ саду г. Озерецковскаго, по самому берегу. Такимъ образомъ была установлена площадь могильника.

При раскопкѣ 1912 г. траншеи закладывались по 4 арш. шириной и проводились уже въ той части могильника, гдѣ можно было надѣяться почти навѣрно встрѣтить погребеніе.

Всего траншей было проведено 44, при чемъ длина ихъ колебалась отъ 8—32 аршинъ, преобладали же траншеи по 16, 20 и 24 аршина.

Общее число открытыхъ погребеній достигло 28.

Погребенія находились на сравнительно небольшой глубинѣ, очень рѣдко достигавшей $1^1/_2$ арш., по большей же части не превышавшей 1 арш., а нѣкоторыя погребенія открывались даже на глубинѣ 12—13 вершковъ. Причиной столь небольшой глубины могилъ былъ, вѣроятно, характеръ почвы, весьма неудобной для рытья: твердый суглинокъ со значительнымъ количествомъ обломковъ известняка.

Къ сожалѣнію, многія погребенія оказались потревоженными: изъ общаго числа ихъ, въ цѣломъ видѣ обнаружено было только 16. Зависѣло это обстоятельство, повидимому, отъ того, что лѣтъ 15 тому назадъ площадь могильника была занята кумысо-лѣчебнымъ заведеніемъ, при которомъ находилось до 50 отдѣльныхъ построекъ. При сравнительно небольшой глубинѣ могилъ, естественно было, что ямы, вырываемыя при постройкѣ, достигали погребеній. Костякъ находился иногда цѣликомъ разрушеннымъ, иногда была потревожена то верхняя, то нижняя его часть. Иногда передъ нахожденіемъ погребенія, въ верхнихъ слояхъ встрѣчалась отдѣльныя кости или вещи.

Положеніе костяковъ, находимыхъ въ цѣломъ видѣ, было вытянутое, на спинѣ; обѣ руки, обычно, протянуты вдоль туловища, иногда одна или обѣ руки лежали на тазу; въ двухъ случаяхъ были открыты костяки съ согнутыми въ локтяхъ руками и съ кистями подъ нижней челюстью.

Оріентировка костяковъ представляется крайне неустойчивой, хотя замѣтна нѣкоторая тенденція къ положенію головой на З. и Ю.-З.

Длина костяковъ могла быть измѣрена въ 10 случаяхъ; для мужскихъ костяковъ (4 сл.) она колебалась отъ 147—165 сант., а для женскихъ (6 сл.) отъ 141—159 сант.

Къ ритуальнымъ особенностямъ погребеній слѣдуетъ отнести мелкіе угли, которые находились разсыпанными въ небольшомъ количествѣ по костямъ.

Изъ общаго числа погребеній было: 11 мужскихъ, 9 женскихъ, 4 дѣтскихъ и 4 остались неопредѣленными.

Почти всѣ погребенія сопровождались вещами: у мужчинъ это было въ большинствѣ случаевъ оружіе: желѣзные наконечники копій, бронзовые наконечники стрѣлъ и желѣзные ножи, кромѣ того, у двухъ мужскихъ костяковъ были открыты бронзовыя поясныя бляхи. Стрѣлы полагались, повидимому, въ колчанахъ, такъ какъ находились обычно у лѣваго колѣна, грудкой, остріями обращенными книзу, иногда подъ наконечниками стрѣлъ сохранились кусочки кожи. Съ лѣвой стороны, у пояса находились иногда желѣзные крючки, на которыхъ могли привѣшиваться колчаны. При женскихъ костякахъ находились различныя украшенія: голову одного костяка окружалъ вѣнчикъ изъ бронзовыхъ полушариковъ; на шеѣ обычно находились бронзовыя гладкія гривны съ заходящими концами, а въ одномъ случаѣ — ожерелье изъ бронзовыхъ обоймицъ, бляшекъ, бусъ и треугольныхъ привѣсокъ. По сторонамъ черепов находились

или 8-образныя височныя кольца, или серьги въ видѣ спиральнаго кольца или въ формѣ «?». На рукахъ были обнаружены браслеты гладкія, круглыя или массивныя пластинчатыя, а на ручныхъ пальцахъ — спиральныя бронзовыя кольца. Не совсѣмъ понятно назначеніе массивныхъ бронзовыхъ крючковъ, часто орнаментированныхъ, сопровождавшихъ по одному каждое погребеніе; находились подобные крючки или съ правой стороны таза или у локтя. Интересной подробностью женскаго костюма были бронзовыя бляхи съ изображеніемъ фантастическихъ животныхъ. Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, почти всѣ женскіе костяки сопровождались желѣзнымъ ножомъ, находившимся, въ большинствѣ случаевъ, въ области таза и различными мелкими грудными украшеніями въ видѣ бронзовыхъ бляшекъ, привѣсокъ, пуговицъ, обоймицъ и проч. Дѣтскіе костяки были, обычно, совсѣмъ безъ вещей, у одного изъ нихъ только была обнаружена у кисти правой руки — костяная подѣлка: игрушка или амулетъ, а у праваго колѣна — украшеніе изъ бисера, нѣсколькихъ бронзовыхъ и одной золотой обоймицы, нашитыхъ на кожу.

Слѣдуетъ отмѣтить фактъ полнаго отсутствія при погребеніяхъ какихъ-либо сосудовъ.

Касаясь вопроса о культурѣ, къ которой должны относиться вещи Уфимскаго могильника, слѣдуетъ сказать, что подобныя имъ извѣстны исключительно изъ случайныхъ находокъ, цѣлыхъ же коллективныхъ памятниковъ этой культуры мы не знаемъ.

Конечно, на основаніи того небольшого матеріала, какой имѣется у насъ въ рукахъ, трудно дѣлать какіе-либо положительные выводы или заключенія, но все же представляется возможность указать на нѣкоторыя характерныя черты разсматриваемыхъ вещей и попытаться найти аналогичные предметы среди памятниковъ другихъ культуръ.

Какъ извѣстно, культуры восточныхъ губерній Россіи носятъ на себѣ слѣды вліянія культуры Западной Сибири и тамъ именно, главнымъ образомъ, слѣдуетъ искать прототиповъ предметовъ, открываемыхъ въ Пріуральѣ.

«Количество древнихъ бронзъ въ Сибири», пишутъ гр. Толстой и проф. Кондаковъ: «велико, особенно по Енисею, гдѣ оно, по сравненію съ другими вещами, обратило вниманіе путешественниковъ прошлаго вѣка. На востокъ бронзъ попадается меньше, на западѣ же онѣ переходятъ Уралъ и въ губерніяхъ Пермской и Вятской образуютъ оригинальную группу, тѣсно связанную съ сибирскими древностями». Характеръ большинства вещей Уфимскаго могильника даетъ право присоединить ихъ именно къ указанной группѣ древностей: аналогичные нашимъ предметамъ мы находимъ въ достаточномъ количествѣ какъ среди древностей Западной Сибири, такъ и среди древностей восточныхъ губерній Россіи.

Прежде всего, слѣдуетъ обратиться къ нашимъ наиболѣе характернымъ находкамъ—бронзовымъ бляхамъ съ животнымъ орнаментомъ, столь типичнымъ для Сибири. Такихъ бляхъ въ коллекціи имѣется шесть: двѣ изъ — нихъ парныя четырехугольныя представляютъ четвероногое фантастическое животное съ изогнутой спиной и повернутымъ назадъ острой мордой.

Двѣ другія бляхи, хотя и непарныя, но сходны по сюжету: это изображеніе двухъ фантастическихъ животныхъ, опирающихся передними лапами на стоящее между ними дерево. Пятая бляха представляетъ животное съ изогнутымъ туловищемъ, повидимому, что-то пожирающее. Отъ шестой бляхи сохранилась только часть, представляющая голову, кажется, лошади.

Сюжеты изображеній, характеръ рисунка, нѣкоторыя детали, какъ схематическая передача глазъ, ушей и ноздрей у животныхъ завитками и кружками, спиральный орнаментъ, контуры тѣлъ въ видѣ шнурка и проч. — все это является характернымъ для западно-сибирскихъ бляхъ и указываетъ на несомнѣнное происхожденіе этихъ предметовъ съ Востока.

Можно задаться вопросомъ: слѣдуетъ ли разсматривать эти бляхи, какъ простыя украшенія или же какъ предметы культа? что легло въ основу этихъ изображеній: неумѣлая ли передача формъ животныхъ или же какая-либо религіозная идея? нельзя ли установить связь между этими предметами и шаманствомъ? Не считая себя компетентной въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, я позволю себѣ только указать на бляхи изъ нашего собранія, представляющія

парныхъ животныхъ со стоящимъ между ними деревомъ, сюжетъ весьма распространенный въ восточномъ искусствѣ, имѣющій въ основѣ религіозную идею священнаго дерева или древа жизни.

Сюжетъ другой бляхи: хищникъ, терзающій другое животное — тоже обыченъ на востокѣ, какъ символъ побѣды добра надъ зломъ. Ссылаюсь на статью А. А. Спицына «Шаманизмъ въ отношеніи къ русской археологіи», которая представляетъ изъ себя попытку установить связь между изображеніями, подобными нашимъ и восточными культами.

Другимъ предметомъ, характернымъ для русскихъ восточныхъ культуръ являются бронзовые трехгранные наконечники стрѣлъ. Мѣста нахожденія подобныхъ стрѣлъ намъ извѣстны: въ Западной Сибири, въ восточныхъ губерніяхъ и на югѣ Россіи. Въ Сибири по Оби и Енисею трехгранныя наконечники стрѣлъ находятся весьма часто съ бронзовыми орудіями, оттуда же они проникли въ восточныя губерніи, гдѣ были открываемы и какъ случайныя находки и въ могильникахъ Котловскомъ, Пьяноборскомъ, Ананьевскомъ и др.; здѣсь они встрѣчаются уже иногда вмѣстѣ съ желѣзными орудіями, также, какъ и на югѣ въ скиѳскихъ погребеніяхъ.

Аналогичныя нашимъ ручнымъ кольцамъ, бронзовымъ крючкамъ, привѣскамъ и бляшкамъ мы находимъ среди предметовъ Ананьевскаго и Котловскаго могильниковъ, а также среди вещей нѣкоторыхъ восточно-финскихъ могильниковъ: Кошибеевскаго, Томниковскаго, Лядинскаго и др.

Несмотря на сходство нѣкоторыхъ вещей Уфимскаго могильника съ вещами изъ только что упомянутыхъ, все же его нельзя считать принадлежащимъ ни финнамъ, ни представителямъ Ананьевской или Котловской культуры: культура его слишкомъ далеко стоитъ по характеру своему отъ первыхъ и по времени отъ вторыхъ. Онъ стоитъ совершеннымъ особнякомъ и является, очевидно, памятникомъ новой, до сихъ поръ неизвѣстной намъ культуры, на что было указано и В. А. Городцовымъ и А. А. Спицынымъ.

Вопросъ о времени, къ которому относится Уфимскій могильникъ, можетъ быть рѣшенъ только приблизительно, такъ какъ точно датирующихъ предметовъ въ нашей коллекціи не имѣется. На основаніи совмѣстнаго нахожденія желѣзныхъ и бронзовыхъ орудій, слѣдуетъ признать, что Уфимскій могильникъ относится ко времени значительно болѣе позднему, чѣмъ недалеко отъ него расположенные Котловскій и Ананьевскій могильники: въ первомъ изъ нихъ находимы были исключительно бронзовыя орудія, а во второмъ хотя и встрѣчались уже желѣзныя, но вмѣстѣ съ ними находились и бронзовыя. Въ нашемъ же могильникѣ всѣ орудія желѣзныя, за исключеніемъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, которые, какъ извѣстно, существовали долгое время и послѣ введенія желѣза въ общій обиходъ.

Если Ананьевскій могильникъ правильно датируется IV — III в. до Р. Х. то Уфимскій долженъ относится ко времени не раньше Р. Х., такъ какъ не менѣе 2—3 вѣковъ потребовалось, чтобы желѣзо вытѣснило бронзу въ данномъ раіонѣ. Въ то же время онъ не можетъ относится ко времени позже III в. по Р. Х., такъ какъ къ этому времени на всей площади Россіи исчезаютъ бронзовыя стрѣлы.

Итакъ, думается, что не будетъ большой ошибки, если мы отнесемъ Уфимскій могильникъ ко времени I—III в. по Р. Х.

Дальнѣйшія работы въ Уфимской губ., безъ сомнѣнія, дадутъ возможность сказать объ данной культурѣ что-нибудь болѣе положительное, чѣмъ это можно сдѣлать въ настоящее время.

В. Гольмстенъ.

Приложеніе II къ протоколу № 759.

Раскопки близъ гор. Лубенъ, Полтавской губ., лѣтомъ 1912 года.

Лѣтомъ 1912 года мнѣ удалось въ окрестностяхъ г. Лубенъ, Полтавской губ. произвести раскопки кургановъ, которые группами и поодиночкѣ расположены близъ города и около пригородныхъ деревень, невольно привлекая къ себѣ вниманіе изслѣдователя. Около г. Лубенъ имѣется четыре главныя группы кургановъ, а именно: а) первая группа разбросана въ Мгарскомъ лѣсу (мѣстнаго Мгарскаго монастыря) и заключаетъ въ себѣ болѣе тридцати различной величины кургановъ, покрытыхъ молодымъ лѣсомъ (на мѣстѣ стараго срубленнаго); б) вторая группа кургановъ расположена на такъ называемой Замковой Горѣ, близъ самаго г. Лубенъ. Курганы разбросаны на распаханныхъ частяхъ поля, что значительно, повидимому, сократило число кургановъ, изъ которыхъ только нѣсколько были раскопаны гг. Стеллецкимъ и Каменскимъ. Мнѣ не удалось здѣсь произвести раскопки, такъ какъ въ то время курганы были покрыты хлѣбомъ; в) третья группа — столь же многочисленная, какъ и первая — расположена близъ деревни Мгарь, въ 2—3 верстахъ отъ Мгарскаго монастыря, на лугу, около сельскаго кладбища, съ которымъ тѣсно соприкасается, такъ что нѣкоторые курганы лежатъ въ площади, отведенной подъ современное православное кладбище, и новѣйшія погребенія совершаются частью уже на старыхъ большихъ курганахъ; г) четвертая извѣстная мнѣ группа лежитъ на Терновской толокѣ при выѣздѣ изъ города по Терновской дорогѣ на горномъ берегу рѣки Сулы.

Начну описаніе раскопокъ съ послѣдней 4-й группы. Площадь, занятая курганами, обыкновенно служитъ пастбищемъ для скотины, а иногда занимается баштанами, для чего много разъ распахивалась. Передъ раскопками на Терновской толокѣ мнѣ пришлось услышать нѣсколько ироническихъ замѣчаній мѣстныхъ жителей, въ томъ числѣ даже интеллегентныхъ. Одни говорили, что это — шведскія могилы, другіе считали ихъ сооруженіемъ военныхъ, стоявшихъ подъ Лубнами лагеремъ лѣтъ 30 тому назадъ. Нашелся даже одинъ изъ мѣстныхъ жителей, который говорилъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ, будучи мальчикомъ пастухомъ, собственными глазами видѣлъ, какъ сооружался начатый раскопкой курганъ, зарегистрованный у меня подъ № 2 для военныхъ упражненій — скачекъ съ препятствіями. Однако, безпорядочная разбросанность кургановъ (только три небольшихъ изъ нихъ расположены были почти на одной линіи и на равномъ разстояніи другъ отъ друга), затѣмъ сомнѣніе въ томъ, что круглыя насыпи типа древни нетронутыхъ кургановъ не употребляются теперь въ качествѣ военныхъ сооруженій, заставило меня недовѣрчиво отнестись ко всѣмъ разсказамъ мѣстныхъ жителей, тѣмъ болѣе, что мои предположенія подтвердились при вскрытіи перваго же кургана, заключавшаго въ себѣ древнее погребеніе съ окрашеннымъ скорченнымъ костякомъ, а въ томъ самомъ курганѣ № 2, про который говорилось, что онъ былъ насыпанъ для военныхъ упражненій, оказался вещественный памятникъ древнѣйшаго погребенія — горшокъ съ ямочнымъ орнаментомъ.

Вскрытый одинъ изъ маленькихъ кургановъ, расположенныхъ въ рядъ, относительно которыхъ оставалось сомнѣніе, показалъ также, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ сооруженіемъ послѣднихъ лѣтъ, а съ древнимъ погребеніемъ. Раньше до меня на Терновской толокѣ раскопокъ, повидимому, никѣмъ не производилось, за исключеніемъ одного кургана № 5, стоявшаго одиноко отъ всей группы кургановъ, начатаго раскопкой въ третьемъ году И. Я. Стеллецкимъ и законченнаго изслѣдованіемъ мною въ этомъ году.

Въ группѣ № 4 было вскрыто мною 5 кургановъ, а именно:

Курганъ № 1.

Одинъ изъ наиболѣе крупныхъ въ группѣ. Мѣстная почва состоитъ изъ чернозема толщиной въ 3—4 вершка, глубже идетъ желтая глина — лёссъ. Насыпь кургана состояла изъ чернозема съ гнѣздами глины и сгнившими корнями растеній. Наружный видъ кургана — круглый съ расплывшейся тупой вершиной. Вокругъ кургана едва замѣтные слѣды выемки.

Окружность кургана. . . 48 арш.
Высота » . . . 2 арш. 6 вершк.
Діаметръ » . . . 16 арш.

Раскопка велась колодцемъ 4×4 арш. На глубинѣ 2 арш. 9 вершк. показалась погребальная яма, очерченная длиннымъ прямоугольникомъ съ ярко выраженными острыми углами (▭) въ направленіи съ С. на Ю. Размѣръ ямы 1 арш. 10 вершк. × 3 арш. × 8 вершк. Въ ямѣ лежалъ костякъ, оріентированный на Югъ головой, которая склонилась на правый бокъ. Скелетъ оказался въ скорченномъ положеніи и какъ бы свалившись на правый бокъ къ одной стѣнѣ ямы (восточной ст.). Подъ тазомъ оказался кусокъ угля. Изъ костей не сохранилось конечностей рукъ и ногъ. Кости носятъ слѣды окраски въ розоватый цвѣтъ. Подъ скелетомъ крѣпкая глинистая почва какъ бы промоченная и утрамбованная. Вещей никакихъ не найдено.

Курганъ № 2.

По величинѣ почти равенъ предыдущему кургану, съ которымъ и стоитъ рядомъ. Общій видъ также одинаковъ.

Окружность. . . 47 арш.
Высота . . . . . 1 арш. 6 вершк.
Діаметръ . . . . 15 арш. 11 вершк.

Раскопка велась колодцемъ 4 арш. × 4 арш. На глубинѣ $^3/_4$ арш. въ Ю.-З. углу колодца обнаружено кострище $^1/_2$ арш. въ діаметрѣ. На той же глубинѣ по всему колодцу, исключая С.-В. угла разбросаны угли. Въ той же горизонтали ближе къ юго-восточному углу колодца найденъ небольшой горшокъ изъ слабо обожженной темной глины 3 вершк. въ діаметрѣ. Горшокъ — баночной формы, имѣетъ плоское дно и слабо выраженную шейку. На поверхности горшка ясно виденъ ямочный орнаментъ и штриховка, въ видѣ трехъ вертикальныхъ (неправильно) черточекъ или царапинъ. Горшокъ по формѣ похожъ на баночные горшки изъ раскопокъ В. А. Городцова («Труды XIII Археол. Съѣзда». Т. I. Табл. XIII). Около горшка лежала обуглившаяся часть повидимому берцовой кости. При раскопкѣ кострище, горшокъ и кость были найдены неожиданно, поэтому произошла нѣкоторая порча кости и разсѣченъ пополамъ (лопатой) горшокъ, который, впрочемъ, удалось хорошо склеить. Дальнѣйшая раскопка кургана (до 3 арш.) не дала никакихъ результатовъ и была прекращена послѣ того, какъ съ очевидностью была установлена наличность дѣвственной почвы.

Курганъ № 3.

Расположенъ около кургановъ № 1 и № 2. Грунтъ тотъ же.

Окружность кургана. . . 67 арш.
Высота » . . . 2 арш. 10 вершк.
Діаметръ » . . . 22 арш.

Раскопка велась колодцемъ въ $4 \times 4^1/_2$ арш. При выемкѣ земли въ разныхъ мѣстахъ колодца попадались угольки. Колодецъ былъ выкопанъ до глубины 4 арш., но признаковъ погребенія въ видѣ костей или вещей не найдено.

Курганъ № 4.

Изслѣдовался одновременно съ предыдущимъ. За раскопкой наблюдалъ А. А. Масловъ. Этотъ курганъ отстоялъ на значительномъ разстояніи отъ предыдущихъ — особнякомъ. Раскапывался курганъ этотъ вторично въ виду того, что по свидѣтельству Н. Я. Стеллецкаго, изслѣдованіе его имъ въ свое время не было окончено.

Окружность кургана	. . .	45 арш.
Высота »	. . .	1 арш. 8 вершк.
Діаметръ »	. . .	15 арш.

Раскопка велась колодцемъ 4×4×4 арш. и не дала никакихъ показаній въ пользу погребенія въ этомъ курганѣ.

Курганъ № 5.

Одинъ изъ самыхъ маленькихъ кургановъ въ группѣ на Терновской Толокѣ.

Окружность кургана	. . .	47 арш.
Высота »	. . .	— » 14 вершк.
Діаметръ »	. . .	15 арш. 11 вершк.

Раскопка велась колодцемъ 4 арш. × 4 арш. На глубинѣ $^3/_4$ арш. въ ю.-з. углу колодца обнаруженъ остатокъ костра и разбросанные по всему колодцу угольки въ небольшомъ количествѣ. Еще глубже на $^1/_4$ арш. обнаружена группа плохо сохранившихся человѣческихъ костей. На мѣстѣ, гдѣ лежали кости, обрисовалось пятно темно-бураго цвѣта съ сѣроватыми прослойками: мѣсто какъ-будто было промочено.

Въ отбросахъ земли найденъ черепокъ сосуда. Одна сторона черепка — красная, другая — черная.

Въ группѣ кургановъ (№ 1), расположенныхъ въ Лѣсу *Мгарскаго Монастыря*, близъ Лохвицкой дороги, раскопанъ мною одинъ небольшой курганъ. Изъ всей группы этихъ кургановъ (болѣе тридцати) до настоящаго времени извѣстно о раскопкѣ лишь одного большого кургана, извѣстнаго подъ именемъ «Гаркушина кургана» (на которомъ по преданію отдыхалъ извѣстный разбойникъ Гаркуша). Этотъ курганъ потребовалъ массу рабочихъ, но, къ сожалѣнію, раскопка производилась хищническимъ способомъ нѣкоей г-жей Х., лубенской жительницей, которая въ поискахъ за кладомъ въ окрестностяхъ Лубенъ разрушила этотъ, быть можетъ, весьма цѣнный для науки памятникъ. Не найдя ничего для себя цѣннаго, г-жа Х. раскопку прекратила. Рабочіе же, рывшіе этотъ курганъ, говорили, что выбрасывали массу костей, черепковъ сосудовъ и др.

Курганъ № 6.

Стоитъ около упомянутаго мною Гаркушина кургана.

Окружность кургана	. . .	40 арш.
Высота »	. . .	1 арш. 4 вершка.
Діаметръ »	. . .	13 арш.

Раскопка велась колодцемъ 3 арш. 14 вершк. × 3 арш. 14 вершк. Деревья, покрывавшія насыпь кургана, были удалены.

На глубинѣ 1 арш. 12 вершк. показалось очертаніе ямы шириною въ 2 арш., длина же не установлена благодаря оказавшемуся разгрому могилы, вслѣдствіе чего очертанія сдѣлались расплывчатыми. Въ длину погребальная яма имѣла направленіе съ СЗ.-З на ЮВ.-В. Вокругъ ямы обнаружено присутствіе шести деревянныхъ столбовъ, сгнившихъ въ труху. На глубинѣ 0,57 саж. найдены человѣческія кости въ разбросанномъ видѣ, даже части черепа въ разныхъ

мѣстахъ. Въ с.-в. сторонѣ колодца въ той же горизонтали, гдѣ находились кости, обнаружено кострище. Въ снятой землѣ, покрывавшей кости, найдены — кусочекъ краски, глиняныя бусинки и желѣзный гвоздь. Кромѣ того, въ отбросахъ земли найдены мелкіе черепки сосудовъ изъ обожженной глины. Нѣтъ сомнѣнія, что курганъ былъ разграбленъ еще въ древности, можетъ быть, современникомъ погребеннаго.

Группа кургановъ (№ 3) близъ *Мгарскаго сельскаго кладбища* сильно отличается отъ двухъ предыдущихъ группъ. Прежде всего курганы расположены тѣсной массой и представляютъ собою могильникъ; многіе изъ нихъ едва возвышаются надъ поверхностью земли, а нѣкоторые достигаютъ громаднаго размѣра. Два изъ большихъ, повидимому, разрыты и на нихъ теперь снова хоронятъ покойниковъ, такъ какъ эти курганы вошли въ область современнаго сельскаго кладбища. Мною изслѣдовано было въ этой группѣ № 3 два кургана.

Курганъ № 7.

Грунтъ глинистый, очень сырой, несмотря на громадную высоту надъ уровнемъ рѣки (на горномъ берегу рѣки Сулы).

Окружность кургана	. . .	40 арш.
Высота »	. . .	14 вершк.
Діаметръ »	. . .	13 арш.

Раскопка велась колодцемъ 4 арш. × 4 арш. На глубинѣ $^3/_4$ арш. найдена человѣческая кость въ центрѣ колодца и черепокъ въ сторонѣ. Тамъ, гдѣ найдена кость, замѣтна темнобурая прослойка, какъ бы промоченной глины. На глубинѣ $1^1/_2$ арш. обнаружены въ центрѣ колодца человѣческія кости (тазовая, берцовая, ручная) и кости птицъ и мелкихъ животныхъ. Произведенная глубже раскопка никакихъ данныхъ не обнаружила, лишь на глубинѣ 2 арш. попался кусочекъ желѣза, кончикъ ножа.

Курганъ № 8.

Расположенъ почти рядомъ съ предыдущимъ.

Окружность кургана	. . .	39 арш.
Высота »	. . .	14 вершк.
Діаметръ »	. . .	13 арш.

Раскопка началась колодцемъ 4 арш. × 4 арш., но за недостаткомъ времени продолжена траншеей. На глубинѣ $^1/_2$ арш. найдены остатки костей и черепа, которые разсыпались въ рукахъ. Вещей никакихъ не найдено.

Сравнивъ данныя всѣхъ четырехъ группъ, добытыя какъ мною, такъ и др. изслѣдователями, можно притти къ выводу, что всѣ четыре Лубенскія группы кургановъ принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ и различнымъ народностямъ. Къ наибольшей древности относится группа кургановъ на Терновской Толокѣ. Судя по отсутствію вещей, скорченному и окрашенному костяку, слабо обожженному горшку съ первобытнымъ орнаментомъ, погребенія на Терновской Толокѣ относятся къ глубочайшей древности. Судя по типу горшка, время погребеній возможно относить къ бронзовой эпохѣ.

Къ болѣе позднему времени относятся курганы Мгарскаго лѣса и у Мгарскаго кладбища; они образуютъ собою большія группы, родъ кладбищъ и сооружены, вѣроятно, осѣдлыми насельниками, а кѣмъ именно, установить въ настоящее время при отсутствіи опредѣленныхъ научныхъ данныхъ — весьма затруднительно. Въ заключеніе сообщенія я должна отмѣтить, что упомянутыя мною четыре группы кургановъ, въ окрестностяхъ г. Лубенъ представляютъ

собою весьма малую часть общаго числа кургановъ, разбросанныхъ по всей Полтавской губерніи; лишь самая незначительная часть ихъ затронута изслѣдователями, между тѣмъ какъ широкое ихъ изслѣдованіе можетъ дать археологіи весьма цѣнные матеріалы. Немало цѣннаго, нужно полагать, дастъ и продолженіе начатыхъ мною раскопокъ въ Мгарскомъ лѣсу и на Мгарскомъ полѣ, такъ же какъ и на Замковой горѣ.

Н. Шмыткина.

---

760. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 27 ноября 1912 года, подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: И. Н. Бороздина, И. С. Бѣляева, В. А. Городцова, И. М. Громогласова, А. М. Васнецова, Д. И. Иловайскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, І. К. Линдемана, Н. А. Маркса, И. П. Машкова, Н. В. Рождественскаго, И. В. Рыльскаго, Л. М. Савелова, Н. Н. Соболева, И. Я. Стеллецкаго, Д. П. Сухова, Б. А. Тураева, С. Д. Щербака и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Читаны и подписаны протоколы 26 мая, 1 сентября и 19 октября.

2. Доложенъ протоколъ засѣданія жюри конкурса проектовъ памятника патріарху Гермогену и архимандриту Діонисію.

Постановлено: приложить къ протоколу.

3. Доложены бумаги:

а) препроводительныя при изданіяхъ, высланныхъ для Библіотеки Общества, бумаги отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Императорской Археологической Комиссіи, Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, Дагестанскаго и Самаркандскаго Статистическихъ Комитетовъ и Рязанской Ученой Архивной Комиссіи.

Постановлено: жертвователей благодарить, а книги сдать въ Библіотеку Общества.

б) отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета благодарность за высказанное ему Обществомъ сочувствіе по случаю кончины проф. Энгельмана.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

в) отъ Императорской Археографической Комиссіи увѣдомленіе, что она уже приступаетъ къ изданію Псковской Судной Грамоты.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

г) отъ Подольскаго Церковнаго Историко-археологическаго Общества увѣдомленіе, что вслѣдствіе вмѣшательства Московскаго Археологическаго Общества Каменецкій Музей оставленъ въ прежнемъ помѣщеніи, откуда его хотѣлъ удалить мѣстный преосвященный.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

д) отъ Совѣта Холмскаго Православнаго Свято-Богородицкаго Братства просьба оказать ему матеріальную поддержку для продолженія начатыхъ въ г. Холмѣ археологическихъ раскопокъ.

Постановлено: въ виду того, что раскопки эти начаты черезъ Императорскую Археологическую Комиссію, отвѣтить, что Общество находитъ неудобнымъ вмѣшиваться въ это дѣло.

е) отъ Минскаго Общества Любителей Естествознанія, Этнографіи и Археологіи извѣщеніе объ открытіи имъ своихъ дѣйствій и просьба прислать и высылать ему впредь изданія Общества.

Постановлено: въ виду неопредѣлившейся еще дѣятельности Минскаго Общества сообщеніе объ его основаніи принять лишь къ свѣдѣнію.

ж) письмо А. Н. Дьячкова-Тарасова изъ Лодзи съ просьбой командировать его на Черноморское побережье для археологическихъ изслѣдованій лѣтомъ 1913 года.

Постановлено: отложить рѣшеніе до весны.

з) отношеніе Нижегородской Архивной Комиссіи отъ 3 октября о назначенномъ на 22-е октября праздновaніи ея 25-лѣтія.

Къ этому предсѣдатель пояснилъ, что 22-го октября Комиссіи была послана привѣтственная телеграмма.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

и) отъ XIII Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ гор. Тифлисѣ (16—24 іюня 1913 г.), Congrès préhistorique de France. VIII session Angouleme (5—11 августа 1912 г.) и International Congress of Historical Studies 26 марта 1913 г. приглашеніе принять участіе въ ихъ занятіяхъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

к) отъ Société Royale d'Archéologie de Bruxelles извѣщеніе, что празднованіе имъ 25-лѣтія своего существованія перенесено на 13 января 1913 года.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

4. И. Н. Бороздинъ сдѣлалъ сообщеніе «Научныя работы Археологическаго Съѣзда въ Римѣ».

5. І. К. Линдеманъ — «Римскій Археологическій Съѣздъ».

Оба доклада сопровождались демонстраціей изданій и фотографій.

Постановлено: благодарить авторовъ, бывшихъ представителями Общества на этомъ Съѣздѣ, за ихъ интересныя сообщенія и просить обработать ихъ для изданія въ Трудахъ Общества.

6. А. М. Васнецовъ прочиталъ докладъ: «Древнее Симеизское кладбище въ Крыму», сопровождавшійся демонстраціей найденныхъ тамъ предметовъ и плана этого кладбища.

Постановлено: благодарить автора за интересное сообщеніе, каковое напечатать въ изданіяхъ Общества съ картой.

Послѣ сего обыкновенное засѣданіе было закрыто.

---

761. Въ послѣдовавшемъ, затѣмъ, распорядительномъ засѣданіи была произведена баллотировка лицъ, ранѣе предложенныхъ въ члены Общества, при чемъ оказались избранными:

а) въ дѣйствительные члены на основ. § 18 Устава: проф. Александръ Андреевичъ Тихоміровъ, попечитель Московскаго Учебнаго Округа, и проф. Михаилъ Ивановичъ Ростовцевъ — оба единогласно;

изъ членовъ-корреспондентовъ — проф. Александръ Дмитріевичъ Корнѣевъ — единогласно.

б) въ члены-корреспонденты: единогласно — Н. Н Соболевъ и С. И. Чижовъ, большинствомъ голосовъ: о. Арсеній, помощникъ ризничаго Патріаршей ризницы, В. В. Богдановъ, В. В. Гольмстенъ, Н. П. Кашинъ, Г. Л. Малицкій, А. В. Марковъ, Б. М. Соколовъ, Ю. М. Соколовъ, Н. Н. Соколовъ и Д. Н. Ушаковъ.

2. Заявленъ въ члены-корреспонденты: Петръ Александровичъ Незнамовъ.

Постановлено: баллотировать въ ближайшемъ засѣданіи.

3. Произведены выборы Товарища Предсѣдателя Археографической Комиссіи Общества, при чемъ оказался избраннымъ единогласно чл.-кор. Н. А. Марксъ.

Приложеніе I къ протоколу № 760.

26 ноября 1912 г. состоялось засѣданіе жюри по конкурсу на проектъ памятника патріарху Гермогену и архимандриту Діонисію, учрежденному Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Общества гр. П. С. Уваровой и въ составѣ членовъ жюри: преосвященнаго Анастасія, епископа Серпуховскаго, московскаго городского головы Н. И. Гучкова, академика скульптуры А. М. Опекушина, доктора русской исторіи Д. И. Иловайскаго, представителя Императорской Академіи Художествъ архитектора А. В. Щусева, представителя Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Н. В. Рождественскаго и представителей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества архитект. И. П. Машкова, академика живописи С. Д. Милорадовича, архитект. И. В. Рыльскаго и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Доложены увѣдомленія Императорской Академіи Художествъ и Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ — первой о назначеніи ея представителемъ вмѣсто скончавшагося академика архитектуры С. У. Соловьева — архитектора А. В. Щусева и второго — о назначеніи таковомъ же вмѣсто заболѣвшаго академика архитектуры Н. В. Никитина — магистра Н. В. Рождественскаго.

2. Заслушано письмо академика живописи М. В. Нестерова съ извѣщеніемъ о невозможности пріѣхать въ Москву въ день, назначенный для жюри, и съ указаніемъ, какіе проекты онъ считалъ бы достойными премій.

Постановлено: принять во вниманіе голосъ акад. М. В. Нестерова при баллотировкѣ премій.

3. Осмотрѣны представленные проекты въ количествѣ 26, при чемъ одинъ изъ нихъ, подъ девизомъ «На камени вѣры стоимъ», постановлено исключить изъ конкурса, какъ неудовлетворяющій условіямъ конкурса, ибо онъ представляетъ собою барельефъ.

4. По осмотрѣ всѣхъ проектовъ единогласно было признано, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть признанъ удовлетворяющимъ назначенію и принятъ къ исполненію.

5. Затѣмъ произведена была баллотировка проектовъ, признанныхъ членами жюри, каждымъ въ отдѣльности, достойными 1-й, 2-й и 3-й преміи, по порядку рекомендаціи ихъ на ту или другую премію.

По баллотировкѣ оказалось, что на 1-ю — въ 800 руб. большинство голосовъ получилъ проектъ подъ знакомъ — бѣлый крестъ въ красномъ кругу, на 2-ю — въ 500 руб. — проектъ подъ знакомъ буквы «Г» и на 3-й — въ 300 руб. — проектъ подъ девизомъ «Патріархъ».

По вскрытіи соотвѣтствующихъ конвертовъ оказалось, что 1-й проектъ принадлежитъ скульптору Н. А. Андрееву, 2-й скульптору С. С. Алешину и архит. Д. И. Сухову и 3-й скульптору А. В. Курпатову.

Въ заключеніе, въ виду неудовлетворительности конкурса, рѣшено ходатайствовать предъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ о назначеніи новаго конкурса, о назначеніи ему годичнаго срока и о возможномъ увеличеніи размѣра премій.

Приложеніе II къ протоколу № 760.

Древнее Симеизское кладбище.

Лѣто 1907 года я проводилъ въ Крыму въ Новомъ Симеизѣ и въ свободное отъ этюдовъ время занимался поверхностнымъ обслѣдованіемъ мѣстности въ историческомъ отношеніи. Въ краткомъ сообщеніи постараюсь изложить то, что я нашелъ и что меня заинтересовало.

Въ Симеизскомъ паркѣ, непосредственно надъ моремъ, обрываясь въ него почти отвѣсными уступами, высится скала Панея съ слѣдами древней крѣпости. Кладка стѣнъ на цементѣ; часть ея со стороны парка довольно сохранна и возвышается надъ поверхностью почвы сажени на двѣ. Нѣкоторыя части стѣны, въ особенности со стороны моря, въ изобиліи заключаютъ въ своей массѣ обломки греческой, бурой и красной черепицы, характерной большимъ количествомъ примѣси крупнаго песку. Стѣнами заграждены всѣ свободныя пространства между скалами, какъ естественными защитами крѣпости. Та часть ея, на востокѣ, которая приходится противъ дорожки, ведущей изъ Симеиза, судя по обилію каменной кладки въ этомъ мѣстѣ, вѣроятно, имѣла здѣсь крѣпостныя ворота. Небольшая площадка непосредственно за предполагаемыми воротами и продолженіе этой площадки — свободные карнизы скалы далѣе на западъ — могли служить мѣстомъ жилищъ и шалашей какъ для крѣпостной стражи, такъ и для укрытія отъ непріятеля. Здѣсь въ обиліи валяются обломки стекла, разбитой гляняной посуды, кровельная черепица и ракушки отъ съѣдобныхъ черноморскихъ моллюсковъ. Въ одномъ мѣстѣ крѣпости я наткнулся на груду гладкихъ округлыхъ камней величиной въ кулакъ и меньше — не пращевые ли то камни? Скала Панея занимаетъ очень выгодное положеніе надъ

окружающей мѣстностью; урочище Ай-Панда и дорога, ведущая по берегу моря въ Лимены, могли быть отсюда легко наблюдаемы и обстрѣливаемы. Въ части парка, примыкающей къ Панеѣ, замѣтенъ холмъ, какъ бы, отъ разрушеннаго какого-то зданія — не церковь ли? Тѣмъ болѣе это предположеніе правдоподобно, что не подалеку, въ усадьбѣ С. И. Сабашникова, во время

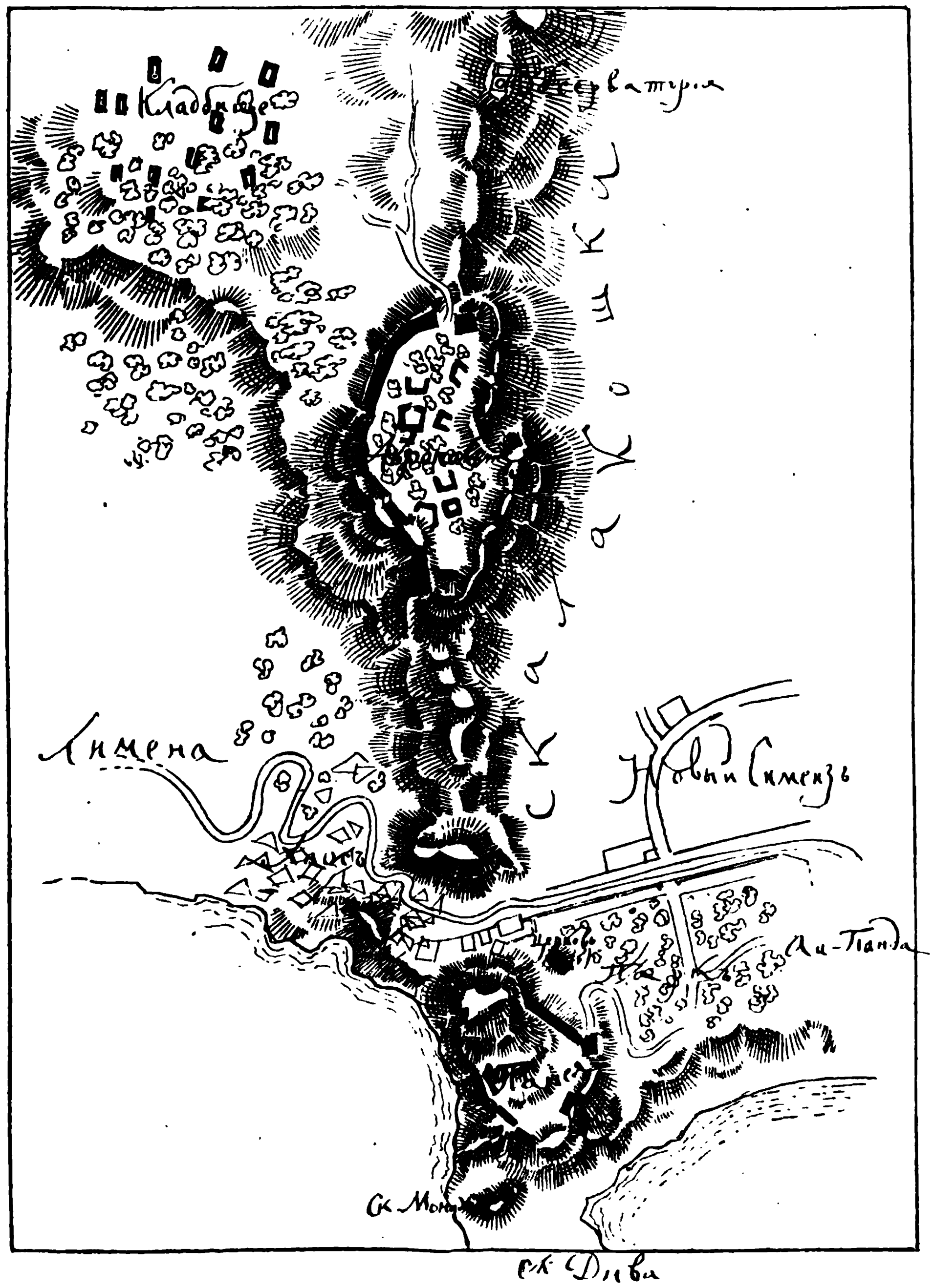

Рис. 2. Планъ кладбища.

земляныхъ работъ была найдена христіанская могила съ украшеніями готскаго типа. Я видѣлъ массивную бронзовую или изъ низкопробнаго серебра пряжку отъ пояса, украшенную орнаментомъ въ видѣ головъ хищныхъ птицъ. Сверху костяка лежала плитка изъ пережженной глины съ изображеніемъ креста.

Какъ надъ Панеей, такъ и надъ всей окрестностью на сѣверо-западѣ господствуетъ массивъ скалы Кошки, обрывающійся въ такъ называемый Лименскій хаосъ утесомъ головокружительной высоты. Отсюда хребетъ скалы повышается ребромъ въ сѣверномъ направленіи и на самомъ верху упирается въ довольно обширную площадку, окруженную древней стѣной циклопической кладки безъ цемента. Если Панея крѣпость, то укрѣпленіе на вершинѣ скалы Кошки можно назвать по обширности и внушительности вида акрополемъ. Здѣсь легко могло укрыться все населеніе окрестности во время набѣговъ. Съ трехъ сторонъ плато ограждено неприступными скалами, съ запада же его замыкаетъ стѣна съ слѣдами воротъ противъ ведущей на него тропинки. Четыреугольныя основанія какихъ-то зданій покрываютъ площадь; среди нихъ можно прослѣдить направленіе улицы и мѣстами замѣтить какія-то впадины, въ родѣ водоемовъ. Въ южной узкой части акрополя у скалы изъ ямы въ черномъ грунтѣ со слѣдами кухонныхъ остатковъ я вынулъ нѣсколько черепковъ отъ посуды очень грубой работы изъ темной глины. Кровельныя черепицы здѣсь совершенно отсутствуютъ. Сравнивая довольно разнообразные предметы, находимые на Панеѣ, съ полнымъ отсутствіемъ ихъ здѣсь, можно сдѣлать такое заключеніе: или насельники акрополя Кошки были малокультурные дикіе люди, или они жили значительно раньше поселенцевъ около Панеи; вѣроятнѣе то и другое вмѣстѣ: акрополь Кошки очень древнее сельбище дикихъ горныхъ жителей. Вотъ, вблизи этого акрополя, или городка, на сѣверо-западъ отъ него и расположено заинтересовавшее меня кладбище имѣющее, быть можетъ, историческую связь съ нимъ (Рис. 2). Почему-то оно слыветъ у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ тавро-скиѳскаго. Нѣкоторыя могилы расположены на открытой площадкѣ, часть которой изображена на одномъ изъ демонстрируемыхъ этюдовъ или среди густого кустарника, покрывающаго эту возвышенную террасу (Рис. 3). Главная ось могилъ направлена съ сѣвера на югъ. Могилы похожи на каменные ящики, составленные изъ пяти массивныхъ грубыхъ плитъ; четыре изъ нихъ составляютъ бока и пятая — крышу. На одномъ изъ предлагаемыхъ этюдовъ (Рис. 4) изображена могила съ отваленнымъ боковымъ камнемъ, давшимъ возможность видѣть ея внутренность, которая въ длину имѣетъ аршина два, въ ширину аршина полутора, а въ вышину не болѣе аршина. Таковы всѣ могилы. Вѣроятно, покойника клали въ боковомъ согнутомъ положеніи, а не вытянутымъ во весь ростъ. Возможно, что могилы первоначально находились на поверхности земли, немного только углубляясь въ землю боковыми плитами. Но современемъ плиты вошли въ землю отъ наносовъ почвы, и дно могилы вслѣдствіе этого очутилось на аршинъ ниже поверхности земли; оно состоитъ изъ рыхлаго перегноя съ остатками частей скелета, глиняныхъ черепковъ, морскихъ раковинъ не мѣстнаго происхожденія, служившихъ для украшенія одежды. Могилы бѣдны: въ скудномъ количествѣ бронзовыя бляхи и браслеты — вотъ и вся роскошь погребеній; онѣ очень усердно разрываются симеизскими дачниками и, благодаря этому, теперь трудно найти вполнѣ сохранныя; хотя двѣ, три еще остались съ тяжелыми верхними камнями, трудно поддающимися усиліямъ любопытныхъ.

Судя по обилію историческихъ памятниковъ кругомъ, эта мѣстность издревле была обитаема и это кладбище и примыкающій къ нему акрополь, или городокъ, принадлежали, вѣроятно, горнымъ жителямъ, можетъ быть и тавроскиѳамъ. Отсюда очень легкій подъемъ къ богатымъ пастбищамъ на Яйлѣ, а неподалеку находится Мердевень, или горная лѣстница гигантовъ, служившая когда-то дорогой съ Крымскаго побережья въ Байдарскую долину. Не могу пройти молчаніемъ и не указать на прекрасный видъ, открывающійся отсюда, какъ на востокъ, такъ и на западъ, и туристъ въ избыткѣ будетъ вознагражденъ за довольно трудный подъемъ тѣмъ эстетическимъ восторгомъ, какой охватитъ его при видѣ развернутаго предъ нимъ горнаго пейзажа. Особенно могу рекомендовать раннее утро и восходъ солнца, когда долина побережья вплоть до Ай-Петри залита утреннимъ солнцемъ, котловина же Лименъ вся еще погружена въ холодный сумракъ, и только за ней, на западъ, уступы Крымскихъ горъ золотятся первыми утренними лучами; весь же югъ во всѣ стороны замыкаетъ морская безбрежная равнина тихая, какъ бы еще дремлющая, въ теплыхъ лучахъ только что показавшагося изъ-за гори-

Рис. 3.

Рис. 4.
Виды кладбища и одной изъ могилъ.

зонта солнца. Пусть зритель представить, что онъ находится у порога доисторическаго городка когда-то жившихъ здѣсь насельниковъ, о которыхъ Овидій словами старика-варвара такъ говоритъ: «О, чужеземецъ, имя дружбы хорошо знаемъ и мы живущіе вдали отъ васъ на Истрѣ. Есть въ Скиѳіи мѣсто-древніе называютъ жителей его Таврами, не такъ далеко стоящее отъ Гетики. Я изъ этой страны и доволенъ родиной. Народъ этотъ чтитъ богиню сестру Феба. Есть и понынѣ храмъ, опирающійся на огромныя колонны...» Эти слова, сказанныя за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, пробудятъ въ немъ образъ уснувшей жизни бывшаго здѣсь на зарѣ человѣчества городка и еще болѣе подчеркнутъ обаятельность минуты ранняго утра и дивнаго горнаго пейзажа.

Аполлинарій Васнецовъ.

---

762. Протоколъ засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 29 декабря 1912 года, подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: Л. И. Анисимова, Д. Н. Анучина, М. О. Аттая, И. Н. Бороздина, И. С. Бѣляева, А. М. Васнецова, Ю. В. Готье, Э. М. Готье, В. А. Городцова, А. М. Гуржіенко, С. О. Долгова, Д. И. Иловайскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, І. К. Линдеманъ, И. П. Машкова, А. И. Некрасова. А. В. Орѣшникова, В. А. Попова, Н. В. Рыльскаго, Д. П. Сухова, И. М. Тарабрина, А. Н. Филиппова, гр. К. А. Хребтовичъ-Бутенева, С. Д. Щербака, кн. Н. С. Щербатова и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Доложенъ отзывъ проф. Н. В. Покровскаго о трудѣ проф. Н. П. Лихачева «Историческое значеніе итало-греческой иконописи. Изображенія Богоматери въ произведеніяхъ итало-греческихъ иконописцевъ и ихъ вліяніе на композиціи нѣкоторыхъ прославленныхъ русскихъ иконъ», представленномъ на соисканіе золотой медали имени гр. А. С. Уварова.

Согласно отзыву проф. Покровскаго золотая медаль была единогласно присуждена этому труду.

3. П. С. Рыковъ сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ у с. Гочева, близъ гор. Обояни, Курской губ.

Эти раскопки были произведены въ той же мѣстности, гдѣ покойный проф Д. Я. Самоквасовъ нашелъ слѣды новой замѣчательной культуры IX—X вв. и рядомъ — слѣды римской эпохи III—IV вѣковъ. Г. Рыковымъ раскопано было свыше 100 кургановъ, при чемъ найдено было много интереснѣйшихъ предметовъ. Эпоха кургановъ — XI—XII вѣка, и особенно большой интересъ представилъ тотъ фактъ, что по характеру вещей можно несомнѣнно установить, что здѣсь произошло любопытнѣйшее смѣшеніе культуръ славянской-родимичей и финской.

Докладъ сопровождался демонстраціей найденныхъ вещей и планами и фотографіями раскопокъ.

Постановлено: принести П. С. Рыкову искреннюю благодарность за сообщеніе и труды и просить продолжать таковые.

4. А. И. Анисимовъ прочиталъ докладъ «О реставраціи фресокъ въ Новгородскихъ церквахъ».

Въ теченіе лѣта 1912 г. реставрація фресокъ церкви Ѳеодора Стратилата на Торговой сторонѣ была почти совершенно закончена. Фрески были опрысканы особымъ составомъ, окончательно уничтожившимъ послѣдніе остатки известковаго налета, сообщившимъ краскамъ нѣкоторую свѣжесть и вызвавшимъ новое соотношеніе тоновъ. Съ росписи купола были сняты покрывавшія ее клеевыя краски и подъ мнимымъ изображеніемъ Богоматери, согласно прежнему предположенію докладчика, открылся пророкъ (Соломонъ?), а вмѣсто имени Варухъ у одного изъ остальныхъ семи пророковъ открылось имя Илья.

Тѣмъ же лѣтомъ въ церкви Спасъ-Преображенія, въ каморѣ (сѣв.-зап. уголъ на хорахъ) обнаружены фрески, — часть общей стѣнописи, существованіе которой подъ новой подѣлкой давно уже не вызывало сомнѣнія въ изслѣдователяхъ новгородской старины. Къ сожалѣнію, прежніе добровольцы, допущенные священникомъ очищать побѣлку, благодаря своему неумѣнію попортили фрески въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Тѣмъ не менѣе, уже по открывшимся изображе-

ніямъ (Богоматери съ Младенцемъ и ангеломъ справа — надъ дверью и двухъ святыхъ — на восточной стѣнѣ) можно заключить, что техника и самый характеръ росписи въ отношеніи типовъ и рисунка составляютъ ближайшую аналогію росписи церкви Ѳеодора Стратилата. Въ частности, ликъ ангела носитъ рѣзкія черты греческой иконописной техники (штриховка параллельными чертами).

Принимая во вниманіе, что церковь Спасъ-Преображенія, согласно лѣтописи, была расписана въ 1378 г. грекомъ Ѳеоѳаномъ, можно думать, въ силу близости росписи обѣихъ церквей, что церковь Ѳеодора Стратилата еще раньше была расписана тѣмъ же художникомъ и группой его сотрудниковъ, частью, навѣрное, русскихъ.

Одновременно была обнаружена фресковая роспись и въ церкви Рождества Христова (на Рождественскомъ кладбищѣ), построенной въ 1381 г., но неизвѣстно когда расписанной. По переписаннымъ изображеніямъ въ куполѣ и фрагментамъ въ нижнемъ этажѣ теперешней церкви можно было догадываться о существованіи древней росписи подъ новой подѣлкой. П. И. Юкинъ и П. П. Покрышкинъ сдѣлали пробу, и на сѣверной стѣнѣ открылось изображеніе Успенія Божіей Матери.

Сопоставляя композицію этой фрески и детали ея художественнаго выполненія съ таковыми въ церкви Ѳеодора Стратилата (фрагменты южной стѣны), приходится заключить, что роспись церкви Рождества Христова, если она повторяетъ особенности фрески, изображающей Успеніе, принадлежитъ XV вѣку и начинаетъ собою (правильнѣе сказать — отмѣчаетъ) особое теченіе въ области новгородской школы живописи, отличное отъ того, которое было представлено работами грека Ѳеофана и его сотрудниковъ.

Къ числу памятниковъ-образцовъ послѣдняго теченія надлежитъ относить и церковь Успенія Божіей Матери въ Волотовѣ. Схема ея иконописи, ея техника и рисунокъ даютъ основаніе считать ее болѣе поздними членами той группы, ранними представителями которой являются церкви Ѳеодора Стратилата и Спасъ-Преображенія.

Докладъ этотъ сопровождался многочисленными проекціями на экранѣ.

Постановлено: выразить глубочайшую благодарность А. И. Анисимову за его интереснѣйшее сообщеніе и просить его продолжать знакомить Общество какъ съ работами по реставраціи фресокъ въ Новгородскихъ церквахъ, такъ и съ его важными научными выводами, столь солидно обоснованными.

---

763. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 10 января 1913 года, подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи г.г. членовъ: д-ра Арне, В. А. Городцова, В. И. Гошкевича, А. М. Гуржіенко, С. О. Долгова, Б. И. Дунаева, А. И. Колмогорова, И. П. Машкова, Н. А. Марксъ, А. В. Маркова, В. Ѳ. Миллера, С. Д. Милорадовича, А. А. Покровскаго, Н. Н. Соболева, А. И. Соболевскаго, Б. М. Соколова, И. Я. Стеллецкаго, Д. П. Сухова, И. В. Цвѣтаева, С. К. Шамбинаго, В. В. Шеймана, С. Д. Щербака и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Читаны и подписаны протоколы 27 ноября и 29 декабря 1912 г.

2. Предсѣдатель доложилъ, что въ отвѣтъ на телеграммы, посланныя имъ Державному Покровителю Общества 6 декабря минувшаго года и 1 января текущаго года, отъ Его Императорскаго Величества были получены нижеслѣдующія отвѣтныя телеграммы:

> «Сердечно благодарю васъ, графиня, за ваши добрыя пожеланія и поздравленіе, за которое прошу васъ передать Мою благодарность и Императорскому Московскому Археологическому Обществу.
>
> НИКОЛАЙ».

И другая:

«Благодарю васъ, графиня, и прошу передать Московскому Археологическому Обществу Мою благодарность за поздравленія и благопожеланія.

НИКОЛАЙ».

Чтеніе обѣихъ телеграммъ было выслушано присутствовавшими стоя.

3. Гр. П. С. Уварова прочла телеграммы, полученныя отъ проф. Н. П. Лихачева съ благодарностью за присужденіе ему золотой медали имени гр. А. С. Уварова и за высылку этой медали и письма проф. Н. В. Покровскаго, рецензировавшаго трудъ проф. Лихачева съ благодарностью за высылку ему серебрянной таковой же медали, какъ рецензенту.

4. Доложены были бумаги:

а) Письма съ благодарностью за избраніе въ члены Общества отъ А. А. Тихомірова, проф. М. И. Ростовцева, проф. А. Д. Карнѣева, Н. П. Кашина, В. В. Гольмстенъ, Г. Л. Малицкаго, В. В. Богданова, Д. Н. Ушакова, Н. Н. Соколова, С. И. Чижова, А. В. Маркова, Н. Н. Соболева и Б. М. и Ю. М. Соколовыхъ.

б) Письмо Намѣстника на Кавказѣ гр. И. И. Воронцова-Дашкова съ извѣщеніемъ, въ отвѣтъ на ходатайство о томъ Общества, что имъ приняты мѣры къ охранѣ заповѣдной Пицундской рощи и къ удаленію отъ этой рощи предполагаемой къ постройкѣ около нея мастерской Черноморской ж. д.

Постановлено: благодарить гр. Воронцова-Дашкова и принять къ свѣдѣнію.

в) отъ Ярославскаго губернатора увѣдомленіе, что въ составъ Комитета по наблюденію за дѣйствіями Ростовской комиссіи по управленію Ростовскимъ Кремлемъ имъ приглашенъ членъ Общества кн. П. Д. Урусовъ, въ Ярославлѣ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

г) препроводительныя при высланныхъ для библіотеки Общества изданіяхъ бумаги—отъ Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ, Императорской Академіи Художествъ, Императорской Археологической Комиссіи, Московскаго Архитектурнаго Общества, Новгородской, Таврической и Тверской Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета и Государственной Канцеляріи.

Постановлено: жертвователей благодарить, а книги сдать въ библіотеку Общества.

5. В. А. Городцовъ сдѣлалъ два небольшихъ сообщенія — 1) о проектѣ плана археологическаго изслѣдованія Псковской губ. лѣтомъ текущаго года и 2) о сочиненіи И. И. Ѳомина «Искусство палеолитическаго періода въ Европѣ», Москва. 1912 г.

Постановлено: проектъ раскопокъ утвердить и благодарить В. А. Городцова за его выработку.

6. Академикъ В. Ѳ. Миллеръ прочелъ обширный докладъ подъ заглавіемъ «Отголоски событій царствованія Іоанна Грознаго въ историческихъ письмахъ».

Докладъ этотъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей между рецензентомъ и С. К. Шамбинаго, Б. М. Соколовымъ и А. В. Марковымъ, послѣ чего была единогласно выражена глубокая благодарность академику Миллеру за его интереснѣйшее изслѣдованіе.

7. І. І. Іодковскій сообщилъ о «Замкѣ въ Мирѣ, Минской губ.», въ коемъ научно установилъ время созданія и стиль со всѣми его особенностями этого интереснѣйшаго памятника зодчества XV в. въ Западной Руси.

Сообщеніе сопровождалось демонстраціей фотографій, плановъ, чертежей и обмѣровъ сохранившихся частей замка.

Постановлено: принести І. І. Іодковскому искреннюю благодарность за интересное сообщеніе, прося приготовить его для изданія въ трудахъ Общества.

Послѣ сего обыкновенное засѣданіе было закрыто.

764. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ распорядительномъ засѣданіи обсуждались слѣдующія дѣла:

о) просьба казначея, онъ же библіотекарь Общества, Э. В. Готье объ ассигнованіи ему 200 руб. ежегодно на пополненіе библіотеки Общества.

Постановлено: просьбу удовлетворить.

б) объ избраніи депутаціи отъ Общества въ составѣ 31 лица, для принесенія Его Императорскому Величеству поздравленій отъ Общества 21 февраля с. г. въ день празднованія исполнившагося 300-лѣтія со дня воцаренія въ Россіи Дома Романовыхъ;

Постановлено: избрать депутатами: проф И. В. Цвѣтаева, Л. М. Савелова и В. К. Трутовскаго.

в) объ избраніи члена Редакціоннаго Комитета вмѣсто скончавшагося проф. А. С. Хаханова;

Постановлено: избрать Х. И. Кучукъ-Іоаннесова.

2) о назначеніи спеціальнаго засѣданія для отмѣтки 300-лѣтія со дня избранія царя Михаила Ѳеодоровича Романова;

Постановлено: назначить торжественное засѣданіе на 7 февраля — день перваго избранія Михаила Романова въ цари.

д) о назначеніи годового засѣданія Общества;

Постановлено: назначить на 5 марта.

е) объ избраніи въ члены Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ не состоящихъ членами Общества Бакланова, Николая Борисовича и Латкова, Александра Аѳанасьевича;

Постановлено: избраніе утвердить.

---

764. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 19 января 1913 года, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя профессора Д. Н. Анучина, въ присутствіи г.г. членовъ: Ф. В. Баллодъ, И. Н. Бороздина, Д. И. Иловайскаго, А. И. Колмогорова, І. К. Линдеманъ, А. И. Некрасова, Л. М. Савелова, Д. В. Цвѣтаева, И. В. Цвѣтаева, Н. П. Чулкова и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

Открывая засѣданіи, проф. Анучинъ заявилъ о нездоровьи предсѣдателя Общества, просившаго его предсѣдательствовать въ настоящемъ собраніи.

1. Читалъ и подписалъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Доложены были бумаги:

а) благодарности за высланныя изданія Общества отъ Астраханской Общественной библіотеки и Совѣта косинскаго Православнаго Свято-Троицкаго братства;

б) просьба Виленской Публичной библіотеки о высылкѣ ей недостающихъ у нея изданій Общества.

Постановлено: выслать согласно приложенному къ просьбѣ списку.

в) отъ Любанскаго, Минской губ., двухкласснаго Министерскаго училища предметы, найденные при раскопкахъ кургана близъ м. Любони, съ описаніемъ ихъ;

Постановлено: благодарить и передать въ Историческій Музей.

3. И. В. Цвѣтаевъ прочиталъ докладъ «О К. К. Герцѣ», бывшемъ долгое время секретаремъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества.

4. А. И. Колмогоровъ сдѣлалъ сообщеніе «Раскопки въ Тихвинскомъ у., Новгородской губ., лѣтомъ 1912 г.». Раскопки эти были продолженіемъ начатыхъ раньше и еще не закончены.

Постановлено: благодарить проф. Цвѣтаева и А. И. Колмогорова за интересныя сообщенія и просить проф. И. В. Цвѣтаева дать его очеркъ о Герцѣ для «Древностей», а А. И. Колмогорова продолжать раскопки и представить общій сводъ ихъ результатовъ къ XVI Съѣзду въ Псковѣ, въ 1914 году.

---

765. Протоколъ чрезвычайнаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 7 февраля 1913 года, въ день исполняющагося 300-лѣтія со дня перваго постановленія Всероссійскаго Собора 7 февраля 1613 года объ избраніи на царство всея Руси царемъ боярина Михаила Өеодоровича Романова, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой; въ присутствіи г.г. членовъ: Д. Н. Анучина, Н. Н. Ардашева, М. О. Аттая, Е. В. Барсова, Ф. В. Баллодъ, И. Н. Бороздина, И. С. Бѣляева, Ѳ. Ѳ. Горностаева, Ю. В. Готье, Э. В. Готье, А. М. Гуржіенко, В. П. Гурьянова, Б. И. Дунаева, Д. И. Иловайскаго, К. С. Кузьминскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Н. П. Кашина, І. К. Линдеманъ, И. П. Машкова, Н. А. Марксъ, С. Д. Милорадовича, А. П. Павлова, Б. С. Пушкина, Н. В. Рождественскаго, И. В. Рыльскаго, Л. М. Савелова, Н. Н. Соболева, И. Я. Стеллецкаго, Д. П. Сухова, И. М. Тарабрина, Д. В. Цвѣтаева, И. В. Цвѣтаева, Н. П. Чулкова, кн. Н. С. Щербатова, секретаря Общества В. К. Трутовскаго и многочисленой публики.

Засѣданіе было открыто слѣдующими словами предсѣдателя Общества гр. П. С. Уваровой:

«Триста лѣтъ тому назадъ Московское Государство, собираемое и созидаемое долгіе годы потомками Рюриковичей, стояло на краю гибели: не только поляки, но даже мы, Русскіе, не видя спасенія во времена разрухи Смутнаго Времени, склонялись къ постыдной мысли призвать на царство Московское *иноземца*, Ляха, заклятаго врага какъ православія, такъ и вообще русской народности, русскаго Государственнаго строительства.

Казалось, что болѣе спасенія нѣтъ, что Русское Государство должно навсегда сгинуть; но чувство самосохраненія и любви къ погибающей родинѣ восторжествовало: среди народа появляются творенія «Плачъ о плѣненіи и конечномъ раззореніи Московскаго Государства» или еще «Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ Царствѣ», напоминающія народу о быломъ утраченномъ величіи древней Руси; за русскую честь крѣпко стоялъ Ляпуновъ, Шеинъ и другіе; монахи Троице-Сергіевской Лавры стойко отбиваются отъ Поляковъ; митрополитъ Филаретъ, не страшась неволи, отказывается отъ всѣхъ уступокъ, предлагаемыхъ ему въ польскомъ станѣ; патріархъ Ермогенъ разсылаетъ грамоты къ народу, прося стоять за вѣру и отечество, и своей мученической кончиной усиливаетъ народное движеніе, которое и было спасеніемъ Русскаго Государства.

Поднимается, наконецъ, Нижегородское ополченіе подъ руководствомъ Кузьмы Минича Сухорукова; къ нему примыкаютъ со всей Руси ея вѣрные сыны и подъ предводительствомъ кн. Д. М. Пожарскаго очищаютъ, наконецъ, Москву отъ Поляковъ, что даетъ возможность приступить къ возстановленію порядка въ измученной, истерзанной Руси.

Назначается трехдневный постъ и молитва, послѣ чего разсылаются по всѣмъ городамъ грамоты, созывающія въ Москву Земскій Соборъ, который 7 февраля 1613 года постанавливаетъ призвать на царство Московское двоюроднаго племянника послѣдняго Государя изъ дома Рюрикова — боярина Михаила Өеодоровича Романова.

Это-то радостное событіе и собрались мы нынѣ помянуть нашими слабыми силами, желая хотя чѣмъ-нибудь воздать отъ Московскаго Археологическаго Общества дань благодарности *предкамъ* за спасеніе Русскаго Государства, русской народности и ея достоинства».

Послѣ сего были произнесены и прочитаны слѣдующія рѣчи:

1. Л. М. Савеловымъ — Бояре Романовы и ихъ родственныя связи.
2. Д. И. Иловайскимъ — Предсмертный эпизодъ изъ царствованія царя Михаила Өеодоровича.
3. И. Н. Бороздинымъ — Успѣхи русской археологіи въ царствованіе Дома Романовыхъ.
4. Б. С. Пушкинымъ — Дворъ боярина Никиты Ивановича Романова.
5. И. С. Бѣляевымъ — Памятники Дома Романовыхъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Въ заключеніе предсѣдателемъ былъ предложенъ проектъ текста телеграммы отъ имени Общества Державному Покровителю Общества Е. И. В. Государю Императору, каковой и былъ

утвержденъ въ нижеслѣдующемъ видѣ, съ добавкою, по желанію присутствовавшихъ, словъ «и всѣ присутствовавшіе», а именно:

«Царское Село.

Его Императорскому Величеству Государю Императору.

Императорское Московское Археологическое Общество и всѣ присутствовавшіе собравшись нынѣ помянуть торжественнымъ засѣданіемъ исполняющееся 300-лѣтіе со дня перваго постановленія Всероссійскаго Собора 7 февраля 1613 года, объ избраніи на царство всея Руси боярина Михаила Ѳеодоровича Романова, бьетъ Вамъ, Государь челомъ и повергаетъ къ Державнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества выраженіе своей любви и преданности».

Чтеніе телеграммы было выслушано всѣми присутствовавшими стоя и покрыто громогласными криками «ура» и пѣніемъ народнаго гимна.

Послѣ сего засѣданіе было закрыто.

Приложеніе I къ протоколу № 766.

Содержаніе доклада И. С. Бѣляева.

И. С. Бѣляевымъ былъ прочитанъ докладъ о памятникахъ дома Романовыхъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Указавъ на историческое значеніе монастыря еще при Рюриковичахъ, докладчикъ сообщилъ о посѣщеніи обители царями Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, его сыномъ и внукомъ въ монастырскій праздникъ Прохора и Никанора 28-го іюля, когда государи пѣшкомъ наканунѣ приходили на Дѣвичье поле, останавливались на ночь въ шатрахъ, тогда какъ патріархъ ночевалъ въ сосѣднемъ Саввинскомъ монастырѣ, нынѣ церковь Саввы Освященнаго. На другой день — 28-го числа они съ крестнымъ ходомъ и молебствіемъ приходили въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ служилась обѣдня, а потомъ государь съ духовенствомъ и пр. присутствовавшими обѣдалъ въ «своемъ столовомъ государевомъ шатрѣ».

Изъ памятниковъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ сохранились: икона Иверскія Божія Матери 1648 г., которая сопровождала царя Алексѣя Михаиловича въ Польскомъ походѣ 1654 г. Она, по мнѣнію автора «Мѣсяцеслова Востока», епископа Сергія, есть древнѣйшее изъ русскихъ списковъ съ подлинника. Колоколъ — жалованье по своей душѣ Великой старицы Марфы Ивановны. Большая икона Спасителя съ надписью: «Іисусъ Христосъ, архіерей великій, прошедый небеса» — даръ царя Ѳеодора Алексѣевича, пожаловавшаго, кромѣ того, книгу Дамаскина старицамъ, переведеннымъ изъ Кутеинскаго въ «Новодѣвичій монастырь». Царевна Татьяна Михайловна пожертвовала печатное евангеліе съ замѣчательно исполненными орнаментными и лицевыми изображеніями «по своихъ царскихъ сродникахъ».

Кромѣ даровъ отъ другихъ царевенъ, дочерей Алексѣя Михайловича, Новодѣвичій монастырь сохранилъ рядъ памятниковъ и преданій о заключенной здѣсь Софіи Алексѣевнѣ, которая задолго еще до своего «правительства» считалась благодѣтельницей обители. Сохранилась кружка изъ ея хоромъ, гдѣ эта царевна названа «самодержицей», а также такъ называемое «знамя», или изображеніе царевны внутри двуглаваго орла, въ царскомъ облаченіи, вѣнцѣ со скипетромъ и державою въ рукахъ; кругомъ по-латыни надпись: «Божіею милостію самодержица всея Русіи». Сохранился также хорошо написанный масляными красками портретъ первой жены Петра I Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной въ монашескомъ одѣяніи, половина лица закрыта кисеей, изъ-подъ которой глаза устремлены на держащую ею же книгу.

Памятники Новодѣвичьяго монастыря говорятъ о глубокой церковности московскихъ царей, ихъ постоянномъ общеніи съ народомъ, за которыми въ дали вѣковъ — видится яркій типъ жизни предковъ XVII ст., смиренный, богобоязливый послушный родителямъ юноша изъ доблестнаго своими заслугами государству рода, 300-лѣтіе избранія котораго на царство мы благодарно чествуемъ.

---

766. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 15 февраля 1913 г. подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ Ф. В. Баллодъ, С. К. Богоявленскаго, И. Н. Бороздина, С. А. Бѣлокурова, И. С. Бѣляева, Ѳ. Ѳ. Горностаева, В. А. Городцова, Э. В. Готье, Ю. В. Готье, А. М. Гуржіенко, В. П. Гурьянова, С. О. Долгова, З. И. Иванова, Д. И. Иловайскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Н. А. Маркса, Г. Л. Маковецкаго, И. П. Машкова, А. П. Новицкаго, В. А. Попова, Н. В. Рожественскаго, И. В. Рыльскаго, Л. М. Савелова, Н. Н. Соболева, И. Я. Стеллецкаго, И. В. Цвѣтаева и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Открывая засѣданіе, предсѣдатель доложилъ нижеслѣдующую телеграмму Державнаго Покровителя Общества, присланную Его Величествомъ въ отвѣтъ на всеподданнѣйшую телеграмму Общества 7-го февраля, а именно:

> «Искренно благодарю васъ, графиня, Императорское Московское Археологическое Общество и всѣхъ присутствовавшихъ на торжественномъ засѣданіи за выраженныя чувства любви и преданности.
>
> НИКОЛАЙ».

Чтеніе телеграммы было выслушано всѣми присутствовавшими стоя.

2. Графиня П. С. Уварова произнесла краткое слово, посвященное памяти почившаго 25-го января с. г. товарища предсѣдателя Комиссіи Общества по сохраненію древнихъ памятниковъ архитектора Н. В. Никитина.

3. Н. В. Рожественскій прочиталъ «Біографическія данныя о Н. В. Никитинѣ».

4. И. П. Машковъ доложилъ «Памяти Н. В. Никитина».

Оба эти сообщенія въ яркихъ и теплыхъ словахъ обрисовали свѣтлую, чистую душу этого неустаннаго дѣятеля на поприщѣ изученія и сохраненія древнихъ памятниковъ зодчества, его неутомимую энергію, простоту жизни, никогда не угасавшую любовь къ наукѣ и скромную обстановку его жизни и неустанную въ теченіе 35 лѣтъ дѣятельность его въ Обществѣ. Скончался Н. В. въ возрастѣ 83 лѣтъ.

По предложенію предсѣдателя Общества память почившаго была почтена вставаніемъ.

4. И. П. Машковъ заявилъ, что Московское Архитектурное Общество, глубоко цѣня заслуги покойнаго передъ наукой и жизнью, постановило принять на себя постановку памятника на его могилѣ, и выразилъ надежду, что и Московское Археологическое Общество присоединится къ этому, что и было единодушно постановлено всѣми присутствовавшими.

Къ этому присоединился и бывшій въ засѣданіи въ числѣ гостей предсѣдатель С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ, гр. П. Ю. Сюзоръ, заявившій, что заслуги Н. В. Никитина такъ велики передъ всѣми вообще Обществами, что предсѣдательствуемое имъ Общество считаетъ своимъ священнымъ долгомъ принять участіе въ этомъ памятникѣ.

5. Читанъ и подписанъ былъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

6. Доложены были бумаги:

а) препроводительныя при присылкѣ для Библіотеки Общества своихъ изданій бумаги отъ Собственной Его Величества Канцеляріи, Кіевской Духовной Академіи, Императорской Академіи Художествъ, Варшавскаго Главнаго Архива древнихъ актовъ, Варшавскаго Ученаго Общества,

Тверской Архивной Комиссіи, Новгородскаго Общества Любителей Древностей и Калужскаго Церковнаго Историко-археологическаго Общества;

Постановлено: жертвователей благодарить, а книги сдать въ библіотеку Общества.

б) отъ Святѣйшаго Синода увѣдомленіе, что къ охранѣ абхазскихъ храмовъ Сухумской епархіи имъ приняты мѣры и что для сего отпущено 10000 руб. изъ спеціальныхъ Синодскихъ суммъ и туда же присоединено Высочайшее пожалованіе на сей предметъ 2000 руб.;

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

в) отъ Екатеринославской Архивной Комиссіи увѣдомленіе, что 16 марта исполняется 10-лѣтіе ея дѣятельности;

Постановлено: привѣтствовать телеграммой.

7. Н. И. Макаренко прочелъ докладъ «Полтавскій кладъ», сопровождавшійся демонстрированіемъ по охранѣ предметовъ изъ этого клада, самого большого по количеству золота изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ кладовъ. Эпоху этой замѣчательной находки авторъ опредѣляетъ VII—VIII вѣковъ по Р. Х.

Постановлено: благодарить Н. И. Макаренко за интереснѣйшее сообщеніе.

Послѣ сего обыкновенное засѣданіе было закрыто.

---

767. Въ послѣдовавшемъ, затѣмъ, распорядительномъ засѣданіи были доложены слѣдующія бумаги:

а) увѣдомленіе Московскаго Губернскаго Правленія, что образованная 12 января 1912 г. Комиссія для разбора военныхъ документовъ Архива закончила свои дѣйствія, почему представитель въ ней Общества И. Л. Стеллецкій освобождается отъ участія въ ней.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

б) отъ Губернскаго Архива Старыхъ Дѣлъ въ Москвѣ запросъ, какое именно порученіе дано Обществомъ И. Я. Стеллецкому относительно составленія историческаго очерка о Московскомъ Губернскомъ Архивѣ;

Постановлено: увѣдомить, что Обществу необходимы фотографическіе снимки съ внутреннихъ помѣщеній Архива.

в) просьба потомка архитектора Казакова о содѣйствіи ему въ утвержденіи его въ дворянскомъ достоинствѣ.

Постановлено: снестись по сему вопросу съ г. Московскимъ Предводителемъ Дворянства.

ПРОТОКОЛЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ЗА 1913—1914 Г.

Отчетъ о состоянiи и дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за время съ 17 февраля 1913 по 17 февраля 1914 года.

17 февраля текущаго года исполнилось ровно 50 лѣтъ со дня утвержденія устава Общества 17 февраля 1864 года, но такъ какъ фактически дѣятельность его началась лишь 4 октября того же 1864 года, то настоящій отчетъ является лишь обычнымъ, годовымъ, отчетомъ, обзоръ же 50-лѣтняго существованія Общества пріурочeнъ къ празднованію полувѣковой его дѣятельности, какъ извѣстно, назначенному въ концѣ декабря настоящаго года. Такимъ образомъ все излагаемое въ представляемомъ нынѣ обзорѣ дѣятельности Общества коснется лишь только что минувшаго 50-го года его жизни.

Этотъ годъ, какъ и всѣ предъидущіе года, былъ неизмѣнно осчастливленъ милостивыми знаками вниманія къ Обществу его Державнаго Покровителя. Когда, по случаю исполнившагося 300-лѣтія царствованія на Руси Дома Романовыхъ, вселенскій патріархъ привезъ Его Императорскому Величеству, частью въ подлинникѣ, частью въ фотографическихъ снимкахъ, списки рукописи путешествія въ Москву для суда надъ патріархомъ Никономъ антіохійскаго митрополита Макарія, его біографію и др., Общество тотчасъ же обратилось къ своему Державному Покровителю съ просьбой предоставить временно въ его распоряженіе эти рукописи и снимки. Ходатайство это было сейчасъ же милостиво удовлетворено. Всѣ привѣтствія Общества, его подношенія своихъ изданій, неизмѣнно вызывали отвѣты Его Величества въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, равно какъ и его ходатайства въ разныхъ случаяхъ. И это высокое вниманіе Государя земли русской къ нашему Обществу только еще больше ободряло дѣятельность Общества и поддерживало его на тернистомъ пути охраны древнихъ памятниковъ.

Изъ выдающихся событій въ жизни Общества за истекшій годъ надо прежде всего отмѣтить исполнившееся 31 октября 1913 года 25-лѣтіе существованія Восточной Комиссіи. Основанная въ 1888 годъ, по мысли дѣйств. члена Общества М. В. Никольскаго, извѣстнаго гебраиста и ассиріолога, Комиссія эта, несмотря на крайне немногочисленную семью московскихъ оріенталистовъ, неустанно и съ честью работала на трудномъ поприщѣ разработки вопросовъ археологіи, исторіи, быта, языка литературы и т. п. народовъ Востока, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, какъ мусульманскаго, такъ и христіанскаго и языческаго и празднованіе ею своего юбилея доказало ясно, что труды ея не пропали даромъ. Рядъ депутацій отъ ученыхъ и иныхъ Обществъ и учрежденій, отъ арабской и персидской колоній, масса телеграммъ отъ русскихъ и иностранныхъ обществъ, учрежденій и лицъ, изучающихъ Востокъ, были живымъ доказательствомъ того положенія въ наукѣ, которое она завоевала себѣ за эту четверть вѣка. Праздникъ Комиссіи былъ въ то же время и праздникомъ самого Общества, ибо въ нѣдрахъ его она зародилась и въ средѣ его продолжала и продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ.

Затѣмъ, въ минувшемъ годичномъ засѣданіи Общество чествовало своихъ Товарища Предсѣдателя и Секретаря, коимъ въ 1913 году истекъ 25-лѣтній періодъ ихъ безсмѣнной службы Обществу въ этихъ званіяхъ. Тепло и сердечно привѣтствовавъ юбиляровъ привѣтными адресами, Общество вновь, безъ баллотировки, избрало ихъ еще на новое 3-лѣтіе.

Эти чествованія были наиболѣе крупными событіями во внутренней жизни Общества за истекшій годъ. Но не могу не отмѣтить еще два, тоже крупныхъ событія, къ сожалѣнію, прямо противоположнаго характера, ознаменовавшихъ также прошлый годъ. Это двѣ особенно тяжелыя утраты, которыя Общество понесло въ лицѣ академика В. Ѳ. Миллера и проф. И. В. Цвѣтаева, скончавшихся — первый 5 ноября, а второй — 30 августа 1913 года, не говоря уже о многочисленныхъ другихъ утратахъ въ средѣ членовъ Общества за тотъ же годъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Академикъ В. Ѳ. Миллеръ не только въ теченіе многихъ лѣтъ неизмѣнно и неустанно принималъ горячее участіе въ ученой дѣятельности Общества, но и состоялъ 11 лѣтъ предсѣдателемъ Восточной его Комиссіи, оставивъ эту должность лишь въ 1911 году по случаю избранія его въ академики Императорской Академіи Наукъ и необходимости переѣхать въ Петербургъ. Профессоръ И. В. Цвѣтаевъ, создатель Музея Изящныхъ Искусствъ, также много лѣтъ неуклонно дѣлился своими обширными познаніями въ области исторіи искусствъ съ Обществомъ и незадолго до смерти читалъ ей свой докладъ о дверяхъ Лоренцо Гиберти, готовилъ его къ печати въ Древностяхъ и неожиданная смерть постигла его, когда корректура этой статьи была уже набрана. Утрата этихъ дѣятелей — незамѣнима для Общества и память о нихъ надолго останется въ Обществѣ.

Переходя къ обзору дѣятельности Общества въ отчетный періодъ вообще, дѣлю его, по обычаю, на внѣшнюю и внутреннюю. Внѣшняя его дѣятельность выразилась, главнымъ образомъ, въ работахъ по подготовкѣ XVI Археологическаго Съѣзда, имѣющаго собраться въ Псковѣ съ 22-го іюля по 6 августа настоящаго года. Работы эти выражены были двоякимъ способомъ — производствомъ раскопокъ и изслѣдованій въ Псковской и сосѣднихъ губерніяхъ и дѣятельностью Псковскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета. Раскопки и изслѣдованія были произведены: а) по Псковской губерніи П. С. Рыковымъ, В. В. Гольмстенъ, Д. Н. фонъ-Эдингъ, М. Э. Воронецъ — по спеціальной программѣ, преслѣдующей цѣль послѣдовательнаго изученія этой губерніи и выработанной В. А. Городцовымъ; сверхъ этого тамъ же работали — І. К. Линдеманъ и Псковскій вице-губернаторъ В. Н. Крейтонъ. Какъ въ отдѣльности каждая поѣздка, такъ и въ общемъ — всѣ они дали интересные въ научномъ отношеніи результаты, несомнѣнно въ значительной степени имѣющіе обогатить какъ засѣданія Съѣзда, такъ и его Выставку. То же можно сказать и объ изслѣдованіяхъ А. И. Колмогорова въ Новгородской губерніи, нынѣ вступающіе въ 4-й годъ и уже позволяющіе приготовить для Съѣзда интересные научные выводы.

Съ своей стороны и Псковскій Комитетъ продолжалъ работать въ истекшемъ году уже усиленной дѣятельностью. Подготовлена интересная выставка, заготовляются доклады, издается археологическая карта Псковской губ. и приготовляются къ печати разныя изданія.

Наконецъ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи готовитъ 4 т. документовъ по исторіи Пскова и Псковской земли, изъ коихъ 2 выйдутъ къ Съѣзду, а содержаніе другихъ 2-хъ будетъ доложено въ видѣ отдѣльныхъ рефератовъ на самомъ Съѣздѣ.

Такимъ образомъ можно быть увѣреннымъ, что XVI Съѣздъ не составитъ исключенія и будетъ также интересенъ въ научномъ отношеніи, какъ и предъидущіе.

Кромѣ экспедицій спеціально для Съѣзда, Общество сдѣлало въ минувшемъ году рядъ и другихъ командировокъ съ научными цѣлями. Такъ, В. А. Городцовъ ѣздилъ въ Курскую губернію, Н. Е. Макаренко — въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, І. І. Іодковскій продолжалъ свои изслѣдованія по изученію оборонныхъ церквей въ Литвѣ, С. Т. Сиротенко работалъ въ Полтавской губерніи. На Кавказѣ производили изслѣдованія: Э. Лалаянцъ — въ Эриванской губерніи, А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ — въ Пицундѣ, а Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ изучалъ армянскіе памятники въ Бахчисараѣ.

Въ общемъ надо сказать, что въ смыслѣ командировокъ, дѣятельность Общества истекшаго года была особенно оживлена.

Сюда же, ко внѣшней дѣятельности Общества отношу, по обычаю, и его участіе въ различныхъ торжествахъ и событіяхъ. Въ этомъ отношеніи минувшій годъ надо признать особо богатымъ. Такъ Общество привѣтствовало своихъ сочленовъ товарища предсѣдателя Д. Н. Анучина (27 августа) и академика Ѳ. Е. Корша (23 апрѣля) въ дни исполнившихся 70-лѣтія сихъ со дня рожденія, Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и Императорскій Московскій Румянцевскій Музей въ день ихъ 50-лѣтія (15 октября и 3 апрѣля) Императорскую Публичную библіотеку при празднованіи ея 100-лѣтія своей дѣятельности (2 января) Московское Нумизматическое Общество по случаю 25-лѣтія его (17—18 марта), 50-лѣтіе д. чл. И. Я. Спрогиса (15 ноября) 30-лѣтіе научной дѣятельности проф. В. Д. Соколова (1 декабря) и проф. Д. И. Эварницкаго (24 ноября) 30-лѣтіе Финно-Угрскаго Общества, 25-лѣтіе Красноярскаго Городского Музея и Оренбургской Архивной Комиссіи, 10-лѣтіе Екатеринославской Архивной Комиссіи, освященіе Городскихъ библіотеки и Музея имени А. П. Чехова въ Таганрогѣ, открытія Общества изученія Прикамскаго края, Національнаго Музея въ Львовѣ и V Съѣзда Зодчихъ въ Москвѣ и принимало участіе черезъ своихъ представителей — Ю. В. Готье, И. Н. Бороздина и Л. М. Савелова въ засѣданіяхъ предварительнаго совѣщанія по устройству въ Петербургѣ, въ 1918 г., Международнаго Историческаго Конгресса. Во всѣхъ этихъ торжествахъ Общество участвовало частью поднесеніемъ адресовъ, частью устными поздравленіями черезъ особыя депутаціи, частью же телеграммами.

Внутренняя дѣятельность Общества выразилась въ засѣданіяхъ какъ Общества, такъ и его Комиссій и Кавказскаго Отдѣленія. Всѣхъ засѣданій Общества въ текущемъ году было 15, изъ коихъ 1 годичное, 1 посвященное памяти В. Ѳ. Миллера, 1 въ память И. В. Цвѣтаева, 1 соединенное съ другими учрежденіями и Обществами также въ память В. Ѳ. Миллера, 5 обыкновенныхъ и 6 распорядительныхъ.

Въ годичномъ, спеціальныхъ и обыкновенныхъ засѣданіяхъ были доложены слѣдующіе 28 рефератовъ:

1\. А. И. Анисимова. — Новости Новгородской церковной археологіи.
Д. Н. Анучина. Древнія могилы неизвѣстной народности въ Монголіи.
— Нѣмецкія археологическія экспедиціи въ древнюю Азію.
И. Н. Бороздина. Отчетъ о засѣданіяхъ Предварительнаго Совѣщанія по устройству въ 1918 году въ Петербургѣ Международнаго Историческаго Конгресса.
5\. — Новости археологической литературы.
И. С. Бѣляева. Объ изданіяхъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, приготовляемыхъ къ XVI Археологическому Съѣзду.
В. В. Гольмстенъ. Раскопки въ Опочскомъ уѣздѣ, Псковской губ.
В. А. Городцова. Техника каменнаго періода.
— О находкахъ близъ ст. «Сейма» Моск.-Нижег. ж. д.
10\. Ю. В. Готье. Памяти И. В. Цвѣтаева.
Б. И. Дунаева. Кострома въ ея прошломъ и настоящемъ.
І. І. Іодковскаго. Модель свайной постройки изъ Кіевскихъ Трипольскихъ площадокъ въ Музеѣ Маевскаго въ Варшавѣ.
А. П. Колмогорова. Раскопки въ Новгородской губ. 1913 г.
Ѳ. Е. Корша. Значеніе В. Ѳ. Миллера въ наукѣ.
15\. І. К. Линдемана. Поѣздка въ Псковскую губ.
— Къ вопросу о Скандинавскомъ мечѣ, найденномъ близъ г. Изборска.
Свящ. Миловскаго. Случай изъ дѣтства И. В. Цвѣтаева.
О. арх. Никанора. Пуговицы на поручахъ какъ инсигніи.
М. В. Никольскаго. Изъ воспоминаній о В. Ѳ. Миллерѣ, какъ востоковѣдѣ.
20\. П. С. Рыкова. Раскопки въ Псковской губ.
В. К. Трутовскаго. Отчетъ за 1912—1913 г.

Б. А. Тураева. Египетскія статуи и статуэтки бывшей коллекціи В. С. Голенищева.
Гр. П. С. Уваровой. Подготовительныя работы по Псковскому Съѣзду.
— Памяти В. Ѳ. Миллера.
25. — И. В. Цвѣтаевъ — творецъ Музея Изящныхъ Искусствъ.
— Статья Конвенца о могилахъ русскихъ воиновъ 1813 г. въ Гроссъ-Голмкау.
С. К. Шамбинаго. О значеніи В. Ѳ. Миллера въ наукѣ народной словесности.
28. Д. Н. фонъ-Эдингъ. Раскопки въ Великолуцкомъ уѣздѣ, Псковской губ.

Изъ состоящихъ при Обществѣ Комиссій, старѣйшая изъ нихъ, Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ имѣла въ истекшемъ году 44 засѣданія, на которыхъ было доложено 360 дѣлъ.

Разрѣшено: Переустройство и ремонтъ древнихъ памятниковъ по 11 дѣламъ: въ Москвѣ: 1) замѣна чугуннаго пола каменнымъ въ Иверской часовнѣ; 2) ремонтъ намѣстническаго корпуса въ Чудовомъ монастырѣ; 3) окраска фасада Смоленскаго Собора въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; 4) ремонтъ церкви с. Черкизова; 5) пристройка къ Соборному храму Серпуховского Владычнаго монастыря; 6) ремонтъ крыши Георгіевской церкви на углу Никитской и Георгіевскаго пер.; 7) расширеніе церкви с. Бубнова, Зубцовскаго уѣз. Тверской губ.; 8) замѣна сгнившихъ потолковъ и ремонтъ въ Воскресенскомъ храмѣ г. Мурома; 9) ремонтъ колокольни Воскресенской церкви г. Осташкова; 10) пристройка тесовой паперти къ церкви с. Кистыша Суздальскаго у. Владимирской губ.; 11) ремонтъ и передѣлки въ Техническомъ училищѣ.

Разрѣшено по стѣнописи и иконописи: Въ Москвѣ: 1) постановка иконы съ зонтомъ и фонаремъ на Кремлевской башнѣ между Спасскими и Никольскими воротами; 2) ремонтъ иконостаса и промывка иконъ въ ц. Іоанна Предтечи за Прѣснею; 3) промывка иконостаса въ ц. Благовѣщенія на Житномъ дворѣ въ Кремлѣ; 4) промывка и позолота иконостаса Покровской, что на Филяхъ, церкви; 5) ремонтъ иконъ въ Покровскомъ соборѣ с. Измайлова; 6) ремонтъ иконъ церкви с. Волынскаго, Московской губ. и уѣзда; 7) реставрація иконъ въ единовѣрческой церкви с. Гальчихи, Кинешемскаго у. Костромской губ.

Разрѣшено устройство и переустройство отопленія по 5 дѣламъ: 1) Водяное отопленіе въ Софійской, на Лубянкѣ, церкви; 2) водяное въ церкви с. Кренева, Московской губ. и уѣзда; 3) духовое въ церкви с. Братцево, Московской губ. и уѣзда; 4) водяное въ церкви с. Селевкина, Дмитровскаго уѣзда; 5) духовое отопленіе въ ц. с. Руднева, Верейскаго уѣзда.

Отказано въ разрѣшеніи по 11 дѣламъ: въ Москвѣ: 1) пристроить деревянный тамбуръ къ часовнѣ у Спасскихъ воротъ и 2) пристроить калориферъ въ Косьмодаміанской церкви, въ Кадашевѣ. Внѣ Москвы: 3) сломать деревянную церковь въ с. Татаринцевѣ; 4) замѣнить живописью очень интересныя фрески въ церкви с. Троицкаго, Троице-Бачуринской вол., Тульской губ; 5) добавить 4 малыя главы къ храму Воскресенскаго Оршина женскаго монастыря, Тверской губ.; 6) сломать деревянный храмъ въ с. Капустникахъ, Калужской губ.; 7) разобрать деревянную церковь слоб. Дементьевки, Харьковской губ. и уѣзда; 8) произвести ремонтъ въ Сагореджинской Петро-Павловской церкви; 9) устроить отопленіе Сіонскаго Кафедральнаго собора въ Тифлисѣ; 10) устроить паровое отопленіе въ церкви с. Даниловскаго, Дмитровскаго уѣзда, Московской губ.; 11) замѣнить фрески новою живописью въ церкви с. Троицѣ-Бачурина, Чернскаго уѣзда, Тульской губ.

Возбуждено ходатайство: 1) о перекраскѣ арсенала со стороны Александровскаго сада; 2) о ремонтѣ памятника Екатерининскихъ временъ на старой Тульской дорогѣ. 3) о ремонтѣ церкви с. Волокобина, Шуйскаго уѣзда, Владимирской губ.; 4) объ охранѣ земляного вала въ Ростовѣ Ярославской губ.

Въ связи съ вопросами о разрѣшеніи тѣхъ или другихъ работъ за отчетный годъ членами Комиссіи произведены были слѣдующіе осмотры: граф. П. С. Уваровой — Успенскаго

храма въ Муромѣ, Н. П. Баклановымъ — Покровскаго собора въ с. Измайловѣ и ц. Троице-Бачурина, Чернскаго уѣзда, Тульской губ., А. М. Гуржіенко — Успенскаго храма въ г. Муромѣ, имѣнія Грузино и Саввинскаго монастыря. З. И. Ивановымъ — ц. Іоанна Предтечи за Прѣснею, С. Д. Милорадовичемъ — ц. Спаса Преображенія на Срѣтенкѣ, Д. П. Суховымъ — Спасо-Яковлевскаго монастыря въ г. Ростовѣ, А. А. Латковымъ — ц. Флора и Лавра на Мясницкой, Софійской церкви на Лубянкѣ, ц. с. Черкизова церкви с. Татаринцева, А. Ф. Мейснеръ — стѣнъ г. Серпухова, И. В. Рыльскимъ — церкви Николы Мокринскаго въ г. Ярославлѣ, ц. Успенія въ г. Муромѣ, памятника Хераскову въ Донскомъ монастырѣ, обелиска Стрѣшневу въ имѣніи Гуськова — Глуховѣ, В. В. Шейманъ ц. Покрова на Филяхъ.

Кромѣ того, были произведены совмѣстные осмотры: З. И. Ивановъ, А. А. Латковъ и Н. Б. Баклановъ — Ноевскую дачу; А. М. Коринъ и С. Д. Милорадовичъ — картины въ церкви села Алмазова, близъ Москвы и церковь села Волынскаго, Московской губ.; А. М. Коринъ и В. В. Шейманъ — ц. Троицы въ с. Хорошевѣ; И. П. Машковъ, З. И. Ивановъ, А. М. Гуржіенко и И. В. Рыльскій — церк. с. Коломенскаго; Ф. Ф. Горностаевъ, А. А. Латковъ и И. В. Рыльскій — Техническое училище; И. П. Машковъ, Н. Б. Баклановъ, Ф. Ф. Горностаевъ и И. В. Рыльскій — Соборъ Василія Блаженнаго; И. П. Машковъ, Ф. Ф. Горностаевъ, З. И. Ивановъ, С. Д. Милорадовичъ, А. М. Коринъ, В. В. Шейманъ и И. В. Рыльскій — Архангельскій соборъ; И. П. Машковъ, Н. Б. Баклановъ, В. В. Шейманъ, А. А. Латковъ и И. В. Рыльскій — церкви Николая на Берсеновкѣ; А. Ф. Мейснеръ, А. А. Латковъ, Ф. Ф. Горностаевъ, В. В. Шейманъ — колокольню ц. св. Сергія на Большой Дмитровкѣ.

Со стороны Общества было поручено наблюденіе за работами: 1) Д. П. Сухову—въ церкви с. Братцева; 2) А. М. Гуржіенко — за работами по расчисткѣ стѣнописи и промывкѣ иконъ въ соборѣ Рождества Богородицы Саввинскаго монастыря, и состояли въ Комиссіяхъ представителями Общества: И. П. Машковъ: 1) по реставраціи усыпальницы Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ; 2) по вопросамъ переустройства Университетскаго зданія; 3) по переустройству Румянцевскаго Музея; 4) З. И. Ивановъ — по вопросамъ реставраціи Кремлевскихъ стѣнъ и башенъ; 5) С. Д. Милорадовичъ — по реставраціи иконописи въ Верхнеспасскомъ соборѣ. Въ ней же принималъ участіе и Ф. Ф. Горностаевъ; 6) Ф. Ф. Горностаевъ, А. М. Гуржіенко, Д. П. Суховъ, В. А. Поповъ и И. В. Рыльскій — по реставраціи Крутицкаго теремка. Производителемъ работъ состоялъ З. И. Ивановъ; 7) Ф. Ф. Горностаевъ и И. В. Рыльскій — по реставраціи Сухаревой башни; 8) И. П. Машковъ и И. В. Рыльскій — въ Высочайше утвержденной Комиссіи по вопросамъ реставраціи и ремонта собора Василія Блаженнаго; 9) И. П. Машковъ и А. В. Орѣшниковъ — въ Комиссіи по Китай-Городской стѣнѣ; 10) З. И. Ивановъ, А. М. Коринъ, а впослѣдствіи, за его отказомъ по болѣзни, С. Д. Милорадовичъ — въ Высочайше утвержденной комиссіи по реставраціи Московскаго Успенскаго собора. Производителемъ работъ состоялъ И. П. Машковъ.

Представителями въ жюри по конкурсу памятника Патріарху Ермогену и архимандриту Діонисію состояли: граф. П. С. Уварова, В. К. Трутовскій, И. П. Машковъ, З. И. Ивановъ, И. В. Рыльскій и С. Д. Милорадовичъ, а за его отказомъ — А. М. Васнецовъ.

Подъ руководствомъ Н. Б. Бакланова были зарисованы части росписей стѣнъ и плафоновъ дома Леонтьевыхъ въ Гранатномъ переулкѣ. Обмѣры же дома и снятіе фотографій и копій съ контуровъ росписей производилъ В. В. Шейманъ. Во время ломки дома Н. Б. Баклановымъ и В. В. Шейманомъ, по порученію Комиссіи, были сняты живописные и скульптурные фрагмены.

Подъ руководствомъ И. В. Рыльскаго произведены чертежи по обмѣрамъ съ натуры учениками Училища Живописи, Ваянія и Зодчества: 1) Н. Д. Бѣловымъ — Крутицкаго теремка; 2) Орловымъ — церкви с. Бесѣдъ, близъ Москвы; М. С. Семеновымъ — Коннаго двора въ подмосковной Голицыныхъ — Кузьминки и 4) И. В. Рыльскимъ — обелиска Стрѣшневу въ имѣніи П. А. Гуськова г. Глуховѣ.

Н. Б. Баклановъ, А. А. Латковъ и В. В. Шейманъ устраивали выставку археологическаго и историческаго матеріала по Старой Москвѣ для представителей города.

А. М. Гуржіенко, Д. П. Суховъ, Н. Б. Баклановъ отбирали матеріалъ для передачи администраціи Исторической выставки при Всероссійскомъ съѣздѣ зодчихъ.

Приглашались къ занятіямъ Комиссій: А. М. Васнецовъ по вопросамъ о Китай-Городской стѣнѣ и С. О. Долговъ.

Въ отчетномъ году была окончена реставрація иконъ Верхоспасскаго собора, производившаяся подъ наблюденіемъ особой комиссіи, въ занятіяхъ которой принимали участіе С. Д. Милорадовичъ и Ф. Ф. Горностаевъ.

Общество осматривало работы по промывкѣ стѣнъ и расчисткѣ иконъ въ Архангельскомъ соборѣ, спѣшно исполнявшіяся безъ участія Общества, по распоряженію Дворцоваго Вѣдомства къ пріѣзду Его Императорскаго Величества, живописцемъ Дикаревымъ.

Д. П. Суховъ, по порученію Общества, осматривалъ въ Зачатіевскомъ соборномъ храмѣ Спасо-Яковлевскаго монастыря въ г. Ростовѣ, работы, исполнявшіяся къ пріѣзду Высочайшихъ Особъ Дикаревымъ, и нашелъ, что счищенный слой плохой позднѣйшей живописи открылъ очень цѣнныя фрески XVII вѣка, но Дикаревымъ были допущены въ ней мѣстами поправки и записи, что и было поставлено ему на видъ.

С. Д. Милорадовичъ и А. М. Коринъ ѣздили осматривать въ с. Алмазово хранящіяся въ церкви, построенной кн. Демидовымъ-Санъ-Донато, нѣсколько очень цѣнныхъ итальянскихъ картинъ, о чемъ постановлено въ извѣстность высшее духовное начальство.

Комиссіи пришлось лишиться одного изъ необходимыхъ ея членовъ — А. М. Корина, которому разстроенное здоровье не позволяетъ продолжать занятія въ Комиссіи.

На основаніи доклада А. Ф. Мейснера, Общество возбудило предъ Московскимъ губернаторомъ вопросъ о реставраціи древнихъ бѣлокаменныхъ стѣнъ г. Серпухова. Губернаторъ увѣдомилъ Общество, что Серпуховское Городское Управленіе ассигновало средства на обслѣдованіе стѣнъ и занято составленіемъ смѣты на ремонтъ, по выясненіи коей и утвержденіи ея Обществомъ, предположено обратиться къ Министру Внутреннихъ дѣлъ, съ ходатайствомъ объ изысканіи необходимыхъ на ремонтъ суммъ. Таковое ходатайство Общество съ своей стороны постановило поддержать.

Вслѣдствіе возбужденнаго въ прошедшемъ году Обществомъ ходатайства, Псковскій губернаторъ предложилъ Псковской Городской управѣ безотлагательно внести на обсужденіе вопросъ объ ассигнованіи суммъ на ремонтъ въ Псковскомъ Кремлѣ древнихъ башенъ у нижнихъ рѣшетокъ и Гремячей башни съ тѣмъ, чтобы работы по ремонту были выполнены въ 1914 г.

Командированный Обществомъ І. І. Іодковскій сообщилъ, что въ стѣнахъ древняго, постройки XIV вѣка, замка у г. Лиды, Виленской губ., производилась солдатами и жандармами стрѣльба. Получивъ подтвержденіе отъ командующаго войсками Виленскаго Военнаго Округа, Общество обратилось съ ходатайствомъ предъ нимъ не разрѣшать производить стрѣльбу въ древнемъ замкѣ.

По возбужденному Обществомъ вопросу о реставраціи приходящаго въ разрушеніе костела XIV вѣка на берегу р. Нѣмана въ с. Сапежинскахъ, Маріампольскаго уѣзда — отъ Сувалкскаго губернатора поступило увѣдомленіе, что Сейнская римск.-катол. духовная консисторія рѣшила ремонтировать костелъ и дать ему назначеніе приходской усыпальницы. По вопросамъ реставраціи Комиссія вступила въ сношенія съ Сейнской консисторіей.

Князья Агіашвили изъ сел. Ткачи, Кутаисской губ., обратились къ Обществу съ просьбой принять подъ свою защиту находящуюся на ихъ землѣ крѣпость XIV вѣка, предлагая съ своей стороны принять на себя расходы по устройству ограды и обѣщая содѣйствовать приведенію въ исполненіе предначертаній Общества. Общество запросило свой Кавказскій отдѣлъ, на сколько осуществимо предложеніе кн. Агіашвили и до полученія этихъ свѣдѣній оставило этотъ вопросъ открытымъ.

Вслѣдствіе намѣчавшейся новой желѣзнодорожной линіи угрожала опасность быть снесенными древнему храму и крѣпости на р. Бзыбѣ, находящемуся въ 20 верстахъ отъ Гагръ. Обращеніе Общества къ Намѣстнику Кавказа и Министру Путей Сообщенія и губернатору обезпечило древнимъ памятникамъ ихъ дальнѣйшее существованіе.

Саратовская Ученая Архивная комиссія увѣдомила Общество, что Царицынскій металл. заводъ приступаетъ къ сооруженію новаго орудійнаго завода въ непосредственной близости съ развалинами древняго города при р. Мечетной, въ Царицынскомъ уѣздѣ, гдѣ, по мнѣнію проф. Бруна, должны быть остатки гор. Тарталлы. Общество просило Саратовскую комиссію имѣть наблюденіе, дабы своевременно, при открытіи остатковъ, принять мѣры къ научному ихъ обслѣдованію.

Получивъ извѣстіе, что остатки древняго Борисоглѣбскаго храма на Смядыни расхищаются, Общество обратилось къ Смоленскому епископу и губернатору съ просьбою засыпать остатки, въ виду невозможности ихъ охранять; изъ переписки выяснилось, что смѣта по засыпкѣ составлена и передана въ Императорскую Археологическую комиссію, которая еще въ 1911 году изъявила согласіе принять на себя эти расходы. Въ виду продолжавшагося расхищенія остатковъ, по настоятельной просьбѣ Общества, губернаторомъ установленъ надзоръ.

Вслѣдствіе возбужденнаго Обществомъ въ 1912 году ходатайства о реставраціи древняго Икортскаго храма въ Горійскомъ уѣздѣ, св. Синодъ ассигновалъ 2000 руб. изъ капиталовъ Вакуловскаго-Дощанскаго. Подъ предсѣдательствомъ княгини Эристовой, представительницы рода князей Эристовыхъ, основателей храма, былъ образованъ Комитетъ по реставраціи, входившій въ сношеніе съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся реставраціи. Въ теченіе лѣта 1913 года произведены работы по смѣнѣ двухъ, угрожавшихъ паденіемъ, пилоновъ. Желательно довести до конца начатое дѣло, переложивъ остальные два пилона и перекрывъ крышу. Требуется до 3000 руб. и есть надежда, что деньги эти, благодаря энергіи княгини Эристовой, найдутся.

Въ виду ходатайства причта о полной разборкѣ храма Успенія XVIII вѣка въ гор. Муромѣ, произведенные въ разное время членами Комиссіи гр. П. С. Уваровой, а позднѣе М. М. Гуржіенко и И. В. Рыльскимъ, осмотры выяснили ветхость храма. Все же Общество нашло возможнымъ предложить лишь переложить одну стѣну и разобрать каменный верхъ, замѣнивъ его деревяннымъ, съ оставленіемъ безъ измѣненія привычныхъ городу внѣшнихъ формъ этого храма.

Въ Калужской Городской Думѣ состоялось постановленіе о сдачѣ подъ ресторанъ зданій XIX вѣка бывшей губернаторской дачи, связанной съ именемъ Гоголя, память котораго городъ чтитъ, оберегая стоящій рядомъ съ губернаторскою дачею домикъ, въ которомъ жилъ писатель. Общество немедленно обратилось въ Думу и къ вліятельнымъ лицамъ города, съ просьбою дать иное назначеніе историческому дому. Усилія Общества временно увѣнчались успѣхомъ; но Городская Дума, насколько извѣстно, настойчиво добивается своихъ цѣлей и участь дома еще не гарантирована.

Вниманіе Общества привлекло состояніе имѣнія графа Аракчеева «Грузино» въ Новгородской губерніи, на содержаніе котораго графъ завѣщалъ значительныя средства. На основаніи доклада командированныхъ Обществомъ для ознакомленія на мѣстѣ и указаній по ремонту членовъ Общества А. М. Гуржіенко и Аничкова, Общество возбудило передъ военнымъ министромъ ходатайство о приведеніи въ порядокъ имѣнія и о лучшемъ храненіи предметовъ музея, помѣщавшагося во дворцѣ и находящагося въ вѣдѣніи 88 пѣхотнаго Петровскаго полка, но не каталогизованнаго и необезпеченнаго отъ расхищенія.

Въ ежедневной прессѣ сообщалось о замѣнѣ въ церкви с. Заборовья, Тверской губерніи, древнихъ иконъ грубою поддѣлкою. Запрошенная Обществомъ Духовная Консисторія подтвердила печальный фактъ пропажи 4 цѣнныхъ иконъ и сообщила, что священникъ понесъ должное наказаніе.

Причтъ церкви с. Шеметова, Владимірской губ., самовольно замѣнилъ куполъ на древнемъ храмѣ инымъ по величинѣ и формѣ. Запрошенная по этому поводу мѣстная Консисторія сообщила, что на виновныхъ возложено наказаніе и поставлено имъ въ условіе при первомъ же ремонтѣ возстановить куполъ въ прежней формѣ.

То, что варварскія дѣйствія причта въ обоихъ предыдущихъ случаяхъ оцѣнены должнымъ образомъ можно только привѣтствовать, какъ показатель, что не вездѣ можно безнаказанно разрушать и уничтожать, чему отчетный годъ далъ немало примѣровъ;

а) Было продано интересное паникадило изъ храма св. Сергія, что на Срѣтенкѣ, и замѣнено новымъ шаблонной работы.

б) Проданы желѣзныя ворота работы 40-хъ годовъ въ Ермолаевской, на Садовой, церкви.

в) Проданы иконы изъ церкви с. Дружаева, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ на сдѣланные Обществомъ запросы не получено отвѣтовъ.

Безъ разрѣшенія приступлено къ сломкѣ воротъ и ограды Николо-Заяицкой церкви и хотя разборка была пріостановлена Обществомъ, тѣмъ не менѣе, несмотря на неоднократныя обращенія о необходимости возстановить разрушенное, къ работѣ не приступали.

Общество обратило вниманіе Московской Городской Управы на заброшенность и неудовлетворительное состояніе Ноевской или Мамоновской дачи, которая и была осмотрѣна, совмѣстно, представителями города и Общества. Рѣшено было рекомендовать Московскому Городскому Управленію приспособить зданіе для какихъ-либо общественныхъ нуждъ. Рѣшенія Управы по этому вопросу до сихъ поръ еще не послѣдовало.

Лѣтомъ прошлаго года упавшимъ старымъ деревомъ попорчены на Донскомъ кладбищѣ памятникъ Хераскову и еще два, близъ лежащихъ; одинъ изъ нихъ — Кожуховой — лучшій на кладбищѣ по бронзѣ. Общество обратилось къ монастырю съ указаніемъ, что присутствіе на кладбищѣ множества старыхъ полусгнившихъ деревьевъ и въ дальнѣйшемъ грозитъ подобными, не поддающимися учету, потерями ввѣренныхъ охранѣ монастыря цѣнныхъ произведеній искусства и предложило принять мѣры къ удаленію опасныхъ деревьевъ. Сдѣланное Обществомъ предложеніе Обществу Любителей Россійской Словесности собрать необходимую сумму на ремонтъ памятника поэту успѣха не имѣло и Археологическое Общество, вырабатывая точную смѣту на ремонтъ, имѣетъ въ виду открыть подписку среди членовъ своей Комиссіи по изученію Старой Москвы, а также предложить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть таковую же у себя.

Прихожане храма св. Троицы въ с. Хорошевѣ обратились къ Обществу съ просьбой поддержать предъ Его Императорскимъ Величествомъ ихъ ходатайства объ укрѣпленіи отъ размыва берега р. Москвы и переименованіи с. Хорошева въ Хорошево-Романовское. Общество, по представленіи доклада командированныхъ для осмотра членовъ Комиссіи послало, съ своей стороны, историческую справку о церкви и ея современномъ состояніи Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ просьбою объ отпускѣ необходимыхъ для укрѣпленія берега суммъ. Вслѣдствіе ходатайства Общества, въ настоящее время Удѣльному вѣдомству поручено составленіе смѣтъ на работы по укрѣпленію берега.

Причтъ Покровскаго Василія Блаженнаго собора вошелъ въ Общество съ ходатайствомъ о продолженіи существующей рѣшетки на Васильевской площади и внутри Соборной площадки, въ цѣляхъ огражденія храма отъ загрязненія. Вопросъ переданъ на разрѣшеніе въ Высочайше утвержденную комиссію по вопросамъ о реставраціи собора.

Ходатайство того же причта объ устройствѣ въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ 1-го этажа, не занятаго храмомъ, а также въ помѣщеніяхъ подъ колокольнею, электрическаго освѣщенія, за желательность котораго Общество высказалось, переданъ въ ту же Комиссію, вмѣстѣ съ одобреннымъ Обществомъ проектомъ устройства насосно-водяного отопленія нижняго этажа собора. Къ сожалѣнію, всѣ эти вопросы не получили окончательнаго рѣшенія, такъ какъ

Комиссія по реставраціи собора, въ теченіе отчетнаго года не собиралась и фактически не имѣетъ вице-предсѣдателя.

Реставрація Крутицкаго теремка, законченная осенью отчетнаго года, производилась во всемъ согласно указаній Общества и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ членовъ Общества: Ф. Ф. Горностаева, Д. П. Сухова, А. М. Гуржіенко, В. А. Попова и И. В. Рыльскаго, входившихъ въ составъ особой комиссіи отъ Московской Городской Думы, на ассигнованныя городомъ средства, при производителѣ работъ З. И. Ивановѣ. Ремонтированный послѣдній разъ еще при графѣ А. С. Уваровѣ, недостаточно охраняемый, исполняя роль воротъ въ войсковой дворъ, теремокъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ требовалъ ремонта, на что Общество неоднократно указывало Думѣ. Въ послѣдніе годы разрушеніе изразцовъ и черепицъ крыши пошло особенно быстро и дальше откладывать было нельзя. Реставрація, главнымъ образомъ, состояла въ замѣнѣ совершенно испорченныхъ изразцовъ, которые оказались почти исключительно послѣдней реставраціи, что объясняется исполненіемъ ихъ не эмалью, какъ старинные изразцы, а лишь раскраскою надглазурными красками по бѣлой эмали. Всѣ древніе изразцы были промыты, а позднѣйшіе, испорченные, замѣнены новыми, сдѣланными по образцу промытыхъ древнихъ и исполнены эмалями. Памятнику обезпечено долгое существованіе и, кромѣ того, приняты мѣры къ его охранѣ, изъ нихъ важнѣйшія — прекращеніе черезъ него въѣзда обозовъ и то, что теремокъ отгороженъ отъ улицы особою рѣшеткою.

Московская Городская Дума обратила вниманіе на многократныя напоминанія Общества о необходимости капитальнаго ремонта Сухаревой башни и составила особую комиссію, въ которую вошли представители отъ Общества: Ф. Ф. Горностаевъ и И. В. Рыльскій, представители отъ города, 3 архитектора и инженеръ отъ градоначальства и которая, по подробномъ осмотрѣ, пришла къ заключенію о необходимости капитальной реставраціи памятника, выяснила характеръ реставраціи и всѣ данныя для составленія смѣты. Однако до сихъ поръ не установлено, какое будетъ дано назначеніе башнѣ и это будетъ всецѣло зависѣть отъ усмотрѣнія Городской Думы.

Въ отчетномъ году продолжалась реставрація Московскаго Успенскаго собора, при руководителѣ работъ И. П. Машковѣ, и подъ наблюденіемъ членовъ Общества З. И. Иванова и А. М. Корина, а за отказомъ послѣдняго, по болѣзни, С. Д. Милорадовича. Реставрація дала много цѣннаго матеріала по изученію Собора, а пониженіе уровня площади почти до историческаго, является большою историческою и художественною заслугою Комиссіи по реставраціи, открывшей соборные храмы въ ихъ первоначальномъ замыслѣ и красотѣ.

По ходатайству Общества, зданіе бывшихъ интендантскихъ складовъ въ гор. Воронежѣ было передано музею Воронежской Ученой Архивной комиссіи. Зданіе это, по порученію Общества, ѣздилъ обслѣдовать Ф. Ф. Горностаевъ. Его докладъ послужилъ основою для сужденія о представленномъ на разсмотрѣніе Общества проектѣ реставраціи зданія и приспособленія его подъ музей. Реставрація по проекту, одобренному Обществомъ и во всемъ согласно его указаній, въ настоящее время закончена и памятнику искусства обезпечено долголѣтнее и культурное существованіе.

Узнавъ, что въ с. Коломенскомъ предполагается ремонтъ шатра знаменитой церкви Вознесенія, Общество немедленно командировало своихъ членовъ для осмотра и очень своевременно, такъ какъ Дворцовое Вѣдомство, повидимому, не придавало ремонту шатра особаго значенія и не предполагало входить по этому поводу въ сношеніе съ Археологическимъ Обществомъ. Въ настоящее время, съ согласія Дворцоваго Вѣдомства, установлено наблюденіе со стороны Общества за реставраціонными работами и получилась увѣренность, что ремонтъ будетъ произведенъ безъ ущерба для археологической и художественной стороны памятника.

Къ сожалѣнію, слишкомъ поздно Общество узнало о произведенномъ Дворцовымъ Вѣдомствомъ приспособленіи нижней галлереи Казанскаго храма того же с. Коломенскаго подъ помѣщеніе для сторожей, при чемъ въ древнихъ стѣнахъ былъ пробитъ дымоходъ. Въ виду того,

что предпринятая Дворцовымъ Вѣдомствомъ перестройка значительно исказила памятникъ, Общество просило Дворцовое Вѣдомство на будущее время не производить ремонта древнихъ зданій безъ предварительнаго увѣдомленія Археологическихъ Обществъ.

Общество обратило вниманіе на разрушающійся вслѣдствіе подмыва берега р. Оки, знаменитый Космодаміанскій храмъ въ г. Муромѣ. Члены Комиссіи произвели осмотръ храма и нашли серіозныя поврежденія: сквозную трещину въ алтарѣ и обветшавшую и потому протекающую крышу-навѣсъ. Вслѣдствіе возникшей по этому поводу переписки Общества и переговоровъ гр. П. С. Уваровой съ городомъ, весною текущаго года будетъ произведенъ ремонтъ крыши, въ настоящее же время въ Комиссіи разрабатывается вопросъ объ изысканіи средствъ приведенія храма въ прочное состояніе и укрѣпленіи берега р. Оки.

Оберегая неприкосновенность Красной площади, Общество въ отчетномъ году заявило Московской Городской Управѣ о необходимости удалить или переставить вновь укрѣпленные высокіе столбы съ дуговыми фонарями, нарушающіе видъ на соборъ Василія Блаженнаго отъ площади, но Управа въ этомъ вопросѣ до сихъ поръ занимаетъ непримиримую позицію.

Общество, положившее много труда на борьбу за сохраненіе Китай-Городской стѣны отъ полнаго уничтоженія и захвата, въ истекшемъ году отказало Городской Управѣ въ разрѣшеніи пробить новый проходъ въ стѣнѣ у Владимірскихъ воротъ и встрѣтилось съ болѣе серьезной попыткой Московской Городской Управы выстроить 3-этажный каменный домъ для полицейскихъ, на мѣстѣ существовавшаго ранѣе маленькаго, при чемъ застройка предположена вплотную къ лучшей изъ стѣнъ Китай-Города — Круглой башнѣ на Старой площади, что совершенно лишитъ доступа къ башнѣ для ремонта. Общество обратилось къ Городской Управѣ и опротестовало производство пристройки передъ Министромъ Внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ Управа упорно не желаетъ признать недопустимость подобныхъ пристроекъ, ведущихъ къ уничтоженію стѣнъ.

Безнадежность борьбы съ уничтоженіемъ находящихся въ частномъ владѣніи старинныхъ построекъ, безъ существованія спеціальнаго закона объ охранѣ, показала попытка Общества сохранить отъ сломки домъ Леонтьевыхъ въ Гранатномъ переулкѣ, въ Москвѣ. Когда въ началѣ отчетнаго года, стало извѣстно о переходѣ особняка въ другія руки и о намѣреніи новаго владѣльца сломать его и построить на этомъ мѣстѣ доходный домъ, Общество, не имѣя въ своемъ распоряженіи иныхъ средствъ остановить сломку, прибѣгло къ публикаціи въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ своего обращенія ко всѣмъ, кому дорого искусство прошлаго, въ надеждѣ, что среди русскаго общества найдутся желающіе пріобрѣсти одинъ изъ интереснѣйшихъ особняковъ Москвы, къ тому же вполнѣ прочный и вполнѣ приспособленный къ современной жизни. Однако, несмотря на то, что сломка дома была отсрочена его владѣльцемъ на нѣсколько мѣсяцевъ, желающихъ пріобрѣсти владѣніе не оказалось и въ настоящее время приступлено къ сломкѣ особняка. Не имѣя иныхъ средствъ противодѣйствовать уничтоженію памятника зодчества начала XIX вѣка, Общество озаботилось снятіемъ фотографій, обмѣровъ съ натуры и ассигновало средства на пріобрѣтеніе фрагментовъ росписей и скульптуры для помѣщенія въ предполагаемый музей «Старой Москвы».

Несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества пробуждается серьезный интересъ къ старинѣ, въ провинціи и столицахъ возникаютъ кружки и общества любителей и охранителей старины. и все большее и большее число лицъ ѣздитъ по глухимъ мѣстамъ Россіи съ спеціальной цѣлью открывать и фиксировать памятники родного искусства, количество ихъ уменьшается все съ тою же ужасающей послѣдовательностью. Вслѣдствіе невѣжества лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся памятники, они гибнутъ совершенно или искажаются ненужными реставраціями и приспособленіями. Въ крупныхъ городахъ усиленное строительство повело къ сносу характерныхъ домовъ одного за другимъ. На ихъ мѣстѣ строятся многоэтажные дома, своими массами глушащіе не только прежніе еще кое-гдѣ уцѣлѣвшіе дома, но и церкви,

въ былыя времена высившіяся своими силуэтами на фонѣ неба. Церквамъ къ тому же вредитъ само духовенство, часто подъ предлогомъ «церковныхъ нуждъ» возводящее на церковной землѣ многоэтажные доходные дома, притомъ едва ли не всегда съ нарушеніемъ существующихъ законоположеній о разрывахъ. Духовенство сдаетъ подъ торговое помѣщеніе всякое свободное мѣсто, не останавливаясь даже передъ сдачею нижнихъ частей колоколенъ, подклѣтовъ и даже упраздненныхъ храмовъ, какъ это сдѣлалъ Московскій Высокопетровскій монастырь, превратившій храмъ въ шляпную фабрику. Въ отчетномъ году Общество, собравъ случаи застроекъ церковныхъ земель доходными домами на не законномъ разстояніи, запросило Московскаго градоначальника, съ чьего разрѣшенія допускаются постройки съ отступленіемъ отъ существующаго Строительнаго Устава.

До послѣднихъ лѣтъ гражданскія частныя постройки занимали въ дѣлахъ Общества сравнительно скромное мѣсто. Въ отчетномъ году усиленное уничтоженіе старинныхъ особняковъ Москвы заставило удѣлить имъ большее вниманіе. Съ многихъ гражданскихъ построекъ, которымъ грозили уничтоженія или реставрація, снимались фотографіи и производились обмѣры и такимъ образомъ въ кругъ наблюденій Общества вошли памятники гражданской архитектуры конца XVII и первой половины XIX вѣка, какъ-то: Мясницкая больница, зданіе Таможни, Техническое училище, Университетская типографія, Государственный банкъ на Никитскомъ бульварѣ, Ноевская дача, д. Леонтьевыхъ, д. Сытина, Тріумфальныя ворота, Кузьминки. Чтобы заставить Городское Управленіе поторопиться съ рѣшеніемъ назрѣвшаго вопроса объ образованіи Музея Старой Москвы, такъ какъ за неимѣніемъ спеціальнаго помѣщенія безслѣдно исчезаютъ цѣнные фрагменты уходящихъ памятниковъ архитектуры, Общество устроило у себя въ домѣ выставку матеріаловъ, относящихся къ Старой Москвѣ, предполагая положить этимъ основаніе музею Старой Москвы, который, по существу, долженъ быть устроенъ на средства города. Матеріалы были осмотрѣны представителями города, но рѣшеніе вопроса отложено и Общество до сихъ поръ не получило отвѣта.

Конецъ стихійному истребленію памятниковъ несомнѣнно будетъ положенъ только тогда, когда они попадутъ подъ защиту строгаго закона. На благоусмотрѣніе законодательныхъ учрежденій предполагается внести, въ недалекомъ будущемъ, выработанный уже особой комиссіей при Государственной Думѣ законопроектъ объ охранѣ памятниковъ. Отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса зависитъ все будущее памятниковъ родного искусства, почему Общество, по мѣрѣ силъ, стремится облегчить выясненіе этого сложнаго вопроса и когда проектъ этотъ разсматривался въ комиссіяхъ 3-й Государственной Думы, Общество, черезъ своихъ представителей, вносило свои разъясненія, основанныя на долголѣтнемъ опытѣ. Въ отчетномъ году Общество посвятило нѣсколько засѣданій обсужденію законопроекта въ редакціи думской комиссіи и намѣрено внести свои замѣчанія на разсмотрѣніе членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Восточная Комиссія въ отчетномъ году состояла, попрежнему, подъ предсѣдательствомъ В. Е. Трутовскаго, при товарищѣ предсѣдателя граф. П. С. Уваровой и при секретарѣ А. Е. Крымскомъ. 31-го октября 1913 года исполнилось 25-лѣтіе существованія Комиссіи, которое было отпраздновано въ торжественномъ засѣданіи. Полученныя въ этотъ день изъ разныхъ европейскихъ и азіатскихъ странъ самыя сердечныя привѣтствія съ особою наглядностью свидѣтельствуютъ, что Комиссія умѣла завоевать себѣ прочное уваженіе въ глазахъ ученаго востоковѣднаго міра. Памятуя, что своими успѣхами Комиссія въ значительной степени обязана энергіи и безкорыстному служенію своихъ достойныхъ первыхъ руководителей: перваго своего предсѣдателя акад. Ф. Е. Корша и перваго своего секретаря ассиріолога М. В. Никольскаго, Комиссія соединила празднованіе памятнаго для нея дня четвертьвѣковой годовщины съ принесеніемъ привѣтствій этимъ двумъ высокозаслуженнымъ своимъ членамъ, изъ которыхъ Ф. Е. Коршу какъ разъ одновременно исполнилось семьдесятъ лѣтъ жизни. Годовщину 70-лѣтія Ф. Е. Корша Комиссія отмѣтила еще тѣмъ, что посвятила Ф. Е. Коршу юбилейный томъ своихъ

трудовъ, выдѣляющійся большимъ, почти колоссальнымъ, объемомъ и разностороннимъ востоковѣднымъ содержаніемъ.

Кромѣ того, Комиссія имѣла въ истекшемъ году пять засѣданій, на которыхъ было прочитано 13 докладовъ.

Въ области изученія клинописной вавилонской древности М. В. Никольскій доложилъ: «Хозяйственные документы эпохи Агаде и династіи Ура изъ клинописнаго собранія Н. П. Лихачева», — результатъ 5-лѣтней своей работы надъ изслѣдованіемъ замѣчательной Лихачевской коллекціи, которая почти заканчивается изданіемъ и переводомъ въ Трудахъ Археологическаго общества.

По древне-армянской археологіи и исторіи, въ связи съ исполнившимся 1500-лѣтнимъ юбилеемъ изобрѣтенія армянской азбуки св. Месропомъ-Маштоцомъ, сообщенія дали:

1. А. Г. Туманьянъ: «Различныя теоріи объ изобрѣтеніи армянскаго алфавита и показанія источниковъ».

2. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: «Къ 1500-лѣтію изобрѣтенія армянскаго алфавита: послѣдователи Саака и Месропа».

Онъ же, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, совершилъ археологическую поѣздку лѣтомъ 1913 года въ Крымъ, въ гор. Бахчисарай и обслѣдовалъ то немногое и, къ сожалѣнію, исчезающее, что тамъ есть по армянской древности.

Ф. Е. Коршъ въ сообщеніи подъ скромнымъ заглавіемъ: «Сочетаніе въ древне-армянскомъ языкѣ», куда онъ эрудитнѣйше привлекъ показанія другихъ индо-европейскихъ языковъ, далъ яркую страницу сравнительнаго языковѣдѣнія.

По греко-турецкой археологіи докладъ И. Я. Стеллецкаго: «Базилика св. Димитрія въ Солуни».

Опытъ критическаго привлеченія восточно-христіанскихъ источниковъ къ освѣщенію начальной исторіи мусульманства предложенъ былъ А. Г. Туманяномъ: «Свѣдѣнія старинныхъ армянскихъ писателей о Мохаммедѣ и исламѣ».

Монгольскому періоду посвящены доклады:

1. В. В. Каллашъ: «Печенѣги-половцы-татары въ Начально-русской лѣтописи».

2. А. Е. Крымскій: «Пародическая и юмористическая персидская поэзія XIV вѣка».

3. Онъ же: «Черты жизни и творчества тимуридскаго поэта Джамія XV вѣка».

Османной Турціи и именно ея малоазіатскимъ закоулкамъ, цѣннымъ и съ археологической и съ этнографической стороны, отдалъ свое вниманіе В. А. Гордлевскій, совершившій и въ этомъ году, какъ и во всѣ предыдущіе, поѣздку въ глубь Малой Азіи. Одинъ изъ его докладовъ далъ картину современной турецкой провинціальной печати, которая во многихъ пунктахъ имѣетъ аналогію съ русской печатью XVIII вѣка.

Лѣтописецъ XVII вѣка Аракелъ Тебризскій, очень полезный для уясненія исторіи отношеній между Сефевидской Персіей и Османной Турціей XVI—XVII вѣковъ, продолжалъ служить предметомъ работы для Х. И. Кучукъ-Іоаннесова. Въ своемъ докладѣ: «О персидскихъ, арабскихъ и турецкихъ элементахъ у Аракела Тебризскаго» Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ предложилъ на разрѣшеніе Комиссіи длинный рядъ вопросовъ изъ различныхъ отраслей восточно-мусульманской филологіи, представители которыхъ имѣются въ нашей Комиссіи.

Съ подобными запросами обращаются въ Комиссію и тѣ, кто не состоитъ членомъ Комиссіи и оттого съ глубокой грустью приходится отмѣчать каждую научную силу, выхватываемую неумолимой смертью изъ не слишкомъ многочисленнаго ряда работниковъ Комиссіи. Въ нынѣшнемъ году потеря была сугубо-чувствительна потому, что умеръ долголѣтній предсѣдатель Восточной Комиссіи, кавказовѣдъ и иранистъ академикъ Всеволодъ Миллеръ. Комиссія, раньше всѣхъ прочихъ научныхъ Обществъ Москвы, поспѣшила скорбно почтить память его особымъ засѣданіемъ, на которомъ некрологъ покойному прочитанъ былъ секретаремъ.

Славянская Комиссія въ истекшемъ году имѣла 6 засѣданій, въ которыхъ сдѣлали сообщенія слѣдующія лица:

Р. Ѳ. Брандтъ: Памяти Патера, И. Срезневскаго и I. Верхлицкаго.

С. О. Долговъ. Откровеніе первомученика Стефана.

И. Е. Евсѣевъ. Нѣсколько методологическихъ замѣчаній въ области разработки древней русской литературы.

В. И. Іохельсонъ. Алеуты и образованіе творительнаго падежа въ ихъ языкѣ.

А. И. Некрасовъ. Нѣсколько замѣчаній изъ области Новгородской тератологіи.

» » » Къ вопросу о гусляхъ.

А. С. Орловъ. Молитва Іисусова въ русской письменности съ XV вѣка.

А. А. Покровскій. Проложное житіе св. Прохора Пшинскаго.

И. С. Рябининъ. Кашубы и младо-кашубское движеніе.

Ѳ. С. Тузлуковъ. Замѣтки о древнѣйшихъ сказаніяхъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ.

А. А. Шемшуринъ. Замѣчанія о синодальной Псалтири 1296 года.

» » Объ инициалахъ Сійскаго Евангелія 1339 года.

Въ текущемъ году Комиссія приступила къ печатанію второго выпуска IV тома Трудовъ Славянской Комиссіи, въ который войдутъ работы и статьи учениковъ и почитателей памяти покойнаго предсѣдателя Комиссіи М. И. Соколова.

Археографическая Комиссія въ отчетномъ году имѣла два засѣданія, на коихъ были заслушаны и обсуждены доклады:

1. А. М. Гнѣвушева. Дворцовые крестьяне въ XVII вѣкѣ

2. Н. А. Маркса. Изъ дневника обывателя въ эпоху Отечественной войны.

3. I. К. Линдемана. Къ исторіи гор. Коломны въ 1812 году (по неизданнымъ матеріаламъ).

4. П. А. Незнамова. Выборы должностныхъ лицъ въ Новгородскомъ намѣстничествѣ въ 1780 году.

Первый изъ прочитанныхъ докладовъ былъ посвященъ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ соціально-правовой и хозяйственной исторіи Московскаго государства; авторомъ сообщенія былъ переработанъ обширный матеріалъ, сдѣланы интересные выводы и заключенія, сочувственно принятые принявшими участіе въ преніяхъ членами Комиссіи. Доклады второго засѣданія носили, по преимуществу, культурно-бытовой характеръ; всѣ три сообщенія были основаны на первоисточникахъ.

Въ члены Комиссіи въ истекшемъ году были избраны: А. М. Гнѣвушевъ, Н. В. Мятлевъ и П. Н. Зенбицкій. Подъ редакціей секретаря Комиссіи И. Н. Бороздина былъ выпущенъ 3-й томъ «Древностей, Трудовъ Археографической Комиссіи», заключающій въ себѣ 318 страницъ двухстолбцоваго текста. Въ означенномъ томѣ помѣщены изслѣдованія, статьи и матеріалы слѣдующихъ лицъ: М. М. Богословскаго — Тяглая организація Поморья въ XVII вѣкѣ, Б. С. Пушкина — страница изъ исторіи Череповецкаго монастыря въ XVII вѣкѣ, его же — Опись рукописей, принадлежащихъ Л. М. Савелову, П. И. Иванова — Пермская веревная книга 1751 года (къ вопросу о крестьянскомъ податномъ обложеніи въ XVIII вѣкѣ по новымъ архивнымъ даннымъ), С. Б. Веселовскаго — Источники XVIII главы Уложенія царя Алексѣя, С. В. Рождественскаго — Роспись земельныхъ владѣній московскаго боярства 1647—48 года, Е. Д. Сташевскаго — Къ исторіи колонизаціи юга (Великій бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ и его слободы въ Елецкомъ уѣздѣ), Б. И. Дунаева — Воскресенскій лѣтописецъ и его продолженіе за 18-й и 19-й вѣка Солигаличскимъ служилымъ человѣкомъ Ѳ. И. Нащокинымъ, Д. А. Жаринова — Къ исторіи помѣщичьяго хозяйства въ Тульской губерніи, И. Н. Бороздина — В. О. Ключевскій (некрологъ).

Комиссія по изученію Старой Москвы, съ началомъ отчетнаго года вступила въ четвертый годъ своего существованія. Къ 1 января 1913 года въ Комиссіи состояло 116 членовъ, вновь избрано 10, а всего къ новому 1914 году состоитъ 126 членовъ. Въ теченіе

1913 года было 10 засѣданій, на которыхъ были прочитаны слѣдующіе доклады, относящіеся къ исторіи или археологіи старой Москвы:

1. И. С. Бѣляева. Къ исторіи развлеченія москвичей въ половинѣ XVIII столѣтія.

2. Э. В. Готье. О матеріалахъ къ исторіи Московскаго Воспитательнаго дома.

3. М. С. Померанцева. О поискахъ палаты для помѣщенія въ Москвѣ въ 1724 году Рекетмейстерской конторы, состоящей при Сенатѣ.

4. П. Н. Миллера. Прошлое мѣстности, составляющей нынѣ 3 участокъ Мясницкой части.

5. И. С. Бѣляева. О нѣкоторыхъ матеріалахъ къ изданію старыхъ плановъ гор. Москвы.

6. И. Я. Стеллецкаго. Объ архивныхъ башняхъ въ Москвѣ.

7. Н. Н. Соболева. О деревянныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ московскихъ церквей.

8. И. Я. Стеллецкаго. О Кунцевскомъ городищѣ подъ Москвою.

9. Гр. К. А. Хрептовича-Бутенева. О строителѣ Московскаго Успенскаго собора Аристотелѣ Фіораванти.

10. І. К. Линдемана. О загадочныхъ плитахъ князей Гагариныхъ.

11. Н. Н. Соболева. О русскомъ зодчемъ половины и конца XV столѣтія Василіи Дмитріевичѣ Ермолинѣ.

12. Н. Б. Бакланова. Объ исторической выставкѣ при съѣздѣ зодчихъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1913 года.

Кромѣ того были демонстрированы разные предметы:

1. А. И. Соболевою — акварельный рисунокъ Тверского бульвара и Варварскихъ воротъ въ 1873 году.

2. Е. В. Гольдингеръ — письмо драматурга А. Н. Островскаго къ одному изъ московскихъ друзей — Шаповалову въ 1857 году.

Кромѣ того дѣятельность Комиссіи выразилась *въ составленіи библіографическихъ карточекъ* по исторіи Москвы, при чемъ Э. В. Готье было составлено 100 карточекъ книгъ изъ его библіотеки.

Членомъ Комиссіи П. Н. Миллеромъ была составлена обширная графическая таблица посѣщеній членами Комиссіи ея засѣданій за 4 года ея дѣятельности.

Въ отчетномъ году продолжали поступать пожертвованія для Музея Старой Москвы. Такъ, В. А. Афанасьевъ принесъ въ даръ надворотную доску стараго дома Базилевскаго на Воздвиженкѣ, считавшуюся золотой. Покойнымъ членомъ Общества А. А. Голомбіевскимъ — 8 фотографій съ акварелей Москвы 80-хъ годовъ XVIII столѣтія и альбомъ гравюръ съ видами Москвы, изданія Генкеля половины XIX столѣтія. Проф. И. А. Линниченко, Э. В. Готье и М. С. Померанцевъ подарили цѣнныя книги и снимки, относящіеся къ библіотекѣ Старой Москвы.

Комиссія по изученію Старой Москвы вполнѣ убѣждена, что пріисканіе соотвѣтствующаго помѣщенія подъ музей Старой Москвы обильно бы усилило притокъ пожертвованій сюда, поэтому вопросъ о зданіи для Музея въ отчетномъ году, какъ и въ предшествовавшемъ, все время стоялъ для Комиссіи на первомъ планѣ. Комиссія указала Московскому Городскому Управленію на Сухареву башню, въ двухъ этажахъ которой имѣется 5 залъ съ площадью въ 150 кв. саж., какъ на желательное помѣщеніе для музея Старой Москвы, при условіи производства городомъ ремонта и устройства отопленія. Однако послѣ посѣщенія Городской комиссіей Археологическаго общества и осмотра членами ея гг. Челноковымъ, Малининымъ и др. части вещей для музея Старой Москвы, главнымъ образомъ матеріаловъ графическаго и архивнаго, — вопросъ о предоставленіи городомъ помѣщенія подъ музей Старой Москвы все еще остается открытымъ.

Переходя къ пятому году своей дѣятельности, Комиссія можетъ засвидѣтельствовать о несомнѣнномъ и все болѣе и болѣе возрастающемъ единеніи между собою членовъ Комис-

сіи на почвѣ изученія родной старины. Одинъ изъ нашихъ членовъ и почтенный работникъ по изученію русскаго искусства, назвалъ нашу Комиссію *любезной* его сердцу. Можно надѣяться, что при такомъ отношеніи къ Комиссіи ея членовъ, будущее Комиссіи представляется свѣтлымъ и достаточно прочнымъ.

Должностными лицами Комиссіи въ теченіе отчетнаго года были: Предсѣдателемъ — предсѣдатель Археологическаго Общества гр. П. С. Уварова, товарищемъ предсѣдателя и казначеемъ Э. В. Готье и секретаремъ И. С. Бѣляевъ.

Комиссія по разбору и уничтоженію документовъ Московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ въ отчетномъ году работала въ составѣ: Предсѣдателя, ст. сов. Губернскаго Правленія П. Д. Шереметевскаго и членовъ представителей: Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества И. Я. Стеллецкаго, Мин. Нар. Просв. А. Л. Стеблева, Мин. Юстиціи В. А. Щепковскаго и, съ ноября 1913 года, смотрителя Губернскаго правленія Н. А. Александрова.

Комиссія въ минувшемъ году продолжала заниматься разборомъ архива Московскаго Коммерческаго Суда, за 1839, 1840 и 1841 года. По прежнему занятія происходили еженедѣльно, по четвергамъ.

Изъ отдѣльныхъ засѣданій нѣкоторыя представляли особый интересъ. Въ засѣданіи 10 января 1913 года разсматривался, неизмѣнно вызывающій страстные дебаты на Археологическихъ Съѣздахъ, вопросъ объ уничтоженіи архивныхъ дѣлъ заочно, по однимъ спискамъ. Въ Комиссіи вопросъ этотъ былъ поднятъ по поводу поступившаго предложенія уничтожить дѣла Полицейскихъ управленій на основаніи представленныхъ описей.

Раньше Комиссія имѣла случай вынести принципіальное постановленіе о невозможности для нея рѣшенія подобнымъ путемъ вопроса объ уничтоженіи или храненіи документовъ. Практически, однако, постановленіе Комиссіи оказалось мало примѣнимымъ.

Пересылать дѣла въ Москву на заключеніе Комиссіи и такимъ путемъ разгружать постепенно архивныя помѣщенія. Полицейскія управленія, по неимѣнію спеціальныхъ средствъ, явно не могутъ. Переполненіе же помѣщеній ненужными для текущаго момента дѣлами могло повлечь негласное массовое уничтоженіе полицейскихъ дѣлъ. Въ виду этого, Комиссія признала за лучшее предложить Полицейскимъ управленіямъ разбить документы на однородныя группы и присылать на заключеніе Комиссіи по нѣсколько дѣлъ изъ каждой группы, на основаніи которыхъ Комиссія могла бы имѣть сужденіе о цѣломъ.

Съ цѣлью увеличить продуктивность занятій Комиссіи, былъ усиленъ составъ ея назначеніемъ, согласно прим. къ 602 ст. т. II Общ. Учр. Губ. по продол. 1906 года, смотрителя архива Н. А. Александрова, по резолюціи московскаго губернатора отъ 9 ноября 1913 года.

Въ отчетномъ году Комиссіей было разсмотрѣно 487 дѣлъ, изъ которыхъ многія въ нѣсколько десятковъ томовъ. Особенно тщательно разбирались Комиссіей дѣла, касавшіяся недвижимости, фабричнаго дѣла, исключительной по размѣрамъ торговли, а также представлявшія интересъ въ бытовомъ или историческомъ отношеніи.

Изъ такихъ дѣлъ томы, излагавшіе сущность судебнаго процесса, уничтоженію не подлежали.

Работамъ Комиссіи велись подробные протоколы, съ краткой характеристикой оставленныхъ дѣлъ.

Въ Кавказскомъ отдѣленіи Археологическаго Общества въ 1913 году состояли: Предсѣдателемъ — Л. Г. Лопатинскій, казначеемъ Р. Г. Шмидтъ, секретаремъ Е. С. Такайшвили.

Въ истекшемъ году избраны дѣйствительными членами: преподаватель учительскаго института въ Тифлисѣ В. А. Пархоменко, секретарь Тифлисской судебной палаты А. Н. Китайскій, секретарь Тифлисскаго статистическаго комитета Г. Ф. Чурсинъ и лекторъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Тифлисѣ С. Н. Какабадзе.

Въ отчетномъ году было пять засѣданій и на нихъ прочитаны слѣдующіе доклады и сообщенія:

М. Г. Джанашвили. Участіе царевича Ираклія въ Индійскомъ походѣ Надиршаха.

» » » Ахпатскій монастырь и его документы на грузинскомъ языкѣ.

С. Д. Теръ-Аветисянъ. О надписяхъ Ахпатскаго монастыря.

Ф. С. Гребенецъ. Курганы въ окрестностяхъ станицы Змѣйской Терскаго казачьяго войска.

Е. А. Пахомовъ. Замѣтка о монетахъ, найденныхъ близъ Батума.

О. М. Дарданянцъ. Курганъ «Сарой-тага» Эриванской губерніи.

Е. С. Такайшвили. О церкви въ сел. Убе или Убиси, Шарапанскаго уѣзда, Кутаисской губерніи и ея древностяхъ.

Въ отчетномъ году, по иниціативѣ Отдѣленія, Кавказское общество поощренія изящныхъ искусствъ разработало планъ купола Астальскаго монастыря, и съ этой цѣлью совершено было нѣсколько экскурсій въ названный монастырь, совмѣстно съ секретаремъ Отдѣленія Е. С. Такайшвили; найдены всѣ фрагменты стараго купола и по нимъ составленъ вѣрный планъ предположенной реставраціи.

Членъ Отдѣленія А. Н. Казнаковъ былъ командированъ въ Кахетію, на станцію Гурджаони, гдѣ былъ обнаруженъ старый могильникъ. А. Н. Казнаковъ произвелъ на мѣстѣ раскопки и найденныя бронзовыя и глиняныя вещи доставилъ въ Кавказскій Музей.

Лѣтомъ отчетнаго года, по своей иниціативѣ, секретарь Отдѣленія Е. С. Такайшвили изучалъ нѣкоторые христіанскіе памятники Мингреліи и Имеретіи.

Въ отчетномъ году Отдѣленіе докончило печатаніе и издало подъ редакціею Л. Г. Лопатинскаго и Е. С. Такайшвили III вып. «Извѣстій Отдѣленія», который содержитъ въ себѣ статьи Е. С. Такайшвили и М. Г. Джанашвили, а также всѣ протоколы засѣданій Отдѣленія отъ 19 ноября 1905 года 18 мая 1913 года, съ присоединеніемъ отчетовъ и нѣкоторыхъ докладовъ и сообщеній.

Библіотека Отдѣленія пополнялась присылаемыми учеными Обществами книгами. Къ концу отчетнаго года всѣхъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ Отдѣленія было 148.

Изъ изданій Обществомъ были выпущены въ отчетномъ году, кромѣ уже отмѣченныхъ въ своемъ мѣстѣ изданій Комиссій, I т. «Трудовъ XV Археологическаго Съѣзда въ Новгородѣ», подъ редакціей предсѣдателя Общества гр. П. С. Уваровой и 2-й вып. XXIII т. «Древностей» подъ редакціей секретаря Общества В. К. Трутовскаго. Печатаются II т. «Трудовъ XVI Съѣзда» и XIII—XIV т. «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», подъ редакціей гр. П. С. Уваровой и XXIV т. «Древностей», подъ редакціей В. К. Трутовскаго.

Въ составѣ должностныхъ лицъ Общества не произошло никакихъ измѣненій, такъ какъ, о чемъ сказано уже выше, Товарищемъ Предсѣдателя и Секретаремъ избраны были вновь, за окончаніемъ ихъ срока, проф. Д. Н. Анучинъ и В. К. Трутовскій. Но зато въ личномъ составѣ Общества минувшій годъ принесъ цѣлый рядъ перемѣнъ. Особенно сильны и тяжелы для Общества утраты своихъ сочленовъ, которыхъ оно потеряло за отчетное время, 12 человѣкъ. О незамѣнимыхъ потеряхъ въ лицѣ академика В. Ѳ. Миллера и проф. И. В. Цвѣтаева сказано было въ началѣ отчета, но кромѣ этихъ дѣятелей Общество понесло тяжкія утраты еще въ лицѣ двухъ почетныхъ членовъ Общества — А. С. Петрушевича — (10-го ноября) и Ю. С. Нечаева-Мальцева — (6-го октября), 5 дѣйствительныхъ членовъ: Г. П. Алексѣева — (15 февраля 1914 г.), А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго — 25-го августа), С. К. Кузнецова — (13-го августа), проф. А. А. Павловскаго — (7-го мая) и Н. М. Турбина — (7-го ноября); къ этому скорбному списку надо присоединить еще только что почившаго 26-го февравля сего года дѣйств. чл. П. П. Семенова-Тяньшанскаго, состоявшаго членомъ Общества съ 1869 года. Хотя покойный ученый и общественный дѣятель давно не принималъ непосредственнаго участія въ нашихъ занятіяхъ, будучи географомъ и этнографомъ, но все же его имя, какъ выдающагося русскаго ученаго,

всегда было украшеніемъ и нашего Общества, а какъ президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества онъ всегда сочувственно отзывался на всѣ запросы Общества. Изъ членовъ-корреспондентовъ Общество въ минувшемъ году потеряло трехъ лицъ: Д. А. Клеменца (8 января 1914 г.), не разъ работавшаго въ Сибири по порученію Общества, П. Н. Кречетова — (23-го іюня), интересовавшагося вопросами о Скифіи и работавшаго въ этомъ направленіи и С. М. Мазараки — (21-го іюля), такъ много содѣйствовавшаго Обществу въ изученіи археологіи южной Россіи. Всего же Общество потеряло въ минувшемъ году 13 человѣкъ. Память ихъ была почтена Обществомъ по мѣрѣ силъ и возможности.

Однако, въ то же время въ Общество вошелъ и цѣлый рядъ новыхъ работниковъ, частью давно участвовавшихъ въ его Комиссіяхъ, частью въ самомъ Обществѣ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ членовъ-корреспондентовъ были избраны въ дѣйствительные члены. Въ общемъ же эти измѣненія сводятся къ слѣдующему: въ дѣйствительные члены избраны по § 18 проф. В. А. Гордлевскій и изъ корреспондентовъ — И. С. Бѣляевъ и Н. А. Марксъ; въ члены-корреспонденты — Н. Б. Баклановъ, И. Я. Бондаренко, С. Б. Веселовскій, І. І. Іодковскій, А. А. Латковъ, Н. Е. Макаренко, П. А. Незнамовъ и архим. Накаворъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время Общество насчитываетъ съ своей средѣ 4 почетныхъ членовъ, 160 дѣйствительныхъ, 137 членовъ-корреспондентовъ и 61 иностранныхъ ученыхъ, всего же 362 лица.

768. Протоколъ Годичнаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 5 марта 1913 года, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: Д. Н. Анучина, М. І. Аттая, Е. В. Барсова, В. В. Богданова, С. К. Богоявленскаго, И. Н. Бороздина, В. А. Городцова, Э. В. Готье, Ю. В. Готье, А. М. Гуржіенко, С. І. Долгова, Б. И. Дунаева, Д. И. Иловайскаго, А. И. Колмогорова, Ѳ. Е. Корша, А. Е. Крымскаго, о. І. І. Кузнецова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, З. И. Иванова, М. К. Любавскаго, Г. Л. Малицкаго, Н. А. Маркса, И. П. Машкова, С. Д. Милорадовича, І. К. Линдеманъ, А. И. Некрасова. А. П. Новицкаго, А. В. Орѣшникова, А. А. Покровскаго, И. В. Рыльскаго, Н. И. Соболева, И. Я. Стеллецкаго, Д. П. Сухова, И. М. Тарабрина, А. Н. Филиппова, Д. В. Цвѣтаева, И. В. Цвѣтаева, В, В. Шейманъ, С. Д. Щербака, кн. Н. С. Щербатова, С. И. Чижова, Н. П. Чулкова и Секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Письмо О. Е. Клера, изъ Екатеринбурга, съ просьбой увѣдомить, не можетъ ли онъ передать въ Библіотеку Уральскаго Общества Любителей Естествознанія нѣкогда сдѣланныя для него и до сихъ поръ хранящіяся у него выписи по матеріаламъ для археологической карты Пермской губ.

Постановлено: разрѣшить передать въ Библіотеку Уральскаго Общества.

3. Отношеніе г. Ярославскаго Губернатора съ просьбой увѣдомить, не встрѣчаетъ ли Общество препятствій къ утвержденію почетнымъ корреспондентомъ Угличскаго Музея древностей директора учительской семинаріи Смоленской губ. А. В. Попова?

Постановлено: увѣдомить о согласіи на то Общества.

4. Письмо Московскаго Губернскаго Предводителя Дворянства по вопросу о предоставленіи дворянской стипендіи дѣтямъ В. М. Казакова.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

5. Секретарь доложилъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества съ 17 февраля 1912 г. по 17 февраля 1913 г.

6. Секретарь Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ И. В. Рыльскій прочиталъ отчетъ Комиссіи за то же время.

7. Казначей Э. В. Готье доложилъ отчетъ о состояніи и движеніи суммъ Общества за отчетный періодъ.

8. Членъ Ревизіонной Комиссіи С. К. Богоявленскій прочиталъ протоколъ Комиссіи по обревизованію кассы и денежныхъ документовъ.

По предложенію предсѣдателя выражена глубокая благодарность Казначею за примѣрное веденіе денежныхъ дѣлъ Общества и Ревизіонной Комиссіи за ея труды.

9. Предсѣдатель Общества доложилъ, что въ настоящемъ засѣданіи Общество чествуетъ проф. Д. Н. Анучина и В. К. Трутовскаго по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія ихъ дѣятельности въ Обществѣ, перваго — какъ Товарища Предсѣдателя Общества, второго — какъ Секретаря Общества, и прочиталъ имъ привѣтственные адреса отъ Общества, заключенные въ роскошные серебряные бювары. Кромѣ того В. К. Трутовскому поднесена была серебряная съ финифтью въ древне-русскомъ стилѣ чернильница и таковое же перо, и кромѣ того, его же привѣтствовали рѣчами — отъ Восточной Комиссіи Общества акад. Ѳ. Е. Коршъ и отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ Г. Г. Костаньянъ. Затѣмъ прочитаны были привѣтственныя телеграммы.

Сами юбиляры въ краткихъ, прочувствованныхъ рѣчахъ благодарили собраніе за оказанную имъ честь и вниманіе.

10. Отмѣтивъ, что въ настоящемъ собраніи предстоятъ выборы Товарища Предсѣдателя Общества за окончаніемъ срока сего избранія Д. Н. Анучина и Секретаря Общества, также за окончаніемъ срока, В. К. Трутовскаго, Предсѣдатель предложилъ собранію избрать ихъ вновь на означенныя должности не баллотировкой, а par acclamation, что и было единодушно принято Собраніемъ.

Проф. Д. Н. Анучинъ и В. К. Трутовскій, съ глубокой благодарностью за оказываемое довѣріе, изъявили свое согласіе остаться на своихъ мѣстахъ еще на трехлѣтіе.

Послѣ сего засѣданіе было закрыто, и Предсѣдателемъ Общества гр. П. С. Уваровой было предложено юбилярамъ и всѣмъ присутствовавшимъ дружеская трапеза, сопровождавшаяся многими заздравными тостами, въ особенности въ честь глубокопочитаемаго Предсѣдателя Общества.

---

769. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 5-го апрѣля 1913 года подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества Графини П. С. Уваровой. Присутствовали члены Общества — И. Н. Бороздинъ, В. В. Гольмстенъ, В. А. Городцовъ, Б. И. Дунаевъ, Х. I. Кучукъ-Іоаннесовъ, I. К. Линдеманъ, И. П. Машковъ, И. Я. Стеллецкій, Д. П. Суховъ, князь Н. С. Щербатовъ. Обязанности Секретаря исполнялъ Н. А. Марксъ.

1. Предсѣдатель доложилъ: 1) письмо Комитета Ростовскаго Музея древностей отъ 16-го марта о предложенномъ поднесеніи Августѣйшимъ Гостямъ, во время предстоящаго пребыванія Ихъ Величествъ въ Ростовѣ, иконы, альбома видовъ и мѣстныхъ изданій, съ просьбой выслать для той же цѣли экземпляръ Описанія Ярославскихъ и Ростовскихъ церквей, сост. Павлиновымъ, и 2) письмо Владимірскаго Губернатора отъ 23—31-го марта, за № 577, о предположенномъ Владимірскою Губернскою Ученою Архивною Комиссіей поднесеніи Государю Императору, во время посѣщенія Владимірской губерніи, изданій Комиссіи, съ просьбою выслать изданія, которыя находятся въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и касаются Владимірской губерніи.

Постановлено: выслать Владимірской Губернской Ученой Архивной Комиссіей и въ Ростовскій Музей — Описаніе Ярославскихъ и Ростовскихъ церквей, сост. Павлиновымъ, и, кромѣ того, Владимірскому Губернатору — статьи графа А. С. Уварова о Суздальской архитектурѣ и о реставраціи Владимірскаго Собора.

2. Предсѣдатель доложилъ, что священникъ села Арефина, Муромскаго уѣзда, доставилъ для ознакомленія Общества панагію патріарха Филарета Никитича, хранящуюся въ Входоіерусалимскомъ храмѣ означеннаго села, бывшаго вотчиной боярина Ивана Никитича Романова. Панагію эту Предсѣдатель предложилъ для обозрѣнія присутствующихъ. Снимокъ и описаніе панагіи будутъ приложены къ протоколу.

3. I. К. Линдеманъ сдѣлалъ докладъ «Къ вопросу о скандинавскомъ мечѣ, найденномъ имъ близъ Изборска». Докладъ сопровождался демонстраціей снимковъ на экранѣ.

Докладчикъ вторично возвращается къ этой находкѣ, такъ какъ нынѣ ближе познакомился съ вопросомъ и заручился нѣкоторыми новыми данными. Прослѣдивъ исторію меча, референтъ остановился на статьѣ Э. Э. Ленца о мечѣ, найденномъ близъ Везенберга и который относится къ XI—XII в., при чемъ попутно, вопреки мнѣнію Э. Э. Ленца, высказалъ взглядъ, что на рукояткѣ Везенбергскаго меча не могло быть изображенія Распятія. По аналогіи съ Везенбергскимъ мечомъ онъ полагаетъ, что его находка должна относиться къ XII вѣку.

Предсѣдатель высказалъ, что докладчикъ, иллюстрируя положеніе, что клинокъ болѣе древняго меча имѣлъ наружныя стороны почти параллельными, съ закругленіемъ ихъ понизу, показалъ на экранѣ рисунокъ меча, вложеннаго въ ножны, а форма ноженъ могла не вполнѣ отвѣчать формѣ клинка. Авторъ пояснилъ, что показанъ былъ имъ этотъ рисунокъ, такъ какъ

онъ ко времени доклада не располагалъ другими, на которыхъ клинокъ древняго меча былъ бы показанъ обнаженнымъ.

При обмѣнѣ мнѣній В. А. Городцовъ высказалъ, что находка по аналогіи съ Кіевскимъ мечомъ, датируемымъ найденными при немъ монетами, должна относиться къ болѣе раннему времени, именно къ X—XI вѣку, и что хотя мечъ напоминаетъ въ основѣ скандинавскую форму, но въ раздѣлкѣ рукоятки носитъ вліяніе востока. Вѣроятно, типъ такого меча былъ выработанъ на Руси по образцу скандинавскаго.

4. Б. И. Дунаевъ, обслѣдовавшій весной 1912 года Костромскіе памятники, показалъ на экранѣ рядъ снимковъ, относящихся къ Костромѣ въ ея прошломъ и настоящемъ, сопровождая снимки своими поясненіями.

И. П. Машковъ замѣтилъ, что нѣкоторые архитектурные памятники, датируемые докладчикомъ XVII вѣкомъ, должны быть отнесены къ XVIII в., что колокольня при Новомъ Соборѣ и самъ Соборъ — дѣло рукъ разныхъ авторовъ и что зданіе Дворца въ Ипатьевскомъ монастырѣ не было раньше зданіемъ для келій, какъ полагаетъ докладчикъ, а было, вѣроятно, жилымъ домомъ. По поводу даты зданій референтъ объяснилъ, что онъ бралъ эти даты изъ записей.

Постановлено: благодарить докладчиковъ.

---

770. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 23 апрѣля 1913 года, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой въ присутствіи гг. членовъ: Д. Н. Анучина, Ф. В. Баллодъ, В. В. Богданова, И. Н. Бороздина, В. В. Гольмстенъ, В. А. Городцова, С. О. Долгова, Б. И. Дунаева, Д. И. Иловайскаго, Д. А. Клеменцъ, Ѳ. Е. Корша, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Н. А. Маркса, И. П. Машкова, С. Д. Милорадовича, А. И. Некрасова, М. В. Никольскаго, Н. Н. Соболева, И. Я. Стеллецкаго, Д. П. Сухова, Б. А. Тураева, кн. Н. С. Щербатова и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ два устныхъ сообщенія: а) Древнія могилы неизвѣстной народности въ Монголіи и б) Нѣмецкія археологическія экспедиціи въ Среднюю Азію.

Въ первомъ сообщеніи авторъ отмѣтилъ неожиданную находку въ неясно опредѣленной части Монголіи, при шурфованіи золота, могилъ, приближающихся къ типу скифскихъ — въ видѣ прикрытыхъ ямъ и заключавшихъ въ себѣ лишь слѣды женскихъ погребеній — волосы женскіе разныхъ оттѣнковъ, преимущественно бѣлокурыхъ, женскія украшенія и тонкія золотыя листообразныя пластинки. Во второмъ, Д. Н. Анучинъ подробно разсказалъ о началѣ и дальнѣйшемъ развитіи изслѣдованій въ Китайскомъ Туркестанѣ, по Тариму и близъ Турхана, остановившись подробнѣе на открытіи живописныхъ и письменныхъ памятниковъ Манихейства, впервые дѣлающихся достояніемъ науки.

2. Б. А. Тураевъ прочиталъ докладъ «Египетскія статуи и статуэтки бывшей коллекціи В. С. Голенищева», въ коемъ, подробно отмѣтивъ происхожденіе и разнообразное значеніе и назначеніе этихъ предметовъ въ древнемъ Египтѣ и указавъ черты въ нихъ, характеризующія различныя эпохи, обстоятельно описалъ всю коллекцію г. Голенищева, заключающую въ себѣ до 80 статуй и статуэтокъ.

Оба сообщенія Д. Н. Анучина и Б. А. Тураева сопровождались демонстраціей снимковъ, рисунковъ, чертежей и изданій, относящихся къ предметамъ сообщеній.

Постановлено: принести докладчикамъ выраженія глубочайшей признательности Общества за интереснѣйшія сообщенія и просить проф. Тураева продолжать систематическое ознакомленіе Общества съ египетскими древностями.

---

771. Протоколъ распорядительнаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 10 мая 1913 года, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: И. С. Бѣляева, В. В. Гольмстенъ, В. А. Городцова, Э. В. Готье, А. И. Колмогорова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, І. К. Линдеманъ, И. Я. Стеллецкаго, С. Д. Щербака и Секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Читаны и подписаны протоколы засѣданій 5 марта, 5 и 23 апрѣля.

2. Предсѣдатель Общества доложилъ объ участіи Общества въ юбилеяхъ Императорскаго Московскаго Румянцèвскаго Музея, въ день его 50-лѣтія, 3 апрѣля, Московскаго Нумизматическаго Общества, въ день его 25-лѣтія, 17—18 марта, Екатеринославской Архивной Комиссіи, въ день ея 10-лѣтія, и 23 апрѣля акад. Ѳ. Е. Корша, Предсѣдателя Славянской Комиссіи Общества, въ день чествованія его по случаю 70 года рожденія. Румянцевскому Музею былъ поднесенъ и прочитанъ адресъ, Нумизматическое Общество и акад. Коршъ были привѣтствуемы лично предсѣдателемъ, Секретаремъ и членами Общества. Екатеринославской Комиссіи была послана телеграмма.

3. Доложена отвѣтная на принесенныя 6 с. мая Обществомъ всепреданныя поздравленія отъ Е. И. В. Державнаго Покровителя Общества, слѣдующаго содержанія:

> «Искрѐнно благодарю васъ, графиня, и поручаю передать Московскому Археологическому Обществу Мою благодарность за поздравленіе и благопожеланія.
>
> НИКОЛАЙ».

Чтеніе телеграммы было выслушано присутствовавшими стоя.

4. Предсѣдатель доложилъ, что членами жюри 2-го конкурса на памятникъ патріарху Гермогену назначены: отъ Императорской Академіи Художествъ — А. В. Щусевъ, отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ — Н. В. Рождественскій.

Постановлено: внести означенныхъ лицъ въ списокъ членовъ жюри.

5. Доложены слѣдующія бумаги:

а) Благодарность Московскаго Нумизматическаго Общества за поздравленія въ день 25-лѣтія его основанія.

б) Благодарности за пожертвованныя Обществомъ свои изданія отъ: Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Кіевского Общества охраны памятниковъ старины, Виленской Публичной Библіотеки, Этнографическаго Отдѣла Рýсскаго Музея Императора Александра III, Кіевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ и Ростовскаго Музея Древностей.

в) Препроводительныя бумаги при изданіяхъ, присланныхъ Обществу отъ: Самаркандскаго Статистическаго Комитета, Воронежскаго Статистическаго Комитета, Московскаго Архива Министерства Юстиціи и Моденской Академіи di scienze, lettere ed arti.

Постановлено: благодарить, а книги сдать въ библіотеку Общества.

г) Сообщенія главныхъ инженеровъ Обществъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей и Западно-Уральской ж. д. о предположенныхъ работахъ по прокладкѣ новыхъ линій лѣтомъ т. г. съ просьбой увѣдомить, къ кому обращаться въ случаѣ археологическихъ находокъ при этихъ работахъ.

Постановлено: дать требуемыя свѣдѣнія.

д) Письмо пензенскаго губернатора камергера Лиліенфельдъ съ сообщеніемъ, что Пензенской Архивной Комиссіей приняты соотвѣтствующія мѣры для наблюденія за могущими открыться археологическими находками при устройствѣ желѣзнодорожныхъ вѣтвей «Башмаково-Чембаръ» и «Выглядовка-Н. Ломово».

Постановлено: благодарить.

е) Извѣщеніе о кончинѣ Іосифа Гампеля.

Постановлено: выразить сожалѣніе Будапештской Мадьярской Академіи.

ж) Письмо завѣдывающаго Собственными Его Величества библіотеками, съ увѣдомленіемъ, что Его Величеству благоугодно было разрѣшить пользоваться поднесенными Его Величеству патріархомъ Антіохійскимъ арабскими рукописями, касающимися Россіи, вслѣдствіе чего Общество можетъ войти съ ходатайствомъ о предоставленіи ему рукописей путешествія Макарія Антіохійскаго для использованія и изданія.

Постановлено: войти съ означеннымъ ходатайствомъ.

з) Отъ управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи увѣдомленіе, что Архивомъ готовится къ XVI Съѣзду большое собраніе документовъ по Псковской области и съ просьбой о командированіи И. Я. Стеллецкаго въ Псковъ для археологическаго обслѣдованія его монастырей и пригородовъ.

Постановлено: выдать г. Стеллецкому открытый листъ и сообщить Псковскому вице-губернатору В. Н. Крейтону, и ассигновать 400 р.

и) Извѣщеніе Оренбургской Архивной Комиссіи объ исполняющемся 12 сего мая двадцатипятилѣтія ея существованія.

Постановлено: послать 12 мая телеграмму.

і) Прошеніе оставленнаго при С.-Петербургскомъ Университетѣ Д. А. Золотарева о командированіи его въ Псковскую губ. для антропологическихъ изслѣдованій великорусскаго мѣстнаго населенія и отпустить на это 200 руб.

Постановлено: въ виду того, что Общество антропологическими изслѣдованіями не занимается, въ просьбѣ отказать.

к) Письмо д. гл. проф. Г. Г. Павлуцкаго съ просьбой исходатайствовать ему у Псковской Духовной Консисторіи разрѣшеніе на изученіе и обслѣдованіе церквей и церковныхъ древностей епархіи, съ правомъ снимать снимки, планы и т. п.

Постановлено: исполнить.

л) Письма В. Н. Крейтона и Н. Ѳ. Окуличъ-Казарина относительно дѣятельности Псковскаго Отдѣленія Предвар. Комитета XVI Съѣзда и касательно составляемой г. Окуличъ-Казаринымъ археологической карты Псковской губ.

Постановлено: благодарить за сообщенія и указать Н. Ѳ. Окуличъ-Казарину сдѣланныя имъ отступленія отъ принятой Обществомъ системы составленія подобныхъ картъ и уклоненій отъ установленныхъ условныхъ для того же знаковъ.

6. Обсуждался вопросъ о лѣтнихъ командировкахъ.

Постановлено: командировать: а) по Псковской губ.: В. В. Гольмстенъ — въ Опочскій у., П. С. Рыкова — въ Островскій у., М. Э. Воронецъ — въ Холмскій и Д. Н. ф.-Эдингъ — въ Великолуцкій у. для археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ, съ отпускомъ каждому по 500 р.; б) по Новгородской губ.: А. И. Колмогорова — въ бассейнъ р. Суды, впадающей въ Шексну, въ Тихвинскій и Бѣлозерскій ууѣз., ассигновавъ на то 400 руб., в) по Курской губ.: В. А. Городцова — въ Обоянскій у., ассигновавъ 400 руб. на поѣздку и на приглашеніе въ помощь себѣ 2 слушателей его; г) Н. Макаренко — въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь для ознакомленія съ его древностями, ассигновавъ 300 руб.; д) І. І. Іодковскаго — въ Литву для продолженія изученія церковныхъ военно-оборонительныхъ памятниковъ, ассигновавъ 350 р.; о) С. Т. Сиротенко — въ Полтавскую губ.; Лалаянца Эрванда — въ Эриванскую губ.; Дьячкова-Тарасова — въ Пицунду — съ выдачей имъ лишь открытыхъ листовъ, равно какъ и Х. И. Кучукъ-Іоаннесова — въ Бахчисарай.

7. В. А. Городцовъ сообщилъ, что 23 іюня 1912 г. въ имѣніи г-жи Боклевской, близъ ст. «Сеймо», Моск.-Ниж. ж. д., въ 40 в. отъ Нижняго-Новгорода были найдены бронзовые топоры-кельты, копья, кинжалы, ножи и одна пила. На ряду съ бронзовыми вещами найдены кремневые ножи, скребки, стрѣлы и пилки, песчаниковые точильные бруски, много обломковъ глиняной посуды и, что особенно интересно, два кольца свѣтло-зеленаго нефрита. Судя по найденнымъ вмѣстѣ съ вещами человѣческимъ зубамъ и костямъ, иногда покрытымъ зеленою окисью мѣди,

слѣдуетъ заключить, что бронзовыя и каменныя орудія сопровождали покойниковъ. По своимъ типамъ бронзовыя сейминскія орудія ближе всего стоятъ къ сибирскимъ. Время ихъ слѣдуетъ отнести къ концу бронзовой эпохи, когда въ центральную область современной Европейской Россіи впервые проникло восточно-культурное теченіе, отклонивъ южно-кавказское теченіе, появившееся въ той же области въ болѣе раннее время. Отмѣчая большой интересъ находки, докладчикъ указалъ на желательность научныхъ раскопокъ у «Сеймы».

Постановлено: просить г. Городцова посѣтить это мѣсто, если позволитъ ему на то время.

8. Баллотировались и были избраны: въ дѣйств. члены Н. А. Марксъ — единогласно, въ чл.-корресп. — П. А. Незнамовъ противъ 1 гол. и Н. Е. Макаренко — единогласно.

9. Заявленъ въ д. чл. изъ корреспондентовъ И. С. Бѣляевъ.

---

772. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 1 ноября 1913 года, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Анучина, въ присутствіи гг. членовъ: С. К. Богоявленскаго, В. В. Гольмстенъ, В. А. Городцова, Ю. В. Готье, Д. И. Иловайскаго, І. К. Линдеманъ, Н. А. Марксъ, П. А. Незнамова, Н. Н. Соболева, И. Я. Стеллецкаго, И. М. Тарабрина, С. Д. Щербака, кн. Н. С. Щербатова и секретаря Общества В. А. Трутовскаго.

1. По открытіи засѣданія секретарь доложилъ объ утратахъ, понесенныхъ Обществомъ за лѣто и осень текущаго года въ лицѣ скончавшихся: почетныхъ членовъ — Ю. С. Нечаева-Мальцева († 6-го октября) и о. Антонія Петрушевича († 10-го сентября), дѣйствительныхъ членовъ — А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго († 25-го августа), С. К. Кузнецова († 13-го августа) и И. В. Цвѣтаева († 30-го августа) и членовъ-корреспондентовъ — П. Н. Кречетова († 23-го іюня) и С. А. Мазарани († 21-го іюля).

По предложенію предсѣдательствовавшаго память почившихъ была почтена вставаніемъ.

2. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

3. Доложены бумаги:

а) благодарности за избраніе въ члены Общества отъ Н. А. Маркса, Н. Макаренко и П. А. Незнамова;

б) благодарности за поздравленія въ день ихъ юбилеевъ отъ Императорскаго Румянцовскаго Музея, Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія и Оренбургской и Екатеринославской Ученыхъ Архивныхъ Комиссій;

в) благодарности за высланныя изданія Общества отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, Московскаго Нумизматическаго Общества и Научнаго Общества имени Т. Г. Шевченки въ Львовѣ;

г) отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея благодарность за переданные ему бронзовые предметы съ Кавказа, доставленные Обществу г. Балобекъ Алибековымъ;

д) препроводительныя бумаги при присланныхъ Обществу изданіяхъ отъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, Черниговской Архивной Комиссіи и Холмскаго Православнаго Братства;

постановлено: жертвователей благодарить, а книги сдать въ библіотеку Общества;

е) отъ Управленія Собственныхъ Его Величествъ библіотекъ просьба о высылкѣ 1 вып. I т. Древностей Восточныхъ;

Постановлено: выслать.

ж) переписка по поводу найденной въ Можайскомъ уѣздѣ древней кольчуги, нынѣ доставленной въ Общество;

постановлено: осмотрѣть эту находку.

3) два отношенія Московской Городской Управы съ приложеніемъ глиняныхъ чашечки и сосуда, найденныхъ при канализаціонныхъ работахъ.

Постановлено: благодарить Управу, а сосуды передать въ Историческій Музей.

4) Д. Н. Анучинъ сообщилъ 1) о полученныхъ имъ отъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла дополненій о находкѣ на р. Хора, о которой было сдѣлано имъ же сообщеніе 10 мая сего года, съ приложеніемъ рисунковъ нефритовыхъ пластинокъ съ образцовъ тканей и волосъ отъ этой находки и 2) фотографію съ ножа, въ ручку котораго вставляется особая серебряная вставочка съ интересной фигурой льва (?).

Постановлено: благодарить Д. Н. Анучина за интересныя сообщенія, а образцы ткани и волосъ и рисунки нефритовыхъ пластинокъ передать въ Императорскій Россійскій Исторической Музей.

5. Секретарь доложилъ, что 27-го августа Общество привѣтствовало проф. Д. Н. Анучина съ 70 годомъ его рожденія, а 15-го октября черезъ особую депутацію поднесло адресъ Императорскому Обществу Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи привѣтственный адресъ.

6. Онъ же доложилъ, что наканунѣ настоящаго засѣданія, 31 октября, состоялось празднованіе 25-лѣтія Восточной Комиссіи Общества при многочисленномъ стеченіи членовъ Общества и публики, при чемъ были поднесены адресы и произнесены привѣтствія какъ Комиссіи, такъ и первому предсѣдателю ея академику Ө. Е. Коршу и первому же секретарю, учредителю и основателю Комиссіи М. В. Никольскому и получено около 300 телеграммъ.

7. В. А. Городцовъ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ «Техника каменныхъ орудій», выясненію которой авторъ достигъ упражненіями надъ кремнями при помощи отбойниковъ извѣстныхъ изъ науки типовъ. Подробное изложеніе доклада прилагается къ протоколу.

Сообщеніе вызвало живѣйшій интересъ со стороны присутствовавшихъ и единогласно была признана чрезвычайная важность наблюденій, опытовъ и выводовъ докладчика.

Постановлено: благодарить В. А. Городцова за интереснѣйшее сообщеніе и просить обработать его въ окончательномъ видѣ для ближайшаго изданія.

8. І. К. Линдеманъ доложилъ о поѣздкѣ своей въ Псковскую губернію, при чемъ главное вниманіе остановилъ на выясненіи слова «жальникъ», при чемъ пришелъ къ выводу, что этотъ типъ погребеній — уже христіанскій, почему напр. въ Троицкую субботу по нихъ совершаются поминки.

Д. И. Иловайскій, не соглашаясь съ докладчикомъ, видѣлъ въ жальникахъ погребеніе еще языческое, при чемъ указывалъ на Стоглавый Соборъ, высказывавшійся противъ обрядовъ поминовенія на жальникахъ и сопоставлялъ слово кладбище и кладъ-костеръ.

Постановлено: благодарить докладчика за возбужденіе интереснаго вопроса, доселѣ не разработаннаго, и за попытку разрѣшить его.

9. І. І. Іодковскій сдѣлалъ Сообщеніе о «Модели свайной постройки изъ Кіевскихъ Трипольскихъ площадокъ въ музеѣ Маевскаго въ Варшавѣ».

Модель эта, вся изъ глины, была найдена въ разломанномъ видѣ въ Уманскомъ уѣздѣ. Склеенная она представила собою нѣчто въ родѣ зданія овальной формы на 6 столбахъ, безъ крыши. Есть входъ, окно для отбросовъ, полки для громадныхъ амфоръ, очаги, крытое помѣщеніе, какъ бы спальное и, наконецъ, грубая фигура женщины, повидимому, приготовлявшей тѣсто. По размѣрамъ этой модели можно думать, что вся постройка была приблизительно 6×9 метровъ величины. Если это считать свайной постройкой, какъ въ томъ убѣждалъ владѣлецъ Музея г. Моевскій, то и надо отнести къ разряду сухопутныхъ, но не надводныхъ построекъ.

Постановлено: благодарить докладчика за интересное сообщеніе.

10. Заявлены въ члены-кор. И. Е. Бондаренко, Н. Б. Баклановъ и А. А. Лашковъ.

Приложеніе къ протоколу № 772.

Содержаніе доклада В. А. Городцова «О техникѣ каменныхъ орудій».

Въ текущемъ 1913 году, докладчикъ произвелъ обширные опыты для изученія техники каменныхъ орудій и выясненія постепенности ея развитія у первобытнаго человѣка. Мѣстомъ опытовъ служили кремневыя скопленія въ оврагахъ и на берегу р. Истры, близъ села Рождественна, Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда. Опыты продолжались одинъ мѣсяцъ и 12 дней (съ 7-го іюля по 19-е августа). Въ результатѣ явилось обширное собраніе кремневыхъ орудій, сдѣланныхъ самимъ докладчикомъ; часть этого собранія, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ, была представлена для обзора присутствовавшимъ на засѣданіи, гдѣ было сдѣлано орудіе мустьерскаго типа и произведено нѣсколько опытовъ раскалыванія большихъ кремней на мелкіе осколки. Свои наблюденія докладчикъ тщательно записывалъ въ дневникахъ, сопровождая послѣдніе чертежами и рисунками. Все это привело его къ ряду слѣдующихъ выводовъ:

1) Встрѣчающіеся въ природѣ кремни далеко не всѣ пригодны для выработки изъ нихъ орудій, а лишь немногіе.

2) Обработку кремня удобнѣе производить длинными вальковидными или клювовидными отбойниками, а не шаровидными, какъ это, совершенно ошибочно, до сего времени принималось. Отбойники могутъ быть кремневыми, діоритовыми и изъ кристаллическихъ сланцевъ. Вѣсъ ихъ долженъ соотвѣтствовать массѣ обрабатываемаго кремня; тонкая ретушь и острые зубцы пилокъ вырабатываются легкими лопатковидными, вальковатыми, отбойниками.

3) Совершенно неопытнаго человѣка, принявшагося за выработку каменныхъ орудій, прежде всего учитъ сама природа, давая въ руки человѣка осколки, весьма похожіе на первобытныя орудія. Докладчикомъ была демонстрирована цѣлая серія такихъ кремней, напоминающихъ то нуклеусы, то остроконечники, то скребки, покрытые иногда довольно правильною ретушью; отсутствовали только тѣ узкія и длинныя пластинки, которыя такъ характерны для конца палеолита и для всего неолита всѣхъ старыхъ континентовъ.

Изученію природныхъ осколковъ кремня было посвящено десять первыхъ дней изслѣдованія.

4) Послѣ были сдѣланы опыты искусственной обработки болѣе или менѣе тонкихъ естественныхъ осколковъ кремня. Эти опыты выяснили, что человѣкъ, слѣдуя только указаніямъ природы, сначала робко, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе налагаетъ руку на ея произведенія, придавая имъ по своей волѣ тѣ или другія формы.

5) Въ первое время естественно возникаетъ техника обтесыванія кремней, т.-е. такая техника, при которой не получаются нуклеусы, а только — осколки, представляющіе ненужные отбросы. Эта техника, по свидѣтельству археологическихъ фактовъ, и у первобытнаго человѣка появляется первою и удерживается очень долго. Въ опытахъ докладчика она удерживалась въ продолженіе 13 дней, въ теченіе которыхъ имъ первоначально вытесывались такіе природные осколки, которые, по удаленію нѣсколькихъ частицъ, получали формы орудій; затѣмъ избирались кремневыя гальки по размѣрамъ и формамъ также близко подходящія къ тѣмъ типамъ орудій, какіе хотѣлось и возможно было изъ нихъ получить, т.-е. типы шелльскихъ и с.—ашельскихъ ручныхъ топоровъ (coup de poing).

6) Только значительно позже, съ обогащеніемъ опытомъ и развитіемъ ловкости ударовъ руки, открывается техника, при которой отъ обрабатываемаго куска кремня остается нуклеусъ и получаются осколки, заранѣе предназначенные для выработки изъ нихъ орудій мустьерскаго типа. Въ произведенныхъ изслѣдованіяхъ эта техника была установлена только на 24-й день опытовъ. Съ открытіемъ этой техники, работа быстро двинулась впередъ и дала многочисленныя, вполнѣ характерныя формы сколотыхъ орудій мустьерскаго и даже солютрейскаго типовъ. Авторъ, бывшій до этого времени принципіальнымъ противникомъ допуска существованія орудій послѣдняго типа въ палеолитѣ, перемѣнилъ свое мнѣніе.

7) Слѣдуя указаніямъ природы, пользуясь, въ видѣ отбойниковъ, только естественными камнями, автору не удалось достигнуть искусства откалывать длинные ножевидные осколки (lames), не встрѣчаемые, какъ выше замѣчено, и въ природѣ. Объясняя такое явленіе, авторъ допускаетъ, что или въ его распоряженіи не оказалось хорошаго кремня, способнаго давать такіе осколки, или въ его рукахъ не доставало той силы и ловкости, какими располагали первобытные мастера, или, что ему представляется болѣе вѣроятнымъ, для скалыванія такихъ изящныхъ пластинокъ требовалась особая техника, въ видѣ, напримѣръ, обработки кремня костяными отжимниками, существованіе которыхъ у первобытныхъ народовъ засвидѣтельствовано этнографіей, исторіей и археологіей.

8) Наконецъ, самыми совершенными и самыми поздними техническими пріемами обработки каменныхъ орудій являются полированіе и сверленіе ихъ; существованіе этихъ пріемовъ у первобытнаго человѣка засвидѣтельствовано этнографіей и археологіей и провѣрено опытами западно-европейскихъ археологовъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, можно считать рѣшенными всѣ вопросы, касающіеся главныхъ пріемовъ первобытной кремневой техники, а это даетъ возможность подойти къ рѣшенію еще болѣе важнаго и назрѣвшаго въ археологіи вопроса о выясненіи основъ естественной классификаціи всѣхъ вообще первобытныхъ памятниковъ.

---

773. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 29 ноября 1913 года, подъ предсѣдательствомъ пожизненнаго предсѣдателя графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: В. В. Богданова, И. Н. Бороздина, И. С. Бѣляева, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, В. В. Гольмстенъ, Э. В. Готье, Ю. В. Готье, А. М. Гуржіенко, Д. И. Иловайскаго, о. І. І. Кузнецова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, П. А. Незнамова, А. И. Некрасова Л. М. Савелова, Н. Н. Соболева, И. Я. Стеллецкаго, Д. В. Цвѣтаева, С. Д. Щербака и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Открывая засѣданіе предсѣдатель гр. П. С. Уварова, отмѣтивъ, что настоящее засѣданіе посвящено, главнымъ образомъ, поминовеніи скончавшагося 30-го августа текущаго года, дѣйствительнаго члена Общества проф. И. В. Цвѣтаева, предложила почтить память его вставаніемъ, что и было исполнено всѣми присутствовавшими.

2. Ю. В. Готье прочиталъ «Памяти И. В. Цвѣтаева», охактеризовавъ его только какъ человѣка и отмѣтивъ въ высшей степени свѣтлыя стороны его, какъ таковаго.

3. Гр. П. С. Уварова сообщила «И. В. Цвѣтаевъ — творецъ Музея Изящныхъ Искусствъ».

4. Свящ. Миловскій разсказалъ о случаѣ изъ ученическаго періода И. В. Цвѣтаева, когда онъ чуть было не сгорѣлъ, но былъ спасенъ учителемъ Шуйскаго духовнаго училища, въ коемъ воспитывался покойный, И. П. Чуриловскимъ и при этомъ въ теплыхъ словахъ очертилъ дѣятельность Чуриловскаго, убѣжденнаго латиниста, перваго зародившаго своими уроками и наставленіями въ И. В. любовь къ классическому міру и его искусству.

5. Проф. Д. В. Цвѣтаевъ, братъ почившаго, въ краткой рѣчи дополнилъ, какъ очевидецъ и участникъ этого случая, разсказъ о. Миловскаго, также помянулъ добрымъ словомъ Чуриловскаго и въ заключеніе въ прочувствованныхъ словахъ принесъ Обществу глубокую благодарность за отзывчивость къ памяти его брата.

Постановлено: благодарить докладчиковъ и просить рѣчи ихъ для изданій Общества.

6. И. Н. Бороздинъ сдѣлалъ краткое устное сообщеніе о нѣкоторыхъ новыхъ изданіяхъ по археологіи подъ заголовкомъ «Новости археологической литературы».

Послѣ сего обыкновенное засѣданіе было закрыто.

---

774. Въ послѣдовавшемъ, затѣмъ, распорядительномъ засѣданіи были обсуждены слѣдующія дѣла.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Предсѣдатель сообщилъ, что Общество привѣтствовало 15 ноября дѣйствительнаго члена И. Я. Спрогиса по случаю 50-лѣтія его службы и научной дѣятельности — письменно и 24 ноября дѣйствительнаго члена проф. Д. И. Эварницкаго въ день чествованія 30-лѣтія его учено-литературной дѣятельности — телеграммой.

3. Доложены бумаги:

а) приглашеніе Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. принять участіе въ засѣданіи Отдѣла 1 декабря текущаго года, посвященномъ чествованію дѣйствительнаго члена Общества В. Д. Соколова по случаю исполнившагося 30-лѣтія его общественной и научной дѣятельности;

б) увѣдомленіе Финно-Угрскаго Общества въ Гельсингфорсѣ о праздновании имъ 2 декабря 30-лѣтія своего основанія «100-лѣтія со дня рожденія М.-А. Карстена»;

в) приглашеніе Общества изученія Прикамскаго края принять участіе въ торжествѣ открытія дѣятельности его 1 декабря сего года;

г) извѣщеніе Національнаго Музея въ Львовѣ объ открытіи его для публики 13 ноября сего года.

Постановлено: привѣтствовать В. Д. Соколова, Финно-Угрское Общество и Общество изученія Прикамскаго края телеграммами, а Музей въ Львовѣ — письмомъ, отмѣтивъ позднее полученіе его увѣдомленія;

д) отъ Императорской Академіи Наукъ приглашеніе назначить представителей въ Предварительное Совѣщаніе по устройству въ С.-Петербургѣ, въ 1918 году, Четвертаго Международнаго Историческаго Съѣзда, засѣданія назначены на 18, 19 и 20 декабря сего года.

На предложеніе предсѣдателя сообщить, кто изъ членовъ Общества собирается быть въ Петербургѣ въ указанныя числа, отозвались дѣйствительные члены Ю. В. Готье, Л. М. Савеловъ и И. Н. Бороздинъ, каковые и были признаны представителями Общества на указанномъ совѣщаніи.

Постановлено: увѣдомить о семъ Академію Наукъ:

е) приглашеніе отъ постояннаго Комитета Всероссійскихъ Съѣздовъ Зодчихъ и Московскаго Архитектурнаго Общества избрать представителей на имѣющій открыться 15 наступающаго декабря, въ Москвѣ, V Всероссійскій Съѣздъ Зодчихъ.

Постановлено: назначить делегатами отъ Общества: архитекторовъ А. М. Гуржіенко и З. И. Иванова, А. И. Некрасова и В. К. Трутовскаго:

ж) отношеніе Ростовскаго Музея Древностей съ увѣдомленіемъ, что Комитетомъ Музея, въ засѣданіе 16 текущаго мѣсяца единогласно постановилъ отклонить ходатайство гренадерскаго Фанагорійскаго полка о передачѣ ему хранящагося въ Музеѣ иконостаса будто бы военно-походной Суворовской церкви, за бездоказательностью принадлежности этого иконостаса Суворову.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

з) ходатайство А. Я. Лихтермана объ изданіи Обществомъ къ XVI Археологическому Съѣзду актовъ собранія А. Ѳ. Бычкова, относящагося къ Пскову и обнимающихъ время отъ 1624 г. до конца XVII вѣка.

Постановлено: отклонить, такъ какъ Общество сырого документальнаго матеріала не издаетъ.

---

775. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 7 декабря 1913 года, подъ предсѣдательствомъ гр. С. П. Уваровой, въ присутствіи г.г. членовъ В. В. Богданова, И. Н. Бороздина, Э. В. Готье, В. П. Гурьянова, С. О. Долгова, Д. И. Иловайскаго, Ѳ. Е. Корша, Х. И. Кучукъ-Іоннесова, Н. А. Маркса, М. В. Никольскаго,

Н. Н. Соболева, Б. М. Соколова, С. К. Шамбинаго, С. Д. Щербака и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

Засѣданіе это было посвящено памяти дѣйствительнаго члена и бывшаго предсѣдателя Восточной Комиссіи Общества академика В. Θ. Миллера.

1. Открывая засѣданіе, предсѣдатель гр. П. С. Уварова, въ краткихъ словахъ напомнила о дѣятельности почившаго въ Обществѣ и наукѣ и предложила почтить память его вставаніемъ, что и было исполнено всѣми присутствовавшими.

2. Послѣ сего гр. П. С. Уварова прочитала сообщеніе «Памяти В. Θ. Миллера».

3. Акад. Ѳ. Е. Коршъ произнесъ рѣчь «Значеніе В. Θ. Миллера въ наукѣ».

4. М. В. Никольскій прочиталъ «Изъ воспоминаній о В. Θ. Миллерѣ, какъ востоковѣдѣ».

5. С. К. Шамбинаго прочелъ «О значеніи В. Θ. Миллера въ наукѣ народной словесности».

Постановлено: принести всѣмъ ораторамъ выраженія глубокой благодарности Общества за ихъ рѣчи и просить послѣднія для изданій Общества.

Послѣ сего обыкновенное засѣданіе было закрыто.

776. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ распорядительномъ засѣданіи были заслушаны слѣдующія дѣла и бумаги:

1) Высочайшая отвѣтная телеграмма Его Императорскаго Величества Державнаго Покровителя Общества на поздравленія Общества, принесенныя 6 сего декабря, слѣдующаго содержанія:

> «Благодарю васъ, графиня, и поручаю передать Императорскому Московскому Археологическому Обществу Мою благодарность за поздравленія и благопожеланія.
>
> НИКОЛАЙ».

Чтеніе телеграммы было выслушано присутствовавшими стоя.

1. Приглашеніе отъ Императорской Публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ на празднованіе его 2 января 1914 г. столѣтія своей дѣятельности.

Постановлено: избрать депутацію изъ предсѣдателя Общества, секретаря и дѣйствительнаго члена С. О. Долгова и поручить ей поднести адресъ.

3. Благодарность отъ дѣйствительнаго члена В. Д. Соколова за поздравленіе его съ исполнившимся 30-лѣтіемъ его научной и общественной дѣятельности.

4. Благодарности за высланныя Обществомъ свои изданія отъ библіотеки имени И. Е. Забѣлина, библіотеки Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, Воронежской Архивной Комиссіи, архим. Антонія и проф. Н. Криштафовича.

5. Препроводительныя бумаги при присланныхъ для библіотеки Общества изданіяхъ отъ Военно-ученаго Архива, Читинскаго отдѣленія И. Р. Г. О.; Минусинскаго Музея, Таврической Архивной Комиссіи и Воронежскаго статистическаго Комитета.

Постановлено: жертвователей благодарить, а книги сдать въ библіотеку Общества.

6. Увѣдомленіе Канцеляріи Карказскаго Намѣстника о принятіи мѣръ къ сохраненію памятниковъ старины по пути строящейся Черноморской ж. д.

Постановлено: благодарить и принять къ свѣдѣнію.

7. Просьбы Мюнхенской Академіи, Шведскаго Музея въ Трондхеймѣ, Эстляндскаго литературнаго Общества и Румынской Академіи съ просьбой о высылкѣ имъ указанныхъ ими изданій Общества.

Постановлено: выслать.

8. Письмо дѣйствительнаго члена И. Е. Евсѣева о желательности произвести раскопки въ Кутаиской губ., близъ Цогера, въ развалинахъ монастыря св. Максима Исповѣдника, для отысканія могилы этого святого.

Постановлено: указать на трудность и дороговизну этихъ раскопокъ, къ тому уже преслѣдующихъ не археологическія цѣли.

9 Письмо Ерванда Лалаянца съ просьбой разрѣшить ему продолжать раскопки въ Эчміадзинскомъ у. и въ текущемъ году.

Постановлено: въ виду интереса и успѣшности раскопокъ г. Лалаянца продолжить его командировку и на текущій годъ.

10. Отъ Университета въ Аѳинахъ и отъ Сербской Королевской Академіи Науки брошюры о болгарскихъ звѣрствахъ въ минувшую войну.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

11. Заявлены въ члены Общества: профессоръ Турецкой словесности Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ В. А. Гордлевскій — въ дѣйствительные по § 18 и архим. Никаноръ, завѣдывающій Хлудовскимъ собраніемъ рукописей и С. Б. Веселовскій — въ корреспонденты.

Постановлено: баллотировать въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій.

---

777. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 4 января 1914 года, подъ предсѣдательствомъ гр. Уваровой, въ присутствіи г.г. членовъ А. И. Анисимова, С. К. Богоявленскаго, И. Н. Бороздина, В. А. Городцова, Ю. В. Готье, А. М. Гуржіенко, Н. Н. Дурново, В. В. Гольмстенъ, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, І. К. Линдеманъ, И. П. Машкова, П. А. Незнамова, П. С. Рыкова, И. В. Рыльскаго, Н. Н. Соболева, И. Я. Стеллецкаго и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2. Доложены бумаги:

а) благодарности: 1) отъ декана Восточнаго факультета И. С.-Петербургскаго Университета за присланное членамъ факультета юбилейное изданіе Восточной Комиссіи Общества; 2) отъ правленія Общества изученія Прикамскаго края — за поздравленія и пожеланія по случаю начала дѣятельности этого Общества.

б) препроводительныя при присланныхъ для Обществъ изданіяхъ отъ Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и Дагестанскаго Статистическаго Комитета.

Постановлено: благодарить, а книги сдать въ библіотеку Общества.

в) извѣщеніе Московской Городской Управы о находкахъ при прокладкахъ водопроводовъ глиняной чашечки у Новодѣвичьяго монастыря и глиняной сулеи — въ Криво-Безымянномъ пер. (М. Девятинскомъ) съ приложеніемъ находокъ.

Постановлено: благодарить Управу, а вещи передать въ Комиссію по изученію Старой Москвы.

3. Предсѣдатель доложилъ о статьѣ члена Общества Конвентца, директоръ Данцигскаго Музея о могилѣ русскихъ воиновъ 1813 г. въ Gross Golmkau, kr. Dirschau и о найденныхъ тамъ крестикахъ и складнѣ. Статья напечатана въ XXX вып. извѣстій des Westpreussischen Provincial-Museum Danzig 1910 года.

Постановлено: благодарить указаннаго за интересную замѣтку.

4. И. Н. Бороздинъ сдѣлалъ краткій отчетъ о засѣданіяхъ Предварительнаго Совѣщанія по устройству, въ 1918 году, въ С.-Петербургѣ, IV международнаго Историческаго Конгресса, отмѣтивъ, что главнымъ вопросомъ на Совѣщаніи былъ вопросъ о введеніи русскаго языка наравнѣ съ французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ языками на этихъ конгрессахъ, каковой вопросъ и былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

5. П. С. Рыковъ прочелъ о совершенныхъ имъ въ 1913 году раскопкахъ въ Псковской губерніи съ демонстраціей найденныхъ вещей, плановъ и чертежей мѣстности, кургановъ и городищъ.

6. А. И. Анисимовъ въ обстоятельной рѣчи разсказалъ о «Новостяхъ Новгородской церковной археологіи». Содержаніе его рѣчи касалось открытія и работъ по реставраціи фресокъ въ Спасо-

Преображенской, Рождественской, Өедора Стратилата, Волотовской и Ковалевской церквей въ Новгородѣ и нѣкоторыхъ интересныхъ древнихъ иконъ, найденныхъ въ сараяхъ и на колокольняхъ разныхъ церквей новгородской епархіи во время подготовки XV Археологическаго Съѣзда въ Новгородѣ. Разсказъ сопровождался демонстраціей діапозитивовъ на экранѣ.

Постановлено: выразить глубокую благодарность, а особенно А. И. Анисимову, всѣмъ референтамъ за ихъ интереснѣйшія сообщенія и просить А. И. Анисимова и дальше также тщательно и научно разрабатывать поднятые имъ вопросы по исторіи русской иконописи и приготовить соотвѣтствующій докладъ къ XVI Съѣзду.

---

778. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 14 января 1914 года, подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: И. Н. Бороздина, В. В. Гольмстенъ, В. А. Городцова, Б. И. Дунаева, Н. А. Маркса, П. А. Незнамова, П. Н. Соболева, И. Я. Стеллецкаго, И. М. Тарабрина и С. Д. Щербака и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Предсѣдатель доложилъ телеграмму Державнаго Покровителя Общества, присланную Его Величествомъ въ отвѣтъ на поздравленія Общества по случаю Новаго Года, слѣдующаго содержанія:

> «Поручаю вамъ, графиня, передать Императорскому Московскому Археологическому Обществу Мою благодарность за принесенное поздравленіе. Вмѣстѣ съ Ея Величествомъ сердечно благодаримъ васъ за выраженныя Намъ и Нашей Семьѣ благопожеланія.
>
> НИКОЛАЙ».

Чтеніе телеграммы было выслушано всѣми присутствовавшими стоя.

3. Доложены были бумаги:

а) отъ Намѣстника на Кавказѣ копія съ отзыва Правленія Общества Черноморской ж. д. о принятіи имъ мѣръ къ охраненію памятниковъ древности, могущихъ открыться при постройкѣ этой дороги;

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

б) телеграмма Е. И. В. Принца Александра Петровича Ольденбургскаго о находкѣ стариннаго меча и др. предметовъ, съ просьбой указать, какъ ихъ сохранить.

Постановлено: просить Его Высочество оставить пока вещи на мѣстахъ и командировать туда кого-либо изъ членовъ Общества, проживающихъ на Кавказѣ.

в) отъ завѣдывающаго Кубанскимъ Музеемъ копіи съ приказовъ начальника области касательно охраны памятниковъ древности.

Постановлено: благодарить войскового старшину Гладкаго за эту присылку и всѣ матеріалы напечатать въ приложеніи къ протоколу.

г) отъ Таганрогской Городской Управы извѣщеніе о предстоящемъ 17-го сего января освященіи Таганрогской Городской Библіотеки и Городскаго Музея имени А. П. Чехова.

Постановлено: послать привѣтственную телеграмму.

4. Предсѣдатель доложилъ, что 2 января, въ день празднованія Императорской Публичной Библіотекой 100-лѣтія ея дѣятельности, отъ Общества былъ врученъ библіотекѣ привѣтственный адресъ депутаціей съ С. О. Долговымъ во главѣ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

5. В. А. Городцовъ сообщилъ: а) что проф. Варшавскаго Университета А. Д. Григорьевъ частнымъ письмомъ увѣдомляетъ его о нахожденіи въ окрестностяхъ г. Грубашова, Холмской губ., 30 кургановъ, 2 городищъ и 2 монастырищъ и проситъ обратить на это вниманіе

и б) что хранитель Красноярскаго Музея А. П. Ермолаевъ, лѣтомъ минувшаго года осмотрѣлъ въ окрестностяхъ оз. Шира 226 кургановъ, обставленныхъ плитами съ разнаго рода изображеніями, похожими, въ общемъ, на скальныя писаницы. Къ письму приложены 9 таб. образцовъ этихъ изображеній.

Постановлено: благодарить А. Д. Григорьева и А. П. Ермолаева и сообщить о письмѣ послѣдняго И. Т. Савенкову.

6. Д. Н. фонъ-Эдингъ прочиталъ сообщеніе подъ заглавіемъ «Раскопки въ Великолуцкомъ уѣз., Псковской губ.». Раскопки эти оказались удачны; были найдены рѣдкаго типа предметы, монета Генриха Баварскаго 950 г., позволяющая датировать могильникъ, бляхи съ крестовыми украшеніями, браслеты съ скандинавскимъ узоромъ и др.

Н. Н. Соболевъ въ видѣ дополненія, указалъ на существованіе въ Великолуцкомъ уѣз. каменныхъ крестовъ и отмѣтилъ интересъ въ археологическомъ отношеніи Торопецкаго уѣзда, гдѣ по Деснѣ есть 80 кургановъ, на берегахъ озера Жижигскаго и Двинскаго.

7. В. В. Гольмстенъ сдѣлала докладъ «Раскопки въ Опочскомъ уѣздѣ, Псковской губ.». Эти раскопки, какъ и предыдущія, были совершены на средства Предварительнаго Комитета XVI Съѣзда. Они также были очень удачны, несмотря на то, что уѣздъ этотъ покрытъ болотами и лѣсами.

Постановлено: благодарить обоихъ референтовъ за ихъ труды, просить продолжать изслѣдованія и общіе результаты таковыхъ представить на Псковскій Съѣздъ.

Приложеніе къ протоколу № 778.

Копіи циркуляровъ и приказовъ:

И. В. Начальникъ Кубанской области и Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска. Циркуляръ Атаманамъ отдѣловъ, станичнымъ атаманамъ, сельскимъ старшинамъ, должностнымъ лицамъ и всему населенію Кубанской области іюля 7-го дня 1908 года № 4.

О содѣйствіи организаціи и собираніи коллекцій для Кубанскаго Этнографическаго и Естественно-историческаго музея.

Доблестные Кубанцы, славные потомки Запорожья и стараго Кавказскаго линейнаго войска. Обращаюсь къ вамъ, казаки, въ жилахъ которыхъ еще течетъ горячая кровь тѣхъ казаковъ, которые умѣли проявлять чудеса храбрости на войнѣ и спокойно насаждать гражданскую жизнь. Обращаюсь ко всему горскому населенію и представителямъ высшихъ горскихъ родовъ, князей, узденей, предки которыхъ вели военныя рати на насъ русскихъ умѣлою рукою, оставаясь рыцарями храбрости, чести и долга предъ своими соплеменниками, а впослѣдствіи и предъ русскими Государями.

Прошли вѣка, прошлое осталось достояніемъ исторіи и прежніе враги стали друзьями, членами одной семьи и подданными одного могучаго Царя Россіи. Прошлое не умерло, многое живетъ въ насъ, но многое изъ дорогой старины теряется, забывается и для новыхъ людей становится какъ бы чужимъ и непонятнымъ. Кое-что въ пѣсняхъ поется, передается въ преданіяхъ, а кое-что сохранилось въ записяхъ и историческихъ актахъ, но многое уже забыто. Задача современниковъ, казаковъ, горцевъ и новыхъ поселенцевъ дружными объединенными усиліями позаботиться, въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ, сберечь все то, что наглядно будетъ напоминать прошлую историческую жизнь людей и настоящее ихъ творчество.

Такимъ объединяющимъ свѣтлымъ очагомъ долженъ быть, мнѣ думается, разрѣшенный къ открытію постановленіемъ Военнаго Совѣта 16-го декабря 1906 года, по примѣру Донского областного музея, Кубанской войсковой этнографическій и естественно-историческій *музей*

въ г. Екатеринодарѣ. Въ этомъ музеѣ должны быть наглядно представлены: природа края, прошлая и настоящая жизнь всего населенія во всѣхъ его проявленіяхъ мысли и труда. Каждая народность, живущая въ Кубанской области, должна быть представлена въ музеѣ въ видѣ манекеновъ съ полной жизненной, бытовой обстановкой, со всѣми своими издѣліями труда.

Типичные костюмы безъ примѣси нововведеній, искажающихъ красоту старинныхъ покроевъ, оружіе и проч. сохранились какъ у казаковъ, такъ особенно у горцевъ и приношеніе ихъ въ музей весьма желательно. Фотографическіе снимки группъ каждой народности позволятъ музею, если сфотографированныя лица подарятъ полные костюмы и обстановку, выставить манекены тождественные съ оригиналами. Весьма желательно, чтобы каждая народность, какъ карачаевцы, беслинеевцы, шапсуги, бжедухи и др., собрала средства и по указанію лица, по назначенію отъ музея, устроила свою витрину. Желательны приношенія *по археологіи:* курганныя и другія находки старины; *по нумизматикѣ:* древнія монеты, медали, жетоны, печати; *по исторіи:* рукописи, картины, гравюры, автографы, грамоты, разное оружіе и вооруженіе; *по земледѣлію и льсоводству:* коллекціи растеній, насѣкомыхъ, гербаріи травъ, образцы сѣмянъ не менѣе 1 ф. каждаго сорта. Въ музеѣ должны занять видное мѣсто чучела и скелеты домашнихъ и дикихъ животныхъ и птицъ; *по геологіи:* карты, планы и чертежи, модели и фотографіи горъ, сопокъ, разрѣзы буровыхъ скважинъ; *по палеонтологіи:* кости мамонта, допотопнаго оленя, аммониты, раковины; *минералогіи:* почвы, руды, камни и т. п.

Выражаю надежду, что въ дѣлѣ устройства музея примутъ участіе гг. директора и учителя среднихъ школъ, Кубанская дирекція народныхъ училищъ, въ полномъ ея составѣ, начальники военныхъ частей и всѣ художники, фотографы и любители, въ томъ числѣ и мѣстные скульпторы и лѣпщики. Временно музей будетъ помѣщаться въ наемномъ зданіи, но въ будущемъ войско выстроитъ и свое зданіе. Средства музея ограничены. Нужно имѣть въ виду, что никакой музей не можетъ обойтись своими средствами. Музей — достояніе всей Кубанской области и правильная постановка дѣла требуетъ матеріальныхъ средствъ со стороны войска, народностей, обществъ и частныхъ лицъ. Существуютъ музеи: въ Донской области въ Новочеркасскѣ, въ Ставрополѣ Кавказскомъ, Владикавказѣ и во многихъ другихъ городахъ. Кубанская область не должна отставать отъ прочихъ областей и губерній, а итти впереди и я надѣюсь, что Кубанцы, горцы и все образованное общество поможетъ мнѣ создать музей, который бы отвѣчалъ своему назначенію и которымъ бы могла гордиться Кубанская область. Предложеніе объ устройствѣ витринъ по разнымъ отдѣламъ программы на счетъ сочувствующихъ и заинтересованныхъ учрежденій и лицъ можно направлять непосредственно ко мнѣ: по прочимъ дѣламъ — завѣдывающему музеемъ. Имена жертвователей и сотрудниковъ будутъ печататься въ «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» и сверхъ того будутъ обозначены на ихъ витринахъ въ музеѣ.

Порадуется мое казачье сердце, если учащаяся молодежь всѣхъ школъ Высочайше ввѣренной мнѣ области, молодежь, которую я люблю, цѣню благородныя увлеченія знаніями и вѣрю въ полезную трудоспособность, подъ руководствомъ своихъ учителей, потрудятся для музея путемъ собиранія коллекцій насѣкомыхъ, птичьихъ гнѣздъ, коллекцій яицъ и въ составленіи фотографическихъ альбомовъ. Атамановъ отдѣловъ прошу войти въ ближайшее сношеніе съ болѣе зажиточными станичными обществами, со всѣми горскими народностями, а если возможно, то и съ частными лицами объ устройствѣ на свой счетъ, буде того кто пожелаетъ, витринъ съ манекенами, примѣрно: мужчины и женщины въ домашней обстановкѣ, мужчины или женщины за работой, всадникъ, горшечникъ за станкомъ, черкешенка за изготовленіемъ чаканки, чучелы животныхъ и птицъ, модели поселеній, горъ, сопокъ и проч. О результатѣ переговоровъ доносить мнѣ по мѣрѣ полученія тѣхъ или другихъ предложеній, чтобы я могъ съ своей стороны своевременно давать необходимыя распоряженія. Въ устройствѣ военнаго отдѣла я надѣюсь на военныя части и въ особенности на гг. командировъ частей. Будущій музей долженъ оправдать заботы прежнихъ казачьихъ дѣятелей, которые десятки лѣтъ на-

стойчиво хлопотали объ учрежденіи областнаго музея, — служить памятникомъ сѣдой старины, нагляднымъ пособіемъ для изученія современниками природы и жизни населенія Кубанской области и гордостью будущихъ поколѣній. Настоящій циркуляръ предписываю прочитать на всѣхъ станичныхъ сборахъ и сельскихъ сходахъ.

Подлинный подписалъ: Генералъ-Лейтенантъ *Бабычъ*.

Циркуляръ Начальника Кубанской области и Наказнаго Атамана Кубанскаго казачьяго войска по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею, отъ 4 августа 1908 года за № 22, атаманамъ отдѣловъ, участковымъ начальникамъ, станичнымъ атаманамъ и сельскимъ старшинамъ.

Въ Кубанской области кое-гдѣ еще остались древнѣйшіе могильники, извѣстные въ народѣ подъ именемъ «богатырскихъ домовъ», а въ наукѣ — дольменовъ.

Могильники стояли тысячелѣтія, вызывая удивленія жившихъ здѣсь послѣдующихъ народовъ. Истребленіе этихъ памятниковъ сѣдой старины началось со времени покоренія Западнаго Кавказа.

Многіе дольмены разобраны на постройки и изготовленіе жерноновъ.

Желая сберечь дольмены отъ варварскаго истребленія невѣжественными людьми, я предписываю атаманамъ отдѣловъ доставить мнѣ списки сохранившихся въ цѣлости дольменовъ и особые списки разрушенныхъ дольменовъ, въ которыхъ сохранились отдѣльные камни. Въ спискахъ обозначить: гдѣ стоитъ дольменъ, въ какомъ разстояніи отъ станицы и отъ дороги, какой онъ формы и изъ сколькихъ камней сложенъ, сохранилась ли втулка отверстія, какіе предметы сохранились въ самомъ дольменѣ или по преданію, что въ нихъ находили и, наконецъ, указать, возможно ли перевезти дольменъ въ ближайшую станицу или городъ по имѣющимся дорогамъ и какимъ именно, а если нельзя, то почему именно.

Если окажутся въ сохранности отдѣльные камни, то ихъ слѣдуетъ сберегать на мѣстѣ, поручая наблюденіе охотникамъ и сосѣднимъ поселкамъ; втулки же хранить при правленіяхъ или въ школахъ.

Обязываю участковыхъ начальниковъ, станичныхъ атамановъ и сельскихъ старшинъ привести въ извѣстность всѣ дольмены и стараться всѣми мѣрами оберегать дольмены наравнѣ съ курганами.

Желательно, чтобы участковые начальники, станичные атаманы и сельскіе старшины, представляя атаманамъ отдѣловъ списки дольменовъ, воспользовались услугами гг. учителей и любителей и представили бы фотографическіе снимки или рисунки отъ руки и подробныя описанія лучшихъ по виду дольменовъ.

Было бы желательно типичные дольмены перевезти и поставить на сбереженіе въ школьные дворы ближайшихъ станицъ. Съ большой пользой можно было бы изъ Хамышковъ перевезти дольменъ въ городской садъ гор. Майкопа, если городская Дума съ своей стороны пожелаетъ сохранить такой памятникъ старины и самую перевозку произведетъ на свой счетъ.

Хотя для перевозки въ гор. Екатеринодаръ мною намѣчены два дольмена, находящіеся въ Темрюкскомъ отдѣлѣ, но желательно для Кубанскаго войскового этнографическаго и естественно-историческаго музея имѣть модель лучшаго дольмена изъ числа разбросанныхъ по всему Майкопскому отдѣлу. Модель должна изображать фигуру дольмена втрое уменьшенную противъ натуральной величины. Объ изготовленіи такой модели прошу атамана Майкопскаго отдѣла сообщить мнѣ подробно свои соображенія.

Станичнымъ атаманамъ и сельскимъ старшинамъ тѣхъ поселеній, гдѣ имѣются дольмены, вмѣняю въ обязанность циркуляръ этотъ прочесть на сборахъ и внушить жителямъ, чтобы они свято оберегали дольмены и курганы, гробницы которыхъ, къ стыду населенія, до сихъ поръ разрушаются и расхищаются ворами-кладоискателями. Къ могиламъ мертвыхъ слѣдуетъ

относиться съ уваженіемъ, а оберегать всякія могилы законъ обязываетъ каждаго и караетъ какъ гробокопателей, такъ и кладоискателей.

Всѣ свѣдѣнія о дольменахъ предлагаю представить не позже конца декабря сего года.

Подлинный подписалъ: Генералъ-Лейтенантъ *Бабычъ*.

Циркуляръ Начальника Кубанской области и Наказнаго Атамана Кубанскаго казачьяго войска по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею отъ 26 января 1909 года, за № 58, гг. Атаманамъ отдѣловъ, станичнымъ атаманамъ и сельскимъ старшинамъ.

Организуя Кубанскій войсковой этнографическій и естественно-историческій музей, въ предѣлахъ принятой программы, я ставлю цѣлью и приведеніе въ извѣстность всѣхъ историческихъ памятниковъ, сохранившихся въ предѣлахъ Кубанской области и часто безвозвратно исчезающихъ отъ невѣжества и корыстнаго хищенія воровъ-кладоискателей. Памятники древности — это національное и общечеловѣческое сокровище, такъ какъ такіе памятники вполнѣ возстановляютъ картины жизни отдаленнаго прошлаго.

Свѣдѣнія, хотя и неполныя, о наличныхъ курганахъ были собраны покойнымъ дѣятелемъ Е. Д. Фелицынымъ. Свѣдѣнія о дольменахъ собираются теперь, но предстоитъ еще привести въ извѣстность сталактитовыя и искусственныя пещеры въ горахъ, въ которыхъ жилъ первобытный человѣкъ. Эти интересные памятники остаются не изученными. Весьма желательно имѣть чертежи, рисунки, фотографическіе снимки и описаніе пещеръ съ указаніемъ мѣстонахожденія, направленія дороги или тропы и имѣющихся въ пещерахъ костей, черепковъ посуды, каменныхъ орудій, особенно изъ кремня, окаменѣлостей разныхъ и т. п.

Свѣдѣнія о пещерахъ можно собрать чрезъ охотниковъ, интеллигентныхъ любителей и осмотромъ пещеръ участковыми начальниками или охотниками съ станичными или сельскими писарями или людьми, хорошо грамотными, чтобы они могли изложить на бумагѣ, хоть кратко то, что видѣли.

Пещеры встрѣчаются въ нагорной полосѣ Баталпашинскаго, Майкопскаго, Темрюкскаго и Екатеринодарскаго отдѣловъ.

Всѣ собранныя свѣдѣнія о пещерахъ должны быть направлены въ музей. Любителей прошу присылать описанія пещеръ непосредственно ко мнѣ. Дальнѣйшія свѣдѣнія, буде обнаружатся новыя пещеры, предлагаю всякій разъ доставлять въ Кубанскій войсковой этнографическій и естественно-историческій музей во всякое время, г. Екатеринодаръ, Рашпилевская улица, домъ № 3.

Подлинный подписалъ: Генералъ-Лейтенантъ *Бабычъ*.

Циркуляръ Начальника Кубанской области и Наказнаго Атамана Кубанскаго казачьяго войска по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею, отъ 13 мая 1910 года, № 209. Атаманамъ отдѣловъ, полицеймейстерамъ городовъ, станичнымъ атаманамъ и сельскимъ старшинамъ.

Въ послѣднее время особенно развились хищническія раскопки кургановъ, при чемъ весьма цѣнныя находки для науки ворами-кладоискателями разбиваются, — уничтожаются или продаются скупщикамъ за безцѣнокъ.

Русскимъ слѣдовало бы подражать черкесамъ, которые, свято почитая могилы своихъ предковъ и родителей, не коснулись ни греческихъ церквей, ни дольменовъ, ни кургановъ. Русскіе же не только разрываютъ курганы, варварски уничтожали дольмены, и начали раз-

бивать въ горныхъ пещерахъ сталактиты и сталагмиты, уничтожая красоту природы и забивая даже входы въ пещеры.

Предлагаю всѣмъ административнымъ лицамъ во всѣхъ случаяхъ, когда будетъ обнаружена продажа археологическихъ предметовъ ворами-кладоискателями, отбирать всѣ вещи, какъ у продавцовъ, такъ и у скупщиковъ, такъ какъ такія вещи есть достояніе государства.

Упорные воры-кладоискатели и скупщики, въ случаѣ повторенія вредной своей дѣятельности, заставятъ меня войти съ ходатайствомъ внѣ правилъ выслать изъ Кубанской области или возбудить уголовное преслѣдованіе.

Отбираемыя археологическія вещи при описяхъ съ оцѣнкой каждой вещи и съ указаніемъ, гдѣ вещь найдена, высылать въ Кубанскій этнографическій и естественно-историческій музей.

Циркуляръ предлагаю прочитать на всѣхъ сборахъ и объявить кладоискателямъ.

Подлинный подписалъ: Генералъ-Лейтенантъ *Бабычъ*.

Циркуляръ Начальника Кубанской области и Наказнаго Атамана Кубанскаго казачьяго войска по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею, отъ 25 октября 1911 года за № 252. Атаманамъ отдѣловъ, полицеймейстерамъ городовъ, станичнымъ и хуторскимъ атаманамъ, волостнымъ и сельскимъ старшинамъ.

На мое имя и на имя завѣдывающаго музеемъ часто поступаютъ просьбы о выдачѣ свидѣтельствъ на право разрытія кургановъ, откосовъ береговъ рѣкъ и овраговъ для извлеченія предметовъ старины. Нѣкоторыя же лица, какъ видно изъ поступающихъ свѣдѣній, приступаютъ къ раскопкамъ, не испрашивая даже разрѣшенія — тайно.

Считаю необходимымъ разъяснить всему населенію Кубанской области, что памятники старины представляютъ государственное достояніе и составляютъ предметъ особаго изученія, а потому долгъ и обязанность всѣхъ лицъ населенія всѣми мѣрами и силами охранять и спасать для государства и науки драгоцѣнный историческій матеріалъ, нерѣдко исключительнаго значенія и цѣнности, гибнущій подчасъ въ рукахъ невѣжественныхъ лицъ, такъ какъ матеріальная цѣнность зачастую не совпадаетъ съ научною. Поэтому и на самыя раскопки и на находимые тамъ предметы не должно смотрѣть, какъ на удовольствіе или какъ на легкій способъ наживы.

Раскопки должны вестись не на скоряхъ и тѣмъ болѣе не украдкою, а съ особою осторожностью, осмотрительностью, съ особымъ вниманіемъ, и предварительными изученіями мѣстности, съ описаніемъ, измѣреніемъ мѣстъ работъ и заключеніемъ всего чертежами, рисунками и фотографическими снимками.

Порядокъ раскопокъ, по словамъ одного члена археологической комиссіи, долженъ уподобляться веденію судебнаго слѣдствія, чтобы ничто не ускользнуло отъ вниманія изслѣдователя. Поэтому къ производству раскопокъ могутъ допускаться только лица, съ серьезною теоретическою и практическою подготовкою: лица знакомыя съ производившимися изслѣдованіями, могущія различать почвы, породы камней, металловъ, лица, имѣющія практическія свѣдѣнія о строительныхъ матеріалахъ, орудіяхъ и архитектурныхъ пріемахъ, наконецъ, могущія рисовать, фотографировать, производить нивеллировку и т. п. и къ тому же съ достаточными матеріальными средствами. Всякій, стремящійся къ производству раскопокъ, долженъ помнить, что онъ своими раскопками навсегда уже уничтожаетъ для науки памятникъ старины, а потому раскопки безъ опредѣленной строго научной цѣли, будутъ составлять простое — грубое кладоискательство, что ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть допускаемо, а потому и лица, не обладающія указанными выше познаніями и свободными средствами, не могутъ расчитывать на полученіе установленныхъ свидѣтельствъ. Лица же, приступающія къ раскопкамъ безъ свидѣтельствъ, должны немедленно привлекаться къ законной отвѣт-

ственности, такъ какъ археологическіе предметы, находящіеся въ нѣдрахъ земель казенныхъ, принадлежащихъ различнымъ установленіямъ и общественныхъ, составляютъ государственную собственность и по закону 11 марта 1889 года исключительное право на археологическія раскопки въ имперіи предоставлено только Императорской археологической комиссіи.

Лица же, коимъ не дано право на раскопки, но которыя занимаются тайно кладоискательствомъ, являются хищниками или просто ворами нашей государственной собственности — общаго нашего и потомковъ нашихъ достоянія, а потому на основаніи ст. 29 устава о наказаніяхъ должны быть привлекаемы къ отвѣтственности въ уголовномъ порядкѣ. Къ такимъ хищникамъ должны быть отнесены и скупщики археологическихъ предметовъ, коль скоро установлено будетъ, что они пріобрѣли эти вещи у кладоискателей или у ихъ соучастниковъ.

Означенные скупщики торгуютъ тайно древностями, ворованными у государства, при этомъ не несутъ никакихъ расходовъ, не оплачивая права на торговлю промысловымъ налогомъ. Отсюда всякій, кто такъ или иначе нарушаетъ законъ, т.-е. самъ ли тайно копаетъ и извлекаетъ археологическія вещи, или скупаетъ у тайныхъ лицъ и торгуетъ ими, подлежитъ законной отвѣтственности.

На основаніи вышеизложеннаго и въ дополненіе моего циркуляра, отъ 13 мая 1910 года за № 209, предлагаю всѣмъ административнымъ лицамъ усилить свой надзоръ за сохраненіемъ въ цѣлости археологическихъ памятниковъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ обнаружена продажа археологическихъ предметовъ ворами-кладоискателями, скупщиками или лицами, утаивающими государственное достояніе, *привлекать всѣхъ къ уголовной отвѣтственности*, о чемъ и доносить каждый разъ мнѣ, по Кубанскому музею — для объявленія фамилій расточителей государственнаго достоянія во всеобщее свѣдѣніе.

Циркуляръ этотъ прочитать въ станицахъ, хуторахъ и селеніяхъ на полныхъ сходахъ, а гг. полицеймейстерамъ городовъ Кубанской области объявить всѣмъ чинамъ полиціи для строгаго наблюденія за кладоискателями, тайными скупщиками и продавцами археологическихъ предметовъ.

Подлинный подписалъ: Начальникъ Кубанской области и Наказный Атаманъ
Кубанскаго казачьяго войска, Генералъ-Лейтенантъ *Бабычъ*.

Циркуляръ Начальника Кубанской области и Наказнаго Атамана Кубанскаго казачьяго войска по Кубанскому войсковому этнографическому и естественно-историческому музею, отъ 20 марта 1912 г. № 114, атаманамъ отдѣловъ, полицеймейстерамъ городовъ, участковымъ начальникамъ, станичнымъ и хуторскимъ атаманамъ, сельскимъ и аульнымъ старшинамъ Кубанской области.

Циркуляромъ моимъ, отъ 25 октября 1911 года, за № 252, я обращалъ вниманіе населенія Кубанской области на громадную важность сохраненія памятниковъ старины и указывалъ на ту отвѣтственность, которой подвергаются лица, хищнически занимающіяся раскопкою кургановъ и добываніемъ изъ нихъ древнихъ вещей, составляющихъ государственное достояніе.

Несмотря на это находятся еще преступные люди, не желающіе уважать чужую собственность — собственность государства и науки.

Атаманъ станицы Таманской донесъ мнѣ, что онъ привлекъ къ уголовной отвѣтственности до 50 человѣкъ за кладоискательство и сбытъ тайно археологическихъ находокъ. Выражая атаману Самойленко благодарность за проявленную имъ энергичную дѣятельность, вмѣстѣ съ симъ предписываю и дальше такъ же неослабно и зорко слѣдить за хищническими продѣлками кладоискателей и тайныхъ сбытчиковъ государственнаго достоянія, дабы искоренить и всякое стремленіе къ занятію этимъ постыднымъ дѣломъ.

Расчитываю, что Самойленко вложитъ въ это дѣло всю свою энергію и съ помощью благоразумныхъ и честныхъ казаковъ станицы Таманской окончательно искоренитъ на Тамани это зло, порочащее дорогое и доброе имя казаковъ не только на всю Россію, но даже и за границею, куда юркіе и жадные къ наживѣ іудейскіе сыны за большую сумму сплавляютъ наше русское научное достояніе. Таманцы, посмотрите же серьезно на то нехорошее дѣло, которое творится вокругъ васъ, вдумайтесь только, что изъ-за какого-то десятка неразумныхъ людей дурная тѣнь ложится на все войско. Докажите своей дружной работой со своимъ атаманомъ, что вы славные сыны Кубани, славные отпрыски Запорожья. Не допускайте же, чтобы воздвигнутый у васъ памятникъ съ укоризною смотрѣлъ на васъ, какъ на недостойныхъ сыновъ Запорожья.

Таманцы, призываю васъ всѣхъ къ дружной работѣ противъ хищниковъ. Надѣюсь, что вы порадуете мое атаманское сердце тѣмъ, что ни изъ Керчи, ни изъ Петербурга, ни изъ другихъ мѣстъ я не услышу больше жалобъ, что Таманцы чуть ли не всѣ поголовно хищники и безсовѣстно расточаютъ государственное достояніе, сбывая тайно добытыя археологическія находки за безцѣнокъ евреямъ въ г. Керчи. Надѣюсь, что вы всѣ, какъ одинъ и старъ, и младъ, богачъ и бѣднякъ, въ офицерскихъ чинахъ и рядовые казаки, дружно и грозно ополчитесь противъ хищниковъ, порочащихъ ваше имя и силою своего мощнаго казацкаго слова, постановленнаго на общемъ сходѣ, избавите себя отъ дурной славы, а меня, вашего кошевого батьку, не заставите больше краснѣть и болѣть изъ-за васъ.

Вмѣстѣ съ этимъ до меня также доходятъ слухи, что и въ Майкопскомъ отдѣлѣ въ этомъ отношеніи неблагополучно, что тамъ также производятся тайныя раскопки кургановъ и широко и свободно практикуется продажа хищнически добытыхъ археологическихъ предметовъ тайнымъ скупщикамъ, а между тѣмъ я до сихъ поръ не получилъ ни одного донесенія отъ станичныхъ атамановъ этого отдѣла о привлеченіи кого-либо за кладоискательство къ отвѣтственности, очевидно со стороны станичныхъ атамановъ, гдѣ раскопки производятся, нѣтъ наблюденія и хищники остаются безнаказанными.

Рыть курганы въ полѣ, въ лѣсу и хотя бы даже въ собственномъ дворѣ для извлеченія археологическихъ находокъ изъ нѣдръ земли безъ разрѣшенія и свидѣтельства Императорской Археологической комиссіи никто не имѣетъ права.

Если не всѣмъ, то многимъ въ г. Майкопѣ и Майкопскомъ отдѣлѣ навѣрно извѣстны заправилы всего этого позорнаго дѣла, а равно и скупщики, и содержатели воровскимъ путемъ добытыхъ находокъ, а потому предлагаю атаману Майкопскаго отдѣла, а гдѣ то будетъ касаться и полицеймейстеру г. Майкопа обратить на преступную дѣятельность этихъ лицъ самое серьезное вниманіе и принять самыя радикальныя мѣры, чтобы ни подъ какимъ видомъ не допускать раскопокъ кургановъ съ цѣлью кладоискательства, ставя, гдѣ нужно, по временамъ, сторожевые посты и назначая днемъ и ночью разъѣзды и *привлекать всѣхъ, какъ кладоискателей, такъ и скупщиковъ и продавцовъ къ уголовной отвѣтственности, а добытыя ими тайно или отъ тайныхъ продавцовъ археологическія находки отбирать и при подробной описи и оцѣнкѣ доставлять средствами станицъ въ Кубанскій войсковой этнографическій и естественно-историческій музей (Екатеринодаръ, Рашпилевская улица, домъ № 3) для зачисленія въ войсковое достояніе.*

Бездѣятельныхъ и нерадиво относящихся къ этому дѣлу станичныхъ атамановъ, сельскихъ и волостныхъ старшинъ предлагаю атаманамъ отдѣловъ подвергать строгому взысканію.

Надѣюсь, что будетъ же положенъ конецъ этому постыдному дѣлу на Кубани.

Все изложенное здѣсь въ равной силѣ относится ко всѣмъ населеннымъ мѣстамъ Кубанской области, гдѣ жители заражены пагубной страстью къ кладоискательству. Вновь еще разъ обращаюсь также ко всѣмъ сотрудникамъ Кубанскаго войскового музея, ко всѣмъ народнымъ и школьнымъ учителямъ и ко всѣмъ вообще просвѣщеннымъ дѣятелямъ въ станицахъ и городахъ Кубанской области оказать помощь своимъ добрымъ словомъ и дѣломъ къ сохра-

[сохран]енію для будущихъ поколѣній и науки памятниковъ старины. Всѣ справки и вопросы, а равно и всѣ сообщенія, какъ-бы они ни казались малозначительными, прошу направлять завѣдующему Кубанскимъ войсковымъ музеемъ Войсковому Старшинѣ Гладкому для доклада мнѣ.

Всѣ даже незначительныя пожертвованія, прошу передавать въ станичныя правленія атаманамъ станицъ, которыхъ симъ обязываю безъ особаго промедленія пересылать при особой описи почтою или другимъ способомъ въ войсковой музей, подобныя пожертвованія, относя возможные въ такихъ случаяхъ расходы на станичныя средства по § непредвидѣнныхъ расходовъ.

Подлинный подписалъ: Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска,

Генералъ-Лейтенантъ *Бабычъ*.

КОПІЯ.

Приказъ по Кубанской области.

№ 376.

Августа 2 дня 1912 года, гор. Екатеринодаръ.

Завѣдующій Кубанскимъ войсковымъ музеемъ, Войсковой Старшина Гладкій донесъ мнѣ, что приставъ 1-й части г. Майкопа г-нъ Строкунъ, будучи назначенъ полицеймейстеромъ, по просьбѣ атамана Майкопскаго отдѣла, для разслѣдованія дѣла по разрытію хищниками кургановъ въ юртѣ ст. Тульской быстрыми и энергичными своими дѣйствіями раскрылъ всю шайку кладоискателей и отобралъ похищенныхъ ими изъ кургановъ золотыхъ вещей на сумму свыше 1000 р.

За столь энергичную, усердную и плодотворную дѣятельность выражаю приставу Строкуну отъ лица службы и отъ себя глубокую благодарность и надѣюсь, что и въ дальнѣйшемъ онъ съ такимъ же неослабнымъ усердіемъ и энергіею будетъ преслѣдовать хищниковъ и скупщиковъ ворованныхъ археологическихъ предметовъ, очевидно свившихъ себѣ, судя по массѣ разграбленныхъ кургановъ, прочное гнѣздо въ г. Майкопѣ и его окрестностяхъ.

Казакамъ станицы Тульской Леонтію Ермишкину, Борису и Ильѣ Берестневымъ, Артему Красюкову, Андрею Стрѣльникову, Феодосію Хорину и Ивану Тураеву, которые, несмотря на всѣ горячіе призывы Наказнаго Атамана охранять памятники старины, соблазнились дурнымъ примѣромъ проживавшихъ въ ст. Тульской иногороднихъ: Андріана Сивцова, Федора Зозули, Павла Руденко, Якова и Леонтія Довгалевыхъ, Феодосія Гарькуши и др., занимавшихся кладоискательствомъ и пошли вслѣдъ за ними сами на легкую разживу, объявляю строгій выговоръ и предписываю Атаману станицы Тульской имѣть самое строгое наблюденіе за всѣми замѣченными въ кладоискательствѣ и продажѣ похищеннаго изъ кургановъ и безъ снисхожденія на будущее время привлекать всѣхъ виновныхъ къ уголовной отвѣтственности и кромѣ того, объявляю, что въ будущемъ, если будутъ встрѣчаться въ числѣ опорочивающихъ себя этимъ постыднымъ занятіемъ приказные и урядники, то они будутъ лишены этихъ званій.

Приказъ этотъ прочесть на полныхъ сходахъ во всѣхъ станицахъ. Подлинный подписалъ: За Начальника Кубанской области и Наказнаго Атамана Кубанскаго казачьяго войска, *Генералъ-Маіоръ Косякинъ*.

КОПІЯ.

Приказъ по Кубанской области.

№ 470.

Сентября 20 дня 1912 года, гор. Екатеринодаръ.

За Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ Гофмейстеръ Высочайшаго Двора, сенаторъ [illegible], обращаетъ вниманіе, что въ настоящее время особенно усилились хищническія раскопки кургановъ и городищъ и что иностранные агенты, не стѣсняясь, ни границами администраціи, занимаются скупкою древностей и увозятъ за границу.

Въ виду новаго указанія на недостаточность досмотра на мѣстахъ лицъ администраціи за охраной памятниковъ старины, предписываю Атаманамъ отдѣловъ, особенно Таманскаго, Майкопскаго и Лабинскаго отдѣловъ, гдѣ усиленно ведутся хищническія раскопки, и гг. полицеймейстерамъ городовъ усугубить свое вниманіе къ дѣлу сохраненія памятниковъ старины въ Кубанской области, привлекая къ самой строгой отвѣтственности какъ всѣхъ подвѣдомственныхъ лицъ администраціи за слабый надзоръ, такъ и лицъ, занимающихся хищническими раскопками, покупкою и продажею тайно добытаго и усилить надзоръ за извѣстными уже скупщиками, а равно серебряками-лудильщиками и т. п.

Казаковъ Кубанцевъ, которые, слѣдуя дурному примѣру иногороднихъ, сами поддаются соблазну, какъ лицъ, не только не радѣющихъ о пользѣ Государственной, но и позволяющихъ у себя на родинѣ расхищать древности отечественной старины въ примѣръ другимъ также привлекать къ уголовной отвѣтственности, а приказныхъ и урядниковъ кромѣ того представлять къ лишенію ихъ званій, службою пріобрѣтенныхъ, какъ недостойныхъ носить его.

Приказъ этотъ предписываю прочесть въ управленіяхъ отдѣловъ, полицейскихъ управленіяхъ и частяхъ и на полныхъ сходахъ станичныхъ, хуторскихъ и аульныхъ обществъ.

Справка: Циркулярное распоряженіе, отъ 21 іюля 1912 г. за № 16862, Помощника намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ.

Подлинный подписалъ Генералъ-Лейтенантъ *Бабычъ*.

Копія приказа по Кубанской области отъ 31 мая 1913 года, № 209.

Объявляю строгій выговоръ, проживающимъ въ станицѣ Ахметовской, крестьянамъ: Ивану Моренцову, Григорію Нижильскому и Филиппу Сахарову и казакамъ той же станицы Василію Анищенко и войска Донского Козьмѣ Ежову за бродяжничество по ночамъ и хищническія раскопки кургановъ съ цѣлью добычи находокъ, которыя составляютъ предметъ науки и достоянія войска и государства.

Полицейскимъ казакамъ Ахтырскому и Павлюченко за поимку этихъ воришекъ объявляю мое спасибо.

Фамиліи опорочившихъ крестьянъ и казаковъ предписываю объявить на станичныхъ, хуторскихъ и сельскихъ сходахъ. Станичной же администраціи предписываю усилить надзоръ за лицами, имѣющими преступную наклонность къ кладоискательству.

Справка: Донесеніе Атамана станицы Ахметовской отъ 9 мая 1913 г. № 1811. Подлинный подписалъ: Начальникъ Кубанской области и Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска, Генералъ-лейтенантъ *Бабычъ*.

Копія приказа по Кубанской области отъ 31 мая 1913 года, № 210.

Изъ поступившей ко мнѣ переписки и показаній лицъ, допрошенныхъ по дѣлу о производствѣ въ ст. Костромской хищническихъ раскопокъ кургановъ, устанавливается справедливость слуховъ, что проживающими въ этой станицѣ крестьянами Иваномъ Зябинымъ, Николаемъ Дубогрызовымъ и другими были похищены изъ разрытыхъ кургановъ золотая корона и другія золотыя вещи значительной матеріальной и научной цѣнности, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется, что многіе казаки этой станицы также принимали участіе въ кладоискательствѣ.

Въ виду такого положенія дѣла являюсь вынужденнымъ выразить Костромцамъ мое крайнее порицаніе за допущеніе къ своей средѣ такого постыднаго и преступнаго занятія, какъ разграбленіе могилъ покойниковъ и расхищеніе археологическихъ находокъ, которыя въ другихъ странахъ почитаются, какъ святыня и составляютъ гордость и достояніе государства и науки.

Костромцы и всѣ казаки родной мнѣ Кубани, прошу Васъ, какъ старшій, какъ отецъ, образумьте же неразумныхъ товарищей, храните незапятнанной добрую славу дѣдовъ Вашихъ, не слѣдуйте дурнымъ примѣрамъ пришлаго элемента, такъ какъ не на крестьянъ Зябина и другихъ падаетъ позоръ, а на Васъ казаковъ и дѣтей Вашихъ за допущеніе кощунственнаго разрытія и разграбленіе могилъ временъ Рождества Христова, сознайте же позоръ своихъ дѣйствій и не допускайте въ своемъ родномъ краѣ подобныхъ преступныхъ дѣйствій.

Атаману Майкопскаго и другихъ отдѣловъ предлагаю, если подобныя явленія еще будутъ имѣть мѣсто на Кубани, подвергать виновныхъ самому строгому наказанію.

Приказъ этотъ предлагаю объявить на полныхъ сходахъ во всѣхъ станицахъ, хуторахъ, селеніяхъ, аульныхъ правленіяхъ и всѣмъ чинамъ полиціи въ Кубанской области.

Подписалъ: Начальникъ Кубанской области и Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска, Генералъ-Лейтенантъ *Бабычъ*.

Копія приказа по Кубанской области отъ 1-го іюня 1913 года, № 221.

Императорской Археологической Комиссіей выданы проживающему въ гор. Екатеринодарѣ потомственному дворянину Казимиру фонъ-Мерсу и хранителю Геологическаго кабинета Императорскаго Харьковскаго Университета А. С. Өедоровскому открытые листы на право производства археологическихъ раскопокъ въ текущемъ году на земляхъ казенныхъ, общественныхъ и принадлежащихъ разнымъ лицамъ и установленіямъ въ предѣлахъ Кубанской области — первому въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ границѣ Черноморской губерніи, а второму по рѣкѣ Зеленчуку.

Объявляя объ этомъ, предлагаю всѣмъ административнымъ лицамъ оказывать г-ну фонъ-Мерсу и г-ну Өедоровскому законное содѣйствіе при производствѣ ими въ указанныхъ мѣстахъ раскопокъ.

Подписалъ: Начальникъ Кубанской области и Наказный Атаманъ Кубанскаго казачьяго войска, Генералъ-Лейтенантъ Бабычъ.

Копія приказа по Кубанской области отъ 17/19 іюля 1913 года, № 332. Гор. Екатеринодаръ.

Завѣдующій Кубанскимъ войсковымъ музеемъ, Войсковой Старшина Гладкій, доложилъ мнѣ, что въ станицѣ Баракаевской Майкопскаго отдѣла было произведено въ этомъ году въ недавнее время разграбленіе кургановъ.

Неоднократно обращался я съ просьбою ко всему населенію Кубанской области оберегать курганы и всѣ вообще предметы старины, такъ какъ они составляютъ достояніе государства и науки, но, очевидно, пагубная страсть къ кладоискательству укоренилась слишкомъ глубоко и находятся еще лица, которыя ни просьбъ не слушаютъ, ни добрыхъ словъ не понимаютъ. Поэтому предписываю Атаманамъ отдѣловъ, полицеймейстерамъ городовъ Кубанской области, станичнымъ и хуторскимъ атаманамъ, сельскимъ и аульнымъ старшинамъ, полицейскимъ урядникамъ, лѣсничимъ и лѣсной стражѣ войсковыхъ и станичныхъ лѣсовъ принять всѣ зависящія мѣры и самое живое участіе въ дѣлѣ искорененія кладоискательства въ Кубанской области. Отъ всѣхъ лицъ полиціи и администраціи требую перейти отъ увѣщеваній къ дѣлу: всѣхъ лицъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія или уличенныхъ свидѣтельскими показаніями въ кладоискательствѣ, привлекать къ уголовной отвѣтственности или, въ предѣлахъ предоставленной власти, подвергать высшей мѣрѣ административнаго взысканія; вмѣстѣ съ этимъ обязательно предъявлять такихъ лицъ, какъ опорочившихъ себя, на судъ общества, для выраженія имъ порицанія цѣлымъ сборомъ, назначать ихъ на самыя трудныя общественныя работы, строго слѣдить за всѣми дѣйствіями ихъ, не давать покоя производствомъ у нихъ на дому и у тѣхъ лицъ, съ коими они часто соприкасаются, самыхъ тщательныхъ обысковъ и

днёмъ и ночью. Заставлять виновныхъ въ кладоискательствѣ, подъ карауломъ снова зарывать, разравнивать и утрамбовывать разрытые ими или ихъ соучастниками курганы, чтобы и слѣдовъ разрытія не было видно. Лицъ иногороднихъ, которыя преимущественно занимаются кладоискательствомъ и растлѣваютъ нравы казаковъ, лишать тѣхъ преимуществъ, которыми они пользуются, живя среди казаковъ, дабы положить конецъ кладоискательству. Вмѣстѣ съ этимъ предписываю періодически провѣрять осмотромъ цѣлость кургановъ въ юртахъ. Всѣ же предметы старины, въ чемъ бы они не заключались, добытые изъ земли, случайно при рытьѣ колодцевъ и фундаментовъ для построекъ, найденные въ обрывахъ рѣкъ или отбираемые у кладоискателей, тайныхъ скупщиковъ и продавцовъ, обязываю полицію и лицъ администраціи доставлять при описаніяхъ въ Кубанскій войсковой музей (г. Екатеринодаръ, Рашпилевская, домъ № 3, позади окружнаго суда), гдѣ они и будутъ храниться или какъ даръ или какъ отобранные отъ грабителей и укрывателей.

Всѣхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу сохраненія памятниковъ старины и сознающихъ важность этого, прошу слѣдить на мѣстахъ и сообщать мнѣ по телеграфу или письменно по Кубанскому войсковому музею, о нарушеніи правилъ и порядка сохраненія памятниковъ старины, за что теперь же приношу глубокую благодарность.

Предлагаю объявить мое сердечное спасибо лѣсникамъ станицы Баракаевской урядику Митченко и приказному Погребенко за бдительный надзоръ и поимку кладоискателей. Къ сожалѣнію, не могу выразить благодарности и. д. станичнаго атамана нестроевому старшаго разряда Антонову, такъ какъ, производя опросъ, онъ не произвелъ тогда же, по горячимъ слѣдамъ, обыска у виновныхъ, чѣмъ и далъ возможность скрыть найденныя ими шашку и вазу.

Крестьянамъ Северинову и Зубкову и казаку Погребенко, опорочившихъ себя кладоискательствомъ, предлагаю на полномъ сходѣ объявить мой строгій выговоръ и порицаніе ихъ преступному дѣйствію и затѣмъ вмѣняю станичному атаману строго слѣдить за ними, производя періодически у нихъ обыски, какъ у лицъ опорочившихъ себя.

Предваряю также, что тѣхъ Станичныхъ и Хуторскихъ атамановъ и Старшинъ селеній и ауловъ, которые будутъ индиферентно относиться къ преслѣдованію кладоискателей или будутъ утаивать о производящихся въ ихъ юртовыхъ надѣлахъ раскопкахъ, я буду считать не распорядительными и не способными къ дальнѣйшей службѣ. О чемъ и буду объявлять въ приказахъ по области.

Приказъ этотъ прочитать на полныхъ сходахъ. Объявить по войсковымъ и станичнымъ лѣсничествамъ и по полиціи.

Подлинный подписалъ: Начальникъ Кубанской области и Наказный атаманъ Кубанскаго казачьяго войска, Генералъ-Лейтенантъ *Бабычъ*.

Послѣ сего обыкновенное засѣданіе было объявлено закрытымъ.

---

779. Въ послѣдовавшемъ, затѣмъ, распорядительномъ засѣданіи обсуждались слѣдующія дѣла:

1. Просьба проф. Н. В. Покровскаго предоставить въ его пользованіе клише, сдѣланные для его описанія ризницы Новгородской Софіи, напечатаннаго въ I т. «Трудовъ XV Съѣзда».

Постановлено: исполнить просьбу проф. Покровскаго.

2. Просьба фотографа Павлова взять у него всѣ негативы, сдѣланные имъ по порученію Общества.

Постановлено: согласиться.

3. Баллотировались и были избраны ранѣе предложенные въ члены Общества: въ дѣйств. члены проф. В. А. Гордлевскій и И. С. Бѣляевъ, послѣдній изъ чл.-корреспондентовъ и въ чл.-корреспонденты — Н. Б. Баклановъ, И. Е. Бондаренко, С. Б. Веселовскій, А. А. Латковъ и о. архим. Никаноръ.

4. Заявлены въ члены: въ дѣйствительные изъ членовъ-корреспондентовъ И. Ѳ. Токмаковъ и С. Д. Щербакъ; въ чл.-корреспонденты — I. I. Іодковскій и Д. Н. фонъ-Эдингъ.

Постановлено: баллотировать въ ближайшемъ засѣданіи.

780. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 4 февраля 1914 года, подъ предсѣдательствомъ гр. П. С. Уваровой и въ присутствіи гг. членовъ: В. В. Богданова, И. С. Бѣляева, В. В. Гольмстенъ, Ю. В. Готье, В. П. Гурьянова, С. О. Долгова, Д. И. Иловайскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, о. I. I. Кузнецова, Н. А. Марксъ, П. А. Незнамова, I. К. Линдемана, А. И. Колмогорова, архим. Никанора, А. П. Покровскаго, Н. И. Соболева, И. Я. Стеллецкаго и С. Д. Щербака.

Вслѣдствіе болѣзни Секретеря Общества, обязанности его исполнялъ, по предложенію предсѣдателя, П. А. Незнамовъ.

1. Предсѣдатель, напомнивъ, что въ настоящій день исполнилось 10 лѣтъ со дня трагической кончины Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича, такъ много дѣлавшаго для Общества, предложилъ почтить его память вставаніемъ, что и было исполнено всѣми присутствовавшими.

2. Доложены бумаги:

а) благодарности за избраніе въ члены Общества отъ И. С. Бѣляева (изъ чл.-кор. въ дѣйств.) и арх. Никанора и С. Б. Веселовскаго (въ чл.-кор.);

б) благодарности за высланныя изданія Общества отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, Хонской Мужской Прогимназіи и Библіотеки Трондгеймскаго Музея въ Норвегіи;

в) просьбы о высылкѣ изданій Общества отъ Библіотеки Имени И. Е. Забѣлина при Московской Городской Думѣ (1-й в. «Старой Москвы») и Публичной Библіотеки русскаго «Народнаго Дома» въ Львовѣ (вообще изданія Общества).

Постановлено: выслать Забѣлинской Библіотекѣ «Старую Москву» в. 1-й, а въ Львовъ послать списокъ изданій Общества съ просьбой указать какія изъ нихъ желательны для «Народнаго Дома»;

г) препроводительныя письма при присылкѣ Обществу своихъ изданій отъ Императорской Публичной Библіотеки, Московскаго Архитектурнаго Общества, Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскаго Края и Академіи Наукъ въ Краковѣ.

Постановлено: жертвователей благодарить, а книги сдать въ Библіотеку Общества.

д) увѣдомленіе отъ Красноярскаго подъотдѣла Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. о назначенномъ на 23 февраля с. г. праздновании 25-лѣтія Красноярскаго Городского Музея.

Постановлено: послать привѣтственную телеграмму.

3. предсѣдатель доложилъ письмо управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи проф. Д. В. Цвѣтаева относительно приготовляемыхъ къ Псковскому Съѣзду изданіяхъ Архива, заключающихъ въ себѣ матеріалы по исторіи Пскова, всего въ количествѣ 4 томовъ, изъ коихъ 2 выйдутъ въ свѣтъ ко времени Съѣзда, матеріалъ же для остальныхъ томовъ будетъ частью доложенъ на Съѣздѣ въ видѣ рефератовъ.

Въ дополненіе къ этому письму И. С. Бѣляевъ ознакомилъ съ предположеннымъ содержаніемъ этихъ 4 томовъ. Въ I т. будетъ напечатана Писцовая книга по Пскову 1585 г.; во II т. — матеріалы разряднаго приказа 1580—1730 гг.; росписные списки по Пскову, документы, касающіеся Псковскихъ стѣнъ и укрѣпленій, а также Псковскаго бунта 1580 г.; въ III т. — матеріалы, касающіеся церковной жизни Пскова и въ IV т. — крѣпостное и крестьянское землевладѣніе въ Псковѣ. Кромѣ того, И. С. Бѣляевъ выразилъ готовность представить на Съѣздъ и докладъ по исторіи Новгорода по даннымъ Архива.

Постановлено: благодарить проф. Д. В. Цвѣтаева и И. С. Бѣляева.

4. Архимандритъ Единовѣрческаго монастыря о. Никаноръ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ «Пуговицы на древне-русскихъ поручахъ какъ инсигніи».

Постановлено: благодарить за интересное сообщеніе и напечатать его въ изданіяхъ Общества.

5. А. И. Колмогоровъ прочиталъ сообщеніе о «Раскопкахъ кургановъ въ Бѣлоозерскомъ у., Новгородской губ. лѣтомъ 1913 г.». Докладъ сопровождался демонстраціей діапозитивовъ. Кромѣ археологическихъ работъ, докладчикъ произвелъ въ этой мѣстности обслѣдованіе живущаго тутъ и уже вымирающаго и ассимилирующагося крымскаго племени «вепсы»-чухарей. Эта часть доклада уже напечатана въ сборникѣ, посвященномъ Д. Н. Анучину.

Постановлено: принести искреннюю благодарность докладчику за сообщеніе и просить его обработать всѣ его поѣздки въ одно цѣлое.

Послѣ чего обыкновенное засѣданіе было закрыто.

Приложеніе къ протоколу № 780.

Отчетъ по подготовленію XVI Археологическаго Съѣзда въ Псковѣ.

Какъ извѣстно, нашъ XVI Археологическій Съѣздъ собирается въ этомъ году въ Псковѣ съ 22-го іюля по 5-е августа. Предыдущій Съѣздъ собирался въ 1911 году въ Новгородѣ и, подготовляясь со дня его закрытія къ новому Съѣзду, я ежегодно сообщалъ вамъ о тѣхъ мѣрахъ и работахъ, которыя предпринимались по подготовленію Съѣзда въ Псковѣ. Нынѣ прошу позволенія доложить о томъ, что предпринято въ истекшемъ 1913 году.

Заканчивая въ истекшемъ году второй годъ, назначенный для подготовленія Съѣзда, Московскій Предварительный Комитетъ долженъ былъ прежде всего вызвать сочувствіе въ мѣстныхъ жителяхъ и расположить ихъ къ дружной совмѣстной работѣ съ Предварительнымъ Комитетомъ. Съ этой цѣлью была составлена подробная записка, которая вмѣстѣ съ правилами Съѣзда была разослана помѣщикамъ губ. (по Памятной книжкѣ), предводителямъ дворянства, духовенству, исправникамъ и пр.

Отвѣтовъ пока получено немного: изъ помѣщиковъ отвѣтили Баронесса Фредериксъ, Баронъ Вревскій, Князь Шаховской (предводитель Холмскій), Васильковскій и фонъ-Цуръ-Мюленъ и всѣ исправники, которые вообще любезно отвѣчали на всѣ запросы, давали адреса и не отказывались отъ разсылки многочисленной переписки, съ которой безъ ихъ помощи трудно было бы справиться. Можно было бы думать, что малое количество отвѣтовъ вызывается и малымъ сочувствіемъ къ нашему дѣлу, но позволяю себѣ на этотъ разъ въ этомъ усомниться, ибо многіе отвѣчали прямо въ Псковъ, а другіе, не отвѣчая письменно, заявляютъ о своемъ соучастіи и о вещахъ, которыя могутъ представить на выставку.

Усердно работаетъ и Псковское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета подъ предсѣдательствомъ Вице-Губернатора В. Н. Крейтона: по собраннымъ по губерніи свѣдѣніяхъ составляется Археологическая карта губерніи; собираются свѣдѣнія и предметы для выставки; приготовлено для нее очень хорошее помѣщеніе — въ залахъ Художественнаго Училища имени фонъ-деръ-Флитъ; облюбовано помѣщеніе для Съѣзда въ мужской гимназіи; подготовляются раскопки во время Съѣзда и ведутся въ продолженіе всего времени, мѣстными членами, раскопки въ разныхъ мѣстахъ для возможно полнаго ознакомленія съ древностями края.

Главнымъ работникомъ Псковскаго Отдѣла является, извѣстный многимъ изъ насъ и въ высшей степени симпатичный и дѣятельный секретарь мѣстнаго Археологическаго Общества, Николай Ѳомичъ Окуличъ-Казаринъ: онъ ведетъ всю переписку, составляетъ Археологическую карту, собираетъ вещи для выставки, завѣдуетъ постройкой Художественной Школы и настоялъ на ея оборудованіи ко времени Съѣзда, вѣдаетъ фотографическими снимками съ памятниковъ древности какъ въ самомъ городѣ, такъ и по губерніи и вообще не отказываетъ ни въ ка-

кихъ справкахъ, отвѣтахъ и пр. Онъ же приготовилъ и издалъ новый провѣренный и исправленный путеводитель по Пскову и Выпускъ 9 трудовъ Псковскаго Археологическаго Общества, посвящаемый Съѣзду.

На выставку собираютъ со всей губерніи интересный церковный отдѣлъ; на нее же попадетъ большая часть Плюшкинскаго собранія, значительная коллекція мѣстнаго собирателя Александрова и всѣ предметы, добытые за послѣдніе три года изъ раскопокъ по Псковской губерніи.

О раскопкахъ, произведенныхъ Іос. Кард. Линдеманомъ, Вѣрой Влад. Гольмстенъ, Павл. Серг. Рыковымъ, Дмитр. Ник. фонъ-Эдингомъ вамъ было уже доложено въ засѣданіяхъ Общества; сегодня вы услышите Ал. Ив. Колмогорова, а въ одномъ изъ будущихъ — Макс. Эман. Воронца — всѣ они предполагаютъ поработать и въ наступающемъ лѣтѣ. Изъ Псковичей интенсивнѣе другихъ по раскопкамъ и разслѣдованію могильниковъ и кургановъ работаетъ, какъ сказано выше, Вице-Губернаторъ Вл. Ник. Крейтонъ; отчетъ о своихъ работахъ онъ обыкновенно печатаетъ отдѣльными брошюрками. Нынѣ же, отвѣчая на мой запросъ, касательно западной части Островскаго уѣзда, куда, по словамъ Павл. Серг. Рыкова, его не пустили, сохраняя его якобы для Вице-Губернатора, онъ отвѣчаетъ мнѣ отъ 28-го января слѣдующимъ письмомъ:

«Вы спрашиваете, возможно ли надѣяться, что я или кто-либо другой изъ членовъ Псковскаго Археологическаго Общества возьметъ на себя обслѣдованіе западной части Островскаго уѣзда. Къ сожалѣнію могу дать только отрицательный отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что среди насъ никто не имѣетъ достаточной подготовки для подобной работы. Единственный, кто взялся бы за это обслѣдованіе, это я, но я, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, не имѣю возможности довести дѣло обслѣдованія этого края въ полномъ объемѣ и въ лучшемъ случаѣ могъ бы изучить одинъ-два пункта. Кстати долженъ сказать, что мною уже намѣченъ одинъ пунктъ въ этомъ раіонѣ, именно дер. Бѣлуша, откуда въ музей поступили крайне любопытныя вещи, и уже прошло два года, что я никакъ не могу попасть туда, хотя не разъ назначалъ даже день отъѣзда.

Въ то же время, какъ я убѣдился изъ моихъ развѣдокъ въ 1912 и въ 1913 годахъ, памятники первобытной археологіи въ Псковской губерніи настолько многочисленны и разнообразны, что обслѣдованіе ихъ займетъ очень много времени и потребуетъ сложной работы не въ двухъ трехъ пунктахъ, а во многихъ. Въ прошломъ году на разстояніи какихъ-либо семи верстъ мною обнаружено девять пунктовъ, представляющихъ археологическое значеніе, при чемъ всѣ памятники разнородные, не позволяющіе ограничиться изслѣдованіемъ какого-либо одного изъ нихъ. Въ текущемъ году мои развѣдки и раскопки въ Печерскомъ краѣ дали еще болѣе интересныя данныя, при чемъ въ двухъ случаяхъ результаты изслѣдованій представляютъ нѣчто совершенно новое въ археологіи: неизвѣстный доселѣ обрядъ погребенія съ трупосожженіемъ въ кругѣ изъ камней въ длинной могилѣ, сближающій эти могилы съ жальническими погребеніями, и единственный въ своемъ родѣ, глиняный погребальный сосудъ, сдѣланный спеціально для трупосожженія и поражающій своими не встрѣчавшимися ранѣе размѣрами — восемь съ половиною вершковъ высоты и девять вершковъ въ діаметрѣ горла. Этотъ сосудъ склеенъ и красуется уже въ Музеѣ. Я запоздалъ въ этомъ году нѣсколько съ моимъ отчетомъ о раскопкахъ, но на дняхъ онъ выйдетъ изъ печати и тотчасъ же будетъ препровожденъ Вамъ.

Такимъ образомъ я уже по опыту знаю, что Псковская земля такъ богата стариной, что на обслѣдованія западнаго раіона Островскаго уѣзда потребуется столько времени, сколько я навѣрно не буду въ состояніи удѣлить. Въ лучшемъ случаѣ я надѣюсь побывать наконецъ въ Бѣлушѣ, гдѣ возможно ожидать напасть на могильникъ латышей IX вѣка, по крайней мѣрѣ на это подаютъ надежду доставленныя оттуда массивные мѣдныя гривны въ стилѣ тѣхъ, какія найдены въ Псковѣ при постройкѣ земской больницы.

На-дняхъ было у насъ засѣданіе Предварительнаго Комитета, о которомъ Вамъ будетъ подробно писать Николай Фомичъ. Съ своей стороны только вкратцѣ скажу, что мы подыскали въ своей средѣ, выражаясь бюрократическимъ слогомъ, четыре подкомиссіи, въ составъ которыхъ избрали лицъ, выразившихъ желаніе работать Это вовсе не означаетъ, что комитетъ попросту свалилъ съ себя свои обязанности. Необходимо было поручить дѣло такимъ лицамъ, которыя выбрали бы себѣ дѣло по вкусамъ. Такимъ образомъ было образовано четыре отдѣла. Въ каждый изъ нихъ прежде всего вошли мы съ Николаемъ Фомичемъ, остальной составъ разный. Отдѣлы: 1) выставочный, 2) хозяйственный, 3) по устройству осмотровъ и поѣздокъ и 4) внѣшняго церемоніала. Засѣданія Предварительнаго Комитета будутъ происходить періодически, не рѣже, какъ два раза въ мѣсяцъ, и на нихъ будетъ обсуждаться то, что сдѣлано отдѣлами. 31-го соберутся поговорить о выставкѣ, а 6-го опять засѣданіе Предварительнаго Комитета.

У насъ въ Псковѣ въ настоящее время происходитъ губернское земское собраніе. Агитирую среди гласныхъ, чтобы подумали о Съѣздѣ. Пока намѣренія еще не выяснились».

Полученъ нами также Отчетъ о раскопкахъ въ Лужскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи поручика Артилер. дивизіи Щетиникова, который напечаталъ въ Вып. 9 трудовъ Псков. Археол. Общества, о которомъ упоминали выше.

По части обслѣдованія Церковныхъ древностей Обществу уже доложено о тѣхъ поѣздкахъ и изысканіяхъ, которыя были предприняты въ 12-мъ году членами Псковскаго Церковно-Археол. Общества. Въ 13-мъ году поѣздки эти продолжались и преслѣдовали тѣ же цѣли: изученія древностей и собиранія свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, которые желательно было получать для Выставки.

Въ томъ же направленіи работаетъ и одинъ мѣстный любитель Георгій Мих. Казаковъ, представившій слѣдующую программу своихъ работъ:

«1. Древнія надписи на плитахъ, колоколахъ и прочихъ предметахъ, послѣдовательно до XIX ст., и представляющихъ интересъ по исторіи искусства, предполагаю воспроизвести эстампажами.

2. Находящіеся на иконахъ и другихъ предметахъ лѣтописи, надписи и автографы, относящіеся къ Псковской письменности — снять фотографически.

3. Изслѣдовать Св. Чудотв. иконы, опредѣлить время и интересъ ихъ и выяснить, что слѣдовало бы сдѣлать для ихъ сохранности.

4. Постараться выяснить, какіе памятники уцѣлѣли въ связи съ исторіей Пскова, съ изображеніемъ Св. Князей, Царей и другихъ сподвижниковъ, описаль и сдѣлать съ нихъ снимки.

5. Выяснить, какими владѣетъ Псковская область памятниками древней иконописи и что способствовало и дало возможность развить отличительный пошибъ псковской художественной иконописи, что далъ Пскову конецъ XVII ст., когда на Руси чувствуется нѣкоторый упадокъ въ иконописномъ искусствѣ и прослѣдить, насколько западное вліяніе вытѣснило своими грубыми образцами иконописное искусство.

6. Изучить иконный уборъ, украшенія и прочіе предметы — чеканку, гравировку, роспись, орнаментику, древнее шитье и по возможности архитектуру и церковное зодчество.

7. Если хватитъ время, то сфотографировать во Псковѣ, Островѣ и другихъ мѣстностяхъ: стѣны, башни и укрѣпленія».

По части древняго зодчества работаетъ и Кіевскій профессоръ Гр. Гр. Павлуцкій: онъ принялъ на себя обработку одной части фотографій, снятыхъ съ памятниковъ Новгородской губ.; съ цѣлью провѣрить на мѣстѣ свои впечатлѣнія онъ посѣтилъ весною гор. Устюжну и ближайшія отъ нея части уѣзда и готовитъ на основаніи своихъ наблюденій рефератъ ко Псковскому Съѣзду. Кромѣ того, онъ провелъ нѣкоторое время въ самомъ Псковѣ и приготовляетъ сообщеніе о Псковской архитектурѣ и древней русской басмѣ.

Работаетъ по части Псковской и Новгородской архитектуры и нашъ сочленъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской архитектуры, Ѳед. Ѳед. Горностаевъ.